

СИБИРСКАЯ ССЫЛКА

Сборник научных статей
Выпуск 5 (17)

Иркутск
2003

ББК ТЗ(2П5)-49
УДК 9(57)

Ответственные редакторы:
Иванов А.А.
Шостакович Б.С.

Редакционная коллегия:
Андреев В.М., Кузнецов С.И., Курас Л.В., Мошкина З.В.,
Петрушин Ю.А.

Сибирская ссылка: Сборник научных статей. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2009. – Вып. 5 (17). – 624 с.

ISBN 978-5-93219-232-0

ISBN 978-5-93219-232-0



© Издательство «Оттиск», 2009

Предисловие

Уважаемые коллеги!

Перед вами очередной выпуск сборника научных статей «Сибирская ссылка». Задуманное в начале 1970-х годов и посвященное ссылным революционерам (в основном, большевикам), сегодня это издание заметно расширило свою проблематику. Это – не случайное явление. Редакционная коллегия стремится к исследованию сибирской ссылки не обособленно, а в контексте становления и развития пенитенциарной системы Российского государства в целом. Считаем, что только так можно воссоздать достаточно полную и объективную историю произошедших событий, всесторонне рассмотреть и оценить роль этого явления.

Исходя из комплексного подхода к изучению истории каторги и ссылки, редакция в этом выпуске значительно расширила и временные границы исследуемой темы. Вот почему в данном сборнике появились статьи и о пребывании декабристов в нашем крае, их публицистической и научной деятельности. Эта проблематика присутствовала в первых номерах «Ссылных революционеров в Сибири», однако затем, в силу многих причин, в основном субъективного характера, была выпущена из поля зрения редакционной коллегии. Отрадно видеть, что сегодня история декабристской ссылки вновь присутствует на страницах этого издания.

Надо подчеркнуть и то, что изучение истории политической ссылки в Сибирь далеко от своего завершения. До сих пор нет обобщающего исследования пребывания и деятельности ссылных революционеров в масштабах всей Сибири, а также страны – ведь существовала же, помимо сибирской, и Архангельская, и Вологодская ссылки, и удаление противников режима на Кавказ. Считаю также, что именно сегодня, в условиях, когда историческая наука освободилась от прошлых идеологических наслоений (обретая, впрочем, новые), есть все условия для подлинного изучения, например, ссылки большевиков, их отноше-

ний с представителями других партий, роли в местном общественно-оппозиционном движении.

История политической ссылки неотделима и от ссылки уголовной. Существенно отличаясь порядком этапирования и содержания арестантов, обе ссылки имели и общие черты, преследовали цель максимальной изоляции и удаления преступников. Немаловажно и то, что в период «массовой ссылки», когда в революционное движение 1905–1907 гг. было вовлечено много случайных элементов, на местах поселения нередко трудно было отличить уголовного ссыльного от «политика». К тому же, говоря о формировании сибирского общества, надо учитывать влияние на него различных «ссылочных потоков» – как криминального, так и революционного.

Истории уголовной ссылки в сборнике отведено значительное место. Это – относительно новое направление в современной историографии. Каторга уголовных преступников активно изучалась в дореволюционный период, тогда проводились международные конгрессы тюрьмоведов, известны, и до сих пор не утратили своей научной ценности, десятки, а то и сотни монографий и статей в специальных журналах. В советское время изучение уголовной ссылки было затруднено, стало уделом лишь узкого круга криминалистов. Сегодня специалисты этой темы, прежде всего анализируют законодательную базу пенитенциарной системы, а также правовое положение заключенных и ссыльных. Думается, что это закономерное начало. Впрочем, наличие отлично разработанной законодательной основы, не означало автоматического существования хорошо отлаженной системы «ссылочного дела». Этого-то и не хватало сибирской ссылке.

Значительное место в настоящем выпуске отведено истории становления в Сибири структур городской полиции, ГЖУ, а также суда и адвокатуры. Советская историография рассматривала полицию и губернские жандармские управления исключительно как карательные органы, созданные для борьбы с революционным движением, оценивая их деятельность неизменно негативно. Авторы сборника постарались отойти от этой традиции и показать кропотливую и повседневную работу этих органов по охране общественного спокойствия и порядка. К тому же надо учитывать, что борьба с революционным движением была далеко не единственным занятием данных ведомств. Полиция и

жандармы боролись еще и с уголовной преступностью, масштабы которой в Сибири, особенно в Восточной, из-за присутствия здесь ссылных, тысячами бежавших из мест водворения, были несравнимо большими, чем, скажем, в Европейской России.

Сегодня трудно представить комплексное изучение истории каторги и ссылки в Сибирь без исследования политических репрессий советского периода. Казалось бы, что общего между царской ссылкой и спецпоселениями 1930-х годов? На самом деле, общих черт достаточно много: государство практически бесплатно использовало труд лишенных гражданских прав людей, продолжалось экстенсивное освоение громадных территорий и т. д. Однако, главное, что объединяет, на наш взгляд, эти темы – и в первом и во втором случаях наказывалось инакомыслие, общество боролось с авторитарным государством и политические ссылки представляли внутренние движущие силы этой борьбы. Вот почему, эти темы неразрывны, требуют сквозного, планомерного исследования.

История репрессивной политики советского государства представлена в данном сборнике рядом разноплановых исследований. Авторы подробно изучают масштабы и географию спецпереселений, депортационную политику СССР в отношении целых народов, их дальнейшую жизнь в Сибири. Особая тема – репрессии среди командно-начальствующего состава Сибирского военного округа, истребление творческой и научной интеллигенции. Нашли отражение в настоящем выпуске и исследования деятельности органов суда и прокуратуры, практика рассмотрения и разрешения дел о «контрреволюционных преступлениях».

Значительно меньше в настоящем сборнике представлены исследования истории исправительных учреждений для уголовных преступников на территории региона советского периода. Скорее всего, это связано с отсутствием в свободном доступе необходимого архивного материала и статистических данных. Тем большую ценность представляют работы, посвященные современному состоянию системы исполнения наказаний.

Наконец, следует отметить возросший интерес специалистов истории пенитенциарной политики российского государства в Сибири к историографическим и источниковедческим проблемам данной темы. В сборнике представлены исследования некоторых аспектов советской историографии ссылных социал-де-

мократов, тематической периодической печати, даны проблемные обзоры документальных источников. Усиление внимания к историографии этой проблематики вполне закономерно и свидетельствует о глубоком осмыслении и широком обобщении авторами накопленного материала. А это, в свою очередь, вселяет надежды на создание в обозримом будущем обобщающих «сквозных» исследований по истории нашей темы в целом.

Отдельный раздел сборника посвящен 110-летию со дня рождения Федора Александровича Кудрявцева. Ф.А. Кудрявцев, наряду с Б.Г. Кубаловым, был одним из зачинателей исследования проблем каторги и ссылки в Сибирь в нашем регионе. Этой теме он посвятил ряд статей, а также монографию «Александровский централ», основные положения которой не утратили своего научного значения и по сей день. Вот почему редакционная коллегия сочла вполне уместным и необходимым поместить в этом выпуске материалы «круглого стола», посвященного юбилею исследователя, а также несколько материалов о его жизни и творчестве.

Увеличение круга исследуемых проблем привело и к расширению географии представленных исследований. С удовлетворением хочется отметить, что в сборнике впервые за многие годы помещены материалы наших коллег из Санкт-Петербурга, Караганды, Барнаула, Томска и Омска. Наконец, изменился и состав редакционной коллегии. В неё вошли специалисты из Республики Бурятия, Читы, а также иркутские исследователи репрессивной политики советского государства.

Надеемся, что настоящий 17-й выпуск «Сибирской ссылки» вызовет интерес у специалистов, послужит объединяющим началом для всех, интересующихся этой темой, даст импульс к дальнейшему изучению данной обширной научной проблемы.

А.А. Иванов

Проблемы источниковедения и историографии истории сибирской ссылки

Шостакович Б.С.

Документальные источники по истории политической ссылки поляков в Сибирь до 1917 г. в архивах региона: современная оценка состояния и задач их научного освоения

Несмотря на усилившееся в последнее время внимание к привлечению документальных первоисточников в исследованиях истории пребывания и деятельности поляков в восточных регионах России, в научной разработке последних все еще остаются не решенные надлежащим образом важные проблемы. Следует признать, что сосредоточенные в сибирских архивохранилищах обширные и весьма содержательные документальные материалы, по истории поляков в этом регионе, к сожалению, до сих пор остаются еще во многом малоизвестными и не изученными в полной мере. Главное же, по мнению автора этого очерка, состоит в том, что по настоящее время в среде специалистов все еще отсутствует сколько-нибудь осознанное стремление к следованию унифицированной, системной научной концепции критериев и методов выявления, анализа и освещения указанных групп источников. Еще менее среди авторов, обращающихся в последний период к документальным исследованиям по польско-сибирской проблематике, наблюдается осознанное, а тем более сколько-нибудь скоординированное соблюдение принципов выполнения своих собственных работ в русле следования прежде достигнутым результатам и наработкам в отношении источников из сибирских архивохранилищ. Последние давно уже были надлежащим образом введены в научный оборот в специальных публикациях и, казалось бы, как это повсемест-

но принято в научной практике, должны приниматься в качестве исходной базовой основы в дальнейшей разработке источников по истории политссылки поляков в Сибирь. Высказанная оценка преимущественно относится к отечественным источниковедению и историографии названной темы, но в хотя и заметно меньшей мере, затрагивает она и таковые же польские.

Для пишущего эти строки является вполне очевидным, что в указанном подходе к научному освоению документальных источников по сибирско-польской истории в значительной степени отразилось существенное влияние доминировавшего в отечественной историографии (в послевоенный советский период) и во многом оставшегося устойчивым стереотипом представлений многих современных отечественных историков, о сущности данной польско-сибирской темы (и в том числе методологии ее исторической реконструкции) в целом. Суть последней в кратком изложении может быть представлена следующим образом.

В советской историографии вся история поляков в сибирском регионе, во-первых, неизменно рассматривалась упрощенно – как история, относящаяся исключительно к политической ссылке (само по себе это вполне объяснимо, хотя и не меняет искажения объективной сути проблемы). Основная ценность и значимость данной темы определялась по некоей «революционной» ее составляющей, которая характеризовалась по преимуществу в русле так называемых «русско-польских революционных связей» (формулировка, прочно утвердилась в советской историографической традиции 1960–1970-х гг. и вскоре приобрела официальный идеолого-пропагандистский оттенок). Во-вторых, в уже упомянутом виде непосредственная польско-сибирская история (толкуемая исключительно в качестве полного синонима истории польской политссылки) отечественными исследователями рассматривалась до начала 1970-х гг. как своего рода маргинальное сюжетное дополнение к некоей пресловутой «основной, общероссийской истории сибирской ссылки»¹.

¹ Подробнее и шире указанная проблема рассмотрена автором в его докторской диссертации. См.: Шостакович Б.С. Узловые вопросы истории поляков в Сибири (конец XVIII – конец XIX в.). Дис. в форме науч. докл. на соиск. уч. ст. д-ра ист. наук: всеобщ. истор.: – М.: РАН. Ин-т славяноведения и балканистики, 1997. – 52 с. По тому же поводу см. также: Шостакович Б.С. «Сибирско-польская» история и современ-

Подобная трактовка была догматизирована и укоренилась в широком советско-российском общественно-культурном восприятии и по настоящее время все еще не изжита в сознании подчас даже специалистов-сибиреведов, несмотря на складывающиеся с конца 1960-х гг. новые тенденции российских научных разработок указанной темы. Парадоксально, но даже такое, казалось бы, совершенно очевидное, реальное обстоятельство, что до конца 70-х годов XIX в. подавляющее большинство всего контингента политссыльных Сибири, включая и общественно активную их среду, формировали именно ссыльные участники польского освободительного движения, не повлияло на сколько-нибудь заметную корректировку утвердившегося одностороннего толкования польско-сибирской темы отечественными историками Сибири. Данный непреложный факт до недавнего времени открыто игнорировался в большинстве их исследований¹.

Нам представляется, что именно из отмеченных заведомо предвзятых схоластических установок во многом проистекало и очевидное невнимание к богатейшим сибирским документальным

ный взгляд на ее содержание, задачи изучения и популяризации // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы: сб. материалов междунар. науч. конф., Иркутск, 11–15 сентября 2000 г. – Иркутск, 2001. – С. 28 – 36.

¹ В качестве чрезвычайно показательного не столь давнего примера подобного рода «дискриминационного» восприятия истории поляков в Сибири может служить выпущенный в конце 1960-х годов коллективный многотомный труд «История Сибири». В советской историографии он неизменно фигурировал в качестве эталонного образца и своего рода определенного рубежного итога всех ее достижений накануне последней трети XX в. В контексте указанного сводного труда, освещающего весь период первой половины XIX в., рассматриваемая нами тема затронута буквально вскользь. Так в томе 2-ом названного труда относительно эпохи после 1830–1831 гг. говорится дословно следующее: «В Сибирь потекли новые потоки ссыльных – участников народных движений, в том числе польские повстанцы». Данная фраза авторами в контексте указанного тома «Истории Сибири» дополнена еще лишь 1,5 абзацами, содержащими исключительно одно краткое резюме событий готовившегося польскими политическими ссыльными в 1833 г. так называемого «Омского заговора» (восстания). Этим авторы названного тома полагают возможным окончательно исчерпать всю многообразную тематику «польско-сибирской истории» (см.: История Сибири. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. – Л: Изд-во «Наука», 1968. – С. 474 – 475).

источниковым комплексам по проблематике сибирско-польской истории в дореволюционный период. Закономерным следствием сказанного оказывается, в частности, и то, что до настоящего момента отсутствуют хотя бы какие-либо специализированные публикации документов из сибирских архивов по рассматриваемой теме. Единственным, хотя и несколько специфичным исключением из сказанного, можно признать появившееся более 40 лет назад издание (выпущенное под патронатом Тюменского гособлархива (ГАТО) содержательного очерка о ссылке в Тобольский край участников Январского (1863 г.) восстания. Указанное региональное сибирское научное издание было в своей основе построено на материалах Тобольского филиала ГАТО¹. Однако даже и оно, давно ставшее большим библиографическим раритетом, по чисто формальному определению все-таки не является собственно сборником архивных документов по рассматриваемой теме. К тому же это скромное по размеру издание в сущности не дает сколько-нибудь адекватного представления (хотя бы в самой минимальной мере) о ценнейшем, но почти не исследованном документальном массиве по сибирско-польской проблематике, сосредоточенном хотя бы непосредственно в самом Тобольском архиве, в особенности за период первой половины XIX в.².

Между тем все основные сибирские архивохранилища содержат весьма обширные комплексы оригинальных документальных источников по истории поляков в Сибири. Действительно, таковые прежде всего выделяются архивными документами, относящимися к различным периодам продолжительной политической ссылки поляков в Сибирь. Они охватывают эпоху сибирских репрессий, применявшихся царским режимом против участников как основных польских освободительных восстаний, так и различных конспиративных польских патриотических организаций

¹ Участники польского восстания 1863–1864 гг. в Тобольской ссылке. – Тюмень, 1963. – 76 с.

² Другое вышедшее в то же самое время издание источников по эпохе Январского польского восстания, хотя и много больше по объему и к тому же в нем нашли отражение отдельные аспекты сибирской ссылки поляков, не может, однако же, быть принято в расчет в данном случае, поскольку целиком составлено из источниковых данных центральных архивов. (См.: Восстание 1863 года. Материалы и документы. Русско-польские революционные связи. – М.: Наука, 1963. Тт. 1 – 2).

и групп, а позднее – также и революционных партий и движений, охватывающих хронологический период в общей сложности от конца XVIII в. до октябрьского переворота 1917 г.

В процессе своей многолетней научно-исследовательской практики автор данного очерка неоднократно выдвигал и формулировал прикладные задачи проведения анализа и по сибирско-польской проблематике. В основу нынешнего очерка положены две предшествующие наиболее многосторонние разработки автора по данному вопросу. Первая из них является публикацией доклада автора, помещенной в весьма малотиражном издании, в первую очередь ориентированном на полонийную научную среду. Поэтому она оказалась практически недоступной для широкой отечественной научной общественности. К тому же последняя и сама по себе в целом, как это уже ранее отмечено нами, в условиях современного широкого и слабо скоординированного потока новой научной информации не склонна и не в состоянии проявлять сколько-нибудь заметное внимание к подобного рода «новейшим научным раритетам»¹. Другая совсем недавняя работа автора по той же теме непосредственно предшествовала настоящему его очерку. Однако появилась она в Польше, на страницах научного сборника, посвященного юбилею крупной польской специалистки в сфере сибирско-польской истории, между прочим, публиковавшейся некогда и на страницах данного сборника – профессора Виктории Сливовской. В связи со спецификой отмеченного издания и эта помещенная в нем работа вновь оказалась объективно вне поля зрения российских историков-сибиреведов².

А параллельно и в очевидной логической взаимосвязи с таким, скажем прямо, недостойным научным сообществом небрежением к результатам новейших перманентных источниковед-

¹ Шостакович Б.С. Источники по сибирской истории поляков до 1917 года в архивах Сибири: перспективы их изучения // *Polonia w Rosji: historia i dzień dzisiejszy. Materiały Międzynarodowej Konferencji Naukowej z okazji 10-lecia Odrodzenia Ruchu Polonijnego w Rosji (listopad 1999). Kongres Polaków w Rosji. Stowarzyszenie «Wspólnota Polska»*. – М.[осква], 2000. – С. 118–125.

² Шостакович Б.С. Источники по сибирско-польской истории до 1917 г. в региональных архивах Сибири: итоги и перспективы их научного освоения // *Zesłańcy postyczniowi w Imperium Rosyjskim. Studia dedykowane Profesor Wiktorii Śliwowskiej*. – Wyd-wo KUL.Instytut Historii PAN. – Lublin – Warszawa, 2008. – С. 337–349.

ных исследований в рассматриваемом тематическом ракурсе собственного коллеги по «научному цеху», – заявила о себе (в открытую, от имени этого самого сообщества, под грифом единственного на всю Сибирь гуманитарного научного института СО РАН, а к тому же еще и на деньги главного общероссийского научного фонда в гуманитарной области!) **диаметрально противоположная тенденция в источниковедении и историографии рассматриваемой темы.** Данный подход продемонстрирован группой авторов очерковой публикации, претенциозно оформленной ими в качестве некой законченной монографии по рассматриваемой теме¹. Вопреки очевидности давнего существования обозначенного в начальной части настоящего очерка цикла научных публикаций по рассматриваемой теме, закономерно предполагающих дальнейшее их продолжение и развитие, авторы указанного издания обнаружили полную свою неосведомленность не только с ним, но и в более широком плане – со всей современной историографией темы. Столь поразительная некомпетентность авторов, отнюдь не стала для них препятствием в изложении и широком распространении в форме указанного собственного «монографического издания» не менее шокирующей самодельной «конструкции» темы, с позиций современных объективных научных знаний о последней выделяющейся крайним упрощенчеством на грани с прямой вульгаризацией и фальсификацией. По данному поводу автор уже выступал рецензентом на страницах предшествующего выпуска данного научного сборника по тематике сибирской ссылки². Но, как уже повелось в последнее время в отечественной историографии, по данной злободневной теме до сих пор не последовало никаких иных известных автору откликов.

На взгляд автора, все вышеизложенное убеждает в настоятельной необходимости возвращения в новом, очередном выпуске

¹ Ссылочные поляки в Сибири: XVII, XIX вв. Исследования и материалы. – [Болонев Ф.Ф., Люцидарская А.А., Шинковой А.И.] / Отв. ред. Болонев Ф.Ф. – Новосибирск, 2007. РАН СО Ин-т археологии и этнографии – Гос. архив Иркут. обл. – 228 с.

² Шостакович Б.С. Реанимация в XXI-ом столетии архаического восприятия века XIX-го истории политической ссылки поляков в Сибирь: Работа над ошибками (Рецензия) // Сибирская ссылка. Сб. научн. ст. Вып. 4 (16). – Иркутск, 2007. – С. 515–525.

сборника «Сибирская ссылка» к более развернутому изложению основного видения автором главных достижений к настоящему моменту в разработке темы, обозначенной в заглавии очерка, и к логически вытекающим из таковых же конкретным, наболевшим и крайне актуальным ее задач, диаметрально противоположных уже давно изжитым архаичным, однобоким толкованиям темы, подобным тем, которые, к сожалению, ныне провозглашены новосибирскими авторами упомянутой псевдонаучной «монографии». Именно совокупность изложенных обстоятельств и определяет необходимость создания данного очерка

Переходя далее уже к непосредственной конкретике регионального архивоведческого источниковедения темы сибирских поляков до 1917 г., автор хотел бы напомнить читателям очерка о давно уже принятом и осуществляемом им в собственных конкретно-прикладных исследованиях подразделении всего массива существующих сибирских архивных источниковых материалов на три основные группы.

К первой из подобных групп следует отнести обширную, регулярно осуществлявшуюся в изучаемую эпоху официальную переписку всех инстанций сибирской и центральной администрации в связи с регулярным сбором на местах текущей информации о сосредоточении и пребывании там польских политссыльных. Ее результатом явилась последующая концентрация указанных данных в высших сибирских региональных (по Западной и по Восточной Сибири) и центральных российских административных учреждениях. Таким образом, периодические (ежемесячные и так называемые «третейные», то есть, по третям года, как было принято в дореволюционный период разделять годичный цикл) отчетные рапорты и донесения с соответствующими сведениями (представлявшимися по официально установленной обязательной форме – в виде последовательного ряда неизменно рубрицируемых данных персонально о каждом ссыльном), регулярно направлялись по инстанциям местной и центральной российской администрации.

Опираясь на установленные в такого рода источниках данные, оказывается возможным подчас выяснить другие актуальные и до недавнего времени представлявшиеся трудноразрешимыми вопросы. Например, польский ученый, доктор Ян Трынковский, как он сам указывал в одной из бесед с автором данных

слов, дополнительно сверял по этим сведениям свою основанную на тщательном анализе текста огромной монографии о «Забайкальском крае в Сибири» известного деятеля польского освободительного движения и политссыльного на принудительную военную службу в забайкальские Нерчинские батальоны Агатоном Гиллером версию о том, как на практике осуществлялся последний сбор материалов для своего будущего внушительного труда, положившего начало сибирско-польской историографии¹. Достаточно широко опирается на аналогичные материалы и крупный польский исследователь той же проблематики, проф. Викторья Сливовская². Сам автор этих строк столь же регулярно и систематизировано использует данный тип источников в своих исследованиях, в том числе и в главной монографии по теме, опубликованной в середине 1990-х годов³.

Наряду с отмеченным первым типом архивных документальных источников в сибирских архивах достаточно значительно представлены и материалы второй группы источников. К ним относятся документы официальной переписки различных инстанций царской администрации об отдельных конкретных ссыльных участниках польского освободительного движения. Именно указанная группа источников позволяет с наибольшей достоверностью устанавливать непосредственные фактические сведения о повседневной жизни и быте польских ссыльных в Сибири, о их личных судьбах, занятиях, отношениях с местным населением и о многом ином. В этом смысле, данная группа источников несет в своем конкретном содержании немало своеобразного, подчас и весьма неожиданного.

К третьему типу источников относятся мемуарные и эпистолярные неопубликованные материалы по рассматриваемой

¹ Сама работа, в которой упомянутым польским исследователем затронута данная тема, следующая Trynkowski J. Agaton Giller i jego Opisanie Zabajkalskiej krainy // Studia Łomżyńskie. T. 5. Łomża, 1995. – S. 55.

² Красноречивым примером такого рода фундаментальной работы, является подготовленный этой польской ученой биографический словарь «Польские ссыльные в Российской империи в первой половине XIX века»: Śliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Słownik biograficzny. – Warszawa: Wyd-wo DiG, 1998.

³ См.: Шостакович Б.С. История поляков в Сибири (XVII–XIX вв.): Учебное пособие. – Иркутск, 1995.

теме. Хотя совершенно неоспорима оригинальность и особая ценность, состоящая в присущей каждому подобному источнику уникальной, индивидуальной неповторимости, следует сразу же признать и подчеркнуть, что наличие источниковых материалов из последней группы оказывается много менее значительным в региональных архивах Сибири, как, впрочем, и во всех иных архивах России. Здесь необходимо указать, что таким типом источников, как многократно отмечал автор данного очерка в своих предшествующих исследованиях, богаты рукописные отделы библиотек и архивных учреждений Республики Польша.

Безусловно, источники личного происхождения обладают спецификой, предполагающей критическое к ним отношение исследователей и использование в работе с ними ряда определенных приемов. Вместе с тем материалы данной группы – это, образно говоря, совершенно еще не тронутая и не вовлеченная в научный оборот богатейшая, источниковая «целина». Она содержит массу неучтенных в основной отечественной специальной литературе фактических данных как по конкретной истории поляков в Сибири, так, собственно, и по более широкому тематическому диапазону сибиристики в целом. Автор мог бы подробно аннотировать выявленные им ценнейшие неопубликованные источниковые комплексы такого рода, но рамки данного очерка не позволяют сделать это. В данном случае возможно лишь отослать читателей к многочисленным публикациям автора по данному вопросу¹.

В настоящее время уже можно заключить, что рассмотренный цикл источниковедческих исследований материалов ГАИО, хотя и далеко еще не во всем завершен, однако и в подобном виде уже может служить моделью дальнейшего осуществления последних. Одновременно он же становится и базовой документальной основой для проведения системной интегральной работы по истории польской политической ссылки

¹ Характерным примером такого рода публикации может служить раздел документальных материалов: [Шостакович Б.С.] Гуманитарный аспект научного мировоззрения Бенедикта Дыбовского и его отражение в сибирском наследии ученого // Бенедикт Дыбовский – ученый, патриот, гуманист // Бенедикт Дыбовский / под ред. проф. О.М. Кожовой и проф. Б.С. Шостаковича, НИИ биологии при ИГУ. – Новосибирск, 2000. – С. 89–102.

первой половины XIX века в регионе¹. Не случайно, сразу же

¹ Необходимо напомнить читателям очерка, что материалы систематизированных обзоров источников по истории ссылки в Сибирь участников польского освободительного движения первой половины XIX в. по архивам Восточной Сибири поэтапно публиковались в первой серии научного сборника «Ссылные революционеры в Сибири», который развивает нынешнее издание сборника «Сибирская ссылка». В частности, к ним относятся работы: Шостакович Б.С. Ссылные участники экспедиции Юзефа Заливского в Восточной Сибири (по материалам Государственного архива Иркутской области) // СРС. 1980. – Вып. 5. – С. 20–51; он же. Материалы восточно-сибирских архивов о ссылных участниках организации Петра Сцегенного и связанных с ней польских конспиративных групп первой половины XIX века // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февр. 1917 г.). – Иркутск, 1982. – Вып. 7. – С. 21–37; он же. Материалы Государственного архива Иркутской области о пребывании в Восточно-Сибирской ссылке свентокшижцев – участников Варшавской организации «Содружество польского народа» // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февр. 1917 г.). – Иркутск, 1983. – Вып. 8. – С. 61–69; он же. Ссылные поляки – участники тайных национально-освободительных организаций и революционных движений 1848 года – в Восточной Сибири (в отражении документов Государственного архива Иркутской области) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февр. 1917 г.). – Иркутск, 1987. – Вып. 10. – С. 28–50.

^к перечисленным материалам примыкает также и специальный раздел с обзором истории сибирской ссылки представителей организации «Содружество польского народа» (конарщиков) по документам ГАИО, включенный в монографию: Шостакович Б.С. История поляков в Сибири... – С. 55–87.

^п параллельно такие же обзоры выходили и в Польше, в польской языковой версии, в серийном издании по документированной истории конспиративных освободительных движений первой половины XIX столетия на землях бывшей Речи Посполитой. Не ставя своей задачей приведение исчерпывающей библиографии соответствующих публикаций, в качестве примера отметим несколько типичных среди них.

^кacnelson D. «Świętokrzyżcy» na katordze nerczyńskiej (na podstawie materiałów Państwowego Archiwum Okręgu Czytyńskiego) // Stowarzyszenie Ludu Polskiego w Królestwie Polskim. Gustaw Ehrenberg i «świętokrzyżcy». – Wrocław i in.: Wyd-wo PAN, 1978; Szostakowicz B. Warszawscy członkowie Stowarzyszenia Ludu Polskiego we Wschodniej Syberii (na podstawie materiałów Archiwum Państwowego w Irkucku) // Stowarzyszenie Ludu Polskiego w Królestwie Polskim. Gustaw Ehrenberg i «świętokrzyżcy». – Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1978. – S. 148–158; он же. Materiały o polskich zesłańcach – uczestnikach spisków pierwszej połowy lat czterdziestych XIX

по опубликованию проведенных исследований, их результаты начали широко использоваться другими исследователями различных аспектов данной темы и в России, и в Польше. В связи со сказанным и с практическим игнорированием указанного цикла исследовательских работ новоявленными псевдоисследователями темы, подвергнутыми в настоящем очерке вполне объективной и заслуженной критике, автор полагает совершенно логичным и необходимым дать читателям очерка хотя бы вкратце библиографические пояснения, конкретно напоминающие, о каких, собственно, источниковедческих результатах рассматриваемой нами темы здесь ведется речь.

Работа подобного же характера получила свое частичное продолжение и развитие также при выявлении, отборе и комментировании автором очерка документов для сборника «Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга», изданном в 1993 г. в Новосибирске, в двух разделах которого представлены источниковые материалы по истории Нерчинской каторги за периоды середины 1820-х – начала 1860-х гг. и середины 1860-х – середины 1890-х гг., связанные, среди прочего, с польским контингентом среди каторжан и другими аспектами рассматриваемой в данном очерке темы¹.

wieku w archiwach Syberii Wschodniej // Rewolucyjna konspiracja w Królestwie Polskim w latach 1840-1845. Edward Dembowski. – Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1981. – S. 143 – 156; on że. Uczestnicy wyprawy J. Zaliwskiego na katordze i zesłaniu na podstawie materiałów Archiwum Państwowego w Irkucku // Społeczeństwo polskie I próby wznowienia walki zbrojnej w 1833 roku. – Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź; 1984. – S. 146–159; on że. Uczestnicy tajnych organizacji i ruchu rewolucyjnego kresu Wiosny Ludów na katordze i zesłaniu w Syberii Wschodniej (na podstawie materiałów Archiwum Państwowego Okręgu Irkuckiego) // Wiosna Ludów w Królestwie Polskim. Organizacja 1848 roku. – Wrocław; Warszawa; Kraków, 1994. – S. 116–136; on że. Materiały dotyczące uczestników konspiracji Szymona Konarskiego zesłanych na Syberię Wschodnią (1839–1857) w zasobie Państwowego Archiwum Obwodu Irkuckiego // Przegład Wschodni (Warszawa). – 1997. – T. 4, z. 4 (16). – S. 769–804.

¹ См.: Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга / Б.С. Шостакович [в числе иных специалистов участвовавших в подготовке данного издания] составитель сборника документов; ответственный за подготовку текста, публикацию и комментирование документов по рассматриваемой теме – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. – (История Сибири. Первоисточники. Вып. 2).

Параллельно автор очерка взял на себя инициативу еще одного, по его мнению, принципиально важного научного начинания, расширяющего и углубляющего возможности использования сибирских архивных первоисточников по «сибирско-польской» теме. Несколько лет назад он выдвинул проект подготовки аннотированного указателя материалов ГАИО по сибирской истории поляков. Тогда же была начата и его реализация на сугубо общественных началах. К сожалению, эта трудоемкая и кропотливая работа пишущим данные строки до сих пор осуществляется практически в одиночку. К настоящему времени почти завершена подготовка текста первой части указателя, однако ее полное окончание сдерживается объективными организационными и материальными обстоятельствами. Несмотря на сохраняющиеся затруднения в указанном плане, автор неизменно намерен довести начатую работу до результативного финала.

Также автору представляется, что на ближайшую перспективу должна быть создана специализированная программа выявления, описания и подготовки научно-справочных материалов (с последующим их опубликованием) по основным сибирским архивам, хранящим документальное наследие польско-сибирской истории. Координирование такого рода работы могло бы осуществляться специальной группой специалистов-исследователей. Цель излагаемого проекта заключается в поэтапном, системном научном выявлении, фиксировании и комментировании данного уникального источникового комплекса, его проблемно-тематическом классифицировании и соответствующей информационно-справочной обработке. На взгляд автора, проект должен осуществляться польской и российской сторонами на паритетных началах. Материалы же указанной комплексной работы следовало бы публиковать в международной издательской серии, как минимум, в двух языковых версиях (русской и польской, возможно также и английской). Весьма желательной основой подобной программы являлся бы грант с корпоративной формой спонсирования и участия в нем польской и российской сторон, с установлением плановой очередности этапов работы на ряд лет вперед. Тем самым появились бы практические условия для введения рассматриваемого богатейшего архивного достояния в широкий всесторонний научный и общественно-культурный обиход в равной мере – как в России, так и в Польше.

Излагаемая программа освоения сибирского архивно-документального источникового наследия по истории поляков в зауральском регионе была автором совершенно сознательно включена в его собственный ранее уже упомянутый очерк, предназначенный для опубликования в научном сборнике, посвящаемом профессору Виктории Сливовской¹. Общеизвестно, что уважаемая Госпожа профессор много сил отдает научной разработке архивалий, относящихся к истории российско-польских, в том числе и сибирско-польских отношений и взаимосвязей. По глубокому убеждению автора, его очерк самой интерпретацией избранной для него темы был предназначен принципиально стимулировать организационное и практическое решение выдвигаемых в нем задач. Точно такую же цель, однако ориентированную на привлечение внимания и обоснование необходимости проведения обозначенных выше архивоведных научно-исследовательских и публикационных работ в среде специалистов-историков как Сибири, так и России в целом, автор преследует публикацией настоящего очерка².

Ануфриев А.В.

Австро-венгерские военнопленные в Иркутске (обзор фондов Государственного архива Иркутской области)

Статья посвящена обзору фондов ГАИО, отражающих пребывание военнопленных австро-венгерской армии на территории Иркутской губернии и Забайкальской области в 1915-1920 гг. Автор анализирует выявленные фонды и документы и даёт их краткое описание.

¹ См. по этому поводу примеч. 6 в данном очерке и непосредственно относящийся к нему текстовый фрагмент.

² Аналогичная цель ставилась автором также и в докладе и соответствующей публикации последнего в сборнике материалов недавней конференции историков-архивистов Иркутского региона: Шостакович Б.С. Об актуальности аннотированного указателя материалов ГАИО по истории политической ссылки поляков в Восточную Сибирь до 1917 г. // Сибирский архив: Архивные документы. Публикации. Факты. Комментарии. Научно-популярный историко-краеведческий сборник. Вып. 4. – Иркутск, 2008. – С. 18–28.

История первой мировой войны изучена достаточно подробно, однако ряд её аспектов ещё мало изучен. Одним из мало изученных аспектов является вопрос о пребывании и бытовой жизни в России военнопленных. В последние годы появилось достаточно много работ, посвящённых проблемам пребывания военнопленных на территории России в целом и Сибири, в частности (Елизаровой Л.И., Синиченко В.В. и др.). Однако обобщающих работ по пребыванию австро-венгерских военнопленных в Иркутской области на настоящий момент не имеется и проблема в полном объёме ещё не исследована.

Автор данной статьи не претендует на глобальность, ставит своей задачей дать краткий источниковый обзор фондов ГАИО, в той или иной мере, содержащих материал, описывающий пребывание австро-венгерских военнопленных на территории Иркутской губернии и Забайкальской области в 1915–1920 гг. Отдельные сюжеты выходят формально за рамки данной темы, это связано с тем, что в лагерях военнопленных находились не только австрийцы и венгры, но и чехи, немцы, поляки и даже турки.

Следует отметить, что целый ряд фондов, подробно освещавших данную проблему, был в своё время передан из ГАИО в ЦГВИА СССР (ныне РГВИА). В частности, туда были переданы Ф. 535 «Заведующий военнопленными гарнизона пос. Антипи́ха», Ф. 538 «Заведующий военнопленными Нерчинского гарнизона», Ф. 539 «Заведующий военнопленными г. Сретенска», Ф. 628 «Берёзовский гарнизон», Ф. 640 «562 Саратовская пешая дружина государственного ополчения» и др.

Первые военнопленные оказались в Сибири осенью 1915 г., после проведения успешной Галицийской наступательной операции в русском плену оказались десятки тысяч воинов австро-венгерской армии. Первые военнопленные были размещены в европейских губерниях России. Но впоследствии, из-за наплыва военнопленных и опасности побегов, было принято решение перенести место содержания военнопленных в сибирские губернии и на Дальний Восток.

Первые эшелоны военнопленных проследовали через Иркутск 29 сентября 1915 г.¹ По всему пути следования местные органы полиции и особенно ГЖУ и жандармские управления на железных дорогах жёстко контролировали движение эшелонов и

¹ ГАИО. Ф. 600, оп. 1, д. 813, л. 501.

особенно остановки и контакты с местным населением. Материалы подобного плана отложились в основном в двух фондах: Ф. 600 «Губернское жандармское управление» и Ф. 602 «Иркутское отделение жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги», частично в фонде Ф. 72 «Управление Забайкальской железной дороги (служба пути)». Контроль был предельно жёстким и регламентировалось абсолютно всё. Так унтер-офицер ст. Михалёво обращал внимание на то, что при прибытии эшелона с военнопленными на станцию, запирался общий туалет и пленные разбредались по станции¹.

Хотя с формальных позиций первыми военнопленными, а точнее интернированными лицами, стали граждане враждебных государств, проживающие в Восточной Сибири (Германии, Австро-Венгрии и Турции). Особую озабоченность ГЖУ вызывали иностранцы, работающие на строительстве железной дороги, и МВД приняло превентивные меры. Были составлены списки граждан враждебных государств, работавших на железной дороге или проживающих в полосе отчуждения, и был отдан приказ об обыске домов и их аресте. Все они были обвинены в шпионаже, особенно интересна история итальянского подданного Викториа Викарио, который был задержан на платформе ст. Иркутск, при личном обыске у него был изъят пистолет «Франкот», а в его квартире найден фотоаппарат. Всего задержали 14 иностранцев, в том числе одного немца – Людвиг Фрезе и 13 австро-венгерских подданных. Чуть позже такая же участь постигла 15 человек турецко-подданных. Большая часть задержаний носила превентивный характер, хотя встречается и другое: в ГЖУ поступил донос, что австрийский подданный парикмахер ст. Иркутск С. Зиолковский собирает сведения о мобилизации и передвижении войск. После более чем месячного заключения задержанные были освобождены, но за ними устанавливалось негласное наблюдение, и им было запрещено проживать в полосе отчуждения железной дороги².

По приказу начальника штаба Иркутского военного округа от 3. 10. 1914 г. № 15824 было «воспрещено всякое общение частных лиц с провозимыми по железной дороге военнопленными», свои меры предосторожности принял и МВД – все ГЖУ получили секретное распоряжение, к военнопленным никого из посто-

¹ ГАИО. Ф. 600, оп. 1, д. 813, л. 980.

² ГАИО. Ф. 600, оп. 1, д. 813.

ронных не допускать, за исключением мед. персонала для оказания помощи больным и раненым. Указания эти соблюдались не везде и не всегда, так в циркуляре помощника командующего Иркутским военным округом отмечалось: «Военнопленные при остановке эшелона на ст. Иннокентьевской пользуются неограниченной свободой и ходят по посёлку и самой станции,.. общаясь с посторонней публикой»¹.

Следует отметить, что отношение военных и гражданских властей к военнопленным было дифференцировано, на особом положении находились славяне, служившие в рядах австро-венгерской армии. В России был создан «Совет попечителей о пленных славянах», который оказывал им всестороннюю помощь. В деле 1030 ф. 600 отложился документ о снабжении пленных славян тёплой одеждой, табаком и обувью и рекомендовалось жестко контролировать этот процесс и не «допускать изъятия вещей и продуктов немецкими и австрийскими пленными».

В Иркутской губернии военнопленные были размещены в Иркутске (на ст. Иннокентьевская и Заиркутном военном городке) и г. Нижнеудинске. На территории Забайкальской области крупные лагеря военнопленных располагались под г. Верхнеудинском (Берёзовка), в г. Чита (пос. Песчанка и Антипиха), ст. Сретенской, г. Нерчинске и г. Троицкосавске, ст. Даурия.

В ОГУ ГАИО находится на хранении Ф. 781 «Концентрационный лагерь военнопленных на ст. Иннокентьевской», при внешней привлекательности названия, он является мало информативным и состоит из одного дела, где содержатся 3 приказа по лагерю. Очевидно, данный фонд является остатком фонда Ф. 633 «716 пешая Иркутская дружина государственного ополчения» несшая охрану данного лагеря, переданного в РГВИА. Попечение над военнопленными осуществляли как органы Красного Креста, так и представители посольств и консульств нейтральных государств. Так в Ф. 25 «Канцелярия Иркутского генерал-губернатора» выявлен документ о разрешении внештатному вице-консулу в Омске Вадстеду «принять на себя попечение об интересах водворенных в пределах края германских подданных»².

Особый интерес представляют дела специального наблюдения за контактами военнопленных. В соответствии с Гаагской конвен-

¹ ГАИО. Ф. 600, оп. 1, д. 813. Лл. 522-525.

² ГАИО. Ф. 25, оп. 11, д. 114, л. 1.

цией, лагеря военнопленных имели право посещать представители Красного Креста. Иннокентьевский лагерь военнопленных курировало Иркутское отделение Шведского общества Красного Креста. В ГАИО отложился фонд 780, который содержит документы данного комитета, сведённые в одну опись из 18 дел. Содержание их достаточно информативно: протоколы собраний военнопленных, отчёты по лагерю о составе и заболеваемости, доверенности и регистрационные карточки на выдачу денежных переводов и посылок, рукописный журнал, выпускаемый военнопленными лагеря Берёзовка (г. Верхнеудинск), заметки и конкретные психологические наблюдения по теме «Теория эгоцентричного нигилизма», а также списки военнопленных с разбивкой на офицерский и рядовой состав. К сожалению, изучение и анализ этих документов представляет определённую сложность, так как эти материалы написаны на немецком языке.

Определённый блок документов подобного плана содержится в фонде губернского жандармского управления, особый интерес представляет дело ф. 600, оп. 1, д. 1030. В данном деле содержатся материалы по посещению лагерей военнопленных иностранными (датскими, американскими, шведскими и австрийскими делегациями Красного Креста). В деле находится и переписка по данным посещениям, и материалы оперативного наблюдения. Данные делегации находились как под гласным (сопровождающие офицеры), так и негласным (филеры ГЖУ) надзоре. Определённую сложность составляло внешнее наблюдение, поэтому ГЖУ рекомендовало использование филеров со знанием немецкого языка. Особое внимание привлекла миссия американского Красного Креста, прибывшая в конце декабря 1915 г., в реальности сформированная в Берлине, большинство медицинских сестер были немками. ГЖУ потребовало сократить сроки её пребывания и «...для непосредственного участия в деле лечения военнопленных, допускать не должно...». Отслеживались и контакты членов миссии с пленными. Это было продиктовано тем, что, по мнению русского Генерального штаба, миссии собирали сведения о «...способности к продолжительной борьбе наших боевых сил, духе армии и народа и настроения». Жестко отслеживалась переписка миссии и, в случае необходимости, проводилась оперативная разработка её членов.

Под контролем и неусыпным наблюдением ГЖУ находились и члены делегаций. Интерес вызвал делегат датской миссии Отто Фогель, в ходе проверки выяснилось, что до войны он проживал на ст. Сретенской и работал пивоваром на заводе Шустова, представители ГЖУ отмечали: «обращает внимание крайними симпатиями, оказанием различных услуг пленным офицерам», а если добавить поездку за границу, то получается буквально портрет шпиона. В результате О. Фогель был взят в оперативную разработку и под особый контроль. Неусыпное наблюдение замечали и сами делегаты. Так, в деле сохранился рапорт филера, опекавшего шведского подданного Карла-Георга Раша, что при выходе из гостиницы, Раш сказал немецкому доктору Швальбе: «Как бы нас сыщики не заметили»¹.

На особом положении находились некомбатанты, особенно живущие вне лагеря. Показательна история католического священника австро-венгерской армии Карла Дрекслея, освобождённого на поруки Иркутскому декану Казимиру Ваньковскому. Начальник 716 ополченческой дружины, несущей охрану лагеря генерал-майор Насонов, сообщал в Иркутское ГЖУ полковнику Балабину, что К. Дрексель «имеет огромное влияние на пленных и оказывает крайне вредное влияние» и контактирует с иностранными делегациями. По мнению командира дружины, именно он организовал побег 5 офицеров из лагеря 26 января 1916 г. ГЖУ приняло соответствующие меры – К. Дрексель был арестован и у него изъят дневник, отложившийся в деле.

В ф. 600 Губернского жандармского управления были выявлены и жалобы на содержание в лагере (ст. Сретенская и г. Нерчинск), военнопленные жаловались на грубое обращение охраны, несвоевременную выдачу молока и сахара, непригодность бани и редкие разрешения посещать таковую, высокие цены в лавке и отсутствие развлечений.

Система охраны лагерей военнопленных не позволяла обеспечить достаточный уровень охраны и, как следствие, во второй половине 1915–1916 гг. возросло число побегов, как спонтанных, так и подготовленных. Данный материал отложился в ф. 600 ГЖУ. Интерес представляет не только делопроизводственная документация (протоколы, телеграммы о розыске и др. бежавших), но и изъятые у них личные вещи (фотографии, письма,

¹ ГАИО. Ф. 600, оп. 1, л. 405-409.

дневники и карты). Некоторые побеги тянут на хороший авантюрный роман. Так, турецкий лейтенант Тагир бек Рахмулла, бежал из плена, переодевшись в женское платье. Были беглецы, пойманные в центральной Персии (поручик германской армии фон Шпет, лейтенант турецкой армии Тагир бек Рахмулла), либо на русско-финской границе (кадет австро-венгерской армии Филипп), но наиболее стандартный путь побега – Китай и Монголия¹. Бежали из мест изоляции как нижние чины, так и офицеры, особый резонанс вызвало бегство 11 мая 1915 г. из г. Читы бывшего командира 9 турецкого корпуса генерала Исхан-паши. При задержании большинство беглецов сопротивления не оказывали, хотя и часто имели огнестрельное оружие. Правда, имели место и случаи вооружённого сопротивления. Так 21 ноября отряд казаков конвоя дипломатической миссии в Урге попытался задержать 3 бежавших из г. Троицкосавска немецких военнопленных. На предложения сдаться, они ответили огнём и командир отряда приказной К. Бояркин был вынужден «дать по стрелявшим залп..», в результате столкновения были убиты ротмистр 13 гусарского полка М. Грей, обер-лейтенант фон Вернер и лейтенант фон Гофмейстер, тела которых были захоронены на русском православном кладбище в Урге².

Переписка военнопленных проходила через военную цензуру и, как следствие, многие пленные пытались обойти это препятствие, либо, отправляя письма через жителей Иркутска и Читы (как, российских, так и иностранных подданных), либо используя тайнопись – образцы подобных писем выявлены в ф. 600, оп. 1, д. 1262.

Отдельно следует отметить фонды, в которых содержится информация об использовании труда военнопленных. Документы подобного плана отложились в Ф. 141 «Заводское совещание военно-промышленных комитетов Сибирского района в г. Иркутске», где имеются документы о привлечении военнопленных на работу на оборонных предприятиях. Разрозненные данные об использовании труда военнопленных имеются в Ф. 488 «Иркутская обозная мастерская», Ф. 158 «Ангарское лесничество» (книги денежных выплат, вещевое довольствие, списки военнопленных). В Забайкальской области военнопленные работали на каменолом-

¹ ГАИО. Ф. 600, оп. 1, д. 1245, д. 1262 и др.

² ГАИО. Ф. 25, оп. 11, д. 1121, л. 89-90.

нях (г. Чита), строительстве (курорт Ямаровка), хлебопекарне (г. Троицкосавск), угольных коях (с. Черемхово), землемерных и гидротехнических работах. Следует отметить, что военнопленные, работавшие на ряде предприятий, не находились на территории лагеря, а проживали вблизи предприятий. Ослабление контроля иногда приводило к трагедиям, так 5 октября 1915 г. в результате несчастного случая погибли 8 австро-венгерских военнопленных, работавших в кузнечной мастерской Слепцова в г. Иркутске¹. Некоторые виды работ были закрыты для военнопленных, так в приказе № 3 по Иннокентьевскому, категорически запрещалось использовать военнопленных в качестве домашней прислуги¹⁰².

Гражданская война разделила военнопленных на два неприемлемых лагеря, даже тот, кто хотел вернуться на родину не всегда мог сделать это. Комплексных документов об участии бывших военнопленных в боевых действиях в ГАИО не сохранилось, хотя фрагментарные сведения содержатся во многих фондах. Так в фонде Р. 2 «Управляющий Иркутской губернией Всероссийского Временного правительства» выявлены дела о розыске военнопленных (дела 53, 206), дела об административно ссыльных (дела 8, 9, 10, 11 и 11а и др.). В Ф. 558 «Управление Иркутского уездного воинского начальника» находятся дела о военнопленных и об их эвакуацию на родину.

Последние дела, касающиеся австро-венгерских пленных в Иркутской губернии, относятся к 1920 г., к этому моменту большая часть военнопленных благополучно вернулась на родину, а оставшиеся в Сибири, либо примкнули к победившим в гражданской войне, либо требовали у установившейся власти выезда домой.

Основной блок подобного рода документов отложился в фонде Р. 1715 «Ликвидационная комиссия по делам военнопленных», где содержится переписка по этому вопросу и, главное, списки военнопленных, находящихся в Иркутске, с указанием места их работы. Документы подобного рода зафиксированы и в фонде Р. 42 «Иркутский губернский революционный комитет», где сохранились прошения австрийских и немецких военнопленных, желающих выехать на родину (дело 313), списки военнопленных, работавших в советских учреждениях г. Иркутска и служебная переписка по вопросу их выезда (дела 8 и 168).

¹ ГАИО. Ф. 25, оп. 11, д. 114, л. 5-6.

² ГАИО. Ф. 781, оп. 1, д. 1, л. 3.

Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на фрагментарность, материалы ГАИО об австро-венгерских военнопленных интересны и оригинальны, и эта тема ждёт подробного исследования.

Приложение

**Перечень фондов и документов, содержащих сведения
об австро-венгерских военнопленных, находившихся
на территории Иркутской губернии
и Забайкальской области в 1915-1920 гг.**

Основные фонды:

Ф. 600 «Иркутское губернское жандармское управление»

Содержание – сведения о военнопленных их розыск, посещение иностранными делегациями, и др.

Особо – наблюдение и аресты иностранных подданных.

Ф. 602 «Иркутское отделение жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги»

Содержание – сведения об эшелонах военнопленных, преследовавших через Иркутск.

Ф. 781 «Концентрационный лагерь военнопленных при станции Иннокентьевской»

Содержание – приказы по лагерю.

Ф. 780 «Отделение шведского общества Красного Креста в г. Иркутске»

Содержание – протоколы собраний военнопленных, сведения по числу и заболеваемости, переводы и посылки, рукописный журнал г. Верхнеудинска (2 номера), списки военнопленных (офицеров, рядовых и медиков).

Примечание – дела на немецком языке.

Ф. 1715 «Ликвидационная комиссия по делам военнопленных».

Содержание – списки бывших военнопленных, работающих на частных предприятиях.

Дополнительные:

Ф. 141 «Заводское совещание военно-промышленных комитетов Сибирского района в г. Иркутске»

Содержание – об отправке военнопленных на оборонные предприятия.

Ф. 158 «Ангарское лесничество»

Содержание – книга счетов рабочих военнопленных.

Ф. 488 «Иркутская обозная мастерская».

Содержание – списки военнопленных, денежное и вещевое довольствие.

Ф. Р. 2 «Управляющий Иркутской губернией Всероссийского Временного правительства»

Содержание – списки бежавших военнопленных и меры по их розыску.

Ф. Р. 42, оп. 1. «Иркутский губернский революционный комитет».

Содержание – списки бывших военнопленных, состоящих на службе в советских организациях и прошения о выезде на родину.

Ф. Р. 2483 «Уполномоченный председателя особого совещания для обсуждения об объединении мероприятий по обороне государства и председатель заводского совещания Сибирского района».

Содержание – переписка со штабом Иркутского военного округа и промышленниками об использовании труда военнопленных.

Ф. Р. 173 «Дорожно-строительный отдел Иркутского района землеустройства и переселения».

Содержание – применение труда военнопленных, списки военнопленных.

Ф. 198 «Управление Иркутского почтово-телеграфного округа»

Содержание – документы о цензуре переписки военнопленных.

Ф. 72 «Управление Забайкальской железной дороги» (служба пути).

Содержание – документы о перевозке военнопленных.

Ф. 25 «Канцелярия Иркутского генерал-губернатора»

Содержание – о разрешении датскому вице-консулу попечения над германскими военнопленными, об умерших военнопленных и др.

Ф. 172 «Иркутская поземельно-устроительная партия»

Содержание – использование труда военнопленных.

Ф. 32 «Иркутское губернское управление»

Содержание – использование труда военнопленных.

Ф. 243 «Иркутский окружной суд»

Содержание – следственные дела военнопленных.

Ф. 524 «Иркутский военно-окружной суд»

Содержание – следственные дела, численность военнопленных.

Ф. 588 «Управление Иркутского уездного воинского начальника»

Содержание – переписка о содержании военнопленных, дела об эвакуации на родину.

Ф. 705 «Судебный следователь по особо важным делам Иркутского окружного суда».

Содержание – дела о военнопленных, бежавших из плена.

Курас С.Л.

Проблемы реформирования уголовно-исполнительной системы на страницах дореволюционных и современных ведомственных изданий

На сегодняшний день в рамках развития правового государства происходит реформирование и либерализация уголовно-исполнительной системы России. Как верно отмечают современные исследователи, до недавнего времени в деле изучения системы исполнения наказаний ощущалась явная политизация научного процесса, но в последние годы вышло в свет большое количество работ, посвященных изучению УИС, однако круг их научных интересов ограничивается лишь изучением исторических этапов развития уголовно-исполнительной системы нашей страны и зарубежных стран¹.

Рассмотрение и обсуждение гораздо более широкого круга вопросов происходит на страницах ведомственных периодических изданий. В последние годы практически каждое ведомство системы правоохранительных органов имеет собственное научное или научно-популярное издание. Конечно, данная тенденция имеет свои положительные черты: возможность обсуждения *важнейших вопросов*, открытость деятельности ведомств. Однако, не все

¹ Гусарова Т.О. Уголовно-исполнительная система Республики Бурятия (1923-1991 гг.) : монография / Т .О. Гусарова, Л. В. Курас, С. П. Суш ; отв. ред Ю. И. Калинин. Улан-Удэ : Изд-полигр. Комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2009. С. 5.

издания обладают набором таких важных составляющих, как информативность, периодичность выхода журналов, широкий круг рассматриваемых вопросов, компетентность коллектива авторов в обсуждаемых вопросах. В целом, эти издания являются еще достаточно молодыми и указанные недостатки могут быть учтены ими в будущем.

Проблема реформирования уголовно-исполнительной системы не является новой, уже 60–70-е гг. XIX в. современные исследователи называют «периодом поиска путей реформирования тюремной системы России»¹. Действительно, в это время создаются многочисленные межведомственные комиссии, которые выявляют недостатки управления пенитенциарной системой. В те годы тюремная реформа была направлена на создание централизованной системы управления пенитенциарными учреждениями, создание нормативной базы для данной системы, реконструкцию и строительство новых тюрем. Основным предложением было создание единого органа, который бы мог руководить всей системой исполнения наказания в масштабе страны.

Одним из итогов проведения многочисленных совещаний и составления проектов реформ стало образование 12 марта 1879 года Главного тюремного управления Министерства внутренних дел России. Этот год является юбилейным – системе исполнения наказания исполняется 130 лет. Данному событию посвящен выпуск монографий, специальных изданий журналов, об истории ведомства, о современном состоянии системы исполнения наказаний и о проходящей реформе системы.

Подтверждением того факта, что проблема реформирования системы исполнения наказания на сегодняшний день стоит достаточно остро, является систематическое проведение всероссийских совещаний начальников следственных изоляторов и тюрем Федеральной службы исполнения наказаний и научных конференций. В том числе на базе Академии права и управления при Федеральной службе исполнения наказаний в октябре этого года прошла международная научно-практическая конференция «Обеспечение процесса реформирования исполнения наказаний в Российской Федерации», посвященная 130-летию уголовно-ис-

¹ Симонов И.Н. История уголовно-исполнительной системы России – путь к гуманизации // Бюллетень министерства юстиции Российской Федерации. 2004. № 3. С. 36.

полнительной системы¹. В ходе проведения мероприятия были определены основные направления исследования: 1. Модернизация российской системы исполнения наказаний в виде лишения свободы; 2. Альтернативы лишению свободы; 3. Новые подходы к управлению закупками материальных ресурсов в целях обеспечения жизнедеятельности органов и учреждений УИС.

В ходе обсуждения обозначенных выше направлений исследования еще раз подтвердился тот факт, что вопросы, которые ставили перед собой и пытались разрешить ещё дореволюционные юристы, начальники ведомств и видные общественные деятели, остаются актуальными и по сей день.

С 1893 года, то есть уже более ста лет назад, пенитенциарная система страны получила освещение на страницах специального ведомственного журнала «Тюремный вестник», который издавался ежемесячно. В своей структуре журнал имел два основных раздела: «отдел официальный» и «отдел неофициальный». Необходимо отметить, что современные ведомственные правовые журналы имеют схожую структуру – так журнал «Вестник Высшего Арбитражного суда» содержит разделы: «Постановления Президиума ВАС», «официальная хроника» и отдельную рубрику – «международная практика»².

В разделе официальных сообщений «Тюремного вестника» публиковались законы, распоряжения по тюремному ведомству. Большая часть из них была посвящена вопросам регламентации и реформирования тюремной системы и ссылки. По содержанию журнала можно отследить и сами этапы реформирования пенитенциарной системы вообще и ссылки, в частности. Потому что все важнейшие проекты реформы, а также законы по исполнительной системе, уточнения к действовавшим уставам, отмена некоторых статей, неизменно фиксировалась на страницах периодического издания.

Так, например, в одном из номеров был опубликован Высочайше утвержденный документ «Об упразднении Тюменского приказа о ссыльных и дополнении штата Главного Тюремного Управления, а также об изменении правил относительно распределения, регистрации и препровождения ссыльных»³. Этим

¹ <http://www.academjust.ryazantelecom.ru/science>

² Вестник Высшего Арбитражного суда. 2002. № 12.

³ Тюремный вестник. 1904 . № 3. С. 178.

документом отменялись и вносились изменения в статьи Устава о ссыльных и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, которые были направлены на изменение системы этапирования, процесса освидетельствования ссыльного.

Вскоре во исполнение данного нормативно-правового акта Главное тюремное управление издает циркулярное отношение для всех генерал-губернаторов «О порядке освидетельствования, распределения, регистрации и препровождения ссыльных»¹. Такое распоряжение и последующие подобные ему конкретизировали полномочия и действия губернских правлений по этапированию осужденных к месту наказания, по порядку отправки подлинного акта освидетельствования и статейного списка на преступника. В разделе «практических разъяснений» журнала всегда очень подробно расписывались полномочия нижестоящих тюремных инспекций. Более точные и конкретные распоряжения Главного тюремного управления, несомненно, упрощали работу ведомств на местах.

В первой четверти XX столетия многие публиковавшиеся в журнале уточнения к действующему уголовному законодательству касались приостановки пересылки арестантов в Сибирь, в том числе железнодорожным транспортом, что было вызвано начавшимися на Дальнем Востоке военными действиями.

В каждом номере «Тюремного вестника» публиковалась Сенатская практика, в том числе и по жалобам ссыльнопоселенцев, в материалах которой подробно описывалась суть ходатайства ссыльного, отмечались выводы Губернского управления по составу прошения и на основании подробно изложенных статей законов выносилось новое решение: «Правительствующий Сенат определяет: отменив обжалованное просителем распоряжение Томского Губернского Управления, предписать сему Управлению войти в новое рассмотрение»².

Заключение судов по проведенным делам всегда печаталось полностью и занимало несколько страниц издания. Поэтому материалы практики позволяют более подробно, нежели материалы архивных дел (которые содержали только номера статей, по которым осуждены преступники), ознакомиться с составами

¹ Распоряжения по тюремному ведомству // Тюремный вестник. 1905. № 4. С. 244.

² Сенатская Практика // Тюремный вестник. 1905. № 1. С. 25-26.

преступлений осужденных в ссылку преступников, а также наглядно увидеть, как применялись нормы уголовного права в разрешении спорных вопросов о правах ссыльнопоселенцев.

В неофициальной части «Тюремного вестника» публиковались исследования известных ученых правоведов, которые являлись представителями различных школ по изучению особенностей преступлений и личности преступников дореволюционной России. Эти же исследователи являлись государственными чиновниками и входили в состав комиссий по реформированию системы исполнения наказаний и поэтому на страницах журнала, кроме чисто научных публикаций, имели возможность высказать своё особое мнение и свой вариант изменений в структуре исправительных учреждений, которой управляло тюремное ведомство. Так, например, исследователь Д. Дриль был в числе постоянных авторов журнала и в одном из номеров изложил новаторские идеи по поводу организации медико-педагогического надзора в заведениях исправительного воспитания¹. Поэтому содержание журнала выходило за рамки чисто ведомственного, так как рассматривало широкий круг научных и общественно значимых вопросов.

Ещё более широкий круг проблем освещался на страницах «Журнала министерства юстиции», который вышел в свет еще за несколько лет до судебной и тюремной реформ – в 1859 году. Действительно, данное периодическое издание обслуживало большое и одно из важнейших ведомств – Министерство юстиции, поэтому официальная часть журнала и научные статьи журнала были очень содержательны.

Практически сразу после своего появления «Журнал министерства юстиции» стал центром идеологических и научных дебатов, на страницах которого члены комитета по составлению проекта судебной реформы высказывали свои точки зрения и горячо спорили по поводу своего видения обновленной системы. Уже значительно позже – в 1896 году, в связи с передачей Главного тюремного управления из ведомства Министерства внутренних дел в ведение Министерства юстиции в журнале все больше

¹ Дриль Д. Исправительные заведения для несовершеннолетних: Организация медико-педагогического надзора в заведениях исправительного воспитания // Тюремный вестник. 1904. № 3. С. 245-255.

стало выходить статей, посвященных реформированию системы исполнения наказаний.

По содержанию «Журнал министерства юстиции» включал в себя больше разделов, чем «Тюремный вестник». Так в «официальной части» журнала был отдельный блок нормативных актов по личному составу ведомства. Кроме того, в «неофициальной части» опубликованная судебная практика размещалась по отраслям права: практика по гражданским, уголовным делам и судебная практика иностранных государств.

В рамках отслеживания стадий проводимой реформы системы исполнения наказаний печатались работы именитых юристов, посвященные истории ссылки в России¹, проблемам изучения причин преступности². Как верно отмечают современные исследователи, в числе постоянных авторов издания был известный ученый С.К. Гогель, который изучал историю и современность применения тюремного заключения³. Также труды Е.Н. Тарновского о причинах и формах преступности регулярно выходили в свет на страницах журнала⁴.

Материалы, печатавшиеся на страницах «Тюремного вестника» и «Журнала министерства юстиции», были новаторскими для своего времени. Так в поиске наилучшего решения тюремного вопроса авторы часто обращались к опыту зарубежных стран, пропагандируя более гуманное отношение к преступнику. Кроме того, дореволюционные исследователи в своих публикациях настоятельно ре-

¹ Жижин В.Д. Ссылка в России (Законодательная история русской ссылки) // Журнал министерства юстиции. 1900. № 1. С. 37-70.

² Гогель С.К. Новое учение о преступлении и наказании // Журнал министерства юстиции. 1897. № 9. С. 152-168.

³ Горбачева Е.В. Вопросы исполнения наказаний в Журнале министерства юстиции («Тюремное дело в его законодательной постановке и практическом осуществлении») // Бюллетень министерства юстиции Российской Федерации. 2004. № 3. С. 51.

⁴ Тарновский Е.Н. Алкоголизм и преступность (По данным русской уголовной статистики) // Журнал министерства юстиции. 1908. № 8. С. 41-67; Тарновский Е.Н. Помесячное распределение главнейших видов преступности // Журнал министерства юстиции. 1903. № 1. С. 110-136; Тарновский Е.Н. Статистика наказаний, наложенных по судебным приговорам (Данные судебной статистики Германии, Австрии, Франции, Бельгии, Англии, России) // Журнал министерства юстиции. 1911. № 6. С. 1-56.

комендовали тюремным властям и разработчикам проекта реформы внедрять в тюрьмы инновационные для того времени системы: антропометрии, фотографии осужденного и др¹.

Проблему реформирования тюремного ведомства и ссылки также поднимали другие правовые журналы того времени. Так в разделе новостей «Журнала гражданского и уголовного права» публиковались статьи либерально настроенной части общества, в которых они высказывали свои надежды и чаяния на скорое улучшение положения в тюрьмах в России.

Современные ведомственные периодические издания являются продолжателями традиций дореволюционных журналов. На сегодня основным периодическим изданием Федеральной службы исполнения наказаний является журнал «Преступление и наказание», который публикуется ежемесячно начиная с 1960 года.

Как и редакторы изданий имперской России на страницах современного журнала редколлегия старается поднимать самые животрепещущие для общества вопросы. Для выполнения этой задачи формируется тема номера. Так в 2008 году в одном из номеров журнала обсуждалась проблема условно-досрочного освобождения осужденных, своё мнение по одному из сложнейших вопросов реформирования системы исполнения наказаний высказывали видные теоретики и практики².

Еще одной из важнейших тем, которая обсуждается обществом, и, конечно, юристами и сотрудниками ФСИН последнее десятилетие, является вопрос отмены моратория на смертную казнь. Этому сложнейшему направлению деятельности ФСИН посвящаются статьи исследователей, в которых они изучают историю развития смертной казни в нашей стране и в мировой практики, исследуют проблемы, связанные с размещением и содержанием осужденных к пожизненному лишению свободы. Свои доводы «за» и «против» смертной казни на страницах журнала «Преступление и наказание» излагают заслуженные юристы России.

¹ Гредингер Ф.О. Судебно-фотографическое исследование документов // Журнал министерства юстиции. 1903. № 6. С. 1-24; Козлов Н.А. Применение антропометрии в русских тюрьмах // Журнал министерства юстиции. 1897. № 10. С. 87-100.

² Условно-досрочное освобождение // Преступление и наказание. 2008. № 7. С. 14-31.

Также в данном периодическом издании, как и в дореволюционных публикуется международная практика о пенитенциарной системе западных и восточных стран. По-прежнему много внимания журнал уделяет истории и современному состоянию тюрем страны.

Помимо поддержания традиций прошлого в периодике, редакция журнала много внимания уделяет введению новых рубрик. Одной из таких становится раздел, в котором рассказывается об интересных судьбах самих сотрудников УИС. Регулярно выходят статьи о непростой жизни ветеранов Великой Отечественной войны и их вкладе в дело охраны и исправления осужденных. Не забывают корреспонденты и о молодом подрастающем поколении – курсантах юридических институтов ФСИН, чьими успехами в науке, спорте и творческих смотрах тюремное ведомство уже может гордиться.

Сегодня одним из важнейших направлений деятельности системы исполнения наказаний является её обеспеченность средствами охраны, безопасности телекоммуникационного оборудования. Исходя из задач, которые ставятся Президентом России и Минюстом, управление инженерно-технического обеспечения и вооружения организует обеспечение учреждений и органов уголовно-исполнительной системы вооружением, боеприпасами и специальными средствами, а также осуществляет меры по обеспечению правил оборота оружия в учреждениях ведомства. Результаты своей работы руководители научно-технических отделов ФСИН России изложили на страницах специального юбилейного издания ФСИН (вышедшего к 130-летию уголовно-исполнительной системы): «Средства охраны, безопасности и телекоммуникационного оборудования на службе УИС России».

В заключении хотелось бы отметить, что как и дореволюционными учеными, так и авторами современных изданий, поднимается проблема гуманизации в исправлении осужденных. Отрадно осознавать, что в современных ведомственных периодических изданиях используется опыт, накопленный предыдущими десятилетиями и существует понятие преемственности. Хочется надеяться, что данные исследований прошлого будут способствовать дальнейшему совершенствованию системы исполнения наказаний.

Идейное и организационное содержание объединений ссылных социал-демократов Якутска (Советская историография)

В статье исследуется советская литература о ссылных социал-демократах Якутска. В частности, уделяется внимание партийной группе «Маяк» и Якутской организации РСДРП, действовавших поочередно в 1905-1917 гг. Объектом изучения является проблема идейного содержания и организационного состояния этих структур. В исследовании осуществляется критический анализ соответствующих положений, концепций и выводов историков. Автор работы предлагает на рассмотрение ученым собственное понимание данной проблемы и свою версию ее решения в ходе историографического процесса.

The article carries on an investigation of Soviet literature about Yakutsk exiled social-democrats, namely, special attention is paid to the party group of “Mayak” and Yakutsk organization of RS-DRP, acting in 1905-1917 years. The object of investigation is the problem of idea content and organizational position of these structures. The investigation includes critical analysis of corresponding notions, concepts and conclusions of historians. The author of the work offers his own opinion on the given problem and his version on its solution in the course of historiographic process for the consideration of scientists.

В социал-демократическом движении Сибири с момента его зарождения вплоть до 1917 г. не было фракционного размежевания. Местные структуры РСДРП включали в свои ряды большевиков, меньшевиков разных течений, а также неопределившихся эсдеков. Кроме традиционных формирований РСДРП, здесь в местах поселения и гласного надзора существовали партийные объединения репрессированных эсдеков. Из них в советской исторической литературе больше всего внимания уделялось ссылным Якутска. Это было связано не столько с областным статусом города, сколько с пребыванием там таких деятелей большевистской партии, как Г. К. Орджоникидзе, Г. И. Петровский, Е. М. Ярославский, В. П. Ногин, Н. А. Скрышник.

Уже в середине 20-х гг. XX в. появляются сведения о марксистском кружке «Маяк», образовавшемся с началом первой российской революции, а «с июня 1906 г. развернувшимся в Якутскую организацию РСДРП» и продолжающую существовать в годы репрессии. Эти данные были предоставлены В.И. Биком, публикуя их тогда в журнале «По заветам Ильича» под сокращенным псевдонимом «В-р». Вопрос об идейно-политической ориентации «Маяка» автором не рассматривался. Однако при этом он заявлял о внефракционности одного из главных руководителей организации В.Н. Чепалова. Такой вывод В.И. Бик делал на основе перлюстрированных полицией писем¹. Все это подводило читателя к мысли об объединенческих настроениях местных социал-демократов. В свою очередь С.М. Розеноер называл В.Н. Чепалова «стойким большевиком». Так же он оценивал и идейную ориентацию других руководителей «Маяка», в частности С.Ф. Котикова и И.И. Васадзе². Однако последний из них придерживался меньшевистских взглядов³, а об идейных воззрениях Чепалова точнее все же выразился И.Г. Ройзман. В 1934 г. он считал правильным вести речь «об определенном большевистском уклоне» этого подпольщика⁴. Далее С.М. Розеноер рассмотрел процесс восстановления Якутской организации РСДРП после ее провала. Он начался, по его мнению, в 1910 г. С этого момента в ней не прекращалась ожесточенная фракционная борьба по важнейшим внутривнутрипартийным вопросам. Об ее результатах автор умалчивал, но самой активной политической силой в ссылке он считал большевиков. Именно им принадлежало и руководство организацией⁵. Примерно так же описывал ее внутреннее состояние В.Д. Виленский-Сибиряков. Он подчеркивал формальное единство местного социал-демократического объединения. Оно, по свидетельству автора, к

¹ В-р. Первый социал-демократический кружок в Якутске «Маяк» (1905-1909 г.) // По заветам Ильича. 1925. №6. С.52,56; №7. С.39; Он же. Кружок Емельяна Ярославского (Из истории юношеского движения в Якутии) // Там же. № 8-9. С. 34.

² Розеноер С.М. Растопленный полюс (Якутская ссылка 1900-1917 гг.). М., 1935. С. 38-40.

³ РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории) Ф. 89. Оп.1. Д. 6. Л. 22.

⁴ Ройзман И.Г. Нелегальная печать в Якутской области до Февральской революции // 100 лет Якутской ссылки. М., 1934. С. 333.

⁵ Розеноер С.М. Указ. соч. С. 32,33.

лету 1912 г. было уже окончательно оформлено организационно, но не имело общей идейной платформы. Борьбу в нем различных течений партии Ф.Д. Виленский-Сибиряков преподносил не в такой острой форме, как С.М. Розеноер, однако, все же признавал, что в предвоенное время основная часть членов организации поддерживала лидера большевиков Н.А. Скрыпника. В результате этого влияния ликвидаторские настроения меньшевиков были изолированы¹.

Чаще других в 20-30-х гг. советского времени обращался к рассматриваемой проблеме Е.М. Ярославский. Он прибыл в ссылку в 1913 г., когда там уже «существовала небольшая партийная организация». «Гегемония в ней, – по утверждению автора, – принадлежала, несомненно, большевика»². Однако они, несмотря на известные решения Пражской конференции 1912 г., все не спешили размежеваться с ликвидаторами. Казалось бы, такой убежденный ленинец как Е.М. Ярославский, должен был исправить эту ошибку. Однако он, согласно собственным воспоминаниям, ограничился созданием группы «Правда» внутри объединенной организации. Она повела «ожесточенную» борьбу с «меньшевиками-лучистами», но при этом даже не ставила вопроса о полном разрыве с ними. Дальнейшее укрепление организации автор связывал с разработкой устава и перерегистрацией ее членов весной 1915 г. Данный процесс закончился изгнанием из ее рядов меньшевика Н.Е. Олейникова за предпринимательскую деятельность, в то время как другие оппортунисты, не замеченные в столь страшном «разложении», свое членство в организации не потеряли³.

Как видно, сам Е.М. Ярославский, находясь в ссылке, относился к меньшевикам примиренчески. Разумеется, в дальнейшем он не мог не изменить своих взглядов. В советский период он заявил об ошибочности пребывания большевиков в одной организации с меньшевиками, ибо в такой ситуации было не-

¹ Виленский-Сибиряков В. Якутская ссылка 1906-1917 годов // 100 лет Якутской ссылке. М., 1934. С. 262-264.

² Ярославский Е. Февральская революция в Якутии // 100 лет Якутской ссылки. М., 1934. С. 280.

³ См.: Ярославский Е. Что было 9 лет назад в Якутске // Пролетарская революция. 1926. №3. С.225,226; Он же. Февральская революция в Якутии. С. 280-283.

возможно «развернуть нашу принципиальную линию»¹. Вместе с тем автор пытался найти оправдание данному явлению. По его мнению, наличие единой социал-демократической организации в Якутске препятствовало союзу меньшевиков с эсерами, что плодотворно сказалось на политической ситуации в городе после февраля 1917 г. Именно тогда местные меньшевики, вступив в конфликт с социалистами-революционерами, вынуждены были после отъезда ряда видных большевиков «взять на себя роль последовательных выразителей интересов рабочего класса». «В этом, – утверждал Е.М. Ярославский, – была своеобразная особенность якутского меньшевизма»². В 1920-х гг. такие высказывания еще допускались в литературе, к тому же их автор еще не занимал должность главного идеолога партии. Рассуждения Е.М. Ярославского станут понятными, если учесть рассматриваемую им расстановку политических сил в отношении Первой мировой войны среди ссыльных Якутска. Эсеры, по его мнению, почти все были оборонцами, а среди меньшевиков довольно многочисленную группу составляли непоследовательные интернационалисты и неопределившиеся³. Правда, это противоречило другому высказыванию автора о значительном влиянии «большевистской линии» на ссыльных социал-демократов⁴. Однако, в данном случае Е.М. Ярославский, видимо, выдавал желаемое за действительное. В рассматриваемой литературе была отражена также борьба между ссыльными эсдеками за влияние на редакцию газеты «Якутская окраина». В ходе её, по общему признанию авторов, большевики вынуждены были капитулировать. Однако участие в газете меньшевиков вовсе не придало ей социалистическую направленность, она так и осталась «органом либеральной мысли»⁵. С данной трактовкой вопроса в целом можно согласиться, поскольку лишь первых

¹ Ярославский Е. О Якутии (Статьи, письма, речи, телеграммы). Якутск, 1968. С.185.

² Ярославский Е. Накануне Февральской революции в Якутске // В якутской неволе. М., 1927. С.32,33.

³ Там же. С.31.

⁴ Ярославский Е. Что было 9 лет назад в Якутске. С.226.

⁵ Розеноер С.М. Указ. соч. С.33; Виленский-Сибиряков В. Указ. соч. С.273; Ярославский Е. Накануне Февральской революции в Якутске. С.30.

два номера «Якутской окраины» за 1912 г. отражали социал-демократические взгляды¹.

Во второй половине 30-х – 40-х гг. XX в. интерес исследователей к местной организации РСДРП почти полностью угас. Ей было уделено внимание лишь в одной из глав «Очерка истории якутского народа» С.А. Токарева. Судя по содержанию изложенного материала, автора не устраивали существовавшие ранее концепции рассматриваемого вопроса. С тем, что в период реакции 1907-1910 гг. местные эсдеки составляли единую группировку, он еще соглашался. Однако признать такое же положение дел после проведения Пражской конференции РСДРП ученый не хотел. По его утверждению, в 1912 г. Якутская организация «была уже вполне оформлена, и в ней большевики повели решительную борьбу с ликвидаторством меньшевистского крыла». Другими словами, С.А. Токарев давал понять, будто местные большевики неуклонно претворяли в жизнь решения VI Всероссийской конференции в Праге о разрыве с оппортунистами. Далее автор констатировал, что в период войны «почти вся организация твердо стояла на пораженческих позициях», то есть отстаивала ленинские тактические установки. По-новому он охарактеризовал и идейную направленность «Якутской окраины». Эта газета, по заверениям С.А. Токарева, функционировала «под руководством большевиков вплоть до самой революции 1917 г.»². Данные выводы не подкреплялись документальными источниками и во многом искажали существующую действительность.

Такое положение дел было результатом идеализации деятельности партии Ленина-Сталина в период «культа личности». Однако очерк С.А. Токарева не являлся историко-партийным трудом. Поэтому он не мог в полной мере удовлетворить идеологических требований правящего режима. Директивные задачи изучения деятельности большевиков в Якутии были поставлены И.М. Романовым в 1950 г. Этому посвящалась специальная статья. В ней предписывалось: «При изучении истории пребывания большевиков в Якутской ссылке... необходимо выявить ведущую линию развития этой истории – борьбу большевиков-

¹ Щербаков Н.Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907-1917). Иркутск, 1984. С.177.

² Токарев С.А. Очерк истории якутского народа. М., 1940. С.206-208.

социал-демократов против своих идейных противников». Заранее оговаривался и результат, к которому должны были прийти исследователи. Они обязаны были продемонстрировать победу «большевистской партийности». А «исходным методологическим принципом» в решении поставленных задач должно было стать «великое творение» И.В. Сталина – «Краткий курс истории ВКП(б)»¹.

В 1952 г. вышла в свет монография П.У. Петрова о ссыльных большевиках Якутии. Ее появление можно было бы считать ответом на соответствующие призывы к историкам, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что многие ее выводы были перенесены из кандидатской диссертации автора². Она была защищена в 1950 г., то есть одновременно с публикацией директивной статьи И.М. Романова. И, тем не менее, книга П.У. Петрова в целом отражала требования идеологических органов партии к историкам. К тому же она была отредактирована в соответствии с замечаниями одного из апологетов сталинской науки М.К. Ветошкина³. Бесспорно и то, что «ведущая линия» историко-партийных работ тех лет, а именно непримиримая борьба ленинцев с оппортунистами, в рассматриваемой монографии прослеживалась достаточно четко.

В частности, анализируя деятельность «Маяка», П.У. Петров подчеркивал, что его руководители «вели борьбу не только против эсеров, но и против меньшевиков». Восстановление организации социал-демократов Якутска ученый относил к апрелю 1914 г. Он резко критиковал тех мемуаристов, которые данное событие датировали более ранними сроками. Это мешало связать восстановление организации с именем «непоколебимого ленинца», а впоследствии главного идеолога партии Е.М. Ярославского, который прибыл к месту поселения только в 1913 г. Следует, правда, отметить, что автор не пытался скрыть объединенческих

¹ Романов И.М. О задачах изучения истории большевиков в Якутской ссылке // Учен. зап./ Якутск. педагог. и учительск. ин-т. Вып.2. 1950. С.118,121,130,136.

² Петров П.У. Революционная деятельность большевиков в Якутской ссылке в период империалистической войны и Февральской революции: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1950.

³ Петров П.У. Из истории революционной деятельности ссыльных большевиков в Якутии. Якутск, 1952. С.7.

настроений среди местных эсдеков. Он писал: «Внутри Якутской подпольной объединенной организации проходила острая борьба по вопросу об отношении к ликвидаторам. Ссылные большевики разоблачали ликвидаторов, как агентов либеральной буржуазии и открытых противников революции. Они разоблачали якутских ссыльных меньшевиков как явных ликвидаторов, как врагов партии¹. Данные высказывания вызывают серьезные недоумения. Во-первых, неясно, каким образом ликвидаторы, т.е. противники нелегальной работы, могли оказаться в подполье? Во-вторых, непонятно, почему большевики считали возможным пойти на объединение с «агентами буржуазии», «открытыми противниками революции» и «врагами партии»? И как вообще можно находиться в одной политической организации со своими врагами? Впрочем, в монографии П.У. Петрова присутствовали некоторые объяснения причинам существования единой партийной структуры местных эсдеков. По утверждению автора, активную помощь Е.М. Ярославскому в восстановлении организации оказывал В.П. Ногин. В частности, они совместно участвовали в разработке ее устава. При этом ученый подчеркивал примиренческие позиции В.П. Ногина, что в конечном итоге сказалось на характере воссозданного партийного объединения². В результате получалось, что примиренец В.П. Ногин был более влиятельной фигурой в ссылке, чем стойкий ленинец Е.М. Ярославский. А последний, считая приемлемым сам факт существования общепартийного устава, мог также быть обвиненным в примиренчестве. Однако все эти логические несоответствия так и остались незамеченными. Сам же автор считал создание объединенной социал-демократической организации в Якутске «спустя два с половиной года после исторических решений Пражской конференции» крупной ошибкой, допущенной большевиками³.

Резкой критике подверг П.У. Петров своих предшественников, писавших о пораженческих взглядах части местных меньшевиков во время войны. При этом в особой мере досталось «врагу народа» В.Д. Виленскому-Сибирякову, который, якобы «соз-

¹ Петров П.У. Из истории революционной деятельности ссыльных большевиков в Якутии. Якутск, 1952. С.78,98,100,102.

² Там же. С.99,100.

³ Петров П.У. Из истории революционной деятельности ссыльных большевиков в Якутии. Якутск, 1952. С.100.

нательно приукрашивал» оппортунистов. По заверениям П.У. Петрова, «меньшевики везде, и в том числе в Якутской ссылке, были оборонцами», а пораженцами там являлись «только большевики». Приверженцев же центристской тактической линии историк вообще не воспринимал серьезно и относил к ним лишь нескольких меньшевиков Якутска. Свои выводы ученый пытался обосновать документальными источниками, что отличало его от многих авторов периода сталинизма. Так, опираясь на доклад начальника Иркутского губернского жандармского управления, П.У. Петров утверждал, будто все эсеры и большинство социал-демократов-меньшевиков Восточной Сибири признавали необходимость ведения войны до победного конца¹. Однако, во-первых, данными по всему региону в целом некорректно подтверждать существовавшее положение дел в отдельной области. А во-вторых, глава местных жандармов пользовался, судя по всему, непроверенными сведениями, поскольку большинство восточносибирских эсдеков отстаивало центристские позиции. Конечно, сразу после объявления войны многие политссыльные были подвержены патриотической эйфории, но анализируемый доклад датирован 1915 г., когда такие порывы уже основательно угасли. Далее П.У. Петров уличал в искажении «исторической правды» В.Д. Виленского-Сибирякова, считавшего лидера местных меньшевиков Г.О. Охнянского сочувствующим пораженцам. П.У. Петров действительно обнаружил в архивах документ, удостоверяющий личное признание Г.О. Охнянского в приверженности с самого начала войны к оборончеству². Однако этот источник был датирован маем 1917 г. А в данное время Г.О. Охнянский поддерживал политику Временного правительства, в том числе в вопросах войны. Поэтому любые упоминания о своем былом сочувствии пораженчеству ему были невыгодны.

Таким образом, есть все основания уличить П.У. Петрова, как минимум, в некритическом отношении к источникам и, как максимум, в искусственной подгонке документального материала к необходимым выводам. Явно преувеличивал он и политическое значение прибытия в ссылку в 1916 г. Г.К. Орджоникидзе и Г.И. Петровского, что было, конечно же, обязательной данью господствовавшей

¹ Петров П.У. Из истории революционной деятельности ссыльных большевиков в Якутии. Якутск, 1952. С.107-110.

² Там же. С.109.

идеологии¹. Вместе с тем, автор не всегда следовал ее требованиям. В 1957 г. он попытался развить концепцию своеобразия якутского меньшевизма и его прогрессивности в период революций 1917 г., за что на протяжении целого десятилетия подвергался обструкции². И все же исследования П.У. Петрова постоянно признавались ярким явлением в советской историографии, несмотря на критическое отношение к ним. Они не оставляли равнодушными ученых ни во времена «застоя», ни на этапе «перестройки»³.

Выдвинутая П.У. Петровым концепция истории большевистской ссылки Якутии получила распространение в литературе второй половины 1950-х – 1970-х гг.⁴. В данное время резонансом прозвучали лишь немногие выводы и положения авторов. Так, например, Н.Н. Щербакову удалось выявить, что большинство ссыльных меньшевиков Якутии в период Первой мировой войны «высказывалось за позицию, близкую к мартовской»⁵. А

¹ Петров П.У. Из истории революционной деятельности ссыльных большевиков в Якутии. Якутск, 1952. С.113-122.

² Об ошибках в освещении истории областной партийной организации // По ленинскому пути. 1960. №6. С.7,8; Сафронов В.Г. Якутская советская историография // Вопросы историографии и источниковедения Якутии. Якутск, 1971. С.15.

³ Очерки советской историографии Якутии. Якутск, 1976. С.119; Хазиахметов Э.Ш. Освещение истории сибирской политической ссылки 1905-1917 гг. в советской историографии середины 30-х – середины 50-х гг. // Революционная и общественная деятельность ссыльных большевиков в Сибири (1903 – февраль 1917 гг.): Опыт, историография, источниковедение. Омск, 1989. С.69,70; Соколов А.И. Историография борьбы ссыльных большевиков Якутии против оппортунизма в межреволюционный период // Якутская политическая ссылка (XIX – начало XX в.). Якутск, 1989. С.148,149.

⁴ История Якутской АССР. Т.2. М., 1957. С.387-416; Петров П.У. Революционная деятельность большевиков в Якутской ссылке. М., 1964; Телегин Н.В. Во главе революционной борьбы: О деятельности местных партийных организаций в период революционного подъема 1910-1914 годов. Л., 1965. С.220,2121; Гоголев З.В. Якутия на рубеже XIX и XX веков. Новосибирск, 1970.С.193-198; Батуев Б.Б. Партия большевиков – организатор победы Советской власти в Восточной Сибири. Улан-Удэ, 1971. С.63.

⁵ Щербаков Н.Н. О некоторых вопросах деятельности большевиков в восточносибирской ссылке (1914-1917 гг.) // Партийные организации Восточной Сибири в борьбе за победу социализма и коммунизма. Иркутск, 1968. С.6.

это полностью перечеркивало устоявшиеся взгляды по соответствующему вопросу. В свою очередь Е.Е. Алексеев попытался разобраться, почему при антагонистических воззрениях на политику руководства РСДРП члены местной организации даже не пытались разьединиться. После ряда умозаключений он пришел в принципе к правильному выводу. Историк впервые поднял вопрос о примиренческом характере Якутской социал-демократической организации. Однако это было сделано скорее не благодаря, а вопреки его рассуждениям, которые не отличались логикой. Так, Е.Е. Алексеев напоминал, что В.И. Ленин вовсе не отрицал союз своих сторонников с меньшевиками-партийцами и меньшевиками-интернационалистами, ведущими борьбу против ликвидаторства и оборончества. В то же время, анализируя фракционный состав местных социал-демократов, он пришел к выводу о преобладании среди меньшевиков накануне и в период войны ликвидаторов, центристов, оборонцев и интернационалистов. При этом последние, по замечаниям автора, несколько «не осуждали социал-шовинистов»¹. В результате получалось, что якутские большевики игнорировали указания В.И. Ленина, поскольку объединились не с теми меньшевиками, которых он имел в виду.

Далее Е.Е. Алексеев отмечал малочисленность ссыльных большевиков и отсутствие у них социальной базы в условиях мелкобуржуазного общества Якутии. Из этого положения по логике вещей должен вытекать вывод о том, что им выгодно было состоять в одном объединении с меньшевиками, иначе большевистская группа рисковала превратиться в секту. Однако его не последовало. Вместо этого ученый занялся рассуждениями о руководящей роли большевиков в местной организации и об осуществлении ею «ленинской линии по важнейшим стратегическим и тактическим вопросам». При этом Е.М. Ярославский объявлялся ее «признанным» лидером². Иначе говоря, его признавали своим руководителем даже меньшевики. Если действительно большевикам удалось навязать свою волю численно преобладавшим меньшевикам, то о каких антагонистических про-

¹ Алексеев Е.Е. По пути полного укрепления власти самих трудящихся (роль В.И. Ленина в исторической судьбе народов Якутии). Якутск, 1970. С.90, 93-95.

² Алексеев Е.Е. Указ.соч. С. 91, 94.

тиворечиях между ними можно вести речь? Как раз этот факт должен был демонстрировать примиренчество ссыльных эсдеков Якутска, которым умело воспользовались некоторые представители «ленинской гвардии». Однако Е.Е. Алексеев одновременно настаивал и на «объединенческих тенденциях» и на «жесточенной борьбе» между группировками в местной социал-демократической организации¹. Разумеется, в условиях ссылки политическое сотрудничество превалировало над фракционными амбициями, но это отнюдь не вытекало из рассуждений автора. К тому же внутривнутрипартийную борьбу, не доведенную до раскола, вряд ли вообще следует абсолютизировать и называть жесточенной. Ее правильнее рассматривать как противоречие в стане союзников.

В рассматриваемой работе впервые появилось указание на существование в Якутске комитета РСДРП². На источник такой информации Е.Е. Алексеев не ссылался. Неизвестен он и до сих пор. Судя по всему, автор просто отождествлял понятия «организация» и «комитет». Подобно П.У. Петрову большое значение ученый придавал пребыванию в Якутской ссылке Г.К. Орджоникидзе. Е.Е. Алексеев писал: «Серго, познакомясь с положением дел, сделал подробный доклад о работе и решениях Пражской конференции. Он подробно разъяснил историческое значение конференции, изгнавшей из рядов РСДРП меньшевиков-ликвидаторов и других оппортунистов, оказывал огромную помощь в изучении и усвоении теории и тактики Ленина»³. Нет никакого смысла сомневаться в этом. Именно так и должен был себя вести Г.К. Орджоникидзе, встретившись со своими соратниками. Удивительно другое: почему он даже не задумался воплотить в жизнь решения Пражской конференции непосредственно в Якутске? Почему примиренческий характер местной организации РСДРП вполне устраивал одного из самых преданных «гвардейцев Ильича»? Данный вопрос требовал особого научного разбирательства и, конечно же, Е.Е. Алексеев не был готов выдвинуть его в своем исследовании.

В самом конце 1970-х гг. вышел из печати монографический труд Г.Г. Макарова «Октябрь в Якутии». В его первой части

¹ Алексеев Е.Е. Указ.соч. С.94,95,98.

² Там же. С.89,90,92,95.

³ Там же. С.100.

эпизодически встречались новые трактовки изучаемых проблем. Так, например, в отношении фракционного состава ссыльных социал-демократов Г.Г. Макаров писал следующее: «Кроме большевиков в организацию входило несколько ликвидаторов и центристов, а также была значительная группа меньшевиков-партийцев и интернационалистов, которые колебались между большевиками и правыми меньшевиками. Некоторые из них впоследствии стали коммунистами»¹. При таком положении дел автору нетрудно было объяснить левый уклон в деятельности организации. Поэтому противоречий в его исследованиях содержалось на порядок меньше в сравнении с трудами предшественников. И все же некоторые из них были весьма заметны. Например, в одном случае историк подчеркивал, что образование объединенной организации РСДРП в условиях отсутствия подполья в городе и области, а также «полного произвола губернатора и царской полиции» представляло собой важный шаг в деле политической мобилизации ссыльных социал-демократов. Этот вывод можно было бы считать новым словом в изучении рассматриваемого вопроса, если б в другом случае автор не повторил прежнюю оценку данному явлению. Он назвал «даже формальное объединение с меньшевиками серьезной ошибкой якутских большевиков»². И судя по всему, именно это утверждение ученый считал определяющим. Впрочем, совпадений с концепциями литературы прошлых лет в книге Г.Г. Макарова было больше, чем расхождений. Он, например, так же, как и П.У. Петров, воссоздание организации тесно связывал с именем Е.М. Ярославского. Более того, Г.Г. Макаров утверждал, будто попытка ее оформления предпринималась Н.А. Скрышником еще в 1912 г., но ликвидаторы «сорвали это важное дело». Тем самым значимость прибытия в ссылку через год Е.М. Ярославского автоматически возрастала. Приезду в Якутск Г.К. Орджоникидзе и Г.И. Петровского автор придавал не меньшее значение. С данным событием он связывал существенное усиление большевистской группы в объединенной организации³. Правда, при этом он так же, как Е.Е. Алексеев даже не задумался о том,

¹ Макаров Г.Г. Октябрь в Якутии. Ч.1. Якутия накануне и в период Февральской революции. Якутск, 1979. С.194.

² Там же. С.178, 184.

³ Там же. С.175, 176, 180-183.

почему ближайшие соратники В.И. Ленина ничего не сделали для ее раскола. Видимо, без влияния книги Е.Е. Алексеева не обошлось и в тех случаях, где Г.Г. Макаров называл рассматриваемую организацию «Якутским комитетом РСДРП»¹.

Исследование истории социал-демократической ссылки в Якутию продолжалось в 80-х – начале 90-х гг. XX в. благодаря работам В.С. Познанского, А.Д. Сыроватского, Э.Ш. Хазиахметова². Правда, первые двое так и не внесли ничего нового в изучение вопроса идейно-политической ориентации местной организации РСДРП. Последний же посвятил ей специальную статью, в которой анализировался численный и фракционный состав ссыльных социал-демократов на период 1910-1914 гг. Это, безусловно, существенно облегчало понимание идейных позиций Якутской организации. По подсчетам Э.Ш. Хазиахметова, в течение указанного времени в городе постоянно проживало 75 ссыльных эсдеков. Из них 31 человек были большевиками, 11 – меньшевиками и 33 – социал-демократами «с неопределенной фракционной принадлежностью»³. В такой ситуации ленинцы, разумеется, имели возможность проводить свою линию, ибо эсдеки без четких идейных позиций им никак не противостояли. А представители меньшевизма и не могли этого сделать, поскольку численно почти втрое уступали своим оппонентам. Однако выходить из общей организации большевикам не было смысла, так как данный акт оставил бы внефракционных и неопределившихся социал-демократов во власти меньшевиков. Этим и можно объяснить «сильные примиренческие тенденции» в Якутской организации РСДРП, которые были отмечены в статье Э.Ш. Хазиахметова⁴. Такая же ситуация сложилась в местном

¹ Макаров Г.Г. Октябрь в Якутии. Ч.1. Якутия накануне и в период Февральской революции. Якутск, 1979. С.178,194.

² Познанский В.С. Из истории революционной деятельности большевиков в Якутской ссылке // Большевики Сибири в трех революциях. Новосибирск, 1981. С.66-88; Сыроватский А.Д. Роль ссыльных революционеров в создании и деятельности марксистских кружков в Якутии. Якутск, 1991; Хазиахметов Э.Ш. Якутская организация РСДРП в 1910-1914 гг.: численность, состав, партийные связи // Организаторская и идеологическая деятельность большевиков в Сибири в период борьбы против царизма и капитализма. Омск, 1987. С.73-92.

³ Хазиахметов Э.Ш. Указ. соч. С.78-80.

⁴ Там же. С.88.

социал-демократическом движении и в годы Первой мировой войны. Об этом можно говорить вполне определенно, поскольку организационная линия ссылных большевиков Якутска с 1914 г. нисколько не изменилась.

Рассматриваемая работа Э.Ш. Хазиахметова в определенной мере прояснила процесс восстановления местной организации РСДРП после провала «маяковцев». Он прошел три этапа в своем развитии, каждый из которых начинался соответственно в 1910, 1912 и 1914 гг.¹ Примечательно, что в советских публикациях 20-50-х гг. эти даты фигурировали как самостоятельные точки отсчета воссоздания Якутской социал-демократической организации. В статье же Э.Ш. Хазиахметова все они были систематизированы, в результате чего стало ясно, что связывать начало ее восстановления с именем Е.М. Ярославского неправомерно.

В целом в советский период по рассматриваемой проблеме был накоплен солидный историографический материал. Сведения об объединении ссылных социал-демократов Якутска были включены в сводную таблицу организаций РСДРП, помещенную в третьем томе фундаментального издания «Рабочее движение в Сибири»². Там данное партийное образование числится в статусе группы, что представляется явно заниженным. Очевидно, по своим структурным критериям объединение ссылных эсдеков Якутска было гораздо ближе к организации, чем к группе. На это указывают общее количество его членов, созыв партийных собраний, сбор членских взносов, наличие выборных органов и даже устава.

В свою очередь в ходе анализа идейно-политической ориентации социал-демократов Якутска следует учитывать тот факт, что сторонники В.И. Ленина, находясь в меньшинстве, создали в объединенной организации собственную группу. Внутри нее они имели возможность проводить свою тактическую линию, но серьезного влияния на других социал-демократов оказывать не могли. В такой ситуации ими даже не ставился вопрос о выходе из общепартийной структуры, что в условиях ссылки было бы неоправданно. Таким образом, идейное содержание Якутской организации РСДРП можно охарактеризовать как типично примиренческое. Это же следует отнести и к подпольному кружку

¹ Хазиахметов Э.Ш. Указ. соч. С.88.

² Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика. Т.3. Томск, 1991. С.45.

«Маяк», переросшему в первые годы реакции в социал-демократическую группу.

Таким в данный момент представляется авторский взгляд на идейное содержание и организационное состояние объединений РСДРП города Якутска в 1905-1917 гг. Однако точку в изучении рассматриваемой проблемы ставить рано. Новые ее исследования вполне могут внести соответствующие корректировки в процессе развития отечественной историографии.

Сальникова Е.С.

Периодическая печать об уголовной ссылке в Восточную Сибирь 80-90-х гг. XIX века

Огромную роль в вопросе изучения ссылки в Сибирь, истории ее появления, влияния на развитие края, и, наконец, на её отмену, сыграла периодическая печать. Впервые подняла этот вопрос газета «Сибирь», которая начала выходить в Иркутске в 1875 году.

Газете «Восточное обозрение» суждено было продолжить изучение вопроса ссылки в Сибирь, так как в 1888 году «Сибирь» прекратила свое существование, и издание газеты было перенесено из Санкт-Петербурга в Иркутск.

Но в «Восточном обозрении» эти проблемы стали разрабатываться с новой, небывалой яркостью именно потому, что душой и главным деятелем газеты стал Н.М. Ядринцев.

Одна из главных заслуг «Восточного обозрения», как указывали современники, это то, что она приняла на себя серьезную разработку местных, сибирских вопросов, особенно проблем, связанных со ссылкой в Сибирь. Она указывала на необходимость ее отмены, приводила доказательства, собирала факты.

Развитие Сибири во второй половине XIX века поставило на первый план вопрос о ссылке. Бесперывный наплыв уголовных преступников представлял весьма существенный тормоз для развития в Сибири нормальной гражданской жизни, местная печать почти каждый наступающий год с челобитной обращалась к правительству о прекращении ссылки. Голос местной печати в этом вопросе отнюдь не был одинок. Высшие сибирские адми-

нистративные лица не раз высказывались за отмену уголовной ссылки.

«Перед вопросом о ссылке бледнеют все остальные вопросы сибирской жизни. Нельзя возбуждать самодеятельность общества ни для улучшения сельского дела, ни для правильной организации народного кредита, когда затрачиваемые средства для этой цели идут лишь на облегчения преступников. Невозможно предъявлять требования любви к ближнему, к населению, имуществу и жизни которого грозит непрерывная тревога, постоянная опасность. Лучше жить среди осажженного города лицом к лицу с врагами, чем среди общества, непрерывно пополняемого потоком преступного населения».

Вопрос об уголовной ссылке, в 60-х-90-х гг. XIX века, был в Сибири одним из самых актуальных. Такое значение он приобретал не только в связи с массовостью этого явления, но и потому, что был тесно связан с хозяйственной и общественной жизнью края, с отношениями, возникавшими между ссылными и местным населением, в числе их и коренными жителями Сибири.

Интересно, что первые статьи появились еще в газете «Иркутские губернские ведомости», а газета «Сибирь», с первых лет своего существования, этой проблеме уделяла значительное место.

Все вновь выходившие сибирские периодические издания начинали свои публикации о ссылке с исторического экскурса, газета «Сибирь» 1877 № 33, 1879 № 41-43; «Восточное обозрение» 1882 № 4, 17, 1883 № 2; «Енисей» 1895 № 4, 6 и др.

Большая часть публикаций о ссылке были передовыми статьями, что доказывало значимость проблемы для края. «История ссылки в Сибирь» («Сибирь», 1877, 4 авг., 11 авг., 1 сент.; 1881, 29 сент.); «Несчастный вопрос» («Восточное обозрение», 1882, 22 июля); «Тюремный вопрос в Сибири» («Восточное обозрение», 1883, 13 окт.); «Статистика ссылки и положение ссылного вопроса» («Восточное обозрение», 1885, 7 марта); «Ссылка в Енисейский округ» («Енисей», 1895, 12 марта, 22 марта) и др.

Традиционно, все сибирские газеты прошлого века, какой бы проблемы края они не касались, отводили значительное место статистическим данным. Это непосредственно относилось и к вопросу ссылки. Так как здесь цифры менялись постоянно, то статистические данные печатались ежегодно. Самый большой и

обстоятельный обзор был сделан «Восточным обозрением» в статье «Статистика ссылки и положение ссыльного вопроса» (1885, 7 марта) и газетой «Сибирь» (1877, 17 авг., 1879, 21 окт., 28 окт., 1885, 18 янв.).

За 1807 – 1899 годы ссылка дала Сибири не менее 864,5 тыс. человек ссыльных и их семейств, т.е. почти 1/6 населения этого края на конец столетия. Ежегодный прирост ссыльных составлял 11-12 тыс. человек и 4-5 тыс. жен и детей следовавших за ними. По категориям ссыльных она из года в год сохраняла свой характер. Так, например, в 1884 году: 51,6 % административно-ссыльных, из них 1% по распоряжению правительства; 30,5 % ссыльнопоселенцев; 15,8% бродяг; 2,1 % ссыльных на жительство.

Наибольшее количество ссыльных шло по административной категории. Уже одно то, что количество административных ссыльных превышало количество ссылаемых по суду, заставило обратить на нее особое внимание сибирских газет. Они пытались объяснить читателям, что собой представлял этот вид ссылки.

Под административной ссылкой понимались два ее вида, объединяемые лишь тем, что оба они применялись вне суда и помимо уголовного приговора.

Первая: ссылка по непосредственному усмотрению и распоряжению государственной административной власти. «Она является мерой, вызываемой совершенно особыми соображениями общегосударственной безопасности и применяемой в случаях исключительных и редко (5 – 10% от административной ссылки)».

Вторая: ссылка по приговорам крестьянских и мещанских обществ. Она имела два вида: 1. Неприятие обществами лиц, подвергшихся тюремному наказанию или отбывших срок в арестантских ротах, с «лишением их всех особенных прав». 2. Ссылка лиц по суду не наказанных, но за порочное поведение, по усмотрению обществ, предоставляемых в распоряжение правительства.

При этом обществам были даны, действующим законодательством, весьма обширные права. Закон не ставил им почти никаких пределов и всецело предоставлял право определения причин, в зависимости от которых их члены могли ссылаться в Сибирь.

Действительно, формально, эта мера не носила характер уголовного наказания, а являлась мерой предупредительной, так

как назначалась не за преступления, а в предупреждение преступления. По существу, эта предупредительная мера была ни что иное, как тяжелое наказание для человека, ибо это влекло принудительное переселение в отдаленный, суровый край, без материальной поддержки, с враждебно относящимся населением к любым категориям ссыльных.

Первым изданием, которое обратило внимание на этот вид ссылки, было, «Восточное обозрение» (1885, 7 марта). Оно попыталось доказать несправедливость этого наказания. «Это право сельских обществ может оспариваться весьма сильно с точки зрения юридической справедливости, в смысле оценки виновности и необходимости прибегать к этой мере. Часто лица, попавшие за проступки и оправданные судом, не принимаются обществом и высылаются в Сибирь».

Газета высказывала свое мнение, что наказание ссылкой для этой категории сосланных только ухудшает дело, так как в появлении «испорченной» личности и доведенной до преступления, виновно бывает отчасти и само общество и оно не может слагать с себя вины.

Удаление и ссылка «за порочное и развратное поведение» не подвергшихся суду лиц, впервые появляется в 1736 году.

Озаботившись колонизацией окраин, правительство усмотрело, что в Восточной Сибири много удобных к заселению и хлебопашеству мест, и оно издает указ от 13 декабря 1796 года по которому, помещикам было разрешено за разные «непристойные и предрозостные поступки» годных к работе, не старше 45 лет, крестьян отдавать на поселение в Сибирь, с зачетом за рекрут.

Этот указ породил множество злоупотреблений, шедших прямо вразрез его основной цели – способствовать заселению Сибири. Помещики и крестьянские общества отправляли туда наиболее дряхлых и увечных крестьян, зачитывая их за рекрут.

В 30-е годы XIX века возник еще один вид административной ссылки, получивший в конце века первенствующее значение – ссылка лиц, не принятых в их прежнюю среду, после отбытия наказания в тюрьме или арестантских ротах.

Не раз сибирские газеты поднимали вопрос о необходимости упразднения права сельских сходов ссылать в Сибирь членов своих обществ. «В исключительных случаях, быть может, крестьянский мир видит в этом праве единственное средство

избавиться от вредного человека, но в исключительных случаях. Но число таких людей достигает довольно крупной цифры ежегодно. Все они попадают в те же условия, что и сосланные на жительство и даже на поселение. Если это порочные члены, то спрашивается, чем же виноваты крестьянские общества Сибири, которые должны принимать их к себе. Большинство этих несчастных ссыльных не могут найти заработков, местные общества встречают их враждебно и вот многие из них идут на большую дорогу, на преступление».

Газеты справедливо указывали и на неравномерное распределение ссыльных по губерниям Сибири. Иркутская губерния – одна из малонаселенных – несла это бремя более других. Тобольская получала их в несколько раз меньше чем Томская.

«Ежегодно в Иркутскую губернию поступало около 5,5 тыс. ссыльных, в Тобольскую – 5,8 тыс., Енисейскую – 3 тыс., а в Томскую – 1,5 тыс. в год. Если бы все приходящие в Сибирь ссыльные оставались на тех местах, куда они поселены, то, считая только прилив их в течение последних 10 лет (с 1888 года), в некоторых губерниях, например, в Иркутской, они составляли бы 1/4 часть населения. В действительности, они представляют наиболее подвижный, почти бродячий элемент населения».

Общий процент ссыльных к населению губерний:

Тобольская губ.	7,4%
Томская губ.	1,4%
Енисейская губ.	9,1%
Иркутская губ.	14,2%
Якутская обл.	2%
Забайкальская обл.	2,2%

Сибирские газеты также обрацали внимание, какое деморализующее влияние оказывает ссылка на развитие края, на рост благосостояния ее населения и т.д. В чем состояли негативные последствия ссылки?

Рост преступности в Сибири. По мере увеличения притока ссыльных, росло и число совершаемых преступлений. Так, только в одной Енисейской губернии в 1881 году – 600 человек ссыльных было осуждено за преступления, а в 1897 году уже 905 человек.

К 1898 г. имеем следующую картину:

	% тюремных заключенных среди ссыльных	% тюремных заключенных среди местного населения
Томская губерния	59% (777 чел.)	6,4%
Енисейская губерния	70% (855 чел.)	9,2%
Иркутская губерния	65% (2,3 тыс. чел.)	14,2%

Кроме этого, самые опасные преступления (убийства, грабежи) стояли в первом ряду преступлений. 50% этих преступлений совершались ссыльными.

Ссылка несла в Сибирь увеличение заразных заболеваний, распространение проституции. Газета «Восточное обозрение» после закрытия газеты «Сибирь» в 1885 году фактически одна повела борьбу за души сибиряков, за нейтрализацию пагубного влияния ссылки.

«Если мы возьмем вопрос о ссылке, мы увидим, что, не говоря о нравственно-растлевающем влиянии ее на местное население, сама местная полиция и общество положительно не в силах бороться с разбоями, кражами, и убийствами. Десятая доля известий о кражах попадает в газеты, а каждый номер наполнен стонами и жалобами на грабежи и кражи. Этими жалобами переполнен весь край от Урала до Якутии.

Доколе же Сибирь будет служить клоакой для всевозможных нечистот, скопляющихся среди стомиллионного города?

Вообще, когда заводится речь о прекращении ссылки – больше разумеют каторжных, но нам страшны поселенцы. Масса их болтается среди нас, не работая; они живут на наш счет. Они расстраивают хозяйство, семейные связи, мешают торговле, словом, нет такой стороны жизни, на которую ссылка не действовала разрушающе».

Как еще один отрицательный факт ссылки газеты указали на растущее число заболеваний среди местного населения. Во-первых, рост числа психических заболеваний через браки с местным населением, способствующих вырождению последних. Влияние ссыльных на распространение венерических заболеваний. «Смертность в Восточной Сибири высока и все за счет ссылки. Так как редкость населения, отсутствие фабрик и больших городов, хорошие физические условия, при сносном экономиче-

ском положении позволяют ожидать средних цифр смертности, а смертность максимальная для России, и основным фактором этого служит ссылка».

Помимо всех этих факторов ставили газеты и вопрос о нравственном влиянии ссылных элементов. Они писали о растлевающим воздействии преступников на жителей края. «Невозможно предъявлять требования великодушия, человечности, любви к ближнему, к населению, жизни и имуществу которого грозит непрерывная тревога, постоянная опасность. Лучше жить среди осажденного города, лицом к лицу с врагами, чем среди общества, постоянно наполняемого преступниками».

Отрицательное влияние ссылки сказывалось и на материальных затратах сибирского крестьянина, которое оно несло в виде повинностей.

В российском правительстве существовало мнение, что ссылка, как наказание, самый дешевый и удобный способ избавиться от преступников, чем строительство и содержание тюрем. Выгоды основывались на том, что государству чрезвычайно мало стоит отправка преступника в другую местность, когда затем оно слагало с себя уже всякие заботы о нем.

Газеты, с первых дней своего существования повели борьбу с этим мнением, которого придерживались многие правительственные чиновники и некоторые столичные газеты.

В газете «Сибирь», в 1877, 1879 году появляется ряд статей, доказывающих, что ссылка в Сибирь является очень дорогим мероприятием, но, в основном, для жителей края. Позже, уже «Восточное обозрение» включилось в этот спор. Одна из статей в газете так и называлась «Старый спор» (1890, 22 мая). В 1888 году выходит большая передовая статья, озаглавленная «Во что обходится ссылка Сибири?» (1888, 6 ноября), где редакция приводит цифры, которые показывают, что, если государству пересылка каждого арестанта обходится в 130 рублей, то водворение его на постоянное место жительства (т. е. сельский конвой) и содержание его в Сибири обходится уже в 8-15 раз дороже и полностью ложится на плечи местных жителей.

Вся тяжесть карательной системы России падала на одну часть населения империи, и именно на Сибирь, в Сибири же, по преимуществу, на крестьянство. Край, таким образом, вы-

полнял тюремную повинность по содержанию преступников за целое государство.

Сибирская печать не ограничивалась лишь доказательством пагубного влияния ссылки на все стороны жизни края и его населения. «Восточное обозрение» в своих статьях попыталась высказать мнение о возможности замены этого вида наказания.

Так газета (1899, 24 янв., 1900, 20 июня) высказывала обоснованное суждение о необходимости введения в России условно-досрочного осуждения. «Необходимо ввести в практику условное осуждение и отсрочку наказания за маловажные преступления». Она предлагала заменить ссылку «тюремной системой, с внутренними и внешними работами, с фермами, земледельческими колониями. Каждый район, область должна иметь свои тюрьмы, исправительные заведения, приспособленные к климату, к условиям местной, экономической и промышленной жизни».

12 июня 1900 года был издан закон о частичной отмене ссылки.

После издания закона резко уменьшился поток ссыльных в Восточную Сибирь и в этом была, несомненная заслуга сибирских газет, которые на протяжении двух десятилетий боролись с этим злом.

Сибирские газеты не только подготовили общественное мнение к протесту против ссылки, но и научно разработали эту проблему. Многие статьи по этому вопросу носили исследовательский характер, с привлечением многочисленных статистических данных, цифр, фактов. Доказательством тому служат ссылки на «Восточное обозрение» и на «Сибирь» при написании различных статей и книг по проблемам уголовной ссылки.

Роль рецензий в становлении журнала «Каторга и ссылка»

О влиянии рецензий 20 – 30- гг. XX в. на становление издательства «Политкаторжан» и журнал «Каторга и ссылка».

About influence of reviews 20 – 30th of XX century on becoming of publishing house «Politkatorjan» and magazine «Katorga and the reference»

Становление исторической науки в 20 – 30-е гг. XX в. сопровождалось сложными, многогранными и неоднозначными процессами. Шел процесс, с одной стороны, осмысления задач исторической науки, с другой, выискивания политических ошибок и борьбы с инакомыслием. Наша задача выяснить влияние рецензий и обзоров, опубликованных по поводу издательства «Политкаторжан» и журнала «Каторги и ссылки» на их становление и развитие, как центров исторической науки.

Более сорока рецензий, отзывов и статей обзорного характера, помещенные в исторические журналы, принадлежат в основном разбору статей журнала и рецензиям на отдельные публикации по истории революционного движения России и Сибирской ссылки. В них прослеживаются оценочные суждения журнала «Каторга и ссылка» и издательства, позволяющие судить об уровне советской историографии, отягощенной идейной борьбой с «антимарксистскими течениями» исторической мысли.

Оценки журнала и уровня его публикаций различались и, в первую очередь, зависели от идеологической трансформации политической системы. На стадии становления журнала его перспективы у некоторых исторических структур даже вызвали сомнение. Нехватка средств и кадров в стране диктовала необходимость концентрации научных сил. Вопрос о параллелизме работы научных журналов обсуждался на страницах партийных изданий и на партийных съездах. Орган Истпарта «Пролетарская революция» отметил что, опубликование историко-революционных материалов чрезмерно дробится по ряду исторических журналов, а недостаток научных кадров, приведет к «неэкономной трате научных сил». «Вряд ли следует радоваться появлению

нового журнала, ... дальнейшее увеличение числа этих изданий только увеличивает разрозненность и случайность исследовательской работы, ведет к дальнейшей неэкономной трате научных сил ...»¹. Сердитый тон рецензии, тем не менее, не помешал отметить, что материалы, касающиеся каторги, тюрьмы и ссылки, интересны, а вот другие материалы, посвященные истории революционного движения, с большей пользой для историка и читателя могли бы быть распределены по уже существующим журналам. Опасения рецензента не оправдались, журнал «Каторга и ссылка» стал уникальным изданием со своей специфической тематикой и авторским составом.

В 1920-е гг. рецензии в большей мере носили оценочно-рекомендательный, а не политический характер. Рецензенты положительно оценивали журнал в деле подбора материалов о разных периодах революционного движения, предоставление места публикациям представителей разных революционных политических партий, работу разных отделов журнала. «Красная новь» высказал мнение, что «Каторга и ссылка» буквально с каждым номером становится одним из интереснейших исторических журналов «обнаруживает здоровый рост, как в смысле подбора материалов, так и интереса помещаемых статей»². Журнал дал положительную оценку отдела некрологов и библиографии.

Продуктивная работа «Каторги и ссылки» постепенно сформировала положительное мнение у научной общественности. Даже постоянный оппонент исторических журналов «Пролетарская революция» отметил «правильную стратегию» «Каторги и ссылки»: не печатать статей на темы общесторического и теоретического характера, так как для таких дел имеются другие исторические журналы. По мнению рецензента Вл. Малаховского, журнал сумел занять определенное место в исторической печати, поскольку содержит «немало интересного материала» о революционном движении XIX в. преимущественно народничества и небольшевистских революционных партий, что отличает

¹ Лелевич Г. Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. № 5. Изд-во бывших политкаторжан и ссылнопоселенцев. М., 1923. // Пролетарская революция. – 1923. – № 3 (15). – С. 325 – 328.

² Кряжин В. «Каторга и ссылка» Историко-революционный вестник. Издательство политкаторжан. 1923. – Кн. 7. 306 с., 1924. Кн. 1. 301 с. // Красная новь. – 1924. – № 2. – С. 316 – 317.

его от других исторических журналов¹. Автор также отметил неуклонный рост статей, посвященных изучению ссылки (в пяти номерах журнала за 1927 г. опубликовано четыре статьи) и «в части воспоминаний журнал хорош». Однако уровень научных статей Вл. Малаховского, видимо, не удовлетворил «как только журнал отвлекается от свой «специальности», читатель получает слабенькие статьи».

«Печать и революция» отметил богатое содержание и обширный, хорошо поставленный библиографический отдел и отдел хроники Общества².

Отчасти положительная оценка «Каторги и ссылки» поступала вплоть до письма Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма». Рецензии, на первых порах призывавшие повысить уровень исторических исследований журнала, постепенно стали выполнять политическую роль, реализуя линию партии в деле борьбы с «чуждыми элементами».

«Книга и революция», журнал, специально посвященный критике и библиографии, работу редакции назвал удовлетворительной за умение справляться с задачей сбора и публикации материалов о революционном прошлом, за предоставление материалов самим участникам «в их непосредственности», за внимание к вопросам истории «Народной воли», ее истокам, «методологию» изучения этой партии³. Недостатки, отмеченные рецензентом А. Мильштейном, были связаны с идеологическими отступлениями бывших народников, меньшевиков и социалистов-революционеров. Их статьи, по его мнению, написаны не на том «методологическом» уровне, поэтому прямой политической задачей является необходимость наличия «большевистской руки», которая бы твердо направляла материалы так, как это понимает марксист-ленинец. А. Мильштейн высказался за необ-

¹ Малаховский Вл. «Каторга и ссылка». Журнал Всесоюз. Общества полит. и сс. с № 1 (33) по 5 (34) за 1927 г. // Пролетарская революция. – 1927. – № 11 (70). – С. 248 – 252.

² Клеветский М. Исторические журналы за 1926 год (Обзор) // Печать и революция. – 1927. – № 3. – С. 104 – 110.

³ Мильштейн А. «Каторга и ссылка». Историко-революционный вестник». Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. № 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8-9, 10, 11, 12 за 1929 // Книга и революция. – 1930. – № 11. – С. 31 – 33.

ходимость помещения к мемуарам «примечаний» и «предисловий» «марксистов-ленинцев».

Автор «Историк» отметил разнообразную, а главное, актуальную тематику журнала. На его взгляд, некоторые воспоминания написаны живо, просто и увлекательно, дают богатый материал по истории революционного движения в Сибири¹.

Граница начала жесткой политической критики «Каторги и ссылки» очерчена в рецензии А. Бура, опубликованной в «Пролетарской революции» в 1930 г.² Автор указал, что вышедшие шестьдесят шесть номеров журнала определили его облик, однако живительных дух самокритики не проник еще в «редакционные апартаменты» Общества политкаторжан. По мнению рецензента, массовый читатель ждет от журнала научно-проработанные и исторические материалы, а не воспоминания с «революционными анекдотам». Обвинения в адрес журнала выглядят, по меньшей мере, странно, так как и сам журнал «Пролетарская революция» значительное место отводил публикации мемуаров. А. Бур буквально цеплялся по мелочам. Критике подверглась рубрика журнала «лики отошедших». Автора не устроило название: «уместном скорее в издании какого-нибудь религиозно-духовного общества» и содержание. По мнению А. Бура, на 320 страницах девяти последних журналов «Каторги ссылки» о 50 «отошедших» помещены только отдельные штрихи, случайные воспоминания «полные общих мест и личных излиятий». Автор критиковал рубрику за «политическую беспринципность даваемых характеристик», в которой обходится молчанием вопрос об истинной революционности отдельного лица. По его мнению, она определяется отношением революционера «к тому этапу борьбы за социализм, которую российский пролетариат начал в октябре 1917 г.». Рубрика «тюрьма, каторга, ссылка и эмиграция», на взгляд автора, страдает отдельными воспоминаниями и случайными эпизодами, которые носят «не законченный общий

¹ «Историк» «Каторга и ссылка». Историко-революционный вестник». Изд-во Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Кн. 1, 2, 3, 4. М., 1930). // Книга и революция. – 1930. – № 21 – 22. – С. 54 – 56.

² Бур А. По журналам. «Каторга и ссылка». 1929. №№ 8-9, 10, 11 и 12 и 1930. № 1, 2, 3, 4,5 // Пролетарская революция. 1930. – № 9 (104). – С. 168 – 173.

характер». А. Бур делает вывод, что журнал «Каторга и ссылка» не отвечает требованиям читателя по характеру материала, некритическому отношению к историческому прошлому и по идеализации того, что осуждено революционным опытом.

После рецензии на страницах журнала разгорелась полемика. В одиннадцатом номере за 1930 г. появились статьи старосты Общества Е. Ярославского «Каким должен быть и каков есть журнал «Каторга и ссылка», М. Ольминского «Ответ т. Ярославскому» и «От редакции»¹. Е. Ярославский по поручению Президиума Общества и редакции журнала «Каторга и ссылка» дал четкий ответ на все упреки А. Бура. Прежде всего, автор напомнил, что журнал является органом Общества политкаторжан, члены которого представляют революционеров разных поколений и идеологий, начиная чуть ли не с петрашевцев. Е. Ярославский подчеркнул «чрезвычайное своеобразие» журнала, где, в отличие от журнала «Пролетарская революция», сотрудниками журнала являются не только коммунисты. «И мы не можем требовать, чтобы все эти революционеры говорили марксистским языком, мы можем лишь требовать, чтобы журнал «Каторга и ссылка» давал и марксистскую оценку этому прошлому»².

На упреки в адрес характеристики революционеров Е. Ярославский заявил, что авторы биографий не всегда знали «что делал такой-то товарищ в феврале 1917 г., а что он делал в октябре 1917 г.». На третий упрек об отсутствии исследовательских статей по истории каторги и ссылки, автор еще раз напомнил особенность журнала – редакция ставит своей первоочередной задачей собирание и опубликование соответствующего мемуарного и автобиографического материала, тем не менее, на страницах журнала достаточно места отводится для освещения «невыясненных и спорных вопросов прошлого». Для подтверждения этого тезиса Е. Ярославский привел статистические данные о приросте исследовательского материала. Например, в отделе «тюрьма, каторга и ссылка» за 1929 г. мемуарные работы зани-

¹ Ярославский Ем. Каким должен быть и каков есть журнал «Каторга и ссылка» // Пролетарская революция. – 1930. – № 11. – С. 183 – 187; От редакции // Там же. – С. 188; Ольминский М. Ответ т. Ярославскому // Там же. – С. 188 – 189.

² Там же. – С. 187.

мали 74,4 % (420 страниц из 565), в семи номерах 1930 г. они составляли уже 50,5 % (158 страниц из 313) и т.д.

Однако «Пролетарская революция» в лице М. Ольминского поддержала нападки А. Бура и добавила еще более веские аргументы в пользу необходимости размежевания с «чуждыми элементами». Автор высказал точку зрения, вписывающуюся в заданную стратегию политической системы поиска врагов. На взгляд М. Ольминского, причисление т. Ярославским Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев к «историко-революционному» дает повод пояснить, что понятие «революционный» относительное. На его взгляд, то, что было вчера революционным, сегодня может способствовать общению чуждых элементов для революции или «противоестественному» общению людей разных политических убеждений. Автор подчеркнул, что чем дальше развивается революция, тем более в таком «Обществе», где основной признак членства принадлежность к ссыльным или политкаторжанам, возможно преобладание чуждых элементов. «Иначе сказать, с течением времени революционность будет выдыхаться, и будет назревать необходимость размежевания»¹. Автор назвал журнал «не только сплошная беспросветность», но и нечто худшее и необоснованно обвинил его в призыве к терроризму как методу политической борьбы. Вторила М. Ольминскому и редакция «Пролетарской революции». Она согласилась с А. Буrom в оценке «Каторги и ссылки» и подчеркнула, что признак «бывшего революционера» еще абсолютно ничего не говорит о его современной позиции и не дает права не критически относиться к его прошлой работе и замазывать его политический взгляд. «Сейчас в обстановке классовой борьбы неизбежен процесс дальнейшего размежевания среди той группы интеллигенции из числа бывших ссыльных и каторжан, которые группируются вокруг Общества»². Редакция пояснила, что они воспринимают рецензию т. Бура и т. Ольминского как попытку содействия уточнению позиции журнала и обеспечению его выдержанного марксистского лица. Тем не менее, редколлегия «Каторги и ссылки» осталась на своих позициях.

Наиболее трагический удар по исторической науке и периодике был нанесен письмом Сталина «О некоторых вопросах исто-

¹ Ольминский М. Ответ т. Ярославскому // Там же. – С. 188.

² Там же. – С. 189.

рии большевизма», опубликованного в 1931 г. в журнале «Пролетарская революция». В ранг истины в последней инстанции ставилось положение о якобы усиливающейся классовой борьбе по мере развертывания строительства социализма. Сталин стал обвинять историков в фальсификации истории большевистской партии и призывал редакцию «Пролетарской революции» (имея в виду и редакции всех других исторических журналов), поставить дело изучения истории партии на «научные, большевистские рельсы и заострить внимание против троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории нашей партии, систематически срывая с них маски».

Придавая политический вес «Каторге и ссылке», руководство Общества и редакторский коллектив журнала принял решение перепечатать статью и сопроводить ее рядом публикаций со своим видением вопроса¹.

Е. Ярославский, глава Общества и «большевистский историк партии», выступил с ответом, который тем более был необходим, так как письмо Сталина содержало обвинения и в его адрес за «книжки», которые «содержат ряд ошибок принципиального и исторического характера». Е. Ярославский призвал к перестройке на историческом фронте и признал тот факт, что и даже после письма Сталина на историческом фронте, и в том числе, в журнале «Каторга и ссылка» были допущены ошибки идеологического характера. В нем была напечатана статья т. Чужака «Военный вопрос перед судом Лондонского съезда», где была сфальсифицирована история партии. Автор выдвинул тезис о партийности исторической науки и поднятии ее на «большую принципиальную высоту».

Редакция журнала «Каторга и ссылка» поддержала старосту Общества и со своей стороны констатировала, что журнал нередко давал трибуну тому, у кого не было на это никакого права, и кто использовал ее в интересах борьбы с пролетарской революцией, предоставлял иногда право дискуссии и не давал отпор

¹ Сталин И. Ответ тт. Олехновичу и Аристову (по поводу письма в редакцию «Пролетарской революции» «О некоторых вопросах истории большевизма» // Каторга и ссылка. – 1932. – № 11-12 – С. 7 – 18; Е. Ярославский. Об одной фальсификации истории большевизма // Каторга и ссылка. – 1932. – № 11 – 12. – С. 19 – 22; От редакции журнала «Каторга и ссылка» // Там же. – С. 23 – 28.

оппонентам, тем самым проявляя «гнилой либерализм» против которого выступил Сталин¹. Редколлегия журнала обещала решительным образом исправить уже сделанные ошибки и опубликовать в печати результаты критической оценки тех или иных фактов. Кроме того, была высказана мысль о том, что Общество и редакция, в частности, несет колоссальную ответственность перед своими читателями и перед мировым рабочим движением за каждое слово, сказанное на страницах издательства, а это обязывает к сугубой осторожности и внимательности при трактовке исторических событий. Редакция высказалась за видоизменение характера не только журнала, но и всей печатной продукции. Таким образом, реакция Общества и редакции журнала соответствовала духу времени – отчасти поддержать линию политической системы и по необходимости поддакивать в унисон другим подконтрольным историческим структурам.

Через рецензий с политическими обвинениями сыпалась и дальше. «Историк-марксист» в статье «За решительную перестройку исторического фронта» под воздействием письма Сталина призывал мобилизовать силы исторического фронта для идеологической борьбы за чистоту марксистско-ленинской теории². Под удар попала и «Каторга и ссылка». В шести строчках рецензент изложил свои претензии журналу, были названы авторы (Колосов, Сергиевский, Иванов, Книжник-Ветров, Чужак, Теодорович и др.) которые, по мнению «Историка-марксиста», извращали на все лады подлинно марксистскую историю каторги и ссылки. Рецензия нелепо обвиняла журнал в том, чего не было. Рецензия была опубликована без подписи, видимо на то были свои причины.

В защиту журнала выступил редактор И.А. Теодорович, он настаивал на неправомочности обвинений в адрес журнала и подчеркивал его специфику³. И.А.Теодорович категорически заявил, что ни один из поименованных критиком авторов не опубликовал ни одной статьи в журнале, «ни единой строчки, ни единой буквы» на тему об истории каторги и ссылки, а потому

¹ Там же. – С. 23 – 28.

² За решительную перестройку исторического фронта // Историк-марксист. – 1932 – № 1 – 2. – С.7 – 12.

³ Теодорович Ив. Письмо в редакцию // Каторга и ссылка. – 1932. – № 10. – С. 247 – 250.

они не могли ее извращать. Он еще раз напомнил, что программа журнала гораздо шире заглавия, а отдел «история каторги и ссылки» занимает «скромнейшее место». Редактору пришлось даже защищать журнал от обвинений в ошибках, которые уже были исправлены (по поводу ошибочной статьи т. Чужака).

К хору критиков присоединился журнал «Борьба классов». В серии его рецензий издательство «Политкаторжан» и коллектив журнала «Каторга и ссылка» обвинялись в стиле письма Сталина в «гнилом либерализме». Рецензент Б. Волин клеймил «гнилых либералов», засевших среди большевистской части редакторского коллектива «Каторги и ссылки», в сочувственном приеме авторов-меньшевиков, которые в предисловиях потакают, а не подвергают большевистской критике меньшевистскую мемуаристику и не хотят раскрыть и разоблачить до конца всю механику предательств меньшевиков, которых он назвал буржуазной агентурой¹. Под удар попали мемуары Михаила Фишелева «От харьковской голубятни до ангарской ссылки». По мнению автора рецензии, М. Фишелев во все времена был меньшевик, «далеко не «агнец», и далеко неверный солдат революции, а потому не имеет права лезть ныне в учителя нашей молодежи. Автор высказал мысль, что во все тяжелейшие периоды борьбы пролетариата с царизмом и буржуазией, он был против рабочего класса и партии большевиков, так как был на стороне тех, кто травил большевиков-ленинцев. Далее последовали требования не допускать в издательства гнилых либералов, содействовавших троцкистской, меньшевистской и бундовской контрабанде.

Критические рецензии с политическим подтекстом коснулись издательства «Политкаторжан». На взгляд рецензента П. Казанского, издательство несет большую политическую ответственность за свою печатную продукцию². По его мнению, издательство «Политкаторжан» выпускает журнал «Каторга и ссылка», который публикует «вредные антипартийные» статьи, грубо извращающие историю большевизма. В прицел критики попало

¹ Волин Б. Мемуарной литературе – большевистская бдительность // Борьба классов. – 1932. – № 4. – С. 104 – 107.

² Казанский П. Больше большевистской бдительности (О журнале изд-ва политкаторжан «Каторга и ссылка». № 2, 11-12, за 1931 г., № 1, 3, 5, 7, 10, 11-12 за 1932 г., № 2, 3 за 1933 г. // Борьба классов. – 1933. – № 5. – С. 122 – 128.

несколько статей на разные темы, но всех их объединяет одно, они были написаны бывшими меньшевиками и эсерами. Рецензент заметил, что статьи «пишутся бывшими меньшевиками и эсерами и нередко с прежних своих позиций», отсутствует политически четкий анализ борьбы классов и роль партии в революции, недооценена и порой проигнорирована роль большевиков в революционном движении, преобладают статьи, относящиеся к периоду народничества. Автор в рамках усиления «большевистской бдительности» призывал разрабатывать более поздние периоды рабочего движения, вести борьбу с фальсификаторами истории, повышать партийную ответственность редакции. Мимоходом рецензент заметил, что «улучшение в работе журнала за 1932 г. имеется», не пояснив в чем именно.

Неравносное внимание к просчетам и положительным достижениям издательства «Политкаторжан» подчеркивает тот факт, что поиск недостатков в большей мере преследовал политическую цель – взять под контроль «исторический фронт»: издательство, журнал и авторов, представлявших свою точку зрения на ход революционной истории. Политическое влияние письма Сталина на историческую науку настолько исказило рецензионный процесс, что произошла подмена научной критики критикой политической.

Г. Аркадьев отмел все объяснения организаторов Общества о его особенности и особенностях авторского коллектива и взялся критиковать издательство «Политкаторжан» за невнимание к истории большевизма и большевистского революционного подполья, что, по его мнению, ведет к грубым политическим ошибкам в работе издательства¹. Автор подверг критике работу Я. Шумяцкого «Закаленные в борьбе», где, по его мнению, автор допустил идеологические ошибки: объединяет «большевизм» и «меньшевизм» в социал-демократию, идеализирует «каторгу и ссылку», представляет ее как единое целое, дает не четкие представления о народничестве и т.д. Еще больше автор накинул на сборник статей и воспоминаний «Учеба и культурбота в тюрьме и на каторге», который, по его мнению, являлся «ярким образцом безответственности редакторов издательства». Рецен-

¹ Аркадьев Г. За большевистскую перестройку. К вопросу о работе издательства бывших политкаторжан // Борьба классов. – 1933. – № 6. – С. 126 – 135.

зент назвал сборник «политически вредный», так как он принадлежит перу преимущественно бывших меньшевиков и эсеров и содержит идеализацию царской тюремной обстановки, основанной на неправильном обобщении отдельных фактов, явное приукрашивание роли меньшевиков и эсеров и полное умолчание о борьбе большевиков и меньшевиков. По мнению рецензента, редакционное предисловие должно было показать антипролетарскую, антиреволюционную деятельность меньшевиков и эсеров, их борьбу против пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Т. Станчинский, редактор предисловия, бывший меньшевик, «теперь коммунист», прямо обвинялся в извращении истории большевизма. Несмотря на похвалу: «известные сдвиги в сторону повышения качества продукции в издательстве имеются», автор заострил внимание на неблагоприятном состоянии редакторской работы издательства и призвал перестроить работу на основе письма Сталина. Рецензия вторила Сталину в части обвинения издательства в необеспеченности «большевистской бдительности». «Борьба классов» ярко отразил особенность атмосферы в научных журналах после письма Сталина, где научная критика подменялась политическими обвинениями.

Коллектив Общества политкаторжан, издательство и редакция «Каторги и ссылки» пытались реагировать на критику разными способами: публиковали опровержения, обсуждали рецензии в структурах Общества и выносили свое решение, следовали и публичные признания «ошибок».

Работа Я. Шумяцкого «Закаленные в борьбе» уже подвергалась критике на заседании коммунистической фракции историков-марксистов в ноябре 1931 г. и в Обществе старых большевиков в связи с письмом Сталина. В ответ Я. Шумяцкий написал письмо в редакцию «Каторги и ссылки» с признаниями в ошибках: «Сейчас, когда классовая борьба пролетариата достигает наиболее острых форм и когда марксистско-ленинская позиция на историческом фронте штурмуется всякого рода фальсификаторами истории партии, считаю особенно необходимым свои ошибки по-большевистски признать совершенно открыто»¹. Тем не менее, критика повторилась, видимо, подконтрольным структурам было необходимо подтверждать свою лояльность полити-

¹ Шумяцкий Я. Письмо в редакцию // Каторга и ссылка. – 1932. – № 1. – С. 239 – 240.

ческой системе, показывать кипучую энергию для исправления идеологически «невыдержанных» исторических структур, таких как издательство «Политкаторжан» и журнал «Каторга и ссылка».

Наиболее жестко ударила по «Каторге и ссылке» рецензия К. Костко, опубликованная в журнале «Большевик» под броским названием «Об «ахиллесовой пяте» тов. Теодоровича и гнилом либерализме. (По поводу журнала «Каторга и ссылка»)»¹. Рецензент хлестко обвинял редакцию журнала «Каторга и ссылка» в допущении грубейших ошибок в «теории» периодизации истории революционного движения: разделении на «предисторию» и собственно историю партии. Автор напомнил, что каждый историк должен руководствоваться ленинскими методологическими указаниями, а не различать исторические эпохи маловразумительной фразой о «предистории». Критике подвергся и сам редактор за статью «От диктатуры помещиков к диктатуре пролетариата». И.А. Теодорович обвинялся в сползании на оппортунистическую трактовку вопроса о революции 1905 г.: отрицал наличие самостоятельной большевистской партии в 1905 г., утверждал, что большевики и меньшевики составляли в то время одну партию. Тем самым, по мнению рецензента, он извращает стратегию и тактику пролетарской партии в революции 1905 г. и поддерживает клеветников и фальсификаторов истории большевистской партии. Рецензент призвал покончить с попытками принижать роль большевистской партии в революции 1905 г. По сути, рецензия перечеркнула не только всю деятельность журнала, но и могла привести к далеко идущим последствиям.

Реакция редакторского коллектива «Каторги и ссылки» на нападки «Историка-марксиста» и «Большевика» была однозначной, она выразила против них протест. На заседании коммунистической фракции 3-го пленума Центрального совета Общества политкаторжан в апреле 1933 г. обсуждался вопрос о работе редакции «Каторги и ссылки»². В выступлениях чувствовалось негодование по поводу рецензий в «Историке-марксисте» и «Большевике». Надо учесть, что после письма Сталина атмосфе-

¹ Костко К. «Об ахиллесовой пяте» тов. Теодоровича и гнилом либерализме. (По поводу № 11-12 за 1931; 2 и 3 за 1932 г. журнала «Каторга и ссылка» // Большевик. – 1932. – № 11-12. – С. 120 – 126.

² РГАСПИ, Ф. 89, оп. 5, д. 42, л. 1–27.

ра в научных исторических кругах характеризовалась наличием различных группировок, создавалась почва для взаимных обвинений друг против друга, звучали упреки в политических ошибках. Например, положение «Историка-марксиста» осложнялось внутриведомственными трениями, это способствовало появлению материалов, с которыми были не согласны члены редакции. На заседании фракции И.А. Теодорович познакомил с реакцией на рецензию ответственного секретаря «Историка-марксиста» т. Гребенкина, который, хорошо зная автора не с лучшей стороны, высказал мысль, что рецензент руководствовался «групповыми целями», и обвинил его в том, что он никогда не читал и не перелистывал «Каторгу и ссылку», а потому изложенное не соответствует действительности. Еще более жесткая реакция на рецензию последовала от инструктора отдела печати ЦК партии, он предложил подать на суд Центральной контрольной комиссии ЦК партии за клевету на автора рецензии.

При обсуждении рецензии К. Костко выяснились интересные детали. Е. Ярославский, как один из редакторов «Большевика», получил гранки статьи К. Костко и ознакомил с ними И.А. Теодоровича, где содержалось четырнадцать «передержек» – обвинений. И.А. Теодорович написал протест – «громовую» статью в «Большевик», но редакция отказалась помещать ответ на рецензию. Действия Е.М. Ярославского были расценены как нарушение редакционной тайны. Тем не менее, реакция на статью-протест все-таки была, автор рецензии сократил обвинения – «передержки» до шести. И.А. Теодорович на заседании коммунистической фракции подчеркнул, что тематика журнала одобрена директивой Культпропа ЦК партии – не печатать статей о текущей политике, а печатать о «первоначальной истории». Кроме того, в директиве указывались заслуги редакции в создании писательского актива именно из беспартийных сотрудников. Автор даже посетовал, что увеличение количества сотрудников коммунистов приведет к тому, что скоро будут писать одни коммунисты, потому что в «нашей стране будут одни коммунисты». Недовольство действиями редакции высказал Ф. Кон. По его мнению, нужно было более жестко реагировать на рецензию, принять решение на фракции коммунистов и послать его в «Большевик» и ЦК ВКП(б). Далее разговор опять зашел в плоскость актуальной проблемы, выяснения проблематики

более предпочтительной для исследований в журнале «Каторга и ссылка». Е. Ярославский передал разговор, состоявшийся с секретарем ЦК ВКП(б) т. Кагановичем, который подтвердил установку ЦК – «Каторга и ссылка» должен заниматься историей каторги и ссылки и историей революционного движения до возникновения партии, и напомнил, что никто не вправе менять тематику журнала кроме ЦК партии. Со своей стороны Е. Ярославский добавил «установку» фракции коммунистов: корректировать всякого рода попытки давать апологетику утопическим и всяким другим антипролетарским и антиреволюционным теориям в изданиях Общества политкаторжан.

Таким образом, рецензионный процесс в отношении издательства «Политкаторжан» и журнала бывших репрессированных «Каторга и ссылка» привел к подмене исторического анализа публикуемых материалов выискиванием политических ошибок. Сталинские установки – борьба с инакомыслием и поиск политических врагов, привели к взятию под контроль исторической науки. Журнал «Каторга и ссылка» в процессе политической критики стал терять свое «лицо». Работы авторов разных в прошлом политических взглядов стали тщательно выверяться на политическое соответствие, что привело к исчезновению мемуаров бывших каторжан и ссылных, а вместе с ними и отдела «каторга и ссылка».

Курас Л.В.

Запретная пограничная зона и правила въезда и проживания на территории Дальне-Восточного края, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР (1938–1954 гг.)

Решения Февральско-Мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП(б) стали отправной точкой не только массовых репрессий в СССР, но и способствовали установлению режима секретности, всеобщей подозрительности и шпиономании на территории всей страны.

Это в полной мере касалось Дальне-Восточного края, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР, где вдоль железной до-

роги от Иркутска до Хабаровска и к югу от железной дороги была введена пограничная зона и пограничный режим.

Нами вводятся в научный оборот рассекреченные документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Национального архива Республики Бурятия (НАРБ):

1) Постановление СНК ЦК ВКП(б) от 1 февраля 1938 года № 612-132сс по вопросам Наркомвнудела по Дальнему Востоку¹;

2) Постановление № 772-185 с СНК СССР от 22 июня 1938 г. «О въезде, проживании и передвижении иностранцев в запретной пограничной полосе ДВК, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР»²;

3) Постановление ЦИК СНК БМАССР № 231 от 20 апреля 1938 г. «О запретной пограничной зоне и правилах въезда и проживания в Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республике»³;

4) Письмо заместителя Председателя СНК Союза ССР А.И. Микояна в адрес руководства БМАССР от 19 июля 1938 г. № СО № 3051с.⁴;

5) Выписка из инструкции о порядке применения Положения о паспортах, утвержденного Постановлением Совета Министров Союза ССР 3 2666-1124с от 21.10-1953 г.⁵

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ И ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВКП(б)

1 февраля 1938 года, Москва, Кремль

Вопросы Наркомвнудела по Дальнему Востоку

И. О запретной пограничной зоне и пограничном режиме

В целях усиления охраны государственной границы СССР с Японией, Кореей, Манчжурией и Монгольской Народной Республикой, а также установления строго режима на территории СССР,

¹ ГАРФ, ф. р-5446, оп. Зас, д. 1, лл. 151-154.

² ГАРФ, ф. р-5446; оп. 1в, д. 500, лл. 24-28.

³ НАРБ, ф. р-475с, оп. 1, д. 30, лл. 1-5.

⁴ НАРБ, ф. р-475с, оп. 1, д. 30, л. 6.

⁵ НАРБ, ф. р-475с, оп. 2, д. 5, лл. 154-152.

прилегающей к указанной границе, Совет народных Комиссаров и Центральный Комитет ВКП(б) постановляют:

1) Установить на территории Дальне-Восточного края, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР запретную пограничную зону, включив в нее: железную дорогу от гор. Иркутска до ст. Хабаровска, все районы к югу от этого участка железной дороги, территорию к востоку от рек Усури и Амур и всю территорию Камчатской, Нижне-Амурской и Сахалинской областей Дальне-Восточного края.

2) Распространить на указанную запретную пограничную зону постановление ЦИК СССР от 17 июля 1937 года «О въезде и проживании в пограничной полосе».

3) Поручить Наркомвнуделу СССР представить в Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) план выселения антисоветского и неблагонадежного элемента из запретной пограничной зоны Дальне-Восточного края, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР.

4) Обязать Дальне-Восточный и Читинский краевой и областной исполкомы, ЦИК и Совнарком Бурят-Монгольской АССР в двухдекадный срок издать постановление о пограничном режиме: о порядке передвижения в запретной пограничной полосе, закрытии дорог в пределах 500 метров пограничной полосы, порядке производства охоты, рыбной ловли, выпаса и перегонов скота.

5) Поручить Наркомвнуделу СССР иностранцев, не имеющих ни советских, ни иностранных паспортов, из пределов Дальне-Восточного края, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР выселить, а всех подозреваемых в шпионской, диверсионной и другой антисоветской деятельности арестовать и дела их рассмотреть в существующем внесудебном порядке на тройках, независимо от заявленного репрессированными подданства.

6) Въезд иностранцев в запретную пограничную полосу Дальне-Восточного края, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР запретить, за исключением иностранных подданных – транзитных пассажиров или иностранных подданных, приглашенных советскими и государственными организациями, иностранных подданных, состоящих на постоянной или временной службе на иностранных концессиях.

Обязать Наркомвнудел СССР в двухдекадный срок внести в Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) предложения о порядке въезда и проживания в Дальне-Восточном крае, Читинской области и Бу-

рят-Монгольской АССР иностранных подданных и проезда через указанные территории иностранных подданных – транзитных пассажиров.

7) Обязать НКПС по согласованию с Наркомвнуделом СССР установить порядок продажи железнодорожных билетов на все станции, расположенные к востоку от ст. Иркутск только по предъявлению пассажирами установленных документов на право въезда в запретную пограничную зону Дальне-Восточного края, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР.

II. Мероприятия по усилению охраны общественного порядка

8) Увеличить с 1 января 1938 года численность рабоче-крестьянской милиции: по Дальне-Восточному краю на 1800 человек, по Читинской области – на 600 человек, Бурят-Монгольской АССР – на 300 человек.

9) Обязать Наркомвнудел СССР укомплектовать органы рабоче-крестьянской милиции по Дальне-Восточному краю, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР лучшими кадрами рядового, командного и начальствующего состава путем переброски его из других областей, краев и республик.

В последующем обязать крайкомы указанных областей, командование ОКДВА и пограничной охраны на Дальнем Востоке при увольнении в долгосрочный отпуск рядового и младшего начальствующего состава проводить среди них вербовочную работу для укомплектования рабоче-крестьянской милиции на дальнем Востоке.

10) С 1 января 1938 года увеличить ставки заработной платы личному составу милиции Дальне-Восточного края, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР: рядовому составу до 280 рублей, участковым инспекторам до 350 рублей, уполномоченным и инспекторам до 400 рублей, начальникам районных отделений милиции до 520 рублей и соответственно всему остальному начальствующему составу.

11) Обязать:

а) Наркомфин СССР обеспечить увеличение численности рабоче-крестьянской милиции и повышение ставок заработной платы ассигнованиями кредитов по государственному бюджету на 1938 год;

б) Наркомторг СССР выделить необходимые фонды вещевого имущества.

12) Обязать краевой и областной исполкомы Дальне-Восточного края и Читинской области и Совнарком Бурят-Монгольской АССР издать обязательные постановления об установлении строжайшего общественного порядка в городах и селах.

III. Мероприятия по усилению органов государственной безопасности

13) Обязать Наркомвнудел СССР в 3-х месячный срок развернуть особые отделы ГУГБ Наркомвнудела Забайкальского Военного округа, Особой Краснознаменной Дальневосточной армии и Тихоокеанского флота до штатов военного времени, увеличив численность указанных особых отделов на 1600 единиц.

14) Предложить Наркомвнуделу СССР в 3-х месячный срок организовать управления Наркомвнудела по Камчатской и Сахалинской областям, отделив эти управления с пограничной охраной.

15) Укрепить органы УГБ Наркомвнудела Дальневосточного края, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР, а также дорожно-транспортные отделы ГУГБ Дальне-Восточной, Амурской им. Молотова и Восточно-Сибирской железных дорог, увеличив их численность на 1058 человек.

16) органы государственной безопасности Дальне-Восточного края, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР укомплектовать лучшим оперативным составом работников ГУГБ и других краев и областей.

Разрешить Наркомвнуделу СССР призвать из запаса 1000 чекистов запаса первой очереди, поручив их отбор Наркомвнуделу СССР совместно с товарищем Маленковым.

17) Обязать Экономсовет при СНК СССР в кредитах 1938 года предусмотреть отпуск денежных средств и материальных фондов на содержание дополнительной численности органов государственной безопасности Наркомвнудела СССР по Дальне-Восточному краю, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР.

IV. Мероприятия по очистке Дальне-Восточных лагерей

18) Принять предложение Наркомвнудела СССР об утверждении дополнительно намеченных к репрессированию по Дальне-Восточным лагерям 12 тысяч заключенных, осужденных за шпионаж, террор, диверсию, измену родине, повстанчество, бандитизм, а также уголовников-профессионалов. Дела на эти категории заключенных рассмотреть до 1 апреля 1938 года на тройках по

рассмотрению дел бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов. Все 12 тысяч человек репрессировать по первой категории.

19) Впредь обязать Наркомвнудел СССР в Дальне-Восточные лагеря осужденных за шпионаж, террор, диверсию, измену родине, повстанчество и бандитизм, а также уголовников-профессионалов не направлять. Также не направлять в эти лагеря и лиц японской, китайской, корейской, немецкой, польской, латышской, эстонской и финской национальностей и харбинцев независимо от характера преступления, за которое они были осуждены.

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР В. Молотов	Секретарь Центрального Комитета ВКП(б) И. Сталин
---	---

ГАРФ, ф. р-5446, оп. Зас, д. 1, лл. 151-154.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 772-185 с
СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР**

22 июня 1938 г. Москва, Кремль

О въезде, проживании и передвижении иностранцев в запретной пограничной полосе ДВК, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР

Совет народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

Утвердить Правила въезда, проживания и передвижения иностранцев в запретной пограничной зоне Дальне-Восточного края, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР.

Председатель СНК
Союза ССР

В. Молотов

Управляющий делами
СНК Союза ССР

Н. Петруничев

**ПРАВИЛА въезда, проживания и передвижения иностранцев в
запретной пограничной зоне ДВК,
Читинской области, Б. М. АССР**

Въезд и проживание иностранцев в запретных пограничных зонах: ДВК, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР – могут иметь место лишь с соблюдением нижеследующих постановлений:

I

Въезд в запретные пограничные зоны: ДВК, Читинской области и БМАССР иностранцев, прибывающих в эти зоны непосредственно из-за границы, происходит с разрешения полпредств или консульств СССР за границей, получаемого в виде визы на въезд в СССР с указанием в ней того пункта запретной пограничной зоны, в которой следует иностранец.

Въезд из других районов СССР может иметь место только по специальным разрешениям ГУРКМ НКВД СССР.

Дипломатические и консульские работники иностранных посольств, зарегистрированные в НКВД и его органах, получают указанные разрешения через НКВД и его органы.

II

Проживание иностранцев в запретных пограничных зонах разрешается по видам на жительство для иностранца и только в пунктах и в течение срока, указанных в виде на жительство.

Вновь прибывшим иностранцам виды на жительство выдаются начальниками управлений РКМ ДВК, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР, лишь при наличии указанных в параграфе 1 разрешений.

Иностранные генеральные консулы, консулы, вице-консулы, секретари консульств, их жены и дети, освобожденные от выборки видов на жительство для иностранцев, проживают по консульским карточкам, выдаваемым местными органами НКВД или председателями Исполкомов.

Иностранные сотрудники консульств, входящие в штат консульства и командированные на эту работу из-за границы, проживают по своим паспортам, снабженным регистрационным штампом местного органа НКВД или местного Исполкома.

III

Разрешение иностранцам на передвижение и на перемену места жительства внутри запретных пограничных зон, выдаются каждый раз начальниками Управлений РКМ ДВК, Читинской области и БМАССР.

Иностранным дипломатам и работникам иностранных консульств эти разрешения выдаются через НКИД, его местные органы или через председателей Исполкомов.

IV

Въезд японских подданных – рабочих на японских концессионных предприятиях на Сев. Сахалине происходит по национальным паспортам этих лиц и по спискам с групповой визой Полпредства или Консульства СССР в Японии.

Проживание рабочих и служащих этих концессий допускается только по видам на жительство иностранца. Передвижение работников концессий с одного концессионного участка в другой производится на основе особых правил, которые должны быть установлены дополнительно и согласованы с НКИД.

Въезд японских подданных рабочих и служащих на арендованные японскими предпринимателями рыболовные участки и на рыбоконсервные заводы, сданные в концессию этим предпринимателям, происходит в 1938 году по спискам с групповой визой Полпредства или Консульства СССР в Японии и с соблюдением специальных правил, установленных ДВКИК. Проживание указанных лиц происходит в порядке, предусмотренном упомянутыми правилами.

V

Виды на жительство иностранцам, работающим в концессиях или приглашенным советскими организациями, получившими разрешение на въезд и проживание в пределах запретных пограничных зон, выдаются на сроки с 1 мая по 15 октября и с 15 октября по 1 мая.

Паспорта и визы, и виды на жительство, выданные в порядке настоящего параграфа, представляют в течение срока их годности право только на пребывание в пределах указанного в них пункта.

Иностранцам, принятым на работу в иностранные консульства СССР на месте, виды на жительство выдаются Начальником

ГУРКМ или Начальником УНКВД на срок, устанавливаемый особой инструкцией.

VI

Выезд иностранцев из запретной пограничной зоны происходит после отметки о таковом в местных органах РК Милиции. Лица, зарегистрированные в органах НКВД или у председателей Исполкомов, получают справки о выбытии соответственно в этих же органах.

VII

Иностранцам – транзитным пассажирам специальных разрешений на проезд через запретные пограничные зоны не выдается. Разрешением для их проезда через эти зоны служат транзитные визы, если в них имеются указания о въезде или выезде через один из контрольно-пропускных пунктов ДВК, Читинской области и БМАССР или когда в визе указан любой контрольно-пропускной пункт.

Равным образом не требуется специальных разрешений на проезд через запретные зоны лицам, снабженным выездными визами через один из контрольно-пропускных пунктов запретных зон, или когда в визе указан любой контрольно-пропускной пункт.

Транзитная виза или виза на выезд дает право проезда через территорию указанных областей без права остановок, за исключением остановок, вызываемых условиями передвижения (стихийные бедствия, аварии, болезнь).

На все время передвижения поездом через территорию СССР транзитных пассажиров – иностранцев, у последних специально уполномоченных на то лицом (начальник поезда, агент Интуриста) отбираются национальные паспорта, которые возвращаются им перед посадкой в поезд – паром заграничного следования. При этом иностранцам выдаются соответствующие квитанции, служащие вместе с тем документом, удостоверяющим личность пассажира. Настоящий абзац не применяется к лицам, имеющим дипломатические паспорта, которые не отбираются.

В городе Владивостоке пассажиры, проезжающие через запретные зоны, могут останавливаться в ожидании рейсового парохода или поезда международного следования лишь в специальной гостинице.

VIII

За нарушение иностранцами правил въезда, проживания и передвижения в запретных пограничных зонах ДВК, Читинской области и БМАССР на них налагается в административном порядке штраф в размере от 300 до 1000 рублей, причем органы РК Милиции имеют право высылать таких лиц в административном порядке из пределов СССР.

ГАРФ, ф. р-5446, оп. 1 в, д. 500, лл. 24-28.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики

гор. Улан-Удэ № 231 «20» апреля 1938 года

«О запретной пограничной зоне и о правилах въезда и проживания в Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республике»

Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Б.М.А.С.С.Р. – постановляет:

I.

В целях усиления охраны государственной границы с Монгольской Народной Республикой, создать в пределах Бурят-Монгольской АССР запретную зону, в которую включить:

1. Гор. Улан-Удэ с пригородной зоной.
2. Гор. Кяхта и Кяхтинский аймак (приграничный район).
3. Селенгинский аймак.
4. Джидинский аймак (приграничный район).
5. Закаменский аймак (приграничный район).
6. Тункинский аймак (приграничный район).
7. Бичурский аймак (приграничный район).
8. Мухор-Шибирский аймак.
9. Тарбагатайский аймак.
10. Заиграевский аймак – южную часть от линии железной дороги
11. Кабанский аймак – южную часть от линии железной дороги.

II

Поручить органам Р.К.Милиции БМАССР во всех поименованных выше городах и аймаках, входящих в запретную зону, провести паспортизацию всего населения в соответствии с постановлением СНК СССР от 14.1-1933 года за № 43, а там, где паспортизация была проведена раньше, произвести в трехмесячный срок перерегистрацию ранее выданных паспортов с одновременным наклеиванием фотокарточек их владельцев.

Для жителей запретной зоны, одновременно с выдачей и перерегистрацией паспортов, произвести наложение на них особых штампов органов Р.К. Милиции.

III. Правила въезда и временного проживания в запретной и пограничной зоне

1) Для въезда в пределы запретной зоны и временного проживания лицам, не проживающим в ней постоянно, на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 17.07-1935 года установить следующие правила:

§ 1. Въезд в пределы запретной зоны и в пограничные полосы лицам, не проживающим в них постоянно, без особого на то разрешения органов Р.К. Милиции – **ВОСПРЕЩАЕТСЯ**.

§ 2. Разрешения на въезд, получаемые в виде пропусков в запретную зону, выдаются:

а) Главным Управлением Р.К. Милиции НКВД СССР для лиц, командируемых общесоюзными Наркоматами, Наркоматами РСФСР и организациями, приравненными к наркоматам, находившимися в гор. Москве;

б) Управлениями Р.К. Милиции Республик, Краев и Областей;

в) Райгортделами (отделениями Р.К. Милиции).

§ 3. Пропуска выдаются по месту постоянного жительства лиц, которые желают выехать в запретную зону.

§ 4. Лица, желающие получить разрешение на въезд и временное проживание в запретной зоне, обязаны:

а) за 10 дней до предполагаемого въезда подать лично в орган Р.К. Милиции по месту своего постоянного жительства письменное, мотивированное заявление, с указанием причин необходимости поездки (с разрешения Начальника органа Р.К. Милиции и под его ответственность, лицо, подающее заявление, может быть освобождено от личной явки);

б) приложить к заявлению лично, разборчивым почерком написанную обязательно чернилами анкету, причем каждое лицо, достигшее 16-ти лет, обязательно подать анкету самостоятельно (не достигшие 16-ти лет вносятся в анкеты лиц, при которых следуют).

При малограмотности анкеты могут заполняться другими лицами, но в этих случаях анкеты должны заверяться домоуправлением или сельским советом;

в) приложить две фотокарточки (карточки представляются на каждое лицо, достигшее 14-ти лет, и должны быть четко отпечатаны, а лица, изображенные на них, без головного убора и снятыми – анфас).

Примечание: При наличии фотокарточки на паспорте, предъявляется лишь одна фотокарточка.

г) приложить справку домоуправления или сельсовета о наличии паспорта с указанием кем, когда выдан, за каким номером и серия. Предъявление паспорта при подаче заявления – **ОБЯЗАТЕЛЬНО**.

Правила настоящего параграфа выполняются каждым лицом, ходатайствующем о выдаче разрешения на въезд и временное проживание в запретной зоне.

Подача коллективных письменных заявлений не допускается.

§ 5. Государственные учреждения, предприятия, партийные, профессиональные и общественные организации должны не позднее чем за 10 дней до командировки возбудить вопрос о выдаче разрешения на въезд в запретную пограничную зону командированному ими работнику, с указанием необходимых сведений о данном лице, а также цели и срока командировки.

§ 6. Лицам, которым по роду их службы в гос. учреждениях, предприятиях, партийных, профсоюзных и общественных организациях, постоянно приходится выезжать в запретные зоны – пропуска выдаются заблаговременно по ходатайству учреждения, предприятия и организации на многократный въезд в запретную зону сроком до 3-х месяцев.

Руководители учреждений, предприятий и организаций обязаны строго следить, чтобы время пребывания в запретной зоне и пограничной зоне и полосе командированного строго соответствовало времени, необходимого для выполнения задания.

§ 7. При выдаче пропуска лицу, его получаемому обязательно сообщаются правила следования и пребывания в запретной зоне.

§ 8. Лицо, получающее пропуск на въезд в запретную зону и не могущее по каким-либо причинам выехать, обязано: в городах в течение 2-х суток, а сельских местностях – 3-х суток, вернуть пропуск органу Р.К. Милиции его выдававшему.

При вынужденной остановке в пути следования, в населенном пункте, входящем в запретную зону и невозможности продолжать свой путь по независящим от лица, получившего пропуск, обстоятельствам оно должно немедленно предъявить свой пропуск органу Р.К.Милиции, а при отсутствии его председателю сельсовета (парагр. 9), для производства отметок о времени прибытия, причин остановки и времени выбытия.

§ 9. Лица, получившие пропуск на въезд в запретную зону, обязаны не позднее 24 срока с момента прибытия, указанный в пропуске – явиться для регистрации пропуска и прописки паспорта в ближайший орган РК Милиции, а при выбытии их запретной зоны, явиться в этот же орган для отметки о выбытии.

Если в пункте пребывания лица, получившего пропуск, нет органа Р.К.Милиции, пропуск должен быть предъявлен на регистрацию, а паспорт для прописки в тот же срок председателю сельсовета по территориальности.

При возвращении к месту постоянного жительства, пропуск подлежит немедленному возвращению органу Р.К.Милиции, выдавшему его.

§ 10. Органы Р.К.Милиции, а в случаях, предусмотренных п. 1.9 настоящих правил сельсоветы, производят прописку лиц, прибывших в запретную зону только при наличии паспорта и установленного пропуска на въезд.

§ 11. Лица, прибывшие в запретную зону, имеют право проживания только в том населенном пункте, который указан в их пропуске. Проживание в других населенных пунктах, а равно и передвижение в них, может производиться только с разрешения органа Р.К.Милиции по месту регистрации пропуска.

§ 12. Пропуск для пребывания в запретной зоне действителен только в течение указанного в нем срока.

Продление пропуска, срок которого истек, производится органом Р.К.Милиции, по месту пребывания лица, получившего про-

пуск и только в том случае, если в этом имеется действительная необходимость, но, однако, на срок не свыше 3-х месяцев.

Продление срока пропуска свыше 3-х месяцев может производиться лишь Управлением Р.К.Милиции Республики.

§ 13. Лицо, утерьявшее пропуск на въезд в запретную зону, обязано подать об этом письменное заявление в орган Р.К.Милиции по месту утери пропуска с указанием обстоятельств утери.

§ 14. Лица, въехавшие в запретную зону без разрешения органов Р.К.Милиции, передавшие свои пропуска другим лицам, использование пропуска выданного другому лицу, а равно уклонившиеся от регистрации выданного пропуска – подлежат ответственности по закону от 7 сентября 1937 года (№ 59, ст. 281).

Той же ответственности подлежат председатели сельсоветов, коменданты предприятий,строек и др. должностные лица, допускающие проживание в находящихся под их наблюдением домах лиц, въехавших в запретную зону, без разрешения органов Р.К.Милиции или нарушивших правила регистрации, установленные для проживания в запретных зонах.

IV. Порядок передвижения в запретной зоне

а) лицам, постоянно проживающим на территории, входящей в запретную зону, за исключением жителей передовых приграничных сельсоветов или районов (доселе существовавшая запретная приграничная полоса) имеют право свободного передвижения и по паспортам (без специального пропуска) в пределах всей запретной зоны республики, края, за исключением приграничных сельских советов или районов (доселе существовавшая запретная пограничная полоса), куда въезд этих лиц может производиться только при наличии специального пропуска органов Р.К.Милиции.

б) лицам, постоянно проживающим на территории, входящей в передовые приграничные сельсоветы или районы (доселе существовавшая запретная приграничная полоса), имеют право свободного передвижения по паспортам (без специального пропуска) в пределах передовых приграничных сельсоветов (доселе существовавшая запретная приграничная полоса) СВОЕГО района и всей запретной зоны ДАННОЙ республики, за исключением передовых приграничных сельсоветов (доселе существовавшая приграничная запретная полоса) ДРУГИХ районов, куда въезд этих лиц может производиться только при наличии специального пропуска органов Р.К.Милиции.

Примечание: передвижение постоянно проживающих колхозников в смежные села соседних районов производится без пропуска.

в) въезд и передвижение в 500 метровой приграничной полосе и на острова приграничных рек, допускается на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 16/6-1927 года по особым в каждом случае разрешениям органом погранохраны на местах, как для постоянно проживающих на территории приграничных сельсоветов, так и временно въезжающих.

V. Порядок охоты, рыбной ловли, выпаса скота при гос. границе и пользование водоемами на пограничных реках

1. Производство охоты в 10 км полосе от гос. границы, может производиться только по разрешениям погранохраны в каждом отдельном случае.

2. Охота на остальной территории запретной пограничной зоны допускается на основе существующих общих правил.

3. Производство рыбной ловли в водоемах на территории приграничных сельсоветов разрешается только в местах, установленных погранохраной и по разрешениям, выдаваемым на местах органами погранохраны.

4. Выпас и прогон скота разрешается в установленных местах погранохраной.

5. В 500 метр. приграничной полосе выпас и прогон скота может производиться только с разрешения погранохраны.

6. Пользование водоемами из приграничных рек местным населением для водопоя скота, набора воды, купания и т.д. – разрешается только в дневное время, в местах установленных органами погранохраны.

VI. О плавании по пограничным рекам

1. Плавание на плавучих средствах по пограничным рекам разрешается только в дневное время по разрешениям органов погранохраны на местах.

2. Все имеющиеся у местного населения приграничных сельсоветов плавучие средства на пограничных реках – должны быть зарегистрированы в органах погранохраны на местах и храниться на запоре в отведенных местах – причалах.

Настоящее постановление распространяется только на указанные выше города и аймаки.

Председатель Центрального
Исполнительного Комитета БМАССР Бельгаев

Председатель Совета Народных
Комиссаров БМАССР Иванов

НАРБ, ф. р-475с, оп. 1, д. 30, лл. 1-5.

Секретно

**ЦИК БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР – т. БЕЛЬГАЕВУ Г. СНК
БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР – т. ИВАНОВУ С.М. Наркомв-
нудел СССР – ЕЖОВУ Н.И. 19 июля 1938 г. № СО 3051с,
Москва, Кремль**

Считая приемлемым предложение ЦИК и СНК Бурят-Монгольской АССР о создании запретной пограничной зоны в Бурят-Монгольской АССР, Совнарком Союза ССР разрешает включить в эту зону г. Улан-Удэ (с пригородной зоной), г. Кяхту и аймаки: Кяхтинский, Селенгинский, Джидинский, Закаменский, Тункинский, Бичурский, Мухор-Шибирский, Тарбагатайский, Заиграевский (южную часть от линии жел. дороги).

Режим в запретной зоне должен быть установлен в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 1 февраля 1930 года № 612-132сс и правилами, утвержденными пост. СНК Союза ССР от 22 июня 1938 года № 772-185с.

Зам. Председателя СНК
Союза ССР

А. Микоян

НАРБ, ф. р-475с, оп. 1, д. 30, л. 6.

Секретно

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ БМАССР

Управление милиции

№ 22 /1868 26 июля 1954 г. г. Улан-Удэ

Председателю
Президиума Верховного Совета
Бурят-Монгольской АССР
Товарищу Лобсанову Б.Л.

Город Улан-Удэ

При этом для сведения направляем выписку из Положения о паспортах и перечень административных аймаков БМАССР, входящих в запретную пограничную зону.

Приложение: по тексту на 2-х листах.

Начальник управления милиции
МВД Бурят-Монгольской АССР

Полункин

Секретно

**ВЫПИСКА Из инструкции о порядке применения
Положения о паспортах, утвержденного
Постановлением Совета Министров Союза ССР
№ 2666-1124с от 21/Х – 1953 г.**

В запретные пограничные зоны, пограничную полосу и запретные укрепленные районы Союза ССР въезжают без пропусков:

– Депутаты Верховного Совета Союза ССР, члены и кандидаты в члены ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ по своим удостоверениям личности – во все местности пограничной полосы, запретных зон СССР и запретные укрепленные районы.

В запретную пограничную зону и пограничную полосу на территории Бурят-Монгольской АССР въезжают без пропусков:

– Председатель Президиума Верховного Совета БМАССР и его заместители. Председатель Совета Министров БМАССР и его заместители. Депутаты Верховного Совета БМАССР. Министры. Председатель плановой комиссии. Председатель Верховного суда и его заместители. Секретари обкома партии и ВЛКСМ. Заведующие отделами обкома партии и ВЛКСМ и их заместители. Уполномоченный Комитета партийного контроля. Прокурор БМАССР и его заместители – по своим удостоверениям личности.

Выписка верна:

Начальник паспортного отдела УМ
МВД Бурят-Монгольской АССР Потнин
«26» июля 1954 г.
Город Улан-Удэ.

**ПЕРЕЧЕНЬ Административных аймаков и городов
Бурят-Монгольской АССР,
входящих в запретную пограничную зону**

1	Окинский аймак	Сельсоветы: Орликский, Сорокинский (Сойотский)
2	Тункинский аймак	Сельсоветы: Туранский, Шимжинский, Кыренский, Жемчугский, Зактуйский
3	Закаменский аймак	Сельсоветы: Утаго-Далахайский, Енгорбойский, Цакирский, Бурят-Цакирский, Хамнейский, Михайловский, Санагинский
4	Торейский аймак	Сельсоветы: Нарынский, Торейский, Тахойский, Желтуринский
5	Джидинский аймак	Сельсоветы: Джидинский, Дырестуевский, Баянский, Цаган-Усунский
6	Кударинский аймак	Сельсоветы: Больше-Кударинский, Кударинский, Мало-Кударинский, Шарогольский, Алтайский, Шазгайский
7	Кяхтинский аймак	Сельсоветы: Усть-Кяхтинский, Усть-Киранский пос.советы: Чикойский, Наушкинский
8	Г. Кяхта и населенные пункты, входящие в обслуживание Кяхтинского горсовета	
9	Городокской горсовет	Пос.советы: Инкурский, Нижне-Холтосойский гор. Городок.

Начальник паспортного отдела УМ
МВД Бурят-Монгольской АССР

Потнин

НАРБ, ф. р-475с, оп. 2, д. 5, лл. 154-152

Составитель д.и.н., проф. Л.В. Курас

Развитие пенитенциарной системы Российской империи и Сибирь

Шахеров В.П.

Декабрист В.И. Штейнгейль и вопросы совершенствования уголовного и гражданского законодательства в России

Среди творческого наследия декабриста В.И. Штейнгейля особое место занимают записки и статьи, посвященные различным сторонам государственного управления и судопроизводства. Обращение его к вопросам государственного и политического характера было тесно связано с активизацией конституционных настроений в русском обществе в первой половине XIX в. Многим, не только радикально настроенным людям казалось, что настало время преобразований. Наблюдая русскую действительность, они все более убеждались, что «...правительство потеряло народную доверенность и сердечное уважение и возбудило единодушное, общее желание перемены в порядке вещей»¹. Не случайно, в этот период в обществе появляется много записок и проектов переустройства российской действительности. Противоречивые и непоследовательные либеральные начинания Александра I подогревали конституционные иллюзии в русском обществе, заставляли верить в возможность проведения серьезных реформ сверху. Радикальными проектами и записками оно стремилось подтолкнуть правительство к более активным шагам по пути реформирования российского законодательства. Именно стремлением не отпугнуть власть радикальными требованиями объясняется определенная умеренность записок Н.И. Тургенева,

¹ Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Т. 1. Записки и письма. Иркутск, 1985. С. 218.

В.И. Штейнгейля, Н.М. Муравьева и других декабристов. Разбирая критические замечания Штейнгейля на конституцию Н.М. Муравьева, известный советский историк Дружинин отмечал: «В лице В.И. Штейнгейля перед нами выступает не только поклонник конституционных теорий, но и человек практического опыта, склонный к конкретной постановке вопросов»¹. В полной мере эта характеристика относится и к проектам и запискам декабриста.

Наверное, не случайно первые из них касались системы судопроизводства в России. Произвол, беззакония, которые творились в стране, не могли не вызвать возмущения у честных, заинтересованных в судьбах своего отечества людей. Отмечая «повсеместное злоупотребление», Штейнгейль указывал на бессилие правительства даже как-то его ограничить: «Посылались сенаторы, производили исследования, тысячами отдавали бедных чиновников под суд – и определяли новых: а те принимались за то же, только смелее, ибо обыкновенно поступали на места с протекциею»². Сложившуюся систему насилия и произвола можно было изменить лишь радикальными преобразованиями в государственном управлении. Отсюда уже недалеко до признания необходимости ограничения или ликвидации самодержавной власти и замены ее представительными формами правления. Определенной ступенью на пути к этому декабристы считали установление твердых законов, стоящих на страже интересов всех граждан страны. В условиях же произвола ни один человек в России не мог быть спокоен за свою жизнь и имущество. Описывая К.Ф. Рылееву беззакония, допущенные по отношению к их общему знакомому М.В. Смоленскому, Штейнгейль восклицал: «Где тут личная безопасность? Где ограждение собственности?»³.

Альтернативу феодальному судопроизводству декабристы видели в буржуазных принципах суда и требовали введения отдельных его элементов в России. В замечаниях на конституцию Н. Муравьева Штейнгейль показал себя последовательным сторонником основных буржуазных свобод, гарантировавших не-

¹ Дружинин Н.М. Революционное движение в России в XIX в.: Избранные труды. М., 1985. С. 123.

² Штейнгейль В.И. Т.1. С. 215.

³ Там же. С. 206.

прикосновенность личности и имущества, ратовал за введение в России суда присяжных.

В 1817—1823 гг. из-под пера Штейнгейля появляется несколько ярких записок и замечаний, использовавшихся декабристами в агитационных целях. Его занимали вопросы наказания преступников, судопроизводства, веротерпимости, внутренней и внешней торговли России, реорганизации городского самоуправления и многие другие. Он был решительным противником крепостного права и особенно торговли людьми, считая, что «... право продавать людей никаким законом положительно не утверждено: оно вкралось злоупотреблением и укоренилось временем»¹. Некоторые замечания отставного подполковника были положительно приняты крупными государственными деятелями России – Н.С. Мордвиновым, Н.Н. Новосильцевым и даже А.А. Аракчеевым, но подавляющая часть его проектов и записок была оставлена без внимания. «Я писал в 1823 году, – вспоминал Штейнгейль в Петровском Заводе, – если не ошибаюсь теперь, о возможности уничтожить в нашем государстве гнусную продажу людей, не негров, россиян.... Я писал, говорю, писал к самому царю, сколько мог убедительно, за вопиющее человечество и за честь России, но моя бумага, с надписанием монаршим: *читал* – поступила в канцелярию графа Аракчеева, как в Лету»²

Вскоре после окончания Отечественной войны 1812 г. В.И. Штейнгейль был назначен адъютантом к московскому главнокомандующему генералу А.П. Тормасову. Жалкую картину представляла собой Москва к моменту вступления Штейнгейля в новую должность. Город был разграблен и в значительной степени уничтожен. Оказание помощи пострадавшим, восстановление Москвы из пепла входили в круг обязанностей его на посту сначала адъютанта главнокомандующего, а затем управляющего военной и гражданской канцелярией. Штейнгейль постоянно кому-то помогал, хлопотал о ком-нибудь, защищал от беззакония. Располагая большими полномочиями, Штейнгейль пытался как-то ограничить любителей наживы, решительно боролся со злоупотреблениями. Деятельность его не могла не вызвать ненависти у всех, кому он мешал обогащаться. Одним из злейших

¹ Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Т. 2. Записки и статьи. Иркутск, 1992. С. 143.

² Там же. С. 183.

противников Штейнгейля стал московский обер-полицмейстер Л. С. Шульгин. Враги применили старый, испытанный прием – оклеветали его, обвинили в различных злоупотреблениях, взяточничестве. Напрасно Штейнгейль пытался оправдаться, добиться наказания клеветников. Доносы не подтвердились, но репутация была испорчена, и он вынужден был оставить службу.

Служба при Торماسове возбудила в нем интерес к юридическим вопросам; он стал читать и сочинения политические. Знакомство с жизнью народа, благодаря посещению самых разнообразных местностей России, многочисленные случаи беззакония и несправедливости, свидетелями которых он был, побуждали его отозваться на назревавшую потребность в усовершенствовании законодательства. Когда был учрежден тайный комитет под председательством графа Аракчеева для обсуждения вопроса об отмене наказания кнутом, Штейнгейль написал в 1817 г. записку «Нечто о наказаниях», где указывал на крайнюю жестокость и совершенную нецелесообразность этого наказания, сила которого совершенно зависит от усмотрения палача. Точно так же ненужным считал он и наказание плетью. Кнут и плети он предлагал заменить вечным заточением или вечной ссылкой в каторжную работу или на поселение и сечением розгами у позорного столба, причем, имея в виду влияние на зрителей, предлагал, чтобы священник перед наказанием увещевал преступника и вообще, чтобы оно совершалось с известной обрядностью. Записка Штейнгейля через Новосильцева, члена комиссии, была представлена государю и возвращена им в канцелярию графа Аракчеева с надписью: «читал». Наказание кнутом было отменено лишь в 1845 г.

Особую тревогу у него вызывало уголовное законодательство. В записке он подробно остановился на сложившейся системе наказаний, подчеркивая их архаичность и жестокость. Автор решительно протестует против наиболее варварских форм наказания, осуждает публичные смертные казни, представляющие, по его словам, «кровавые зрелища, которые, не уменьшая преступлений, ожесточают лишь нравы»¹. Наказание должно быть справедливым и соответствовать мере преступления. Для него это не столько возмездие, сколько назидательный пример, пре-

¹ Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Т. 2. Записки и статьи. Иркутск, 1992. С. 82.

достережение для других, путь к исправлению преступника. На первый план Штейнгейль выдвигал формы общественно-морального воздействия, влияющие «более на душу, сердце и совесть, нежели на тело». Особое значение придавалось им общественному мнению, созданию обстановки нетерпимости к любым нарушениям закона: «Сблизьте, сколько возможно, общее мнение с действием закона, и вы будете иметь самый сильный закон – и, что того более, предохраните многих от впадения под действия того закона»¹. Декабрист указывал, что карательная практика преследует три цели: возмездие, общее предупреждение и исправление преступника. Первая цель достигается справедливостью наказания, то есть соответствием тому вреду, который преступлением причиняется государству, обществу или частному лицу. Для реализации второй цели необходимо, чтобы о совершенном преступлении и назначенном наказании было известно всем. Наказание должно устрашать не жестокостью, а «тем презрением в обществе, или отчуждением от оногo, которое они за собою влекут, и, главное, отъятием надежды избежать наказания и презрения при содеянном преступлении»². Третья цель может быть реализована только в отношении «малых преступлений», когда виновный может «еще быть терпим в обществе».

Рациональное зерно заключалось и в другом предложении Штейнгейля – организовать в стране уголовную статистику. Ежемесячные ведомости о публичных наказаниях в империи должны были наглядно представить динамику преступлений и действенность закона. Вместе с тем нельзя не отметить некоторую двойственность позиции автора. Выступая против телесных наказаний, он считал возможным сохранить розги как меру воздействия на преступников из низших сословий, отмечая, что «разврат и своеволие между классом народа, в услугах и работе находящихся, приметно умножаются»³.

Против смертной казни и телесных наказаний возражали многие передовые люди России. Без преувеличения можно сказать, что проблема наказания как одного из показателей степени гуманности общества затрагивалась многими общественными

¹ Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Т. 2. Записки и статьи. Иркутск, 1992. С. 81.

² Там же. С. 76.

³ Там же. С. 85-86.

деятелями рассматриваемого периода. Так, за отмену телесных наказаний и порок, за введение суда присяжных, публичное судопроизводство выступал А.Н. Радищев. Воспитание людей, устранение причин, порождающих преступления, он считал более эффективным средством в борьбе с преступностью, чем наказания. Целью наказания, по мнению писателя, не может являться мучение, а должно быть: а) предупреждение преступления; б) исправление преступника. Исправление преступника, по мнению А.Н. Радищева, вполне возможно: «человек рождается ни добр, ни зол», «злодеяния не суть природны человеку», «люди зависят от обстоятельств», поэтому «всяк может исправиться». В примечании к «проекту для разделения Уложения Российского» он счел необходимым указать: «Польза наказания телесного (по крайней мере, для меня) проблема недоказанная. Оно цели своей достигает ужасом. Но ужас не есть спасение и действует лишь мгновенно»¹.

Н.И. Тургенев еще в 1816 г. в своем дневнике писал о необходимости отмены кнута, утверждая, что «вообще наказания должны быть во всех случаях сколь возможно менее строги»². П.И. Пестель рассматривал наказание в неразрывном единстве с преступлением. Следует подчеркнуть, что декабрист выступал против признания наказания как мести за содеянное. «Наказание не есть мщение, ибо мщение есть страсть, а закон должен иметь целью ставить преграды страстям и не быть, следовательно, сам изречение страсти»³. Цели наказания он видел в том, чтобы удержать других людей от подобных преступлений, исправить самого преступника и поставить его «в невозможность нарушить впредь спокойствие и благоденствие общества и частных людей»⁴. Выступая за соразмерность наказания преступлению, он предлагал избирать такую меру воздействия на виновного, которая производит самое сильное впечатление на других людей и в то же время заключает в себе самое меньшее количество страдания для преступника. «Наказание будет немного превышать благо, которого преступник от своего деяния ожидал.

¹ Радищев А.Н. Полн. собр. соч. Т. 3. М.-Л., 1952. С. 170.

² Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 573.

³ Восстание декабристов. Документы. Т. 7. М., 1958. С. 284-285.

⁴ Там же.

Всякая строгость, превышающая сию степень, есть бесполезна, несправедлива и зловластна. Законодатель... должен поступать не как жестокий властелин, но как добрый отец»¹.

С этих же позиций рассматривали уголовное право Н.М. Муравьев, В.И. Штейнгейль, Ф. Глинка. Подчеркивая воспитательное воздействие наказания на общество, они видели его задачу в предупреждении преступлений и в перевоспитании преступника. «Наказывать – есть только горестная необходимость, – писал Ф. Глинка, – предупреждать преступления – приятная обязанность мудрого правительства»².

Позднее, об этом же писал Ф.М. Достоевский, разоблачая вопиющую безнравственность телесных наказаний, преследующих цель устрашения преступников. По существу, они таили в себе большее социальное зло, чем те преступления, за которые применялись. «Одним словом, – писал он, – право телесного наказания, данное одному над другим, есть одна из язв общества, есть одно из самых сильных средств для уничтожения в нем всякого зародыша, всякой попытки гражданственности и полное основание к неперемennomu и неотразимому его разложению»³. Господствовавшей системе наказаний, основанной на страхе, угрозах причинения человеку физических и нравственных страданий писатель противопоставлял свои гуманистические идеи – доверие к арестанту, человеческое отношение к нему, веру в его исправление и нравственное возрождение.

В записке В.И. Штейнгейля «Нечто о наказаниях» много места было отведено характеристике такого наказания, как ссылка в Сибирь. Здесь, несомненно, сказалось хорошее знание декабристом этого отдаленного края, знакомство с условиями жизни ссыльных, отношением к ним со стороны сибиряков. По его глубокому убеждению, ссылка в Сибирь – мера исправительная. По своему воспитательному воздействию она неизмеримо выше, чем, например, разжалование в рядовые: по крайней мере, не сопряжена с унижением человеческого достоинства (речь в данном случае идет о наказаниях для благородного сословия). Вступая в

¹ Восстание декабристов. Документы. Т. 7. М., 1958. С. 285.

² Цит. по: Ошеревич В.С. Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли (вторая половина XVIII—первая четверть XIX века). М., 1946. С. 298.

³ Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома. М., 1983. С. 202.

пределы Сибири, такой ссыльный «встретит везде сострадание и помощь, по приезде им на место в Тобольск или Иркутск... ему дают свободу, принимают в лучшие дома и обходятся с ним, как с человеком одного сословия, и ... обращаются столь деликатно, что в присутствии сосланного остерегаются употребить слово «несчастный», каким именем их вообще в Сибири называют»¹. Вряд ли Штейнгейль, когда писал эти строки, мог предвидеть, что не пройдет и десяти лет, как он сам окажется в положении «несчастливого». Но, несомненно, в моральном плане он был более подготовлен к сибирской ссылке, чем многие из декабристов. Большинство из них рассматривали ссылку в Сибирь как одно из наиболее жестоких наказаний. Н.И. Тургенев сравнил ее со смертной казнью, а Ф. Глинка считал, что подобное наказание ни политическими, ни экономическими соображениями не может быть оправдано².

Действительно, сибирское население с пониманием относилось к ссыльным, оказывало им посильную помощь. Когда колодники проходили мимо какой-нибудь деревни, ее жители выходили к дороге и передавали им продукты, одежду, деньги. Нередко были случаи помощи сибиряков беглым каторжникам и их укрывательство. «Сибирь принимала всех без разбора, – писал декабрист Н.В. Басаргин. – Когда ссыльный вступал в ее границы, его не спрашивали, за что и почему он подвергся каре законов»³. Другой современник, А.П. Степанов, замечал о сибирских крестьянах: «Главные добродетели их – гостеприимство и сострадание, они и ссыльных называют не иначе, как несчастными, и готовы помогать бедным, бесприютным»⁴.

Необходимо отметить, что некоторые из ссыльных сами стремились принести хоть какую-то пользу местному населению и употребляли все свои познания и таланты на благо края, ставшего для них местом изгнания. Это желание, принести пользу окружающим со стороны отверженных и, казалось бы, замкнувшихся в своем горе людей, еще в юности поразило будущего декабриста В.И. Штейнгейля и вызвало появление в 1811 г. его

¹ Штейнгейль В.И. Т. 2. С. 78.

² Ошеревич В.С. Указ. соч. С. 281, 299.

³ Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 118.

⁴ Степанов А.П. Енисейская губерния. Красноярск, 1997. С. 174-175.

первой небольшой журнальной публикации под очень символическим и пророческим названием «И в несчастье можно служить обществу». Героем ее был некий ссыльный, организовавший в Кяхте домашнее обучение для бедных и неимущих сирот, а также хор певчих, который довел «до возможного в сем маленьком местечке совершенства». Этими своими бескорыстными поступками он даже «в пустынях сибирских снискал уважение и любовь умом, терпением и добродетелью»¹.

Много позднее, известный немецкий ученый Альфред Брем, отмечал, что принятая в Сибири система измененного взгляда местного общества на ссыльных, отсутствием оскорбительных попреков преступлениями, отсутствием пренебрежения к ссыльному и желанием администрации вызвать в преступнике хотя бы остатки человеческих чувств и добродетели, служит лучшей мерою к исправлению преступника. Тогда как у него на родине полное пренебрежение к впавшему в вину, не дает никаких средств к исправлению. «Жаль, – восклицал Брем, – что у нас нет такой Сибири»².

Однако, большинство ссыльных так и не могло найти свое место в сибирском обществе и не ощущали ее своей второй родиной. Сами власти признавали, что «ссылка не имеет ни одного из элементов уголовного наказания: ни исправления, ни возмездия за преступление». Ссыльная среда была постоянным источником новых преступлений. В конце XIX в. если среди всего сибирского населения ссыльные составляли чуть более 5%, то среди обитателей сибирских тюрем их доля превышала 70%³.

Неадекватность наказания рассматривается и в другой записке декабриста – «Рассуждение о законе на богохульников» (1819 г.). Поводом для ее написания стал случай из собственной практики. Во время службы у Торماسова в его руки попало дело раскольника, допустившего в нетрезвом виде богохульство. Штейнгейля ужаснула суровость наказания: кнут и вечная каторга. Из размышлений о причинах столь жестоких законов, которые могут существовать только «в веке варварства и ожесточения нравов», и родилась данная записка. По его мнению, суть суще-

¹ Штейнгейль В.И. Т. 2. С. 338.

² Софронов В. Бременские путешественники // Родина. 2000. № 5. С. 123.

³ Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 284.

ствующих законов «заключает в себе дух жесточайшего мщения и гонений» против инакомыслящих и не отвечает основам христианского учения, которые провозглашают дух «кротости и незлобия». Штейнгейль стоит на позициях гуманизма и веротерпимости. Преступления против бога не должны восприниматься как отмщение за его оскорбление, цель наказания должна состоять не в том, чтобы погубить человека, а в спасении его души – «душе в разум истинный прийти». Высшее торжество добродетели, по его мнению, должно состоять в том, чтобы преступник осознал свою вину и «мог, возвратясь в общество, быть еще полезным оному»¹.

Раздумывая о причинах бедственного положения страны, передовые представители русского общества основным злом общественного строя в России считали крепостное право. Оно мешало развитию и укреплению экономики государства, сдерживало рост торговли и промышленности, сельского хозяйства, накладывало свой отпечаток на состояние просвещения и моральный климат страны. Одним из главных требований декабристов была ликвидация крепостничества. Из лагеря декабристов к Александру I поступило несколько записок и проектов, призывавших ограничить или ликвидировать крепостное право. В 1823 г. с подобным обращением выступил Штейнгейль. Его записка «О легкой возможности уничтожить существующий в России торг людьми» была посвящена наиболее, пожалуй, отвратительному проявлению крепостничества – купле-продаже крепостных крестьян.

Как и многие из декабристов, Штейнгейль еще не отказался от надежд на правительственную инициативу в этом вопросе. Считая отмену крепостничества актом сложным и долговременным, он призывал правительство начать с запрещения продавать крестьян без земли. Дворовых предлагалось приписать к поместьям, в том числе и путем перепродажи, или, если это невозможно сделать, зачислить их в городах в особые цеха слуг и рабочих людей. В последнем случае по истечении десяти лет они должны были получить полную свободу. В целом это был достаточно умеренный проект некоторого ограничения крепостнического произвола, устранения его наиболее одиозных черт, откладывающий дело освобождения крестьян на отдаленное бу-

¹ Штейнгейль В.И. Т. 2. С. 121.

дущее. Но даже в таком виде записка Штейнгейля была оставлена без внимания. Запрещение продавать крестьян с публичных торгов последовало только в 1833 г. и дополнительно подтверждено в 1835 г.¹

Критикуя самодержавный строй, выдвигая задачи переустройства политической системы в стране, декабристы фактически доказывали необходимость модернизации экономики и общественного устройства России. Однако лишь немногие из них обращали серьезное внимание на состояние и требования носителей буржуазных тенденций – российское купечество. Среди этих немногих, пожалуй, лишь В.И. Штейнгейль и Г.С. Батеньков имели устойчивые связи с купеческим миром, понимали его интересы и устремления.

Российское купечество в первой четверти XIX в. еще не представляло собой зрелой общественной силы. Шел процесс становления политической сознательности, оформления буржуазных взглядов на экономическое развитие страны. Колебания социально-экономической политики царизма, ее классовая направленность затрагивали имущественные интересы купцов, вызывали недовольство, стремление к переменам. Рост образованности среди этого сословия, знакомство с передовой литературой – все это приводило к тому, что даже в провинциальных городах России живо обсуждались вопросы внутренней и внешней политики и многие восхищались представительными формами правления². В самом же Петербурге, как отмечалось в одном из доносов Александру I, вообще много говорили о конституции, особенно среди купцов Гостиного двора. Указывая на всеобщее

¹ Семевский И.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII в. и первой половине XIX в. СПб., 1888. Т. 2. С. 553—556.

² Семевский В.И. Вопрос о преобразовании государственного строя России в XVIII и первой четверти XIX века // Былое. 1906. № 1—2. С. 57. О росте интереса городских слоев русского общества к политической жизни России и Европы писал Н.М. Карамзин: «Едва ли в какой-нибудь земле число любопытных так скоро возрастало, как в России. Правда, что еще многие дворяне, и даже в хорошем состоянии, не берут газет; но зато купцы, мещане любят уже читать их. Самые бедные люди подписываются, а самые безграмотные желают знать, что пишут из чужих земель» (Боленбрух А.Г. Передовая общественно-политическая мысль второй половины XVIII в. и царизм. Днепропетровск, 1979. С. 28).

недовольство политикой правительства, автор доноса приводит рассуждения купцов: «Только конституция может исправить все это, и нужно надеяться, что бог скоро дарует нам ее... Некоторые говорят, что если бы русское население Петербурга и Москвы единодушно пожелало этого, то министры не посмели бы этому противиться»¹. В этих словах и надежды на либеральные начинания царизма, и первые попытки осознания силы общественного мнения. Отмечал рост конституционных настроений в стране и Штейнгейль: «Россия так уже просвещена, что лавочные сидельцы читают уже газеты; а в газетах пишут, что говорят в Палате депутатов в Париже. Не первая ли мысль: «Почему мы не можем рассуждать о наших правах и собственности?» – родится в голове каждого?»²

О настроениях купечества незадолго до восстания декабристов говорил на следствии Г.С. Батеньков: «Чаще всего в сие время бывал я в домах купеческих, и поелику сей класс вообще недоволен стеснительными для торговли постановлениями, то обращение с ним подстрекало желание перемены»³. Тесные связи Штейнгейля с московскими торгово-промышленными кругами, собственный опыт занятий частным предпринимательством не могли не сказаться на его творчестве. В октябре 1819 г. он представляет Аракчееву свое новое политическое сочинение «Некоторые мысли и замечания относительно законных постановлений о гражданстве и купечестве в России». В записке Штейнгейля содержались четкие рекомендации по совершенствованию городского законодательства, выдвигались требования введения буржуазных прав и гарантий. Выступая против сословного деления горожан, автор предлагал заменить их единым званием «гражданина города». Не менее прогрессивными были предложения уравнивать подати горожан, ограничить рекрутскую повинность, отменить телесные наказания, принять меры к усилению образования в городах. Большую заботу проявлял Штейнгейль об охране собственности и личной безопасности гражданина, равенстве всех жителей города перед законом. Он считал необходимым,

¹ Семевский В.И. Барон Владимир Иванович Штейнгейль // Общественные движения в России в первую половину XIX века. СПб., 1905. Т. 1. С. 301.

² Штейнгейль В.И. Т. 1. С. 223.

³ ВД. Т. 14. С. 102—103.

чтобы арест и следствие над гражданином города происходили только с ведома городского общества и при участии депутатов от сограждан – «иначе бедность невозможно оградить от наглости и насилия. И теперь существует закон, что мещанин без суда не накажется и мещанина никто обесчестить не может. Но разве не видим сплошь, что при малейшем притязании полиции бьют их по щекам, секут розгами и проч., — и всякий будошник дает невозбранную волю рукам своим»¹.

Интересным было предложение Штейнгейля разделить все города страны в зависимости от численности населения и экономического развития на три степени. Причем города первых двух степеней должны были получить право содержать «городскую гвардию по примеру Риги», а также возможность отправлять депутации к царю или высшему правительству.

Классовая ограниченность не позволила Штейнгейлю распространить права и гарантии гражданина на все население страны, ими охватывались только буржуазные слои общества. Даже в городском обществе он счел необходимым выделить лиц, не имеющих семейств, домов, другой недвижимости, на которых право гражданства не распространялось. В эту категорию попадали городские низы, рабочий люд, дворовые. Последние для него – «суть совершенные дармоеды и народ препразднй и превращенный»².

Одним из наиболее значительных публицистических трудов Штейнгейля этого периода стала записка «Патриотическое рассуждение московского коммерсанта о внешней российской торговле». Интересна предыстория написания записки. В декабре 1822 г. московская казенная палата, исполняя распоряжение министра финансов, потребовала от городской думы сведений о причинах уменьшения купеческих капиталов в стране и о мерах к их поддержанию. Московское купеческое общество воспользовалось этим предлогом для активизации своих сил, выработке конкретных предложений по совершенствованию экономической политики правительства, «мобилизовало и привлекло к работе наиболее выдающиеся свои силы». В специально созданную комиссию поступило около 10 купеческих записок и проектов, на основе которых было подготовлено «Общее начертание о

¹ Семевский В.И. Барон Владимир Иванович Штейнгейль. С. 289

² Там же. С. 296.

причинах упадка торговли и купеческих капиталов в России». Содержание их свидетельствует о достаточно высоком уровне политического развития купечества, знакомстве с отечественной и европейской литературой. Некоторые из авторов цитировали книгу Н. Тургенева «Опыт теории налогов», что давало им возможность «выразить отношение к крепостному праву с такой ясностью, как они не решились бы, если бы им пришлось говорить от своего лица»¹.

Узнав о деятельности комиссии, Штейнгейль не мог пройти мимо благоприятной возможности выразить свое неприятие экономической политики правительства и предложил реальные направления ее оздоровления. Для него неоспоримой истиной было признание первостепенного значения экономики в развитии государства, ее примат над политикой. «Преуспевающая промышленность... и цветущая торговля, – писал декабрист, – дают государственному телу бодрость, крепость, силу – и, так сказать, доводят оное до высочайшей степени политического здравия»². Отсюда неослабевающий интерес к экономической жизни страны, попытка разобраться в причинах упадка купеческих капиталов, торговли и промышленности России, отставания ее от европейских держав. Записка Штейнгейля проникнута глубоким патриотическим чувством, что подчеркнуто уже в ее названии, желанием «не по иностранным писателям и проектам, но по самой России судить о России».

Прослеживая колебания экономической политики царизма в первой четверти XIX в., автор показывает, что правительство не только не способствовало процветанию торговли и промышленности, но, более того, дезорганизовывало экономику страны частыми и противоречивыми распоряжениями и указами. Среди других причин упадка торговли он выделяет преобладающее положение иностранцев, получающих разного рода льготы, тяжесть налогового бремени, несовершенство кредита, рост предпринимательской деятельности крестьян и разночинцев, подрывающий торговые монополии купечества. В отличие от большинства декабристов, Штейнгейль был убежденным сторонником

¹ Сторожев В.Н. История Московского купеческого общества. М., 1916. Т. 2. Вып. 1. С. 345.

² Штейнгейль В.И. Т. 2. С. 147.

протекционистской системы, ограждающей отечественную промышленность от иностранной конкуренции¹.

Но даже не столько недостатки экономической политики царизма вызывали кризис феодальной экономики. Главную причину Штейнгейль усматривал в неразвитости социальной структуры общества, в отсутствии гражданских прав и гарантий. «Таковы наши гражданские законы, – указывал автор, – что все права, облагораживающие некоторым образом купца, приписаны его капиталу, а не особе гражданина»². Стоит только купцу обанкротиться, и одновременно с потерей капитала он теряет все льготы и отличия, выделяющие его из общей массы городского населения. Через два года в письме к Николаю I, возвращаясь к этому вопросу, Штейнгейль обобщал: «Вообще гражданская часть – сей краеугольный камень в здании государственного благоденствия – была в некоторой как бы опале»³.

В заключении записки, выражая надежду, что правительство отнесется с вниманием к бедственному положению торгово-предпринимательских кругов, Штейнгейль призывал его «стараться возвысить дух своих соотечественников, воссодействовать развитию их способностей, поощрить к смелой, безбоязненной деятельности и чрез то открыть лестный путь к соревнованию с иностранцами на поприще всемирной торговли»⁴.

«Это уже третье сословие во весь рост», – так охарактеризовала взгляды Штейнгейля, его позицию последовательного защитника буржуазного развития страны Л. Рейснер⁵. «Патриотическое рассуждение» широко разошлось в списках, было у многих декабристов, использовалось ими в агитационных целях. С вниманием отнеслось к ней и московское купечество. Во всяком случае, практически все предложения Штейнгейля были учтены

¹ Многие из декабристов разделяли фритредерские взгляды, отстаивая принцип свободы торговли и выступая против купеческих монополий. Наиболее полно эта позиция выражена в записке Н. Бестужева «О свободе торговли и вообще промышленности» (1831 г.). См.: Бестужев Н. А. Статьи и письма. М.; Л., 1933. С. 93-172.

² Штейнгейль В.И. Т. 2. С. 171.

³ Штейнгейль В.И. Т. 1. С. 215.

⁴ Штейнгейль В.И. Т. 2. 172.

⁵ Рейснер Л. Декабристы // Избранное. М., 1965. С. 397.

и вошли в итоговый документ, выработанный комиссией московского купеческого общества.

Гражданско-правовые вопросы занимали декабриста и в сибирский период его жизни. Из статей, написанных в этот период, наибольшую известность получили «Сибирские сатрапы» и «Записки несчастного». Возможно, были и другие. Многие из написанного декабристами на каторге уничтожались при периодических обысках, бесследно исчезало в архивах III Отделения. Несомненно, лучшей работой Штейнгейля является записка «Сибирские сатрапы». Она стала «наиболее ярким выражением протеста декабристов против самовластия сибирской администрации»¹.

В этом довольно небольшом по объему очерке В.И. Штейнгейль сумел дать яркую характеристику администрации Сибири. Перед читателями проходит целая галерея сибирских правителей разного ранга, обладавших практически безграничной властью и смотревших на вверенный им край как на собственную вотчину. «Все это чиновачалие, – указывает автор, – просто деспотствовало»². Взятничество, своекорыстие, бесконечные интриги, приспособленчество, угодливость разлагали весь аппарат управления. Среди местной администрации Сибири царили пьянство, разврат, бессмысленная жестокость.

Значительное место в записке уделено событиям, которые еще жили в памяти сибиряков и споры по поводу которых еще не улеглись в обществе. В.И. Штейнгейль подробно разбирает период правления И.Б. Пестеля и его заместника в Иркутске Н.И. Трескина. Личности этих правителей противоречивы и сложны. С одной стороны, настоящий деспотизм и неслыханный произвол, с другой – решительные меры по преобразованию края, наведение порядка во всех инстанциях. В борьбе бюрократической и купеческой партий, развернувшейся в Иркутске, автор целиком на стороне последней. Надо отметить, что Штейнгейль одним из первых описал эту любопытную страницу сословной борьбы, проходившей в условиях развития буржуазных отношений в сибирском городе. Пестель и Трескин, да и многие другие «сибирские сатрапы», не были патологическими злодеями. Злом

¹ Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970. С. 201.

² Штейнгейль В.И. Т. 2. С. 185.

была пропитана вся атмосфера жизни, насилие стало составной частью управления государством. В.И. Штейнгейль не сделал в своей статье общих выводов, не расставил окончательных акцентов. Но за внешней беспристрастностью изложения материала легко угадывается решительный протест не столько против сибирской администрации, сколько всей самодержавно-крепостнической системы в целом.

Записка Штейнгейля пользовалась большой популярностью среди демократических кругов России. Десятки списков ее ходили по всей стране, но особенно широко она была известна в Сибири. Материалами записки широко пользовались представители сибирского областничества – Н.М. Ядринцев, С.С. Шашков, А.П. Щапов и другие. Один из списков оказался у А.И. Герцена и был опубликован им в 1859 г. на страницах «Исторического сборника». Читатель воспринимал это произведение как страстный призыв к борьбе с самовластием современных сатрапов. Злободневность записки Штейнгейля определила ее политическую значимость.

Не меньшее впечатление на современников произвела другая работа публициста – «Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату». Они представляют собою литературную обработку рассказа участника оренбургского кружка В.П. Колесникова о его аресте и препровождении в Сибирь по этапам. Рассказ знакомит читателей с порядками, существующими при сопровождении ссыльных, показывает отношение народных масс к государственным преступникам. Самостоятельное значение имеет написанное декабристом «Вместо вступления», представляющее собой краткий очерк политической борьбы в России со времени Екатерины II и до движения декабристов. Пытаясь определить причины, порождающие произвол и беззакония, он находит их в самодержавной власти: «Во всяком государстве, управляемом на праве отчином, нет и не может быть гласности. Где нет гласности, там все под Дамоклесовым мечом; там попасть под суд и пропасть – синонимы... Где возвышается один повелительный голос власти, там никакой другой не может быть слышан, кроме удобного ей голоса рабской, подлеишей лести»¹.

Очень тонко подмечена декабристом тесная связь между неограниченным правлением и насаждаемой им атмосферой подоз-

¹ Штейнгейль В.И. Т. 2. С. 203-204.

рительности и страха. Стремясь всеми силами сохранить свое положение, самодержавие особенно нетерпимо к любому инакомыслию и беспощадно его подавляет. «Тогда повсюду, – замечает он, – возрождаются черви шпионажа, подтачивающие семейное спокойствие, самые родственные и дружеские связи; тогда предерживающие власть в областях получают охоту выставлять свое усердие к престолу и выслуживаться – не бдительностью о порядках и о спокойствии общественном, но открытием так называемых *злонамеренных* людей и доставлением правительству пищи, возбуждающей аппетит к жестокостям»¹.

Два произведения, написанные Штейнгейлем в Сибири, очень близки по своей критической направленности, страстному гражданскому пафосу. «Одна и та же идея, – справедливо отмечает В.Г. Мирзоев, – лежит в основе обоих сочинений: произвол не случайная прихоть отдельных чинов, а закономерное порождение всей системы русского самодержавия»².

В Сибири декабрист получил возможность и на практике познакомиться с пороками российского уголовного права. Находясь на поселении в Тобольске, он некоторое время подрабатывал помощником председателя губернского суда И.И. Шиллинга. Познакомившись ближе с положением дел, он, в общем-то неплохо знавший несовершенства российской судебной системы, пришел в ужас. «Я не мог воображать, – делился он в письме к И.И. Пущину, – чтоб до такой пошлости допущено было судопроизводство вообще, и жалко и смешно было бы, если б от этого не страдали»³.

Сибирские статьи и записки декабриста, его обширная переписка свидетельствуют, что и в сложных условиях сибирской ссылки, он оставался внимательным и умным наблюдателем, проявлял большой интерес к событиям в России и за рубежом, откликаясь точными и на редкость прозорливыми характеристиками на проявления социальной несправедливости и несовершенства политического строя. В эти годы его ясный и звучный голос, по словам Г.С. Батенькова, доходил до всей честной Сибири, радовал сердце и веселил ум.

¹ Штейнгейль В.И. Т. 2. С. 204.

² Мирзоев В.Г. Указ. соч. С. 204.

³ Штейнгейль В.И. Т. 1. С. 300.

Оценивая на склоне лет в своих автобиографических записках историческую неизбежность и значение восстания декабристов, он писал: «России нужны были жертвы этого рода, чтобы в глазах Европы перестать казаться *варварскою* и сколько-нибудь возвыситься во мнении своих обладателей, высказав, что она начинает всматриваться и понимать, что ее теснит. С другой стороны, история убеждает нас, что из бедственных и кровавых событий вырождаются всегда благие последствия: новые силы, новая деятельность»¹.

Сысоев А.А.

Сибирское общество в контексте пенитенциарной политики Российского самодержавия

Во многом всеобъемлющее воздействие на сибирскую действительность оказала массовая высылка к восточным окраинам Российской империи уголовных преступников. Используемая самодержавием, как способ колонизации обширного и богатого края, ссылка, по образному выражению очевидца тех событий В. Серошевского, «проделала в Сибири громадный карательно-исправительный опыт, стоящий миллионы денег, реки слез и море крови»².

Практика ссылки имела достаточно быстрое и многоплановое развитие. В XVII в. сформировалось несколько ее видов – ссылка в службу (для неугодных царедворцев, а также казаков, стрельцов и военнопленных), ссылка в посад или на пашню (для крестьян, посадских холопов и гулящих людей), ссылка в заключение (для преступников).

Со временем расширялась и область преступлений, наказываемых ссылкой в Сибирь. Первоначально в ссылку отправляли только «государственных» или «политических» преступников, участников восстаний и антиправительственных заговоров, из-

¹ Штейнгейль В.И. Т. 1. С. 176.

² Серошевский В. Ссылка и каторга в Сибири / Сибирь ее современное состояние и ее нужды. Сборник статей под редакцией С. Мельника. – СПб., 1908. – С. 201;

менников, шпионов, самозванцев, критиков правительственного курса, военнопленных.

Однако в XVII столетии во времена царствования Алексея Михайловича были изданы указы, заменявшие смертную казнь, как для разбойников, так и для «денежного дела воров и мастеров». Для первых – «отсечением перста левой руки, и ссылкой в сибирские города с женами и детьми», для вторых – «сыл[кой] в Сибирь на вечное житье ... на пашню»¹.

К 1753 г. на вечную каторгу стали приговариваться все те, кто подлежал смертной казни по ранее действовавшим законам². В 1762 г. право отдавать своих крепостных «в губернскую канцелярию, для отправления в Сибирь» получили лица и учреждения, владевшие крестьянами³. 31 июля 1812 г. был издан указ, согласно которому ссылке подлежали все «дурного поведения мещане и государственные крестьяне, негодные к военной службе»⁴.

Поэтому, если в начале своей истории ссылка являлась, главным образом, по выражению авторов XIX в., «как бы сверхурочным приложением к политическим взысканиям», то уже в XVIII в. ситуация принципиально меняется и заметное место среди ссыльных начинают занимать уголовные преступники – воры, «тати», разбойники и прочие «неблагонадежные элементы».

Через столетие они являлись уже подавляющим большинством, представляя в XIX в., по данным Н.М. Ядринцева, не менее 98 % всех высланных на сибирские территории⁵. Неслучайно гласные Иркутской городской Думы заявляли о том, что «Сибирь являлась для Российского государства каналом, в который спускались всякие нечистоты в виде каторжников и ссыльных»⁶.

С течением времени обострение криминальной обстановки на восточных окраинах империи вынудило царское правительство трансформировать практику сибирской ссылки. Законом «Об

¹ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1-е. – СПб., 1830. – Т. 1. – № 105, 348;

² См.: ПСЗ: Собрание 1-е. – СПб., 1830. – Т. 13. – № 10086;

³ ПСЗ: Собрание 1-е. – СПб., 1830. – Т. 15. – № 11116;

⁴ ПСЗ: Собрание 1-е. – СПб., 1830. – Т. 32. – № 25170;

⁵ Ядринцев Н.М. Статистические материалы к истории ссылки в Сибирь. – СПб., 1889. – С. 349;

⁶ Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО), ф. 25, оп. 10, д. 114, л. 82;

отмене и ограничении ссылки в Сибирь» от 10 июня 1900 г. были запрещены некоторые виды административной ссылки и ссылка на жительство в сибирские губернии¹.

Тем не менее, по-прежнему действовала ссылка на поселение (ссылка после отбытия срока каторжных работ – авт.), а практика применения ссылки на каторгу получила дальнейшее развитие, так как ею заменили более легкие наказания².

Кроме того, в соответствии с положением Совета министров «О назначении местностей для водворения бродяг», начиная с 1914 г. на территорию Енисейской и Иркутской губерний стали высылаться лица без определенного места жительства и занятий³. В результате вплоть до 1917 г. Сибирь, и особенно ее восточная часть, непрерывно и в постоянно увеличивавшихся масштабах пополнялась отнюдь не лучшими представителями российского общества.

Невозможно определить точное количество сосланных в Сибирь на протяжении XVII – первой половины XIX вв., так как, по сведениям начальника Главного тюремного управления Министерства внутренних дел Российской империи А.П. Соломона, «до 1823 г. им[елись] только отрывочные сведения и лишь начиная с 1824 г. удалось собрать сведения о ежегодном поступлении ссыльных»⁴. Известно только, что если применительно к XVII в. речь можно вести о тысячах, то к XVIII в. – о десятках тысяч, а к XIX в. – о сотнях тысяч людей.

Не менее 1500 чел. было сослано в Сибирь с 1593 по 1645 гг., согласно подсчетам историка П.Н. Буцинского⁵. Около 10175 ссыльных получила Сибирь, по сведениям Е.Н. Анучина, за период с 1807 по 1812 гг.⁶ Более 95532 чел. находилось в сибир-

¹ См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства. – СПб., 1900. – № 1509;

² Там же;

³ См.: Часть официальная // Иркутские губернские ведомости. – 1914. – № 5753. – С. 1;

⁴ Соломон А.П. Ссылка в Сибири. Очерк ее истории и современного положения для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. – СПб., 1900. – С. 131;

⁵ Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее жителей. – Харьков, 1889. – С. 194;

⁶ Анучин Е.Н. Материалы для уголовной статистики России. Исследования о процентах ссылаемых в Сибирь. – Тобольск, 1866. – С. 16;

ской ссылке к 1833 г. и не менее 298 577 чел. к 1898 г. по официальным сведениям, почти одинаково распределяясь между Восточной (47, 69%) и Западной (52,31%) Сибирью¹.

Отдаленность Восточной Сибири от центральных районов страны способствовала тому, что незначительно (4,62%) уступая Западной Сибири в цифрах абсолютных, Восточная Сибирь заметно превосходила ее в цифрах относительных. Если в западносибирских Тобольской и Томской губерниях на каждую 1000 местных жителей приходилось по 74 и 64 ссыльных соответственно, то в восточносибирских Енисейской и Иркутской – 91 и 142, то есть в 1,5-2 раза больше².

Причем, особенно много ссыльных, по сравнению с другими территориями Восточной Сибири, направлялось в Иркутскую губернию (71800 чел.), несколько меньше – в Енисейскую губернию (51019 чел.), значительно меньше – в Забайкальскую и Якутскую области (14395 и 5172 чел. соответственно)³.

К концу XIX в. темпы «штрафной колонизации» Восточной Сибири заметно опередили темпы ежемесячного прироста ее коренного населения. Если, например, в Иркутской губернии на протяжении 1880-1885 гг. появилось 18610 младенцев, то ссыльных – 21698 чел., т.е. на 3088 чел. больше.⁴

Достаточно быстро ссыльные стали неотъемлемой частью сибирского общества, представляя 46,08% мужского населения Иркутской губернии⁵. Практически повсеместно они интегрировались в него, формируя состав местных жителей. Легальная интеграция происходила благодаря тому, что ссылка в Сибирь являлась, как правило, пожизненной.

¹ Соломон А.П. Указ. соч. – С. 32; Брокгауз Ф.А., Ефрон И.Е. Ссылка // Энциклопедический словарь. – СПб., 1900. – Т. 61. – С. 381;

² Марголис А.Д. О численности и размещении ссыльных в Сибири в конце XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири XVIII начала XX вв. Сборник статей под ред. Л.М. Горюшкина. – Новосибирск, 1975. – С. 223;

³ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.Е. Ссылка // Энциклопедический словарь. – СПб., 1900. – Т. 61. – С. 384;

⁴ Статистика в вопросах ссылки и переселенческом // Иркутские губернские ведомости. – 1890. – № 11. – С. 5;

⁵ Сукачев В.П. Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. – М., 1891. – С. 148;

Ее сроки до второй половины XIX в. даже не оговаривались. Только каторга, как особо тяжелый вид ссылки получила с 1822 г. ограничение (не более 20 лет). Тем не менее, отбыв каторгу, каторжник выходил на пожизненное поселение там, где ему указывали власти. Исключение по срокам ссылки имелось только для «государственных преступников» из высших слоев дворянства.

Нелегальная интеграция развивалась путем широко распространенного бегства ссыльных из-под стражи. Из-за нехватки средств и крайне слабой организации конвоирование ссыльных отличалось чрезвычайной ненадежностью. В условиях неразвитости транспортных систем оно обеспечивалось сельскими обывателями, выполнявшими арестантско-этапную повинность¹. Однако, стремясь избежать отвлечения наиболее трудоспособной части крестьянской общины от сельскохозяйственных работ, сельские общества нередко назначали конвоирами женщин, стариков и даже детей.

Причем такие конвоиры, как правило, не имели при себе никакого оружия, а по своей численности заметно уступали этапирваемым². В результате перед ссыльными открывались широкие возможности для побега, которыми они, по имеющимся сведениям, активно пользовались.

Подчас для того, чтобы убежать арестанту требовалось лишь, не привлекая внимания своих конвоиров, отойти в сторону или, как это случилось с ссыльнопоселенцем Демидом Марущенко, дожидаться очередного привала и ночью покинуть этапное помещение.

Обстоятельства побега Марущенко интересны тем, что, как следовало из показаний его конвоиров, «Марущенко, когда партия прибыла в с. Усть-Орда и расположилась на ночлег в доме инородца Татарина, попросил Бурбона Мангилаева (сельского стражника – авт.) проводить его на двор. Когда они вышли, Марущенко камнем ударил Мангилаева в голову, так, что тот чуть не свалился. Кровь залила ему лицо, и в это время Марущенко скрылся, перескочив через забор».

¹ См.: Устав о земских повинностях // СЗРИ. – СПб., 1857. – Т. 4. – № 186;

² ГАИО, ф. 25, оп. 6, д. 116, л. 1;

Однако сам обвиняемый в побеге отрицал насильственный характер своего преступления. Со слов Марущенко следовало, что «ушел он потому, что все караульные были пьяны»¹.

В качестве доказательства невинности в насилии над стражником беглый ссыльнопоселенец продемонстрировал суду свои физические увечья. У Марущенко отсутствовала правая рука, плохо действовала левая. Видел он лишь правым глазом и то с трудом. Врач, проводивший освидетельствование Марущенко заявил, что «подсудимый требовал бы даже за собой ухода, настолько он искалечен»².

Описываемые события показывают, что скрыться от сельской стражи имели возможность даже старики и инвалиды. Тем более могли это сделать физически здоровые преступники, причем, как и в более ранние времена, так и в начале XX в., что признавали и сами правоохранители.

В частности, «на ... совершенное почти отсутствие, сколько-нибудь благоустроенных и гарантирующих безопасность от побегов арестантских помещений при волостных и сельских управлениях», – указывали в 1910 г. чиновники Иркутской судебной палаты³.

Ненамного лучшей была ситуация и в тех случаях, когда этапирование ссыльных обеспечивалось не сельскими стражниками, а конвоирами. Ее изменению препятствовала ограниченность имевшихся средств, на что исследователи обращали внимание еще в XIX в. Например, Е.Н. Анучин сделал вывод о том, что «при ограниченных средствах, которыми располагала администрация в XVIII-XIX столетиях, ни препровождение ссыльных в Сибирь, ни само устройство их на месте не могли отличаться особым порядком. Толпу колодников отправляли, обыкновенно, из какой-нибудь губернской канцелярии в сопровождении немногих и притом плохо вооруженных конвоиров. Арестанты нередко разбегались по дороге и составляли целые разбойничьи шайки»⁴.

¹ Соппротивление властям при побеге // Восточная заря. – 1910. – № 204. – С. 2;

² Там же;

³ ГАИО, ф. 25, оп. 6, д. 116, л. 1;

⁴ Анучин Е.Н. Указ. соч. – С. 9;

О «бесперывных побегах ссыльных» докладывал столичному начальству в 1833 г. генерал-губернатор Восточной Сибири тайный советник Александр Степанович Лавинский¹. По данным А.П. Соломона, «в Енисейской губернии с 1828 по 1833 г. было в бегах с Каменского винокуренного завода, где всех рабочих 285 – 259 чел., а с Троицкого солеваренного 290 чел. из 680»². От 25 до 53,5% рабочих, как установил Н.М. Ядринцев, бежало с Иркутского солеваренного завода в 1860-1870 гг.

В среднем же, по подсчетам Д. Дриля, «каждые десять лет со всех заводов бежало более 12929 чел»³. В «безвестной отлучке» к 1898 г. числилось не менее 32% (45610 чел.) ссыльных, перемещенных тогда на территорию Восточной Сибири. Причем, особенно много их было в Иркутской губернии – 29403 чел. – на 17847 чел. больше по сравнению с Енисейской губернией, на 26029 чел. – с Читинской областью и на 28126 чел. – с Якутской областью⁴.

Сложившееся положение дел не изменилось и в начале XX в. Отчеты военных губернаторов Восточной Сибири, датированные первым его десятилетием, сообщают о том, что «случаи побегов арестантов на дорожных трактах чрезвычайно часты и носят характер явления хронического, как бы даже обязательного ... не проходит ни одного случая пересылки арестантов, без того, чтобы некоторая часть их не бежала»⁵.

Эти сведения подтверждаются и данными Главного тюремного управления Министерства внутренних дел Российской империи, согласно которым «из числа арестантов, препровождавшихся в отчетном (1903 г. – авт.) году по этапным трактам сельскую полицейскую стражею, бежало 1524 чел., в том числе 827 ч. – из арестных, этапных и других помещений и 647 ч. – в пути следо-

¹ Соломон А.П. Указ. соч. – С. 30;

² Там же. – С. 29;

³ Дриль Д.А. Ссылка во Франции и России. Из личных наблюдений во время поездки в Новую Каледонию, на о. Сахалин, в Приамурский край и Сибирь. – СПб., 1899. – С. 12;

⁴ Подсчитано на основании кн.: История Сибири. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма / Под ред. А.П. Окладникова. – Л., 1968. – С. 60; Марголис А.Д. О численности и размещении ссыльных в Сибири конца XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири XVIII начала XX вв. – Новосибирск, 1975. – С. 229, 231;

⁵ ГАЧО, ф. 26, оп. 1, д. 296, л. 2;

вания. 1136 побегов произошли вследствие небрежности стражи или слабого надзора и только 177 побегов сопровождались насильем над стражею или подкопами и проломами в арестантских помещениях»¹.

Особенно привлекала к себе беглецов губернская столица. Во-первых, потому, что как указывали представители местной власти, «Иркутск является центром по отношению расположения мест заключения и ссылок, а также ближайшим центром по местам избрания жительства ссыльнопоселенцами, отбывающими каторгу, и лицами лишенными права жительства в губернских городах, отбывшими надзор по суду, а также бежавшими с Нерчинской каторги (а это пять каторжных тюрем), Александровской центральной каторжной тюрьмы, с построек железных дорог (Кругобайкальской и Амурской)»².

Во-вторых, как отмечал известный публицист XIX столетия С. Максимов, «в Иркутске имелись наиболее благоприятные возможности для обзаведения поддельными документами, успешного поиска временного заработка и пропитания». Именно здесь беглецы могли сделать необходимую остановку на трудном пути в европейскую часть страны.

По наблюдениям С. Максимова, «в окрестностях города Иркутска у них (беглых каторжан – авт.) находи[лась] как бы первая станция с продолжительным отдыхом ... здесь они набира[лись] и новыми силами, и новыми сведениями и паспортами, а смелыми и развязанными становились настолько, что даже пошалива[ли]»³.

Активная и широкомасштабная интеграция ссыльных в сибирское общество существенно меняла его характеристики, причем, отнюдь не в лучшую сторону. В результате их появления на территории Иркутской губернии она [по оценкам наблюдателей уже к концу XVIII в.] наполнилась негодьями и нищими»⁴.

¹ Побег от сельской стражи // Вестник полиции. – 1908. – № 6. – С. 8;

² ГАИО, ф. 91, оп. 1, д. 2846, л. 48;

³ Максимов С.В. Каторга империи. – Москва, 2002. – С. 228;

⁴ Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии. Исторический очерк Сибири основанный на данных, предоставляемых полным Собранием Законов и сенатским архивом. Часть 1. Период от смерти Екатерины II до 1806 г. – СПб., 1889. – С. 215;

Ситуация начала XX в. красноречиво характеризуется отчетами уездных исправников, которые, сообщали: «Большую часть жителей уезда составляют ссыльные элементы, потомки ссыльных и разные подонки общества, высланные как вредные элементы из Европейской России. Население это по большей части уже с малых лет занимается исключительно темными делами»¹.

Большое количество ссыльных прочно обосновалось и в губернском центре – г. Иркутске. При этом некоторые из них стали людьми весьма богатыми, а, следовательно, и «уважаемыми», т. е. влиятельными, отнюдь не порвав со своим прошлым, о чем убедительно свидетельствуют отчеты полицейских чиновников.

В частности, начальник Иркутского сыскного отделения Николай Александрович Романов в 1914 г. сообщал своему руководству, что «большой процент населения [Иркутска] является элементом ссыльным, старожилы из которых, составившие себе состояние путем большей частью преступным, как обладатели средств, представляя из себя как бы командующий слой населения ... остальную часть населения, большую по процентному отношению к численности города, составляет элемент переменный, случайный пришлый и ссыльный»².

Явная угроза безопасности сибирского общества, исходившая от появлявшихся в нем ссыльных, обусловила попытки добиться их позитивной жизнедеятельности путем соответствующего обустройства на местах, предпринимавшиеся властями. Одна из них, по утверждению Д. Дриля, была предпринята на основании сенатского указа 1799 г. «О населении Сибирского края». Тогда на протяжении 1800-1812 гг. в Сибирь отправили около 25000 поселенцев мужского пола, значительная часть которых шла в Прибайкалье.

В 1829 г., по мнению Д. Дриля, предприняли наиболее грандиозную попытку устройства казенных поселений, намереваясь «через усредоточенный надзор и занятия в хлебопашестве удержать преступников от праздности и побегов». На обустройство 68358 ссыльных правительство страны выделило 500 000 руб. Однако, по свидетельству современников, «поселенцы, едва

¹ ГАИО, ф. 32, оп. 34, д. 18, л. 10;

² ГАИО, ф. 91, оп. 1, д. 2846, л. 40;

только водворившись, побросали свои дома и устремились к бродяжничеству и преступлениям»¹.

Тем не менее, вскоре после этого устройством колоний для ссыльных занялся Иркутский губернатор Николай Иванович Трескин. Труд в них, по утверждению сведущих людей, «был обязательным, жизнь точно регламентирована и подчинена строгим правилам, [но] ссыльные [продолжали] сохраня[ть] свои особенности ... очень скоро [среди них] ... развилась полная деморализация: колонисты совершали многочисленные преступления разбоя»².

Без должного эффекта оставались и попытки правительства «закрепить» ссыльных на сибирской земле брачными узами. По сведениям историка XIX в. Григория Фельдмана, невыполнимым оказался «оригинальный план правительства размещать ссыльных женщин по Иртышским крепостям с разрешением, если кто тех женок и девок пожелает взять в замужество, то позволять это». Но «дозволять только оседлым крестьянам». Из-за «крайней распущенности женок и девок оседлое население тщательно избегало их»³.

Жизнедеятельность ссыльных обуславливалась мировоззрением, сформированным на основе негативного опыта. Криминальное прошлое большинства из них решающим образом детерминировало текущую повседневность. «На приисках и заводах, после тяжелых дневных работ, предоставленные сами себе арстанты в казармах жили пьяно, распутно, часто затевали кровавые драки, страшно воровали», – вспоминали очевидцы тех событий.

В то же время, окружавшие заводы и фабрики слободки, населенные выпущенными на пропитание арстантами, «представляли собою в полном смысле слова вертепы и притоны пьянства, разгула, разврата и преступления. В них сходилось самое испорченное отребье общества, формировались преступные сообщества и шайки»⁴.

¹ Дриль Д.А. Указ. соч. – С. 7-9, 12;

² Там же, С. 13;

³ Фельдман Г. Ссылка. Очерки ее генезиса, значения, истории и современного состояния. – М., 1893. – С. 157;

⁴ Дриль Д.А. Указ. соч. – С. 12;

Вместе с тем, как отмечали современники, «половина поселенцев не оста[валась] на своих местах причисления, а из них половина превра[щалась] в бродяг, которые, вследствие всего своего прошлого и непрерывного передвижения по тюрьмам и этапам, лишены почти всяких признаков нравственности и способны [были] на всякие преступления»¹. Избавление от опеки властей не уменьшало, а напротив, усиливало стремление бывших арестантов к «лихому промыслу».

Тщетность усилий по исправлению ссыльных путем улучшения их быта явно способствовало формированию крайне негативного к ним отношения со стороны властей и населения. По сведениям Н. Ядринцева, «масса беглых убивалась сибирскими крестьянами и инородцами по лесам ... их просто стреляли как зверя». Таким образом, полагал ученый, во второй половине XIX в. погибало до 2/3 беглых².

Другой исследователь уголовной ссылки В. Серошевский рассказывал, что однажды сам стал невольным свидетелем того, что «в 1886 г. в Менгельском улусе Якутского округа была перебита якутами вся семья воров, татар, состоящая из четырех человек взрослых и троих детей»³.

Не меньшей жестокостью отличался и сам процесс ссылки. «Еще в пути, – вспоминали люди, прошедшие сибирскую ссылку – плохо одетые и плохо питаемые арестанты сильно болели ... зимою и осенью отмораживали члены, простужались, схватывали острый ревматизм и лихорадку ...»⁴.

Нередко, как отмечали царские чиновники, ссыльных отправляли «прежде, нежели приведено было в известность где, и как, и чем селить», а на местах обнаруживались «крупнейшие злоупотребления и большие неправильности в расселении колонистов»⁵.

¹ Там же. – С. 158;

² Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири, ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. – СПб., 1882. – С. 189;

³ Серошевский В. Ссылка и каторга в Сибири // Сибирь ее современное состояние и нужды: сборник статей под общей редакцией С. Мельника. – СПб., 1908. – С. 222;

⁴ Серошевский В. Указ. соч. – С. 210;

⁵ Дриль Д.А. Указ. соч. – С. 7-8;

Кроме того, как утверждал М.М. Сперанский, «отправление ссыльных из внутренних Губерний производи[лось] с излишней жестокостью ... о многих из них в Сибири по утрате в пути бумаж, или по не доставлению их, не известно ни рода преступления, ни наказания ... стража, их провожающая, состо[яла] из нестройной толпы Башкир и Мещеряков, людей развратнейших, нежели колодники ... самое распределение их по селениям производи[лось] по правилам недостаточным и противоречащим, и умножа[ло] только число туеядцев»¹.

Не выдерживали никакой критики и места содержания ссыльных. «Этапы (места отдыха для ссыльных партий – авт.), пересыльные и прочего рода тюрьмы, за самым малым исключением представляют из себя разрушающиеся здания, с плохими санитарными условиями», – сообщалось во «Всеподданнейшем отчете за 1880-1881 гг.» генерал-губернатора Восточной Сибири Д.Г. Анучина.²

Более красноречиво о местах содержания арестантов рассказывали сами ссыльные. «Угарные и вместе с тем холодные, сырые, промозглые, с вонючим воздухом смрада человеческих тел, часто заживо разлагающихся от сифилиса, цинги, специфичных тюремных язв и нарывов ... полуэтапы представляли какое-то подобие ада», – вспоминал В. Серошевский, испытавший на собственном опыте все тяготы и лишения сибирской ссылки³.

Будучи жестоко отвергнутыми законопослушным населением, ссыльные не менее жестоко ему мстили. А сибирское «приволье, леса дремучие, значительные расстояния между селениями и другие благоприятные условия соблазняли их (привыкших к преступлению) на возобновление преступной деятельности, за которую они попали сюда». Так считали представители «образованной» части местного общества⁴.

¹ Отчет тайного советника Сперанского в обозрении Сибири с предварительными сведениями и основаниями к образованию ее управления. В кн. Прутченко С. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским Учреждением 1822 г. в строе управления русского государства. – СПб., 1899. – Приложение № 1. – С. 5, 6;

² Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. 1. – Иркутск, 1884.- С. 107;

³ Серошевский В. Указ. соч. – С. 210;

⁴ Разбойник Алифанов // Сибирский архив. – 1912. – № 4. – С. 264;

По сведениям Главного тюремного управления Российской империи, 15 из 100 сосылаемых в Восточную Сибирь преступников совершали преступления повторно, уже прибыв на место своего водворения¹.

«Оказавшись на свободе, – сообщал прокурор Иркутской судебной палаты, – [они] продолжали свою прежнюю преступную деятельность с тем большей энергией, чем очевидней оказалось для каждого из них на практике легкость совершения в случае заарестования, нового побега и достижения таким путем безнаказанности вооруженных преступлений»².

Между тем, присутствие на территории края значительно числа профессиональных преступников, зачастую неподконтрольных местным властям, приводило не только к увеличению числа уголовных преступлений, но и к изменению их характера и направленности. С течением времени все больший удельный вес получали такие тяжкие виды противоправных деяний как убийства.

В связи с чем обращает на себя внимание ситуация, сложившаяся к 1873 г. в Енисейской губернии, где из 1545 возбужденных в течение года уголовных дел, 4,6% составили грабежи, 23,3% – воровство и мошенничества и 72% – смертоубийства³.

«Можно утверждать», – писал по этому поводу Д. Дриль, – «что преимущественно сосыльные поставляют главных виновников, зачинщиков и вообще коноводов преступлений. Поджоги, грабежи, разбои, убийства, иногда целых семей, изнасилования по дорогам женщин и даже девочек, представляют собою по большей части дело сосыльных»⁴.

Уже в XVIII в. преступные действия отличались не только крайней жестокостью, но и организованностью. Так, по сообщениям иркутских летописей, «в феврале 1799 г. с Тельминской фабрики убежало 12 человек сосыльных, которые затем ворвались в дом крестьянина Емельяна Быкова, убили его и перерезали все его семейство». Особенно прославился тогда бывший офицер Баратов, занявший со своей шайкой город Жиганск.

Выпуск 5 (17) ¹ Подсчитано на основании кн.: Соломон А.П. Указ. соч. – 301; Марголис А.Д. Указ. соч. – С. 231;

² ГАИО, ф. 25, оп. 6, д. 116, л. 1;

³ Ядринцев Н.М. Указ. соч. – С. 199;

⁴ Дриль Д.А. Указ. соч. – С. 163;

Впоследствии он был достигнут воинской командой в устье реки Лены и убит¹.

К началу XIX в. положение дел ухудшилось настолько, что даже в столице Восточной Сибири – г. Иркутске не было, по свидетельству современников, «ни малейшей безопасности» от воров, грабителей и убийц, которые имели в городе «первое и надежное гнездилище»².

Еще сильнее обострилась криминогенная ситуация ко второй половине XIX в. Ранее обычными являлись, как тогда писали, «одинарные» убийства, теперь таковыми становились групповые. Жертвами преступников оказывались целые семьи. Не щадили в том числе и детей.

Так, по сообщениям Н.С. Романова, «25 декабря 1867 г. город [был] взволнован убийством семейства Липшиц, состоящего из отставного солдата Файнши Липшица его жены Шейнарины, 25 лет и дочери Эстер, 6 лет ... [преступление было] совершено топором, и трупы убитых страшно изуродованы. Часть вещей оказалась разграбленною»³.

Неудивительно поэтому, что Иркутская губерния стала местом, где на душу населения совершалось наибольшее количество преступлений по сравнению со всеми другими районами страны, в том числе и Сибири. В частности, если в среднем по России к 1899 г. одно преступление приходилось на 438 чел., то в Иркутской губернии на 30⁴.

О том, «что преступность в Сибири превосходит все другие местности; что здесь крупные и самые тяжелые преступления ... что усиление преступности в Сибири год от году возникает в

¹ Пежемский П.И., Кротов В.А. Иркутская летопись / С предисловием, добавлениями и примечаниями И.И. Серебряникова. – Иркутск, 1911. – С. 151;

² Дамешек И.Л. Окраинная политика России в первой половине XIX в. (на примере Восточной Сибири): Дис... канд. ист. наук. – Иркутск, 1998. – С. 118;

³ Романов Н.С. Иркутская летопись 1857-1880 гг. – Иркутск, 1914. – С. 141;

⁴ Подсчитано на основании соч.: Тарновского Е.Н. Движение преступности в Российской империи за 1899-1908 гг. // Журнал Министерства Юстиции. – 1909. – №9. – С. 64, 76; Брокгауз Ф.А., Ефрон И.Е. Россия // Энциклопедический словарь. – СПб., 1900. – Т. 54. – С. 110;

неимоверно быстрой прогрессии, – сообщал своим читателям и Н.М. Ядринцев»¹.

Однако жестокая месть ссыльных законопослушному населению состояла не только в совершении разнообразных преступлений, но и в крайне негативном воздействии на него путем распространения пьянства, криминальных стереотипов поведения и венерических заболеваний.

Исследователь второй половины XIX в. Д. Дриль подчеркивал это в своих работах. В частности, он писал: «Загнанные и озлобленные ссыльные, во множестве собираемые и скученные со всех концов России, оказывают самое развращающее влияние на местное население, портят его характер и развивают в последних многие неблагоприятные черты». «Ссыльные, – утверждал он, – составляли истинный бич общества; своею испорченностью, склонностью к праздности, пьянству и разным преступлениям они вносили порчу и в семейства старожилов, развращали молодое поколение и словом и делом увлекая его во все пороки»².

«Сифилис, – признавали современники, – приносимый ссыльными партиями натурализовался в крае и есть целые деревни им зараженные, и целые поколения от него вымершие»³.

Рекордным был для всей Российской империи ежегодный объем реализации спиртного в Иркутской губернии – 4,7 ведра водки на одного человека⁴. Нередко даже престольные праздники становились вакханалией темных начал человеческой природы.

Типичными в связи с этим являлись события, происходившие в деревне Зуй, расположенной в двадцати верстах от губернского центра. Как писали корреспонденты сибирских газет, «первый день [крестьяне] ходили по селу с иконой, молились, принимали притч со крестом. На следующий день вина пили больше и отчаянно били друг другу стекла в окнах. В тот же день кого-то пырнули ... Ночью стреляли из ружей. На третий день праздник

¹ Ядринцев Н.М. Указ. соч. – С. 201;

² Дриль Д.А. Указ. соч. – С. 164;

³ Дриль Д.А. Указ. соч. – С. 165;

⁴ Пьяная Сибирь // Сибирь. – 1910. – № 192. – С. 2; Слово Архиепископа Серафима о необходимости борьбы с пьянством // Иркутские губернские ведомости. – 1912. – № 5578. – С. 1;

достиг своего апогея: по улицам нельзя было пройти, и женщины вынуждены были отсиживаться в избах»¹.

Страдало и коренное сибирское население. После того, как в 1897 г. Иркутский губернатор И.П. Моллериус, по выражению А.П. Соломон, «исходатайствовал разрешение приселять ссыльных к инородческим обществам ... смиренные, трудолюбивые иркутские буряты, славившиеся искони своей честностью и не знавшие почти никаких преступлений, познакомились (сообщалось начальнику Главного тюремного управления Министерства внутренних дел Российской империи – авт.) и с кражами, и с более тяжкими преступными деяниями против собственности и личности»².

Таким образом, появившись более чем на столетие позже ссылки политической и активно развиваясь с XVII в., уголовная ссылка комплексно воздействовала на местную жизнедеятельность. Ссылаемые из центральных областей Российской империи уголовные преступники решающим образом детерминировали как состояние, так и условия развития сибирского общества, предопределив недопустимо высокий уровень его криминализации и крайне низкую степень защищенности местного населения от преступных посягательств. Благодаря специфическим особенностям пенитенциарной политики Российского самодержавия, уголовная ссылка стала мощным источником распространения уголовной субкультуры, заметно воздействовавшей на местное население, формируя у него пагубные стереотипы поведения и создавая в результате благоприятную среду для дальнейшего развития преступности.

Тушемилов М.В.

Становление полицейской системы в Сибири (XIX – начало XX вв.)

Реформы второй половины XIX в. обусловили глубокие сдвиги во всех сферах жизни страны. Реформы правоохранительных органов, начавшиеся в 60-е годы XIX в., проводимые в контексте других преобразований в государственном устройстве Рос-

¹ Литовицын А. Сибирские нравы и преступления. // Сибирские вопросы. – 1909. – № 42. – С. 28;

² Соломон А.П. Указ. соч. – С. 128.

сийской империи, в конечном счете, имели целью движение к правовому государству.

Проблема становления полицейской системы получила звучание в отечественной историографии еще до революции в трудах И.Е. Андреевского, Н. Андрианова, И.П. Высоцкого¹.

В советской историографии эта проблема также получила определенное звучание. Так, Н.П. Ерошкин² указывает на важное место карательных органов в системе государственных учреждений России как центральных (МВД, Департамент полиции, отдельный корпус жандармов), так и местных (уездные полицейские управления, охранные отделения, губернские жандармские управления). При этом главным направлением их деятельности он называет борьбу с рабочим и революционным движением. Первое исследование, специально посвященное полиции дореволюционной России во второй половине XIX – начале XX вв. было проведено Р.С. Мулукаевым³. Ученый поставил своей целью не только проследить важнейшие вехи истории российской полиции, но и в общих чертах охарактеризовать правовое положение карательных органов государства.

Несмотря на большое количество публикаций, касающихся реформ 60-70-х годов XIX в., полиция рассматривалась лишь исключительно как карательный орган для борьбы с революционным движением. Изучение других сторон ее деятельности в советской историографии не приветствовалось. Объективность же требует признать, что борьба с революционным движением, хотя и имела место в деятельности российской полиции, все же оставалась далеко не единственным занятием. Кроме того, становление полиции в Сибирском крае осталось за бортом отечественной историографии.

Полиция Сибири в начале XIX в. строилась на тех же основах, что и полиция всей России. Однако специфика региона от-

¹ Андреевский И.Е. Реформа исполнительной полиции в России. СПб., 1878; Андрианов Н. Министерство внутренних дел. Исторический очерк. СПб., 1902; Высоцкий И.П. Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство. СПб. 1903.

² Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960.

³ Мулукаев Р.С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1964.

разились на организации полиции. Во главе сибирских губерний в начале XIX в. стояли губернаторы, управляющие вверенной им территорией с помощью губернского правления. Генерал-губернаторы обязаны были «строгое и точное взыскание чинить со всех подчиненных ему мест и людей о исполнении». Генерал-губернатор должен был «пресекать всякого рода злоупотребления, а паче роскошь безмерную и заразительную, обуздывать излишество, беспутство, мотовство, тиранство, жестокость». Кроме того, он обязан был следить за сбором налогов и податей, а также выполнением всякого рода повинностей. Генерал-губернаторы и губернаторы являлись начальниками полиции на вверенной им территории.

К XIX в. в 25 уездных сибирских городах существовал институт городничих, в 7 городах, где стояли войска, вместо городничих действовали военные коменданты. Воссоздание в начале XIX в. в городах управ благочиния в Сибири происходило несколько отлично от Европейской России. Так, например, в Тобольске и Иркутске полицейский орган назывался «градского благочиния суд». При возглавлявших этот орган должностных лицах существовала канцелярия, под наименованием «городнические дела» или «городническое правление». В Сибирских городах, в отличие от европейских, не было квартальных поручиков.

Явный недостаток структурных единиц полиции и полицейских штатов в Сибири в начале XIX в. пытались компенсировать за счет введения будочников, десятников, содержавшихся за счет сборов с населения. В крупных городах в полицейских «будках» круглосуточно посменно дежурили трое полицейских стражников.

Сложившаяся в это время система городских полицейских органов до реформы 1822 г. не претерпела существенных изменений. Нельзя также не отметить, что, как и по всей России, здесь принимались меры по усилению полиции.

Правительство рассматривало Сибирь как окраину. Сибирские губернии использовались как места ссылки, что вело к сосредоточению на обширном пространстве «взрывоопасного материала». Это требовало от правительства совершенствования системы ссылки и усиления полицейского надзора. При этом специфика социально-экономического, географического, национально-демо-

графического положения Сибири была учтена при реорганизации системы органов управления, в том числе и полиции.

Расследование в отношении инородцев должно было проводиться только по делам, указанным в Положении, а также в «случае важных происшествий». Следствие должны были осуществлять чиновники земской полиции. Материалы следствия направлялись на заключение в судебные органы по принадлежности. На инородцев распространялся общий для всех подданных империи порядок проведения следственных действий. Вместе с тем были сделаны некоторые отступления. Так, допрашивать коренных жителей Сибири следовало вблизи от их местопребывания. Запрещалось вызывать на допрос лицо, если оно должно было затратить на дорогу более трех дней. Содержать под стражей предписывалось только лиц, подозреваемых в «важных» преступлениях. За малозначительные деяния нельзя было ни в коем случае отлучать их от промыслов. Для проведения допросов и очных ставок не разрешалось отлучать инородцев от стойбищ более, чем на шесть дней. За нарушение указанных правил на полицейских чиновников накладывались взыскания.

В ходе реформы 1822 г. полиция Сибири была преобразована на следующих основах. В многолюдных городах полицейское присутствие было преобразовано в общую управу (в составе городничего и частных приставов). Части были переименованы в частные управы (частный пристав и два квартальных надзирателя). Кроме того, в состав полицейского управления (общей управы) входили городской лекарь с учениками и городской архитектор.

Полицейское управление «среднечисленных» городов состояло из частной управы (городничий и квартальные надзиратели) и медицинской части во главе с городовым лекарем. В малолюдных городах имелся один городничий. Причем, он иногда олицетворял всю городскую власть.

Принятие Сибирского Уложения 1822 г., несомненно, стимулировало развитие системы полицейских органов.

В 60-70 гг. XIX в. в России были проведены крупные реформы. Было уничтожено крепостное право и изменены земельные отношения, введено местное самоуправление, создана новая судебная система, коренным образом реформирована армия. Реформа общей полиции была начата одной из первых и проводи-

лась наряду с земской, городской, судебной, тюремной, военной и другими реформами.

Подготовка реформы полиции началась задолго до отмены крепостного права. После 19 февраля 1861 г. законодателю потребовалось 22 месяца для начала реформы полиции. Первый важный закон о реформе общей полиции – «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых» – был принят 25 декабря 1862 г. Согласно закону, уездная полиция была объединена с полицией уездных городов и созданы единые полицейские управления во главе с исправниками; учреждены должности участковых урядников, а также полицейский резерв в уездах, в городах увеличена численность околоточных надзирателей, полиция освобождена от ведения следствия, хозяйственные функции и благоустройство городов, продовольственное дело, контроль за состоянием дорог передавались земским и городским органам самоуправления.

С некоторым запозданием реформа полиции начала осуществляться и в Сибири. 21–26 декабря 1867 г. состоялось заседание Совета Главного управления Восточной Сибири. На заседании было доложено представление Иркутского гражданского губернатора «О преобразовании полиции в Иркутской губернии» и доведены до сведения штаты полиции.

Таким образом, только через пять лет после опубликования документа в Восточной Сибири стал рассматриваться вопрос о введении в действие «Временных правил об устройстве полиции в городах и уездах губерний по общему учреждению управляемых». Совет усмотрел, что Временные правила отменяют лишь отдельное существование городских и земских полиций в некоторых городах и округах, которые должны быть объединены в единое управление, называемое Окружным полицейским управлением. В Иркутской губернии только в г. Иркутске сохранилось городское полицейское управление. Организационно-штатные изменения касались только личного состава управлений, которому было повышено денежное содержание и расширены служебные права. Буквальный смысл ст. 6 Правил Совет истолковал таким образом, что окончательная реформа полиции Сибири еще предстоит, что ранее действовавшие правовые акты остаются в силе, а частные управы, существовавшие в Иркутске,

не ликвидируются. Были упразднены лишь городские управления, т.к. в силу нового закона они должны быть преобразованы в земские суды. Было принято следующее решение: дела, находящиеся в производстве городских управлений полиции Нижнеудинска и Киренска, передать в земские суды, а сами управления в январе-феврале 1868 г. упразднить. Земские суды переименовать в Окружные полицейские управления. Такие же изменения произошли и в других городах губернии. В губернском городе Иркутске земский суд 1 января 1868 г. был переименован в Окружное полицейское управление, а общая Иркутская городская управа – в Иркутское городское полицейское управление.

Совет Главного управления Восточной Сибири постановил, что одновременно с изменениями в Иркутской губернии преобразования и изменения штатов в феврале-апреле 1868 г. могли последовать в Енисейской губернии, Забайкальской, Якутской, Приморской и Амурской областях.

В пореформенной России сохранялось деление уездов на станы. Города не входили в состав станового деления. Полицию таких городов возглавляли полицейские надзиратели. Правовое положение их было одинаковым со становыми приставами.

Деятельность урядников строилась на основе Инструкции, разработанной Департаментом полиции и принятой 19 июля 1878 г. Урядники, подчиненные становым приставам, стали низшим звеном профессиональной уездной полиции. В прямом подчинении урядников находились сотские и десятские.

Таким образом, наиболее существенным изменениям в ходе реформ подверглись организационно-правовые основы деятельности городской полиции, что связано с развитием капиталистических отношений. Ранее самостоятельные городские управления в ходе реформы были подчинены уездным управлениям. Объединение городских и уездных полиций способствовало устранению разобщенности местных полицейских органов, повышению оперативности деятельности полиции в условиях усиления миграционных процессов, связанных с отменой крепостного права. Большинство городских полиций Сибири с 1862 г. возглавлялись полицейским надзирателем, который подчинялся уездному исправнику и был зависим от городской управы.

Штаты исполнительных чинов городских полиций зависели от разряда, к которому был отнесен город, а численность слу-

жителей полицейских команд определялась в зависимости от финансовых возможностей городов, т.к. их содержание осуществлялось за счет городских средств. Полицейские команды большинства городов России во второй половине XIX в. состояли из 5-10 человек.

Полицейские управления губернских и ряда других городов сохраняли свою самостоятельность. Крупные города делились на участки, полицию в которых возглавлял участковый пристав. Участки делились на околотки. Охрану порядка в общественных местах крупных городов осуществляли городовые, подчиненные околоточному надзирателю.

После проведения земской и городской реформ в 60-70-е гг. XIX в. многие вопросы организации полиции перешли в ведение местных органов самоуправления. Полиция городов структурно не была связана с городским самоуправлением. Городским думам, подобно земским управам, для проведения в жизнь большинства своих решений необходимо было обращаться к полиции.

Реформы 60-70-х гг. в систему управления полицией привнесли начала, обусловившие серьезные противоречия и сложности развития полицейских органов. Дело в том, что содержание почти всех полицейских учреждений было передано в местный бюджет. Непосредственное оперативное руководство полицией сохранялось за административными властями – губернскими правлениями, губернаторами.

Таким образом, все организационно-штатные изменения в системе полиции были поставлены в жесткую зависимость от соотношения доходов и расходов города или уезда, а нередко и от «доброй воли» дум и земств. Как показывают многочисленные архивные документы, только после вмешательства губернаторов, генерал-губернаторов, МВД удавалось убедить местные органы самоуправления в необходимости существования полиции¹.

Недоразумения в отношениях между полицией и органами самоуправления не ограничивались вопросами финансирования. После введения «Городового уложения» значительная часть функций, ранее выполнявшихся полицией, перешли городским думам и управам. Последние, исходя из того, что именно они

¹ Шейнфельд М.Б. Историография Сибири (конец XIX-начало XX вв.). Красноярск, 1973.

содержат полицию, пытались обязать ее выполнять эти обязанности, как и прежде.

Многие общегосударственные начинания на территории Сибири не реализовывались, воплощались не в полном объеме или проводились в жизнь со значительной задержкой. В этой связи некоторые органы местного самоуправления неоднократно обращались в различные инстанции, в том числе в МВД, с ходатайством о скорейшем распространении на Сибирь действия Судебных уставов. Так, в Сибири даже в 80-е гг. XIX в. не был учрежден институт единоличных следователей и ответственные, сложные обязанности по расследованию преступлений продолжала исполнять полиция. В местностях Сибири в 80-х гг. на полицейские управления возлагались, по мнению Енисейского губернатора, трудно совместимые обязанности: полицейско-административные, хозяйственные, судебные. В отчете за 1880 г. императору Енисейский губернатор Лохвицкий вносил предложение об отделении судебных обязанностей от полицейских посредством введения института судебных следователей.

Особая обстановка в регионе нередко требовала образования специализированных полицейских служб. Так, например, в Акимовской области в 70-е гг. XIX в. был введен институт особых приставов по делам о конокрадстве. В связи с быстрым ростом числа ссыльных в ряде мест были учреждены специальные полицейские должности. В связи с особым характером производства на приисках Западной и Восточной Сибири были назначены жандармские штаб-офицеры¹.

Несмотря на встречавшиеся трудности в организации полицейских учреждений, обусловленные, прежде всего, неспособностью большинства городов выделить на их содержание достаточные средства, полиция Сибири все же последовательно развивалась.

В целом реформы 60-80-х гг. XIX в. существенно изменили компетенцию общей полиции, организации местного аппарата и исполнительных структур полиции, ее подразделений, политического сыска. Переход от феодальной организации полиции, основанной на натуральной повинности, к профессиональной полиции, комплектуемой на контрактной основе, был завершен в

¹ Мирзоев В.Г. Историография Сибири (Домарксистский период). М., 1970.

городах и на окраинах России, в том числе и в Сибири, лишь в конце XIX в.

В соответствии с новой расстановкой сил в стране изменялась и организация полиции. В 1892 г. произошла реорганизация МВД, в 1895 г. утверждено «Положение о видах на жительство», 1 февраля 1899 г. создана специальная фабрично-заводская полиция.

В 1892 г. был внесен ряд изменений в статьи закона «Об общем учреждении губерний». В соответствии с ними Министр внутренних дел определял число полицейских чиновников в городах, подведомственных уездной полиции, а также распределял на разряды полицейские управления в городах, имевших отдельную городскую полицию и определял численность исполнительных чиновников. К нижним чинам полиции относились полицейские урядники, сотские, десятские в селах, городские и другие полицейские служащие городских полицейских команд, уездная полицейская и конно-полицейская стража. В подчинении становых приставов находились полицейские урядники, для исполнения полицейских обязанностей и надзора за действиями сотских и десятских на местах. Урядники распределялись соответственно территории, численности населения и другим местным условиям: по губерниям – МВД, по уездам – губернаторами, по станам – уездными исправниками.

Завершая характеристику особенностей организации полиции во второй половине XIX в. в Сибири следует отметить, что начавшаяся в XIX в. в российских городах крупная реформа полиции, в Сибирских губерниях проводилась со значительным опозданием. Наиболее существенные изменения в ходе реформы касались организационно-правовых основ деятельности полиции. Вместе с тем, реформа не затрагивала многих вопросов, выдвинутых временем и территориальными особенностями региона: о подчиненности и порядке взаимодействия полицейских органов, о предметах ведомственной принадлежности, о статусе полиции, отчетности и ее ответственности¹.

В начале XX в. полиция в России подразделялась на общую, жандармскую, наружную, политическую, конную и пешую, городскую и уездную, сыскную, фабричную (на заводах и фабри-

¹ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений в дореволюционной России. Изд. 3-е. М., 1983.

ках), железнодорожную, портовую, речную и горную (на золотых приисках). Кроме того, существовала полиция волостная и сельская, полевая и лесная стража для охраны полей и лесов. Департамент полиции осуществлял руководство всеми звеньями полиции.

Что касается организационно-штатного построения полиции Сибири, то его можно рассмотреть на примере Енисейской губернии.

Енисейский губернатор через Губернское правление осуществлял общее руководство полицией на подведомственной ему территории. Именно в губернское правление поступала вся документация из МВД и канцелярии Иркутского генерал-губернатора.

На местах в Енисейской губернии полицию возглавляли: в губернском городе Красноярске – полицмейстер, в уездах – уездные исправники, в Усинском пограничном округе – начальник, в Туруханском крае – отдельный пристав.

В Красноярске действовало городское полицейское управление. Город подразделялся на части во главе с частными приставами. Части делились на участки и околотки, возглавлявшиеся участковыми и околоточными надзирателями. Околоточные руководили городскими.

В уездах организацией работы полиции занимались уездные полицейские управления. В сельской местности полицией руководили стантовые приставы полицейской стражи, старшие и младшие урядники полицейской стражи.

Революционные выступления, прокатившиеся по России в 1905 г., вынудили правительство принять экстренные меры по укреплению полиции. Так, по высочайшему повелению от 31 января 1906 г. МВД были учреждены новые штаты городских полицейских команд. На местах остро встал вопрос их финансирования. Своим циркуляром от 24 мая 1908 г. МВД довело до сведения губернаторов и градоначальников, что расходы по содержанию городских ложатся на местный бюджет. Министерство же обязалось оказывать помощь выплатой пособий в течение 1906-1908 гг. В обязанности городских властей входило квартирное довольствие, вооружение и лечение¹.

¹ Курицын В. М. Буржуазные реформы государственного аппарата и развитие права в России 60-80-е гг. XIX века. М., 1992.

Состояние полиции в сельской местности не отвечало требованиям времени и сложившейся внутриполитической обстановке в стране. В XIX в. в сельской местности полицейские функции выполняли сотские и десятские, выбранные крестьянскими общинами, а с 1878 г. и полицейские урядники. По данным МВД, в конце XIX в. полицейские урядники действовали только в 4 сибирских губерниях: Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской и Степных областях: Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской. Повсеместно в Сибири институт полицейских урядников был введен 1 августа 1902 г.¹

Неудовлетворенное деятельностью полиции в сельской местности, МВД в 1902 г. выработало предложения по устранению имевшихся недостатков и внесло в Государственный совет проект закона «Об учреждении полицейской стражи». На основании этого закона должности сотских и полицейских урядников были упразднены, а для охраны общественного порядка в 48 российских губерниях была образована уездная полицейская стража как военизированное подразделение, которое подчинялось губернаторам и уездным исправникам.

В губерниях, где была введена полицейская стража, образовывались конные отряды численностью в 25 процентов от общего состава стражи. Центральное руководство уездной полицейской стражей осуществлял министр внутренних дел, в губерниях – губернатор, в уездах – уездные исправники.

В Сибири создавались специализированные полицейские формирования. Горно-полицейская стража создавалась для охраны общественного порядка и безопасности на золотодобывающих приисках в губерниях Иркутского и Приамурского генерал-губернаторств. Горно-полицейская стража подчинялась губернаторам и военным губернаторам, находилась в непосредственном распоряжении горных исправников.

Прокладка железной дороги способствовала росту населения, новых поселений и развитию предпринимательской деятельности, а вместе с этим и притоку населения, среди которого было немало преступного элемента. Освоение земель поселенцами сопровожда-

¹ Дмитренко Н. М. Обзоры губерний, как источник по социально-экономической истории городов Западной Сибири эпохи капитализма. Источниковедение городов Сибири конца 19 – начала 20 веков. Новосибирск 1983.

лось изъятием земельных наделов из использования у коренных народов, что порождало их недовольство. Был сделан справедливый вывод, что сельские местности Сибири оставались без должного полицейского надзора. Ввиду этого было признано необходимым распространить принятую во внутренних губерниях систему организации полиции на Сибирские губернии и области¹.

Реализация предусмотренного российским законодательством широкого перечня задач, стоящих перед полицией, представляла значительные трудности, которые были связаны с организационно-штатными проблемами: неукомплектованность кадрами, низким уровнем социальной защиты, отсутствием системы профессиональной защиты, отсутствием системы профессиональной подготовки полицейских. В еще более сложном положении находилась сельская полиция, вынужденная осуществлять служебную деятельность в условиях огромных площадей обслуживаемых территорией, малой заселенности, большого количества ссыльных, примитивного образа жизни коренного населения. Революционные выступления, прокатившиеся волной по России в начале XX века, вызвали реакцию правительства, направленную на принятие экстренных мер и, прежде всего касающиеся увеличения штатов городских полицейских команд.

Значительное влияние на организационно-штатное построение полиции Сибири оказывала резкая политизация общества, рост революционного движения, увеличение преступности, потребовавшие введения новых подразделений. Не отвечавшее требованиям времени состояние сельской полиции вызвало необходимость организации уездной полицейской стражи. Реализация предусмотренного российским законодательством широкого перечня задач, стоящих перед полицией, представляла значительные трудности, которые были связаны с организационно-штатными проблемами: неукомплектованность кадрами, низким уровнем социальной защиты, отсутствием системы профессиональной защиты, отсутствием системы профессиональной подготовки полицейских. В еще более сложном положении находилась сельская полиция, вынужденная осуществлять служебную деятельность в условиях огромных площадей обслуживаемых территорией, малой заселенности, большого количества ссыль-

¹ Андреева И. А. Очерки истории органов внутренних дел России. Омск. 2000.

ных, примитивного образа жизни коренного населения. Революционные выступления, прокатившиеся волной по России в начале XX в., вызвали реакцию правительства, направленную на принятие экстренных мер и, прежде всего, касающиеся увеличения штатов городских полицейских команд.

Чернова И.В.

Реорганизация пенитенциарной системы и разделение функций тюремного ведомства и полиции (на примере Томской губернии)

В статье рассматриваются предпосылки выделения Главного тюремного управления в самостоятельную структуру МВД и создание местных подразделений этого управления в Томской губернии. Кроме того, рассмотрены те направления деятельности томской полиции, в которых сохраняется её связь с системой исполнения наказаний, несмотря на разделение полномочий тюремного ведомства и исполнительной полиции. Обозначаются и направления деятельности полиции, где тесное взаимодействие полиции и тюремного начальства было необходимо и обеспечило успешную борьбу с правонарушениями.

Вторая половина XIX в. в России ознаменовалась общим оживлением политической жизни и участием общества в регулировании даже тех сфер, где ранее такое участие было невозможно. Видя проблемы во многих отраслях государственного управления, власти пытаются привлечь городские самоуправления, общественные организации для их решения. Многие, ранее закрытые вопросы, начинают широко обсуждаться на страницах печатных изданий, становятся предметом общественного внимания. Одним из таких «больных вопросов» стало состояние системы наказаний. Россия отставала от многих европейских держав в гуманизации этой государственной отрасли, производ тюремного начальства был фактически неограничен, санитарно-гигиеническое состояние тюрем самое плачевное. Заключение, особенно из не привилегированных сословий, являлись, пожалуй, самой бесправной и незащищенной частью российского населения.

Ситуация осложнялась отсутствием стройной структурированной системы между начальством отдельной тюрьмы и Департаментом исполнительной полиции, сосредоточившим в своих руках управление местами заключения. Кроме того, в работе системы исполнения наказания участвовали и структуры вовсе неподчинённые департаменту, например, волостные старосты и другие представители местного управления тех территорий, куда направлялись на поселение ссыльные; руководство горнодобывающих предприятий, на которых работали каторжные; конвойные команды, сопровождавшие ссыльных; тюремные врачи, имевшие двойное подчинение (и тюремному начальству и городскому врачу) и другие.

Неважная организация тюремного дела была обусловлена и тем, что кроме этой сложной и требующей внимания отрасли, Департамент исполнительной полиции сосредоточил в своих руках колоссальное множество функций по управлению собственно охраной порядка, а также пожарным делом, благоустройством, адресными столами и медицинским надзором, извозным промыслом и состоянием дорог и многим другим.

Для подготовки реформы тюремных учреждений в 1877 г. Государственный Совет учредил Комиссию о тюремном преобразовании под председательством статс-секретаря тайного советника К. Грота. В состав комиссии вошли также высокопоставленные представители многих министерств. Перед комиссией были поставлены две основные задачи: упорядочить систему уголовных наказаний и построить единообразную систему управления тюрьмами по всей стране. Предполагалось обобщить и модернизировать и законодательство в этой области, по возможности сделать систему исполнения наказаний более гуманной, а содержание тюрем менее обременительным для государственного бюджета. Комиссия в своей работе опиралась не только на обширный материал об устройстве тюрем и видах наказаний присланный с мест, но и рассмотрела опыт устройства тюремного ведомства в разных европейских странах¹. Подготовленный ею проект был направлен на доработку в другую комиссию².

¹ Органы и войска МВД. Краткий исторический очерк. Объединённая редакция МВД России. М., 1996. С. 120

² Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М., 1952. С. 9, 10.

Главным результатом работы обеих комиссий стало создание в 1879 г. в составе МВД Главного тюремного управления, как высшего управленческого органа формирующейся на централизованных началах пенитенциарной системы России. В его ведение перешли тюрьмы на территории России, наблюдение за которыми ранее было одной из многочисленных задач Департамента исполнительной полиции МВД. Первым руководителем этой структуры был назначен бывший Саратовский губернатор М.Н. Галкин-Врасский¹.

С первых дней создания Главное тюремное управление стало не только результатом реформы, но и её двигателем. Именно здесь разрабатывалась структура будущей пенитенциарной системы, к которой планировалось привести всё пёстрое разнообразие российских учреждений исполнения наказания. Тюремное управление совместно с Министерством юстиции готовило правовую базу, формировало управленческий аппарат, подбирало кадровый состав и контролировало проведение тюремной реформы на местах. Контролирующим органом, не имеющим аналогов в зарубежных странах, стала Тюремная инспекция. На неё возлагалась постоянная проверка мест заключения, указание руководству тюремных заведений на недостатки работы и донесение результатов проверки вышестоящему начальству. Обладала Тюремная инспекция и правом законодательной инициативы.

Местными структурами пенитенциарной системы стали тюремные отделения при Губернских управлениях, в которые входили губернский тюремный инспектор, его заместитель секретарь и делопроизводители. Для проведения в жизнь тюремной реформы на местах создавались и собиравшиеся периодически губернские тюремные комитеты. В их состав входили как должностные лица (вице-губернатор, управляющий казенной палатой, председатель губернского суда, тюремный инспектор, врачебный инспектор, губернский прокурор, губернский инженер, городской голова, полицмейстер и окружной исправник), так и представители общественности. Так, в Томский губернский тюремный комитет в разное время входили такие известные в городе люди как предприниматели И.Г. Гадалов, П.И. Макушин, Ф.Х. Пушников, И.А. Еренев, раввин Б.И. Левин, врач

¹ Органы и войска МВД. Краткий исторический очерк. Объединённая редакция МВД России. М., 1996. С. 129

П.П. Еланцев, чиновник А.Л. Брунов и др. Вице-президентами комитета выступали, как правило, губернатор и архиерей¹. Губернский тюремный комитет взял на себя снабжение и содержание заключенных, освободив от этих обязанностей городскую полицию. Окончательно местные тюремные органы вышли из МВД и были переданы в Министерство юстиции в 1895 г. Однако централизация и унификация мест исполнения наказаний в масштабах страны потребовали много времени. Например, тюремное отделение при Томском губернском управлении возникло только в 1890 г.

Одним из направлений тюремной реформы стало разграничение функций полиции и тюремного ведомства. Ведь раньше контроль над всеми тюрьмами осуществляла полиция. В ходе реформы большая часть этих функций перешла к тюремному отделению и тюремной инспекции. Не случайно, реформа полиции осуществлялась почти одновременно в 1860-х годах. Значительные силы томской городской полиции в 1860-1880-х гг. были задействованы в системе исполнения наказаний, в осуществлении надзора за ссыльными.

Во второй половине XIX в. поток арестантов, как направляемых в Сибирь, так и содержащихся в тюрьмах на местах, значительно увеличился. Томск стал транзитным пунктом для препровождения ссыльных, в нем сосредоточивалось немалое количество арестантов. Так, в 1863-1864 гг. в среднем в томских тюремных учреждениях содержалось 663 человека, в детском приюте – 37, в следственном флигеле – 39, в арестантской роте – 291 человек². Спустя несколько лет правительством была организована масштабная ссылка в Сибирь участников польского восстания 1863-1864 гг., в ходе которой вопрос о негативном влиянии ссылки на сибирские губернии обозначился наиболее рельефно. Вопрос о размещении ссыльных начал обсуждаться еще в 1864 г., но основная нагрузка по приему и поселению польских ссыльных пришлась на 1865-67 гг. В Томске скопилось большое количество ссыльных, подлежащих отправке в различные населенные пункты губернии и за ее пределы. Для ликвидации этого неурядка, по настоянию полицмейстера Р.С.

¹ Адрес-календарь на 1896 год. СПб., 1897. Часть 2. С. 39; Адрес-календарь на 1898 год. СПб., 1899. С. 200.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 37. Д. 105. Л. 73.

Сержпинского, штат полицейской канцелярии был увеличен вдвое, перераспределены обязанности между ее служащими. Были заведены новые виды документации: журналы для входящих и исходящих бумаг, алфавитная и пересыльная книги арестантов, алфавитные списки политических ссыльных.

Развернулась экстренная высылка заключенных по этапам из томских тюрем: с декабря 1864 г. по апрель 1865 г. из Томска по этапам ушло 1395 политических и 6204 уголовных арестанта¹. Количество арестантов в томских тюрьмах, временами снижаясь, имело общую тенденцию к увеличению вплоть до конца XIX в. Так в Томском тюремном замке, одной из крупнейших тюрем города, в 1875 году содержалось 427 человек, в 1876 – 550, в 1877 – 645, 1878 – 756, 1879 – 770 человек². Через Томск шли основные маршруты арестантских партий как сухопутных, так и водные, по которым перевозили арестантов на появившихся в 1860-е годы пароходах. Полиция принимала участие и в освидетельствовании проходящих через город арестантов, снабжала их надлежащими документами. Число проходивших через город арестантов достигало в 1870-е годы 13 тысяч в год³. Основной объем работы по отправке арестантских партий падал на тёплую часть года.

В последней четверти XIX в. обострился вопрос с транспортированием политических ссыльных. Будучи осужденными не за уголовные, а за политические преступления, ссыльные требовали себе положенных льгот во время этапирования: отправки не пешком, а на гужевом транспорте, разрешения встреч с родственниками и отлучек, отдельной отправки от уголовных партий и др. С разворачиванием революционного движения в стране и ростом политической ссылки решать такие вопросы становилось всё сложнее. В декабре 1883 г. на места был разослан новый циркуляр министра внутренних дел «О порядке пересылки политических преступников»⁴. Этот циркуляр разграничил и функции полиции и тюремного ведомства по отправке арестантских партий. Препровождение арестантских партий из европейской части России до Иркутска, Тобольска и Томска водным или же-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1103. Л. 17-26.

² ГАРФ, Ф. 102. Д. 2. 1881. Д. 154. Л. 2 – 6.

³ ГАРФ. Ф. 102, Д. 2. 1881. Д. 154. Л. 2- 6.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Д-во 5, Оп. 127. Д. 1085(3). Л. 36-37.

лезнодорожным транспортом возлагалось на конвойные команды тюремного ведомства. Препровождение же непосредственно к местам ссылки по малым местным трактам стало обязанностью местной полиции. Задействовались для этого и резервы местных губернских жандармских управлений.

Кроме того, полиция должна была своевременно снабжать арестантские партии соответствующими документами (прежде всего статейными списками с биографическими данными, описанием примет и указанием статьи, за которую осужден). Полиция должна была к обусловленному сроку подготавливать малые партии местных арестантов и оставленных на местах по причине болезни арестантов ушедших партий к присоединению к крупным партиям, сопровождаемым конвойными командами. В 1886 г. все эти изменения были отражены и конкретизированы в «Уставе о содержащихся под стражей»¹.

Важной обязанностью полиции оставалось её участие, наряду с медицинскими чиновниками, в освидетельствовании здоровья арестантов. Почти всегда опасные эпидемические заболевания, такие как холера, привносились в город арестантскими партиями. Поэтому контроль за этим требовал неусыпного внимания полиции и проводился высококвалифицированными полицейскими чиновниками, нередко самим полицмейстером.

На попечении полиции остались заключенные каталажных камер при полицейских частях, лица находящиеся под следствием, задержанные для выяснения личности и арестованные на незначительный период времени за различные антиобщественные проступки. Количество таких лиц в губернском городе было значительным. Ежедневно полиция задерживала при различных полицейских частях и городском полицейском управлении несколько десятков лиц за бродяжничество, пьяные дебоши, драки и хулиганства, воровство и проституцию. Каталажные камеры имелись при каждом полицейском участке Томска. На каждого из задержанных нужно было оформить соответствующие документы.

Занималась полиция и розыском бежавших из мест заключения и мест водворения. Периодически в Томское полицейское управление из центра присылали описания преступников, объ-

¹ ПСЗРИ. Том. 14, СП-6., 1886. Устав о содержащихся под стражею. Глава 7: О пересылке арестантов. С. 66-75.

явленных в розыск по стране. На рубеже веков эти описания стали снабжать и фотографиями. Часто поступали запросы о политических ссыльных, проживающих в Томске, или проживавших ранее, или имеющих здесь родственников, на которые обычно подготавливали ответы околоточные надзиратели.

Особенно большой массив работы по наблюдению за ссыльными, а особенно по борьбе с побегами, ложился на плечи уездной полиции. Огромные просторы Нарымского края – традиционного места водворения ссыльных в Томской губернии и весьма ограниченный кадровый состав уездной полиции, не позволяли осуществлять сколько-нибудь бдительный надзор за ссыльными. Часть этих функций возлагалась на местных представителей власти волостных и сельских старост, которые в силу отсутствия средств, времени, навыка, да и желания, часто игнорировали эти обязанности. Часто, отвечая на запрос уездного исправника, сельские старосты не могли даже указать точной даты исчезновения ссыльного с места водворения. В таких условиях побег из мест водворения не были редкостью. По поводу собственно побегов и поимки беглых всякий раз разворачивалась обширная переписка между полицейскими структурами различного уровня, жандармским управлением, местной администрацией того населенного пункта, откуда был совершен побег. Описания бегавших рассылались на железную дорогу, в полицейские управления ближайших городов и даже в соседние губернии, обязательно извещались полицейские органы тех населенных пунктов, откуда беглец был родом или где проживали его родные. Всё это требовало значительных временных затрат и обширной переписки.

Полицейстеры по долгу службы участвовали в освидетельствовании строящихся и ремонтируемых тюремных зданий, где не только осматривали прочность постройки или качество ремонта, но и соответствие их санитарным нормам и достаточную обустроенность их от побегов.

Вместе с тем, во второй половине XIX в. участь арестантов и ссыльных, условия их содержания и меры их исправления стали предметом широкого общественного интереса. Литераторы, общественные деятели привлекали внимание общества к бедственному положению заключенных, к экономическим и нравственным проблемам их жизни в местах заключения. С ростом

числа заключенных и ссыльных в обществе начинает широко обсуждаться вопрос о том, соответствуют ли тюрьмы своему назначению, насколько они обеспечивают изоляцию преступника и являются ли они местом исправления преступника или еще более усугубляют негативные черты его характера.

Как ответ на общественные вызовы, стали создаваться особые тюремные комитеты и общества, первое из которых – «Попечительное о тюрьмах общество» возникло в России еще в 1817-1819 гг. Массовое открытие «Попечительных о тюрьмах комитетов» произошло именно во второй половине XIX в.¹ Такой комитет возник и в Томске на рубеже 1850-х и 1860-х гг. В него входили чиновники и купцы, дамское отделение комитета составляли их жены. Но по-настоящему его деятельность развернулась только при участии широкой общественности в последних десятилетиях XIX в. Различные благотворительные организации и просто горожане снабжали тюремные библиотеки книгами, местные тюремные подсобные хозяйства саженцами. При всех тюрьмах города Томска существовали аптеки и больницы, домовые церкви. Заключенные исправительно-арестантского отделения даже организовали самодеятельный театр². Активно участвовали в деятельности комитета и полицейские. Так, обязанности секретаря этого комитета исполнял во время своей службы томским полицмейстером И.А. Рудаков³, директором тюремного комитета был назначен полицмейстер М.А. Архангельский⁴. Директрисами дамского отделения в разное время были жена полицмейстера П.А. Кайдалова – П.Я. Кайдалова, мать полицмейстера П.П. Аршаулова – Е.М. Аршаулова⁵.

Нередко, благодаря осведомленности полицейских в вопросах организации тюремного дела и нахождению в рамках одного министерства, полицейские чиновники назначались началь-

¹ Органы и войска МВД. Краткий исторический очерк. Объединённая редакция МВД России. М., 1996. С. 113.

² А.Г. Караваева, В.А. Поляков. Тюрьма //Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города/ Под ред. д-ра ист. наук Н.М. Дмитриенко. – Томск: НТЛ, 2004, С. 385-386

³ Рудаков И.А. Извлечение из отчета томского попечительного о тюрьмах комитета // Томские губернские ведомости. 1859. № 27.

⁴ ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1920. Л. 29.

⁵ Памятная книжка Томской губернии на 1871 г. Томск, 1871. С. 10, 11.

никами тюрем и наоборот. Например, на должность тюремного инспектора был назначен полицмейстер М.А. Архангельский (полицмейстер в 1883-1887 гг.) после ухода его с последней полицейской должности горного исправника¹. А будущий томский полицмейстер П.В. Никольский (1905) в 1880-е гг. был начальником Томской пересыльной тюрьмы.

Нередко для получения результата представители всех служб МВД действовали сообща. Например, широко известно о содействии тюремного начальства провокаторству в среде заключенных. Оцениваемое в литературе весьма негативно и в основном в связи с политическими преступлениями, провокаторство вместе с тем помогало получить полиции ценнейшие сведения о преступном мире и даже предотвращать совершение крупных преступлений.

Подводя итог можно заключить, что томская полиция, традиционно регулировавшая множество вопросов, связанных с исполнением наказания, даже после создания тюремного отделения при Томском губернском управлении, продолжала активно участвовать в решении вопросов, связанных со строительством и содержанием тюрем. За полицией сохранились некоторые обязанности, связанные с освидетельствованием и транспортировкой арестантов. А также с их размещением в назначенных им населенных пунктах и пресечением побегов.

Имея собственные задачи в этой области, томская полиция была обязана всячески содействовать чиновникам тюремного ведомства в исполнении их обязанностей и сама нередко обращалась к ним за содействием. Тесное сотрудничество всех структур МВД давало обычно хорошие результаты.

Сопряженность ведомств, их тесное сотрудничество обусловило размытость отраслевых перегородок при кадровых назначениях. Нередко служащие тюремного ведомства, особенно проявившие расторопность, навык в раскрытии преступлений, занимали ответственные полицейские должности. На более спокойные должности тюремных инспекторов, начальников тюрем назначались пожилые полицейские чиновники.

Необходимость взаимодействия ведомства охраны порядка и ведомства исполнения наказания подтверждается и дальнейшей историей этих государственных структур.

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. 1979. Л. 1270-1271; Д. 3053. Л. 90.

Административная расправа по политическим мотивам в России (конец XIX – начало XX вв.)

Внесудебная расправа по политическим мотивам России XIX – XX вв. имеет богатую историю. Уместно отметить, что многие правовые нормы юриспруденции царской эпохи нашли свое отражение в правовых нормах советского законодательства. Исследование проблемы генетического родства этих норм, их применение на практике, ее историко-сравнительный анализ – предмет отдельного исследования. При этом надо отметить, что как в царской, так и в советской карательной политике внесудебная, т.е. административная расправа по политическим мотивам занимала заметное место. Эта научная проблема тем более актуальна для истории Сибири, которая была регионом царской и советской административной ссылки в целом, и по политическим мотивам, в частности.

Уголовно-процессуальные нормы российского законодательства и судебная расправа: судопроизводство в гражданских и военных судах России в эпоху царизма, освещены в наших исследованиях, опубликованных в журнале «Наука и образование» и в ранее вышедших из печати выпусках «Сибирской ссылки»¹.

Цель данной публикации – завершение цикла исследований, посвященных юридическим нормам расправы в законодательстве России XIX – начала XX вв. по составу деяний (преступлений), квалифицируемых как политические (государственные) преступления.

В истории карательной политики России важное место занимала правовая норма, содержащаяся в пункте 6 указа от 5 апреля 1879 г. («О назначении временных генерал-губернаторов

¹ Казарян П.Л. Уголовно-процессуальные нормы российского законодательства XIX – начала XX в. по политическим преступлениям // Наука и образование. – № 2 (26). – Якутск, 2002. – С. 43 – 49; Он же. Судопроизводство по политическим преступлениям в гражданских судах России XIX – начала XX в. // Сибирская ссылка. – Вып. 2 (14). – Иркутск, 2003. – С. 166 – 184; Он же. Судопроизводство по политическим преступлениям в военных судах России XIX – начала XX вв. // Там же. – Вып. 4 (16). – Иркутск, 2007. – С. 102 – 122.

в городах С.-Петербурге, Харькове и Одессе и о представлении, как сим генерал-губернаторам, так и генерал-губернаторам в Москве, Киеве и Варшаве некоторых особых прав для охранения порядка и общественного спокойствия во вверенном им крае»), согласно которому наряду с такими действиями, как задержание по своему усмотрению лиц, приостановка или вообще запрет на издание журналов и газет в случае признания их «вредными», принятие любых мер, которые признаются полезными для сохранения спокойствия в подведомственном крае. Генерал-губернаторам предоставлялось право «выслать административным порядком, из вверенных их управлению местностей, всех тех лиц, дальнейшее пребывание которых в тех местностях они признают вредным»¹.

Для выяснения переломного значения указа 5 апреля 1879 г. необходимо рассмотреть практику административной ссылки в 50 – 60-х годах XIX в. Внесудебная, т.е. административная ссылка, когда вопрос о высылке того или иного лица или групп людей решался административными органами – царем, Сенатом, губернаторами, в XVIII – первой половине XIX в. по политическим делам не применялась. С одной стороны, царизм придавал подобным делам особо важное значение, с другой – они были не так уж многочисленны. Поэтому судебная расправа над лицами, обвиненными в политических преступлениях, являлась основной формой их наказаний. Исключением являлось польское восстание 1830 – 1831 гг., когда властью главнокомандующего в местности, состоящей на военном положении, наряду с судебными, принимались и внесудебные решения.

В 50 – 60-х годах в практике карательной политики царизма начала постепенно складываться административная форма ссылки. Она в основном применялась в отношении лиц, считавшихся политически неблагонадежными, или за деятельность, которые по судебным установлениям не являлась очевидными преступлениями, но по своей сути были направлены или способствовали борьбе против существующих в империи общественно-политических устоев.

Новые возможности для административной ссылки открывали вкупе с законоположениями 5 апреля 1879 г. утвержденные

¹ Полное собрание законов Российской империи (в дальнейшем – ПСЗРИ). – Собр. II. – Т. 54, отд. 1. – С. 299.

еще 19 мая 1871 г. «Правила о порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений». В **третьем разделе** – «О порядке производства дознания о государственных преступлениях», **статьей 29** предусматривалось все дознания представлять «по его окончании, прокурором судебной палаты министру юстиции, который, по сношении с шефом жандармов, делает распоряжение о производстве предварительного следствия или испрашивать Высочайшее повеление о прекращении производства, с оставлением в последнем случае дела без дальнейших последствий, *или же с разрешением одного в административном порядке*» (курсив мой. – П. К.)¹.

Значение же указа 5 апреля 1879 г. состояло не только в том, что он децентрализовывал порядок административной расправы, предоставив это право и генерал-губернаторам, но и в том, что административная высылка законодательно была закреплена как вид наказания по политическим делам.

В 1879 г. был опубликован ряд указов, направленных на усовершенствование порядка судопроизводства по политическим преступлениям в военных судах на подведомственных генерал-губернаторам территориях. Так, например, указ от 8 апреля «О порядке производства дел о лицах гражданского ведомства, передаваемых военному суду на основании Высочайших указов 9 августа 1878 года и 5 апреля 1879 года», направлен на ускорение судопроизводства. **Статья 3** указа предусматривала, что, когда преступление «учинено столь очевидно, что не представляется надобности в предварительном разъяснении обстоятельств преступного деяния, предоставить генерал-губернаторам предавать обвиняемых военному суду и без производства предварительного следствия, на основании сведений, собранных при дознании».

По получении результатов предварительного следствия или дознания, военный прокурор в течение суток должен был представить дело генерал-губернатору с заключением о дальнейшем производстве дела (**статья 4**). С момента получения дела от генерал-губернатора, с резолюцией, военный прокурор должен был в течение суток представить военному суду обвинительный акт (**статья 5**).

Суд, получив дело и обвинительный акт, должен был немедленно, или не позже следующего дня начать судебный процесс

¹ Там же. – Т. 46, отд. 1. – С. 594.

(статья 6). При этом он мог ограничиться чтением показаний, полученных при дознании и на следствии, без вызова на судебное заседание свидетелей (статья 7). Приговор суда должен был быть оглашен в течение суток (статья 8)¹. По сути, с момента возникновения дела и до вынесения приговора, судопроизводство могло занимать (без времени на кассацию и окончательной конфирмации приговора) 72 часа.

На основании доклада министра юстиции действительного тайного советника, сенатора, члена Государственного Совета Дмитрия Николаевича Набокова 11 апреля 1879 г. Александром II было указано, что если по делам, «подлежащим, на основании указов 9 августа 1878 г. и 5 апреля 1879 г., ведению военного суда, местные генерал-губернаторы, еще во время производства дознаний или предварительных по сим делам следствий», заявят о необходимости направления их к производству в суде военном, то «лица, производящие означенные дознания, а равно и судебные следователи, находящиеся у них в производстве следствия, по окончании оных, препровождали таковые непосредственно от себя к военным прокурорам местных военно-окружных судов»². Таким образом, еще на стадии проведения дознания или предварительного следствия мнение генерал-губернатора о подсудности дела в военных судах становилось определяющим.

Карательная система царизма делала все, чтобы человек, попавший в орбиту ее действия, не ускользнул от нее. Это особенно касалось лиц, прикосновенных к политическим делам. Поэтому законодатель предусматривал все, чтобы в случае отсутствия основания для рассмотрения подобных дел в военных судах, они решались в административном порядке.

По внесенной на рассмотрение министром юстиции Д.Н. Набоковым записке, Александр II 27 апреля 1879 г. утвердил порядок, когда «... дознания по всем вообще делам о государственных преступлениях и противозаконных сообществах, по окончании их, поступали от прокуроров судебных палат или губернских прокуроров, вместе с составленными ими о направлении сих дел заключениями, непосредственно к местным генерал-губернаторам, от усмотрения коих должно зависеть применение к таковым делам действия указа 5 апреля 1879 года, или возвращение

¹ Там же. – Т. 54, отд. 1. – С. 303 – 304.

² Там же. – С. 306.

их к подлежащему прокурору для дальнейшего направления в порядке, установленном законом 19 мая 1871 года»¹.

В указе от 20 июня 1879 г. предписывалось, чтобы, «... дознания о государственных преступлениях, которые будут признаны генерал-губернаторами не подлежащими рассмотрению суда военного, возвращаются ими безотлагательно прокурору судебной палаты или губернскому прокурору, по принадлежности, для дальнейшего направления таковых дознаний и решения участи привлеченных к оным лиц...»².

В условиях роста революционного движения в конце 70 – начале 80-х годов XIX в. одним из широко применяемых инструментов карательной политики стало расширение зон военно-полицейских действий в империи. Это претворялась в жизнь двумя путями: предоставлением дополнительных прав, предусмотренных указом от 5 апреля 1879 г., новым генерал-губернаторам и, расширением и распространением действий генерал-губернаторов на новые территории, путем подчинения отдельных губерний, уездов и городов их власти.

Так, например, Высочайшим повелением от 21 марта 1880 г. на имя Правительствующего Сената решено было «предоставить генерал-губернатору Восточной Сибири те же права относительно административной высылки в пределах вверенного ему края», какие были даны указом от 5 апреля 1879 г. временным генерал-губернаторам и генерал-губернаторам в городах Москве, Киеве и Варшаве³.

Именным указом от 16 мая 1880 г. были расширены пределы действующих (в т. ч. и временных) генерал-губернаторств и распространены: Варшавского и Киевского – на губернии, входящие в состав одноименных военных округов; Московского – на Московскую, Тверскую, Владимирскую и Тульскую; Харьковского – на Харьковскую, Черниговскую, Полтавскую, Курскую, Воронежскую и Орловскую; Одесского – на Херсонскую, Таврическую, Екатеринославскую и Бессарабскую губернии⁴. Переломным в истории административной ссылки по политическим делам стало утвержденное Александром III 14 августа

¹ Там же. – С. 326

² Там же. – С. 518.

³ Там же. – Т. 55, отд. 1. – С. 99.

⁴ Там же. – С. 241 – 242.

1881 г. «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», действие которого продлилось до марта 1917 г. (с незначительными поправками)¹.

Не анализируя суть всего документа, мы остановимся только на тех моментах, которые были связаны с административной расправой по политическим мотивам и политической ссылкой. Положение предоставляло министру внутренних дел и генерал-губернаторам чрезвычайные полномочия, с регламентацией введения **положения усиленной охраны** первоначально **сроком на один год** и **положения чрезвычайной охраны** – первоначально **сроком на шесть месяцев**, и по мере необходимости с их продлением.

Часть пятая Положения – «Правила об административной высылке» (**статьи 32 – 36**) – предусматривала и порядок высылки лиц, подозреваемых в совершении государственных преступлений; имеющих к ним какое-либо отношение, или за принадлежность к противозаконным организациям.

Статья 32 посвящена высылке лиц в административном порядке в какую-либо определенную местность Европейской или Азиатской России, «... с обязательством безотлучного пребывания в течение назначенного срока...».

Статья 33 предписывала, чтобы местные власти, «... убедившись в необходимости высылки частного лица, представляли об этом министру внутренних дел, с подробным объяснением оснований к принятию этой меры, а также предположений о сроке высылки». В примечании этой статьи особо оговаривалось, что если закон разрешает предварительный арест сроком до месяца, то срок предварительного заключения лиц, предназначенных к высылке, по распоряжению министра внутренних дел мог быть продлен до решения вопроса об их высылке.

Органом, предназначенным для решения дел по административной ссылке, стало Особое совещание, о котором в **статье 34** говорилось: «Представления этого рода (т. е. дела о лицах, подлежащих к высылке. – *П.К.*) рассматриваются в Особом совещании, образуемом при министре внутренних дел, под председательством одного из товарищей (т.е. заместителей. – *П.К.*) министра, из четырех человек – двух от Министерства внутренних дел и двух от Министерства юстиции. Постановления сего совещания представляются на утверждение министра внутренних дел».

¹ Там же. – Собр. III. – Т. 1. – С. 261 – 266.

При обсуждении представления о высылке Особое совещание могло потребовать «необходимых дополнений и разъяснений, а в случае надобности – вызвать для личных объяснений предназначенное к высылке лицо» (статья 35).

Статья 36 предписывала: «Для безвыездного пребывания в месте, для высылки определенном, устанавливается срок в раз-*мере от одного года до пяти лет*». Однако, примечание к этой статье вносило существенное уточнение: «Назначенное для высылки время может быть, в порядке, *установленном статьей 34, сокращено или продолжено до указанных в статье 36 размеров*» (курсив мой. – П.К.).

В связи с утверждением 14 августа «Положения», указом от 4 сентября 1881 г. были отменены действия множества законодательных актов 70-х – начала 80-х годов, регламентирующих порядок административной высылки¹.

В преамбуле указа от 4 сентября 1881 г. «Об издании Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и объявлении некоторых местностей империи в состоянии усиленной охраны» Александр III констатировал, что последние годы царствования Александра II «...были омрачены рядом преступных посягательств на коренные основы государственного и общественного строя Нашего Отечества.

Исходя от горсти тайных злоумышленников, дерзновенные посягательства эти наглядно доказали, что действие постоянных законов, сообразованных с обычным состоянием мирного общества, недостаточно для охранения порядка и спокойствия, нарушаемых прискорбными событиями чрезвычайного свойства ...

... Мы не могли однако же не признать, что прискорбные события и смута в Государстве вызывают печальную необходимость допустить на время чрезвычайные меры преходящего свойства для водворения полного спокойствия и для искоренения крамолы ...»².

Этим указом объявили «... в состоянии усиленной охраны губернии: С.-Петербургскую, Московскую, Харьковскую, Полтавскую, Черниговскую, Киевскую, Волынскую, Подольскую, Херсонскую и Бессарабскую, уезды: Симферопольский, Евпаторийский, Ялтинский, Феодосийский, Перекопский и город Бердянск

¹ Там же. – С. 284.

² Там же. – С. 283.

Таврической губернии, город Воронеж с уездом и город Ростов-на-Дону и Мариуполь Екатеринославской губернии, а также Одесское, Таганрогское и Керчь-Еникальское градоначальства». Санкт-Петербургскому обер-полицмейстеру предоставлены были права губернатора, не подчиненного генерал-губернатору местности. Ряд статей Положения от 14 августа 1881 г. распространялся не на всю территорию страны.

Для нас особый интерес представляют пункты 4 и 5 Указа 4 сентября. В пункте 4 устанавливалось, что статьи 32 – 36 Положения об административной высылке распространяются и на те местности империи, «... кои в сем Положении не объявлены». Это по сути дела означало, что порядок административной ссылки по политическим делам распространялся на всю территорию страны. Пункт 5 предписывал Особому совещанию «...озаботиться назначением срока административной высылки и тем лицам, которые подвергались оной ранее издания сего Положения (т. е. подвергались административной ссылке до 14 августа 1881 г. – П.К.)»¹.

Вторым знаменательным законодательным актом в регулировании административной ссылки стал утвержденный 18 июня 1892 г. акт «О местностях, объявляемых состоящими на военном положении»². С его введением в губерниях, областях, уездах, округах или в отдельных населенных пунктах прекращалось действие «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», а забота об охране порядка и общественного спокойствия переходила к главнокомандующим и командующим армиями (статья 8).

Ориентированное, как правило, на случай войны, военное положение успешно применялось и против нарушителей спокойствия во внутренних губерниях в чрезвычайных условиях. При их введении все гражданские власти, включая и генерал-губернаторов, подчинялись командующему армии (статья 13).

Среди тех деяний, которые подлежали в местностях, объявленных на военном положении, к военному суду и наказанию по законам военного времени были и деяния, квалифицированные как «бунт против верховной власти» (статья 17).

¹ Там же. – С. 284.

² Собрание узаконений и распоряжений Правительства. 2-е полугодие 1892 г. – СПб., 1892. – С. 2143 – 2152.

В местностях, состоящих на военном положении, права и обязанности по охранению государственного порядка и общественной безопасности возлагались на генерал-губернаторов или главных начальников, назначенных командовать армией, при их отсутствии – на начальника военно-окружного управления (**статья 18**). В **пункте 17 статьи 19** указывалось, что они имели право «выслать отдельных лиц во внутренние губернии империи, с извещением о том министра внутренних дел, для учреждения за ними полицейского надзора на время не свыше продолжения военного положения, а иностранцев выслать и за границу»¹.

Положения от 14 августа 1881 г. и 18 июня 1892 г. завершили становление системы административной ссылки по политическим мотивам. Наряду с законами судопроизводства по политическим делам, они внесли в нее такие элементы, как неотвратимость наказания по политическим делам любого свойства – от неблагонадежности до тяжких деяний, скорое решение судом этих дел.

В отличие от 60 – 70-х годов, когда судопроизводство по политическим делам носило публичный характер, новые законы внесли определенную корректировку в порядок судопроизводства, исполнения судебных приговоров.

Пункт «б» статьи 17 Положения 14 августа 1881 г. предоставлял генерал-губернаторам, а в губерниях, не подчиненных им, – министру внутренних дел право «требовать рассмотрения при закрытых дверях всех тех судебных дел, публичное рассмотрение коих может послужить поводом к возбуждению умов и нарушению порядка»². Таким образом, закрыв двери для широкой публики, законодатель вводил судопроизводство по политическим делам от общественного контроля.

По предложению Комитета Министров 14 ноября 1881 г. была изменена редакция **пункта «б» статьи 17** Положения 14 августа, который был заменен двумя пунктами:

«б) требовать рассмотрения при закрытых дверях всех тех судебных дел, публичное рассмотрение коих может послужить поводом к возбуждению умов и нарушению порядка; в судебные заседания по таким делам, с разрешения председателя суда, допускаются сверх лиц, указанных в *статьях 622 и 623 Уст. Угол. Судопр.*; должностные лица административного ведомст-

¹ Там же. – С. 2150.

² ПСЗРИ. – Собр. III. – Т. 1. – С. 263.

ва, служебные обязанности коих представляют надлежащее к тому основание;

- в) требовать рассмотрения дел о государственных преступлениях, или в порядке, указанном в *пункте б*, или с особыми сверх того ограничениями, состоящими: 1) в производстве всех судебных действий при закрытых дверях присутствия, с устранением *примечания 621 – 624 статей Уст. Угол. Судопр.*¹ и 2) в недопущении в залу заседания никого постороннего, за исключением должностных лиц, в *пункте б* указанных, и лиц, о допущении коих будут просить подсудимые и потерпевшие от преступления; по желанию последних допускаются в сем случае только их супруги и родственники в прямой линии, восходящей и нисходящей, не более однако же одного лица со стороны каждого из подсудимых или потерпевших (курсив мой. – П.К.)»².

Эти же меры в организации непубличного судопроизводства сохранились и в **пунктах 8 и 9 статьи 19** Положения от 18 июня 1892 г.³

В истории карательной политики царизма 1881–1916 годы можно характеризовать как годы, сопровождавшиеся проведением в жизнь карательной политики в условиях чрезвычайного режима. Страна жила в условиях введения, продления положения усиленной охраны, положения чрезвычайной охраны или введения военного положения в тех или иных местностях, сокращения или расширения территорий, охваченных действием этих законов. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим все законодательные акты, вышедшие всего лишь за три года – с 1882 по 1884 г.

Указами от 22 января 1882 г. киевскому генерал-губернатору была подчинена Черниговская губерния и указаны местности, входящие в состав генерал-губернаторств (в пределах власти, предоставляемой Положением от 14 августа 1881 г.): Московско-

¹ Статьи 621 – 624 «Устава уголовного судопроизводства» регламентировали порядок проведения закрытого для публики судебного заседания по собственному суду решению или по указанию министра юстиции, а также круг лиц, которые допускались на заседание, и обязательность оглашения приговора публично. – П.К.

² Там же. – С. 348.

³ Собрание узаконений и распоряжений Правительства. 2-е полугодие 1892 г. – С. 2149.

го – Московская губ.; Киевского – Киевская, Черниговская, Подольская и Волынская губ.; Харьковского – Харьковская, Полтавская губ., г. Воронеж с уездом; Одесского – Херсонская, Бессарабская губ., Симферопольский, Евпаторийский, Ялтинский, Феодосийский, Перекопский уезды и г. Бердянск Таврической губ., города Ростов-на-Дону и Мариуполь, Одесское, Таганрогское и Керчь-Еникальское градоначальства¹.

Указом от 28 апреля 1882 г. Полтавская губерния была изъята из состава Харьковского генерал-губернаторства и включена в состав Киевского, а положение об усиленной охране отменено в г. Воронеже с уездом, с распространением на него действий **статей 28 – 36** Положения от 14 августа 1881 г.²

По представлению Комитета Министров 26 августа 1882 г. положение усиленной охраны было продлено еще **на один год** в губерниях: С.-Петербургской, Московской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Киевской, Волынской, Подольской, Херсонской, Бессарабской; уездах: Симферопольском, Евпаторийском, Ялтинском, Феодосийском, Перекопском и г. Бердянске Таврической губ., Ростове-на-Дону и Мариуполе Екатеринославской губ., Одесском, Таганрогском и Керчь-Еникальском градоначальствах³.

Указом от 18 марта 1883 г. положение об усиленной охране было распространено на Николаевское военное губернаторство и Севастопольское градоначальство. Указ от 27 августа 1883 г. продлил срок положения об усиленной охране еще **на один год** в местностях, перечисленных в указе от 26 августа 1882 г. и 18 марта 1883 г., и в г. Саратове с уездом⁴. При этом, как и прежде, **статьи 28 – 31** Положения сохраняли свои действия в остальных губерниях и областях империи.

О том, что царизм использовал военно-полицейские методы в карательной политике против антиправительственных сил, путем введения особого положения в губерниях и местностях, наиболее неблагоприятных, может свидетельствовать и тот факт, что, посчитав годичное продление сроков особого положения недостаточным, указом от 15 августа 1884 г. Александр III про-

¹ ПСЗРИ. – Собр. III. – Т. 2. – С. 22.

² Там же. – С. 180.

³ Там же. – С. 390.

⁴ Там же. – Т. 3. – С. 383.

длил срок действия Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия в вышеперечисленных местностях еще **на три года** ¹.

Законодательное становление административной расправы за политические деяния и инакомыслия, малейшего проявления нелояльности к существующим в России устоям управления открыли широкие возможности для карательных органов. При росте и спаде в численности лиц, подвергавшихся судебным преследованиям и административной расправе, с конца XIX в. (при исчезновении из судебной практики такого вида наказания как «ссылка на житье») наблюдалось неуклонное увеличение числа лиц, сосланных в Сибирь в административном порядке.

**Состав ссыльных Сибири по категориям
на 1 января за 1907 – 1917 гг.²**

Год	Ссыльно-ка- торжные	Ссыльно-посе- ленцы	Административно-с- сыльные	Всего
1907	409	11	1 467	1 887
1908	667	715	2 107	3 489
1909	905	1 103	3 663	5 671
1910	1 483	2 591	4 264	8 338
1911	934	4 011	4 325	9 270
1912	925	5 072	1 316	7 313
1913	978	Нет св.	831	Не полн. св.
1914	165	Нет св.	503	Не полн. св.
1915	730	Нет св.	835	Не полн. св.
1916	79	Нет св.	5 421	Не полн. св.
1917	485	7 351	6 256	14 092

После событий 1905 г. и возобновления ссылки в Сибирь в 1906 г., численность административно-ссыльных среди общей массы ссыльных занимала существенное место (Табл. 1). Даже после амнистии 1913 г., когда значительная часть ссыльных получила облегчение своей участи, в т.ч. были сокращены сроки ссыльно-поселенцев для приписки в крестьяне, сокращены сроки (до одной трети) административно-ссыльных и т.д., число ад-

¹ Там же. – Т. 4. – С. 434.

² Табл. 1 составлена по данным: Щербаков Н.Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). – Вып. 1. – Иркутск, 1973. – С. 199 – 242.

министративно-ссылных немного уступало числу лиц подвергшихся судебному преследованию.

О том, что в составе сосланных в Сибирь лиц по политическим делам с начала 80-х годов XIX в. численность сосланных в административном порядке неуклонно росла, можно проследить и на примере Якутской области. И, это при том, что Якутская область в отличие от других губерний и областей Западной и Восточной Сибири (кроме Забайкальской области, как района каторжных работ) занимала особое положение как место ссылки, в т.ч. и для сосланных по судебным приговорам на поселение (как непосредственно, так и после отбывания сроков каторжных работ) по политическим делам¹. Это особенно нашло яркое выражение в годы Первой мировой войны, когда центральные и региональные органы власти и управления стремились выслать ссыльно-поселенцев в отдаленные (главным образом от железной дороги) районы.

Вышеизложенное свидетельствует, что вкупе с судебным преследованием за деяния политического характера, законодатель выработал комплекс мер административной расправы за деяния или действия, тем самым подводя обвиняемого или подозреваемого к неминуемому осуждению (наказанию). В общественно-политической жизни России не осталось сфер, которые не были бы подконтрольны карательным органам царизма, а карательная политика в сфере политических (государственных) преступлений или деяний получила ярко выраженный беспопеляционно обвинительный характер. Стать или не стать жертвой этой политики процесс, носивший не объективный характер, связанный с общественной опасностью сути деяния обвиняемого, а субъективным восприятием законодателя, в лице своих карательных органов, стремившихся изолировать человека, лишит его всякой возможности участвовать в общественно-политической жизни, ликвидировав тем самым даже ту гипотетическую опасность, которая могла бы исходить от его деятельности для правящего режима. В этом еще одно сходство между царской и советской внесудебной расправой по политическим мотивам.

¹ Более подробно см.: Казарян П.Л. Якутия в системе политической ссылки России. 1826 – 1917 гг. – Якутск, 1998. – 496 с.

Таблица 2

Состав ссыльных* Якутской области по категориям
на 1 января за 1880 – 1917 гг.**

Год	Ссыльно-поселенцы	Сосланные на жительство	Административно-ссыльные	Всего
1880	16	1	15	32
1885	53	1	19	73
1890	861 ^{***}	5	64	155
1895	49	15	37	101
1900	21	15	88	124
1905	9	-	222	231
1907	-	-	49	49
1910	99	-	321	420
1913	247	-	199	446
1917	255	-	95	350

Ценность изучения этого исторического опыта не только в том, что он занимает значительный сегмент в карательной политике царизма. Он позволяет не только вынести целостное представление об общественно-политической жизни России XIX – начала XX в., но и свидетельствует, что без познания и учета этого опыта, нельзя достичь полноценного исследования внесудебной, административной расправы советской карательной системы.

* Табл. 2 составлена по материалам: *Казарян П.Л.* Якутская политической ссылка (Историко-юридическое исследование). – Якутск, 1999. – С. 104 – 105.

** Без участников польского восстания 1863 – 1864 гг., которые были освобождены от ссылки в 1895 г. согласно пункта 6 статьи XI манифеста от 14 ноября 1894 г. (См.: *Собрание узаконений и распоряжений Правительства.* 2-е полугодие 1894 г. – СПб., 1894. – С. 3967 – 3983).

*** В т.ч. 20 ссыльно-каторжных, осужденных военно-судной комиссией по делу вооруженного сопротивления властям 22 марта 1889 г. в г. Якутске и временно находящихся в Вилуйском тюремном замке.

Реформирование правоохранительных органов России в конце XIX – начале XX веков

Реформы правоохранительных органов, начавшиеся во второй половине 60-х годов XIX в., осуществлявшиеся в контексте других преобразований в государственном устройстве российской империи, имели своей целью движение к цивилизованному обществу. 25 декабря 1862 г. были утверждены «Временные правила об устройстве полиции в городе и уездах губерний», в соответствии с которыми уездная и городская полиция объединялись в общую уездную полицию. Для руководства ее деятельностью были созданы уездные полицейские управления во главе с уездными исправниками. Это объединение не касалось крупных городов, где сохранилась городская полиция, а в некоторых больших городах были созданы отдельные полицейские управления, руководство которыми осуществлял полицмейстер. В состав этих полицейских управлений входили исправник и помощник исправника, назначаемые губернатором, а также заседатели от дворян и сельских обывателей, упраздненные законом от 1889 г. Уезды делились на станы, в которых полицейские функции выполняли становые приставы. В городах, подведомственных уездному полицейскому управлению, полицейскую службу несли городские и участковые приставы и полицейские надзиратели. Нижними чинами уездной полиции оставались сотские и десятские, избиравшиеся из крестьян.

Уездный исправник рассматривался как непосредственный представитель губернатора в своем уезде. Наряду с прямыми обязанностями, связанными с организацией борьбы с преступностью, на него возлагалось множество административных функций. Что касается станового пристава, то он непосредственно исполнял предписания Уездного полицейского управления и отвечал за соблюдение общественной безопасности в стане.

Судебная реформа 1864 г., как составная часть всего процесса реформирования, начинает отсчет с 20 судебных установлений и Устава уголовного судопроизводства¹. Важное значение имело то обстоятельство, что реформа общей полиции была начата одной

¹ Свод законов Российской империи. СПб., 1892. Т. 16. Ч. 1. Разд. 1 и 4.

из первых и проводилась параллельно с земской, городской, судебной, тюремной и военной реформами. Но реализация проектов была крайне длительной.

Несмотря на проведенные меры, компетенция полиции оставалась неопределенной. Учитывая, что Временные правила практически не освещали данный вопрос, компетенция полиции определялась старыми, как минимум двадцатилетней давности, нормативными актами. Полиция только возбуждала уголовные дела, занималась производством дознания, исполняла постановления и приговоры судов по уголовным делам. Только в исключительных случаях полиция могла действовать самостоятельно:

– когда преступник застигнут на месте преступления и факт преступления очевиден;

– когда на месте происшествия необходимо проведение процессуальных действий (осмотры, освидетельствования, обыски, выемки). При этом «формальных допросов ни обвиняемым, ни свидетелям полиция не делает, разве бы кто-либо из них оказался тяжело больным и представилось бы опасение, что он умрет до прибытия следователя»¹. Тем самым Судебные уставы и «Устав уголовного судопроизводства» 1864 года не способствовали созданию единой системы уголовного сыска с четким кругом обязанностей по производству дознаний и сыска. Существенные недостатки Устава можно свести к следующему:

1) действия устава, изданного первоначально для городов, позднее были в целостности распространены на сельских обывателей, к которым многие статьи оказались совершенно не применимы;

2) Устав не отделял право от нравственности, запрещая, например, роскошь, игру в карты;

3) Устав не проводил различия между частной (домашней) и общественной (публичной) жизнью;

4) Ряд статей Устава повторялись в нескольких частях.

Таким образом, проведенные в 1860-70 гг. судебные и государственные реформы почти не коснулись деятельности полиции, которой отводилась вспомогательная роль.

В 1866 г. император Александр II получил от Петербургского генерал-лейтенанта Ф.Ф. Трепова служебную записку, которая и послужила поводом для создания сыскальной полиции. В ней,

¹ Устав уголовного судопроизводства. Изд. 3. СПб., 1911. С. 320.

в частности, отмечалось: «Существенный пробел в учреждении столичной полиции составляло отсутствие особой части со специальной целью производства исследований для раскрытия преступлений и изыскания общих мер к предупреждению и пресечению преступлений. Обязанности эти лежали на чинах наружной полиции, которая, неся на себе тягость полицейской службы, не имела ни средств, ни возможности действовать с успехом в указанном отношении. Для устранения этого недостатка и предложено учредить сыскную полицию»¹.

31 декабря 1866 г. Высочайшим императорским Указом было создано сыскное отделение полиции Санкт-Петербурга, которое возглавил настоящий профессионал сыскного дела И.Д. Путилин (1830-1893 гг.). Поэтому 31 декабря в отечественной историографии справедливо считается днем образования Уголовного розыска в России. Сыскная полиция имела своим назначением:

- 1) производство дознания по требованию судебных властей и административных учреждений;
- 2) розыск – по сообщениям участковых приставов о кражах, грабежах и убийствах;
- 3) исполнение приказаний градоначальника по предупреждению и пресечению преступлений².

В основу организации работы сыскного отделения был положен территориальный принцип: чиновники по особым поручениям распределялись по отделениям (в частях), полицейские надзиратели – по участкам. При назначении на должность в сыскные отделения учитывались не «индивидуальные способности к сыску», а положительная репутация и политическая благонадежность. Основное время сотрудники сыскного отделения уделяли учету и регистрации, сбору сведений о преступных элементах, составлению различных справок. И. Снегирев подчеркивал: «Эти сыскные отделения, как вспомогательная полицейская сила по расследованию преступлений и, преимущественно, как помощь правосудию, могут обслужить, разумеется, только прилегающие к ним районы и, главным образом, проявить свою деятельность в преследовании уже совершившихся преступлений; а предупредительные меры, даже в местах устройства сы-

¹ Высотский И.П. Указ. соч. С. 286.

² Вестник полиции. 1915. № 18.

ских отделений, остаются на участках полицейских приставах...»¹.

Наряду с лежащими на Сысской полиции обязанностями по обнаружению преступлений и проступков, управление названной полиции ведало деятельностью следующих отделов: 1) Справочная часть; 2) Высылка из столицы разных лиц; 3) Общие распоряжения по совершаемым в столице преступлениям и проступкам; 4) Сысчная деятельность; 5) Личный состав чинов Сысской полиции и расходование сумм, отпускаемых на розыски; 6) Канцелярия.

На территории Иркутского генерал-губернаторства к реформе полиции приступили с принятием закона «О преобразовании полиции в Сибири» 12 июня 1867 г., согласно которому городскую и сельскую полицию объединили в окружные управления. К их ведению отнесли все поселения и административные образования, находившиеся в пределах округа. Исключение составили Красноярск, Иркутск, Чита, Якутск, где сохранилась городская полиция во главе с полицмейстером.

Окружными полицейскими управлениями руководили окружные исправники, опиравшиеся в своей работе на земских заседателей, которые, в свою очередь, руководили службой выбиравшихся из числа сельских обществ сотских и десятских. Основными обязанностями окружной полиции, наряду с обеспечением «безопасности от пожаров и сношением по устройству дорог», являлся «надзор за бродягами, беспаспортными и нищими; прекращение всякого насилия и самоуправства, поимка беглых, преследование всякого рода преступлений, производство следствий, взятие обвиняемого»². Все это не оставляло полиции необходимого времени для сысчной деятельности, которая не могла производиться надлежащим образом даже по делам, выделенным из общей подсудности, т.е. делам, стоящим на личном контроле генерал-губернатора.

9 июня 1878 г. в штаты Уездных полицейских управлений была введена должность полицейского урядника, занимавшего среднее положение между становым приставом и сотским. Урядники непосредственно занимались пресечением и предупреждением преступлений, а также производством дознаний по уголов-

¹ Снигирев И. Безопасность и полиция. Витебск, 1912. С. 32.

² Учреждение Сибирское // СЗРИ. СПб., 1892. Т. 2. № 52.

ным делам. Однако создание института не намного улучшило состояние общеуголовного сыска в уездах, так как основная работа по преследованию преступников и раскрытию преступлений осталась за уездной полицией. Через год была создана специальная инструкция по организации деятельности новых чинов. Согласно инструкции, еще до прибытия судебного следователя, урядник не только приступал к дознанию на общих основаниях для всей полиции, но и мог заменить следователя «в случаях, не терпящих отлагательства», производить допросы, обыски, выемки, составляя протоколы¹. К началу XX в. урядникам было разрешено не составлять протоколы и производить дознание в устной форме. Тем самым вся деятельность урядников по раскрытию преступлений сводилась к организации сбора сведений².

17 июля 1878 г. была утверждена «Инструкция МВД», рекомендовавшая сообщать «необходимые сведения негласно» и определявшая основными исполнителями розыскных процессов частных приставов и околоточных полицейских надзирателей.

6 августа 1880 г. при МВД создается Департамент полиции, руководство которым возлагалось на товарища министра. Одновременно он являлся командиром корпуса жандармов и заведовал всеми местами заключения, в которых содержались государственные преступники и лица, обвиняемые в совершении государственных преступлений.

По примеру Санкт-Петербурга сыскные части стали создаваться в других крупных городах: Москве, Киеве, Риге, Одессе, Тифлисе, Баку, Ростове-на-Дону. Однако правительство выделяло мало средств для организации борьбы с преступностью. Поэтому кадровое обеспечение и обучение личного состава заняло длительное время.

В 1881 г. управление Москвой в полицейском отношении было подвергнуто коренной реформе. Полицейское управление Москвой было возложено на обер-полицмейстера, которому подчинялись все отдельные части полицейского управления и жандармский дивизион. Сыскная часть была образована при кан-

¹ Справочная книга для полицейских урядников. СПб., 1879. С. 337-341.

² Руководство для урядников, полицейских стражников и сельской полиции. СПб., 1911. С. 65-107.

целярии Московского полицмейстера, руководителем которой вплоть до 1917 г. был А.Ф. Кошко, впоследствии заведующий всем уголовным розыском империи.

Создание сыскной полиции дало импульс развитию учетно-регистрационной, информационной работы. Уже в первый год существования петербургского сысского отделения его сотрудниками было собрано 20 тысяч справок о судимых, лицах, причастных к уголовным преступлениям, о разыскиваемых и других гражданах, представляющих интерес для полиции. Увеличение в 1887 г. штатов сыскной полиции Петербурга позволило в 1890 г. создать антропометрическое бюро и фотокабинет, где на всех преступников составлялись регистрационные документы с фотографиями. До 1 января 1897 г. было подвергнуто антропометрическому измерению 23 тысячи мужчин и 4 тысячи женщин, из числа которых было обнаружено 1700 рецидивистов и 180 рецидивисток. Важность этого нововведения нашла отражение в отечественной историографии¹.

Опыт первых сыскных отделений убедительно доказал их более высокую эффективность в борьбе с уголовной преступностью в сравнении с общей полицией. Вместе с тем их организационная разобщенность и отсутствие координирующего центра существенно сказывались на их результативности деятельности. Видимо, стремлением улучшить качество профессиональной деятельности, было обусловлено появление в 1898 г. «Инструкции чинам полиции при производстве дознаний».

«В случае неизвестности местопребывания обвиняемого или в случае его побега, если дело о преступном деянии подведомственно общим или военным судебным установлениям или если по делу, подсудному мировым судьям, обвиняемому грозит наказание не ниже тюрьмы, сыск производился через публикацию в ведомостях. По делам, подсудным земским начальникам и городским судьям, сыск через публикацию не производился»².

Распоряжение о сыске обвиняемого через публикацию делалось судом по представлению судебного следователя, постановле-

¹ Курас С.Л. Фотография как исторический источник по изучению истории каторги и ссылки в Сибирь в конце XIX – начале XX вв. // Исследования молодых ученых. Выпуск VIII. Улан-Удэ, 2005. С.166-172.

² Свод законов. Т. 15. Ч. 1.

ния или предложения прокурора. Публикация о сыске заменяла повестку о приводе. В этой связи в ней указывалось: суд, от которого она исходила, звание, имя, отчество, фамилия и приметы разыскиваемого лица, преступление, в котором он подозревался и обязанность каждого знающего сообщить суду о местонахождении преступника. Публикации о сыске печатались в сенатских объявлениях, ведомостях столицы и в губерниях. Объявление о сыске прибывало к дверям полицейских управлений и тех судов, которыми сделаны распоряжения о сыске. Кроме того, они по закону должны были оглашаться в городах – на площадях, в селениях – на мирских сходах.

К местным органам МВД относились и охранные отделения, которые окончательно оформились в 1902 г., когда министр внутренних дел утвердил «Положение о начальниках розыскных отделений», которые в народе называли «охранками». Структура «охранки» – канцелярия, отдел внутреннего наблюдения и отдел наружного наблюдения. Штаты отделений зависели от оперативной обстановки на обслуживаемой территории. Значимость «Положения о начальниках розыскных отделений» была чрезвычайно высока. Оно четко разграничило компетенцию охранных отделений и жандармских управлений: жандармы занимались производством дознаний по политическим преступлениям, а охранка – оперативно-розыскной деятельностью по этим же делам. Тем самым Департамент полиции подчинил себе охранные отделения и как бы «отодвинул» жандармерию от оперативной работы.

В этот период к местным органам МВД относились губернские жандармские управления, в задачу которых входило производство дознаний по государственным и наиболее тяжким уголовным преступлениям. Правовое положение губернских жандармских управлений было крайне запутано. Губернское жандармское управление было совершенно независимо от губернаторов, которые отвечали за безопасность в губернии. Одновременно с этим жандармерия организационно представляла собой воинскую часть и состояла на бюджете военного ведомства, входя при этом в структуру Министерства внутренних дел. Жандармы подчинялись только штабу и командиру корпуса. Даже Департамент полиции, который непосредственно руководил работой губернских

жандармских управлений, практически не имел никакой власти в отношении личного состава корпуса.

Кроме производства дознания, жандармерия собирала информацию о внутривластном положении и настроениях общества через специальных пунктовых унтер-офицеров, размещавшихся в специальных наблюдательных пунктах, раскиданных по территории губернии. Каждые полгода начальник губернского жандармского управления направлял в штаб корпуса сведения о положении в губернии. Этот документ представлял собой типовой формуляр, где среди множества пунктов имелись следующие: поведение войск, состояние учебных заведений, периодическая печать, настроение рабочих, поведение чиновников и духовенства, состояние торговли, работа земских учреждений, сведения о работе полиции и даже оценка деятельности самого губернатора.

В состав корпуса жандармов входили жандармские полицейские управления железных дорог, которые выполняли полицейские функции на транспорте. В связи с бурным развитием железнодорожного транспорта жандармские полицейские управления железных дорог к началу XX века сделали самыми крупными подразделениями корпуса жандармов, превзойдя все остальные части корпуса вместе взятые. Основным регламентирующим документом для железнодорожной жандармерии были «Полицейские железнодорожные правила», согласно которым жандармы представляли собой как бы вторую администрацию дороги. В обеих столицах и Варшаве имелись жандармские кавалерийские дивизионы, предназначенные для борьбы с массовыми беспорядками.

Таким образом, в конце XIX века в Российской империи уделялось значительное внимание укреплению общей и политической полиции, постановке оперативно-розыскной работы сыска с целью укрепления существующего режима.

В условиях промышленного кризиса начала XX в., приведшего к массовой безработице, и росту народных волнений резко возрос численный состав полиции. В этой связи борьба с уголовной преступностью ослабевает, так как она не угрожала самим устоям государственной власти. Начиная с осени 1905 г. преступность, особенно в городе, прогрессирует. Если с 1885 по 1898 гг. число осужденных окружными судами и Судебными палатами

выросло на 12 процентов, то за период с 1899 по 1908 гг. – на 66 процентов¹. Поэтому в начале XX века возникла настоятельная необходимость в создании специальных органов, занимающихся оперативно-розыскной работой.

В 1905-1906 гг. МВД была проведена работа по подготовке законопроекта, который бы урегулировал структуру и деятельность уголовного сыска.

6 июля 1908 г. произошло событие, ознаменовавшее, наконец, завершение долгого и трудного процесса становления отечественного сыска, – был принят «Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон «Об организации сыска части». По этому Закону в составе полицейских управлений в 89 городах Российской империи образовывались сыска отделения по штатам четырех разрядов для производства розыска по делам общеуголовного характера как в городах, так и в уездах:

I разряда – в Киеве, Харькове, Тифлисе;

II разряда – в Астрахани, Елисоветграде, Вильно, Кишиневе, Воронеже, Екатеринославле, Казани, Минске, Нижнем Новгороде, Самаре, Саратове, Туле, Таганроге, Николаеве;

III разряда – в Витебске, Двинске, Ивано-Вознесенске, Житомире, Гродно, Белостоке, Новочеркасске, Иркутске, Калуге, Ковне, Костроме, Митаве, Либаве, Курске, Юрьеве, Люблине, Могилеве, Оренбурге, Орле, Пензе, Перми, Петрокове, Каменец-Подольске, Полтаве, Кременчуге, Пскове, Радоме, Рязани, Симбирске, Смоленске, Ставрополе, Симферополе, Тамбове, Твери, Томске, Уфе, Херсоне, Ревене, Ярославле, Омске, Благовещенске, Владивостоке, Уральске, Кронштадте, Керчи-Еникале, Елисоветполе, Кутаиси, Эриване, Батуми, Екатеринодаре, Владикавказе, Бердичеве и Новороссийске IV разряда – в Архангельске, Владимире, Вологде, Вятке, Красноярске, Калише, Кельцаз, Ломше, Новгороде, Петрозаводске, Плотцке, Сувалках, Седлице, Тобольске, Чернигове, Чите, Хабаровске, Семипалатинске и Карсе.

Указанные штаты вводились в действие с 1 июня 1908 г.

Таким образом, завершилось реформирование правоохранительных органов Российской империи.

¹ Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 62.

Вопросы деятельности судебных палат в Российской империи

Судебные уставы 1864 г. ввели стройную систему судебных органов, с четкой компетенцией. Создавались две группы судов: мировые судьи и система общих судебных установлений, к которым относились окружные суды, судебные палаты и Кассационные департаменты Правительствующего Сената. Институт мировых судей открывал доступ к правосудию широким слоям населения: к компетенции мировых судей относилось рассмотрение мелких гражданских и уголовных дел. Окружные суды рассматривали по первой инстанции гражданские и уголовные дела, неподсудные мировым судьям и не отнесенные законом к ведению судебных палат. Уголовные дела, по которым в законе было предусмотрено наказание, связанное с лишением или ограничением прав состояния, рассматривались окружным судом с участием присяжных заседателей. Судебные палаты являлись апелляционной инстанцией для дел, рассмотренных окружными судами без участия присяжных. Кроме того, судебные палаты рассматривали по первой инстанции дела о государственных и должностных преступлениях. Правительствующий Сенат являлся высшим судебным органом страны. Он рассматривал по первой инстанции уголовные дела особой важности и действовал как кассационная инстанция для всех судов империи, обеспечивая единство судебной практики.

Для проведения судебной реформы вся территория Российской империи была поделена на судебные округа. Началом реализации судебной реформы стало открытие судебных палат и окружных судов в Петербурге и Москве в 1866 году. Затем стали открываться другие судебные палаты, в первую очередь в Европейской России. Судебная реформа по-разному реализовывалась на различных территориях империи, это объяснялось объективными сложностями. К 1894 году дореформенный суд еще сохранялся в 23 губерниях и областях на севере, востоке и юго-востоке страны, в том числе и в Сибири¹. Таким образом,

¹ Немытина М. В. Суд в России. Вторая половина XIX – начало XX вв. / М. В. Немытина. Саратов, 1999. С. 62.

реализация судебной реформы в Российской империи затянулась, в результате чего сложилась ситуация, когда новые судебные порядки либо не достигали окраин России, либо внедрялись там в измененном виде¹. В целом по России проведение судебной реформы и образование в ее рамках судебных палат к концу XIX – началу XX века было завершено. Исследователь Н.М. Корнева выделяет условно четыре типа судебного устройства в сложившейся в России к этому времени судебной системе:

1. 37 внутренних губерний России, которые представляли «классический» вариант судебной реформы, с последующими ее ограничениями;

2. Западные губернии, Северный Кавказ и Прибалтийский край, где мировые судьи назначались от Правительства, на Кавказе и в Прибалтике не был введен суд присяжных;

3. Губернии Царства Польского, где местным судам был подсуден меньший круг дел, не был введен суд присяжных и суд с сословными представителями;

1. Закавказье, Архангельская губерния, Сибирь, Туркестан, Закаспийская и Квантунская области. Здесь мировые судьи назначались от Правительства, но пределы их подсудности были расширены: на них возлагалось производство предварительного следствия, нотариальное производство. Апелляционной инстанцией для мировых судей являлся окружной суд. Не был введен суд присяжных заседателей. Кассационной инстанцией являлись судебные палаты (кроме Архангельской губернии)².

Таким образом, к концу XIX – началу XX века во всех судебных округах действовали новые суды – судебные палаты, окружные суды и мировые судьи округа соответствующей палаты. Палаты учреждались в каждом судебном округе. Создание судебных палат являлось важнейшей составляющей судебной реформы в империи. Государство возлагало большие надежды на их деятельность, считая их оплотом самодержавия. К началу XX века в Российской империи была создана достаточно

¹ Курас Л.В. История Иркутской судебной палаты (1897 – февраль 1917 гг.) / Л. В Курас, Т. Л. Курас, Н. Н. Щербаков. Улан-Удэ, 2003. С. 26.

² Корнева Н.М. Политика самодержавия в области судоустройства и судопроизводства (1881-1905 гг.): Дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук / Н. М. Корнева. Л., 1990. С. 59-60.

стройная система, состоявшая из четырнадцати судебных округов, которые возглавляли соответствующие судебные палаты: Санкт-Петербургская, Московская, Харьковская, Иркутская, Омская, Ташкентская, Новочеркасская, Одесская, Казанская, Саратовская, Киевская, Виленская, Варшавская, Тифлисская¹. Территории судебных округов, а также состав судебных палат и окружных судов на протяжении времени могли изменяться.

В Сибири Судебные уставы были введены в 1897 году. С этого времени Иркутская судебная палата и семь окружных судов ее округа осуществляли свою деятельность на основании принятого законодательства.

Судебные палаты возглавлял Старший председатель. В соответствии со статьей 111 «Учреждения судебных установлений» палаты состояли из департаментов – гражданского и уголовного. В крупных судебных палатах было по два и более гражданских и уголовных департамента. В каждом из департаментов рассматривались соответствующие дела. Департаменты состояли из председателя и определенного штатами числа членов. Старший председатель палаты являлся по должности председателем одного из департаментов. При этом, согласно разъяснению, данному Правительствующим Сенатом по итогам решения общего собрания 1-го и кассационных департаментов от 14 апреля 1914 года, старший председатель судебной палаты был вправе избирать для постоянного председательствования тот или иной департамент палаты в любое время². При каждой судебной палате состоял прокурор и определенное штатами число его товарищей. В палатах имелись канцелярии, в которых работали секретари и их помощники. Для переписки бумаг в канцеляриях состояли канцелярские чиновники и писцы. Канцелярии судебных палат занимались ведением входящих и исходящих реестров, составлением протоколов, составлением копий решений и т. д.³ Таким объемом обязанностей и обуславливалось число секретарей и их помощников, установленных по штату для Иркутской судебной палаты. В соответствии со «Временными штатами судебных

¹ Руководство для составления деловых бумаг / Сост. В. Максимов. 3-е изд. М., 1913. С. 1924-1927.

² Судебная летопись. 1914. № 77. С. 18.

³ Судебные Уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. 2-е изд. СПб., 1867. С. 30.

установлений в губерниях и областях Сибири», являвшимися приложением ко «Временным правилам о применении судебных уставов в губерниях и областях Сибири», в Иркутской судебной палате устанавливались следующие штаты: один старший председатель, один председатель департамента, шесть членов палаты, два секретаря, четыре помощника секретаря, один прокурор, два товарища прокурора, один секретарь при прокуроре¹. Таким образом, в составе данной палаты в соответствии со штатами к началу ее работы состояло восемь членов палаты и три чина прокурорского надзора. Для сравнения: к примеру, Омская судебная палата состояла из шести членов². В состав Харьковской судебной палаты входили: один старший председатель, четыре председателя департамента, двадцать пять членов палаты, один прокурор палаты и пять его товарищей, такой состав данной палаты обуславливался обширной территорией ее округа³.

Следует отметить, что в силу высокой степени загруженности членов Иркутской судебной палаты и состоящих при ней чинов прокурорского надзора штаты палаты были увеличены: с 1909 года добавлена одна штатная единица товарища прокурора Иркутской судебной палаты. Таким образом, в период с 1909 по 1917 годы при данной палате состоял один прокурор и три его товарища. С 1912 года на две единицы было увеличено штатное число членов Иркутской судебной палаты. С этого времени до 1917 года в палате работали десять членов, из них один старший председатель палаты и один председатель гражданского департамента палаты. Что касается числа секретарей и их помощников, их фактическое количество в Иркутской судебной палате в исследуемый период времени изменялось. К примеру, в 1897 году в палате состоял один секретарь и один его помощник, в 1899 году – два секретаря и два помощника; к концу 1899 года – один секретарь и три помощника, к началу 1901 года – два секретаря и четыре помощника, в 1906 году – два секретаря и шесть помощников, к началу 1914 года – два секретаря и четыре

¹ Временные правила о применении судебных уставов в губерниях и областях Сибири, с законодательными мотивами и разъяснениями / Сост. М. П. Домерщиков. СПб., 1897.

² О предстоящей судебной реформе // Судебная газ. 1898. № 9. С. 3.

³ Лебединцев Н. Варшавский Судебный Округ / Н. Лебединцев // Судебная газ. 1900. № 44. С. 5.

помощника; к концу 1916 года – пять помощников секретаря. В остальные годы периода времени с 1897 по 1917 годы в Иркутской судебной палате состояло два секретаря.

Как указывалось выше, для переписки бумаг в канцеляриях судебных палат состояли канцелярские чиновники и писцы. К примеру, в 1904 и 1914 годах при Иркутской судебной палате действовали восемь канцелярских чиновников, а в конце 1916 года – пятнадцать, в их числе четыре канцелярских служащих, восемь машинисток и переписчиц, три регистратора палаты¹. Что касается секретарей при прокуроре Иркутской судебной палаты, в период с 1897 по 1917 годы их число не изменялось, при прокуроре состоял один секретарь, в соответствии со штатами.

Помимо вышеуказанных лиц, в соответствии с «Учреждениями Судебных установлений» в редакции закона от 24 декабря 1891 года, при судебных палатах состояли кандидаты на судебные должности. Целью данного института являлась подготовка грамотных судей в результате прохождения кандидатами-юристами стажировки в судебном ведомстве. Кандидаты подразделялись на старших и младших. Кандидаты на судебные должности состояли при Иркутской судебной палате весь период ее деятельности. К примеру, в 1904 году при палате состояло пять кандидатов – один старший, четыре младших, к 1 января 1914 года – девять младших, к 15 декабря 1916 года – двадцать два (тринадцать старших и девять младших)².

В соответствии со статьей 137 «Учреждения судебных установлений» судебные палаты для проведения своих заседаний имели определенные для этого здания. Иркутская судебная палата находилась в г. Иркутске по адресу: Ивановская площадь, дом 16.

К примеру, другая судебная палата – Варшавская – находилась по адресу: г. Варшава, Красинская площадь, дом 5³. Однако в связи с военными действиями, развернувшимися во время первой мировой войны, судебные установления Варшавского судебного округа в 1915 году пришлось эвакуировать, Варшавская судебная палата временно была размещена в Московском Кремле. В связи с необходимостью поиска постоянного помещения для проведения заседаний Варшавской судебной палаты было назна-

¹ ГАИО. Ф. 246. Оп.6. Д.32. Л.24; Д. 492. Л. 33; Оп. 2. Д. 22. Лл. 15-18.

² ГАИО. Ф. 246. Оп.6. Д.32 Л.24; Д. 492. Л. 33; Оп. 2. Д. 22. Лл. 20-22.

³ ГАРФ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 2034. Л. 300.

чено совещание по вопросу о найме помещения для Варшавских судебных установлений. Совещание проводилось 11 августа 1915 г. в час дня в кабинете исполняющего должность старшего председателя Варшавской судебной палаты, на нем, в частности, присутствовал исполняющий должность прокурора палаты Борис Осипович Казицын¹. К сентябрю 1915 года данная палата была размещена в Москве в здании по адресу: Староконюшенный переулок, дом 23. Однако условия работы временного отделения Варшавской судебной палаты оставались весьма затрудненными. Как сообщалось в письме, направленном от имени Старшего председателя Варшавской судебной палаты в адрес инспектора зданий Варшавских судебных установлений, количество предоставленной в распоряжение канцелярии временного отделения палаты мебели являлось совершенно недостаточным. Так, например, для канцелярии четырех уголовных департаментов и обвинительной камеры палаты был отпущен только один шкаф. В связи с этим старший председатель обращался с просьбой сделать распоряжение о приобретении для надобности палаты двух-трех шкафов и такого же количества столов и стульев².

Закон предусматривал возможность для судебных палат рассматривать дела не только по своему месту расположения, но и в одном из городов своего округа. То есть в законе закреплялось проведение так называемых выездных судебных заседаний. Тем самым создавались более благоприятные условия рассмотрения дел, поскольку проведение заседания палаты в том городе, где было вынесено первоначальное решение окружного суда, подлежащее проверке, давало возможность участвовать в заседании заинтересованным лицам и свидетелям, проживающим в данном городе. К примеру, в 1910 году из 94 уголовных дел 82 проходили в месте постоянного пребывания Иркутской судебной палаты, 12 – на выездных сессиях; в 1911 году из 86 уголовных дел 67 проходили в месте постоянного пребывания палаты, 19 – на выездных сессиях; в 1912 году из 119 уголовных дел 88 проходили в месте постоянного пребывания палаты, 31 – на выездных сессиях; в 1914 году из 114 уголовных дел 67 проходили в месте постоянного пребывания палаты, 47 – на выездных сессиях; в 1915 году из 126 уголовных дел 66 проходили в месте постоянного пребывания

¹ Там же. Л. 453.

² Там же. Л. 573

палаты, 60 – на выездных сессиях¹. Таким образом, на выездных заседаниях рассматривалось большое число дел. Из изучения журналов заседаний выездных сессий Иркутской судебной палаты за 1915 год нами установлено, что выездные заседания проводились достаточно часто².

За этот период палата провела 20 выездных судебных заседаний, которые составили в общей сложности 61 день. Выездные заседания длились от одного до пяти дней. Всего в выездных заседаниях было рассмотрено 665 дел (гражданских и уголовных). То есть члены палаты на выездных заседаниях в среднем рассматривали по 11 дел в день. Такая нагрузка судей Иркутской судебной палаты на выездных заседаниях представляется весьма высокой. При этом следует также учитывать и то, что зачастую перерывы между выездными сессиями в разные города судебного округа были весьма краткими, при этом в заседаниях нередко принимали участие одни и те же судьи палаты. К примеру, в рассмотрении дел в г. Харбине 24-25 февраля принимали участие старший председатель палаты Н.П. Ераков, члены палаты А.Ф. Мигай, П.О. Куркутов. В следующем выездном заседании, которое проходило через несколько дней – со второго по пятое марта в г. Владивостоке, принимали участие те же судьи³. Это делало труд членов Иркутской судебной палаты весьма тяжелым.

В соответствии со статьей 140 «Учреждения судебных уставовлений» заседания департаментов палат должны были состоять не менее как из трех членов, в том числе председательствующего. Закон устанавливал, что в случае недостатка наличных членов для проведения заседания мог быть приглашен член другого департамента той же палаты, а при невозможности – член местного окружного суда, по назначению его председателя. В каждом заседании палаты должен был находиться ее секретарь. В соответствии со статьей 150 «Учреждения» все заседания судебных палат подразделялись на три вида: распорядительные, судебные, общие собрания департаментов.

Распорядительные заседания проводились, в частности, для предварительного обсуждения наказов судебным местам; для

¹ ГАИО. Ф. 245. Оп.1. Д.1127.Лл.45-46, 145-146; Д. 745. Лл. 82-83; Д. 940. Лл. 17-18; Д. 843. Лл. 11-12.

² ГАИО. Ф. 246. Оп. 3. Д. 499. Лл. 1-121.

³ Там же. Лл. 11-23 об.

первоначального рассмотрения дел о дисциплинарных взысканиях с лиц судебного ведомства; для совещаний по делам об управлении судебной частью; для вынесения определений по вопросам, которые на основании Уставов Уголовного и Гражданского судопроизводства следовало решать в этих заседаниях. В частности, в 1904 году в Иркутской судебной палате было проведено 46 распорядительных заседаний по уголовным делам¹. Распорядительные заседания проходили при закрытых дверях.

Среди прочих в распорядительных заседаниях рассматривались прошения об изменении обвиняемым меры пресечения. К примеру, обвинительная камера одной из судебных палат – Варшавской – в распорядительном заседании, прошедшем 25 июня 1915 г., рассмотрела прошение арестанта Яна Дзюбинского, содержащегося в Радомской губернской тюрьме, обвиняемого по ст. ст. 922, 925, 927, 1665 и п. 3 ст. 1671 Уложения о наказаниях, об изменении принятой против него меры пресечения. Палата определила: прошение обвиняемого оставить без последствий. Сообщение об этом было направлено прокурору палаты 30 июня 1915 г. за № 2123². В этот же день в распорядительном заседании обвинительной камеры той же палаты было рассмотрено прошение другого арестанта – Мошека Гринбаума, содержащегося в Радомской губернской тюрьме, обвиняемого по ст. ст. 13, ч. 3 ст. 1655 и п. 3 ст. 1659 Уложения о наказаниях, об изменении принятой против него меры пресечения. По этому делу судебная палата также прошение обвиняемого оставила без последствий. Сообщение об этом было направлено прокурору палаты 30 июня 1915 г. за № 2124³. Во всех исследованных нами делах при рассмотрении в распорядительных заседаниях обвинительной камеры Варшавской судебной палаты прошений обвиняемых об изменении принятых против них мер пресечения палата прошения обвиняемых оставляла без последствий. С одной стороны, это может свидетельствовать об обвинительном уклоне в деятельности судебных палат, но, с другой стороны, в большинстве случаев палата обязана была принимать такие решения, действуя строго в рамках закона⁴.

¹ ГАИО. Ф. 246. Оп. 3. Д. 26. Л. 102 об.

² ГАРФ. Ф. 222. Оп.1. Д. 2034. Л. 376.

³ Там же. Л. 377.

⁴ Там же. Лл.475, 514, 516.

В 1899-1900 годы в соответствии с расписанием работы Иркутской судебной палаты, распорядительные заседания уголовного департамента проходили по субботам, а гражданского – в другие присутственные дни, в зависимости от времени поступления жалоб и других бумаг, подлежащих рассмотрению¹.

О проведении распорядительных заседаний, в которых необходимо было участие должностных лиц прокуратуры, канцелярия судебной палаты заблаговременно сообщала в канцелярию прокурора палаты. При этом на практике встречались казусы, когда канцелярия неверно указывала дату проведения заседания. При обнаружении ошибки направлялось новое сообщение. К примеру, такая ситуация произошла в канцелярии второго уголовного департамента Варшавской судебной палаты, когда распорядительное заседание было назначено на 2 июля, а в сообщении была ошибочно указана дата 26 июня².

Второй вид заседаний, в соответствии с их классификацией, назывался судебными. В судебных заседаниях непосредственно рассматривались и разрешались гражданские и уголовные дела. Так, в 1904 году в Иркутской судебной палате было проведено 95 судебных заседаний по уголовным делам³. Эти заседания проводились публично, кроме случаев, когда закон предусматривал проведение закрытого заседания. Например, из 95 уголовных дел, рассмотренных в судебных заседаниях Иркутской судебной палатой в 1904 году, 71 дело было рассмотрено в публичных заседаниях, 24 – при закрытых дверях⁴. В палате устанавливались дни проведения судебных заседаний. В 1899-1900 годы судебные заседания уголовного департамента Иркутской судебной палаты проходили по вторникам, а гражданского – по четвергам⁵. К примеру, в другой судебной палате – Варшавской – судебные заседания в период с 26 июня по 29 августа распределялись следующим образом: заседания уголовных департаментов проводились по субботам, гражданских – по пятницам⁶.

¹ ГАИО. Ф. 245. Оп.1. Д. 411. Л. 3.

² ГАРФ. Ф. 222. Оп.1. Д. 2029. Л. 6.

³ ГАИО. Ф. 246. Оп. 3. Д. 26. Л. 102 об.

⁴ Там же. Л. 102 об.

⁵ ГАИО. Ф. 245. Оп.1. Д. 411. Л. 3.

⁶ ГАРФ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 2038. Л. 28.

Должностные лица прокуратуры судебной палаты извещались о времени проведения судебных заседаний по делам, для которых законом было предусмотрено обязательное участие прокурора. К примеру, канцелярия 1-го гражданского департамента Варшавской судебной палаты направила в канцелярию прокурора палаты сообщение от 19 июня 1915 г. № 1817 о том, что на 26 июня назначены к слушанию дела, по которым необходимо участие прокурора для дачи заключения¹.

Списки дел, рассмотрение которых было назначено на конкретный день, заблаговременно вывешивались на двери Иркутской судебной палаты. К примеру, на 20 августа 1909 года для слушания в заседании Иркутской судебной палаты по ее гражданскому департаменту были назначены следующие дела:

1. по кассационной инстанции: по иску Штута к Управлению Забайкальской железной дороги о взыскании 469 руб. 85 коп.; по иску Константинова к Чернобородову о взыскании 288 руб. 30 коп.; по иску Иркутского Городского Общественного Управления о сносе построек к С. Бабанскому, А. Скрипальщикову, А. Пестову, А. Шарাপову, Д. Белоусовой; по иску Антонова к Башкурову о взыскании 500 руб.; по иску В. Распопина к Ф. Распопину о взыскании 600 руб.

2. по апелляционной инстанции: по иску А. Бельсона к 3-й батарее 6-й Восточно-Сибирской стрелковой Артиллерийской бригады о взыскании 88 руб. 50 коп.; по иску П. Сафронского к Управлению Сибирской железной дороги о взыскании 13800 руб. за утрату работоспособности; по иску И. Спиченко к Управлению Сибирской железной дороги о взыскании 4200 руб. за увечье.

К примеру, на первое февраля 1911 г. к слушанию в Московской судебной палате по 2-му гражданскому департаменту были назначены следующие дела²:

1. Петухова и Тверского акционерного управления; 2. Шешукова и Любимова; 3. Каратаевой и Ярославской железной дороги; 4. Кудрявцева и Пановой; 5. Тришина и железной дороги; 6. Князевой и Худяковой; 7. Кузьмина и Никитина; 8. Кузьмина и Дрожжина; 9. Дюпою; 10. Братьев Тимофеевских; 11. Ф. Вангель; 12. Чистякова; 13. Даниловой; 14. Завьялова; 15. Елина; 16. Шестакова; 17. Московской казенной палаты.

¹ Там же. Л. 27.

² Судебная летопись. 1911. № 2. С. 15.

Проведение заседаний в общих собраниях департаментов судебных палат предусматривалось в статье 160 «Учреждения судебных установлений». К ним относились, в частности, проведение заседаний для выслушивания постановлений, касающихся данного суда или судебных мест вообще; для совещания о кандидатах на открывшиеся в суде должности членов; для приведения к присяге соответствующих должностных лиц судебного ведомства; для постановления об увольнении от службы, удалении от должности лиц судебного ведомства и об увольнении в отпуск в случаях, указанных в законе; для вынесения решений по делам о дисциплинарных взысканиях лиц судебного ведомства; для окончательного обсуждения составленных судебным местом наказов; для рассмотрения ежегодных отчетов о движении дел в суде и выслушивания отчетов, полученных от подведомственных судебных мест; для распределения председательствующих и членов судебной палаты между департаментами; для рассмотрения дел и вопросов, которые Уставами Гражданского и Уголовного судопроизводства отнесены к ведению общих собраний, а также в других случаях, когда старший председатель палаты признает необходимым созвать общее собрание в связи с важностью вопросов. К примеру, в 1899-1900 годы в соответствии с расписанием работы Иркутской судебной палаты очередные заседания общего собрания департаментов проходили ежемесячно в первую субботу месяца, экстренные – по мере накопления дел¹. Заседания общих собраний департаментов должны были проводиться при закрытых дверях, кроме случаев, указанных в законе. В заседаниях были обязаны присутствовать все наличные судьи. По общему правилу, заседание было правомочно при наличии не менее двух третей от общего числа судей. О каждом заседании судебной палаты секретарь составлял так называемый общий журнал, в котором указывались: дата проведения заседания и время его начала; кто из членов палаты в нем присутствовал; какие дела доложены и решены; какие дела отложены, до какого времени и по каким причинам. Журнал подписывался председателем или председательствующим в заседании и скреплялся секретарем. К примеру, в соответствии с журналами общего собрания департаментов Иркутской судебной палаты за 1914 год, за указанный год палата проводила такие заседания 24 раза: 11,

¹ ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 411. Л. 3.

18, 20, 29 января; 1, 3, 12 февраля; 6, 31 марта; 19, 28 апреля; 8, 19 мая; 25, 28 июня; 4 июля; 9, 25 сентября; 6 октября; 1, 3, 13 ноября; 12, 17 декабря¹. В частности, в одном из заседаний общего собрания департаментов, проходившем 11 января 1914 года, Иркутская судебная палата рассматривала прошение писмоводителя мирового судьи 17-го участка Читинского окружного суда о допущении его к испытанию на звание частного поверенного и о выдаче ему установленного свидетельства. В заседании палаты присутствовали: и.д. старшего председателя, председатель департамента М. Г. Розанов, члены палаты П. Д. Попов, И. Н. Черман, А. Ф. Мигай, М. М. Драницын, В. Л. Шостак, Ю. Ф. Будберг, А. А. Савин, П. О. Куркутов, а также прокурор палаты Е. П. Нимандер, секретарь В. В. Мокеев. По результатам рассмотрения палата вынесла следующую резолюцию: собрать сведения о нравственных качествах и благонадежности просителя². В другом общем собрании департаментов, проходившем 18 января 1914 года, Иркутская судебная палата слушала Указ Правительствующего Сената от 7 января 1914 года за № 107 о производстве председателя департамента Иркутской судебной палаты М. Г. Розанова из действительных статских советников в тайные советники. В связи с этим ему было предписано присутствовать в Сенате. Палата вынесла резолюцию: принять Указ к сведению, освободить М. Г. Розанова от исполнения обязанностей председателя Иркутской судебной палаты³.

К примеру, первого июня 1915 года состоялось одно из заседаний общего собрания департаментов другой судебной палаты – Варшавской. Оно было посвящено избранию кандидата на вакантную должность члена данной палаты. Вакансия открылась вследствие смерти 23 мая одного из членов суда – Е. И. Владиславлева. Первого июня в один час дня в здании Варшавской судебной палаты состоялась панихида по скончавшемуся члену суда, после нее и было назначено вышеуказанное общее собрание департаментов⁴.

Общее собрание департаментов судебных палат могло решить вопрос о наказании присяжных поверенных за совершение ими

¹ ГАИО. Ф. 246. Оп. 5. Д. 1. Лл. 1-90 об.

² Там же. Лл. 2-2 об.

³ Там же. Л. 3.

⁴ ГАРФ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 2034. Л. 300.

определенных проступков. При наличии определенных оснований палата могла принять решение о запрете таким лицам заниматься адвокатской практикой в течение определенного времени. При принятии таких решений палата извещала об этом старших председателей и прокуроров всех судебных палат, которые, в свою очередь, должны были известить об этом председателей и прокуроров окружных судов своего судебного округа. Такое определение, к примеру, было принято общим собранием департаментов Саратовской судебной палаты 1 апреля 1914 г. В соответствии с ним присяжному поверенному округа названной палаты Эразму Юльяновичу Кульчицкому была запрещена практика на два месяца, начиная с 7 июля 1914 г. Сообщение об этом, изложенное от имени старшего председателя Саратовской судебной палаты, было разослано по всем судебным округам. В частности, прокурору Варшавской судебной палаты соответствующее сообщение было направлено 12 июля 1914 г. за № 1893. Прокурором Варшавской палаты была поставлена отметка об его направлении, в свою очередь, прокурорам окружных судов Варшавского судебного округа¹. Принятие подобных определений, обусловленное нарушениями законодательства со стороны частных или присяжных поверенных, встречалось в практике судебных палат достаточно часто. К примеру, такие определения принимались общими собраниями следующих палат:

Саратовской:

– 11 октября 1913 г. – о запрете Василию Павловичу Алексеву отправлять обязанности частного поверенного в течение трех месяцев, начиная с 23-го января 1914 г.²

– 4 февраля 1914 г. – о запрете Андрею Ивановичу Нерода отправлять обязанности присяжного поверенного в течение одного месяца, начиная с 4-го марта 1914 г.³

2. Варшавской:

– 7 февраля 1915 г. – о запрете Ивану Ивановичу Здзеницкому отправлять обязанности присяжного поверенного в течение трех месяцев, начиная с 3-го января 1915 г.⁴

3. Петроградской:

¹ ГАРФ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 2031. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 6.

⁴ ГАРФ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 2034. Л. 258-258 об.

– 21 февраля 1915 г. – о запрете присяжным поверенным Керенскому, Переверзеву, Барту отправлять обязанности в течение одного года начиная с 1 марта 1915 г. Этим же определением следующим присяжным поверенным было запрещено исполнять обязанности в течение шести месяцев: Бобрицеву-Пушкину – с 21 февраля 1915 г.; Гальперну, Волькенштейну, Кану, Селюку, Хиенкину, Ямпольскому, Яновскому, Фридштейну – с 1 марта; Гольденбергу – с 3 марта; Брамсону, Феодосьеву, Исаеву и Исаченко – с 8 марта; Плансону – с 10 марта; Розену – с 12 марта; Беляцкину – с 13 марта; Гольдбергу и Каминскому – с 14 марта; Демьянову, Идельсону, Ширвиндту и Рабиновичу – с 15 марта; Соколову – с 19 марта¹.

В ряде случаев, когда присяжные или частные поверенные, а также их помощники допускали весьма серьезные нарушения законодательства, судебные палаты на общем собрании департаментов принимали решение об их исключении из числа присяжных или частных поверенных. Такие определения, к примеру, выносились общими собраниями следующих палат:

1. Харьковской:

– 3 марта 1914 г. – об исключении Степана Ивановича Сонцова из числа частных поверенных².

2. Саратовской:

– 16 мая 1914 г. – об исключении Моисея Хайкелевича Луцкого из числа помощников частных поверенных³.

Думается, в большинстве таких дел имела место политическая подоплека. Палатам, созданным с целью поддержания основ самодержавия, не удавалось оставаться за рамками политической борьбы. Таким образом, посредством судов власть имела возможность законными способами избавляться от «неугодных» адвокатов.

В общих собраниях департаментов судебных палат рассматривались и другие дела в отношении присяжных и частных поверенных. К примеру, в одном из дел, рассмотренных Московской судебной палатой в общем собрании департаментов, было сделано предостережение двум членам Московского совета присяжных поверенных – П. Н. Малянтовичу и А. Н. Маркову. Основанием

¹ Там же. Л. 194.

² ГАРФ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 2031. Л. 4.

³ Там же. Л. 11.

явилось проявление ими медлительности в ведении дисциплинарных дел в Московском совете присяжных поверенных, членами которого они являлись. Палата усмотрела медленность и снеслась по этому поводу с Правительствующим Сенатом. Сенат посчитал необходимым в целях беспристрастного рассмотрения дела передать его Петербургскому совету присяжных поверенных. Данный совет, рассмотрев дело, признал необходимым выразить Малянтовичу и Маркову предостережение¹.

На общем собрании департаментов судебных палат также мог рассматриваться вопрос о возможности проживания присяжных поверенных вне их округа. К примеру, такой вопрос исследовался Московской судебной палатой на общем собрании ее департаментов. В определении палаты было указано, что указанные в данном акте лица перенесли свою адвокатскую практику в другие округа, не неся, таким образом, обязанностей по отношению к совету присяжных поверенных своего округа. Совет в этой ситуации не может осуществлять надлежащий надзор за деятельностью таких поверенных. В определении палаты подчеркивалось, в частности, следующее: многие из числа присяжных поверенных и их помощников (приведен их поименный список) проживают продолжительное время вне округа Московской судебной палаты, некоторые даже более двух лет. Тем не менее, они еще не отчислены из этого округа. В связи с этим палата признала необходимым предписать совету присяжных поверенных немедленно рассмотреть в дисциплинарном порядке действия всех присяжных поверенных, проживающих вне округа этой палаты. Таким образом, как было подчеркнуто в определении судебной палаты, установившаяся практика совета в этой области должна быть изменена².

Интерес представляет одно из определений, вынесенных на общем собрании департаментов Санкт-Петербургской судебной палаты. На заседании был рассмотрен вопрос о законности проведенных выборов в совет присяжных поверенных данной палаты. 9 декабря 1913 г. состоялись выборы в совет присяжных поверенных Санкт-Петербургской судебной палаты. Выборы были обжалованы присяжным поверенным С. Т. Алексеевым в палату. В жалобе указывалось, что хотя в начале собрания и было,

¹ Судебная летопись. 1912. № 56. С. 10.

² Судебная летопись. 1914. № 75. С. 12.

по-видимому, достаточное число записавшихся лиц, но в самом голосовании участвовали лишь немногие, оставшиеся к моменту избрания. Палата, рассмотрев жалобу на выборы в совет, признала, что кворум на общем собрании должен быть не только ко времени его открытия, но и в момент голосования. Между тем, на собрании решено было ждать кворума до пяти часов, к голосованию же приступили только в шесть часов вечера, когда, наконец, собралось достаточное количество подписей на листе у входа в собрание. Вследствие этого, к моменту голосования многие могли уйти, покинув собрание в пять часов. По приведенным соображениям судебная палата отменила выборы¹.

Таким образом, к началу XX века в Российской империи было создано четырнадцать судебных округов, которые возглавляли соответствующие судебные палаты. Их создание являлось важнейшей составляющей судебной реформы в империи. Палаты возглавлял старший председатель, они состояли из гражданских и уголовных департаментов, в каждом из них рассматривались соответствующие дела. Департаменты состояли из председателя и определенного штатами числа членов, в составе палат действовали секретари и их помощники, прокурор палаты, его товарищи и секретарь при прокуратуре. Палаты для проведения своих заседаний имели определенные для этого здания. Кроме того, проводились и выездные судебные заседания. Заседания судебных палат подразделялись на три вида: распорядительные, судебные, общие собрания департаментов. В указанных заседаниях рассматривались определенные в законе дела. В целом в силу высокой нагрузки и иных факторов труд членов Иркутской судебной палаты, а также иных палат был весьма тяжелым. Государство возлагало большие надежды на деятельность палат, считая их оплотом самодержавия, и судам приходилось учитывать политические моменты при рассмотрении дел, однако в большинстве случаев палаты принимали решения, действуя строго в рамках закона.

¹ Там же. С. 12-13.

Институт почетных мировых судей округа Иркутской судебной палаты (конец XIX – начало XX вв.)

Концепцией развития судебной системы, принятой еще в 1991 году, была обозначена необходимость изучения вопроса о введении института почетных мировых судей из числа лиц, имеющих высшее юридическое образование (преподаватели вузов, отставные сотрудники правоохранительных органов, научные сотрудники)¹. Предполагалась возможность временного привлечения их к разрешению мелких конфликтов путем склонения сторон к соглашению. На наш взгляд, существующий опыт деятельности в рамках мировой юстиции института почетных мировых судей до настоящего времени изучен не достаточно.

В дореволюционной России должности почетного мирового судьи в мировой юстиции была отведена особая роль. По замыслу создателей Судебных уставов 1864 года, эта должность вводилась в России «для повышения уровня доверия населения к новому институту судебной власти, а также для облегчения исполнения многочисленных обязанностей мирового судьи лицом, заслуживающим полного доверия и уважения, не лишая возможности исполнения своих обычных обязанностей»². Статьями 46–50 Учреждения судебных установлений был определен правовой статус почетного мирового судьи³. Не имея постоянного участка, не получая жалования, почетные мировые судьи, тем не менее, наделялись одинаковыми правами с участковыми мировыми судьями и могли заменять их во время отсутствия. Почетный мировой судья разбирал дела, подсудные участковому мировому судье, возбужденные в порядке частного обвинения в том случае, если к его посредничеству обращались обе стороны. В отличие от участкового почетный мировой судья мог рассматривать любые дела в пределах мирового округа, по которому он был выбран. Также почетные мировые судьи в случае необходимости привлекались для пополнения состава окружного суда.

¹ Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992.

² Российское законодательство X – XX вв. Т. 8. М., 1989. С. 87.

³ Там же.

Так как деятельность почетных мировых судей была безвозмездной, то все расходы по своей должности почетный мировой судья оплачивал из собственных средств. Несомненно, это было выгодно государству, которое, не неся расходы на содержание данной должности, получая при этом авторитетную поддержку нового судебного института.

В Сибири мировой суд вводился на основании «Временных правил о применении судебных уставов к губерниям и областям Сибири» от 13 мая 1896 года¹. В округ Иркутской судебной палаты входили окружные суды: Красноярский, Иркутский, Читинский, Якутский, Благовещенский, Владивостокский, Томский (до открытия Омской судебной палаты), а также в последующем – Порт-Артурский (Пограничный) и Петропавловский, выполнявшие функции мирового съезда.

Требования, предъявляемые для занятия должности почётного мирового судьи, были установлены статьей 2 «Временных правил». Предусматривался, во-первых, возрастной ценз – не менее 25 лет, во-вторых, образовательный ценз – среднее или высшее образование или служба не менее 3 лет в тех должностях, при исправлении которых кандидаты могли приобрести практические сведения в производстве судебных дел. Также как и при замещении должности участкового и добавочного мирового судьи в Сибири, в отличие от Европейской России, в отношении кандидатов на замещение должности почетного мирового судьи имущественный ценз не вводился. Не имели права на замещение должности лица, ранее судимые или состоявшие под судом или следствием, объявленные несостоятельным должником или состоявшие под опекой за расточительство, уволенные со службы за должностные правонарушения. Почётные мировые судьи не могли замещать должностей прокурора, товарища прокурора, волостного старшины, местных чиновников казённых учреждений и полиции. Почетным мировым судьей мог быть только подданный России.

Для замещения должности почетного мирового судьи был установлен особый порядок. Составлением списков проживающих в губернии лиц, могущих занять должности почетных мировых судей, занимались Особые губернские и областные комитеты, в обязанности которых входило также разделение губерний и областей на мировые участки.

¹ Временные правила о применении судебных уставов к областям и губерниям Сибири от 13 мая 1896 г. // ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 16. Отд. I. 1896. № 12932. СПб., 1899. С. 420-422.

Основаниями для отклонения кандидатур по представлению прокурора соответствующего суда могли служить низкие моральные и деловые качества, состояние здоровья, а также политическая неблагонадежность кандидата. Последняя причина стала преобладать в качестве основания для отклонения кандидатур накануне революции 1905 года, а также в последующие годы.

До того как списки подавались на утверждение, предполагаемые кандидаты ставились в известность о намерении их выдвижения. Лица, выдвинутые в кандидаты, должны были письменно подтвердить свое согласие. Кандидаты на должность почетного мирового судьи, не желающие ее занять, подавали на имя председателя окружного суда отзыв. К примеру, в округе Якутского окружного суда инородец Восточно-Кангалаского улуса, 1 Прылыминского наслега Гаврила Васильевич Никифоров нежелание принять должность в отзыве объяснял так: «1) во всех судебных делах я человек положительно несведущий, 2) совершенно малограмотный и к тому же не знаю русского языка, и 3) положительно не располагаю свободным временем, весьма занят своими и другими делами»¹. Подавляющее большинство кандидатов соглашались², многие на новый срок³. Срок пребывания на службе 3 года можно признать условным, так как часто почетные мировые судьи переизбирались по нескольку раз, кроме того, законом это и не запрещалось. Так из 16 кандидатов на должности почетных мировых судей округа Якутского окружного суда на трехлетие с 1 июля 1900 года повторно было предложено – 7 человек (43,7%), а Забайкальский областной комитет из 40 кандидатов предложил повторно утвердить 20 человек (50%). Так, почетные мировые судьи Якутского окружного суда учитель Верхнее-Вилуйского приходского училища инородец Монастырев В.Г., врач Родзинский А.В. состояли в должности 4 срока подряд (с 1 июля 1903, 1906, 1909, 1912)⁴, а преподаватель Якутского реального училища Кириллов А.В. на-

¹ НА РС (Я). Ф. 192-и. Оп. 13. Д. 159. Л. 51.

² Там же. – Лл. 52-58.

³ Там же. – Лл. 65, 67.

⁴ Игумнова, Л.О. Монастырев Василий Егорович / Л.О. Игумнова // Административно-судебная система Восточной Сибири конца XIX – начала XX века в лицах и документах. Материалы к энциклопедии / Сост. В.Г. Вишневецкий. Иркутск, 2004. С. 134.

значался 6 раз (с 1 июля 1897)¹. Из 17 почетных мировых судей округа Якутского окружного суда на трехлетие с 1 июля 1912 года только четверо были назначены впервые. Примечательно, что в округе Якутского окружного суда на должности почетных мировых судей постоянно выдвигались и утверждались представители инородцев.

Отчасти ситуацию с назначением почетными мировыми судьями несколько сроков подряд можно объяснить тем, что на территории округа Иркутской судебной палаты существовали проблемы, связанные с подбором кандидатов на должности почетных мировых судей. Несомненно, расширение пределов подсудности гражданских дел, необходимость принимать участие в выездных сессиях окружного суда усложняли выполнение должностных обязанностей почетных мировых судей, а, учитывая тот факт, что данная должность была для них вторичной и неоплачиваемой, становится понятным, что исполнение судебных обязанностей рассматривалось многими как «дополнительная повинность»².

Составленные Особыми губернскими комитетами с приложением замечаний по отдельным кандидатурам и согласованные с кандидатами списки в соответствии со ст. 630 и 656 особенной части Учреждения судебных установлений утверждались непосредственно министром юстиции, а списки, составленные Особыми областными комитетами, подавались через генерал-губернаторов.

Кандидаты на должности почетных мировых судей утверждались министром юстиции на трёхлетний период, периодически за этот срок неизбежно возникали обстоятельства, требующие пересмотра списка, внесения дополнений, как в случае смерти, болезни почетного судьи или его переезда в другую местность по требованию его основной службы и прочего. К примеру, в 1913 году в отношении Якутскому губернатору М.А. Пономареву председатель Якутского окружного суда просил внести дополнительный список кандидатов (Василий Пятницкий, Алексей Шафран,

¹ НА РС (Я). Ф. 192-и. Оп. 13. Д. 159. Л. 92.

² Чечелев, С.В. Институт почетных мировых судей округа Омской судебной палаты / С.В. Чечелев [Электронный ресурс]. // Вестник ОмГУ. – 1998. – № 4. – С. 107-110. – Режим доступа: (<http://www.omsu.omskreg.ru/vestnik/articles/y1998i4/a107/article.html#begin>) (23 марта 2009).

Петр Кушнарев) на должности почетных мировых судей округа на трехлетие с 1 июля 1912 года на обсуждение Особого областного комитета по вопросу о представлении к назначению на должность почетного мирового судьи¹. Составление дополнительного списка было вызвано необходимостью, в связи со сложившейся ситуацией, к примеру, в Олекминске необходимо было заменить почетного мирового судью купца Стрелова, который в силу обстоятельств по торговле большей частью отсутствовал, и на него нельзя было рассчитывать, в случае необходимости пополнения состава суда. «При незначительном составе суда, – как писал председатель Якутского окружного суда, – и недостатке почетных мировых судей, может случиться, например, в случае болезни или нахождения в отпуске членов суда, что в Олекминске нельзя будет открыть выездной сессии»². Все трое дополнительных кандидатов были утверждены в должности.

Впервые вопрос о дополнительном штате почетных мировых судей был возбужден в округе Иркутского окружного суда в 1898 году по представлению товарища прокурора по Киренскому участку. Для того, чтобы не привлекать к участию в выездных сессиях окружного суда соседних мировых судей в с. Усть-Куте, Витиме, Бодайбинских резиденциях, товарищ прокурора предложил список лиц, удовлетворяющих требованиям к почетным мировым судьям. В этом списке были следующие лица: управитель Усть-Кутского солеваренного завода горный инженер Симонов, управляющий Ленско-Витимским пароходством горный инженер Аникин, врач третьего участка Киренского округа Законов (впоследствии мировой судья), главноуправляющий промыслами Ленского Золотопромышленного товарищества горный инженер Грауман, инженер того же товарищества Кокшаров, а также доверенный купца Глотова отставной ротмистр Щербачев³. По мнению товарища прокурора, «эти лица, действительно способные, кроме облегчения участи мировых судей, содействовать, в силу своего положения и личных качеств, устроению правосудия в данном районе ...много помогут и материально и личными трудами к лучшему устроению нашего дела»⁴.

¹ НА РС (Я). Ф. 192-и. Оп. 13. Д. 184. Л. 3.

² Там же.

³ ГАИО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 10. Л. 24, 24 об.

⁴ Там же. – Л. 29.

Как было сказано выше, почетным мировым судьей не могли быть лица, ранее судимые или состоявшие под судом или следствием, объявленные несостоятельным должником. К примеру, иркутский купец Аполлон Афанасьевич Дьячков был назначен почетным мировым судьей округа Иркутского окружного суда на трехлетие с 1 июля 1900 года, а 13 апреля 1901 года этим же судом был признан несостоятельным по торговле должником. Дьячков сам подал прошение об увольнении с должности судьи¹. А бывший Нижнеудинский городской голова Леонтий Балакшин, уже после назначения, состоял под следствием у мирового судьи первого участка Нижнеудинского уезда по обвинению в преступлениях, предусмотренных 410 и 341 ст. Уложения о наказаниях и, кроме того, страдал глухотой, препятствующей ему исполнять служебные обязанности². В этом случае по представлению прокурора Иркутской судебной палаты почетный мировой судья был уволен с должности.

В случае неявки к должности назначенных почетными мировыми судьями и не представивших никаких причин на основании 228 ст. Учр. суд. уст., окружные суды в общем собрании признавали отказавшимися от принятия должности и представляли их к увольнению. Назначенные Высочайшими приказами по гражданскому ведомству от 13 июня за № 51 и 19 октября 1897 года за № 74 почетными мировыми судьями округа, Якутского окружного суда коллежский советник Валь, надворный советник Преловский и коллежский советник Парышев, к должности не явились и никаких причин неявки не представили, вследствие чего и были представлены к увольнению³. Почетные мировые судьи должны были ставить окружные суды в известность о предполагаемой командировке по основному месту службы или о предстоящем отпуске. Иностранцы, назначенные почетными мировыми судьями, имели преимущество при выезде в Европейскую Россию. Иностранец второго Нерюктейского сельского общества Олекминского округа Адриан Егорович Капитонов, назначенный высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 15 февраля 1910 года за № 8 почетным мировым судьей округа Якутского окружного суда на трехлетие с 1 июля

¹ ГАИО. Ф. 246. Оп. 6. Д. 9. Л. 73.

² Там же. – Л. 70.

³ Там же. – Л. 32.

1900 г., получал свидетельство в окружном суде и разрешение на выезд в Европейскую Россию¹.

Первые почетные мировые судьи Иркутской судебной палаты были назначены Высочайшим приказом от 13 июня 1897 года. За период от введения Судебных уставов на территории Сибири до 1917 года списки кандидатов на должность почетного мирового судьи составлялись и утверждались 7 раз с интервалом в 3 года.

В 1897 г. численность почетных мировых судей по окружным судам округа Иркутской судебной палаты составляла: Красноярскому – 14, Иркутскому – 18, Якутскому – 22, Читинскому – 33, Благовещенскому – 7 и по Владивостокскому – 63. Социальный состав почетных мировых судей отражал для каждого округа соответствующего окружного суда структуру местного населения. Автором проанализированы списки почетных мировых судей окружных судов, входящих в состав Иркутской судебной палаты, составленные в период с 1897 по 1915 годы. В составе почетных мировых судей всех окружных судов основная доля (до 50%) принадлежала представителям чиновничье-административного аппарата, а также большая доля военным, кроме того, значительная часть почетных мировых судей округа были представителями образования, медицины, самоуправления и торговли. Для районов приисковых систем характерно выдвижение кандидатами на должности почетных мировых судей представителей горного дела. Наибольший процент военных в составе почетных мировых судей округов Владивостокского и Читинского окружных судов объясняется особенностями их приграничного расположения. Кроме того, состав почетных мировых судей Читинского и Благовещенского окружных судов характеризуется большим процентом торгово-промышленной прослойки и казачества на протяжении всего периода существования мирового суда в Забайкальской и Амурской областях.

Самый многочисленный список лиц, которые на основании ст. 19 п. п.1 и 2, ст. 21 и ст. 49 Учреждения судебных установлений и ст. 2, Высочайше утвержденных 13 мая 1896 г. «Временных правил», могли быть назначены на должность почетного мирового судьи, был обнаружен в Государственном архиве Иркутской области. Список был составлен в Порт-Артуре в 1903 г.² В списке состояло 180 человек, в их числе Евгений Алексеев

¹ НА РС (Я). Ф. 192-и. Оп. 13. Д. 159. Л. 47.

² ГАИО. Ф. 246. Оп. 6. д. 9. Лл. 61-64 об.

– Главный Начальник Квантунской области, Оскар Старк – командир порта «Артур», Анатолий Стессель – начальник третьей Восточно-Сибирской Стрелковой бригады. Представители КВЖД – 14 человек, Управления постройки порта и города Дальнего – 7 человек, врачи – 21 человек, остальные – военные. По всей видимости, список черновой, о чем говорит большое количество перечисленных лиц. В списке состояли председатель Порт-Артурского окружного суда Александр Лихачев, члены суда: Бронислав Околович, Владислав Загоровский, Алексей Ведров.

Следует заметить, что членам окружных судов по закону не запрещалось занимать должность почетного мирового судьи. Известен случай назначения старшего председателя Иркутской судебной палаты Н.П. Еракова почетным мировым судьей округа Петропавловского окружного суда с 15 декабря 1915 года, в данном случае, по мнению исследователя Бузмаковой, можно говорить о том, что должность почетного мирового судьи являлась статутной¹.

Председатель Порт-Артурского окружного суда подчеркнул в списке фамилии кандидатов, которых считал достойными, это 25 человек, о чем он сообщил председателю Иркутской судебной палаты Кастриото-Скандербек-Дрекаловичу².

В ходе исследования архивных материалов, не было найдено ни одного документального свидетельства единоличного решения почетными мировыми судьями дел мировой подсудности в округе Иркутской судебной палаты, однако из этого не следует вывод, что почетные мировые судьи вообще не рассматривали подобные дела, вероятно, подобные факты были немногочисленны и не отражались в официальной отчетности.

Деятельность почетных мировых судей округа Иркутской судебной палаты, главным образом, сводилась к участию в заседаниях окружного суда и его выездных сессиях. Порядок привлечения почетных мировых судей был различным в разных окружных судах судебного округа. Так, к примеру, в округе Красноярского окружного суда почетные мировые судьи назначались «единоличной властью председательствующих в отделениях и председательствующих на выездных сессиях, так как назначение их общим собранием отделений суда представлялось председателю суда за-

¹ См.: Бузмакова, О.Г. Судебная власть в Сибири в конце XIX – начале XX века : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 Томск, 2004. С. 82.

² ГАИО. Ф. 246. Оп. 6. Д. 9. Л. 59.

труднительным в виду невозможности заранее выяснить, кто из почетных мировых судей, занятых обычно своими делами, может быть свободен»¹. Во Владивостокском окружном суде избирались судом в распорядительном заседании по жребию применительно к порядку, установленному законом для избрания в состав суда волостных старшин². Благовещенским окружным судом за недостатком состава суда почетные мировые судьи приглашались на каждое заседание суда, приглашением ведал председатель суда лично, дни заседаний избирались самими судьям по составленному на месяц вперед расписанию заседаний суда. Такой порядок применялся председателем суда С.Г. Назаревским, а во время его отсутствия исполняющий обязанности председателя член окружного суда с 15 июля 1906 года по 31 августа 1908 применял другой порядок: для пополнения состава окружного суда в усиленном составе по рассмотрению дел почетные мировые судьи приглашались по очереди по составленному в алфавитном порядке списку³. В Якутском окружном суде судьи приглашались для указанной цели не постановлением суда, а председателем суда «по очереди с учетом имеющихся сведений о занятости по прямым своим профессиональным занятиям»⁴. А в Читинском окружном суде почетные мировые судьи назначались окружным судом, по определениям его в заседаниях по каждому делу отдельно с сохранением очереди между судьями данного района⁵.

Таким образом, посредством института почетных мировых судей осуществлялось участие населения в судебной деятельности. Почетные мировые судьи округа Иркутской судебной палаты, участвуя в заседаниях окружного суда и его выездных сессиях, действительно способствовали облегчению исполнения обязанностей мировых судей. Учитывая, что судебная реформа в Сибири в конце XIX – начале XX вв. проводилась в условиях строжайшей экономии средств, функционирование института почетных мировых судей, осуществлявших работу на безвозмездной основе, следует признать крайне выгодным государству.

¹ ГАИО.Ф. 245. Оп. 1. Д. 485. Л. 84.

² Там же. – Л. 35.

³ Там же. – Л. 86.

⁴ Там же. – Л. 92.

⁵ Там же. – Л. 83.

Присяжная адвокатура Восточной Сибири: состав и территориальное распределение (1885–1917 гг.)

Процесс становления присяжной адвокатуры Восточной Сибири, в отличие от Европейской части страны, был более длительным. Правительственный взгляд на место и роль Сибири в развитии страны, установившееся мнение о необходимости сохранения особого управления регионом определили отказ от проведения ряда реформ 60-х гг. XIX века, в том числе и судебной. Александр III в условиях проведения контрреформ ограничился системой полумер по улучшению судебной части региона. Только с приходом к власти нового императора Николая II вводятся Судебные уставы 1864 г. и в Сибири с ограничениями и изъятиями, сделанными в годы контрреформ.

Деятельность первых присяжных поверенных в Сибири началась с введения «Временных правил» 1885 г., по которым допускалось участие правозащитника при судебном разбирательстве дел, связанных с лишением всех прав и имущества. К сожалению, состояние источниковой базы не позволяет определить количественный состав представителей адвокатуры Восточной Сибири в период с 1885 по 1897 гг. Можно предположить, что количество присяжных поверенных было незначительным. Такое положение можно объяснить, во-первых, недостатком на месте квалифицированных специалистов, присяжная адвокатура как профессиональная группа в Сибири ещё не была создана, желающим попасть в присяжную адвокатуру пришлось бы ехать в европейскую часть страны, там вступать в корпорацию, а потом возвращаться обратно. По подсудности корпоративным учреждениям эти адвокаты принадлежали советам судебных палат европейских округов. Во-вторых, отношение правительства к адвокатуře определило отрицательное отношение большинства местных судебных чинов к присяжным поверенным, их участию в судебном разбирательстве. Однако, как отмечает сибирская пресса, добровольцы нашлись, и небольшая группа присяжных поверенных отправилась в крупные судебные центры Сибири – Иркутск и Томск. Многие судебные округа Европейской России, как, например, Петербургской, Московской и др., были настолько переполнены адвокатами, что введение в Сибири «Временных

правил» 1885 года дало надежду некоторым присяжным поверенным найти себе дела, заработать, реализовать себя, а самое главное – сделать себе имя. Однако сибирская действительность быстро отрезвила новоприбывших: не было не только крупных уголовных дел, но и имеющиеся дела позволяли кое-как сводить концы с концами. В судах предпочитали назначать для защиты чиновников. Кроме того, на местах сложилась определённая группа ходатаев, которая довольно недоброжелательно отнеслась к новичкам-конкурентам. Одни поверенные сразу же возвращались в Европейскую Россию, другие оставались, но были вынуждены обратиться к дополнительному виду деятельности: репетиторству и учительству. Лишь единицы, имевшие связи среди крупных коммерсантов, сумели найти хорошую практику, как, например иркутский присяжный поверенный П.И. Звонников.

Большое значение как в губернских, так и уездных городах имели дореформенные ходатаи. Большая часть из них не обладала каким-либо юридическим образованием, единственным исключением были губернские города, в которых определённую долю ходатаев составляли бывшие и действующие судебные чины. В небольших городках и сельской местности юридические услуги населению оказывали политические ссыльные, к которым активно обращались местные жители, как к людям более грамотным.

Характерной чертой периода является отсутствие чёткого различия между старыми ходатаями и появившимися присяжными поверенными. Всех называют адвокатами, для иркутян не было важно ходатай это или нет, лишь бы выигрывал дела.

На период 1885-1896 гг. можно установить фамилии наиболее известных присяжных и частных поверенных и ходатаев, проживавших в Иркутске: это – частные поверенные Е.А. Перфильев, А.В. Тарасов, присяжный поверенный П.И. Звонников, служащие Губернского суда В.Д. Власов, А.В. Митрохин.

В это время намечается ещё одна тенденция – распределение дел среди представителей адвокатуры, одни поверенные ведут преимущественно гражданские дела (П.И. Звонников, А.В. Тарасов), другие – уголовные (А.В. Митрохин, Р.Д. Любавский). Так же, как и в Центральной России, наиболее крупные дела начинают отдаваться наиболее именитым адвокатам.

Существенные изменения в правовом положении, составе, территориальном распределении присяжной адвокатуры были связаны с проведением судебной реформы в регионе. Согласно «Временным правилам о применении судебных уставов к губерниям и областям Сибири» от 13 мая 1896 г. были созданы три группы адвокатуры: присяжные поверенные (как правозаступники в уголовных делах и судебные представители в гражданских), помощники присяжных поверенных (адвокат-стажёр, имеющий право ведения гражданских дел в качестве частного поверенного) и частные поверенные (которым ввиду необязательности высшего образования разрешалось ведение гражданских дел). Новые суды в Восточной Сибири были открыты летом 1897 г.

Основную часть первых присяжных поверенных региона составляли приезжие из различных регионов страны, так как в Восточной Сибири ощущался острый недостаток подготовленных кадров, отвечавших всем предъявляемым требованиям к представителям адвокатуры. Человек, вступавший в присяжную адвокатуру, должен был соответствовать ряду предъявляемых законом требований: наличие высшего юридического образования, 5-летний стаж работы в судебном ведомстве или в качестве помощника присяжного поверенного, возраст не менее 25 лет, обязательным условием было российское гражданство. К моменту открытия новых судов в присяжные поверенные Восточной Сибири вступило 17 человек (из них 13 приезжих), а в помощники – 12 (половина – приезжие). Приехавшие присяжные поверенные и их помощники ранее занимались практикой при Виленской, Саратовской, Киевской, Казанской, Московской, Одесской судебных палатах и Кутаисском окружном суде¹.

Во время создания адвокатуры в Европейской России одним из наиболее острых был вопрос о количестве адвокатов, необходимых для судебных учреждений. Одни считали, что в адвокатуру сразу же хлынет поток людей. Другие же, наиболее прозорливые, их было большинство, считали, что количество присяжных поверенных в первое время будет недостаточным, поэтому по «Положению введения в действие судебных уставов» 19.10. 1865 г. лицам, поступавшим в адвокатуру, предъявлялись меньшие требования: был понижен срок стажа, было не обязательным высшее юридическое образование. К моменту создания

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 98. Д. 3350. Л.109. Там же. Д. 3351. Л. 93.

адвокатуры в Сибири эти льготы были отменены (в 1874 г.). Единственное исключение было сделано для Читинского и Якутского окружных судов, в которых из-за полного отсутствия желающих приехать пришлось принять лиц, не имевших высшего юридического образования. Угроза остаться без адвокатов была там особенно велика на протяжении первых пяти лет, поэтому перед Восточной Сибирью стала довольно актуальная проблема: недостаток присяжных поверенных и их помощников. Данный вывод подтверждается следующей таблицей.

Таблица № 1.
Количество частных, присяжных поверенных
и их помощников в первое пятилетие существования
нового суда¹

	Присяжные поверенные			Помощники присяжных поверенных			Частные поверенные		
	1897	1898	1901	1897	1898	1901	1897	1898	1901
Иркутский окружной суд	11	11	16	7	7	6	2	2	6
Красноярский окружной суд	6	4	6	2	1	1	7	10	8
Читинский окружной суд	3	3	5	1	1	6	1	1	6
Якутский окружной суд	1	1	1	0	0	0	0	0	1
Всего	21	19	28	10	9	13	10	13	21

Преобладающей группой среди трех категорий адвокатуры оказались присяжные поверенные. Основная их часть была сосредоточена в Иркутске, месте пребывания судебной палаты и окружного суда (50%). Нужно отметить, что присяжные поверенные жили исключительно в тех городах, где находились судебные места. Красноярск, Чита и особенно Якутск, оказались в менее выгодном положении. Однако недостаток присяжных

¹ Сборники статистических сведений о составе и деятельности судебных установлений Европейской и Азиатской России... – Вып. 13, 14, 17. – СПб., 1898, 1899, 1902.

поверенных в этих городах отчасти компенсировался большим удельным весом частной адвокатуры. К сожалению, не известно, какая часть помощников присяжных поверенных была зарегистрирована частными поверенными, однако, можно предположить, что в условиях острой материальной нужды их основная часть брала свидетельствование по чужим делам.

Особенности территориального распределения, доминирующего положения Иркутска определялись рядом причин. Прежде всего, сфера приложения адвокатского труда была более широкой именно в Иркутске, месте нахождения и судебной палаты, и окружного суда, а также банков и различных компаний, нуждавшихся в услугах квалифицированных юристов, именно здесь у приехавших поверенных было больше шансов для профессиональной самореализации. Как уже отмечалось, приезжающие в Сибирь адвокаты надеялись составить себе имя, обогатить практику и накопить состояние, поэтому второй причиной был уровень притязаний присяжных поверенных, окружные суды не могли дать таких громких и прибыльных дел, как судебная палата. Кроме того, Иркутск был не только судебным центром, но и центром культурной жизни региона. Чита и особенно Якутск казались приезжим глушью. Одной из причин отказа ехать в места нахождения других окружных судов были высокие цены на продукты и жилье, как, например, в Чите, что в первое время, пока адвокат не обосновался на месте и не завел практику, было принципиально важным. Однако к 1907-1908 гг. положение изменится, и Чита по количеству присяжных поверенных и их помощников займёт второе место в Восточной Сибири после Иркутска.

В начале XX века территориальное распределение адвокатуры в пределах округа Иркутской судебной палаты не изменилось. Как и прежде, наибольшее число адвокатуры концентрировалось в городах, месте пребывания окружных судов и судебной палаты, на все остальные места округа приходилось небольшое число адвокатов. Это вполне ярко демонстрирует следующая таблица.

Таблица № 2.
Распределение числа присяжных поверенных округа
Иркутской судебной палаты¹.

	Присяжные поверенные						Помощники					
	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Иркутский	27	6	26	28	30	28	14	13	18	25	24	22
Читинский	6	8	9	10	10	8	3	3	5	12	14	14
Красноярский	5	4	7	5	6	7	3	3	2	6	10	12
Владивостокский	14	14	14	18	19	18	7	11	11	11	15	12
Пограничный	8	5	6	5	6	9	5	3	4	5	6	7
Благовещенский	7	8	9	10	14	11	4	5	6	6	5	7
Якутский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Канский	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Вне округа	0	0	9	13	15	18	0	0	0	0	0	3
Всего	67	74	80	89	100	99	37	38	46	65	71	77

С течением времени можно заметить снижение удельного веса адвокатуры Иркутска от почти половины до одной трети на территории судебного округа. Иркутск сохраняет за собой лидирующее положение и в Восточной Сибири. На его долю приходится более 60 % присяжных поверенных региона и почти половина помощников. Обращает на себя внимание и постоянное увеличение числа поверенных, не проживающих в округе. Большинство из них были причислены к Иркутскому окружному суду. Так, в 1911 г. из 13 уехавших 11 были иркутянами². Преимущественно город покидали когда-то приехавшие из Европейской России поверенные, а так же те, кому удалось наладить профессиональную деятельность в центре страны. Ещё одной причиной отъездов стал сибирский климат, некоторым поверенным или членам их семей, чтобыправить своё здоровье, приходилось покидать обжитые места. Основными местами, куда переезжали поверенные стали Петербург и Москва. Особо следует отметить положение Якутского и Кан-

¹ Составлено по отчётам Совета присяжных поверенных округа Иркутской судебной палаты за 1907-13 гг.

² Отчёт совета присяжных поверенных... за 1911-12 гг. – Иркутск, 1913. – С. 2-3.

ского окружных судов, где представителей присяжной адвокатуры вовсе не было. Суровые природно-климатическое условия, плохая транспортная связь, незначительное количество учреждений, нуждавшихся в услугах юриста, были главными причинами отказа адвокатуры региона обраться в этих городах.

Особенностью третьего периода существования присяжной адвокатуры (1907-1917 гг.) стало то, что ряды её пополняются исключительно из среды местных помощников и членов судебного ведомства, мировых судей, судебных следователей, товарищей прокурора. Причины их перехода в присяжные поверенные были разнообразными, прежде всего, это проблемы на службе, грозящее наказание. Особенно сложно проходила деятельность мировых судей. Частые перемены мест службы, огромная территория округа, обременённость судьи не только судебными, но и следственными делами явились главными причинами оттока судей в адвокатуру. Из мировых судей вышли читинские поверенные П.А. Кузнецов, А.П. Эпов, красноярский – П.И. Дюков и др.¹ Бывшие судебные чины формируют костяк присяжных поверенных Читы и Красноярска. Нужно отметить, что окончательно состав присяжных поверенных этих двух городов формируется лишь в 1906-1907 гг., когда происходит почти полная замена состава адвокатуры². С 1905-07 гг. иркутские присяжные поверенные заняли все ключевые места в городе, приезжому в условиях жёсткой конкуренции было достаточно сложно вписаться в судебную жизнь.

Положение адвокатуры в Иркутске, центре судебного округа, показывает другая таблица.

Таблица № 3. Количество присяжных поверенных и их помощников в Иркутске³.

	1898	1899	1901	1905	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1916
Присяжных поверенных	14	15	16	21	27	26	26	28	30	28	27
Помощников	8	7	6	11	14	13	18	25	24	22	13

¹ ГАИО. Ф. 245. Оп. 5. Д. 125.

² Отчёт совета присяжных поверенных ... (23.02. 1907 – 1.03. 1908 гг.). – Иркутск, 1909. – С. 216-219.

³ Составлено по Отчётам совета присяжных поверенных округа Иркутской судебной палаты за 1907-1912, Справочным книгам и делам ф. 243 ГАИО.

Наиболее интенсивный рост числа присяжных поверенных города пришёлся на период с 1899 по 1908 гг. существования адвокатуры. В дальнейшем количество присяжных поверенных было довольно стабильным, это отчасти можно объяснить политикой, которую проводил совет присяжных поверенных округа Иркутской судебной палаты, созданный в 1907 г. Осознавая острую нехватку присяжной адвокатуры на местах, усиление позиций подпольной адвокатуры, члены совета присяжных поверенных рекомендовали новичкам выбрать местом жительства те города, где профессиональных поверенных было особенно мало. Кроме того, после открытия окружных судов в губернских центрах (Красноярске, Чите, Благовещенске, Харбине и др.) формируются свои юридические кадры. Пополнение присяжных поверенных Иркутска умалось достаточно большой долей смертности поверенных. В период с 1905 по 1912 гг. умерло 9 присяжных поверенных, что составляло одну треть поверенных города, поскольку с созданием в регионе адвокатуры в её ряды вступили достаточно зрелые люди.

Если говорить о росте количества помощников присяжных поверенных, то не во все годы он был одинаковым. Так в 1912-1913 гг. заметно незначительное уменьшение, что непосредственно связано с рядом причин. В Восточной Сибири не существовало какой-либо организации прохождения стажом помощниками присяжных поверенных, не было ни групп, ни юридических конференций¹. Если в первое десятилетие существования адвокатуры достаточно медленный рост помощников, объяснялся тем, что они не всегда могли приобрести свидетельство на хождение по чужим делам, нужно было отвоёвывать каждого клиента. Некоторые, мало обеспеченные выпускники вузов, понимая, что помощничеством им не прокормиться, поступали служить в суды, а затем уже переходили в адвокатуру. Замедление роста помощников округа, сокращение количества помощников в Иркутске связано, прежде всего, с правительственной политикой относительно лиц иудейского вероисповедания. В 1905-1911 гг. наблюдался относительно быстрый рост количества евреев-помощников. Так, в Иркутске в 1905 г. в помощники входил один еврей (из 11), а в 1912 г. – 14 (из 25)². В 1912 г. вышел цир-

¹ История русской адвокатуры. – Т. 2. – СПб., 1916. – С. 49.

² ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 848. Л. 23.

куляр Министерства юстиции, по которому доступ лиц, неправославных вероисповеданий, особенно иудеев, в помощники, а также приобретение ими свидетельств на ведение дел в качестве частных поверенных, могли быть только с разрешения министра юстиции¹. Считалось, что своими национальными традициями евреи могут подорвать нравственные основы корпорации. Прокуроры окружных судов должны были составить списки помощников иудейского вероисповедания и отправить их на утверждение министру юстиции, поэтому уже в 1916 г. их было в Иркутске всего 4 (из 13), в других городах Сибири евреев среди помощников не было².

Округ Иркутской судебной палаты по количеству присяжных поверенных и их помощников занимал одно из последних мест в России, несмотря на то, что территориальное распределение адвокатуры по судебным округам страны было далеко неравномерным. Это демонстрирует следующая таблица.

Таблица № 4. Процент распределения присяжных поверенных по округам³

	Ташкентский	Омский	Иркутский	Киевский	Тифлиский	Виленский	Новочеркасский	Казанский	Саратовский	Одесский	Харьковский	Варшавский	Московский	Петербургский
1900	0.2	0.4	1.1	7.4	7.6	3	-	3.2	3.8	7.8	8.1	203	21.1	18.8
1905	0.5	0.8	1.3	8.7	5.6	3.5	3.3	2.3	3.7	8.	5.9	18.2	28.5	17.9
1910	0.6	1	1.6	8.6	4.6	2.8	3.4	2.4	4.1	7.4	5.9	14.8	19.7	20.6
1913	0.9	1.5	1.7	8.7	4.3	2.6	3.7	2.5	4.7	7.8	5.9	12.1	18.9	19.6

Значительная часть адвокатуры приходилась на Московский, Петербургский, Варшавский округа; меньше всего присяжных поверенных было в тех судебных округах, где судебная реформа была проведена в последнюю очередь: Иркутском, Омском и Ташкентском округах. В начале XX века территориального перераспределения адвокатуры не произошло, но, тем не менее, Иркутский округ понемногу увеличивает число поверенных, занимая лидирующее положение в Сибири.

¹ ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 848. Л. 21.

² ГАИО. Ф. 246. Оп. 2. Д. 23. Л. 2.

³ История русской адвокатуры. – Т. 2. – СПб., 1916. – С. 31.

В европейских округах страны рост присяжной адвокатуры шёл довольно неравномерно: в первое 25-летие рост адвокатуры шёл довольно медленно, а во второе – наблюдался большой скачок. Так в Московском судебном округе в 1890 г. было 343 присяжных поверенных и 127 их помощников, а в 1914 г. соответственно 1305 и 1536 человек. В молодых округах, где судебные уставы были введены в 1896–98 гг., количество присяжной адвокатуры, во-первых, было невелико: в общем составляло 229 присяжных поверенных и 200 их помощников омского, иркутского и ташкентского округов в 1913 г.¹ Во-вторых, рост присяжных поверенных и их помощников шёл сравнительно равномерно и не подвергался каким-либо изменениям.

На одного адвоката палаты в 1910 г. приходилось в среднем 27,8 тысяч жителей, в Иркутске, т.е. в том городе, где находилась судебная палата, 13,7 тысяч в остальных окружных судах. Такое распределение было характерно для всей территории России. Несмотря на то, что адвокатов в округе не хватало, положение в нём было относительно неплохим. Так, в наиболее многочисленном московском округе в среднем на одного представителя присяжной адвокатуры приходилось 10,4 тыс. жителей, в Москве – 1,6 тыс., а в остальных городах 55 тыс. жителей². Здесь были даже такие окружные суды, которые, находясь в нескольких километрах от столицы, не имели присяжных поверенных вообще. Нужно отметить, что лучшее положение адвокатуры округа Иркутской судебной палаты было обусловлено меньшей плотностью населения региона.

В среднем на одного адвоката, будь то присяжный поверенный или помощник, приходилось судебных в Иркутском судебном округе (уголовных и гражданских) дел – 208,8; в Омском – 227,8; Ташкентском – 227,4.³ Картина неравномерного распределения не изменится, если сравнивать и количество судебных дел, падающих на одного адвоката.

¹ Там же. – С. 9.

² Там же. – С. 49.

³ Там же. – С. 49.

Таблица № 5.
Количество судебных дел на одного адвоката в 1910 г.¹

	Петербургский округ	Московский округ	Харьковский округ	Иркутский округ	Омский округ
В округе, где находится судебная палата	12,8	14,4	37,3	138,1	189,5
В остальных окружных судах	124,8	219,3	189,5	250,1	238,5

Исходя из данных таблицы, можно отметить, что, во-первых, количество дел, приходившихся на одного адвоката, подтверждает неравномерность территориального распределения адвокатуры внутри Иркутского судебного округа. Во-вторых, что оказание юридических услуг в местах нахождения окружных судов, а также в уездных городах и сельской местности было недостаточным, и это было общероссийской тенденцией. В то же время количество присяжных поверенных в Иркутске и соответственно дел, приходившихся на одного адвоката, отзывы иркутского совета присяжных поверенных позволяют предположить, что количество дел, приходившихся на одного иркутского адвоката, было оптимальным, что позволяло уберечь местную адвокатуру от жесткой конкуренции и обеспечить каждому нормальные условия для труда.

В нескольких словах следует упомянуть и о частных поверенных. Институт частных поверенных был учреждён, главным образом, в качестве института вспомогательного, чтобы компенсировать на местах недостаток присяжных поверенных, оградить население от притеснений подпольной адвокатуры. По мнению создателей частных поверенных, этот институт должен был постепенно отмирать с увеличением числа присяжных поверенных. В 1898 году присяжная адвокатура России по численности достигла того размера, когда в интересах населения дальнейший рост частной адвокатуры был бы излишним². Большой процент частной адвокатуры приходился как раз на те округа, в которых по численности было недостаточно присяжных поверенных. К этим округам относился и округ Иркутской судебной палаты.

¹ Там же. – С. 51.

² Там же. – С. 52.

Таблица № 6.
Процент адвокатуры (от всей) на 1910 г.¹

	Петербургский округ	Московский округ	Казанский округ	Иркутский, Омский, Ташкентский округа
Присяжные поверенные	19,5	24,9	2,4	3,6
Частные поверенные	8,9	7,9	27	7,0

Неравномерность распределения присяжной адвокатуры в пределах округа судебной палаты со своей стороны явилась следствием своеобразного распределения и частной адвокатуры. Главный процент частной адвокатуры приходился на так называемые «отсталые» места, или на те, где процент присяжной адвокатуры был низок. В этих местах также была достаточно высокой доля подпольных ходатаев.

Таблица № 7.
Процент адвокатуры в Иркутском, Омском, Ташкентском округах судебных палат²

	в месте нахождения судебной палаты	окружного суда	в остальных местах
Присяжные поверенные	28,2	53,0	18,8
Частные поверенные	16,5	45,2	38,3

Наименьшее число частных адвокатов приходилось на те города, где пребывала судебная палата. Поскольку к частным поверенным обращались за той же помощью, что и к присяжным поверенным, поэтому местом их деятельности в основном были окружные суды (Читинский, Красноярский), где конкуренция с присяжной адвокатурой была не столь высокой. Значительная часть частных поверенных проживала в отдалённых местах, им как бы была выделена своя область действия в городках и селениях. Так, в 1897 году в Иркутске было всего лишь двое частных поверенных, и в дальнейшем их число увеличилось не-

¹ Там же. – С. 52.

² Там же. – С. 53.

значительно¹, что говорит о большой популярности присяжной адвокатуры среди местного населения и низкой конкурентной способности частных поверенных.

Состав присяжных поверенных Восточной Сибири по социальному положению, юридическому стажу, вероисповеданию можно рассмотреть на примере иркутских присяжных поверенных. По своему социальному составу адвокатура была разнородна: из дворян были В.В. Косенко, М.С. Стравинский, из потомственных почётных граждан братья Григорий и Иосиф Патушинские, Леонид Аполлонович Белоголовый (сыновья знаменитых иркутских купцов)². Из мещан в адвокатуру был А.М. Донец. В целом особенности социальной структуры региона определили и особенность социального состава адвокатуры: меньшее количество представителей дворянства.

По судебным уставам для представителей присяжной адвокатуры было обязательным высшее юридическое образование. Среди 21 иркутского присяжного поверенного в 1905 году было семь выпускников С.-Петербургского университета (Л.А. Белоголовый, Каретников, Кауфман, М.С. Стравинский, А.В. Тарасов, А.И. Туманов, П.Д. Боголюбов). Пятеро – Московского (А.Б. Виноград, В.Д. Власов, И.С. Фатеев, И.П. Хренников, Л.С. Шапиро), четверо выпускников Демидовского юридического лицея (Г.Б. Патушинский, М.А. Пескин, Б.С. Орнштейн, А.М. Донец), двое – Новороссийского университета (Г.М. Берков, М.М. Дубенский). В.В. Косенко окончил императорский университет св. Владимира, Н.И. Раевский – Казанский, а В.А. Харламов императорское училище правоведения. Из числа 11 помощников присяжных поверенных четверо (И.И. Масальский, К.М. Несытов, И.Б. Патушинский, Г.П. Устюжинов) окончил Московский университет; С.Г. Левинсон, Л.И. Рай – Новороссийский; В.В. Болотов, Константинов – С.-Петербургский; И.М. Семигановский – Харьковский; И.Г. Лихтерман – Томский³. Таким образом, в число присяжной адвокатуры города входили выпускники крупнейших университетов страны.

¹ Справочная книга Иркутского судебного округа за 1898 г. – Иркутск, 1899. – С. 28.

² ГАИО. Ф. 242. Оп. 4. Д. 10. Л. 2-3.

³ ГАИО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 107. Л. 8-9.

Ещё одним условием вступления в адвокатуру было наличие стажа работы по судебному ведомству или в качестве помощника присяжного поверенного. В 1905 г. из 21 человека десять проходили стаж в качестве помощников присяжных поверенных в Иркутске. Надо заметить, что в дальнейшем пополнение адвокатуры, числа присяжных поверенных, шло в основном за счёт помощников, причём проживающих именно в городах Восточной Сибири. Те же, кто проходил стаж в судебных учреждениях, завершили свою служебную карьеру в качестве надворного советника (Н.Ф. Пржесмыцкий), титулярного советника (Г.Б. Патушинский). В качестве коллежского секретаря (А.П. Каретников), коллежского асессора (П.Д. Боголюбов, В.Д. Власов, М.М. Дубенский), коллежского советника (К.А. Рыцк), статского советника (Н.И. Раевский, А.Д. Раткевич). Работали в судебных учреждениях и помощники присяжных поверенных, так С.Г. Константинов, И.М. Семигановский – коллежские секретари; К.М. Несытов, Г.Б. Патушинский – губернские секретари¹.

Состав адвокатуры по вероисповеданию практически не отличался от других регионов страны, что в полной мере определялось правительственной политикой. Большая часть присяжных поверенных была православной, среди иркутян двое на 1904 г. евангелистско-лютеранского (Л.С. Шапиро, А.М. Донец) и один римско-католического (М.С. Стравинский)². Лиц иудейского вероисповедания не было вообще. Как известно, политика правительства к этой группе была довольно жёсткой. Среди помощников присяжных поверенных было одно лицо иудейского вероисповедания – Исаак Гиршевич Лихтерман³. Надо сказать, что Иркутский окружной суд к приёму евреев в число помощников относился достаточно строго. В Красноярском и Читинском окружных судах лиц иудейского вероисповедания практически не было. Правда, как уже было сказано выше, к 1912 г. количество помощников из числа лиц иудейского вероисповедания увеличивается, однако благодаря циркуляру 1912 г. они были отчислены из состава помощников присяжных поверенных.

¹ ГАИО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 107. Л. 8.

² Там же. – Л. 8.

³ Там же. – Л. 9.

Если говорить о возрасте присяжных поверенных, то в 1905 г. он колебался от 27 до 53 лет, а помощников с 22 до 30 лет¹.

В заключение следует отметить, что адвокатура Восточной Сибири была одной из самых малочисленных групп адвокатуры России. Распределение ее внутри округа было, также как и в других судебных округах России, неравномерным. Основная часть присяжных поверенных пришла на Иркутск, Красноярск и Читу. Жителям уездных городов и сельской местности региона квалифицированная юридическая помощь оказалась недоступной. По своим профессиональным качествам адвокатура Восточной Сибири отвечала предъявляемым требованиям, и образовала достаточно монолитную корпоративную группу.

Плюта К.В.

Антитеррористическая политика российского правительства во второй половине XIX – начале XX вв.

Терроризм как явление общественной жизни появился в России во второй половине XIX в. Он обострил политическую обстановку, нанес серьезный ущерб государственной службе и способствовал втягиванию страны в революцию 1905-1907 гг. С его помощью оппозиционные силы стремились дестабилизировать внутривластную жизнь страны, революционизировать массы, чтобы изменить существующий строй, добиться уступок от правительства.

В борьбе с нарастающей опасностью правительство искало пути сдерживания террора, укрепляло и развивало систему правоохранительных органов, совершенствовало следственно-розыскную и судебную деятельность, ужесточало карательную политику. К середине XIX в. функции высшей полиции, осуществлявшей борьбу с государственными преступлениями, в том числе и терроризмом, выполняло III Отделение канцелярии Его Императорского Величества. Опираясь на корпус жандармов и местные жандармские формирования, оно решало задачи раскрытия и предупреждения преступлений против государствен-

¹ ГАИО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 325. Л. 10-11.

ного строя, императора и его окружения, делая акцент на профилактику. Располагая небольшим штатом работников (к 1850 г. около 6 тысяч), эти службы контролировали политическую обстановку в стране, выявляли и пресекали замыслы и действия экстремистов. Если Европа сотрясалась под ударами революционных выступлений, сопровождавшихся террором, в России после выступления декабристов царило относительное спокойствие. Император Николай I мог гулять по столице без охраны [7;83].

Местными органами, посредством которых Департамент полиции осуществлял свою охранительно-розыскную работу, были губернские жандармские управления и жандармско-полицейские управления железных дорог.

Первые Губернские жандармские управления были созданы на основе Положения о корпусе жандармов от 16 сентября 1867 г. Их назначением был политический розыск, производство дознаний по государственным преступлениям. В зависимости от расположения губернии, наличия предприятий, территории, численности населения присваивался разряд и содержание сотрудникам. Они создавались трех разрядов. Первый разряд – столичные губернские жандармские управления; второй разряд – жандармские управления в наиболее крупных городах (Киев, Варшава, Вильнюс, Рига, Одесса, Нижний Новгород, Екатеринбург, Иркутск, Казань); третий разряд имели управления в таких городах, как Архангельск, Астрахань, Баку, Витебск, Владимир, Воронеж, Гродно и т.д.

Жандармско-полицейские управления железных дорог имеют свою историю. При строительстве первых железных дорог в 40-х годах XIX в. полицейский надзор на них осуществлялся жандармскими эскадронами и командами, находившимися в непосредственном подчинении министра путей сообщения. В 1860-х годах жандармские эскадроны и команды были преобразованы в управления. Вплоть до 1906 г. они не принимали участия ни в производстве дознаний по государственным преступлениям, ни в политическом розыске и наблюдении. Революционные выступления в 1905 г., активная роль, которую сыграли железнодорожники в придании Октябрьской стачке всероссийского, всеобщего характера, заставили правительство принять срочные меры и привлечь жандармско-полицейские управления железных дорог

к борьбе с революционными выступлениями. На чинов управления приказом по Отдельному корпусу жандармов от 28 июля 1906 г. № 14528 были возложены обязанности производства дознаний о всех «преступных действиях» политического характера, «совершенных в полосе отчуждения железных дорог» [8; 109].

Во второй половине 70-х гг. XIX в., когда народники-землевольты, а потом народолюбцы приступили к использованию террористических методов борьбы, выяснилось, что правоохранительная система, вследствие искусственно суженной сферы деятельности, не справлялась с новыми задачами. Правительство приступило к ее реформированию. Были усилены жандармские подразделения. В них пришло пополнение из армейских офицеров. За 70-е гг. численность жандармов выросла более чем на тысячу человек. В криминогенных районах были созданы новые формирования. Во многих жандармских управлениях провели аттестацию. Жандармская служба стала лучше поощряться, вырос ее престиж. Будущий деятель политического сыска генерал А.И. Спиридонович, вспоминая о поступлении на жандармскую службу, писал: «В полку у нас на корпус смотрели очень хорошо. Несколько наших офицеров уже служили там, занимали хорошие должности и были предметом нашей зависти. Но перевестись в корпус жандармов было трудно, без протекции попасть на жандармские курсы было невозможно» [7; 217].

Повышению роли жандармерии в борьбе с опасными государственными преступлениями способствовал закон 19 мая 1871 г., по которому чины корпуса жандармов получили право в открытом порядке расследовать вместе с представителями прокуратуры преступления на правах судебных следователей по уголовным делам. Жандармерия, орган политического надзора, превращалась также в орган судебного расследования тяжких политических преступлений.

Были созданы сыскные секретно-розыскные отделения, которые в дальнейшем распространились по стране, стали опорными базами в борьбе с террористами. Первое из них возникло после покушения Каракозова на императора при канцелярии петербургского градоначальника, несколько позднее их создали при московском обер-полицмейстере и варшавском губернаторе. Задача отделений заключалась в раскрытии преступных замыслов, их предупреждении; дальнейшую же работу по розыску

и предварительному следствию вели жандармские управления. После покушения Каракозова на Александра II были приняты дополнительные меры по усилению охраны императора и его семьи. При дворе была сформирована «охранительная команда» в составе 89 человек, подчинявшаяся дворцовому коменданту. На выезды императора составлялся план охранительных мер; в состав царского картежа включались особые секретные агенты [4;174].

Возрастала роль генерал-губернаторов, губернаторов, градоначальников. Губернатор (генерал-губернатор) должен был знаниями, опытом, делами заслужить доверие населения, без чего немислимым считался успех его деятельности. Министерство внутренних дел выдвигало на эти посты авторитетных и эрудированных руководителей, имевших значительный опыт военной или полицейской службы. В 1860–1870-х гг. хорошо зарекомендовали себя губернаторы: князь В.А. Долгоруков, граф П.А. Шувалов, генералы Ф.Ф. Трепов, Д.Г. Бибииков, Н.В. Левашов, П.П. Дурново, А.Е. Тимашов, князь Д.Н. Кропоткин и др.

После покушения на императора, совершенного Соловьевым в апреле 1879 г., страну разделили на шесть временных генерал-губернаторств. Во главе каждого были поставлены генерал-губернаторы. Их наделили дополнительными полномочиями в деле борьбы с опасными государственными преступлениями. После убийства главного управляющего III Отделением и шефа корпуса жандармов генерала Н.В. Мезенцева в августе 1878 г. был издан указ императора «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени». В нем указывалось, что «лиц, обвиняемых в вооруженном сопротивлении властям, от правительства установленным, или нападении на чинов войска и полиции и на всех вообще должностных лиц, при исполнении ими обязанностей службы, или же вследствие исполнения сих обязанностей, коль скоро преступления эти сопровождалась убийством, нанесением ран, увечий, тяжких побоев, или поджогом, предавать военному суду для осуждения их по законам военного времени» [4;112]. Прохождение дел в военных судах производилось по ускоренной и упрощенной процедуре. Наиболее опасным террористам выносились смертные приговоры путем повешения. Они приводились

в исполнение публично, в течение 24 часов после утверждения губернатором. За период 1879–1882 гг., за терроризм, было вынесено 67 смертных приговоров, из которых 30 были приведены в исполнение[4;181].

Поворотным шагом стало учреждение в 1880 г. Верховной распорядительной комиссии и подчинение ей всех правоохранительных органов, а также упразднение III отделения с передачей всех охранительных функций вместе с корпусом жандармов Министерству внутренних дел. Реорганизованное министерство возглавил граф М.Т. Лорис-Меликов, отличившийся в русско-турецкой войне и на губернаторском поприще. Работа по политическому сыску была сосредоточена в специальном делопроизводстве Департамента полиции. Наделенный широкими полномочиями, новый министр стремился добиваться умиротворения в стране гибким сочетанием репрессивных мер и некоторой либерализацией внутривластной жизни. Однако этот курс, получивший название «диктатура сердца», был прерван убийством императора Александра II [9;217].

Цареубийцы были казнены, но из событий 1 марта 1881 г. Александр III сделал выводы о необходимости продолжения жестких карательных мер в отношении террористов, об усилении охраны императора. В августе 1881 г. было издано «Положение о мерах к охране государственного порядка и общественного спокойствия», по которому расширялись функции МВД и местных правоохранительных органов, ужесточалось преследование государственных преступников. В случае необходимости в местностях с повышенной криминогенной ситуацией, могло быть введено состояние усиленной или чрезвычайной охраны. Были приняты меры к укреплению охраняемых отделений и жандармских управлений, заметно выросла численность их работников. Если в 1880 г. корпус жандармов насчитывал 521 офицера и 6187 низших чинов, то к 1896 г. здесь было 733 офицера и 9087 низших чинов. Состав губернских жандармских управлений за это время увеличился на 220 человек [5;143].

Становление эффективной антитеррористической деятельности в 80-е гг. связано с именами руководителей правоохранительных органов: министра внутренних дел графа Д.А. Толстого (с 1882 по 1889 гг.), его заместителя генерала П.В. Оржевского, директоров Департамента полиции В.К. Плева и П.Н. Дурново,

начальника петербургского охранного отделения Г.П. Судейкина, руководителя заграничной агентуры П.И. Рачковского. В сыскной деятельности стали широко использоваться секретная агентура и наружное (филёрское) наблюдение, перлюстрация корреспонденции, дактилоскопия, фотографирование, химические средства анализа вещественных доказательств, картотеки учета подозрительных личностей. Сыскная деятельность стала лучше поощряться правительственными наградами и денежными премиями.

В правоохранительных органах в эти годы выросло немало руководителей, эффективно организовавших сыскную работу. Так, в 1881 г. Петербургское охранное отделение возглавил полковник Г.П. Судейкин, которого Александр III назвал «лучшим сыщиком империи». Используя опыт работы в Киевском жандармском управлении, практику европейских стран, Судейкин создал систему политического сыска, основанную на агентурной деятельности внутри подпольных организаций. Он стремился не вылавливать отдельных заговорщиков, а разложить и ликвидировать всю тайную организацию. Особым успехом Судейкина явилась вербовка активного народовольца, бывшего штабс-капитана С. Дегаева. С его помощью задача полностью покончить с «Народной волей» в значительной степени удалась. Дегаев к 1882 г. после массовых арестов стал вместе с В. Фигнер одним из ведущих деятелей организации. С его помощью были раскрыты динамитная мастерская «Народной воли» в Петербурге, ее подпольная типография в Одессе, проведены аресты народовольцев в 60 городах России, полностью ликвидирована военная организация «Народной воли». К середине 80-х гг. были выловлены и наказаны не только цареубийцы, но и большинство других активистов террора. 17 народовольческих процессов вынесли 74 смертных приговора [5;157].

Разгром партии «Народная воля» не означал полного прекращения народовольческого террора. В последующие годы возродились в различных районах страны заговорщические группы и кружки, объявлявшие себя последователями «первомартовцев». За 1882–1883 гг. удалось раскрыть 78 таких кружков. Замышлялись и осуществлялись опасные террористические акты. В 1883 г. в Петербурге был убит Г.П. Судейкин. В 1887 г. с помощью перлюстрации было раскрыто и предотвращено покушение

террористической группы П. Шевырева – А. Ульянова на императора Александра III. В 1890 г. в Париже польский эмигрант С. Падлевский убил инспектора Департамента полиции генерала Н.Д. Селиверстова. В 1895 г. был раскрыт террористический кружок в Москве под руководством студента И. Распутина, готовивший покушение на императора Николая II при его коронации [11;271].

Все это не позволяло ослаблять работу по пресечению деятельности особо опасных преступных групп и сообществ. Укреплению и развитию соответствующих служб, совершенствованию их деятельности служило «Положение об устройстве секретной полиции в империи» (декабрь 1883 г.). В нем обобщался опыт сыскной деятельности, высоко была оценена работа охранных отделений Петербурга и Москвы, рекомендовано создавать их в других крупных городах и наиболее криминогенных регионах. Инструкция Департамента полиции от 23 мая 1887 г. значительно расширила права и полномочия этих отделений, регламентировала их взаимодействие с жандармскими управлениями. В ней говорилось, что отделения учреждаются «для производства негласных и иных розысков и расследований по делам о государственных преступлениях в целях предупреждения и пресечения последних» [11;243]. Главное отличие охранных отделений от жандармских управлений состояло в том, что они осуществляли негласный агентурный розыск, а жандармские управления занимались официальными расследованиями и привлечением к ответственности.

Основой сыскной деятельности стала работа с секретными агентами в подпольных организациях. В циркуляре Департамента полиции розыскным отделениям указывалось: «Главным и единственным основанием политического розыска является внутренняя, совершенно секретная и постоянная агентура, и задача ее заключается в обследовании преступных революционных сообществ и уличении для привлечения судебным порядком членов их. Все остальные средства и силы розыскного органа являются лишь вспомогательными...» [10;283]. По воспоминаниям последнего директора Департамента полиции А.Т. Васильева, в 80-х гг. система охранительных органов России располагала более чем одной тысячей агентов внутреннего наблюдения, из них около 100 – в Петербурге [1;147].

В связи с участвовавшим применением террористами взрывчатых веществ, правительство издало ряд указов о мерах по ужесточению порядка хранения, использования и транспортировки взрывчатых веществ и компонентов для их изготовления. Положение о приготовлении и продаже азотной кислоты, принятое 7 августа 1882 г., Временные правила о частных складах взрывчатых веществ 25 июня 1882 г., торговлю азотной кислотой и ее реализацию ставили под контроль местной полицейской власти. Ужесточение начиналось с прохождения взрывчатых веществ через таможи. Особый контроль вводился за технологией работ с использованием взрывчатых веществ [5;71].

Аресты террористов в России вызвали их эмиграцию в европейские страны. Здесь формировались центры, велась издательская деятельность, закупалось и изготавливалось оружие, взрывные устройства, шла обработка общественного мнения Европы в защиту российских террористов. Это потребовало усиления российской заграничной агентуры, расширения контактов с зарубежными службами. Мир не знал тогда такой мощной и агрессивной политической эмиграции, какой стала российская эмиграция 1880-90-х гг. В противоборстве с ней российские спецслужбы шли неизведанными путями. Эмигранты пользовались сочувствием и помощью части европейской общественности. Это потребовало от сотрудников сыска за рубежом профессионализма, культуры общения, гибкости и дипломатической изворотливости. В 1883 г. Департамент полиции основал в Европе постоянную, секретную агентуру с центрами в Париже и Женеве, позднее в Берлине. Около 20 лет ею руководил генерал П.И. Рачковский. Выходец из обедневших дворян, он прошел в полицейско-сысжных органах школу под руководством Г.П. Судейкина и стал заметной фигурой российского сыска. Заграничная агентура следила за передвижениями эмигрантов-террористов, выявляла их планы, пути транспортировки оружия и литературы, распространяла информацию о политической жизни в России. Громким делом группы агентов Рачковского явилась ликвидация в ноябре 1886 г. типографии «Народной воли» в Женеве, за что Рачковского наградили орденом Св. Анны, участники акции получили вознаграждение. Укрепляя международное сотрудничество в борьбе с опасными видами преступности, правительство России в 1885 г. подписало двухстороннее соглашение

с Германией, Австро-Венгрией и Румынией о выдаче политических преступников, а с Испанией, Португалией, Нидерландами, Болгарией и Монако – договоры о выдаче лиц, причастных к царубийствам. Профессор полицейского права И.Е. Андреевский был командирован Департаментом полиции в Лондон, Париж, Берлин и Вену для ознакомления с постановкой борьбы с государственной преступностью. В 1898 г. представители России участвовали в международной конференции служб безопасности в Риме, резолюции которой предусматривали сотрудничество стран Европы в противодействии терроризму.

Совершенствуя розыскную деятельность в сочетании с уже сточением карательных мер, распространяя влияние на основные регионы страны и за ее пределы, российские правоохранительные органы сумели к концу 80-х гг. сбить волну политического терроризма, выловить и наказать его главарей. Единичные террористические акты и действия разрозненных групп уже не представляли серьезной опасности. Количество политических процессов заметно сократилось: за 4 года (1879–1882 гг.) по приговорам судов было казнено 30 террористов, за последующие 13 лет (1883–1895 гг.) – наполовину меньше [8:337].

Опыт борьбы с народовольческим терроризмом использовался в начале XX в. в противоборстве правоохранительных органов с террором эсеров, других партий и организаций. Это противоборство осложнялось общей обстановкой в стране, обусловленной русско-японской войной, нарастанием оппозиционного движения, событиями 1905–1907 гг. Политический террор этого периода отличался массовостью, организацией и технической оснащенностью.

В борьбу против терроризма наряду с жандармскими службами включались новые полицейские формирования – розыскные отделения при полицейских управлениях. Министр внутренних дел В.К. Плеве, назначенный в 1902 г. вместо убитого Д.С. Сипягина, уделял особое внимание развитию и укреплению отделений в столицах и на периферии, более четко определил их прерогативы. При нем отделения появились в основных губерниях империи. В августе 1902 г. издается «Положение о начальниках розыскных отделений», разграничившее компетенции жандармских управлений и розыскных отделений. Первые должны были заниматься дознанием по политическим преступлениям, а розы-

ские отделения осуществлять оперативно-розыскную деятельность по ним. Положение рекомендовало назначать начальниками розыскных отделений лучших офицеров корпуса жандармов, наделавшихся существенными правами и полномочиями. В качестве основных методов сыска указывалось использование внутренней агентуры и наружного наблюдения [4;187].

К концу 1902 г. розыскные отделения функционировали в 14 регионах страны. В 1903 г. их переименовали в охранные отделения, получившие в народе наименование «охранка». К руководству ими пришли молодые энергичные офицеры, зарекомендовавшие себя в жандармской службе. Средний их возраст был 36 лет, а средний стаж службы в корпусе жандармов – 8 лет. Все они закончили военные училища по первому разряду, почти все имели ордена. Служба в охранных отделениях поощрялась лучше, чем в армии или жандармских подразделениях. По словам директора Департамента полиции (1911–1914 гг.) С.П. Белецкого, «офицеры корпуса жандармов, несущие розыскную службу, не только обгоняли в чинах своих сверстников по службе в армии, но и товарищей по корпусу, служивших в учреждениях следственного характера, какими являлись губернские жандармские управления» [10;288].

В документах Департамента полиции рубежа веков отмечается как образцовое Московское охранные отделение, возглавляемое полковником С.В. Зубатовым, которого современники называли «гением сыска». Жандармский генерал П.П. Заварзин позднее отмечал, что «Зубатов первый поставил розыск в империи по образцу западноевропейскому» [11;243]. Начальник Особого отдела Департамента полиции Л.А. Ратаев объяснял успехи отделения «удачным подбором секретной агентуры и правильно организованным наружным наблюдением» [10;244]. При отделении работали школа агентов наружного наблюдения и летучий отряд филёров. Сфера деятельности Московского охранные отделения распространялась за пределы региона. За предотвращение покушения на царя Николая II Зубатова наградили орденом Св. Владимира. В 1902 г. В.К. Плеве назначил Зубатова начальником Особого отдела Департамента полиции, подчинив ему охранные отделения империи. Сюда перешли также некоторые сослуживцы Зубатова и опытные работники сыска. Некоторые воспитанники Зубатова возглавили охранные отделения

в Москве (ротмистр В.В. Ратко), в Киеве (полковник А.И. Спиридович), в Варшаве (ротмистр А.Г. Петерсен). Ротмистр В.А. Герарди стал помощником начальника Сибирского охранного отделения, а с 1905 г. – начальником дворцовой полиции. Так опыт московского сыска переносился в другие регионы. Вместе с видными деятелями политического сыска Зубатов внедрял в эту систему профессионализм, учет менталитета российского общества, психологии людей преступного мира.

Все отмеченное выше позволило в начале XX в. покончить с остатками народовольческого террора, нанести чувствительные удары по терроризму новой волны. Так, в Томске в 1901 г. была раскрыта первая эсеровская типография и арестованы активисты партии. В 1902 г. в Ярославле арестован руководитель «Северного союза» эсеров А. Аргунов. В Киеве охранному отделению под руководством А.И. Спиридовича удалось обезвредить основных эсеровских террористов, а к 1903 г. здесь были арестованы руководители их Боевой организации – Г. Гершуни, П. Крафт и М. Мельников. К руководству Боевой организацией эсеров пришел агент Департамента полиции Е. Азеф [6;27].

Успехи не удалось развить, и революционные 1905–1907 гг. правоохранительные службы встретили в значительной степени ослабленными. Сказались просчеты и недооценка нарастающей опасности, непоследовательность властных структур, серьезные потери. Особенно тяжело в этом отношении сказались трагическая гибель министра В.К. Плеве. Начальник Петербургского охранного отделения А.В. Герасимов писал: «Террористический акт 15 июля 1904 г. лишил империю крупного вождя, человека, слишком самонадеянного, но сильного, властного, державшего в своих руках все нити политики» [2;231]. Это же отмечал сенатор А.Н. Хвостов: «Никакая страна не напасется способных людей, если их будут убивать. Убиты Сипягин, Бобриков, Плеве, а ведь это крупные фигуры, не пешки... Один Плеве чего стоит! Его смерть хуже Цусимы, при нем и Цусимы не было бы» [2;232].

Поскольку первейшей мишенью террористов были работники полиции и жандармерии различного ранга, их потери нарастали. По материалам Государственной Думы с октября 1905 г. по апрель 1906 г. террористами были убиты и ранены более 670 работников системы МВД. Охранительные органы теряли людей, нередко испытывали трудности в подборе работников. По словам

С.Ю Витте, «перспектива получить бомбу или пулю никого не прельщала быть министром» [2;247]. Не у всех работников в такой атмосфере хватало мужества с полной отдачей вести анти-террористическую борьбу.

Вступив в 1906 г. на пост Министра внутренних дел, а потом Председателя Совета Министров, П.А. Столыпин принимал решительные меры по оздоровлению обстановки и пресечению терроризма. В апреле 1906 г. он сформулировал программу деятельности правоохранительных органов: укрепление охранных отделений, устранение дублирования и трений их с жандармскими управлениями, дифференцированный подход к революционным партиям, организациям, социальным слоям общества, более широкое внедрение современных средств и методов сыскной деятельности.

14 декабря 1906 г. Столыпин утверждает специальное «Положение о Районных охранных отделениях». Создавались они в «целях успешной борьбы с революционным движением, выражающимся в целом ряде непрерывно продолжающихся террористических актов, аграрных беспорядков, усиленной пропаганды среди крестьян, в войсках и во флоте».

Первоначально было создано 8 РОО:

1. Северное – Петербург (губернии – Петербургская, Лифляндская, Псковская, Эстляндская, Новгородская, Олонецкая).

2. Центральное – Москва (губернии – Московская, Тверская, Ярославская, Вологодская, Архангельская, Костромская, Калужская, Тульская, Орловская, Владимирская, Рязанская, Нижний Новгород, в 1909 г. присоединилась Смоленская губ.).

3. Поволжское – Самара (губернии – Самарская, Пермская, Вятская, Казанская, Сибирская, Уфимская, Саратовская, Оренбургская, Астраханская, Пензенская, Уральская обл.).

4. Юго-Восточное – Харьков (губернии – Харьковская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Донская обл., Черноморская обл., Екатеринославская губ.).

5. Юго-Западное – Киев (губернии – Киевская, Черниговская, Полтавская, Подольская, Волынская).

6. Южное – Одесса (губернии – Херсонская, Таврическая, Бессарабская и все побережье Черного моря).

7. Северо-Западное – Вильно (губернии – Вильненская, Ковенская, Гродненская, Могилевская, Минская, Витебская, Смоленская).

8. Прибалтийское – (Рига, Лифляндия, Курляндия). Позднее были учреждены Туркестанское, Кавказское, Примисленское, Пермское, Севастопольское, Сибирское (из которого впоследствии было создано Восточно-Сибирское с центром в Иркутске и Западно-Сибирское с центром в Томске).

Сферой их деятельности стали округа, объединяющие несколько губерний. Районные охранные отделения призваны были обобщать поступающую с мест информацию о государственных преступлениях, дополнять ее за счет своей агентурной деятельности и определять стратегические направления розыска в пределах округов и губерний.

22 февраля 1914 г. все РОО были упразднены, остались лишь: Туркестанское, Кавказское, Восточносибирское. 19 июля 1914 г. были ликвидированы Кавказское и Восточно-Сибирское РОО 73. Остальные действовали до 1917 г.[8;122].

9 февраля 1907 г. Столыпин утвердил «Положение об охранных отделениях», уточнившие правовые основы их функционирования, структуру построения и подчинения, сферу и принципы деятельности. С каждым годом число охранных отделений увеличивалось, в феврале 1907 г. их функционировало уже 25, в декабре было 27. Созданы были Красноярское, Иркутское, Рижское охранные отделения. Но и этого оказывалось недостаточно. Под руководством Департамента полиции в 1906 – 1907 гг. проводится работа по созданию новых охранных отделений, розыскных частей, расширяется вся сеть учреждений политического розыска.

Главным мерилom успешной деятельности этих отделений, указывалось в документе, будет «не количество произведенных ими ликвидаций, а число предупрежденных преступлений и процентное отношение обысканных лиц к количеству тех из них, которые подверглись судебной каре» [2;273]. Больше внимания стало уделяться профессиональной подготовке сотрудников политического сыска. В Царском селе были открыты курсы, проводились занятия и в охранных отделениях. [10; 304].

В связи с упразднением в конце 1907 г. унтер-офицерских жандармских пунктов (за исключением тех, что находились

на пограничной полосе) из жандармских унтер-офицеров были сформированы филерские отряды и число филеров в 1907—1908 гг. возросло.

Наибольшее число филеров было в столицах и городах с рабочим населением и студенчеством: в Баку – 12 человек, Вильно – 15, Екатеринославе – 15, Енисейском охранном отделении – 12, Иркутском – 30, Киевском – 25, Лифлянд-Минском – 12, Нижегородском. – 12, Одесском – 15, Пермском – 12, Саратовском – 15, Тифлис-Томском – 20, Финляндском – 20, Харьковском – 15, Эстляндском – 16 [8;177].

В борьбе с политическим терроризмом Столыпин опирался на ветеранов сыскной службы (Л.А. Рачковский, А.А. Макаров, Д.Ф. Трепов, П.П. Дурново) и на новое поколение работников охранительных органов (М.И. Трусевич, А.В. Герасимов, П.Г. Курлов, А.И. Спиридович, А.А. Красильников и др.). Заметный след в политическом сыске оставил генерал А.В. Герасимов, который в 1905–1909 гг. возглавлял Петербургское охранное отделение. Службу здесь он начал с обновления секретной агентуры, доведя ее до 150 человек. С помощью Николая Татарова удалось выйти на след террористки П. Ивановской и вместе с ней арестовать группу в 20 человек. Благодаря ему был расстроен и эсеровский план убийства царя Т. Леонтьевой.

Неоценимые услуги оказал правоохранительным органам Е. Азеф. А.В. Герасимов вспоминал: «Азеф оказался моим лучшим сотрудником в течение ряда лет. С его помощью мне удалось в значительной степени парализовать деятельность террористов» [6;98]. В 1905–1908 гг. с помощью Азефа были предотвращены покушения на московского генерал-губернатора П.П. Дурново, губернаторов нижегородского, бакинского и иркутского. В 1908 г. была обезврежена большая группа активных террористов (Л. Синегуб, В. Лебединцев, А. Распутина и др.), готовивших покушение на великого князя Николая Николаевича и министра И.Г. Щегловитова. Благодаря Азефу в 1905–1908 гг. предотвращены взрыв здания Государственного Совета и два покушения на Николая II.

Внимания охранительных органов требовала агентура за рубежом. Сюда из России направлялись проверенные агенты сыска, шла вербовка местных лиц, главным образом, журналистов и полицейских. В 1905–1909 гг. руководство заграничной аген-

туры осуществлял А. Гартинг до этого возглавлявший тайную агентуру в Германии. Под руководством Гартинга работали агенты Я. Житомирский, З. Жученко, Синьковский, Б. Каплун, М. Русинов и др. Благодаря Житомирскому, которому доверял Ленин, в 1907 г. в Берлине арестовали активного большевистского террориста С. Тер-Петросяна (Камо), возглавлявшего ограбление Тифлисского банка. Агентура Гартинга способствовала срыву транспортировки в Россию оружия и взрывчатки [6;102].

В инструкциях Департамента полиции охранительным органам ставилась задача подбора секретных агентов, эффективного их использования, их охраны и поощрения. За период деятельности А.А. Лопухина на посту начальника Департамента полиции (май 1902 – февраль 1905 гг.) на развитие внутренней агентуры было израсходовано около 5 млн. рублей. Архивные данные позволяют уточнить число секретных агентов за 1880–1917 гг. – примерно 10 тыс. [3;67].

Решительные меры правительства наряду с совершенствованием деятельности сыскных служб позволили к 1909 г. сбить волну массового терроризма, выловить и наказать наиболее опасных боевиков. Об этом говорит заметный спад эсеровского террора. Если в 1906 г. ими совершено 74 теракта, в 1907 г. – 57, то в 1908 г. лишь 3, а в 1909 г. – 2.

В период нового революционного подъема вопросы политического сыска, методы работы постоянно находились в поле зрения Министерства внутренних дел, Департамента полиции, периодически обсуждались, рассматривались на специально созванном совещании в конце 1912 г. Однако должной отдачи не было. Революционные организации, нелегальные профсоюзы и другие массовые организации смогли противопоставить сыскной деятельности не только возросший опыт борьбы и конспирации, но и растущую поддержку населения. Органы сыска, напротив, попадали во все более враждебное окружение, и не случайно в них самих стали распространяться упаднические, пессимистические настроения, стало все труднее вербовать новых людей и удерживать старые кадры.

Таким образом, несмотря на антитеррористическую политику российского правительства, революционный экстремизм не удалось нейтрализовать полностью. На все действия самодержавной

власти, направленные против революционеров, они отвечали новыми терактами.

Тем не менее, к 1917 г. в России насчитывалось 75 губернских и областных жандармских управлений, 33 жандармско-полицейских управления железных дорог, в состав которых входило 322 жандармских отделения: 3 дивизиона, 1 конная жандармская команда, 2 пеших жандармских команды, 2 портовых и 21 крепостная жандармская команда. Общая численность Жандармского корпуса на октябрь 1916 г. достигала 14667 человек. По списку проходило 8 генералов и 28 генерал-лейтенантов [8;358].

После революции 1917 г. большевики, пришедшие к власти, использовали опыт предшествующих структур при создании советских органов государственной безопасности.

Примечания

1. Барабанова, А.И., Ямщикова, Е.А. Народовольцы в Петербурге [Текст] / А.И. Барабанова, Е.А. Ямщикова. – Л.: Лениздат, 1984. – С. 223.
2. Будницкий, О.В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях [Текст] / О.В. Будницкий. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – С. 570.
3. Гейфман, А. Революционный террор в России, 1894 – 1917 [Текст] / А. Гейфман; пер. с англ. Е. Дорман. – М.: КРОН – ПРЕСС, 1997. – 448 с.
4. Городницкий, Р.А., Канн, Г.С. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый [Текст] / Р.А. Городницкий // Отечественная история. – 1994. – № 6. – С. 185 – 188.
5. Лонге, Ж., Зильбер, Г. Террористы и охранка [Текст] / Ж. Лонге, Г. Зильбер. – М.: Современная Россия, 1991. – С. 342.
6. Николаевский, Б.И. История одного предателя [Текст] / Б.И. Николаевский. – М.: Политиздат, 1991. – 384 с.
7. Оржеховский, И.В. Самодержавие против революционной России 1826 – 1880 гг. [Текст] / И.В. Оржеховский. – М.: Мысль, 1982. – С. 475.
8. Перегудова З. И. Политический сыск России (1880 – 1917) / З. И. Перегудова; Гос. Архив Рос. Федерации. – М.: РОСПЭН, 2000. – 431 с. ; То же [Электронный ресурс].- URL: <http://www.pseudology.org/Sysk/Peregudova/index.htm> (14.10.09).
9. Революционеры 1870-х гг. [Текст]: Воспоминания участников народного движения. / Сост. В.Н. Гинеев; науч. ред. С.С. Волк. – Л.: Лениздат, 1986. – С. 439.

10. Троицкий Н.А. Безумство храбрых: русские революционеры и карательная политика царизма [Текст] / Н.А. Троицкий. – М.: Мысль, 1978. – С. 335.
11. Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности 1866 – 1895 гг. [Текст] / Н.А. Троицкий. – М.: Мысль, 1979. – С. 420.
12. Троицкий, Н. А. Как и кого защищали народники? Друзья народа или бесы? [Текст] / Н.А. Троицкий // Родина. – 1996. – № 2. – С. 69–70.
13. Щербакова, Е. Отщепенцы: социально – психологические истоки русского терроризма [Текст] / Е. Щербакова // Свободная мысль. – 2001. – № 1. – С. 88–100.

Вопросы истории политической и уголовной каторги в Сибири в дореволюционный период

Дамешек Л.М., Филатов А.В.

Содержание, правовое и материальное положение заключенных каторжных тюрем Восточной Сибири

Режим мест заключения играл особую роль в исполнении наказания. Правовое положение каторжников в местах отбывания наказания регулировалось соответствующими законодательными актами самодержавия, важнейшими из которых были Устав о ссыльных (редакции 1822, 1890 и 1906 гг.), Устав о содержании под стражей, Положение о полицейском надзоре и Общая тюремная инструкция. Следует, однако, учитывать, что на протяжении всего периода существования каторги в качестве дополнения к выше названным нормативным документам правительством были изданы различные инструкции и циркуляры, которые, подчас, существенно корректировали правовое положение арестантов. Типичным примером такого рода подзаконных актов были циркуляры Главного тюремного управления, разъясняющие правила работы тюремной администрации¹.

Кроме этого, в каждой каторжной тюрьме тюремная администрация нередко устанавливала свои порядки, которые в немалой степени влияли на условия содержания заключенных. Следует также учитывать, что каторжный режим в основных местах отбывания этого наказания на протяжении всего изучае-

¹ Типичным примером такого рода документов являются инструкции медицинским чинам и служителям больницы Александровской центральной каторжной тюрьмы Иркутской губернии. См.: ГАИО. Ф. 25. Оп 6. Д. 4731.

мого периода не оставался неизменным. Несомненное влияние на него оказывали и определенные местные условия. К примеру, в Забайкалье механизм Нерчинской каторги был приспособлен, прежде всего к выполнению горно-хозяйственных функций. Каторжане-уголовники в первой половине XIX века жили довольно свободно и находились лишь под присмотром. Как правило, в тюрьму заключались только лица, совершившие побег. В тоже время условия отбывания каторги на Александровском винокуренном заводе Иркутской губернии были несравненно более жесткими. Что же касается отбывания каторги «государственными преступниками» – декабристами, то в данном случае правительством была разработана совершенно иная система, которая неоднократно анализировалась исследователями. На наш взгляд, наиболее обстоятельную историко-юридическую трактовку этого вопроса дал С.В. Кодан¹. На режим отбывания каторги несомненное влияние оказывал и общий политический климат в стране. В связи с усилением оппозиционного движения в империи, начиная с 50-х годов XIX века, правительство предпринимает комплекс мер по более жесткой регламентации условий отбывания каторги.

В соответствии с Уставом о содержании под стражей (ст. 407) и Уставом о ссыльных (ст. 84 редакции 1909 г.), все каторжане подлежали делению на три разряда. К первому были отнесены бессрочные каторжане, которых следовало содержать в «ручных и ножных оковах» (ст. 94). Не являлись исключением и женщины, осужденные по первому разряду. Единственным отличием для женщин-каторжанок были более легкие ножные и ручные оковы. «Женщины, осужденные к каторжным работам без срока, также содержатся в оковах ножных и ручных, но менее тяжелых», – говорилось в ст. 94 Устава о ссыльных. Каторжан второго и третьего разряда предписывалось содержать лишь в ножных кандалах. Снятие последних разрешалось только во время «производства работ», «тяжких и изнурительных болезнях», но и то «по усмотрению и с разрешения... тюремного начальства» (ст. 95).

Для всех категорий каторжан срок отбывания каторги делился на три части: испытуемый, исправляющийся и льготный. Устав о ссыльных устанавливал сроки испытания в зависимости от

¹ Кодан С.В. Сибирская ссылка декабристов. (Историко-юридическое исследование). – Иркутск, 1983.

разряда каторжанина. Так, например, срок испытания для бессрочных каторжников исчислялся в 8 лет; для лиц, осужденных на срок свыше 20 лет, испытательный срок ограничивался пятью годами. Более дробной была градация испытательного срока для каторжан второго разряда. Для осужденных на срок от 15 до 20 лет испытательный срок устанавливался в 4 года, осужденных на срок от 12 до 15 лет – 2 года и на срок от 8 до 10 лет – 1,5 года. Для каторжан третьего разряда градация испытательного срока была следующей: у осужденных на срок от 6 до 8 лет – 1,5 года, на срок от 4 до 6 лет – 1 год. После истечения испытательного срока каторжанин переводился в разряд исправляющихся. Это давало ему возможность жить вне тюрьмы и вступать в брак. (Ст. 90 Устава 1909 г.).

Царское законодательство жестко регламентировало и остальные стороны каторжного быта. Статья 85 Устава о ссыльных 1909 г. устанавливала порядок распределения каторжан по камерам в местах отбывания наказания в соответствии с полом, возрастом, правами состояния и тяжестью преступления. «При размещении каторжных, – говорилось в ней, – местные начальства должны наблюдать, чтобы, сверх разделения на мужскую и женскую половины, каторжные по возможности разделялись еще и по степеням присужденного им наказания...». Устав о ссыльных предусматривал отдельное от общей массы заключенных содержание лиц привилегированных сословий. Однако, это требование закона соблюдалось далеко не всегда в силу элементарной нехватки тюремных помещений. По этой же причине невозможно было обеспечить отдельное содержание малолетних осужденных и рецидивистов. Подтверждение вышесказанному находим в записках чиновника особых поручений Министерства юстиции Д.А. Дриля. Этот высокопоставленный служащий в 1896 г. лично посетил ряд каторжных тюрем Азиатской части империи и оставил об этом интересные зарисовки, касающиеся тюремного распорядка, порядка содержания каторжников, организации работ и питания, порядка распределения по камерам. Последние, по описанию Дриля, мало соответствовали правительственным распоряжениям.

Основной причиной такого положения, по мнению чиновника, была нехватка мест в каторжных тюрьмах. Поэтому ни о каком

раздельном содержании не могло быть и речи. «Распределение арестантов по камерам» осуществлялось по «чисто внешним, случайным признакам», – замечает Дриль. Сапожники селились с сапожниками, портные с портными и т.д. Вполне естественно, что «это разнообразное население камеры» не только постоянно общалось, контактировало друг с другом, но и оказывало взаимное влияние «друг на друга»¹. Имели место случаи, когда в камерах вместе с матерями содержались и их малолетние дети. Это особенно было характерно для уголовников. Если политические заключенные, как правило, занимались только самообслуживанием, то женщины, осужденные за уголовные преступления, «целый день выполняли тюремные уроки, вязали варежки и шили рубахи на мужские тюрьмы, сучили пряжу на казну, выполняли работы за оградой тюрьмы, стряпали на всю тюрьму и т.д.». Дети у них рождались «как грибы, и матери, зачастую, не знали кто их отцы». Эти «несчастные дети рано узнавали изнанку жизни»².

Обычно прием вновь прибывшей партии каторжан начинался с распределения заключенных в специальные камеры для выдерживания карантина и осмотра врачом. Обязательной была процедура мытья в бане. Необходимость соблюдения подобных санитарных требований предусматривалась инструкциями Главного тюремного управления и местной администрации. Только после этого тюремная администрация приступала к сортировке и распределению осужденных по камерам.

Основным документом осужденного в период отбывания им каторжного наказания в соответствии с 37 ст. Устава о ссыльных становился статейный список. Впервые составление подобных списков было предусмотрено авторами реформы сибирской ссылки М.М. Сперанским и Г.С. Батеньковым еще в 1822 г. Все последующие нормативные акты, регламентирующие вопросы отбывания каторжного наказания, подтверждали это требование³. Именно поэтому статейные списки сохранились на протя-

¹ Дриль Д.А. Ссылка и каторга в России. Из личных наблюдений во время поездки в Приамурский край и Сибирь. – СПб., 1898. – С. 13.

² Ф. Радзивиловская и Л. Орестова. Мальцевская женская каторга 1907-1911 гг. // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. Книга 57-58. – М., 1929. – С. 134-135.

³ ПСЗ-1. № 29125, 29128; Россия. Главное тюремное управление. Сборник циркуляров, изданных по главному тюремному управлению в

жении всего исследуемого периода¹ и являются важным источником по истории сибирской ссылки.

В соответствии с требованиями, документ содержал сведения о возрасте, причине, форме и месте отбывания наказания, социальной принадлежности арестанта, вероисповедании. Последнее не являлось простой формальностью. В связи с усилением оппозиционного движения в империи во второй половине XIX в. среди его участников нередко встречаются лица отнюдь не славянского происхождения и не православного вероисповедания. Именно поэтому в вопросах религиозных Устав стоял на позициях веротерпимости. В соответствии с циркулярами Главного тюремного управления православные заключенные были обязаны посещать тюремные церкви и содержаться отдельно от заключенных других вероисповеданий². Местному тюремному начальству предписывалось «принимать возможные по местным обстоятельства меры» для отправления последними своих религиозных потребностей (ст. 86). Для приготовления к исповеди, Устав о ссыльных предусматривал возможность освобождения каторжан от работы на срок до трех дней (ст. 86).

Во второй половине XIX века в составлении статейных списков произошли некоторые изменения. Технический прогресс позволил помещать в статейные списки фотографию осужденного. Последнему обстоятельству Главное тюремное управление придавало особенное значение. По мнению статс-секретаря Каханова, нечеткое словесное описание внешности преступника в статейных списках «облегчало возможность побегов». Именно поэтому Главное тюремное управление не только рекомендовало производить «сличение натуральных примет с приметами, обозначенными в статейных списках», но и дополнять последние

1879-1910 гг. Ч.1, 2. – СПб., 1911.

¹ Кудрявцев Ф.А. Участники народных движений первой половины 19 в. на каторге. //Ссыльные революционеры в Сибири (19 в. – февраль 1917 г.). Иркутск, 1974. – С.10; Хизиахметов Э.Ш. Массовые источники по истории сибирской политической ссылки 1905-1917 гг. // Политическая ссылка в Сибири. 19 – начала 20 вв. Историография и источники. – Новосибирск, 1985. – С. 153; Сборник циркуляров... Циркуляр от 20 декабря 1879 г. № 5145.

² ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. к. 502. Д. 2960. С. 12.

«фотографическими карточками»¹. Это требование повторялось неоднократно². Расширение социального состава участников революционного движения, вовлечение в его ряды представителей национальных окраин (поляков, грузин и др.) повлекли за собой необходимость внесения в указанные документы сведений о родном языке, месте, форме и степени преступления, приговоре суда³.

При каждой каторжной тюрьме на всех заключенных заводилось личное дело, которое включало в себя специальную книгу сроков отбывания наказания и все необходимые сведения об арестанте. Из личных вещей заключенным разрешалось иметь только обручальное кольцо и предметы религиозного культа (образок, нательный крест для православных и католиков и т. д.)⁴.

Как уже отмечалось, правовое положение каторжников в период отбывания наказания определялось инструкциями центральных учреждений и ведомств империи, а подчас и личными указаниями монарха, как это было в случае с декабристами. На основе этих нормативных документов начальники каторжных тюрем разрабатывали собственные инструкции. Одним из наиболее значимых документов такого рода был распорядок дня арестанта, установленный «Общей тюремной инструкцией»⁵. В соответствии с требованиями инструкции, день арестанта начинался в 6 часов утра с проверки по камерам. После этого следовал утренний туалет, а затем «поочередно небольшими партиями» заключенных выпускали «в отхожие места». Утренний чай с ржаным хлебом пили в 8 часов утра, после чего каторжан вводили на работу. Свободные от работы возвращались в камеры и до утренней прогулки занимались своими делами. Расписание прогулок составлялось непосредственно тюремной администрацией с таким расчетом, чтобы все заключенные могли пользоваться ими ежедневно в пределах от 10 минут до получаса. Последнее требование соблюдалось далеко не всегда. В Горном Зерентуе, к примеру, имели место случаи, когда заключенные выходили на

¹ Сборник циркуляров ... Циркуляры от 8 октября 1880 г. № 459; 24 июня 1887 г. № 12 и др.

² Там же. Циркуляр от 17 октября 1886 г. № 1199.

³ Хазиахметов Э.Ш. Указ соч. – С. 153.

⁴ Сборник циркуляров... Циркуляр от 9 декабря 1881 г. № 1371.

⁵ Общая тюремная инструкция. – СПб., 1912.

прогулку один-два раза в неделю на 10-15 минут¹. Обед начинался в 12 часов, ужин – в 6 часов вечера, затем следовала уборка камер, после которой непосредственно в камеры приносили кипяток. По окончании вечерней поверки и предусматриваемого инструкциями ежедневного обыска, в 9 часов арестанты ложились спать. «Общая тюремная инструкция» на сон отводила арестантам от 7 до 8 часов в сутки².

Состояние медицинского обслуживания каторжников в Восточной Сибири, как и в империи в целом, было явно неудовлетворительное. Это было связано с переполнением тюрем, плохим их обустройством, низкокалорийным питанием, плохим состоянием системы медицинского обслуживания осужденных, нехваткой денежных средств. Например, в Зерентуйской тюрьме больные отправлялись в лазарет только по вторникам, четвергам и субботам. Как правило, в тюремных лазаретах не хватало медицинского персонала и элементарных медикаментов. В 80-х годах XIX века на всю территорию Нерчинской каторги, разбросанной на сотни километров, по штатному расписанию полагался лишь один врач. Дабы скрыть вопиющие недостатки по медицинской части, тюремная администрация нередко пыталась фальсифицировать истинное положение дел. Так в 1864 г. местное начальство Нерчинской каторги в официальном отчете сообщало, что только для политических заключенных в лазаретах подготовлено 120 мест. Однако проверка этой информации медицинскими чиновниками выявила совершенно иную картину – в тюремных лазаретах вместо 120 можно было разместить лишь 20 человек.

Нехватка мест в тюремных лазаретах приводила к тому, что нередко больные заключенные подолгу находились в общих камерах со здоровыми людьми. Подобная порочная практика приводила к распространению в тюрьмах простудных и инфекционных заболеваний: катару дыхательных путей, воспалению легких, туберкулезу и др. Условия каторги особенно тяжело сказывались на здоровье женщин. Из 32 политических каторжанок, содержащихся на Нерчинской каторге в 1880-х гг., 6 человек погибли от чахотки, 3 страдали психическим расстройством,

¹ Там же. Ст. 149. И. Страдубцев. Горный Зерентуй последних лет // Нерчинская каторга. Сборник Нерчинского землячества. – М., 1933. – С. 176.

² Там же. Ст. 156.

4 женщины покончили жизнь самоубийством. В Мальцевской женской тюрьме имел место «случай, когда целая камера болела инфлюенцией абсолютно без какой-либо медицинской помощи». О крайне низком состоянии медицинского обслуживания заключенных-женщин свидетельствуют такие факты, что местный «ротный» врач «при выдергивании зуба» одной из заключенных «вырвал часть десны», а другую «залечил от ревматизма», выписывая ей лекарства такими дозами, что она после приема этих снадобий «впадала в обморочное состояние»¹.

Приведенные факты не означают, что государство полностью сняло с себя заботу о здоровье каторжников. Опубликованные и архивные источники доносят до нас сведения о распоряжениях Главного тюремного управления, иных ведомств, направленных на соблюдение требований санитарии и гигиены в местах отбывания наказания. Например, 2 мая 1880 г. Главное тюремное управление империи разослало циркуляр губернаторам, в котором обращало внимание последних на порочную практику пересылки больных арестантов из одной тюрьмы в другую, что зачастую приводило к гибели людей. В этом же документе чиновникам тюремной администрации указывалось на недопустимость совместного содержания больных и здоровых арестантов².

Подобные документы, имеющие рекомендательный характер, не были редкостью. Особенно отчетливо это проявилось в 1910 г., когда обеспокоенное распространением туберкулеза в местах лишения свободы, тюремное ведомство высказало пожелание, не отправлять осужденных на этапы при температуре 18 градусов ниже нуля. Будучи хорошо осведомленным о неудовлетворительном состоянии жилищ карцеров, главное тюремное начальство советовало помещать туда арестантов с крайней осторожностью и с разрешения врача³. В Восточной Сибири в организации медицинского обслуживания от тюрем Нерчинской каторги выгодно отличался Александровский централ. В конце 1880-х – начале 90-х гг. не-

¹ Мошкина З.В. Нерчинская политическая каторга. Вторая половина XIX в. – Чита, 1998. – С. 33-35; Ф. Радзивиловская и Л. Орестова. Мальцевская женская каторга 1907-1911 гг. // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. Книга 57-58. – М., 1929. – С. 122.

² Обзор Иркутской губернии за 1886 г. – Иркутск, 1887. – С. 33.

³ Сборник циркуляров, изданных по главному тюремному управлению в 1879-1910 гг. Ч. 2. – СПб., 1911.

далеко от главного тюремного здания была построена больница, специально предназначенная для обслуживания больных арестантов Александровского каторжного централа, Александровской пересыльной тюрьмы, охранной и конвойных команд этих тюрем. К 1909 г. там был создан целый больничный городок, состоящий из 7 барачков, рассчитанных на 130 коек. Тюремные больницы представляли собой добротные одноэтажные строения с печным отоплением. В темное время суток помещения изнутри освещались керосиновыми лампами. Кроме того, в больничный комплекс Александровского централа входили аптека и родильный дом, услугами которого бесплатно пользовались члены семей арестантов и конвойных команд. Каждое здание тюремной больницы имело определенное предназначение. Два барака предназначались для содержания арестантов мужчин, один – для арестантов-женщин. Конвойные чины военных команд содержались в бараке № 3, душевнобольные – в бараке № 4, страдающие туберкулезом – в бараке № 7. Не случайно на прибывавших в Сибирь ревизоров Министерства юстиции и Главного тюремного управления Александровский централ производил «чрезвычайно благоприятное впечатление»¹.

Организация тюремного быта и здоровье каторжников были одними из наиболее острых проблем, требующих постоянного внимания начальства, а зачастую и принятия неотложных мер. При этом важная роль в обеспечении здоровья осужденных принадлежала организации питания.

На протяжении первой половины XIX столетия центральными ведомствами империи организация питания каторжников никак не регламентировалась и была полностью отдана на усмотрение местных властей. Подобный подход объясняется общей правительственной политикой, направленной на жесткую экономию бюджетных средств, выделяемых на содержание арестантов империи в целом. Со второй половины столетия, в связи

¹ Быкова Н.Н. История возникновения Александровской каторги и строительства тюремного комплекса. // Сибирская ссылка. Сборник научных статей. – Иркутск, 2000. Вып. 13. – С. 194; Извлечение из отчета чиновника особых поручений при Министерстве юстиции, магистра уголовного права Д.А. Дриля по командировке в 1898 году. // Каторга и ссылка на остров Сахалин, в Приамурский край и в Сибирь. – СПб., 1898. – С. 23.

с увеличением числа осужденных, появляются первые правительственные циркуляры, устанавливающие нормы и правила организации питания каторжников. Следует отметить, что бюджетные ассигнования, выделяемые на эти цели, не оставались неизменными. Планируя расходы на питание, тюремное ведомство империи даже пыталось учитывать инфляцию¹. Наблюдение за динамикой денежных сумм, выделяемых на содержание каторжников, приводит к курьезным выводам. Парадоксально, но факт, что в связи с началом тюремной реформы расходы на питание были уменьшены на 11, а на изготовление одежды – на 12 процентов.

В первое пореформенное десятилетие, в 60-70-е гг. в месяц на одного заключенного полагалось 1 пуд и 32 фунта ржаной муки (примерно 29 кг.), 7 фунтов гречневой или ячменной крупы (2,8 кг), соль и немного сливочного масла². В июле 1871 г. правительство утвердило Положение о провиантском снабжении войск, которое распространялось и на каторжников. Отныне одному каторжнику полагалось в день 928 граммов муки, 68 граммов крупы и 171 грамм мяса. На приобретение приварочных продуктов – капуста, соль и т.д. – из казны на каждого заключенного выделялась сумма из расчета 3 руб. 5 коп. в день³.

В 1880-е годы, как уже отмечалось, бюджетные расходы на питание каторжников были сокращены. По вновь установленным правительственным нормам на одного заключенного полагалось в год 20 пудов яичной крупы (около 20 кг. в месяц), по 1 пуду крупы ячменной или гречневой (1,3 кг. в день), 3 пуда мяса в год (4 кг. в месяц), и 3 рубля на остальные⁴ продукты. Чай и сахар каторжникам не полагались. В соответствии с действующими тюремными инструкциями заключенные могли улучшить свое питание за счет средств, присылаемых из дома. Такие средства поступали на счет тюремной администрации и по желанию арестантов в тюремной лавке на них можно было купить «молоко, масло, белый хлеб, колбасу, сахар, рыбу, махорку, бумагу

¹ Сборник циркуляров... Циркуляр от 15 декабря 1880 г. № 10887.

² Мошкина З.В. Указ соч. – С. 36.

³ Лучинский Н. Тюрьма в России по последним официальным данным. //Тюремный вестник. – 1906. – № 4. – С. 280-283.

⁴ Мошкина З.В. Указ соч. – С. 36-37.

папиросную и писчую, карандаши и тетрадки»¹. В летнее время в качестве дополнения к тюремному рациону служили овощи, выращиваемые заключенными на подсобных участках. Как правило, такие небольшие огородики располагались недалеко от тюремных помещений и служили не только источником дополнительного питания, но и местом отдыха заключенных. Кроме того, при условии примерного поведения разрешались съестные посылки от родственников.

В начале XX века новыми нормативными документами: «Уставом о содержании под стражей» 1908 г и циркуляром Главного тюремного управления 1912 г. были установлены новые суточными нормы питания арестантов. Вводится специальная «пищевая табель», единая для всех арестантов и рассчитанная на основе требований содержания белков, жиров и углеводов. Согласно «табели», горячая пища полагалась каторжникам два раза в день – в обед и вечером. Обед, как правило, состоял из овощной похлебки, ужин – из гречневой или овощной каши. Заключенные, находившиеся на работах, получали усиленное питание. Представление о нормах усиленного и обычного питания, выделяемых в день на одного заключенного, дают следующие цифры: обыкновенный паек – мяса 170, 64 гр., хлеба ржаного – 1023 гр., крупы гречневой – 25, 6 гр., пшеничной муки – 8,5 гр. Усиленный паек предусматривал выделение в день: мяса – 409 гр., хлеба ржаного – 1636 гр., крупы гречневой – 64 грамма².

Все продукты в каторжные тюрьмы Восточной Сибири поставлялись подрядчиками. Обычно торги на поставки проводились Иркутским губернским и Забайкальским областными правлениями. После окончания торгов с их победителями заключались контракты. В Забайкальской области среди наиболее активных поставщиков следует отметить купцов Разгильдеева, Лопатина и др. Александровский централ Иркутской губернии продуктами снабжали торговые дома купцов И.М. Горбунова, П.И. Гусева, К.М. Вимсона³. Это, однако, не означало решение всех проблем, связанных с организацией

¹ ГАИО. ф. р. 1406, оп. 3, д. 214. л. 154.

² Арестантские работы в Иркутской губернии в 1911 г. //Тюремный вестник. – 1912. – № 3. – С. 6.

³ ГАИО, ф. 25, оп. 6. К. 577. д. 4543. л. 178.; Ф. 226, оп.1. д.297. л. 25-44.

питания каторжников. Сами каторжане в своих воспоминаниях не раз отмечали низкое качество тюремной пищи. Заключенные Мальцевской женской тюрьмы Ф. Развильовская и Л. Орестова прямо пишут, что питались они «скверно», а тюремная пища «была по-настоящему несвежей, невкусной и несытной». Несмотря на определенные нормы питания, «фактически...кроме ржаного хлеба казенная порция к обеду сводилась к щам из гнилой капусты с микроскопическим кусочком супного мяса, большей частью с душиком. На ужин была гречневая каша, скорее похожая на густой суп, а в холодном виде – на кисель». В постные дни, которыми в женской тюрьме были среда и пятница, заключенным «полагалось на обед гороховый суп или постная рыбная баланда из кеты, в которой плавали какие-то рыбные кости и жабры». Здесь уместно отметить, что Главное тюремное управление традиционно требовало соблюдения постных дней при организации питания в тюрьмах империи. Участник «Южно-русского рабочего союза» П. Иванов, отбывавший наказание в Алгачинской каторжной тюрьме, в одном из писем на волю так охарактеризовал этот обычай: «По средам и пятницам тяжело на душе и легко на брюхе, ибо бывает постная отвратительная баланда...с гнилой картошкой». Низкое качество приготовления пищи для заключенных отмечали и тюремные врачи. Народник М. Богданович, сосланный в 1879 г. на Кару, в своих воспоминаниях приводит следующий случай: «В то время в карийских тюрьмах свирепствовала цинга. Местный врач Сергеевский, в целях пресечения болезни, потребовал от администрации, чтобы соленое мясо было заменено свежим. Как раз тогда же на Каре получился новый транспорт соленого мяса 2000 пудов. Д-р Сергеевский, убедившись, что мясо полугнилое, отказался принять его. Несколько часов спустя было получено телеграфное предписание немедленно принять тухлое мясо, причем д-р Сергеевский получил строгий выговор. Оказалось, что одним из поставщиков этого транспорта мяса был сам губернатор» Забайкальской области Ильяшевич.

Уже упоминавшийся нами чиновник особых поручений при Министерстве юстиции Д.А. Дриль во время своего обозрения каторжных тюрем Сахалина и Сибири охарактеризовал питание заключенных как «недостаточное и неудовлетвори-

тельное», а на кухне одной из тюрем им была обнаружена испорченная солонина, приготовленная для раздачи арестантам. Лично сняв пробу с приготовленного варева, Дриль убедился «в дурных качествах» пищи. Подобное явление высокопоставленный ревизор объяснил коррупционными связями тюремной администрации и поставщиков мяса, в результате чего «испорченные и негодные продукты поступали на тюремные склады, а из них в пищу арестантам». Разумеется, имело место и элементарное воровство, которым особенно «грешили» уголовники, допущенные к кухне. При организации питания каторжников главное тюремное управление требовало «не принуждать арестантов-иноверцев к нарушению их верования» и не заставлять «их употреблять общую с православными пищу». В тюрьмах, где находились такие заключенные, полагалось «устроить для них особый в кухнях очаг», а приготовление пищи поручить «на избираемых из их же среды людей»¹.

Одежда и нательное белье каторжникам приобретались в тюремных мастерских за счет заработной платы арестантов и должны были прослужить определенный срок. Те виды одежды, например, зимние полушубки, которые невозможно было изготовить хозяйственным способом, заказывались в специальных мастерских и на их закупку объявлялись торги. Последние обычно проводились не позже 1 октября предшествующего закупке года. В то же время главное тюремное ведомство в своих инструкциях неоднократно отмечало, что такой способ заготовки одежды весьма невыгоден для казны «вследствие высоких цен, запрашиваемых на торгах подрядчиками», и рекомендовало тюремному начальству «обращаться к заготовлению арестантской одежды и обуви хозяйственным способом»². Одежда и обувь должны были прослужить определенный срок. Например, в соответствии с инструкциями, верхняя мужская рубашка, выполненная из рубашечного холста, должна была прослужить 180 суток, полотенце и портянки – 120. Срок носкости всех видов мужских сапог определялся в один год. Однако, как правило, требования тюремной

¹ Сборник циркуляров... Циркуляр от 20 августа 1882 г. № 183.

² Там же... Циркуляр от 12 февраля 1882 г. № 228; от 6 июня 1885 г. № 13; от 16 сентября 1885 г. № 17 и др.

администрации не учитывали условия работ каторжников, именно поэтому одежда и обувь изнашивались гораздо быстрее. По признанию Иркутской губернской администрации, бродней хватало на два, иногда на два с половиной месяца, очень быстро изнашивались верхние рубахи¹.

Эта же статья определяла и порядок участия каторжан в обязательных работах. Последние с «давнего времени» считались «как наукою, так и практикой одним из существеннейших условий тюремного заключения». В циркуляре от 25 апреля 1886 г. министр внутренних дел Д. Толстой подчеркивал «обязательность труда», который ни в коей мере не может быть поставлен в зависимость от желаний или нежеланий каторжника. «Занятие работами входит в состав тюремной дисциплины», – подчеркивал министр². Характерно, что осужденных по первому разряду следовало использовать на самых тяжелых работах.

В целом, тюремный быт отличался однообразием, что тяжело сказывалось на психическом состоянии заключенных. Когда «жизнь каждого протекала на виду у всех и всех – на виду у каждого», то «приходилось дисциплинировать себя, поступаясь личными удобствами и интересами в пользу общих». Не всем это удавалось. Длительное совместное проживание в одной камере подчас не только с разными, но и диаметрально противоположными людьми, неспособными к проживанию в общежитии,

¹ Чуйко В. Год в Акатуе. (Из воспоминаний кари́йца). //Нерчинская каторга. Сборник Нерчинского землячества. – М., 1933. – С. 107. Левченко Н. Побег с Кары. (С примечанием М. Черкасского и послесловием Н. Фроленко). //Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги. – М., 1927. – С. 56.; Ивановская П. Письма о прошлом. // Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги... – С. 143; Богданович Ф. После побега. //Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги... – С.75; Радзивиловская Ф., Орестова Л. Мальцевская женская каторга 1907-1911 гг. //Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. Книга 57-58. – М., 1929. – С. 119; Извлечение из отчета чиновника особых поручений при Министерстве юстиции, Магистра уголовного права Д.А. Дриля по командировке в 1896 году. //Каторга и ссылка на остров Сахалин, в Приамурский края и в Сибирь. – СПб., 1898. – С. 1; Сборник циркуляров... Циркуляр от 21 сентября 1886 г. № 16. Каторжные работы в Иркутской губернии в 1911 г. //Тюремный вестник. – 1912. – № 3. – С. 6.

² Сборник циркуляров... Циркуляр от 25 апреля 1886 г. № 13.

приводило ни только к бытовым конфликтам, но и усилению политических разногласий. Последнее переносилось особенно тяжело. Во время политических дискуссий «вопросы ставились остро и обнажено. Доходили до крайности... при этом усиленно развивалась критика всех и вся, и всё измерялось с абсолютной точки зрения». Плохо помогала в таких случаях и революционная бравада, особенно свойственная молодыми социалистам-революционерам, рассматривавшим каторжные работы как истинное испытание убеждений и выдержки¹.

Инструкции Главного тюремного управления предписывали политических каторжан и уголовников размещать по камерам отдельно друг от друга. Однако это требование соблюдалось не всегда. В каторжных тюрьмах Восточной Сибири имели место случаи, когда в силу нехватки тюремных помещения уголовники и политические вынуждены были проживать совместно в одной камере. В таких случаях обе категории осужденных весьма неохотно контактировали друг с другом. На «политиков» уголовники смотрели «враждебно», нередко «даже задирали». Подобное совместное расселение особенно тяжело переносили женщины. Не случайно психические расстройства были весьма распространенной формой заболевания особенно у политических каторжников. Поэтому многие заключенные выход из создавшейся ситуации искали в уединении, работе на уже упоминавшихся огородах и «вольной команде»².

Однако и в этой серой повседневности у заключенных бывали приятные моменты. К числу тюремных радостей относилось мытье в бане, переписка и свидание с родными. В рассматриваемый период бани были сооружены во всех каторжных тюрьмах. Санитарными нормами предусматривалось мытье в бане и смена

¹ Левченко Н. Побег с Кары. (С примечанием М. Черкасского и послесловием Н. Фроленко). //Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги. – М., 1927. – С. 56.; Радзивилловская Ф., Орестова Л. Мальцевская женская каторга... – С. 129 – 130. Чернов В.М. Записки. – С. 219.

² Об этом свидетельствуют многочисленные воспоминания каторжан различных лет и политических направлений. См., например: Дейч Л. Политические каторжане, бывшие на Каре. //Приложение к книге Дейч Л. Шестнадцать лет в Сибири. – М., 1924. – С. 320-340; Прибылев А.В. Записки народовольца. – М., 1930. – С. 180; Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги. – М., 1927; Нерчинская каторга. – М., 1933; На женской каторге. – М., 1930.

белья один раз в неделю. Однако, поскольку банные помещения были, как правило, небольшими, мытье арестантов зачастую растягивалось на несколько дней. Но и на эту, несомненно, приятную и полезную процедуру, тюремный быт зачастую накладывал свой отпечаток. В Горном Зерентуе, например, ощущался сильный «недостаток воды в бане», которая к тому же топилась «через неопределенные периоды». Если в бане «удавалось набрать шайку горячей воды, то не заставляли холодной». «Не лучше было, когда удавалось набрать холодной и остаться без горячей», – вспоминал И. Стародубцев, отбывавший там каторгу в 1915 г.

Устав о ссыльных разрешал каторжникам вступать в брачно-семейные отношения. Однако в данном случае надлежало руководствоваться правилами разделения каторжников на разряды. «Ссыльнокаторжные, мужчины и женщины, первого разряда через три года, второго разряда через два года, а третьего через один год после поступления в отряд исправляющихся, могут вступать в брак» – говорилось в 182 ст. Устава. Однако законодатель четко регламентировал социальную сторону семейной жизни осужденных «молодоженов». Браки разрешались только между каторжниками, или лицами, «лишенными всех прав состояния» (ст. 182).

Письма для отправления родным принимались тюремной администрацией по субботам, а встречи с родственниками разрешались только по воскресным дням. Переписка с родными в соответствии с циркулярами Главного тюремного управления ставилась в зависимость от поведения заключенных. При хорошем поведении заключенные могли писать два письма в месяц. Для этого в камерах разрешалось иметь чернила, карандаши и бумагу. Все письма перед отправкой в предварительном порядке просматривались тюремной администрацией. Циркуляры Главного тюремного управления регламентировали и подачу прошений, на составление которых отводилось определенное время¹.

Нормативные документы: Устав содержания под стражей, циркуляры Главного тюремного управления др. – разрешали заключенным в свободное от работы время читать книги и журна-

¹ Сборник циркуляров, изданных по главному тюремному управлению в 1870-1910 гг. Ч. 2.СПб., 1911. Циркуляр от 29 октября 1896 г. № 20; от 31 марта 1882 г. № 6225.

лы, а начальник Главного тюремного управления А.П. Соломон при посещении тюрем Нерчинской каторги рекомендовал даже обучать грамоте каторжников¹. Здесь уместно отметить, что первые тюремные школы грамотности и библиотеки возникли еще в период пребывания на каторге декабристов. Однако, в первой половине XIX века единого административно-правового акта, регламентирующего круг чтения каторжников, не существовало. Лишь во второй половине столетия в связи с увеличением числа «политических преступников» в каторжных тюрьмах Восточной Сибири правительство приняло ряд инструкций по этому вопросу. Согласно требованиям Устава содержания под стражей, арестантам разрешалось чтение духовных, нравоучительных и исторических книг. Чтение же газет и иных периодических изданий разрешалось только лицам, «исключительно ссылаемым в порядке административном»².

Режим мест заключения на протяжении всего исследуемого периода не оставался неизменным. На степень его жесткости несомненное влияние оказывала общеполитическая ситуация, складывающаяся в империи в конкретный отрезок времени, а также субъективные взгляды и пристрастия начальников каторжных тюрем. Последнее обстоятельство отмечено не случайно. Центральные органы государства – Министерства юстиции и внутренних дел, Департамент полиции, Главное тюремное управление принимали нормативные документы, регламентирующие правовой режим каторги в целом. Однако решение значительного круга вопросов, связанных с реализацией этих правовых норм в условиях конкретной каторжной тюрьмы, в значительной степени зависело от местной губернской гражданской и тюремной администрации. Хорошо известно, какую роль играл генерал-губернатор Восточной Сибири в организации надзора за ссыльными декабристами. В то же время исследователи справедливо обращают внимание на ту, несомненно, позитивную роль, которая выпала на долю С.Р. Лепарского по организации повседневного быта декабристов в условиях пребывания их на Нерчинской каторге.

¹ Там же. Циркуляр от 16 июля 1908 г. № 52.

² Сборник циркуляров... Ч. 1. 1879-1895 гг. СПб., 1911. Циркуляр от 24 ноября 1882 г. № 32.

Степанова (Шенмайер) Н.Г.

Правовое регулирование сибирской каторги в первой половине XIX века

Рассмотрены Уставы о ссыльных и этапах 1822 г., которые являются основой правового регулирования сибирской каторги на первом этапе эволюции законодательной базы института каторжных работ в Российской империи.

N.G. Stepanova (Shenmaier)

LEGAL REGULATION FOR SIBERIAN PENAL SERVITUDE IN THE FIRST PART OF XIX CENTURY

Irkutsk State Academy of Agriculture

Regulations on exiles and halting places of 1822 which are the basis of legal regulation of Siberian penal servitude on the first stage of evolution of legislative basis of the institute of penal servitude in Russian empire was studied.

Неотъемлемой частью функционирования любого государства является наличие в нем института исполнения наказаний, с помощью которого регулируется изоляция преступников от законопослушного общества. Карательная политика государства находится в прямой зависимости от экономического и политического развития страны, взаимоотношений различных социальных групп и классов общества. С изменением этих факторов коренным преобразованиям подвергается вся уголовно-исполнительная система наказания.

Изучение истории карательной политики государства, в том числе становления и развития в стране правовой базы, регламентирующей условия жизни в местах лишения свободы, имеет большое значение для формирования на современном этапе це-

лостного пенитенциарного законодательства и реформирования тюремной системы России.

Российская империя в первой половине XIX в. занимала территорию до 18 млн. кв. км. в Восточной Европе, Азии и Северной Америке, при численности ее населения превышающем 70 млн. человек¹. Одним из самых обширных регионов государства по занимаемой площади являлась Сибирь. Только Восточная Сибирь (вместе с Амурским краем) составляла 47,29 % всей территории государства при населении 1 693 500 человек (данные на 1820 г.). Несмотря на преобладание здесь вольного населения, ссылка играла заметную роль в территориальном и экономическом освоении региона².

Сибирская ссылка с XVII века выполняла функции «штрафной колонизации» и характеризовалась произволом местной администрации, отсутствием учета ссыльных и должного за ними контроля. Здесь «буйный разгул самовластия и деспотизма проявился со всей необузданностью»³. «Не отличалось полнотой и стабильностью» правовое регулирование ссылки. До 1822 г. в России «действовало» более двухсот ... актов о ссылке, часто противоречащих друг другу⁴, а ссылка в каторжные работы регулировалась «указным правом», поскольку законодательное оформление этого наказания так и не было принято.

В период с 1819 по 1822 гг. под руководством генерал-губернатора Сибири графа М.М. Сперанского при участии Г.С. Батенькова проводилась подготовка реформы сибирской ссылки: ревизия сибирской ссылки, систематизация правовых актов о ссылке, устранение найденных в них противоречий и составление нового свода законов.

В июле 1822 г. Александр I утвердил «Учреждение для управления сибирских губерний» – документ, в который наряду с де-

¹ История России. Учебник. Издание второе, переработанное и дополненное / Орлов А.С. и др. – М. 2002. С. 187.

² История Сибири. Л. 1968. Т. 2. С. 360-363; Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск. 2002. С.67-68; Кодан С.В. Сибирская ссылка декабристов. Иркутск. 1980. С.22.

³ Кодан С.В. Указ.соч. С. 23-24.

⁴ Там же.

вятью уставами вошли два – «Устав о ссыльных» и «Устав об этапах в сибирских губерниях» (далее по тексту «Устав об этапах»). Они стали первыми основными сборниками законов, регулируемыми правовое положение сибирской ссылки и каторги в первой половине XIX века. С 1822 до февраля 1917 гг. Устав о ссыльных несколько раз переиздавался. Изучение каждого его издания важно в исследовании истории каторги и пенитенциарной политики российского самодержавия.

Если подвергнуть анализу все издания Устава о ссыльных, то становится заметной стадийность формирования законодательной базы российского института каторжных работ. В предлагаемой статье рассмотрены «Устав о ссыльных» и, в качестве дополнения к нему, «Устав об этапах» 1822 г. (далее по тексту – Уставы о ссыльных и этапах), которые являются основой законодательного регулирования сибирской каторги в первой половине XIX века. Автор ограничился изучением только основных законов, предполагая в ближайшей перспективе дополнить работу исследованием подзаконных актов о каторге.

Утверждение Уставов о ссыльных и этапах 1822 г. можно считать первой ступенью законодательной эволюции института каторжных работ в Российской империи, установивших в первой половине XIX в. нормы отправления в ссылку, препровождения ссыльных, их прием и распределение в Сибири, «употребление» в работы.

Устав о ссыльных 1822 г. состоит из «Предварительных положений», и четырех отделений. В нем определены общие принципы, полномочия и порядок работы органов управления ссылкой: Тобольского приказа о ссыльных, экспедиций о ссыльных: казанской, тобольской, томской, енисейской и иркутской, а также функции губернских (земских) правлений. Для введения единообразия в делопроизводство о ссыльных, в Устав включено приложение из двадцати трех образцов форм деловой переписки: статейных и партийных списков, справок и писем, книги приходов и расходов, годовых ведомостей и прочих документов¹.

Устав об этапах включает 199 параграфов, разделенных на 13 глав, посвященных общим вопросам учреждения этапов и их обу-

¹ ПСЗ-1. Т. 38. №29128.

стройства тюрьмами, определения состава, обязанностей и условий содержания этапных команд, порядка движения партий¹.

В России существовало несколько видов ссылки. В Уставе о ссыльных 1822 г. на уровне закона ссылка разделена на две группы – ссылку в каторжные работы и ссылку на поселение [Предварительные положения, § 1]. При этом каторга отнесена к особому виду ссылки – наказанию более строгому, по сравнению со ссылкой на поселение и гуманному в сравнении со смертной казнью. Третий вид ссылки – административной – юридически будет оформлен Уставом о ссыльных 1857 г.²

Поскольку до 1822 г. в России не было единой государственной системы управления сибирской ссылкой, то М.М. Сперанский и Г.С. Батеньков большое внимание уделили вопросу создания централизованного управления сибирской ссылкой, решая тем самым одну из важнейших задач своего времени³.

Центральным органом управления был определен Тобольский приказ о ссыльных (далее по тексту – Тобольский приказ), в функции которого входило осуществление главного руководства приемом, распределением и общим учетом ссыльных. Он же занимался организацией их материального содержания, осуществлением контроля над отправлением ссыльных к месту назначения и этапированием. В его непосредственном подчинении находились такие органы управления ссылкой, как казанская, тобольская, томская, енисейская и иркутская экспедиции о ссыльных⁴.

Из всех судов российской империи в Тобольский приказ предполагалось направлять предварительные уведомления о приговорах. В них уточнялись вид наказания – ссылка в каторжные работы или на поселение, а также, место, куда после окончания срока осужденный должен быть возвращен. Здесь же прилага-

¹ ПСЗ-1. Т. 38. №29129; Кодан С.В. Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия первой половины XIX в.: Учеб. пособие. Иркутск. 1980. С. 14.

² Степанова Н.Г. (Шенмайер) Каторга первой половины XIX в.: проблема формирования новой концептуальной модели российского законодательства. // Сибирская ссылка (сборник научных статей). Иркутск, 2007. Вып. 4 (16). С. 161.

³ Кодан С.В. Сибирская ссылка декабристов. Иркутск. 1980. С. 23-27.

⁴ ПСЗ-1. Т.38. № 29128. – §§ 2-16, 162.

лись прежние «послужилые списки» ссыльного, то есть где, в каком чине и как долго он находился на службе до момента лишения его политических прав. Получив такое уведомление, Тобольский приказ ставил осужденного на учет, после чего на территории Сибири определял место отбывания им наказания. Для систематизации делопроизводства вводились единые требования оформления документации, ее классификация по номерам и буквам¹.

Устав о ссыльных регламентировал исполнение приговора о наказании. После его вынесения осужденного подвергали экзекуции и отправляли непосредственно в ссылку. Исполнение экзекуции всецело ложилось на городскую или земскую полицию, а контроль – на губернское (земское) правление. Оно же занималось подготовкой партии ссыльных к отправке: оформлением соответствующих документов, переводом уведомлений в Сибирь, снабжением ссыльных одеждой и кормовыми деньгами, отсылкой осужденных до ближайшей на этапном пути губернии [Гл. I, §§ 17-21].

Были введены нормы оформления документации на каждого приговоренного. Основным документом, подтверждающим личность ссыльного, объявлялся статейный список, составляемый в двух экземплярах². В него заносилась вся важнейшая информация о ссыльном: характеристика внешних данных, биография, информация о наказании³.

Кроме индивидуального статейного списка, составлялся список всей партии ссыльных [Гл. I, §§ 22-30 Устава о ссыльных]. Подобные меры вводились с целью организации учета и контроля над ссыльными, а также для предотвращения их побегов. В этих же целях требовалось выделять ссыльных знаками на одежде: двумя четырехугольниками, пришитыми на спине, у осужденных к ссылке в каторжные работы, и одним – у поселенцев [Гл. I, § 32 Устава о ссыльных].

Качественно новым стало законодательное определение органов, куда каторжане могли обратиться с жалобами и просьба-

¹ ПСЗ-1. Т.38. № 29128. Предварительные положения.

² Один экземпляр статейного списка отправлялся вместе с ссыльным «по этапу», второй – в Тобольский приказ о ссыльных.

³ Разработанные в первой четверти XIX века, статейные списки, просуществовали до самого закрытия российской каторги.

ми. Дословно это прозвучало следующим образом: «Каторжные пользуются покровительством той экспедиции о ссыльных, в какой губернии они находятся и могут в нее подавать жалобы на несправедливости им оказываемые» [Гл. XXIII, § 258 Устава о ссыльных]. Этапируемым ссыльным разрешалось подавать претензии этапным начальникам и в земские управления, которые в дальнейшем предполагалось передавать в экспедиции о ссыльных соответствующих губернских городов для их рассмотрения [§ 121 Устава об этапах].

Были кодифицированы акты о правовом положении на каторге женщин и детей. Так женщина, не утерявшая своих политических прав, то есть не приговоренная к каторге, выходя замуж за ссыльного каторжного, и находясь рядом со своим мужем, не должна была привлекаться к каторжным работам [Гл. XXI, § 230 Устава о ссыльных]. Женщинам, идущим на каторгу, запрещалось вступать в брак со ссыльными, имеющими другое назначение [Гл. XXI, § 229 Устава о ссыльных]. Женщины, используемые на работы, имели равное с мужчинами-каторжанами право на получение заработанных денег и провианта. Незамужним больным женщинам на период их нетрудоспособности законом предписывалось выдавать пособие. Замужние больные женщины (находящихся при мужьях) никаких пособий не должны были получать, их содержание всецело зависело от мужей. Всех детей, рожденных на каторге, в ближайших волостях записывали в крестьяне [Гл. XXIII, § 262 Устава о ссыльных].

В Уставах о ссыльных и этапах прозвучали некоторые аспекты правового положения больных. До 1840 г. партии ссыльно-каторжных до места назначения шли по этапу пешком¹. Но больных и женщин разрешалось доставлять на подводах [§§ 55, 56 Устава об этапах]. На период болезни каторжных могли освободить от работ, выдавая им при этом ежедневную минимальную заработную плату – «колодничий плакат» [Гл. XXIII, § 251 Устава о ссыльных]. Если же больной признавался «вовсе неспособным», его могли полностью освободить от работ, но при условии письменного разрешения гражданского губернатора.

¹ Мантурова С.Ч. Общественная и частная благотворительность в Забайкалье во второй половине XIX – начале XX вв. – Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2005. – С. 98-99.

Такой каторжный поступал в ведение экспедиции о ссыльных и приписывался на вольное пропитание к ближайшему от завода селению [Гл. XXIII, §§ 199, 259 Устава о ссыльных].

Даже беглое прочтение Уставов о ссыльных и этапах позволяет заметить, что подавляющее большинство статей названных сборников посвящены общим проблемам организации сибирской ссылки и ее управления. При этом отсутствует подробное рассмотрение правового регулирования ссылки в каторжные работы. Так из 435 параграфов Устава о ссыльных, только в 35 проработаны вопросы, относящиеся непосредственно к каторге: 23 параграфах 23 главы «О каторжных» и 12 параграфах всех остальных глав. В Уставе об этапах – чуть более двадцати параграфов¹.

О том, что каторга являлась особо строгим наказанием, свидетельствует география каторжных работ, которая была весьма многообразна и во времени изменялась. В конце XVII – начале XVIII вв. труд каторжан применяли на мануфактурах центральной России, уральских заводах и фабриках, при постройке многочисленных крепостей и гаваней, на каменноломнях. На территории Сибири – крае с суровыми климатическими условиями – каторга начала функционировать с XVIII века, после открытия в 1722 г. Нерчинских серебряных и золотых рудников. Поэтому самых опасных преступников ссылали в Восточную Сибирь, а с открытием Сахалинской каторги – на остров Сахалин.

Каторга предполагалась как особо строгое наказание и по тяжести работ, определенных законом. Однако в Уставе о ссыльных 1822 г. это не было сформулировано достаточно четко. По сложности работ Устав разделил всех ссыльных на шесть разрядов.

В первый разряд были включены ссыльные, осужденные «за более значительные преступления и наказанные плетью», которых направляли на заводы и относили к категории временных заводских работников. Во второй входили дорожные работники ведомства сухопутных сообщений. Ссыльных третьего разряда именовали ремесленными работниками. Четвертый разряд представлял цех слуг. Пятый – поселенцев, способных к сельскохозяйственным работам (их так и называли поселенцами). В

¹ Подсчитано автором на основе ПСЗ-1. Т.38. №№29128, 29129.

шестой разряд причислялись больные – неспособные к работам, старые и калеки, то есть «ссылные дряхлые»¹.

Каторжных причисляли к первому разряду и предписывали направлять только на заводы или фабрики [Гл. XVII, § 195]. Законом не устанавливалась строгая регламентация каторжных работ (не приводились их подробный перечень и описание). Устав только подчеркивал, что работы должны проходить на заводах и фабриках Сибири. Устанавливалась обязанность заводчиков выдавать каторжным за их труд заработную плату в размере не ниже «колодничьяго плаката» [Гл. XXIII, § 250]. Поскольку контроль над исполнением этих работ всецело ложился на местную администрацию, то фактически труд каторжан использовался не только на литейных, винокуренных и солеваренных заводах Сибири, но и в рудниках, на строительстве дорог и других работах, в зависимости от усмотрения местной администрации.

Классификация ссылных по разрядам (1822 г.) существенно отличалась от классификации, предложенной в Уставе 1857 г. и его переизданиях в последующие десятилетия². В 1822 г. ссылка в каторжные работы была разделена по срокам наказания на бессрочные работы и срочные. Предполагалось, что время наказания определяется исключительно судебным приговором. Законодателем еще не было предложено деление срочной каторги по разрядам³, но предел бессрочной каторги был установлен и определен сроком в двадцать лет, после чего предполагалось освобождение каторжных и закрепление их за тем заведением, где они работали [Гл. XXIII, § 260 Устава о ссылных]. Срочных каторжных по истечении срока наказания должны были отпра-

¹ ПСЗ-1. Т. 38. № 29128. Гл. 17. § 193.

² Степанова Н.Г. (Шенмайер). Указ. соч.; Бодяк М.Г. Зерентуйская тюрьма в системе Нерчинской каторги (1879-1917 гг.): особенности становления и развития. Иркутск, 2009.

³ Деление каторжных на разряды будет предложено Уставом 1857 г.; 553 статья Устава 1857 г. разделит каторжных на разряды. Каторжные ведомства Нерчинского Горного Правления и Казенных Палат, будут подразделяться на каторжных первого и третьего разрядов. В свою очередь каторжные первого разряда – на бессрочных, то есть осужденных на работы без срока; осужденных на срок от 15 до 20 лет и осужденных на срок от 12 до 15 лет. Каторжные третьего разряда – соответственно на сроки от 6 до 8 лет и от 4 до 6 лет.

лять в ссылку на поселение, а бывших военных – к воинскому начальству¹. Не имеющих возможности водвориться, распределяли по ближайшим от завода казенным волостям на вольное пропитание [Гл. XXIII, § 261 Устава о ссыльных].

Если в губернских центрах России в исследуемый нами период существовала разветвленная сеть тюремных учреждений: тюремных замков и крепостей, то в Сибири каторжных содержали в тюремных бараках или в домах, построенных на их собственные средства. При этом закон не устанавливал нормы на объем строительства, сроки и суммы финансовых вложений, не оговаривал условия тюремного режима [Гл. XXIII, § 249 Устава о ссыльных]. Содержание каторжных находилось в ведении местной администрации фабрик и заводов, и на правительственном уровне единой программы строительства тюремных зданий для каторги еще не было разработано. Не требовалось отдельное содержание каторжных в соответствии со степенью присужденного им наказания и по половому признаку².

В отечественной историографии достаточно подробно исследован каторжный режим, который предусматривал привлечение ссыльных к особо тяжелому физическому труду, обязательное ношение ими оков – кандалов и наручников, а также клеймение каторжан. Изучение Уставов о ссыльных и этапах подтверждает, что для каторжных предполагался особо строгий режим заключения, но в этом сборнике законов нет норм регулирования такого режима. Несмотря на то, что каторжных содержали в оковах, а выражение «колодники»³ встречается в Уставе об этапах, ни в одном из уставов 1822 г. не прописаны нормы клеймения каторжан и ношения ими оков.

Другой составляющей каторжного режима являлись физические наказания по приговору суда. Кроме того, администрация сибирской каторги имела право самостоятельно налагать взыскания на каторжных за совершенные ими (в период прохож-

¹ Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. Для Высочайше утвержденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. – СПб: Типография СПб Тюрмы, 1900. – С. 17.

² Эти статьи будут включены в Устав о ссыльных 1857 г. / Подробно см.: Степанова Н.Г. Шенмайер Указ. соч.

³ Колода – деревянное приспособление, надевавшееся на человека для предупреждения побега.

дения ссылки) нарушения. Контролировать на каторге режим, установленный законом, предполагалось, о чем свидетельствует название 33 главы – «О впадающих в новые проступки» Устава о ссыльных 1822 г. Но ни в этой главе, ни в других разделах Устава о ссыльных не приведены конкретные варианты наказаний. И только в параграфе 76 Устава об этапах разрешено употребить оружие против беглого ссыльного, который будет угрожать его конвоирам. Отсутствие в сборнике норм физических наказаний «колодников» за их преступления и проступки могло повлечь с одной стороны бездействие администрации по профилактике правонарушений и ослабление режима содержания ссыльных в каторжные работы, с другой стороны – спровоцировать произвол и разгул реакции местной администрации, определявшей наказания «по своему усмотрению».

Таким образом, в Уставах о ссыльных и этапах 1822 г. дано неполное рассмотрение целого ряда вопросов законодательного регулирования ссылки в каторжные работы, что должно было создавать препятствия при правовой регламентации каторжных работ и реализации задач, поставленных перед институтом российской каторги¹.

Исследователи истории Сибири обратили внимание, что Г.С. Батеньков, работая над составлением проекта Уставов о ссыльных и этапах, резко критиковал существовавшие в империи методы борьбы самодержавия с преступностью. Учреждение этапов на пути следования партий ссыльных, на каждом из которых предполагалось строительство тюрем, оценивается ими «единственно возможной попыткой улучшить положение ссыльных» в первой половине XIX в.²

Нам еще представляется, что упущение в основных законодательных сборниках о ссылке и каторге (Уставах о ссыльных и этапах) таких важных правовых норм, как наказания за преступления и проступки в условиях прохождения ссылки, отсутствие «правил» клеймения и ношения оков, а в целом неполное рассмотрение карательных мероприятий, не было случайным. Г.С. Батеньков осознанно упустил эти моменты, тем самым, создавая

¹ Институт каторжных работ России выполнял задачи наказания, колонизации и экономические.

² История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 460.

прецедент для невыполнения подзаконных актов (дополнительных инструкций) и либерализации режима сибирской каторги.

В качестве подтверждения сказанного выше приведем выдержку из очерка начальника Главного тюремного управления А.П. Соломона¹. В своих записках об истории и современном положении сибирской ссылки А.П. Соломон отмечал, что изучение государственными органами положения ссылки и каторги в первой трети XIX века выявило неудовлетворительное состояние сибирской каторги. Каторга испытывала дефицит рабочих мест, что становилось одной из причин нарушения дисциплины и не соответствовало требованиям наказания каторгой. Условия содержания каторжных на заводах были неудовлетворительными. Но наиболее тревожным для правительства недостатком организации каторги и следствием неудовлетворительного надзора за каторжными являлось большое количество побегов из мест отбывания наказания. Все это требовало пересмотра на законодательном уровне наказания каторгой².

Ответом власти на «внеправовой» режим сибирской каторги стали следующие события. Для разработки возможных вариантов по устранению недостатков в организации каторжных работ на территории Сибири был создан Секретный Комитет под председательством графа Кочубея. Результатом его работы стало согласие Николая I ввести в России закон о применении смертной казни для каторжных. Наказание смертной казнью предполагалось в строго оговоренных случаях «совершения ссылными преступления «политического оттенка»». В перечне преступлений названы: заговор против царя и правительства; бунт, сопровождаемый грабежом, убийствами, поджогами, взломом тюрем и освобождением преступников; доказанное склонение жителей края к бунту и неповиновению; открытое неповиновение (в месте содержания каторжных) военной силе и начальству; насильственные действия к освобождению из содержания в каторжной работе; таковые же, но соединенные с насилием охраны, направленные на получение свободы из тюремного заключения³.

¹ Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. Для Высочайше утвержденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. СПб. 1900. С. 29-30.

² Там же.

³ Там же.

Почти сразу же после принятия Уставов о ссыльных и этапов 1822 г. началась работа над устранением их «недостатков» и подготовкой второго издания.

На первом этапе создания законодательной базы института каторжных работ в Российской империи была заложена основа законодательного регулирования сибирской каторги. Авторы реформы сибирской ссылки 1822 г. Г.С. Батеньков и М.М. Сперанский старались «по возможности, приблизить организацию управления к требованиям жизни», то есть ввести централизованное управление сибирской ссылкой, что могло способствовать выполнению задач, возложенных государством на этот вид наказания. Однако основные сборники законов о каторге и ссылке – «Устав о ссыльных» и «Устав об этапах в сибирских губерниях» 1822 г. – не рассматривали целый ряд вопросов по организации сибирской ссылки в каторжные работы.

Гарашенко А.Н.

Из истории положения каторжных на Александровском винокуренном заводе

Александровский винокуренный завод просуществовал более ста лет, и все это время в качестве рабочей силы на нем использовался в основном труд каторжных.

Об их положении в XVIII в. непосредственно на заводе известно немного. До 1787 г. на заводе насчитывалось кроме дроворубов и бочкарей 154 каторжных рабочих¹, постепенно их число увеличивалось. Как отмечает В.Н. Разгон, Александровский винокуренный завод вплоть до конца феодального периода оставался самым крупным предприятием этой отрасли в восточносибирском регионе². Менялись содержатели завода, завод переходил от частных предпринимателей к казне, но процесс винокурения продолжал основываться на труде каторжных, поэтому производителям вина особо не приходилось задумываться о поиске рабочей силы, ее всегда было в достатке. Конечно, на заводе

¹ Кудрявцев Ф. Александровский централ. Иркутск, 1936. С. 10.

² Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул, 1999. С. 553.

трудились и наемные работники в лице винокуров, браговаров, знавших это производство, но самую тяжелую и подсобную работу выполняли ссыльные. Количество ссыльных увеличивалось в то время, когда завод в XVIII в. переходил от частных лиц в казенное пользование. Сроки наказания для ссыльных на заводе были различными – 7, 8, 13, 17, 19, 20 и 23 года. Надзор за рабочими осуществляли казаки.

В начале XIX в., к моменту прибытия в Иркутск губернатора Н.И. Трескина, в Александровском заводе числилось 440 каторжных.

О положении рабочих на винокуренных заводах дает нам представление С.В. Максимов. По его словам, «...там круглый год тяжело было жиганам (кочегарам. – А.Г.), обязанным подкладывать дрова в печь и, стало быть, целые сутки стоять у огня в тесном подвале, среди нестерпимой духоты, около удушливого печного жара. Здесь значение каторги сходствовало с тем, которое давала соляная варница и получала разительное подобие, когда припомним то обстоятельство, что каторжный рабочий – не вольнонаемный. По отношению к нему нет уже никаких уступок, ни вынужденных, ни естественных: возвышенной платы он не требовал, от тяжелой работы не отказывался... Зимой, во время холодов, заводская винокуренная каторга всею тяжестью налегала на заторщиков (работник, занимающийся замесом под выгонку водки. – А.Г.), обязанных чистить квашни, промывать в них прилипшее к стенкам этого огромного ящика тесто, когда намоченные руки знобило едким, невыносимым ознобом, когда рабочий от пребывания в пару, постепенно охлаждаемом, успевал даже закуржаветь, т. е. покрыться инеем, до подобия пушистой птицы. Последствия известны врачам и даже дознаны на практике: это постоянная дрожь во всем теле, отсутствие аппетита и лихорадка, которую сначала больные презирают, а оттого вгоняют ее в тело глубоко и близят последнее к гробовой доске. Нередко последняя накрывала рабочих, опущенных в лари, где бродила брага, прежде чем выходил оттуда весь углеродный газ, накопившийся во время брожения браги; рабочие эти там задыхались, и их на другой день выносили оттуда уже мертвыми и холодными трупами... В теплую погоду... заторщикам лучше, но зато тяжело бывает ледоколам и ледорезам (первые мельчат льдины для охлаждения чанов с дрожжами и суслом на реке, вторые – на заводе). Постоянная

сырость, всегдашняя мокрота, гноя платье и давая в результате почти те же болезненные припадки, портила и ослабляла самый крепкий организм»¹.

Надзор за каторжными рабочими в Иркутской губернии возлагался на казаков. Так, в начале XIX в. на Александровском заводе состояло 30 казаков. Такого количества было явно недостаточно, т.к. в их обязанности входило наблюдать за всем внешним и внутренним порядком в заводе, занимать посты при винницах, винных подвалах, хлебных и материальных магазинах, у денежной казны, они должны были ходить за рабочими в лес, наблюдая, как идет заготовка дров, а также нести все караулы по заводу. Разумеется, что таким числом казаков нельзя было поддерживать порядок, вследствие чего рабочие беспрестанно разбегались с завода, унося с собой казенные вещи, крали вино, осуществляли грабежи на дорогах. Трескин усилил надзор за каторжниками путем перевода уездной команды из Балаганска².

В начале XIX в. правительство предпринимает меры к упорядочению ссылки. Указами 16 и 17 января 1811 г. было создано особое подразделение постоянно действующей стражи для конвоирования партий ссыльных. 3 июля того же года было утверждено Положение о внутренней страже. Действие этих документов первоначально устанавливалось в Европейской России, и только указом от 4 сентября 1816 г. внутренняя стража вводилась в Сибири. Для Иркутской губернии были приняты следующие меры: «1. Обязанность внутренней стражи по Иркутской губернии возлагалась на Иркутский гарнизонный полк, оставя шесть рот онога в губернском городе и две расположить на Тельминской суконной фабрике. 2. В пособие полку сформированы служащие инвалидные команды в уездных городах Иркутской губернии: Нижнеудинске, Киренске, Якутске, Верхнеудинске и Нерчинске. 3. Сформированы две подвижные инвалидные роты при винокуренных заводах: Александровском, Илгинском и Николаевском, да соляном Иркутском, при каждом по половине роты»³.

Губернатор Н.И. Трескин выполнил правительственные указания и даже развил их. Для надзора на заводах ввел военизиро-

¹ Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб., 1896. Т. 1. Ч. 1. С. 165–167.

² Андриевич В.К. История Сибири в начале XIX в. СПб., б/г. С. 214.

³ Катюонов О.Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск, 2004. С. 367, 368.

ванный порядок, расквартировав воинские команды, установив сложную иерархию надзирателей, введя систему шпионажа и наушничества. 1. Все положенные по штату рабочие разделялись на десятки. 2. В каждом десятке рабочих вводился старшина, или десятский, из их же среды, по выбору правителя завода (разумеется, что десятский должен был быть лучшего поведения). Должность десятского состояла в следующем: смотреть за поведением каждого из своего десятка во время, когда люди свободны от работ, знать, чем именно каждый занимается и где находится (ни один из десятка не смел отлучиться без разрешения десятского из своего дома). Десятский должен был в совершенстве знать все семейство каждого, его хозяйство, имущество, иметь сведения обо всех его знакомых. В назначенное начальством время десятский представлял своих подчиненных на вечернюю переключку, после чего распускал всех по домам, проверял их присутствие дома. А утром – утренняя переключка. Во время работы он неотлучно наблюдал за своими людьми, принуждая ленивых трудиться, ему было дано право наказывать на месте. Таким образом, десятский имел полный контроль над вверенными ему рабочими. Он обязан был доносить своему надзирателю о пьянстве, воровстве, намерении к побегу членов своего десятка, был полностью ответственен в случае побега кого-либо из них. Он строго наказывался правителем завода, никакие оправдания с его стороны не принимались. Карался десятский и за недоносительство. 3. За десятскими и их десятками наблюдали надзиратели из казаков, которые несли ответственность перед пятидесятником, а тот был ответственен перед правителем завода¹. Приведя некоторые из положений, мы не будем пересказывать всю систему надзора, отметим только, что эта система была достаточно детализирована и продумана, но полностью от побегов не спасала.

Винокурение на заводе производилось с сентября по май. Его осуществляли в начале века мастера, выбираемые из ссыльных, которые были знакомы с этим делом в России или выучились уже в заводе. Им давали по 250 руб. ассигнациями в год и сверх того, в виде награды, по 8 коп. с каждого излишне выкуренного

¹ Ватин В.А. Восточная Сибирь в начале XIX в. (на основании неизданного отчета Иркутского губернатора Трескина) // Сибирская летопись. 1916. № 11–12. С. 555–557.

ведра вина. «Производство шло по-старинному, весьма дурно: в деревянных бражных кубах, устроенных по обыкновению каштаков; при жестоких морозах терялась спиртuoзность, вылетавшая в спай досок. При морозах (в декабре и январе) выходы вина уменьшались: морозы мешали быстрой работе, мешала делу и посуда, не успевшая обдержаться. Винокуры часто менялись за злоупотребления, которые происходили частью по их неопытности, частью злонамеренно. Из четверти хлеба не выкуривалось больше 6 ведер; явившиеся из России евреи успели выгучить добывать 7 ведер, впоследствии дошли до $7 \frac{1}{8}$ и до $7 \frac{1}{5}$... Голодные и голые рабочие для поддержки своего утлого существования принуждены были измышлять различные хитрости, чтобы уворовать вино, бежать с ним из завода и начать кортомничать где-либо по соседству. Воровали спирт и полугар, просверливая дыры в трубах, по которым идет вино. Бывали времена, что по причине скудного урожая хлеба придумывали для рабочих хлеб из барды...»¹

В первое тридцатилетие XIX в. на заводе появляются и политические ссыльные. Первым из них, по мнению Ф. Кудрявцева, можно считать мастерового Ижевского завода (на Урале) Николая Сметанина. К сожалению, сведения о нем чрезвычайно скудны. Известно только, что он «за нарушение присяги и неповиновение властям» был наказан 70 ударами кнутом и сослан в каторжную работу².

В 1826 г. сюда прибывают декабристы Артамон Муравьев, Василий Давыдов, братья Андрей и Петр Борисовы, которые пробыли здесь около пяти недель, с августа по 6 октября. Нахождение декабристов в заводе было непродолжительным и не тяжелым для сосланных. Никаким трудом они не обременялись, а попросту отдыхали, хотя в то же самое время другие ссыльные на заводе «...целые дни стояли в удушливом жару в жиганах около печей или в затворщиках у квашни, когда намоченные руки зябнут едким, невыносимым ознобом, а вся одежда покрывается инеем, куржавеет, показывая в перспективе лихорадки, постоянную дрожь во всем теле и то же отсутствие аппетита»³. Эта чаша миновала декабристов.

¹ Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб., б/г. Ч. 4. С. 108–109.

² Кудрявцев Ф. Указ. соч. С. 11.

³ Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб., 1896. Т. 3. Ч. 3. С. 197.

В Александровском заводе долгое время, с 1832 по 1855 гг., проживал также участник декабрьского восстания 1825 г. П. Поветкин – солдат лейб-гвардии Московского полка. В 1850 г. он числился в составе пропитанных поселенцев. В позднейшем его статейном списке значилось, что он был сослан в Сибирь «за дерзости против начальства», а не за государственное преступление, между тем как в других бумагах он определенно называется «участником бунта 14 декабря 1825 г.». О его судьбе справлялось III отделение, желая, по-видимому, распространить и на него милости коронационного манифеста, но он умер 3 февраля 1855 г.¹

В начале 1830-х гг. в Александровском заводе расследовалось дело по изготовлению фальшивых ассигнаций, к которому был причастен некто Кобрин. По определению современника – С.И. Черепанова, Иван Алексеевич Кобрин был загадочной личностью. «По образованию, светской манере и проч., он, несомненно, некогда принадлежал к высшему аристократическому кругу столицы». Кобрин «намекал на политическое значение своей ссылки...». Но автор записок в это не поверил, не подтвердилась версия и с фальшивыми ассигнациями, они оказались подлинными, а сам Кобрин в 1833 г. был отослан в Нерчинский завод².

В 1830-х гг. на каторжные работы в Александровский завод попадают ряд участников Польского восстания 1831 г. Среди них один из руководителей повстанцев Петр Высоцкий, осужденный на 20 лет каторги. Некоторые поляки, например, Петр Сцегенный с братьями, пробовали жить товариществом на равных, «коммунистических правах», оказывая друг другу поддержку и взаимопомощь, но попытка их оказалась безуспешной. Хотя они пробовали вести хозяйства, обзаводились недвижимостью и даже пытались заниматься коммерцией. Так, Пасербский и Воккульский имели свечной завод.

В июле 1835 г. произошел побег с завода шести поляков под руководством Петра Высоцкого – одного из главных организаторов и самых деятельных участников восстания 1830–1831 гг. Это событие буквально переполющило местные сибирские вла-

¹ Кубалов Б. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925. С. 165.

² Отрывки из воспоминаний С.И. Черепанова, напечатанные в «Древней и новой России» в 1876 г. Казань, 1879. С. 40–41.

сти, поскольку во время начавшегося расследования обнаружилось, что в планы бежавших входило «присоединить к себе из... заводов польских преступников и инвалидов чинов... обезоружить пикеты, по Московскому тракту расположенные, завладеть ружьями и патронами», а конечной целью было «пробраться через Бухарию в Польшу». Стало также известно, что ссыльные имели реальную возможность общаться друг с другом, посещали другие заводы, жили по несколько человек в одном приобретенном за собственный счет доме¹. Бежавшие пытались вернуться на родину, но были пойманы. После этого последовало предписание исправляющего должность генерал-губернатора Восточной Сибири с предложением «всех осужденных в работу за преступления против правительства», находящихся в пределах Енисейской губернии и части Иркутской до Байкала, отправить в Нерчинские горные заводы². Интересен факт отношения к сбежавшим ссыльным. В своих записках генерал-губернатор Восточной Сибири С.Б. Броневский пишет: «Однажды из Александровского завода дано было знать, что оттуда бежали важные арестанты из бывших польских офицеров и, вооруженные, пробиваются на солеваренный, чтобы в соединении с тамошними земляками пробираться далее в свою сторону. По распоряжению полковника Злобина расставлены были команды по берегам острова и селения, в том числе и каторжные. Поляки, кроме оружия, имели и другое действительное, т. е. деньги, но ничего не помогло. Каторжные первые их связали и представили Злобину, обобрали их, что называется, как липку»³.

Кроме польских повстанцев в завод были сосланы участники народных волнений, происходивших в 1830-е гг. Это были военные поселяне Новгородской губернии, севастопольские и кронштадские матросы, крестьяне. Всего, по данным Ф. Кудрявцева, в Александровском заводе в 1835 г. было 62 политических ка-

¹ Кодан С.В. Сибирская ссылка участников оппозиционных выступлений и движений в Царстве Польском 1830–1840-х гг. (Политико-юридический срез) // URL: http://lib.pomorsu.ru/exile/Polska_ssyłka/Kodan.doc.

² Савельев А. Материалы по истории поляков-повстанцев 1831 г., сосланных в Сибирь // Сиб. архив. 1914. № 7–8. С. 372–373.

³ Братюченко Ю.В. Генерал-губернатор Восточной Сибири С.Б. Броневский и его «Записки». Иркутск, 2008. С. 196.

торжанина¹, хотя в то время трудно было провести грань между уголовными и политическими преступниками.

В 30-х годах XIX столетия завод посетил генерал-губернатор Восточной Сибири С.Б. Броневский, отметивший в своих мемуарах, что «Александровский винокуренный завод, выкуривающий что-то более 200 тыс. ведер, от солеваренного на другом берегу Ангары в 12-ти верстах, устроен по старой методе. Положение рабочих, по моему осмотру, оказалось самое печальное. Они, находясь денно и ночно у огня, и лохмотья свои обожгли, босы и полунаги; артели никакой, где бы приготавливалась пища, и никакого жилища для них не устроено, куда, правда, и достигнуть невозможно нагу и босу по трескучему морозу. Они, отбыв свою смену, заливали свое горе водкой, которую по тамошнему заведению дарит им винокур, и, огадав кусок хлеба, утомленные бросались тут же в виннице у огня, предаваясь сну... Ручаюсь, что никто без содрогания не может смотреть на эти страшилища! Закоптелые остатки образа человеческого, прикрытые кое-где рубищем, всклокоченные волосы и ужасающие глаза испитого, дикообразного преступника вызывают к состраданию. По новости моей, меня поразил вид этих несчастных. Я, отдав им бывшие при мне деньги и обещав заботиться о лучшей их участи, обратился к чиновникам, по наружности своей выражавшим сытость и довольство, с упреками. Но равнодушие их меня удивило. Они изъяснялись, что это ничего, иначе быть не может, по ограниченному отпуску суммы, что люди беспрестанно бегут, унося платье, а присылаются новые нагие до справок, под вымысленными именами. Такие выражения меня, однако же, не могли успокоить. Я предложил управителю кондиции следующее: построить своими людьми хозяйственно теплую казарму, завести артель, вычитая часть денег из задельной платы, иметь хлеб, квас и приварок, так, чтобы все имели обед и ужин и отдыхали в казарме, завести на те же деньги запас белья, платья и обуви, и чтобы не одетых отнюдь не было; устроить огород для всяких овощей, и, если этого управитель завода не исполнит, то, кроме потеряния места, он предается суду. Такие увещания имели благоприятные последствия для несчастных. Приехав нечаянно другой раз на завод, я все это нашел в устройстве. Люди похожи были на людей, и я остался бы совершенно доволен, как

¹ Кудрявцев Ф. Указ. соч. С. 15.

один рабочей шепнул моему адъютанту о спрятанных от меня арестантах в одном подземелье. Это была нагая толпа страшилиц, частью вновь присланных, которых не успели экипировать. Обман не прошел даром господину управителю. [Мы с ним распрощались]»¹. Управляющий был уволен.

Контингент проживавших в заводе был следующим: сюда ссылались люди за различные уголовные преступления, такие, как убийство, бегство со службы, убийство своего помещика, грабеж, бегство с места поселения после бродяжничества, за святотатство, поджоги. Большинство ссыльных из солдат и крестьян. После отбытия наказания многие отправлялись по другим волостям Иркутской губернии, а многие просто увольнялись на проживание и самостоятельное пропитание. Интересны рассуждения по поводу нравственности преступников того же Броневского: «Не должно впадать в заблуждение, подразумевая под страшно звучащим названием каторжного варнака – людей совершенно опасных и безнадежных. Разбойник – тать, по внушению ловкого соблазнителя, при нужде и бедности, оглушенный вином, впад в преступление, вдруг видит пропасть, в которую себя ввергнул, совесть начинает его со всей силой мучить, и он, чтобы освободиться от этого страдания, часто добровольно отдает себя на другое в руки правосудия и с сильным раскаянием терпеливо влачит свою жизнь в работе и изгнании. Есть много ссыльных за политические противорелигиозные преступления и по замешательствам, происходившим в городах, селениях и полках, увлеченных общим движением или поверивших по невежеству своему нелепым внушениям злокозных лиц. Я знаю, что в заводах и рудниках многие каторжные исполняют со всей верностью интересные должности. Зародыш добра в таких до того силен, что худые примеры и разные рассказы в сонме преступников закоренелых не производят на них ни малейшего влияния»².

Если после перехода завода в казну (в 1787 г.) в нем было определено иметь 154 каторжных, но так как потребность в людях гораздо превышала назначенное число, то оно постепенно увеличивалось и к началу 1850-х гг. дошло до тысячи человек³ («...

¹ Братющенко Ю.В. Указ. соч. С. 195–196.

² Там же. С. 197.

³ Максимов С.В. Указ. соч. Ч. 4. С. 109–110.

ссылнокаторжных при заводе до 1000 человек, из них большая часть зловных и самых отчаянных, прошедших всю Сибирь, и по несколько раз бывших в бегах, потому что лучшие из них обыкновенно выбираются и оставляются в Западной Сибири и часто в Пермской губернии на казенных винокуренных заводах...»¹ (из записки Е.М. Медовикова. 16 декабря 1849 г.). В соответствии с Уложением о наказаниях, пополнять винокуренные заводы необходимо было рабочими, осужденными за малые преступления, чтобы не тратить дополнительные средства на охрану преступников, осужденных за серьезные преступления².

На это количество работавших в заводе для караула состояло нижних воинских чинов Иркутского гарнизонного батальона 98 человек, а также 6 казаков Иркутского казачьего конного полка. В начале 1860-х гг. количество казаков увеличилось. Здесь находился отряд от 1-й и 3-й конных бригад Забайкальского казачьего войска. Заведовал отрядом зауряд хорунжий Бадматар Чжойчжамцуев (Чойжамзуев). Под его руководством состояли 45 казаков. Располагались здесь и 10 казаков Иркутского казачьего полка³. Воинская команда занималась содержанием караулов, встречей и препровождением арестантских партий, а казаки сопровождали транспорты со спиртом, несли полицейскую службу по заводу и командировались с заводскими чиновниками при поездках в Иркутск за получением казенных денег.

Просматривая малочисленные архивные дела из фонда Александровского винокуренного завода, а это в основном статейные списки каторжан, находившихся здесь на работах в 1830–1839, 1854–1855 и в 1857–1866 гг., видим, что многие из ссылнокаторжных мужчин женились здесь же, в заводе, на ссылнокабочих женщинах, а также и на свободных крестьянках, обзаводились домами (покупали или строили), хозяйством, скотом⁴. Отдельные были женаты до совершения преступления, и некоторые из жен приезжали к мужьям. Интересен тот факт, что каторжникам выделялись деньги на приобретения, например

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 7. Карт. 1830. Д. 592. Л. 1–1об.

² Там же. Л. 6–6об.

³ Там же. Карт. 1294. Д. 276. Л. 2 об.; Там же. Карт. 1836. Д. 803. Л. 5.

⁴ ГАИО. Ф. 248 – Александровский винокуренный завод (всего пять дел, из которых четыре – статейные списки).

«...1842 г. апреля 13 числа выделено (Ефиму Ильину. – А. Г.) на покупку лошади 70 руб. ассигнациями»¹.

Постепенно с развитием завода росло и Александровское селение, в котором размещались на жительство и казенные крестьяне, а также отбывшие свой срок каторжники. С.В. Максимов, давая в своей книге «Сибирь и каторга» описание поселений вокруг заводов в 40-е годы XIX в., писал: «...все селения ссыльных приметно застроены, все тюрьмы каторжные окружены большим количеством домов, множеством улиц. Большой Нерчинский завод – целый город, перед которым город Нерчинск уступает в величии и населенности. Хорошего и сильного соперника этому городу мы встречаем в Петровском, Александровском и Усольском заводах»². Сам завод располагался в непосредственной близости от спиртовых и хлебных магазинов, мастерских, был окружен домами ссыльнокаторжных и в случае пожара полностью бы выгорел, как и селение.

Согласно клировым ведомостям, в 1830 г. в заводе числилось 248 дворов, в которых проживало 1338 мужчин и 580 женщин³. В 1845 г. эти цифры выглядят следующим образом: дворов 338, душ мужского пола 1676 и 885 женского. Все православные. Итого 2662 человека. Помимо этого, было 7 еврейских дворов (26 мужчин и 16 женщин) и 8 татарских (45 мужчин и 14 женщин)⁴. С течением времени количество населения в заводе увеличивается, что можно проследить, просматривая клировые ведомости Николаевской церкви. Ко времени закрытия завода число дворов здесь было 544, жило 1557 мужчин и 1378 женщин (данные на 1863 г.)⁵. Проживали здесь и мусульмане, и католики, и иудеи, и лютеране. Большую часть населения составляли бывшие каторжные, отбывшие срок и выпедшие на поселение, а также их дети.

В 1837 г. вышло Высочайшее повеление о том, чтобы снабжение сибирских откупов вином основывать преимущественно на частной промышленности, но, как отмечал современник, это решение «...долго еще не может быть приведено в исполнение. Су-

¹ Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 34.

² Максимов С.В. Указ. соч. СПб., 1896. Т. I. Ч. 1. С. 267.

³ ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 3883. Л. 43 об.

⁴ Там же. Оп. 7. Д. 181. Л. 67 об.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 7718. Л. 93 об.

ществующие здесь ныне частные заводы устроены откупщиками единственно потому, что казенные заводы не в состоянии были доставлять всей необходимой пропорции вина. Они находятся в самом неудовлетворительном положении. Дороговизна работ, бесперывные и значительные изменения цен на хлеб и провозы, недостаток рук, недостаток капиталов, имеющих в Восточной Сибири множество более верных и выгодных предметов для оборота, нежели устройство и содержание заводов, и особенно то обстоятельство, что казенные заводы, действуя не вольными людьми и располагая издержки свои на большие количества вина, всегда будут в состоянии заготавливать его несравненно дешевле, нежели частные люди, – все это долго еще, если не всегда, будет препятствовать устройству здесь частных винокуренных заводов»¹. И далее: «В Сибири помещиков, владеющих крестьянами, – нет, а следовательно, постройку заводов и производство винокурения должно делать вольнонаемными людьми, которых по Сибири трудно находить и по необыкновенно высоким ценам. В казенных же заводах все работы производятся ссыльнокааторжными»².

Несмотря на принятый в 1837 г. закон о снабжении Сибирских откупов вином, основываясь преимущественно на частной промышленности, правительство все равно шло на встречу продолжению деятельности казенных заводов, и когда встал вопрос о возможности заключения контракта с известным откупщиком, устройтелем и содержателем винокуренных заводов Е.М. Медовиковым, то последовало положительное решение, о котором генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву сообщил товарищ Министра финансов в письме от 7 февраля 1852 г.: «...Государь Император Высочайше повелеть соизволил: 1. Предоставить Почетному гражданину Медовикову устроить в Александровском казенном винокуренном заводе каменную паровую винницу, на ежегодную выкурку пятисот тыс. ведер вина, считая на полугарь, в двойном спирте, с обязательством его производить на оном винокурении в продолжение контрактного двенадцатилетнего времени, по назначению главного начальства Восточной Сибири, ежегодно не менее трехсот тыс. и не более пятисот тыс. ведер, считая на полугарь, с тем, чтобы по мино-

¹ Там же. Ф. 24. Оп. 7. Карт. 1830. Д. 592. Л. 73–73об.

² Там же. Л. 90.

вании контрактного двенадцатилетнего срока упомянутый завод поступил в полное распоряжение казны...»¹

И хотя генерал-губернатор в письме Иркутской казенной палате от 4 апреля 1852 г. распорядился: «По случаю нового устройства Александровского винокуренного завода, куда уже впредь каторжные ссылаться не будут... в отношении рабочих немедленно сделать распоряжение о высылке чрез сношение с кем следует острожных и кандалных в Иркутский солеваренный и Петровский железоделательные заводы и предписать смотрителю Ефимову сделать выбор на указанных ему от меня лично основаниях, ссыльнорабочих, – 400 человек для винокура по контракту и 200 человек для завода; остальных же затем назначить к отправке в Николаевский железоделательный завод...»², освободиться от труда каторжных было нереально. В период строительства новой, каменной винницы (1852–1854 гг.) вольнонаемных рабочих было мало, да они еще и уходили на сельхозработы, поэтому Е.М. Медовиков, сетуя на убыль рабочей силы, просил пополнять комплект рабочих из числа первоосужденных, а не бродяг и старых каторжников. Генерал-губернатор Н.Н. Муравьев распорядился в октябре 1854 г. отправить на завод 50 осужденных³. И в дальнейшем рабочая сила в заводе постоянно пополнялась за счет ссыльных. Позднее Медовиков часто обращался в Казенную палату и к Председательствующему в Совете ГУВС с просьбами о поставке рабочих из числа каторжных, согласно 14 и 15 пунктам своего двенадцатилетнего контракта с Казенной палатой (в соответствии с этими пунктами, казна должна была снабжать Медовикова рабочими до 400 человек).

К концу 1840 – началу 1850-х гг. относится описание жизни в заводе, принадлежащее ее смотрителю Ивану Владимировичу Ефимову. «Управление завода состояло из конторы и полиции. Членами конторы были смотритель, как главный начальник завода, и казначей, который в отсутствие смотрителя исправлял, кроме своей, и его должность. Для письмоводства был письмоводитель, а для счетоводства бухгалтер. Полиция же состояла только из одного полицмейстера. Писцами, как в конторе, так

¹ Там же. Л. 196.

² Там же. Л. 262–262об.

³ Там же. Л. 561об.

и в полиции, кроме двоих, определенных на службу из кантонистов, были каторжные. Точно так же из каторжных была вся при полиции команда (так называемые десятичники), а за сим все надзиратели и нарядчик всех работ. Ротою инвалидов, содержавшего все заводские караулы, командовал один военный обер-офицер, а казаками – казачий урядник или же иногда пятидесятник. Кроме того, были еще: священник, доктор и один или два... фельдшера. Инвалиды содержали караулы: при денежной кладовой, магазинах винных, хлебных и материальном; при надзоре за каторжными на работах как в самом заводе, так и вне его, пока это... не было отменено; при остроге, где содержались каторжные, содержимые в оковах до времени вывода их на работу, когда они поступали под караул каторжных же; и, наконец, при больнице, когда в числе больных были находящиеся в оковах. Все эти караулы разводились по надлежащим местам из имевшейся в центре завода гауптвахты. Против нее были дома, где жили смотритель, казначей и полицмейстер. Здание острога деревянное, обнесенное кругом тыном (частоколом из заостренных палей), состояло из четырех камер, разделенных коридором так, что на каждой стороне его было по две камеры. В одной из них помещалась кухня и столовая, а в трех остальных каторжные. В них было очень тесно и могло поместиться не более ста человек. Теснота помещения отзывалась тяжело, в особенности зимою, когда прекращалось плавание через Байкал и следовавшие в Нерчинские рудники и заводы каторжные, до покрытия его льдом, скоплялись в Иркутском тюремном замке. По мере переполнения его приходящими каждую неделю партиями излишек каторжных высылался в два ближайшие к Иркутску завода: солеваренный и управляемый мною Александровский (даже чуть ли не высылали иногда и в Тельминскую фабрику). Тяжесть высылки этой ложилась преимущественно на Александровский завод, так как он находится на одном с Иркутском правом берегу Ангары. Этот, хотя и временный, месяца на 2–3, приход нежелательных гостей, в которых не было никакой для работ надобности, делал путаницу в распределении работ и затруднение в размещении пришедших. Приходилось, чтобы не были праздными, приискивать работу, а для избежания тесноты выводить из острога своих и помещать лучших из них в одно старое здание, называвшееся каталажной, а других в другое ста-

рое здание, где когда-то была больница. В каталажной... помещались обыкновенно те каторжные, которые, быв выпущены из острога, не приискали себе еще квартиры или не поступили в такие работы, при которых можно бы было иметь помещение для жилья. Например: в услугу к служащим в заводе, в караульные при разных казенных зданиях и имуществе или же, наконец, в помощь, как бы в работники, к каторжным же, принадлежащим к отряду конно-рабочих. Конно-рабочие эти имели свои дома, хозяйство и лошадей. За производимые ими заготовку и вывозку того, что было нужно для завода, они получали задельную, по определенной таксе, плату. Вот им-то и давались в работники каторжные. Давались они также, в случае какой-либо потребности в спешной вывозке, и другим конным жителям завода, а именно: пропитанным и малолеткам. Да не подумает читатель, что малолетками они назывались потому, что были несовершеннолетние. Отнюдь нет: многие из них были даже старики, но все-таки их так называли. Это были дети каторжных, приписанные к разным волостям в крестьяне, но оставшиеся в заводе при своих отцах, бывших каторжных, но отслуживших в работе свои сроки и выпущенных, как говорилось тогда, «на пропитание», то есть на все четыре стороны, с полным правом жить, как знают и умеют. Эти пропитанные тоже приписывались к волостям, но только для одного счета, без платы податей и отбывания каких-либо повинностей. Но многие из них оставались в заводе навсегда, при своих хозяйствах, тут жили и умирали. Тут же оставались и дети их. Из них-то большею частью и составились селения в округе (уезде) Иркутском Александровское и Никольское и в Верхоленском Илгинское. Остальные каторжные, составлявшие большую часть, распределялись по работам в виннице и спиртовом отделении, при сыпке в магазины принимаемого от земледельцев хлеба, а потом при перевозке его на винокурение и другие заводские потребности; в кузнице, слесарной, медячной, бочкарне и на постройку заводских зданий. Одним словом, все, что было нужно для действия заводов, делалось руками каторжных. Более слабые или с хроническими болезнями назначались в сторожа, караульные и на другие, более легкие работы»¹.

¹ Ефимов И.В. Из жизни каторжных Илгинского и Александровского, тогда казенных, винокуренных заводов // Рус. архив. 1900. № 2. С. 259–261.

Положение рабочих, передаваемых контрагенту и состоящих за казной, было различным.

Казенные ссыльные получали 3 руб. ассигнациями и два пуда муки в месяц, контрагентские – до 3 руб. серебром, что было значительно больше. Однако вышло так, что казенные, оставшиеся на задельной плате, стали жить лучше, в особенности те, которые знали какое-либо мастерство. Немастеровые старались приписаться к какому-либо из семейств, жители завода охотно принимали ссыльных к себе на квартиры и «довольствовались их харчевым содержанием без платы, получая от них один только провиант». Кроме этого, устроившиеся на квартирах обязывались помогать в домашнем хозяйстве старожилам. Ссыльные имели еще возможность зимой работать на заводе по вольному найму за 50 коп. в сутки, а летом, когда с половины мая до половины августа прекращалось винокурение, большая их часть находилась на заготовке леса для бочек, получая от 4 до 6 руб. в месяц. Из ссыльных также выбирались самые благонадежные на особые работы с жалованием, согласно штату. Например, рядчик получал 70 руб., медяки – 150 руб., кузнецы – 60 руб., плотники, мельники и солодовщики – 50 руб., браговары – 40 руб. в год. Усердные рабочие, прожив один-два года, имели возможность купить домик и завести собственное хозяйство. При этом каторжные женились на дочерях каторжных, раньше поступивших в завод и уже обзаведшихся домами и семьями.

Трудно сегодня по разноречивым данным судить о положении работавших на заводе. С.В. Максимов отмечал, что ссыльные от контрагентов чаще пускались в бега: им не давали порядочной одежды, в самые сильные морозы водили почти босыми; получая по 6 руб. ассигнациями в месяц, ссыльные платили по 4 руб. за еду и за квартиру; одежда выдавалась им под жалование. Представитель же контрагента Медовиков купец Юдин в своем обращении к смотрителю завода сообщал: «Большая часть рабочих... хорошо одеты и ни в чем не нуждаются, тем же рабочим, которые нуждаются, всегда выдается из конторы в пособие на обзаведение одежда и даже самую одежду впредь под жалование... рабочие же, преданные пьянству, карточной игре и лени, всегда и во всем нуждаются, ничем не довольны, жалуются и утруждают начальство...»¹

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 7. Д. 398. Л. 5.

Находящимся при работах на виннице винокур был обязан давать винную порцию. На заводе существовал овощной огород, ссыльным выдавались капуста, говядина, крупа и картофель. Семейным и обзаведшимся хозяйством на содержание свиной выдавалась барда. Барда выдавалась и для лошадей, чьи хозяева составляли особый разряд – конно-рабочих. Получая пособие от казны в лесе и материалах, а также лошадьми, некоторые ссыльные были в состоянии нанимать, например, для возки дров других ссыльных, беднейших. В свободное время ссыльные могли наниматься к крестьянам, сдающим на завод хлеб, носить мешки за договорную плату¹.

Интересно отметить количество бежавших с Александровского винокурного завода: в 1833 г. их было 633 человека, в 1834 г. – 770, в 1835 г. – 754, в 1836 г. – 591, в 1837 г. – 293, в 1838 г. – 32, в 1839 г. – 76, в 1840 г. – 40, в 1841 г. – 71, в 1842 г. – 82, в 1843 г. – 98, а за период с 1 января 1846 г. по 1 ноября 1859 г. – 1013 мужчин и 19 женщин, что в среднем составляло 74 человека в год. Сокращение числа побегов объяснялось уменьшением количества присылаемых на завод рабочих и ослаблением тюремного надзора. Возвращалось на завод добровольно или принудительно крайне незначительное число сбежавших². Количество солдат, охранявших осужденных, было невелико и поэтому, как отмечал управляющий заводом И.В. Ефимов, следить за каторжными «в сущности, было невозможно, потому что один солдат должен был, хотя и посменно, наблюдать за 10 каторжными». Интересно отметить, что В.И. Ефимов ввел надзор за заключенными со стороны самих арестантов. «...Для надзора, где бы то ни было, на работах за каторжными назначались десятники из каторжных же. Они же пред началом работ приходили в тюрьму и там счетом получали от военного караула людей, разводили их по работам и потом счетом же, по окончании работ, их сдавали. Само собою, при этом бывали и недочеты: кто-нибудь, а иногда и несколько, оказывались бежавшими. Но число бежавших, как я и предполагал, не только не превысило числа убежавших при военном карауле, но было

¹ Максимов С.В. Указ. соч. СПб., б/г. Ч. 4. С. 111; ГАИО. Ф. 24. Оп. 7. Д. 398.

² Максимов С.В. Указ. соч. СПб., 1896. Т. 1. Ч. 1. С. 187.

немного меньше. Вероятно, каторжные берегли караульных из своей братии больше, чем караульных инвалидов»¹.

В 1860 г. с января по август сбежало 86 человек, в том числе 3 человека, состоящих в ведении казны, и 83 – от контрагента. Побегов было много, но, по отзывам самих каторжников, «содержание, им положенное, доходит до них исправно и претензий никаких [они] не имеют»².

Такое заявление может показаться удивительным, но все-таки оно отчасти правдиво. Из того же обращения А. Юдина к смотрителю завода мы узнаем, что после того, как завод и его рабочие перешли в ведение Е.М. Медовикова, они стали получать плату за свой труд от 5 до 6 руб. и более ассигнациями в месяц, «смотря по их способностям и поощрению к труду, усердию и порядку», и два пуда муки, а при нахождении завода в казне рабочим платили только 3 руб. и те же два пуда муки. И еще один любопытный факт приводит А. Юдин: «Жители завода охотно принимают к себе на квартиры рабочих и довольствуют их харчевым содержанием без платы, получая от них один только провиант с тем, чтобы они в свободное от работы время, которого у них во время действия винокурения половина суток, помогали им по хозяйству, кроме того, имеют еще выгоду в заводе зимою повольно зарабатывать до 50 коп. серебром в сутки, а летом большая часть из них, находясь в дровосеке и в добыче бочечного леса, получают задельную плату, на этой работе усердные могут заработать от 4 до 6 руб. серебром в месяц, так что многие из рабочих, поживя в заводе один или два года, имеют возможность купить домик, завести собственное свое хозяйство и жить безбедно...»³

Как отмечалось в одном из отчетов в начале 1860-х гг., «...увеличение побегов ссыльнокаторжных на этом заводе произошло от того, что сюда в настоящее время исключительно почти присылались и большею частью ныне состоят рабочие из бродяг, склонных к тунеядству и бродяжничеству, – удержать же их от побегов решительно невозможно: по неимению в заводе острога и необходимому вследствие того дозволению жить им на частных квартирах, а также и надзору за ними во время работы чрез

¹ Ефимов И.В. Указ. соч. // Рус. архив. 1900. № 1. С. 104.

² ГАИО. Ф. 24. Оп. 7. Карт. 1360. Д. 18. Л. 4 об.

³ Там же. Д. 398. Л. 4 об.-5.

ссылных же... одно средство: возобновив здесь острог, содержать в нем всех необжившихся и ненадежных ссылных»¹.

«Нравственность рабочих людей в 1856 г. нельзя назвать совершенно удовлетворительною в сравнении с предыдущим и прежними годами, что и заставляло заводское начальство прибегать к более частым против прежнего мерам наказаний, ибо хотя важных преступлений рабочими не делалось, но склонность к дурному побуждала их довольно часто на проступки маловажные, каковые: пьянство, лень к работе, самовольные отлучки от оной, мелочные кражи, мошенничество и проч., происходившие главнее от того, что вместо большого числа рабочих, уже обжившихся в заводе и за всемиловейшее дарованными сокращениями освобожденных от работ, вдруг поступило много новых, назначенных в рудники, а иные же из бродяг, которые, как известно, имеют самую дурную нравственность. Побег рабочих из завода так же не редки и происходят от неимения здесь средств к более строгому надзору за ними, от закоренелой привычки к бродяжничеству ссылных, назначаемых в заводскую работу из бродяг, и от желания избавиться от работы и прописаться под чужим именем на поселение»².

В этом же архивном деле отмечается большое количество побегов рабочих с завода (десятками), поэтому от военного губернатора Иркутска и иркутского гражданского губернатора генерал-лейтенанта К.К. Венцеля к Казенной палате поступило требование: «строго обязать заводское начальство усилить надзор за рабочими и принять все возможные меры к предупреждению и удержанию рабочих от побегов»³, но и после этого побег продолжались.

«В течение 1864 г. ссылнорабочие винокуренного завода, обжившиеся в нем или имеющие домообзаведения и хозяйства, а из вновь поступивших в завод сосланные прямо из России, вели себя очень хорошо, представляя образцы примерного трудолюбия, послушания и безропотной покорности своей участи; нравственность же остальных рабочих, состоящих из бродяг и поселенцев, можно также считать удовлетворительною, как по меньшему числу совершенных ими преступлений и проступков,

¹ Там же. Д. 20. Карт. 1360. Л. 31, 32.

² Там же. Ф. 24. Оп. 7. Карт. 1299. Д. 340. Л. 8–8об.

³ Там же. Л. 33об.

так и уменьшению самих побегов, которых учинено ими в сравнении с предыдущим и прошлыми годами гораздо менее»¹.

К 1860 г. число жителей составляло 1536 лиц мужского пола и 1146 – женского. Нужно отметить, что численность населения не была постоянной, а, как видно из приведенных цифр, менялась, но была достаточно высокой. Например, каторжных и водворяемых рабочих на 1 августа 1860 г. состояло: находящихся в распоряжении контрагента завода Медовикова: мужчин 429, женщин 41; в распоряжении казны: мужчин 83, женщин 17².

После закрытия в 1866 г. завода генерал-губернатор М.С. Корсаков распорядился, чтобы те из каторжных рабочих, которые уже обзавелись домохозяйством в Александровском заводе, в другие места не переселялись. К 1866 г. в заводе состояло: рабочих – 409 мужчин и 117 женщин и их детей – 148 мужчин и 141 женщина; пропитанных – 303 мужчины и 272 женщины и их детей – 209 мужчин и 166 женщин, а также разного звания людей, которые проживали здесь постоянно – 845 мужчин и 767 женщин. У этих жителей в 1865 г. имелось следующее имущество (табл. 1)³.

Таблица 1

Категория населения	Дома	Лошади	Крупный рогатый скот	Бараны, овцы и свиньи
Рабочие завода	62	129	122	741
Пропитанные и крестьян	504	281	304	572
Люди разного звания	41	117	130	239

¹ Там же. Карт. 1836. Д. 803. Л. 8.

² Там же. Карт. 1360. Д. 18. Л. 4.

³ Там же. Карт. 2143. Д. 198. Л. 7 об.–8.

Проблема кадрового обеспечения тюрем Нерчинской каторги на примере Зерентуйской каторжной тюрьмы

В статье дана характеристика кадрового состава администрации Зерентуйской каторжной тюрьмы, надзора и конвойной стражи.

Marina G. Bodyak

The characteristics of the active list of administration of Zerentyu convict prison, intendance, and escort guard has been developed.

В конце XIX века в Забайкальской области, в пределах Нерчинско-Заводского уезда, были расположены семь каторжных тюрем, которые и составляли Нерчинскую каторгу. Нерчинская каторга делилась на 2 тюремных района: Зерентуйский и Алгачинский. В первый входили Зерентуйская, Мальцевская, Кадаинская тюрьмы и Кутомарский барак (для внетюремного разряда). Эти тюрьмы были объединены в заведование и в особом Управлении Нерчинской каторги, во главе которого назначался начальник каторги в чине полковника или генерал-майора, подчиняющийся военному губернатору Забайкальской области. Для управления Нерчинской каторгой существовал временный штат чинов, утверждённый императором 4 марта 1869 г. Проект новых штатов был составлен в 1890 г., но утверждён не был. Заведующим (начальником) Нерчинской каторги в марте 1889 г. был назначен капитан артиллерии К.Ф. Томилин. Главный пункт Управления каторгой с 1891 по 1912 гг. находился в Горном Зерентуе¹. Заведующим Зерентуйским тюремным районом (а также смотрителем Зерентуйской тюрьмы) был назначен Кубасов².

¹ ГАЧО. Ф. 1(т). Оп. 1. Ед.хр. 87. Л. 2 об.- 4об.; Ед. хр. 95. Л. 7 об.; Ф. 113. Оп. 7. Ед.хр. 658. Л. 1; ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед.хр. 4677 (к. 584). Л. 1, 13 об.; Дворянов В. В Сибирской дальней стороне...: Очерки истории царской каторги и ссылки (60-е годы XVIII в. – 1917 г.). – Минск, 1971. С. 310.

² ГАЧО. Ф. 28. Оп. 3. Ед. хр. 9. Л. 148.

Преобразование Нерчинской каторги началось 5 июня 1895 г. Император утвердил Правила об управлении Нерчинской каторги¹. В составе Управления Нерчинской каторги было образовано Особое присутствие под председательством начальника каторги, двух начальников тюрем или их помощников и при участии помощника областного прокурора и врача. Начальник Зерентуйской каторжной тюрьмы 1-го разряда неизменно включался в состав Присутствия. На обязанности Присутствия возлагалось рассмотрение следующих дел: освидетельствование каторжных, оказывающихся совершенно неспособными к работам (с помещением их в богадельни на основании 313, 315 ст. Устава о ссыльных, изд. 1890 г.); освобождение каторжных от оков с переводом в разряд исправляющихся (286, 296 ст.); о разрешении каторжным жительства вне тюрьмы (305, 306 ст.); о разрешении браков каторжных между собой и со ссыльнопоселенцами (412 ст.); постановления приговоров о наложении на каторжных наказаний (437, 443, 445, 453 ст.) и другие².

Были учреждены и штаты каторги. Для семи входящих в состав каторги отдельных мест заключения было положено соответствующее число должностей начальников и помощников начальников тюрем, чинов надзора и конвойной стражи, а также священников, врачей, фельдшеров.

Анализ документов, хранящихся в Государственных архивах Иркутской и Читинской областей (в большинстве это приказы и годовые отчёты начальника Нерчинской каторги по управлению

¹ Устав о ссыльных. //Свод Законов Российской империи. Кн. 4. Т. 14. М., 1910. Приложение к ст. 26.; О преобразовании Управления Нерчинской каторги и об утверждении штатов Управления и конвойной стражи. //Тюремный вестник. 1895. № 9. С. 439, 492; 1910. № 2. Приложение. С. 27; Право. 1908. № 30. С. 1654-1656; 1911. № 6. С. 321-322; Краткий очерк тюремного устройства и мероприятий в области тюремного дела в России за 1905-1910 гг. //Журнал Министерства Юстиции. СПб., 1910. № 7. С. 198-202; Марколла Л.И. Устав о ссыльных с разъяснениями Правительствующего Сената. Иркутск, Издание 2-е. Паровая типолитография П. Макушина и В. Посохина. 1911. С. 123-125; Клер Л.С. Органы управления Нерчинской каторги (середина XIX в. – 1917 г.). //Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в.- февраль 1917 г.). Вып. 11. Иркутск, ИГУ. 1989. С. 139-157.

² ГАЧО. Ф. 1(г). Оп. 4. Ед. хр. 210. Л. 34 об., 41об.; Ф. 28. Оп. 1.Ед. хр. 18. Л. 355-357.

и содержанию ссылокаторжных), позволил выявить имена следующих начальников Зерентуйской каторжной тюрьмы и их помощников, данные выразим в таблице:

**Начальники Зерентуйской каторжной тюрьмы
и их помощники:**

№	Начальники тюрьмы	Сроки пребывания на должности	Помощники начальника тюрьмы	Сроки пребывания на должности
1.	Коллеж. секретарь Пётр Алексеевич Зеленский (сменил Кубасова)	С 26 августа 1888 г.	Данные не обнаружены.	-
2.	Губернский секретарь Плотников	До 1894 г.	-	-
3.	Канцелярский служащий Михаил Михайлович Григорьев	С 1 января 1894 г.	-	-
4.	Надворный советник Павел Порфирьевич Фицев	До 25 октября 1896г.	-	-
5.	Коллежский, с 1903 г. статский советник Александр Феликсович Франио	С 25 октября 1896 г.	Временно и.д. коллежский регистратор Владимир Андреевич Модзольевский. Коллежский ассессор Григорий Ильич Окладников. Коллежский регистратор Леонид Михайлович Павловский. Канцелярский служащий Тарасов. Титулярный советник Пахоруков. Титулярный советник Михаил Александрович Макаров. Коллежский регистратор Иннокентий Степанович Лапердин и губернский секретарь Станислав Викентьевич Котынский.	До 16 января 1897 г. С 16 января 1897 г. С 3 декабря 1898 г. С 1900 г. С 1903 г.
6.	Губернский секретарь Станислав Викентьевич Котынский.	С 1 мая 1906 г.	Прежние помощники.	-
7.	Надворный советник Иван Дмитриевич Покровский. Во время его болезни Временно и.д. П.П. Фицев.	С 18 июля 1906 г. до 12 июня 1907 г., затем ушёл в отставку по болезни.	Титулярный советник Л.М. Павловский. Губернский секретарь С.В. Котынский.	-
8.	Временно и.д. Лев Андреевич Евтин.	С марта 1907 г.	Прежние помощники.	-

9.	<p>Штабс-капитан Лев Афанасьевич Ладыгин.</p> <p>и.о. И.Д. Покровский.</p>	<p>С 12 июня 1907 г. до 11 апреля 1908 г.</p> <p>С 1 дек.1908 г.</p>	<p>Губернский секретарь Шилимов. Канцелярский сотрудник Алексей Фёдорович Нестеров. Коллежский регистратор Гайлюнас. Александр Николаевич Метевский. Николай Апполинарьевич Ивановский. Коллежский секретарь Людомир Николаевич Островский.</p> <p>Не имеющий чина Николай Яковлевич Антипин. Не имеющий чина лично- почётный гражданин Александр Михайлович Егоров.</p>	<p>До 1 сентября 1908 г.</p> <p>До 19 августа 1908 г.</p> <p>С 3 апреля 1908 г.</p> <p>С 6 сентября 1908 г.</p> <p>С 11 октября 1908 г.</p>
10.	<p>Временно и.д. штабс-капитан Геннадий Николаевич Чемоданов.</p>	<p>С 25 июня до 25 ноября 1910 г.</p>	<p>К числу прежних помощников переведён из Акатуйской тюрьмы титулярный советник Михаил Павлович Сутурин.</p>	<p>С 30 сентября 1910 г.</p>
11.	<p>Коллежский ассессор Илларион Иванович Высотский.</p>	<p>Назначен на должность 7 сентября 1910 г., прибыл в Зерентуй 24 ноября. Рапортовал о приёме тюрьмы 4 декабря.</p>	<p>Александр Николаевич Даль, Виктор Михайлович Каблуков, Владимир Александрович Гарин.</p>	
12.	<p>Коллежский советник Александр Александрович Ковалёв.</p>	<p>С 25 июня 1912 г., с началом I Мировой войны был мобилизован на фронт.</p>	<p>С.В. Котынский, Поручик Пётр Фёдорович Шестаков, Не имеющий чина, служивший надзирателем Михаил Фёдорович Щербаков.</p>	
13.	<p>Коллежский регистратор Я.И. Кекс.</p>	<p>До ликвидации тюрьмы в 1917 г.</p>	<p>Данные не обнаружены.</p>	

Как видно из данной таблицы¹, многие начальники тюрьмы были назначены исполнять должность временно. Например, несколько месяцев продолжалась служба на этой должности помощников начальников тюрьмы П.П. Фищева, С.В. Котынского, помощника начальника каторги Л.А. Евтина, начальника конвойной команды Г.Н. Чемоданова. Только А.Ф. Франио более 10 лет управлял тюрьмой бессменно. Он же получил больше всех выговоров за «упущения и небрежность к службе»: небрежно вёл денежную отчётность и делопроизводство, несвоевременно представлял ежемесячные ведомости (что вообще было характерно для начальников Зерентуйской тюрьмы, хотя они ближе всех остальных находились от Управления каторги)².

Часто тюремные чиновники переводились из одной тюрьмы каторги в другую, со сменой должностей. Особенно это касалось помощников начальников тюрем. Поэтому очень сложно проследить хронологические рамки их пребывания на этой должности. В 1908 г. на должность помощника начальника тюрьмы было назначено больше служащих, чем положено по штату, что объяснялось «массой работы» в тюрьме³.

¹ Таблица составлена на основании следующих источников: ГАЧО. Ф. 1(т). Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 3; Ед. хр. 95. Л. 9; Ед. хр. 98. Л. 212, 305 об., 457; Ед. хр. 146. Л. 7; Ед. хр. 150. Л. 115 об.; Ед. хр. 132. Л. 26; Ед. хр. 151. Л. 82; Ед. хр. 160. Л. 179, 252, 289 об., 317, 326; Ед. хр. 168. Л. 35; Ед. хр. 488. Л. 154; Оп. 4. Ед. хр. 233. Л. 13; Ед. хр. 247. Л. 12; Ед. хр. 258. Л. 12 об; Ед. хр. 292. Л. 6; Ед. хр. 293. Л. 13 об.; Ед. хр. 339. Л. 2; Ф. 50. Оп. 1. Ед. хр. 431. Л. 133; Ф. 28. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 34; Оп. 3. Ед. хр. 9. Л. 148; Ед. хр. 29. Л. 59; Ед. хр. 32. Л. 150, 260, 281, 345; ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 2699 (к. 492). Л. 3 об., 31 об.; Ед. хр. 3575 (к. 526). Л. 45; Ед. хр. 4170 (556). Л. 208, 368, 388; Ед. хр. 4527 (к. 577). Л. 4; Ед. хр. 3685 (к. 533). Л. 41, 85, 91, 161, 202, 226, 242, 337; Ед. хр. 4543 (к. 577). Л. 276; Тюремный вестник. 1897. № 1. С. 5; 1901. Приложение к № 2; 1914. Приложение к № 8-9; Ковальская Е.Н. В Горном Зерентуе 90-х годов. // Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги. Сборник воспоминаний, документов и материалов (под редакцией А. Диковской-Якимовой и В. Плескова). М., 1927. С. 151.

² ГАЧО. Ф. 1 (т). Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 144 об.-145, 194, 199 об-200 об., 287 об. – 288, 309 – 309 об., 326, 394 – 396 об., 407 об. – 410.

³ ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед.хр. 3685 (к. 533). Л. 41.

Не всегда помощники начальника тюрьмы честно относились к своим прямым обязанностям. Известны факты прямого воровства казённых вещей (одежды, обуви) с целью наживы помощником начальника тюрьмы по хозяйственной части, служившим до этого назначения старшим медицинским фельдшером Кутомарской тюрьмы, Н.Я. Антипиным¹. В результате осенью и весной заключённые ходили на работы буквально босиком. Ряд дознаний по поводу отморожения ног заключёнными во время пути следования их из одной тюрьмы в другую показал, что частично они связаны с обменом (за несколько копеек) каторжными обувью на этапных пунктах с пересыльными поселенцами. Имело место и расследование о неудовлетворительности арестантской обуви на Нерчинской каторге. Тогда Антипин был уличён в продаже нескольких пар бродней в лавку местного купца Щёгалева. Но почему-то Антипину позволили просто подать в отставку, вероятно, чтобы не подводить И.Д. Покровского, которому и так при сдаче тюрьмы пришлось заплатить порядочную сумму за недостающую муку и прочее.

Помощник начальника тюрьмы Н.А. Ивановский был уволен от должности с исключением от службы на основании приговора Правительствующего Сената от 1 апреля 1908 г. за признание его виновным по 338, 339, 1 ч. 341, 1 ч. 65 и 152 ст. Уложения о наказаниях².

Расходы на содержание чинов администрации Нерчинской каторги показывает следующая таблица:

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 4214 (к. 558). Л. 214-216, 219, 222-223 об., 235-238; Ед. хр. 3685 (к. 533). Л. 226; Ед. хр. 4838 (к. 592). Л. 216; Право. 1911. № 15. С. 946; Ф. Кормильцев. Борьба с «Иванами». //Нерчинская каторга. Сборник Нерчинского землячества. Изд. поллиткаторжан. М., 1933. С. 131; Чемоданов Г.Н. Нерчинская каторга. Воспоминания бывшего начальника конвойной команды / под ред. Н. Чужака и В. Плескова. Изд. 2-е. – М.: Изд-во п/к., 1930. С. 47.

² ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 3685 (к. 533). Л. 226.

Содержание (в год) по штату, утверждённому 5 июня 1895 г.¹

Должность	Жалование	Столовых	Класс по должности	Всего (руб.)
Начальник каторги	2000	1600	V	3600
Ему на разъезды в пределах каторги				1000
Помощник нач. каторги	1800	600	VI	2400
Архитектор	800	800	VII	1600
Нач. тюрьмы 1 разряда	1800	600	VI	2400
2 разряда	750	7580	VII	1500
Помощник нач. тюрьмы 1 разряда	500	500	VIII	1000
2 разряда	450	450	X	900
Тюремный врач	900	900	VII	1800
Священник	600	600	-	1200
Фельдшер	300	300	-	600
Акушерка	300	300	-	600

Материальное положение начальника Зерентуйской каторжной тюрьмы было довольно неплохим, его оклад приравнивался окладу помощника начальника каторги и немного превышал оклад помощника Иркутского губернского тюремного инспектора². Жалование же начальников мест заключения общего устройства не выходило за рамки 400-600 р. в год³.

¹ ГАЧО. Ф. 1 (т). Оп. 1. Ед. хр. 95. Л. 9; Ед. хр. 151. Л. 34; Тюремный вестник. 1895. № 9. С. 442-443; 1908. № 3. С. 265-299.

² По штату, утверждённому 1 июня 1895 г. Иркутскому тюремному инспектору был назначен годовой оклад 3 тыс. руб., его помощнику – 2200 руб., секретарю – 900 руб. //Тюремный вестник. 1895. № 7. С. 344-345.

³ ГАИО. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 10. (ОЦ 76). Л. 99; Журнал Министерства Юстиции. 1910. № 7. С. 200.

Штатное содержание чинов тюремной администрации и стражи дополнялось ежегодным вознаграждением из сумм арестантского заработка. Чины тюремной администрации на основании закона от 15 июня 1887 г. пользовались сокращёнными сроками выслуги на пенсию, по расчёту 25 лет службы за 35 лет¹. Общей тюремной инструкции не существовало, все важнейшие вопросы по управлению местами заключения разъяснялись МВД и ГТУ в форме циркуляров, предписаний и положений.

Начальник места заключения являлся полным распорядителем и главным ответственным лицом во вверенном ему тюремном учреждении, заведя всеми отраслями управления, хозяйства, надзора и внутреннего порядка в тюрьме². На его ответственности лежала правильность приёма каторжан в тюрьму, назначение их на работы, соблюдение сроков освобождения отбывших наказание заключённых. Он отвечал за внутренний порядок и правильность содержания каторжан с точки зрения исполнения режима. Ремонт зданий, отопление, освещение производилось под непосредственным его наблюдением и ответственностью. Он заботился о бережном расходовании и сохранности всех отпускаемых ему на надобности тюремного учреждения кредитов (казённые и арестантские деньги, ценные вещи и документы хранились в конторе тюрьмы). В функции начальника тюрьмы входило правильное ведение делопроизводства и счетоводства, наблюдение за исправным выполнением своих обязанностей подчинённых ему должностных лиц; он распределял между своими помощниками обязанности по заведению административным порядком, хозяйственной частью, внутренними и внешними работами заключённых, канцелярией и бухгалтерией.

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 2960 (к. 502). Л. 30 об. 31; Тюремный вестник. 1910. № 2. Приложение. С. 7; Журнал Министерства Юстиции. 1910. № 7. С. 203.

² В 1908 г. Министерством юстиции был внесён в Государственную думу законопроект о правах и обязанностях начальников мест заключения. //Сибирь. 1908. № 3. С. 2-3; Общая тюремная инструкция (проект), применялась в виде эксперимента с 1 марта 1912 г., а 28 декабря 1915 г. была утверждена министром юстиции Хвостовым. //Тюремный вестник. 1912. № 1. С. 52-56; Сибирь. 1908. № 35. С. 2; Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 3. (1870-1900). Изд-е 3. М., 1961. Гл. 1. С. 37; ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 4731 (к. 587). Л. 4-53, 95, 145.

Чтобы профессионально исполнять свои функции, начальник тюрьмы, прежде всего, должен был обладать деловыми качествами. Однако не о каждом из начальников Зерентуйской каторжной тюрьмы можно найти положительный отзыв в этом отношении. Например, по характеристике, данной начальником ГТУ С.С. Хрулёвым И.Д. Покровскому, явствует, что он принадлежал «к числу бездеятельных, слабых в отношении тюремной дисциплины начальников тюрьмы»¹.

Покровский Иван Дмитриевич несколько раз занимал должность начальника Зерентуйской тюрьмы. Хотя в марте 1907 г. он просился в отставку по болезни, но согласился временно² исполнять обязанности начальника тюрьмы в связи с отстранением от должности Л.А. Ладыгина за побег заключённого. Красноречивое описание его характера и деловых качеств можно найти в воспоминаниях бывшего начальника конвойной команды Г.Н. Чемоданова³. Окончив несколько классов Костромской духовной семинарии, Покровский был заброшен судьбою в далёкое Забайкалье, где в Чите устроился чиновником областного управления. К концу службы, в погоне за хорошей пенсией и другими материальными благами, он решил перейти на должность начальника тюрьмы.

Тюремщика из него не вышло вследствие мягкости характера, помешали и неудачно сложившиеся внешние условия (революция 1905 г., переполнение тюрем политическими, убийство в 1907 г. начальника Алгачинской тюрьмы Бородулина и начальника каторги Метуса). Из страха перед начальством Покровский должен был применять карательные меры в тюрьме, одновременно, боязнь участи Бородулина заставляла Покровского вступать в соглашения с политическим коллективом (детей Покровского обучали политические вольнокомандцы; две его дочери впоследствии вышли замуж за бывших политкаторжан). После отставки Покровский переехал в Читу.

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 3134 (к. 508). Л. 104 об., 106.

² С декабря 1908 г. до августа 1910 г. //ГАЧО. Ф. 1 (т). Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 13 об.; Ед. хр. 150. Л. 115 об.; Ед. хр. 165. Л. 100; Оп. 4. Ед. хр. 292. Л. 6; Ф. 28. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 34; Горбунов Н. Нерчинская каторга. //Советское Приаргунье. 1972. № 21. 17 февраля.

³ Чемоданов Г.Н. Нерчинская каторга... С. 51-52.

Чемоданов Геннадий Николаевич не принадлежал к числу штатных тюремщиков, он был строевым офицером, начальником конвойной команды. Как военный, он считал политических заключённых пленными, а не преступниками. Он относился к ним с уважением, как сам это признавал, сочувствовал им, стремился облегчить их участь¹. Посетивший в октябре 1910 г. тюрьмы каторги помощник прокурора Читинского Окружного суда Булах, выразил своё удовольствие, заметив «корректный, но настойчивый способ управления тюрьмой Чемоданова»². Характеризуя личные качества Чемоданова, помощник начальника тюрьмы А.Н. Даль отмечал: «Капитан Чемоданов к администрации и надзору тюрьмы относился строго, но справедливо, входил в их нужды и в нужды заключённых, поэтому в короткое время своим отношением приобрёл всеобщее уважение»³.

Как о чиновнике, «обладающем хорошими служебными качествами и несомненными административными способностями», высказывался начальник каторги Н.Л. Забелло об И.И. Высотском⁴. Подобное впечатление о нём сложилось у военного губернатора и тюремного инспектора Забайкальской области. Однако одновременно эти же чиновники считали Высотского человеком крайне неуживчивым, благодаря своему «дурному характеру», упрямым и недисциплинированным, что «парализовало всю дальнейшую деятельность»⁵. По мнению вице-губернатора Беломестнова, «Высотский недостаточно развитый, у него не хватает такта при обращении с заключёнными, он заранее угрожает им розгами»⁶.

¹ Чемоданов Г.Н. Указ. соч. С. 75; Дворниченко Н.Е. Во глубине сибирских руд. Иркутск, 1968. С. 107. Ссыльнокаторжный В.М. Серов свидетельствовал, что «Чемоданов относился к политзаключённым тактично и корректно, не поступаясь, однако, требованиями тюремной дисциплины» // ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 4226 (к. 560). Л. 77, 83.

² ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 4226 (к. 560). Л. 14 об., 16 об., 24, 28 об., 56.

³ Там же. Л. 62 об.

⁴ ГАЧО. Ф. 113. Оп. 7. Ед. хр. 41. Л. 4 об-5 об.

⁵ ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 4549 (к. 578). Л. 3об.-4.

⁶ ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 4226 (к. 560). Л. 25.

Из сохранившихся описаний Высотского¹ можно представить себе его портрет: человек небольшого роста, блондин, с коротко подстриженными волосами «ёжиком», с «белобрысыми» усами, с лицом без улыбки. Светло-голубые, почти белые глаза производили тяжёлое впечатление своей металличностью. Среди людей равных, общества которых он избегал, он чувствовал себя не на месте (ёжился, словно на иголках), старался быть подчёркнуто вежливым. Эта резко выраженная неестественность была неприятна и тяжела для окружающих, его общества избегали. Все видели в нём бездушного формалиста и чиновника.

Высотский начал службу околоточным надзирателем городской полиции в Харькове. Был начальником Печенежского, Пермского и Николаевского исправительных отделений, Орловской губернской тюрьмы. После покушения на него эсера Б. Логунова в июне 1912 г., Высотский был переведён начальником Владивостокской тюрьмы. После переворота 1917 г. он был арестован и отправлен в Петроград, где вскоре был освобождён и поступил десятником на Путиловский завод. Высотский добился наряда на вагон для вывоза из Владивостока своей семьи и имущества (у него была ценнейшая художественной резной работы мебель, сделанная заключёнными). В декабре 1917 г. во Владивостоке Высотского опознали (ведь он прожил там 7 лет) и, арестовав, поместили во Владивостокскую тюрьму, где он недавно был «царь и бог», где теперь к нему применили введённый им самим порядок содержания. Через три месяца, с подходом к Владивостоку интервентов, Высотского решили отправить в Иркутск. По дороге между Читой и Иркутском его нашли повесившимся в поезде на ремне от брюк. Существует мнение, что Высотский был убит уголовниками².

¹ Чемоданов Г.Н. Тюремщик Высоцкий. М., 1929. С. 21; Пирогова А. Конец Нерчинских палачей. //Г.Н. Чемоданов. Нерчинская каторга...С. 168; То же. //Каторга и ссылка. 1928. № 7. С. 164-168; В. Плесков. Памятные дни. //Каторга и ссылка. 1922. № 3. С. 46; Тагаров З.Т. Протесты политических каторжан Зерентуйской, Алгачинской и Кутомарской тюрем в 1910-1912гг. //Ссылные революционеры в Сибири... Иркутск, 1981. Вып. 6. С. 69.

² Щербаков Н.Н. Режим ссылки и положение политических ссылных Сибири в начале XX века. //Сибирский исторический сборник (социально-экономическое и политическое развитие Сибири). Отв. ред. Агалаков В.Т. Вып. 2. Иркутск, 1974. С. 43.

Немногие из начальников Зерентуйской тюрьмы были профессиональными тюремщиками, кроме того, эту должность занимали и чиновники с «нечистым» прошлым. Например, в 12 номере газеты «Социал-демократ» за 1910 г. была описана служебная карьера А.А. Ковалёва¹. Он происходил из потомственных дворян. Окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище. За растрату казённых денег был исключён из полка. С 1901 г. стал служить в тюремном ведомстве. Будучи незначительным чиновником, он по делу о ревизии Амурской колёсной дороги явился с докладом к Столыпину в тот самый момент, когда там произошёл взрыв. Ковалёв при этом не пострадал, всё же ему дали повышение и назначили сначала помощником начальника Александровского централа (Иркутской губернии), а затем начальником Иркутской тюрьмы. За короткое пребывание здесь, Ковалёв сумел сделать две растраты в 8 и 6 тысяч рублей. За первую его перевели начальником Кутомарской тюрьмы, за вторую присудили к вычетам растроченной суммы частями из жалованья. Г.Н. Чемоданов в своих воспоминаниях подтверждает эту характеристику Ковалёва и дополняет: «Деспот на тюремном поприще, «Коваль», как его называли арестанты, к политическим относился сносно, осторожно, т.к. боялся террора»². С 1912 г. Ковалёв был начальником Зерентуйской тюрьмы, в 1914 г. был мобилизован в армию. В 1923 г. он был осуждён по решению Верховного Суда РСФСР к 5 годам тюремного заключения условно.

Действительно, Ковалёв был «заподозрен в неблагонадёжности и служебном преступлении»³ по отношению к политзаключённому. Это выяснилось при объезде военного губернатора Забайкальской области А.И. Кияшко в сопровождении тюремного инспектора Э.Н. Фон-Кубе тюрем и промысловых работ Нерчинской каторги осенью 1912 г. Будучи начальником Кутомарской тюрьмы, Ковалёв часто отправлял под видом больных политзаключённых в Горный Зерентуй для помещения в тюремную больницу. Таким образом, политзаключённые

¹ «Социал-демократ» – центральный орган РСДРП, выходил с февраля 1908 по январь 1917 гг. //ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 3867 (к. 547). Л. 137-138.

² Чемоданов Г.Н. Нерчинская каторга...С. 183.

³ ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 4678 (к. 584). Л. 39, 62.

Кутомарской тюрьмы свободно общались с политзаключёнными Зерентуйской тюрьмы. С 1 июля по 30 сентября 1912 г. в Зерентуй было отправлено 24 политзаключённых, из которых 11 вскоре были возвращены обратно, как признанные не нуждающимися в «лазаретном пользовании»¹. Вольнокомандцы Кутомарской тюрьмы при Ковалёве спокойно разгуливали по селу в собственной одежде и разъезжали по окрестностям. В телеграмме от 21 сентября 1912 г. Иркутскому генерал-губернатору, Кияшко сообщал, что Ковалёв «допускал беспорядки в отношении соблюдения режима содержания политзаключённых»² и в Зерентуйской тюрьме.

Огромное здание тюрьмы, практически постоянно переполненное особо опасными преступниками, требовало целого штата охраны, выполняющей надзирательские и караульно-конвойные обязанности. Количество надзирателей при тюрьмах Нерчинской каторги штатами не было определено, назначение их предоставлялось военному губернатору Забайкальской области. Анализируя обнаруженные данные о числе надзирателей Зерентуйской каторжной тюрьмы, и сведя их в таблицу³, приходим к выводу, что количество надзирателей колебалось в разные годы исследуемого периода от 21 (в 1894 г.) до 80 человек (в 1916 г.).

¹ Там же. Л. 67, 67об.

² Там же. Л. 39.

³ Таблица составлена на основе следующих источников: ГАЧО. Ф. 1 (т). Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 7-7 об.; Ед. хр. 95. Л. 10 об., 13; Ед. хр. 104. Л. 7 об.; Ед. хр. 132. Л. 27 об.; Ед. хр. 146. Л. 8 об.- 9; Ед. хр. 168. Л. 5; Ед. хр. 153. Л. 135; Ед. хр. 488. Л. 2-2 об, 157; Оп. 4. Ед. хр. 233. Л. 14-14 об.; Ед. хр. 247. Л. 13-13 об.; Ед. хр. 258. Л. 13 об.; Ед. хр. 259. Л. 3 об.-4; Ед. хр. 266. Л. 3 об.; Ед. хр. 292. Л. 7 об.; Ед. хр. 293. Л. 17; Ед. хр. 311. Л. 3-4; Ед. хр. 339. Л. 4; Ед. хр. 368. Л. 9; Ф. 1 (с). Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 47; Ф. 113. Оп. 7. Ед. хр. 649. Л. 214; Ед. хр. 271. Л. 102 об.; Ед. хр. 955. Л. 209; Ф. 50. Оп. 1. Ед. хр. 431. Л. 131; Ф. 28. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 743 об. ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 2388 (к. 482). Л. 81 об.; Ед. хр. 2699 (к. 492). Л. 4 об., 32 об.- 33; Ед. хр. 3609 (к. 527). Л. 5 об.; Ед. хр. 4173 (к. 556). Л. 6; Ед. хр. 4527 (к. 577). Л. 6; Тюремный вестник. 1909. № 8-9. С. 858.

Количество надзирателей в Зерентуйской каторжной тюрьме (1894-1916 гг.)

Год (на 1 января)	Число сс/к	Число надзи- рате-лей	Старших		Младших		На 1 надзирате- ля (количество заключённых)	
			Высп. оклад	Низш. оклад	Высп. оклад	Низш. оклад	Старш. оклада	Младш. оклада
1894	891	21	-	5	8	8	-	-
1898	759	35	1	10	9	15	40	23
1900	663	27	1	9	-	17	-	-
1901	833	35	1	12	-	22	56	37
1903	877	31	1	12	10	8	58	44
1904	1240	33	1	12	10	10	-	-
1905	1116	34	1	11	9	13	70	39
1906	970	38	1	12	13	12	51	33
1907	998	35*	1	13	9	9	60	37
1908	845	34	1	9	12	12	60	37
1909	814	34	1	10	11	12	76	35
1910	841	40	1	19	10	10	84	23
1911	925	33	1	9	11	12	100	34
1914	758	57*	1	10	12	12	-	-
1915	796	74*	1	10	-	43	-	-
1916	896	81*	1	10	-	45	-	-

* Остальные – добавочные надзиратели из нижних чинов конвойных команд с вознаграждением из общего надзирательского кредита, частично из заработного тюремного капитала (соответственно 3, 22, 20, 25 человек).

Число старших надзирателей оставалось сравнительно постоянным – 10-13 человек. Младших же надзирателей в среднем числилось около 23 человек, но при большом переполнении тюрьмы их нанимали до 45 человек. На одного надзирателя при норме на 10-15 заключённых, приходилось в разные годы от 60

до 100 и более человек¹. Ежегодно на наём надзирателей на Нерчинской каторге ассигновалось 40000 руб.²

Согласно циркуляру МВД от 15 сентября 1878 г. за № 119, на должности тюремных надзирателей назначались предпочтительно лица из уволенных из войск нижних воинских чинов, как люди, приученные к дисциплине и порядку³.

Начальник ГТУ 9 января 1888 г. одобрил общие указания об исполнении тюремными надзирателями их служебных обязанностей. Общая инструкция надзирателям была утверждена военным губернатором Забайкальской области 5 июля 1896 г. Циркуляр ГТУ и тюремной инспекции Забайкальской области 1909 г. разъяснял инструкции надзирателям по наблюдению за политическими ссыльнокаторжными⁴.

Размер содержания надзирателей был низким. Годовое содержание старшего надзирателя высшего оклада определялось в 600 р., (младшего надзирателя – 360 р.) низшего оклада – 480 р. (младшего – 300 р.). Добавочные надзиратели получали: 420 р. (высший оклад) и 300 р. (низший)⁵. Законом (33 ст. Устава о содержащихся под стражей, изд. 1890 г.) и решениями Сената от 6 марта и 13 ноября 1902 г., 23 сентября 1903 г., тюремным надзирателям предоставлялись следующие преимущества службы: исправно и беспорочно прослужившим без перехода из одно-

¹ ГАЧО. Ф. 1 (т). Оп. 1. Ед. хр. 245. Л. 69, 112; Оп. 2. Ед. хр. 2226. Л. 112; ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 4527 (к. 577). Л. 6-7; Тюремный вестник. 1909. № 8-9. С. 859; Дриль Д.А. Ссылка и каторга в России: Из личных наблюдений во время поездки в Приамурский край и Сибирь. СПб., 1898. С. 16.

² Тюремный вестник. 1895. № 9. С. 443; Сибирские вопросы. 1911. № 40-41. С. 91-93; ГАЧО. Ф. 1 (т). Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 8; ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 2699 (к. 492). Л. 4 об.; Ед. хр. 4173 (к. 556). Л. 6.

³ Инструкция надзирателям при тюремном замке. Иркутск, 1895. С. 3, 5, 40; Сибирь. 1908. № 106. С. 1; Начальник каторги К.Ф. Томилин рекомендовал начальникам тюрем в 1898 г. не принимать казаков в надзиратели // ГАЧО. Ф. 1 (т). Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 241.

⁴ Тюремный вестник. 1895. № 8. С. 429; 1912. № 1. С. 68 –78; ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 3685 (к. 533). Л. 103-104 об., 106-17 об.; ГАЧО. Ф. 1 (т). Оп. 1. Ед. хр. 213. Л. 1-12; Ед. хр. 253. Л. 4, 7 об., 32.

⁵ ГАЧО. Ф. 1 (т). Оп. 1. Ед. хр. 488. Л. 2 об.; ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 2960 (к. 502). Л. 30 об.; Ед. хр. 5037 (к. 606). Л. 11.

го ведомства в другое 5 лет, оклад содержания увеличивался на $\frac{1}{3}$. Прослужившим 10 лет, прибавлялась ещё $\frac{1}{3}$ оклада, а свыше 15 лет – назначался двойной оклад содержания. Кроме прибавочного содержания чины тюремной стражи получали пенсии и пособия согласно правил, приложенных к 549 ст. Устава о пенсиях и единовременных пособиях (изд. 1896 г.), причём, выходящие в отставку по совершенному расстройству здоровья или вследствие неизлечимой болезни, пользовались сокращёнными сроками выслуги на полную пенсию в 25 лет и на половинную в 15 лет¹. Тюремные надзиратели освобождались от призыва из запаса в армию.

Положение тюремных надзирателей было тяжёлым и небезопасным. Их жизнь протекала в постоянном общении с каторжными, большей частью рецидивистами. Чины надзора получали незначительное вознаграждение, а за проступки на них налагались усиленные штрафы до 5 рублей, рабочий день был продолжительным, фактически они несли посуточное дежурство².

Надзиратели ненавидели свою работу и соответственно относились к заключённым. Всё это выражалось в пьянстве надзирателей и жестоких избиениях ими заключённых. Множество таких примеров можно встретить в приказах начальника каторги, например, в 1889 г. дежурный надзиратель Буянов был уволен от службы за систематические побои и кулачные расправы над заключёнными³. В 1898 г. за пьянство были оштрафованы надзиратели Каюков, Золотовский, в 1903 г. – Полуэктов, Донской, Боровский и т.д.⁴ Администрацией замечалось, что каторжные получали через надзирателей (и их родственников) за дорожку плату всевозможные запрещённые предметы⁵.

По данным отчёта о результатах обследования Нерчинской каторги советниками Забайкальского областного правления Се-

¹ Устав о содержащихся под стражей. Изд. 1890 г. //Свод Законов Российской Империи. Кн. 4. Т. 14. М., 1910. Раздел VI. Гл. III. Ст. 26-33; Тюремный вестник. 1904. № 1. С. 620.

² Сибирь. 1909. № 32. С. 2; № 50. С. 3; ГАЧО. Ф. 1 (т). Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 135; Ед. хр. 190. Л. 148-150; Оп. 4. Ед. хр. 285. Л. 268.

³ ГАЧО. Ф. 28. Оп. 3. Ед. хр. 9. Л. 55.

⁴ ГАЧО. Ф. 1 (т). Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 212, 394, 395; Ф. 28. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 87, 98.

⁵ ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 2691 (к. 491). Л. 59 об.

мидаловым и Николаевым в 1906 г., «надзирательский персонал представлен лицами преимущественно зрелого возраста (30-50 лет), почти все семейные, 66 % служат уже более 5 лет, кроме штатного содержания других средств к жизни не имеют»¹. Большая часть надзирателей состояла из местных жителей, имевших своё хозяйство. Они относились к службе, как к отхожему промыслу. А привлечь на надзирательскую службу лиц со стороны было очень сложно.

Увеличение количества ссыльнокаторжных с 1906 г. вызвало необходимость укрепления тюремной стражи и улучшения её материального положения. В 1907 г. число надзирателей на каторге было увеличено на 700 человек. Теперь содержание старшего надзирателя определялось до 1200 р., а младшего – до 720 р. в год². Однако, несмотря на относительное улучшение материального обеспечения и удовлетворение служебных условий, большинство надзирателей относились к исполнению своих обязанностей формально, т.к. служили по необходимости, а не по призванию.

В фонде Управления Нерчинской каторги, хранящемся в ГАЧО (Ф.28), имеется именной список надзирателей Зерентуйской каторжной тюрьмы, датированный 1900 г.³ В нём значится 39 человек: 11 старших и 28 младших надзирателей. Для тюрьмы вместимостью 300 человек было положено из расчёта 34 надзирателя – на одного – по 8, 8 заключённых⁴.

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 2960 (к. 502). Л. 28-31 об.; Ед. хр. 2691 (к. 491). Л. 10.

² Сибирь. 1908. № 20. С. 2; 1909. № 248. С. 3; Право. 1907. № 36. С. 2824; № 51. С. 3337; 1908. № 42 С. 2263-2270 (из отчёта ГТУ за 1906 г.); 1909. № 42. С. 2265-2266; 1913. № 7. С. 427-434; В каторжных тюрьмах Иркутской губернии жалование надзирателей осталось прежним (старший получал 450 р., младший – 300р.). //ГАИО. Ф. 25. Оп. 6.-Ед. хр. 4241 (к. 561). Л. 8 об. Предписанием военного губернатора Забайкальской области от 24 августа 1911 г. за № 10290 разрешалось выслужившим в тюремной страже второе пятилетие производить добавочное содержание в размере 2/3 получаемого оклада в сумме 480 р. в год старшим надзирателям и 320 р. младшим //ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 4543 (к. 577). Л. 246.

³ ГАЧО. Ф. 28. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 743 об. – 744 об.

⁴ Россия. ГТУ. Отчёт по ГТУ за 1911 г. Ч. 1. Объяснения. СПб., 1913. С. 18, 19.

Начальник тюрьмы И.И. Высотский в 1910 г. ввёл для надзирателей 8-часовой рабочий день¹. К 1913 г. число штатных надзирателей Зерентуйской каторжной тюрьмы насчитывало 35 человек и 8 – дополнительных, с окладом жалования 35 руб. в месяц².

Все чины тюремной стражи при исполнении служебных обязанностей должны были носить форменную одежду и иметь при себе надлежащее оружие (старшие надзиратели были вооружены пашками; при несении служебных обязанностей надзиратели вооружались револьверами; при сопровождении ссыльнокаторжных вне тюрьмы – винтовками). Часовой мог употребить оружие только как крайнюю меру, в случаях, когда иные меры воздействия на заключённых бессильны. А именно: для защиты себя, охраняемого лица или поста, в случаях беспорядков и буйства заключённых (сопротивления их чинам тюремной администрации и стражи), а также для воспрепятствования побегов³. Распоряжение о применении оружия исходило от начальника тюрьмы. Стрельба вверх или холостыми патронами не допускалась.

В исключительных случаях, если принятые меры воздействия были недостаточны, прибегали к содействию войск по соглашению с губернатором и местным военным начальством⁴. Таких случаев в Зерентуйской каторжной тюрьме было несколько. Например, в ноябре 1906 г. при усмирении заключённых, оказавших сопротивление при выделении их в особую камеру № 8 и угрожавших убить дежурного надзирателя Е. Балябина, воинской стражей был убит штыками каторжный Шмелёв и тяжело ранен прикладами каторжный Парахин⁵.

Старший надзиратель вступал на дежурство при вечерней поверке. Он обязан был безотлучно находиться в тюрьме в течение

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 4226 (к. 560). Л. 44 об., 54-55; Ед. хр. 4678 (к. 584). Л. 64 об.

² ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 5839 (к. 592). Л. 2.

³ Инструкции ГТУ об употреблении надзирателями оружия и о правилах хранения предметов надзирательского вооружения (4 июня 1908 г.) //ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 3685 (к. 533). Л. 212; Ед. хр. 4691 (к. 491). Л. 16 об.; Сибирь. 1907. № 301. С. 3; 1909. № 32. С. 2; Право. 1907. № 43. С. 2797.

⁴ В соответствии с циркуляром ГТУ о точном соблюдении правил о порядке содержания арестантов в местах заключения. //Право. 1902. № 4. С. 257.

⁵ ГАЧО. Ф. 1 (т). Оп. 4. Ед. хр. 285. Л. 324, 327, 337.

24 часов, ежедневно делать две проверки заключённых (в 6 часов утра и в 5 часов вечера). Не менее 1 раза в неделю (обычно по вторникам) он проверял не только людей, но и всю состоящую на них казённую одежду, обувь и постельные принадлежности. Необходимо было ежедневно осматривать отхожие места (нет ли там разделок для переговоров или сообщения с соседними камерами), нижний этаж тюрьмы, лазарет и тюремный двор (не ведётся ли там подкоп). Также дежурный по тюрьме наблюдал за своевременным и аккуратным выпуском ссыльнокаторжных из камер на работы и прогулку (по особому расписанию), в кухню за кипятком, обедом и ужином, и больных в лазарет. Кроме всего перечисленного, он ещё отбирал жалобы заключённых для передачи начальнику тюрьмы, присутствовал при свиданиях заключённых и осматривал всякие передачи в тюрьму. Он лично распоряжался сменами постовых надзирателей на особо важных постах, наблюдал, чтобы вступающие в дежурство надзиратели являлись на проверку вовремя и одетыми по форме, и, что особо актуально, были трезвыми.

В связи с увеличением числа ссыльнокаторжных в годы первой российской революции число надзирателей тоже увеличилось, но их всё равно не хватало, поэтому к исполнению их обязанностей привлекались нижние чины конвойной стражи (с вознаграждением из общего надзирательского кредита и из тюремных заработных сумм – 8 р. в месяц)¹.

На основании 186 и 187 ст. Устава о содержащихся под стражей, наружная охрана тюрем возлагалась на конвойную стражу, а где она не была сформирована, караулы относили на воинские команды, принадлежавшие местным войскам².

Формирование конвойных команд на Нерчинской каторге проходило в несколько этапов. Для караульной службы и надзора за ссыльнокаторжными при тюрьмах и рудниках в ведении Нерчинской горной экспедиции в 1826-1828 гг. находилась горная стража в лице 5-го горного батальона (называвшимся с 1830

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 2679 (к. 490). Л. 29 об.; Ед. хр. 3351 (к. 517). Л. 2, 4, 6, 12об., 37, 63; ГАЧО. Ф. 1 (т). Оп. 3. Ед. хр. 149. Л. 53, 72об.

² ГАЧО. Ф. 113. Оп. 7. Ед. хр. 658. Л. 6 об.

г. Сибирским линейным № 15)¹. По предписанию генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова (от 25 июля 1864 г.) для несения обязанностей конвойной и караульной службы на Нерчинских заводах была командирована Восточно-Сибирская стрелковая рота линейного № 2 батальона (24 человека) под командованием прапорщика Мамонтова². Позже обязанности карауливания каторжных тюремного разряда на Нерчинской каторге выполнял 2-ой пеший батальон Забайкальского казачьего войска, штаб которого находился в Усть-Каре³.

На обмундирование и вооружение чинов конвойных команд Нерчинской каторги, на обзаведение их хозяйственными, аптечными и другими предметами, было одновременно отпущено 39530 р. 14 к.⁴

Чином команд должны были отводиться квартиры. Однако это не всегда исполнялось. Так, в акте осмотра Зерентуйской тюрьмы начальником каторги от 23 июня 1898 г. отмечалось, что «для одного младшего офицера конвойной команды квартира устроена в военной казарме (рассчитанной на 154 человека, а в настоящее время наличный состав конвойной команды 319 человек), второй офицер помещается в плетнёвом флигеле, а третий нанимает частную квартиру»⁵.

¹ Кодан С.В. Управление политической ссылкой в Сибирь (1826-1856 гг.). Иркутск, 1980. С. 18; Его же: Сибирская ссылка декабристов (историко-юридическое исследование). Иркутск, 1983. С. 88.

² Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга (XIX в. – февраль 1917 г.): История Сибири. Первоисточники... С. 156.

³ В декабре 1894 г. штаб батальона из Кары был переведён в Зерентуй. ГАЧО. Ф. 1(т). Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 8-8 об.; Ф. 113. Оп. 7. Ед. хр. 658. Л. 6 об.

⁴ На канцелярские расходы Зерентуйской конвойной команды ежегодно отпускалось 100 р. ГАЧО. Ф. 1(т). Оп. 1. Ед. хр. 95. Л. 13 об.; Ед. хр. 153. Л. 135; Оп. 4. Ед. хр. 210. Л. 34-35 об.; Тюремный вестник. 1895. № 9. С. 440, 441, 444, 445. Конвойная стража комплектовалась новобранцами общего призыва, назначаемыми преимущественно из отдалённых округов Западной Сибири (в 1897 г. – из Тобольской губернии, в 1898 г. – из Акмолинской области), что было нежелательно, т. к. они поздно приезжали на место, и много времени уходило на их обучение // ГАЧО. Ф. 1(т). Оп. 4. Ед. хр. 247. Л. 14; Оп. 1. Ед. хр. 95. Л. 15-15 об.

⁵ ГАЧО. Ф. 1(с). Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 47.

Состав команд был определён приказом по войскам Забайкальской области от 1 декабря 1895 г. за № 884.

Конвойная стража Зерентуйской каторжной тюрьмы 1898-1915 гг. (наличный состав)

Год (на 1 января)	Нач. ко- ман- ды	Суб. офиц	Фельд- фебель	Унтер/ офиц.		Еф- рей- тор	Ря- до- вые	Пи- сарь*	Фельд- шер	Оруж. мас- тер	Оруж., лож- ник	Ито- го
				Ст.	Мл.							
По штату	1	3	1	5	11	28	261	1	1	1	5	318
1898	1	3	1	5	11	28	261	1	1	1	1	314
1901	1	3	1	5	11	28	256	1	1	1	5	313
1903	1	2	1	4	7	20	213	1	1	1	5	256
1904	1	2	1		5	10	77	1	1	1	4	106
1905	1	1	1	3	8	18	268	1	1	1	4	307
1906	1	1	1	1	6	14	114	1	1	1	1	142
1907	1	1	1	4	4	20	175	1	1	1	2	211
1908	1	2	-	2	7	10	231	-	1	1	4	259
1909	1	1	1	-	6	6	281	1	1	1	2	301
1910	1	3	1	2	-	17	206	1	1	1	3	236
1912	1	3	1	1	4	22	271	1	1	1	1	307
1913	1	2	1	2	10	6	183	1	1	1	3	211
1914	1	2	1	2	10	18	337	1	1	1	5	379
1915	1	3	-	1	5	10	169	1	1	1	3	195

* Писарь – старшего разряда младшего оклада.

Однако, как видно из таблицы¹, наличный состав Зерентуйской конвойной команды уступал по численности штатному составу (318 человек), особенно в 1904 г. (число ефрейторов

¹ Таблица составлена на основании следующих источников:

ГАЧО. Ф. 1(т). Оп. 1. Ед. хр. 95. Л. 13-13 об.; Ед. хр. 104. Л. 7об.; Ед. хр. 132. Л. 28; Ед. хр. 146. Л. 9 об – 10; Ед. хр. 168. Л. 6 – 6 об.; Ед. хр. 153. Л. 135; Ед. хр. 488. Л. 106 об., 112 об., 157 об.; Оп. 4. Ед. хр. 233. Л. 14 об.-15; Ед. хр. 247. Л. 14; Ед. хр. 258. Л. 14-14об.; Ед. хр. 266. Л. 3об.; Ед. хр. 292. Л. 8; Ед. хр. 293. Л. 17об.; Ед. хр. 311. Л. 3-4; Ед. хр. 339.

Л. 4; Ед. хр. 368. Л. 9; Ф. 1 (с). Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 47; Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 649. Л. 214; -Оп. 7. Ед. хр. 271. Л. 102 об.; Ф. 50. Оп. 1. Ед. хр. 431. Л. 131; Ф. 28. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 743 об.; ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 2699 (к. 492). Л. 5-5 об., 33 об.; Ед. хр. 3609 (к. 527). Л. 6-6 об.; Ед. хр. 4173 (к. 556). Л. 6 об. – 7; Ед. хр. 4527 (к. 577). Л. 6 об.

было уменьшено на половину, а рядовых числилось менее 30 % положенных по штату), что, возможно, было связано с военными действиями России на Дальнем Востоке. Также на протяжении всего исследуемого периода в Зерентуйской тюрьме наличное число унтер-офицеров уступало положенному по штатам (вместо 16 офицеров служило от 7 до 11). Число рядовых солдат конвойной стражи превышало штатное расписание (261 человек) в 1905, 1909, 1912 и 1914 гг. Это было связано с привлечением дополнительного числа нижних чинов конвойных команд к несению надзирательских обязанностей в тюрьме.

В 1906 г. к Зерентуйской и Акатуевской тюрьмам для несения караульной и конвойной службы были прикомандированы две роты Сретенского пехотного полка, а в 1908 г. – две роты 16-го Восточно-Сибирского Стрелкового полка¹. Это усиление было вызвано общим переполнением тюрем и увеличением числа ссыльнокаторжных на промыслах, требующим усиленной охраны. В 1910 г. ко всем тюрьмам каторги, кроме Кадаинской, были прикомандированы шесть рот 17, 18, 19-го Восточно-Сибирского Стрелкового полка. В 1911 г. к Зерентуйской и Кутомарской тюрьмам были прикомандированы две роты (7-я и 14-я) 25-го Сибирского Стрелкового генерал-лейтенанта Кондратенко полка².

Организация смешанного надзора над ссыльнокаторжными военным конвоем и тюремной стражей была довольно обременительна для казны (свыше 200.000 руб. в год³), да и не достигала прямой цели, т.к. нижние воинские чины и надзиратели полагались друг на друга, ослабевая надзор.

¹ ГАЧО. Ф. 1(т). Оп. 1. Ед. хр. 181. Л. 250; Оп. 4. Ед. хр. 293. Л. 18; Ед. хр. 339. Л. 4; Ед. хр. 258. Л. 13 об.; ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 4241 (к. 561). Л. 9 об.

² ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 4527 (к. 577). Л. 7; ГАЧО. Ф. 1(т). Оп. 1. Ед. хр. 488. Л. 2 об.

³ ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 4241 (к. 561). Л. 10. На содержание управления каторги и конвойной стражи ассигновалось по штату 115704 р. в год, а действительное содержание администрации и надзора каторги выражалось намного большей цифрой, например, в 1905 г. – 265590 р.43 к., а в 1907 г. – 521010 р. 87к. //ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 2699 (к. 492). Л. 7-7 об.; Ед. хр. 3317 (к. 515). Л. 17 об.

В какой же мере сложившийся порядок несения службы чинами конвойных команд действительно обеспечивал успешное окарауливание содержащихся на каторге преступников? Помимо обязанностей конвоирования каторжан в пределах каторги, чины конвойных команд относили наружную охрану тюремных помещений, содействовали тюремной страже при производстве обысков и подавлении беспорядков, сопровождали ссыльнокаторжных на наружные работы, выводили их на прогулку, на хозяйственные работы при тюрьме. Чины конвойной команды успешно исполняли эти обязанности, но эти чины не были знакомы с условиями и порядком тюремной жизни. В 1910 г. предпринимались попытки решить вопрос об усилении штатов конвойных команд¹.

Итак, штаты Нерчинской каторги были учреждены в 1895 г. Для управления и функционирования Зерентуйской каторжной тюрьмы – тюрьмы I разряда – по штату полагалось наличие следующего состава тюремной администрации: начальник тюрьмы, три его помощника, священник, врач, три фельдшера и акушерка.

Круг обязанностей, а, следовательно, и материальное положение чинов тюремной администрации существенно отличались. Начальник тюрьмы являлся полным хозяином вверенного ему учреждения, он заведовал всеми отраслями управления и хозяйства тюрьмы и имел ряд обязанностей по соблюдению законного каторжного режима. По штатному расписанию оклад содержания начальника тюрьмы и его помощников был сравнительно высоким, чего нельзя сказать о жаловании надзирателей, фельдшеров и акушерок. Поэтому очень сложно было привлечь на эти должности исполнительных и дисциплинированных людей.

Профессиональные и личные качества начальников Зерентуйской тюрьмы и их помощников не всегда соответствовали необходимым требованиям. Немногие из них являлись кад-

¹ Выход из сложившейся ситуации предлагал командующему войсками Иркутского военного округа генералу А.Н. Селиванову министр юстиции И.Г. Щегловитов: «Целесообразней восполнить недостаточность штатного состава тюремной стражи вольнонаёмными служащими» // ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Ед. хр. 3992 (к. 552). Л. 7-16 об.; ГАЧО. Ф. 1 (т). Оп. 1. Ед. хр. 337. Л. 18 об.; Ед. хр. 342. Л. 8-12.

ровыми служащими тюремного ведомства. Довольно часто в документах каторги встречаются данные, характеризующие некоторых служащих администрации с негативной стороны, допускаявших нарушения положенного законом порядка от простой недобросовестности до казнокрадства. Возможно, этим объясняется столь частый перевод начальников тюрьмы и их помощников на разные должности в пределах каторги.

Штатным расписанием количество надзирателей в тюрьме не было определено. В среднем в Зерентуйской тюрьме насчитывалось около 35 надзирателей. При постоянном переполнении тюрьмы на одного надзирателя приходилось от 50 до 130 заключённых. Надзирателям приходилось дежурить сутками. Низкое вознаграждение тяжёлого надзирательского труда не позволяло нанимать на эту должность людей из числа местных жителей, обладавших необходимыми деловыми и нравственными качествами, а дороговизна цен на предметы первой необходимости и аренду жилья для поиска лиц со стороны также не обнаруживала такую возможность.

Наличный состав Зерентуйской конвойной команды уступал по численности унтер-офицеров, ефрейторов, рядовых и оружейников от штатного расписания. Чины конвойной стражи кроме своих прямых обязанностей привлекались и к надзирательским функциям. Это сочетание не присущих конвойной страже функций, и не отвечающих уровню её подготовки, оказалось малоэффективным на деле и нежелательным для казны.

В условиях дефицита кадров, социальной не престижности профессий, связанных с тяжёлой тюремной службой, низких окладов содержания, тюрьма не была полностью укомплектована числом служащих, положенным по штатам. Это сказывалось на общем формировании профессиональных кадров и на качестве соблюдения законных требований тюремного режима.

История политической каторги Восточной Сибири в 1895–1905 гг.

В данной статье рассматривается история политической каторги Восточной Сибири в 1895 – 1905 гг.

Dmitry I. Dmitriev

The given article is about the history of prisons for peoples sentenced to penal servitude in Eastern Siberia (in 1895 – 1905).

20 октября 1894 г. Александр III скончался от болезни в Ливадии в Крыму. В возрасте 26 лет на престол взошел его сын Николай II. На этот раз смена государя не привела к резким изменениям политики. Вступив на престол, Николай II заявил о верности реакционному внутривластному курсу своего «незабвенного покойного родителя» и назвал «бессмысленными мечтаниями» пробудившиеся в обществе робкие надежды на смягчение этого курса.

На практике это означало, что в местах заключения будет продолжена политика по усилению карательно-репрессивных мер при сохранении видимости строгого соблюдения формальной законности в действиях тюремной администрации. Однако Николай II не понимал, что в непримиримую схватку с самодержавием все активнее вступали силы, которые добивались не четкого соблюдения тюремной администрацией законов Российской империи, а уничтожения самого этого строя.

В данной статье будет предпринята попытка рассмотрения социально-экономических изменений, которые произошли в стране и их отражение на социальном составе узников каторжных тюрем края. Это позволит лучше понять те события, которые произошли в Российской империи и в каторжных тюрьмах Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв.

С 30-х годов XIX в. в России начинался промышленный переворот. В 1831 – 1840 годах было приобретено машин на сумму 6,9 млн. рублей, в 1841-1850 годах – на 16,6 млн. рублей, в 1851 – 1860 годах уже на 84,5 млн. рублей. В начале 70-х годов в промышленности насчитывалось 6,3 тысячи паровых двигателей общей мощностью 115 тысяч лошадиных сил. Особенно

интенсивно промышленное производство начало развиваться в 90-е годы. Протяженность железных дорог в России выросла в 3 раза (до 60 тыс. км.), выплавка чугуна – в 5 раз, добыча угля в Донбассе – в 6 раз. Только за одно это десятилетие промышленное производство в России возросло более чем в 2 раза. Для сравнения укажем, что за тот же период прирост промышленного производства в Германии составил 62%, в США – 38%, в Англии – 27%. Общий объем промышленного производства в России за 60-90-е годы увеличился в 8 раз.

В 1892-1900 гг. промышленное производство удвоилось. При этом производство средств производства увеличилось в 3 раза. В итоге доля отраслей, производящих средства производства, поднялась почти до 40%. Россия вступила в эпоху перехода от промышленного к индустриальному производству. В России производилось столько же станков, машин и механизмов, сколько и завозилось.

Переход к промышленному, а от него к индустриальному производству привел к формированию многомиллионного отряда российского пролетариата. Численность наемных рабочих на крупных предприятиях и железнодорожном транспорте в стране в 1890 году составила 1 432 000 человек. Общая численность наемных работников в России к концу 90-х годов приблизилась к 10 млн. человек.

Изменение социального состава населения Российской империи неминуемо отразилось на численности и составе политкаторжан края. Если в 60-70-е годы XIX в. из всех политических узников каторжных тюрем Восточной Сибири только один человек был из рабочего класса, то в 80-90-е годы их насчитывалось 32 человека. По численности они занимали второе место после представителей учащейся молодежи.

Большая часть рабочих была из мещан, т.е. являлась пролетариатом во втором, а то и в третьем поколении. И только 6 человек были из крестьян. Это были рабочие в первом поколении. Тем не менее, их всех сближало то, что крестьянская психология продолжала преобладать в их сознании. Подавляющее большинство их принадлежало к народническим кружкам различного толка.

Основную их массу можно отнести к террористическому течению в народничестве, за что они и попали на каторгу. Сре-

ди них были М.Я. Геллис, Ф.С. Бубновский, В.Д. Кленов, К.И. Иванайн и Л.И. Цукерман. Своими ближайшими задачами они считали подготовку политического переворота, свержение самодержавия и передачу власти народу. Индивидуальный террор они рассматривали как главный метод борьбы с царскими чиновниками и их приспешниками. По заданию своих народнических кружков, Я.Ф. Зуборжицкий и П.Ф. Любанов занимались экспроприацией денег на революционные нужды. По решению народовольческой организации, рабочие Г.Г. Хохлов, Н.Н. Евсеев и М.В. Кузюмкин совершили убийство жандармского шпиона. А другой рабочий – Я.Т. Тихонов – даже участвовал в одном из народовольческих покушений на самого императора России.

Кроме рабочих-террористов в каторжных тюрьмах Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв. находились и рабочие-пропагандисты. Среди них были П.А. Алексеев, Д.А. Александров, В.Г. Герасимов, а также А.О. Осипов. Они тоже были решительными сторонниками революционного низвержения самодержавия и передачи власти народу. Но, в отличие от террористов, подготовку переворота они надеялись осуществить путем пропаганды направленной на «возбуждение народа к бунтам и стачкам» и дезорганизацию власти.

Народники не выделяли рабочих из всей массы трудящегося населения. Народники видели в рабочих крестьян, ушедших на заработки на фабрики и заводы. Отчасти это перекликалось и с самими умонастроениями рабочих первых поколений, до конца не изживших в своем сознании крестьянские корни.

Однако вскоре наиболее передовые рабочие, затронутые революционно-народнической пропагандой, сами стали додумываться до программ, более соответствующих их классовому положению. Они начали осознавать необходимость более последовательного отстаивания своих классовых интересов.

Первой рабочей организацией в России стал «Южнороссийский союз рабочих», созданный летом 1875 г. в Одессе революционером-интеллигентом Е.О. Заславским. В Уставе организации говорилось о необходимости насильственного переворота для устранения существующего политического порядка. В декабре 1875 г. «Южнороссийский союз рабочих» был разгромлен полицией. Суд приговорил Е.О. Заславского к 10 годам каторги. В 1878 г. он умер в тюрьме. А его ближайшие соратники и по-

мощники, рабочие Ф.И. Кравченко и Я.О. Рябицкий отбывали свои сроки на Нерчинской каторге.

В 1878 г. на основе разрозненных рабочих кружков Петербурга возник «Северный союз русских рабочих». Автором основных программных документов организации стал рабочий В.П. Обнорский, который несколько лет проработал за границей в Европе, где подробно ознакомился с деятельностью I Интернационала и программами социалистических партий. В программе организации открыто призывалось к революционному ниспровержению политического и экономического строя государства. В январе 1879 г. В.П. Обнорский был арестован и приговорен судом к 10 годам каторжных работ, которые и отбывал на Нерчинской каторге.

Однако полностью освободиться от народнической идеологии рабочие еще не смогли. Это проявилось и в их программных установках об учреждении после революционного свержения самодержавия в России федерации общин с полным внутренним самоуправлением на началах русского обычного права, и в положениях о замене поземельной собственности общинным землевладением.

Народническая идеология продолжала господствовать в конце XIX в. в умах трудящихся не только в стране, но и в каторжных тюрьмах Восточной Сибири. Представители различных народнических организаций продолжали преобладать на каторге края.

В это время у политкаторжан-народников заканчивались сроки заключения. Это значительно снижало накал противостояния в каторжных тюрьмах Восточной Сибири. Исчезла былая сплоченность, стойкость и организованность. Если и происходили выступления политзаключенных, то они носили единичный, стихийный и во многом случайный характер. Чаще всего это была спонтанная реакция на отдельные факты притеснений со стороны тюремной администрации. Так в июне 1895 г. Н.И. Кочурихин отказался брить голову. В знак протеста он не вышел на работу. Когда же ему попытались силой побрить голову, Н.И. Кочурихин оказал сопротивление и, даже, попытался бросить в начальника Акатуйской тюрьмы «парашей». Во избежание коллективных выступлений политкаторжан, Н.И. Кочурихина перевели в Зерентуйскую тюрьму.

В июне 1895 г. царь утвердил предложение Государственного совета «О преобразовании управления Нерчинской каторги». С целью соблюдения большей законности в местах заключения края вводилось коллегиальное управление в форме особого присутствия Нерчинской каторги. В него входили: начальник Нерчинской каторги, начальники тюрем или их помощники, товарищ областного прокурора и врач.

Председательствовал в присутствии начальник Нерчинской каторги. Он распределял заключенных по тюрьмам и был ответственным за положением дел в местах заключения.

Присутствие же занималось вопросами освидетельствования узников на способность к каторжным работам, переводило заключенных в разряд исправляющихся и во внутюремный разряд, освобождало от оков и другими вопросами правового положения осужденных.

С целью еще большего соблюдения законности в местах заключения, 13 декабря 1895 г. именным указом Николая II Главное тюремное управление было подчинено Министерству юстиции. Таким образом, контроль над порядком содержания ссыльно-каторжан переходил к юридическим органам. Этим самым Николай II хотел еще раз подчеркнуть приверженность к строгому соблюдению законности при проведении своей внутренней политики. Однако это были законы самодержавной Российской империи, морально устаревшие и совершенно не вписывающиеся в требования времени.

Закон о сибирской ссылке от 12 июня 1900 г. предусматривал полное прекращение судебной общеуголовной ссылки, а также ограничение ссылки в Сибирь по приговорам обществ. Это было связано с тем, что общеуголовная ссылка в Сибирь окончательно утратила свои карательные и колонизационные функции, а наносимый ею вред населению края угрожающе нарастал. Однако в полном объеме сохранилась ссылка на каторгу и судебная ссылка на поселение за государственные и религиозные преступления.

Это объяснялось резким обострением внутривнутриполитической ситуации в Российской империи. На развертывавшееся в стране оппозиционное народное движение царизм отвечал усилением своих традиционных методов борьбы с крамолой: реорганизовывались и совершенствовались сыскные и карательные органы.

Количество дел по государственным преступлениям, рассмотренных Министерством юстиции, возросло в 1903 г. по сравнению с 1894 г. в 12 раз.

Поражение самодержавия в русско-японской войне привело к дальнейшему росту политической активности населения в стране. 17 октября 1905 г., после долгих колебаний, Николай II подписал Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». В Манифесте провозглашались незыблемые основы гражданского общества на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

Логическим продолжением этого явилось признание царским правительством необходимости частичной политической амнистии. Вскоре десятки революционеров вышли на свободу, а оставшиеся получили значительное сокращение сроков осуждения.

В такой ситуации тюремный режим в местах заключения значительно ослаб. Тюремная администрация была в полной растерянности и совершенно не понимала, что ей дальше делать. Сибирские узники не опасались более произвола со стороны надзирателей. Перестали ходить на принудительные работы, носить оковы и кандалы. Они не подвергались дисциплинарным наказаниям и обыскам. Вместо неудобной тюремной амуниции стали носить собственную одежду и обувь. Открыто пользовались постельным бельем, которое получали из дома. На личные деньги покупали в тюремной лавке продукты. Они жили коллективами и коммунарами и сообща вели свое хозяйство. Днем двери их камер перестали запираются. Все каторжане свободно гуляли по тюремному двору. Они спокойно подходили друг к другу и подолгу обсуждали события в стране и свои тюремные проблемы. Порой, под честное слово, что не уйдут, камерные сидельцы в количестве до 60 человек уходили в лес погулять. Посещение родственниками и знакомыми камерных сидельцев на территории тюрем стало свободным.

Вновь прибывшие партии политкаторжан они встречали революционными песнями, знаменами и транспарантами, устраивали митинги, где говорили теплые слова приветствия и произносили революционные лозунги. После этого их вели в баню и кормили праздничным обедом. За столом заключенные узнавали

о последних событиях в стране и о судьбе своих друзей и товарищей по борьбе.

Сам путь на каторгу для революционеров порой превращался в «триумфальное шествие». При передвижении по железной дороге революционеров уже не заковывали. Они имели возможность выходить на станциях из вагонов и принимать участие в революционных митингах, которые устраивало местное население в их честь. И пешие переходы до каторжных тюрем революционеры осуществляли без полагавшихся в таких случаях кандалов. А женщины-революционерки из дворянского сословия, согласно статье 62 Устава о ссыльных, могли добраться до мест заключения на почтовых лошадях, «если они того пожелают, и будут иметь достаточные к тому средства». Поэтому многие из них добирались до места «с шиком на тройках». Именно так прибыли женщины-революционерки А.А. Биценко, Л.П. Езерская, А.А. Измайлович, М.А. Спиридонова, Р.М. Фиалка и М.М. Школьник в июле 1906 г. в Акатуйскую тюрьму, где они тепло были встречены своими товарищами. Все это было зафиксировано фотоаппаратами.

Новые достижения промышленного производства в виде фотокамер позволили запечатлеть многие моменты из жизни политкаторжан. 307 фонд Иркутского краеведческого музея имеет некоторые из этих фотографий. К сожалению, не сохранилась книга поступлений, где были первоначально зарегистрированы эти экспонаты. Подобренные по одной теме «Александровский централ», фотографии хранят память о политических каторжанах, прошедших через эту каторжную тюрьму.

Материалы, имеющиеся в фонде, можно условно разделить на несколько групп. Во-первых, собранные еще музеем ВСОРГО (на обороте имеется штамп библиотеки музея), затем многочисленные фотокопии, и, наконец, фотографии, собранные или бывшие собственностью Н.И. Морозова. На оборотной стороне фотографий имеется карандашная надпись «Соб. Н.И. Морозов».

О Николае Илларионовиче Морозове, который, видимо, собирал эти фотографии, мы знаем, пока немного. Он не значится в списках библиографического справочника Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, не встречали о нем и упоминаний в мемуарной литературе, но знаем, что он отбывал наказание в Александровском центре. Сохранилась надпись на оборотной

стороне двух фотографий. На фото № 13 из 307 коллекции: «Первый выход Морозова из централа на внешние работы и свидание его с женой и близким другом...1.И.Я. Романов с-р; 2. Н.И. Морозов с-д; 3. Ек.Еф. Морозова». Надпись на оборотной стороне фотографии помогла нам установить личность Романова.

Из справочника «Политическая каторга и ссылка» мы узнали, что Иван Яковлевич Романов (Романцев) отбывал наказание в Александровском центре с 1906 по 1917 год, эсер, приговоренный был к смертной казни, замененной 20 годами каторги. Можно предположить, что приблизительно в это же время в центре находился Морозов, это подтверждают и несколько групповых фотографий, где в числе прочих политкаторжан, отбывавших наказание в этот период, снят Николай Илларионович.

Надпись на оборотной стороне фотографии № 186: «Н.И. Морозов – с-д., староста рабочей группы, ходившей из централа на внешние работы». Вот, пока все сведения об этом человеке, собравшем несколько десятков фотографий по истории Александровского центра.

Как уже говорилось, на оборотной стороне многих фотографий есть надписи с фамилиями изображенных. Благодаря этому можно установить, как выглядели следующие политкаторжане:

Андреев Ф. – 36, Анисимов В.А. – 135, Аникин П. – 135, Архангельский В.Г. – 166, 189, Ауэрбах В.И. – 194, Безбах Н.Я. – 94, 109, Белошитский Г.П. – 45, Бергман И.Х. – 36, Бродский Б.И. – 36, Бурхард – 36, Войтинский В.С. – 72, 135, Глуж М.С. – 29, Годун Л.Д. – 194, Гоц А. – 166, 189, Гумилевский А.В. – 7, 73, 160, Друганов Ф.Б. – 166, 189, Дубников М.М. – 166, Душкин Г. – 151, Дьяконов Б.М. – 24, 109, Жуковский Г. – 7, 100, 135, 185, Зелле Я. – 37, Иванов И. – 7, 53, 97, 100, 115, 152, 160, Ильинский С.Н. – 71, 194, Иохильсон – 166, Итунин – 136, Кашин И.П. – 45, Кисляков Н.В. – 93, 113, Клецинский В. – 97, Краковецкий А.А. – 45, Краснов А.С. – 153, Кругликов А.Н. – 166, 189, Лихачев – 166, Лоренц Я.О. – 7, 53, 89, 100, 160, Макдюк М.М. – 7, 160, Маевский А.С. – 7, 100, Мазуркевич – 7, 23, 24, 115, 133, 160, 185, Мельников Д. – 162, Мещеряков – 166, Минаев И.И. – 194, Минор – 109, 111, Михайловский П.М. – 7, 160, Мороз М. – 109, 111, 137, 152, Морозов Н.И. – 7, 18, 25, 160, 186, Никифоров П.М. – 33, 158, Николаев А.Н. – 46, Облогин Ф.Д. – 97, Окунев К.П. – 36, 87, 97, 115, 185,

Ордин С. – 151, Пирогов В. – 152, Полтавский П. – 97, Предит Е.И. – 152, Пумпянский – 166, Резницкий М.С. – 109, Рогов А.Г. – 158, Родионов В.П. – 160, Романов И.Я. – 18, Сердюков В.И. – 97, Соловьев – 151, Стемппевский В. – 7, 23, Тахчогло Д.Д. – 36, 90, Тимофеев Е.М. – 7, 38, 77, 85, 115, 130, 160, 185, Трутнев – 166, Тур Г.М. – 194, Ульяновский В.Ю. – 25, 130, 160, Фабричный П.Н. – 29, 45, Файнберг С.Р. – 38, 151, Фалевич А.А. – 153, Хиевский И.М. – 166, Харин И.Т. – 53, 100, 160, Худяков – 37, Чаплинский В.Д. – 37, 158, Червинский – 7, 53, 89, 100, 160, Чиоченцев – 160, Шашель С. – 24, 91, Школьников – 91, Шмидт А.А. – 194, Эпштейн А.И. – 169, 185.

Одно из последних восстановленных имен в этом списке – Анисимов Василий Анисимович. В марте 1988 года журнал «Юность» опубликовал статью Вл. Амлинского «На заброшенных могилах» и точно такую же фотографию, которая хранилась в 307 фонде. Но было одно существенное отличие – тот кого ранее (в 1962 году?) обозначали как Степана Ордина, оказался В. Анисимовым.

В.А. Анисимов – социал-демократ, был осужден по делу социал-демократической фракции II Государственной Думы, каторгу отбывал в Александровском центральном в 1909 – 1912 годах, затем был на поселении в Усолье до 1914 года. Находясь в Александровском центральном, Василий Анисимович писал В.И. Ленину, обращаясь к нему с просьбой, не забывать политкаторжан, присылать статьи и книги, рассказывал о том, что книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» была прочитана, обсуждена и ликвидировала многие разногласия в коллективе политических. После революции Анисимов активно занимался политической и общественной деятельностью, много работал в Обществе бывших политкаторжан. Но в 1935 году Общество было распущено и через некоторое время для многих его членов каторга из «бывшей» стала настоящей. Анисимов был незаконно осужден и расстрелян в 1939 году.

Публикация В. Амлинского о судьбе его деда В.А. Анисимова – закономерное явление в наше время, и, как нам кажется, в дальнейшем следует ожидать подобных публикаций о бывших политкаторжан, членов Общества. Поэтому в вышеприведенном списке возможны изменения. Кроме того, предстоит еще большая работа по выявлению пока неизвестных политкаторжан

Александровского централа и Нерчинской каторги при помощи фондов ЦГАОР, ГАИО и ГАЧО.

На фотографиях запечатлены образы революционеров, которые сделали все, чтобы разрушить режим самодержавной власти в стране, а после осуждения продолжили эту деятельность в каторжных тюрьмах Восточной Сибири. Как мы видим, в этом направлении ими было сделано немало. Даже сам начальник Нерчинской каторги Ю.И. Метус в телеграмме военному губернатору Забайкальской области от 18 марта 1907 г. вынужден был признать, что в каторжных тюрьмах края в 1906 г. «существовал режим возмутительного издевательства над законом».

Законы Российской империи уже давно не соответствовали изменившейся в результате промышленного переворота социально-экономической и политической ситуации в стране. В политическую борьбу вступили силы, которых мало волновало соответствие законов цивилизационному выбору страны. В отличие от либералов, новые политические противники самодержавия не ставили перед собой цели эволюционного изменения российского общества с помощью законов и превращения России в европейскую цивилизацию. Вооруженные теорией непримиримой классовой борьбы, они желали полного, до самого основания, революционного разрушения всех основ Российской империи и всячески добивались этого не только в стране, но и в местах заключения.

Мошкина З.В.

Из истории формирования женской политической каторги в России

Статья посвящена открытию женской политической каторги в России. Одной из первых женщин на каторгу была отправлена Е.К. Брешковская. Автор обращает внимание на условия содержания и на окружение, в которое попадали политкаторжанки.

The article is devoted to the opening of state convict colony for women in Russia. One of the first women sent to the colony was

Е.К. Breshkovskaya. The author pays attention to the conditions of living and the environment in which state convicts were kept.

Ссылку в каторжные работы как тяжелейший вид наказания применяли в России к женщинам-уголовницам практически с момента возникновения Нерчинской каторги. В конце 70-х годов XIX века ссылнокаторжными становятся и политические женщины. Причиной тому послужила внутренняя обстановка в стране. В условиях обострения политической борьбы, власть в целях подавления оппозиции, делает ставку на усиление репрессий. Самодержавие в той ситуации стремилось не столько обеспечить стабильность в стране, сколько сохранить в полном объеме своё политическое господство и незыблемость института самодержавной власти. Осуществить эту задачу можно было, только прибегнув к репрессивным мерам, таким как смертная казнь и ссылка в каторжные работы. Пойти же другим путем, то есть поделиться властью, пойти на самоограничение, российское самодержавие в принципе было неспособно. Факт открытия женской политической каторги свидетельствует, что государственная власть встала на путь беспощадной борьбы со всем составом оппозиционного движения, не скрывая её репрессивного характера. Более того, открывая как мужскую политическую каторгу, так и женскую, самодержавное государство обнажило полную свою несостоятельность в деле учреждения регулярного режимного предприятия. Все проводилось без предварительной и тщательной подготовки, наспех, без необходимой материальной базы, несогласованно с правовым регламентом.

Открытие женской политической каторги произошло, можно считать, с прибытия Екатерины Константиновны Брешко-Брешковской 12 сентября 1878 год. Её не только приговорили к ссылке в каторжные работы, но и первой из политических женщин привезли отбывать наказание в далекую Забайкальскую область, где и располагалась Нерчинская каторга. Отдаленность, заброшенность местности, затрудненность связи с родственниками, знакомыми, к которым можно было при случае обратиться за помощью, вот те условия содержания, которые устраивало правительство. Можно добавить к этому влияние непривычно сурового климата при отсутствии обустроенных помещений для жи-

ля. И все это должно было усугубиться тяжелыми рудничными и заводскими работами.

К месту назначения Екатерину Константиновну везли с группой товарищей политического процесса «193-х» С. Синегубом, Т. Квятковским, Н. Чарушиным. С ними в партии было еще 6 человек, которых направляли в Восточную Сибирь на поселение. Везли их то речным путем на баржах, то пересаживали в конные кибитки. Их путь пролегал от Нижнего Новгорода, через Пермь, Тюмень, Красноярск, Иркутск, Читу, Сретенск. Из Сретенска по реке Шилке на пароходе они, наконец, добрались до Карийского тюремного района, или Кару, как в обиходе и даже в официальной документации обозначали это территориальное подразделение каторги. От долгой и трудной дороги, от грязных тюремных помещений, в которых их размещали по пути следования, от грубых стражников, сопровождавших осужденных, у Брешковской сложилось тягостное впечатление. Её поразило отсутствие порядка на всем протяжении ссыльного пути, который предстал перед политическими как царство насилия, злоупотребления, краж, грязи, болезней¹.

Подобный порядок она встретили и на каторге, и в первую очередь в тюрьмах, где размещались уголовные заключенные. Правила, которыми руководствовались как заключенные, так и их стражники, отличались взаимной жестокостью, насилием и произволом со стороны начальства. Здесь процветал характерный для уголовного мира образ жизни, с его преступными рецидивами. По свидетельству Брешко-Брешковской, на Каре все чиновники на приисках брали взятки и без стеснения воровали деньги, как у государства, так и у каторжников². Уголовники тоже не отличались примерным поведением, что послужило определяющим мотивом в отношениях между категориями преступников. Для политзаключенных уголовная среда была не только враждебной, но и опасной, поэтому они старались уклоняться от контактов с «уголовкой». Спасало политических и то, что их, по распоряжению верховной власти, содержали в отдельных, изолированных от уголовников, тюрьмах. Труднее приходилось тем, кого переводили на содержание вне тюрьмы. Они

¹ Екатерина Брешко-Брешковская. Скрытые корни русской революции. М., 2006. С.177-183.

² Там же. С.188.

вынуждены были жить в непосредственной близости от мест, населенных такими же «вольнокомандцами», но из уголовных.

Карийский тюремный район состоял из нескольких тюрем, каждая из которых располагалась при золотоносном прииске. Группу Брешко-Брешковской привезли на один из таких приисков, на Нижнюю Кару. Здесь же находилось управление всего Карийского тюремного района. Возглавлял его заведующий Нерчинскими ссыльнокаторжными, так официально называлась его должность, полковник Владимир Осипович Кононович. Тюремный начальник, к которому, позднее, у политических сложилось уважительное отношение. Они, по общему мнению, считали его порядочным человеком и ценили в нем редкую и непривычную для людей, надзирающих за заключенными, интеллигентность. По воспоминаниям Брешковской и её товарищей, новую партию Кононович встретил приветливо, разговаривал по-человечески, и тут же приказал снять с них кандалы¹. Более всего поразило их то что, сославшись на позднее время и то, что тюремное помещение было на ночь закрыто, пригласил их к себе на ужин и ночлег². И только на следующий день, после ночевки в квартире Кононовича, прибывших узников разместили по местам содержания.

Необходимо заметить что, несмотря на то, что Нерчинская каторга давно уже стала местом ссылки политических заключенных, специальной каторжной тюрьмы, оборудованной для содержания этих людей, здесь не было. Их, обычно, размещали в перестроенных, либо переоборудованных помещениях, то есть приспособленных и не соответствующих режимным требованиям. Так прибывших с Брешковской мужчин, отвели в политическую тюрьму, обращенную из бывшей офицерской гауптвахты. Для неё же камеры не нашлось, так как ещё не было тюрьмы для политических женщин. Кононович принял решение, определить единственную женщину политкаторжанку на положение содержащейся вне тюрьмы, в так называемой вольной команде.

На содержание вне тюрьмы, по существовавшему в стране законодательству, переводились, те ссыльнокаторжные, кото-

¹ Екатерина Брешко-Брешковская. Скрытые.....С. 185-186; Синегуб С.С. Воспоминания чайковца // Русская мысль. 1907. № 9. С. 100-101.

² Чарушин Н.А. О далеком прошлом на Каре. М., 1929. С. 18.

рые уже отбыли установленную часть тюремного содержания. По всем правилам у Брешковской срок пребывания в тюремном заключении также уже закончился, и решение Кононовича нисколько не противоречило закону. Екатерине Константиновне было определено жить в вольной команде вместе с частью политкаторжан, получивших это право ранее, и с их женами, которые последовали за своими мужьями на каторгу.

Брешковская, как и все её товарищи, посчитали этот поступок Кононовича за проявление сочувствия и уважения к женщине. Поступок, как свидетельство особой смелости тюремщика, осмелившегося нарушить волю высшей власти. Однако они заблуждались, считая это особой заслугой Кононовича, и относя это на счет его личной храбрости, позволяющей ему отступать от установленных правил. Кононович внешне был вежлив и любезен с политическими, но, все-таки, это не означало, что он, осуществляя за ними надзор, нарушал режим из симпатий или из других соображений. Дело в том, что он то, как раз, был добросовестным исполнителем нормативной базы каторжного режима. Со стороны же официальной высшей власти, наоборот, совершались отступления от правил в сторону ужесточения режима содержания политической оппозиции. Например, требовалось запретить содержание политкаторжан вне тюрьмы. В данном случае, Кононович, следуя нормам Устава о ссыльных, и, несмотря на требование власти, решил проблему в пользу политкаторжан. За что они, идеализируя своего тюремщика, были ему благодарны.

В связи с этим обстоятельством необходимо подчеркнуть, что все приговоренные к каторжным работам, в том числе и государственные преступники, находясь в разряде ссыльнокаторжных, теряли все сословные права и оказывались вне общества. Более того, их официально не ставили в известность и о правовых возможностях, которыми они могли пользоваться как подвергнутые наказанию. Поэтому у них укрепилось твердое мнение, что они в полной зависимости от начальствующего лица, следовательно, от его личных качеств. Если он порядочный человек, значит, не будет творить произвола, и режим на каторге будет сносным. И наоборот, если же недостойный, жди произвола и злоупотреблений. Кононович, по их мнению, был порядочным и режим при нем терпимый. На самом же деле, Кононович был

точным исполнителем положений Устава о ссыльных, в котором предусматривались нормы по облегчению участи заключенных.

Непродолжительное время, пока не обустроили постоянное жилье, Брешковская жила на квартире А.К. Кузнецова. Он возглавлял детский приют, поэтому жил в казенной квартире и имел возможность на некоторое время поселить у себя первую ссыльнокаторжную женщину. Очень скоро Брешковская приобрела постоянное жилье. Из заброшенной баньки во дворе дома другого политического вольнокомандца П.Г. Успенского с помощью товарищей было оборудовано жилье, в котором поселились Е. Брешковская и Лариса Синегуб, жена ссыльнокаторжного Сергея Синегуба, последовавшая, как и жены Чарушина, Квятковского, Бибергаля, Успенского за своим мужем добровольно на далекую каторгу¹.

В то время на Каре, кроме вновь прибывших, содержалось несколько человек политических, сосланных на каторгу в предыдущие годы. Они были рассредоточены по другим приисковым тюрьмам Карийского тюремного района.

Поселок Нижняя Кара, как уже было сказано выше, являлся центром Карийского тюремного района. Бывший политкаторжанин Н. Чарушин так описал его: «Это довольно значительное поселение, где кроме каторжной тюрьмы, казарм для караула, дома управления, комендантского дома, офицерской гауптвахты и других построек, обращало внимание на себя довольно обширное здание приюта для детей ссыльнокаторжных с садом и огородом, расположенное на красивом возвышенном месте с правой стороны дороги; а немного дальше, за ним возвышалось здание лазарета, к которому с задней стороны подходила совершенно голая «лазаретная сопка». Надо добавить, что кроме помещений, принадлежащих тюремному ведомству, в поселке имелись дома тюремных чиновников, местных жителей, которые кормились снабжением и обслуживанием тюрьмы, а также жилища бывших ссыльнокаторжных, переведенных в разряд содержащихся вне тюрьмы. Для них казенных помещений не хватало, поэтому позволялось обзаводиться собственным жильём, или снимать его у частных лиц. В результате в поселке образовалась многочисленная колония уголовников, живущих вне тюрьмы. С этой ка-

¹ Екатерина Брешко-Брешковская. Скрытые..... С.186; Синегуб С. Воспоминания.....// Русская мысль. 1907. С. 17.

тегорией населения у политических никаких контактов не установилось. Зато своим кругом политические жили дружно.

Приветливо и добросердечно встретили они Брешковскую и её товарищей. Насколько эта встреча была трогательной, а самое главное, необходимой для тех, кто уже длительный срок отбывал наказание, отметила в своих воспоминаниях Екатерина Константиновна: «Братски встретили нас товарищи, окружили тесным кольцом и жадно смотрели, жадно ловили каждое слово людей, только что приехавших с родины»¹. Вновь прибывших ссыльнокаторжных волновал вопрос об условиях содержания на каторге. Они хотели бы немедленно услышать на свои вопросы ответы. А старожилы каторги, торопясь, допытывались о новостях из России. Поэтому первая встреча прошла так бурно и заинтересованно. В дальнейшем, на протяжении пребывания на каторге единственной ссыльнокаторжной политической женщины, отношения в колонии политических, живущих на воле, сохранялись ровные, добросердечные, хотя и неоднозначные. О самой Брешковской на Каре сложилось благоприятное впечатление. Она завоевала всеобщую любовь, проявляя заботу, находя нуждающимся в них добрые слова. Особенно уважительно относились к ней местное некриминальное простое население.

С особым сочувствием относилась она к больному Н. Ишутину, который из-за болезни постоянно содержался в лазарете. В своих воспоминаниях она привела то впечатление, которое возникло у неё от состояния физического и умственного здоровья Ишутина. Поразило её его одиночество, бедность и грязь, которую он не разрешал никому убирать. Единственный человек, которому он позволял за собой ухаживать, была Александра Ивановна Успенская, жена ссыльнокаторжного П.Г. Успенского, осужденного по процессу С.Г. Нечаева. Успенская работала в лазарете и имела возможность помогать больному Ишутину. Жалея больного товарища, Брешковская предприняла попытку стать сиделкой для него. Но Ишутин категорически и резко отказал ей. Более того, он отчитал её за то, что Брешковская является приверженкой чересчур простой одежды, оценив эту склонность как гордыню, как склонность к унижению того рода, к которому принадлежала Екатерина Константиновна. То, что говорил Ишутин во время встреч, разочаровывало Брешковскую.

¹ Брешко-Брешковская Е. Из моих воспоминаний. СПб., 1906. С. 3.

Особенно её шокировали монологи по поводу светской жизни, оставшейся на свободе. Однажды, уже совсем ослабевший, слегший в постель, он укорял её за то, что она порвала все свои старые связи с прошлой жизнью, и в восторге рисовал все прелести московских театров, ложь, полных красавиц в дорогих украшениях, красоту театральных помещений, залитых светом. Было ли это искренним сожалением о потерянном и несостоявшемся в жизни, свидетельством о разочарованиях, и запоздалым осознании бессмысленности и бесполезности совершенного деяния, трудно сказать. Но Брешковской «было жутко и больно слушать такие речи человека, только что вырванного из среды отважных товарищей, и от человека, столько страдавшего за правду, столько пережившего чужих страданий». Оправданием такого настроения, по мнению Брешковской, была окружающая обстановка и состояние здоровья Ишутина: «Но возмущение утихало, когда вы внимательно вглядывались в желтый, иссохший остов, конвульсивно дрожащий от смертельного кашля. Кругом мокрота, белье грязное, подушки засаленные, воздух жесткий»¹.

Общение с Ишутиным, его рассуждения, отличавшиеся противоречивостью и несовпадением с нелегальной практикой ишутинцев, не изменили восхищенного отношения Брешковской к этой группе молодых людей. Во всех своих воспоминаниях Екатерина Константиновна подчеркивала их жертвенность, смелость, искренность, одаренность, нравственную силу и преданность своим идеям.

Все, и вышедшие в вольную команду политзаключенные, и их жены, которые как могли, помогали своим мужьям переживать ссылку, старались обустроить свой быт, пытались найти источник заработка. Брешковская вскоре нашла ученика для занятий французским языком, кроме этого доктор Кокосов предложил ей заняться чтением и письмом со своей женой, местной казачкой. Дополнительно к учебным занятиям Екатерина Константиновна занялась шитьем нарядов для женской части Кары. Этого заработка было достаточно, так как Брешковская особого значения комфорту не придавала, в быту она довольствовалась минимальным.

Итак, открыв женскую политическую каторгу в конце 70-х годов XIX века, тем самым, российская власть объявила, что те-

¹ Брешковская Е. Из моих....С. 5.

перь для борьбы с оппозицией она переходит на путь крайне жестких мер воздействия. Объектом уголовного преследования становятся и женщины, которые наравне с мужчинами стали приговариваться к ссылке в каторжные работы. Каторжный режим характеризуется наличием ряда крайне тяжелых условий заключения. Это обязательное ношение оков, физическое наказание, использование на тяжелых физических работах и отдаленность расположения каторжных тюрем. Что по замыслам российской власти должно, во-первых, устрашать тех, кто потенциально склонен к политической оппозиции, во-вторых, сурово покарать уже принявших участие в ней. Условия содержания политических женщин усугублялось отсутствием достаточно обустроенных помещений для жизни, недостатком материальных средств, зависимостью от начальствующих лиц, что порождало произвол, а возможность защиты отсутствовала. Очень скоро в стране участниц радикального движения начнут приговаривать к смертной казни, и приводить её к исполнению.

Максимова В.Н.

Политическая каторга в Сибири в 1906 – 1917 гг.: гендерный аспект

Статья посвящена малоизученному вопросу политической ссылки в Сибирь в начале XX в. – положению осужденных участниц освободительного движения в России в каторжных тюрьмах Восточной Сибири. На основании анализа широкого круга источников и литературы в статье рассматриваются проблемы численности, социального, национального и возрастного состава осужденных революционерок, прослеживаются принципы формирования коллектива и борьбы с режимом каторги.

V.N. Maksimova, Ph. D. of history, senior lecturer
of Bratsk State University.

Political penal servitude in Siberia at 1906-1917:
gender perspective

The article is devoted to insufficiently explored issue of political exile to Siberia at the beginning of XX century as well as conditions of condemned female participants of Russian liberation movement

at East Siberian convict prisons. The issues of number, social, national and age structure of condemned female revolutionaries are considered in the article on the basis of extensive sources and literature analysis. Collective forming principles and struggle against convict prison administration are examined by the author.

В Восточной Сибири (с 1906 г. включавшей в себя Иркутскую и Енисейскую губернии, Забайкальскую и Якутскую области под названием Иркутского генерал-губернаторства) женская каторга располагалась в Нерчинском горнозаводском округе Забайкальской области¹.

Женская политическая каторга в Восточной Сибири может быть условно подразделена на два периода – Мальцевский (1907–1911) и Акатуйский (1911–1917). Вплоть до 1907 г. отдельной женской каторжной тюрьмы в Сибири не было, в Мальцевской каторжной тюрьме Забайкальской области содержались уголовные заключенные, в том числе и женщины (не считая двух политических – П.Е. Айзенберг и Е.М. Ройзман, пробывших здесь очень короткий срок в 1905 г.)². Остальные политические узницы (в 1905 – начале 1907 гг. – девять человек) находились в каторжных тюрьмах Нерчинского горнозаводского округа: в Акатуйской тюрьме – 7, в Алгачинской – 1, в Александровском центре – 1³.

В феврале 1907 г., согласно предписанию военного губернатора Забайкальской области начальнику Нерчинской каторги от 6.01.1907 г. за №7⁴, в Мальцевскую тюрьму из Горного Зерентуя была переведена первая партия политических каторжанок: А.А. Биценко, А.А. Измайлович, Р.М. Фиалка, М.А. Спиридонова, М.М. Школьник, Л.П. Езерская. Другие женщины – политические заключенные к этому времени были либо амнистированы, либо закончили сроки работ и вышли на поселение. Целью указанного перемещения было ужесточение тюремного режима, необходимого в условиях проведения царизмом массовых репрессий против участвовавших в революционных выступлениях

¹ ГАЧО, – Ф. 14, Оп. 1, – Л. 1.

² ГАИО, – Ф. 25, Оп. 6, Д. 2699, – ЛЛ. 21 – 24, 25, 51, 51 (Об); ГАЧО, – Ф. 1 (Т), Оп. 1, Д. 1092, – ЛЛ. 11 – 12; Д. 4309, – ЛЛ. 38 – 39.

³ ГАИО, – Ф. 25, Оп. 6, Д. 2699, – Л. 51 (Об), 52.

⁴ ГАЧО, – Ф. 113, Оп. 7, Д. 2, – Л. 9 (об).

1905 – 1907 гг. В результате в феврале 1907 г. Мальцевская тюрьма получила статус специальной женской каторжной тюрьмы и стала местом сосредоточения всех политических узниц, отбывавших срок работ в Восточной Сибири. В мае 1911 г. политкаторжанок перевели в Акатуйскую первозрядную смешанную тюрьму¹. Здесь отбывали наказание, как политические, так и уголовные заключенные обоого пола.

В Мальцевский период женской политической каторги наблюдался неуклонный рост численности заключенных. К марту 1911 г. через Мальцевскую тюрьму прошло 62 человека из отбывавших сроки на Нерчинской каторге в 1907–1917 г. В последующие шесть лет (с мая 1911 г. до марта 1917 г. – в Акатуйской женской каторжной тюрьме) число политических узниц постепенно снижалось. Так, в мае 1911 их 44, в марте 1912 – 28, в марте 1913 – 25, в марте 1914 – 16, в марте 1917 – 10². Данное положение объясняется тем, что большинство революционеров было осуждено на сроки от 2 до 6 лет (или на длительные сроки, сокращенные по смягчающим обстоятельствам) в период 1906–1908 гг., и к 1912 г. они стали выходить на поселение.

В указанные тюрьмы отправлялись «государственные преступницы» со всех концов Российской империи. По нашим подсчетам за период 1907 – 1917 гг. здесь было представлено 24 населенные пункта, где выносились каторжные приговоры военно-окружными, временными военными, окружными судами, судебными палатами и Особым Присутствием Сената.

Основная часть каторжных приговоров была вынесена судами военного ведомства – 58 (74,4%). Согласно «Положению о мерах по охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г., в отдельных губерниях и областях устанавливалась чрезвычайная и усиленная охрана, предусматривавшая передачу генерал-губернатору и другим должностным лицам всей полноты власти, как гражданской, так и военной. Таким образом, администрация получила санкцию рассматривать в военных судах дела о политических преступлениях лиц гражданского звания. Гражданские лица могли быть осуждены

¹ Пирогова А. Я. На женской каторге // На женской каторге, – М, Изд-во политкаторжан, 1932, – С. 183

² ГАИО, – Ф. 25, Оп. 6, Д. 4678, – Л. 54, 91; ГАЧО, – Ф. 1 (Т), Оп. 1, Д. 488, – Л.89; – Ф. 1 (Т), Оп. 2, Д. 2759, – Л. 17.

по законам военного времени также в местностях, объявленных на военном положении, где судебная и административная власть сосредоточивалась в армейских учреждениях. К марту 1906 г. на военном положении и положении чрезвычайной и усиленной охраны находилось 60 из 87 губерний и областей России, т. е. 69 %¹. Гражданские суды, отличавшиеся большим либерализмом, представлены 16-ю приговорами (20,5%). Среди мест вынесения приговоров лидируют Санкт-Петербург, Одесса и Варшава, что вполне закономерно, поскольку именно в центре государства и на его национальных окраинах был наиболее высок накал революционной борьбы. К тому же указанные города являлись крупными административными, военными и промышленными центрами, предоставлявшими большие возможности для подготовки и проведения террористических актов, экспроприации и агитации (за что, по большей части, и осуждались узницы тюрем Нерчинской каторги).

Безусловно, важным для характеристики качественного состава, является анализ национальной принадлежности узниц Нерчинской каторги.

Привлекает внимание тот факт, что, несмотря на относительное разнообразие национального состава, безусловное лидерство в количественном отношении принадлежит представительницам русской – 47,4% и еврейской – 29,4% национальностей. Достаточно большое количество русских, оказавшихся в застенках женских тюрем Нерчинской каторги вполне объяснимо с позиции общей численности русского населения в границах Российской империи, тем более в ее центре и западных губерниях. Несомненно иной видится причина высокой составляющей в национальном составе каторги евреек. Не секрет, что последние относились к одному из наиболее угнетаемых в России рассматриваемого периода этносов, для которого существовали ограничения в доступе к образованию, сфере власти, в перемещениях по стране. Но еще более бесправной в еврейских семьях с традиционным социальным укладом оказывалась женщина, которой традиция и воспитание предписывали только одну роль – быть матерью семейства. Становясь революционерками, зачастую порывая со своими семьями и культурными традициями, отрекаясь от политических взглядов своих родителей, еврейки стре-

¹ См.: «Право», 1906, №10, Стб. 910 – 915.

мились изменить не только государство, но и свою собственную жизнь. Нельзя снимать и вины с российского правительства за уход еврейской молодежи в революцию. Этому способствовали и погромы 1880-х гг., и волна антисемитских выступлений в Кишиневе в 1903 г. и в Одессе, Минске и Киеве в 1905 г.

Что касается сословной градации политических заключенных женских каторжных тюрем Восточной Сибири, то наиболее многочисленной группой являются мещане – 31 человек (39,7%), достаточно велика доля дворян – 14 человек (18%) и крестьян 12 (15,4%). Полученные данные свидетельствуют об эволюции социального состава в сторону вытеснения дворян мещанами по отношению к 90-м гг. XIX в.¹

Характерной особенностью женской политической каторги в Восточной Сибири была молодость ее невольных обитательниц. Из 78 человек, отбывавших различные сроки наказания, имели возраст:

От 17 до 21 г. – 21 (27%)

От 22 до 31 г. – 31 (39,7%)

От 32 до 41 г. – 7 (9%)

От 42 и старше – 3 (3,8%)

Не установлено – 16 (20,5%)

Как правило, молодость – это пора поиска человеком своего места в жизни, когда недостаток жизненного опыта и способности критического анализа усиливает остроту восприятия болезней окружающего мира. В 1905 г. атмосфера хаоса и нестабильности, как в политике, так и в других областях общественной жизни благоприятствовала бунтарству молодежи: традиционные ценности подвергались переоценке, и их легко можно было заменить радикальными идеями, распространенными среди взрослых. Стремление молодых людей найти себе место в быстро меняющемся мире путем участия в революции усиливалось прославлением в левой прессе ее наиболее крайних форм борьбы, таких как террор и экспроприации. Романтизированный образ героического борца за свободу, представляемый в этих газетах, по мнению А. Гейфман, особенно воздействовал на воображе-

¹ Морголис А. Д. Социально – статистический анализ биографий политических каторжан – участников 2 – го этапа освободительного движения в России // Политическая ссылка в Сибири XIX – XX в., Новосибирск, 1987, С.123.

ние несовершеннолетних¹. Нередко молодых девушек побуждала жертвовать собой, а заодно и другими, высокая (но весьма иллюзорная) цель – счастье всех угнетенных и обездоленных. Одна из каторжанок вспоминала впоследствии: «Все мы, молодежь, пошли в революцию, инстинктивно захваченные волною движения; на воле все теории складывались наспех, для непосредственного практического применения; зачастую та или иная партийная принадлежность обуславливалась случайными знакомствами, влиянием друзей, ближайшей средой. В этом смысле наше поколение каторжанок, конечно, значительно отличалось от прежних героических одиночек, которые с трудом самостоятельно выбились на революционный путь, вопреки всему окружающему»².

Подавляющее большинство каторжанок – 52 человека (66,7%) не достигли к моменту суда 31 года, при этом 21 из них не исполнилось и 21-го года, что весьма показательно, поскольку люди зрелого возраста менее склонны к скоропалительным решениям.

В отличие от мужской политической каторги, большая часть осужденных женщин имела довольно высокий образовательный уровень – более половины – 42 человека (53,8%) получили среднее образование, окончили высшие женские курсы или обучались на них. Еще 15 человек (19,3%) прошли начальный курс обучения или перешли в среднюю школу. Стоит отметить факт отсутствия среди каторжанок неграмотных, что особенно важно в связи с результатами первой Всероссийской переписи населения 1897 г., согласно которым только 22,3% взрослого населения России были грамотны (к 1913 г. – свыше 60% населения от 8 лет и старше оставались неграмотными)³. Полученные данные во многом совпадают со сведениями, полученными о происхождении и возрасте узниц, и косвенно свидетельствуют об активности радикальной пропаганды в учебных заведениях среднего и высшего звена.

¹ Гейфман А. Революционный террор в России 1894 – 1917 гг./ Пер. с англ. Е. Дорман. – М.: КРОНПРЕСС, 1997, – С. 243.

² Каховская И. Из воспоминаний о женской каторге // На женской каторге, – М, Изд-во политкаторжан, 1932, – С. 83.

³ Пропагандист, – М, 1939, №16, – с. 11.

Показательным является перечень партий, представленных на женской политической каторге.

Тактика радикальных политических партий России отличалась высокой активностью нелегальной, запрещенной законом деятельности. В результате представители этих партий в первую очередь подвергались репрессиям со стороны царского правительства и заполняли каторжные тюрьмы по всей стране, в том числе и в Восточной Сибири. Возглавляет список партия социалистов-революционеров – 50%. Второй по численности группой являются анархисты-коммунисты – 16,7%, за ними следуют члены РСДРП – 11,5%, при этом большевики составляли 6,4%, меньшевики 2,6%, еще две революционерки (2,6%) были осуждены за причастность к РСДРП без указания фракции

Из 65 женщин, чьи статьи, по которым они были осуждены, удалось установить, 38 имели 102 ст. Уголовного Уложения в различных ее пунктах, еще 13 – 126 ст. Уголовного Уложения.

У подавляющего большинства политических узниц Нерчинской каторги в обвинении содержались 102 и 126 статьи УУ (предусматривавшие ответственность за тяжкие преступления политического характера) – 51 человек (65, 38%). Семеро каторжанок (9%) были обвинены по 279 ст. СВП, трое (3,8%) осуждены за побег с поселения по 313 ст. Устава о ссыльных. Полученные результаты согласуются с партийным составом женской каторги и содержанием обвинений, которые предъявлялись ее представительницам.

Часто обвинение включало несколько пунктов. Преобладающая их часть относится к составам преступлений, содержащихся в 102 и 126 статьях УУ, рассмотренных ранее. При этом следует отметить, что царские суды, перегруженные работой в период 1906 – 1909 гг. (в связи с событиями первой русской революции), нередко преследовали революционеров не за основной вид деятельности. Поэтому на наш взгляд необходимым является анализ видов революционной работы, производимой членами указанных партий до ареста.

Анализ сведений дал возможность сделать следующие выводы: 33,33% осужденных женщин занимались до ареста технической работой в партии; пропагандой и агитацией (нередко сочетавшимися с типографской деятельностью) было занято 28,20% революционерок; к боевикам и рабочим лабораторий принадле-

жало 25,64%. Невелик процент организаторов и членов комитетов партий – 7 человек (8,97%), что можно объяснить небольшой численностью женщин в партиях в целом, и в руководстве в частности, а также нередким нахождением комитетов за границей, где сберегались наиболее опытные кадры.

Принадлежность значительной доли узниц к террористической деятельности, исходя из состава женской политической каторги, является вполне логичной. Кроме эсеров, террор широко практиковали анархисты, использовали его, вопреки теоретическому отрицанию эффективности, и социал-демократы обеих фракций, различные национальные партии. Своеобразие ситуации в России конца XIX – начала XX в. состояло в том, что террористы считались героями не только в среде революционеров, но и в широких слоях общества. К этому добавлялась имевшая истоки в православии, но основательно извращенная, традиция самопожертвования. Совершение террористических актов – во имя равенства и справедливости – предполагало принесение в жертву личного счастья и личных интересов, что если и не оправдывало, то до некоторой степени искупало убийства. У многих женщин-террористок жертвенные мотивы прослеживаются особенно отчетливо. Классическим примером является М.А. Бенеvская, входившая в БО ПСР и пострадавшая при случайном взрыве бомбы в лаборатории. Будучи верующей христианкой, она находила оправдание своей деятельности больше в Библии, нежели в программных установках¹.

Осужденные по каторжным приговорам подразделялись на три разряда, в зависимости от длительности срока:

- 1-й разряд (от 20 лет до бессрочного заключения) – 10 (12,8%)
- 2-й разряд (от 8 до 20 лет) – 18 (23,1%)
- 3-й разряд (от 4 до 8 лет) – 38 (48,7%)
- от 2 до 3 лет – 7 (9%)
- не установлено – 5 (6,4%)
- всего – 78 (100%)

¹ А. Биценко. В Мальцевской женской каторжной тюрьме 1907 – 1910 гг. (К характеристике настроений) // Каторга и ссылка, 1923, № 7, – С. 195; Будницкий О.В. Женщины – террористки: политика, психология, патология. // Женщины – террористки в России. – Ростов-на-Дону. – «Феникс», 1996, – С.11.

Около половины осужденных женщин – 38 человек (48, 7%) принадлежали к третьему разряду каторжных. Достаточно представительными по отношению к общему количеству являются группы 1-го (12,8%) и 2-го (23,10%) разрядов. В целом же осужденные на длительные сроки (от 5 лет и выше) составляли 53,8% каторжанок, что свидетельствует о тяжести совершенных ими преступлений с точки зрения российского законодательства того времени, поскольку отношение к женщинам на скамье подсудимых все же отличалось большей гуманностью и снисхождением.

Правовое положение политических ссыльных Восточной Сибири в 1907 – 1917 гг. регулировалось такими нормативными документами, как Устав о ссыльных 1890 г. (дополненный в 1906 г.), Устав о содержащихся под стражей, Положение о полицейском надзоре, Общая тюремная инструкция 1915 г. В разные годы Департаментом Полиции и Главным Тюремным Управлением издавались также секретные циркуляры, как правило, ограничивавшие права политических ссыльных. При этом в условиях неподготовленности тюремного ведомства к массовому наплыву политических преступников после подавления революции 1905 – 1907 гг., решение значительного круга вопросов, связанных, в том числе, и с правовым положением женщин, на практике относилось на усмотрение местной администрации.

Каторга являлась наиболее суровым видом ссылки из существовавших после революции 1905 – 1907 гг.¹ По «Уставу о ссыльных» она подразумевала отправление осужденных в Сибирь для работы на заводах, фабриках и рудниках². Однако, для осужденных по политическим делам «ссылка в каторжные работы» означала заключение на определенный срок или бессрочно в тюрьмы строгого режима, или в специально оборудованные централы. Фактическое изменение содержания наказания обуславливалось как внутривосточной ситуацией в империи, так и экономическим состоянием восточносибирской каторги. Подробно с причинами существования в тюрьмах восточносибирской каторги различного по степени тяжести режима знакомит работа Н. Г.

¹ Бровинцова Е. П. Карательное законодательство царизма в борьбе с революцией 1905 – 1907 гг. // История СССР, 1975, №5, С.112 – 114.

² Устав о ссыльных, – Иркутск, изд. 2, 1911, – С.34.

Шенмайер¹. Революционные события 1905–1907 гг., демократизировавшие общественное мнение в России и недостаточное финансирование каторжных тюрем Восточной Сибири, способствовали установлению здесь для «политических преступников» в 1905–1906 гг. особого режима, отличавшегося незаконными привилегиями (ношением собственной одежды и обуви, свободными прогулками по двору и за оградой, посещениями родственников, не соблюдением кандалного срока и т. д.) и отсутствием такого неперемennого элемента каторги как принудительные работы². Из телеграммы начальника Нерчинской каторги Ю. И. Метуса военному губернатору Забайкальской области от 18 марта 1907 г. следует, что в 1906 г. «в тюрьмах каторги, особенно Акатуевской, существовал режим возмутительного издевательства над законом...»³. О либеральности режима красноречиво свидетельствовало существование здесь лавки с товаром на сумму 3000 р., принадлежавшей коллективу «государственных преступников». Доход от нее частично направлялся на улучшение условий содержания в тюрьме, большей же частью – на организацию побегов товарищей (готовился, в частности, побег А. А. Биценко, А. А. Измайлович, Р. М. Фиалки, М. А. Спиридоновой, М. М. Школьник, Л. П. Езерской)⁴.

Первые изменения в содержании политических узников в каторжных тюрьмах Восточной Сибири были произведены уже в конце 1906 г., когда ГТУ довело до руководства Нерчинской каторги, режим которой был признан центром «не удовлетворяющим требованиям закона», циркуляр от 16 декабря за № 24. В нем предписывалось «содержать каторжан разряда испытуемых обязательно в кандалах и освободить их от таковых только в разрешенных законом случаях...», «закрыть арестантские камеры и выводить заключенных на прогулки малыми группами». Статья 94 Устава о ссыльных предполагала содержание каторжан всех разрядов определенный срок (от 1 до 8 лет) в ножных

¹ Шенмайер Н. Г. Эсеры в каторжных тюрьмах Восточной Сибири 1907 – 1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 1997, – С.18 – 19.

² ГАИО, – Ф. 25, Оп. 6, Д. 3134, – Л. 100; Шенмайер Н.Г. Указ. соч., – С. 17.

³ ГАЧО, Ф. 1 (п), Оп. 2, Д. 264, – Л. 22.

⁴ ГАЧО, – Ф. 113, Оп. 7, Д. 2, – Л. 8

кандалах, а заключенных без срока – еще и в ручных. Женщины, осужденные первого разряда, также должны были носить ручные и ножные оковы, но менее тяжелые. На прочие разряды эта мера не распространялась. Снятие кандалов производилось по разрешению высшего местного начальства при исполнении работ, тяжких болезнях, слабом здоровье, при удостоверении этого тюремным врачом, и «в уважение к подаваемой каторжными надежде на исправление». Стремление местной тюремной администрации выполнить требования высших властей и при этом не вызвать взрыва протеста политических заключенных привело к установлению своеобразного компромисса: оковы на каторжанок налагались только на время приезда в тюрьму инспектирующих лиц¹. Начальник Нерчинской каторги Н.Л. Забелло в июле 1909 г. «...в виду ревизии каторжных тюрем и промыслов помощником начальника ГТУ» «напоминал к исполнению» начальникам тюрем «...постараться, чтобы арестанты содержались без всяких отступлений от закона»². В такое время строго выполнялись требования тюремной инструкции: запрещалось носить собственное платье, в «цейхгауз» выносились не разрешенные вещи, сами камеры запирались. После окончания проверки, все возвращалось на свои места, и устанавливался прежний режим. Повода для борьбы местная администрация не давала, не практикуя по отношению к узницам команды «встать», обращения на «ты», назначения карцера, принудительного пения молитв, т. е., всего того, что неизбежно вызвало бы протест. Запертые в своей половине, каторжанки в ее пределах чувствовали себя достаточно свободно³. Однако, судя по провалу готовившегося побега М. Спиридоновой и ряду тщательных обысков, за заключенными было установлено строжайшее наблюдение⁴. В целом введение режимных ограничений в женской тюрьме осуществлялось администрацией постепенно и умеренно. Из доклада начальника Нерчинской каторги военному губернатору Забайкальской области от 20 октября 1910 г. следует, что в Мальцевской тюрьме

¹ ГАРФ, – Ф. 102, 5 Д-во, Оп. 146, Д. 701, – Л. 7 (об) – 8.

² ГАРФ, – Ф. 29, – Оп. 7, – Д. 793, – ЛЛ. 20 – 20 (об).

³ Каховская И. К. Указ.соч. – С.79.

⁴ ГАРФ, – Ф. 29, Оп. 1, Д. 1386, – Л. 1; ГАИО, – Ф. 600, Оп. 1, Д. 552, – ЛЛ. 9, 16, 20, 26; ГАЧО, – Ф. 113, Оп. 8, Д. 8, – ЛЛ. 19, 21, 26, 37.

оковы на бессрочных каторжанок были наложены только весной того же года¹. В феврале 1910 г. до начальников тюрем Нерчинской каторги был доведен приказ ГТУ о переводе арестантов, считавшихся до того времени политическими в число общеуголовных, с удалением каких бы то ни было различий в порядке содержания (прилагался именной список содержащихся в Мальцевской тюрьме политкаторжанок)². Требования тюремной инструкции в виде утренних поверок, ограничений в чтении, назначения принудительных работ, заключения в карцер за неповиновение режиму начали исполняться с мая 1911 г. уже в Акатуйской тюрьме³. Уже при приеме у политических узниц был произведен тщательный обыск и отобраны личные вещи. Обыски камер проводились каждый день.

Вопрос об организации принудительных работ для политических каторжанок возник в России с момента появления женской каторги (в последней четверти XIX в.). Он заключался, во-первых, в том, что ввиду своего происхождения, воспитания, состояния здоровья большинство заключенных данной категории не были способны к физическому труду, во-вторых, они сами коллективно саботировали указанные работы, стремясь подчеркнуть отличие от уголовных и не желая трудиться на своего врага – самодержавие. Политические узницы в начале XX в. расценивали принудительный труд как нарушение прав, завоеванных многочисленными жертвами предыдущих поколений революционеров. Поэтому с позицией исследователей, усматривающих в отсутствии обязательных работ у женской части политической каторги стремление царской администрации, усилить наказание бездельем⁴, вряд ли можно согласиться. Уже в 1903 г., в докладе иркутского губернского тюремного инспектора, содержалась настоятельная рекомендация по организации постоянных работ для «государственных преступников»: для мужчин – столярных, кузнечных, слесарных, переплетных и картонажных; для

¹ ГАЧО, – Ф. 113, Оп. 7, Д. 1, – Л. 15.

² ГАЧО, – Ф. 28, Оп. 1, Д. 53, – Л. 69, 69 (об).

³ Орестова Л.П. Акатуйская вольная команда // На женской каторге, – М, Изд-во политкаторжан, 1932, – С. 213 – 214.

⁴ Подольская Л. Правовое положение политических каторжанок в Нерчинских заводах в 1900 – 1910 гг. // Государственно – правовые институты самодержавия в Сибири. -Иркутск, 1982, – С. 94 – 95.

женщин – швейных, «хотя бы для изготовления обмундировки и постельных принадлежностей для всех ссыльных»¹. Тюремная администрация, таким образом, стремилась несколько уменьшить расходы на содержание каторжан и дать им возможность заработать деньги². Обычно мастерские устраивались в тюремной ограде, что было во многом вынужденной мерой, принятию которой способствовали частые побегии политических каторжан с внешних работ и ответственность, ложившаяся на администрацию тюрьмы в таких случаях. В некоторых тюрьмах Нерчинской каторги (Горно-Зерентуйской и Мальцевской) практиковался принцип добровольного труда. По свидетельству политкаторжанок, большинство из них в период 1907 – 1910 гг. занималось неоплачиваемыми работами по самообслуживанию, что обуславливалось, кроме вышеизложенных обстоятельств, получением помощи от родственников и парторганизаций и существованием коммуны.

В связи с «завинчиванием» режима Нерчинской каторги (1910–1911), санкционированным из центра, позиция тюремной администрации по привлечению политических заключенных к принудительным работам становится более жесткой. Обнаружен приказ по Управлению Нерчинской каторги (1910 г.), которым начальникам тюрем рекомендовалось обратить особое внимание на развитие «всевозможнейших работ, как бы они не казались маленькими и не приносящими большого дохода», а также на «приискание сбыта, не ожидая пока покупатель сам объявится»³. Уже в июне 1910 г. из 39 политкаторжанок, содержащихся в Мальцевской тюрьме, 9 – были заняты выделкой шерсти и вязанием варег и чулок; 11 – кройкой, починкой обуви и одежды, стиркой белья; 4 – выполняли не оплачиваемые работы (водогревов, табельщиков, церковных служителей, камерных уборщиков, банщиков, переплетчиков, камерных старост и др.); 13 – числились больными; 2 – относились к разряду «слабосильных», не способных к труду.⁴ Заработная плата существовала в размере 30 коп. в месяц, однако, норма выработки не устанавли-

¹ ГАИО, – Ф.25, Оп. 6, Д. 1654, – Л. 5 (об).

² ГАРФ, – Ф. 102, 5 Д-во, Оп. 146, Д. 701, – Л. 7 (об) – 8; ГАИО, – Ф. 25, Оп. 6, Д. 3685, ЛЛ. 57, 57 (об), 60.

³ ГАЧО, – Ф. 28, Оп. 1, Д. 54, – Л. 49.

⁴ ГАИО, – Ф. 25, Оп. 6, Д. 3702, ЛЛ. – 43 (об) – 44.

валась в отличие от уголовных каторжанок¹. Сведений об отказе «государственных преступниц» от обязательных работ во время нахождения в Мальцевской тюрьме автором не обнаружено, объяснением чему может служить установившийся компромисс между тюремным начальством, желавшим спокойной жизни и коллективом каторжанок, которых устраивала сложившаяся ситуация. Перенесение женской политической каторги в Акатуй в мае 1911 г. ознаменовалось установлением более строгого режима, частью которого стало назначение принудительных работ и контроль над конечным их результатом. Каторжанки носили воду для кухни, бани и прачечной, занимались покраской, переплетом книг, огородными и сенокосными работами, зимой чистили дворы от снега². С 1914 г., когда часть узниц вышла в «вольную команду», часть на поселение, а остальные были рассажены в одиночки, велись работы только в переплетной мастерской.

К началу XX века политические ссыльные Восточной Сибири обладали разнообразными средствами воздействия на местную администрацию: апелляции к общественному мнению, коллективные протесты и заявления, голодовки, отказы от выполнения тюремных формальностей и принудительных работ, побег, самоубийства, убийства наиболее ярых тюремщиков. Не все из перечисленных средств являлись действенными, однозначно оценивались ссыльными и широко ими практиковались. Ввиду либерального режима, на женской политической каторге в исследуемый период не применялись такие формы борьбы, как голодовки и самоубийства. В ноябре 1907 г. предписание военного губернатора Забайкальской области начальнику Нерчинской каторги за № 1560 предлагало «...не обращать ровно никакого внимания на голодовки, объявляемые арестантами... считая оные как самое заурядное явление среди арестованных лиц»³. Зерентуйская трагедия 1910 г., по воспоминаниям бывших каторжанок «...оставившая неизгладимый выжженный след»⁴ в

¹ ГАЧО, – Ф. 28, Оп. 1, Д. 53, – Л. 43.

² Пирогова А. Я. На женской каторге. // На женской каторге: сб. воспом., – М, 1932, – С. 190, 198.

³ ГАЧО, – Ф. 1 (II), Оп. 2, Д. 264, – Л. 283.

⁴ Каховская И. Указ. соч. – С. 94.

душах, укрепила уверенность в бессмысленности самоубийств и необходимости использования иной тактики.

Установившийся в Мальцевской тюрьме либеральный режим являлся основанием достаточно мирного сосуществования коллектива каторжанок и администрации (в этот период не отмечалось каких-либо серьезных столкновений). Поэтому более жесткие требования администрации Акатуйской тюрьмы, получившей прямые указания начальства о приведении режима женской каторги в норму, не могли не вызвать сопротивление революционерок. Процедура приема заключенных положила начало противостоянию, которое продолжалось вплоть до смены начальника тюрьмы штабс-капитана Шматченко. Его попытка ввести принудительные работы для политических заключенных в ноябре 1911 г. встретила сопротивление коллектива, что в свою очередь привело к лишению каторжанок на месяц переписки. Ситуация повторилась в феврале 1912 г., но, в результате вмешательства начальника Нерчинской каторги Н. Л. Забелло, наказания заключенных не последовало. Были и другие конфликты, заканчивавшиеся для осужденных лишением льгот и назначением различных сроков карцера¹. В марте 1912 г. политические узницы Акатуйской тюрьмы при посещении района каторги иркутским генерал-губернатором Князевым заявили ему, что перечисление во внетюремный разряд не улучшило, а ухудшило их положение (что противоречило положениям Устава о ссыльных). «Вольнокомандки» вынуждены были находиться в одной постоянно запертой камере без прогулок, так как вокруг корпуса не имелось соответствующих ограждений. Заявление возымело действие. Начальник Акатуйской тюрьмы уже в мае рапортовал о переводе «политических ссыльнокаторжных женщин» в новое деревянное здание (бывшую казарму охранной роты)². Заявление коллектива каторжанок в апреле 1912 г. забайкальскому тюремному инспектору положительно разрешило вопрос о пропуске начальником тюрьмы книг, присылаемых с воли, в том числе и на иностранных языках³.

¹ Орестова Л. П. Указ. соч. – С. 214.

² ГАЧО, – Ф. 1 (Т), Оп. 2, Д. 2760, – Л. 4, 5.

³ ГАРФ, – Ф. 29, Оп. 1, Д. 1512, – Л. 28.

Тюрьмы Нерчинской каторги имели прочные связи с волей, что способствовало публикации в радикальной прессе сведений о произволе тюремных властей.

Достаточно полно представлены тяготы жизни каторги и ссылки на страницах дореволюционной либеральной печати (журналы «Сибирские вопросы»), где авторами статей нередко выступали политические осужденные, к сожалению, вынужденная конспиративность корреспондентов не позволила точно установить авторство и выделить из их числа женщин.

Одной из форм борьбы женщин – политических ссыльных Восточной Сибири с режимом ссылки в 1907 – 1917 гг. были побеги. Причинами их выступали стремление большинства осужденных вернуться к революционной работе, тяжелое материальное и правовое положение ссылки, стремление избежать полицейских преследований за ранее совершенное, но еще не раскрытое преступление, личные мотивы. Однако одного желания бежать было не достаточно – отдаленность мест приписки, полицейский надзор, материальная заинтересованность местного населения в поимке беглых – требовали помощи извне. Также для успеха предприятия необходимы были немалые средства, нелегальные документы, явки, часто и проводники. Помощь в организации побегов, чаще всего адресная, оказывалась коллективами политических ссыльных, революционным подпольем страны и политической эмиграцией.

На 709 женщин, находившихся в политической ссылке в Восточной Сибири в рассматриваемый период, выявлено 149 побегов (21,01% от числа ссыльных революционеров; бежала каждая пятая). Большинство бежавших составляли ссыльнопоселенки (в том числе, отбывшие сроки каторжных работ) – 130 (87,25%); 9 (6,04%) побегов совершили высланные в административном порядке. Единственный побег был осуществлен ссыльнокаторжной М. Школьник из тюремной больницы г. Иркутска. Полученные результаты вполне объяснимы, поскольку категория административных ссыльных отбывала относительно небольшие сроки – от 1 до 5 лет, в случае поимки за пределами Сибири им грозила каторга и вечное поселение, ссыльнопоселенцы же уже были осуждены без срока, и, следовательно, действовали более активно. О строгом надзоре и сложности конспирации в районе каторги свидетельствует отсутствие побегов (при нескольких

провалах подготовки к ним) политических узниц из Мальцевской и Акатуйской тюрем.

Сравнивая положение женщин, осужденных по политическим обвинениям с положением мужчин, мы должны отметить, что тюремный режим восточносибирской каторги к женщинам был мягче на протяжении 1907 – 1917 гг., что выразалось, прежде всего, в неприменении к ним физических наказаний. Однако в указанных временных рамках можно условно выделить два периода: заключение в Мальцевской тюрьме включало в себя ряд вольностей, которые, нарушая правовую регламентацию, представляли компромисс между тюремной администрацией и коллективом каторжанок; содержание в Акатуйской тюрьме более соответствовало требованиям тюремной инструкции. Ужесточение тюремного режима на Нерчинской каторге в 1910 г. отражало общее наступление реакции в стране, которое было санкционировано из центра и подкреплено увеличением финансирования репрессивного аппарата. Относительная «мягкость» к политическим узницам, наряду с проблемами существования каторги в Восточной Сибири, объяснялась как общими завоеваниями предыдущих поколений каторжан и сплоченностью политических заключенных, так и опасением царской администрации российского и мирового общественного мнения.

Шайдунова Г.А.

Приют для арестантских детей при Иркутской губернской тюрьме в 60-80-гг. XIX столетия

В тюрьмах России XVIII – начала XIX столетия дети арестантов содержались вместе со взрослыми. Такое положение, как справедливо отмечали специалисты, приводило к «искусственному выращиванию преступников», чтобы избежать этого, ставился вопрос о необходимости вывода этих детей из тюрем для обеспечения необходимого воспитания.

В 1819 году в России было учреждено Общество Попечительное о тюрьмах. Толчком послужила поездка в Россию Вальтера Веннинга, который у себя на родине создал Лондонское общест-

во улучшения мест заключения, поставившее цель распространение идей Д. Говарда о преобразовании тюрем в соответствии с требованиями христианской морали. Его записка «О состоянии мест заключения и меры по их улучшению», направленная в 1817 году Александру I, вызвала живой интерес у русского императора. До 1855 года Общество находилось под покровительством императора, им были утверждены правила Общества Попечительного о тюрьмах, основная задача которого заключалась в «нравственном исправлении содержащихся под стражей преступников и их детей, улучшении состояния заключенных». Правила для Общества Попечительного о тюрьмах не являлись правовым актом, т. к. Общество задумывалось как благотворительная организация. Однако в нашей стране эта организация приобрела гораздо более весомое значение, что было связано с отсутствием соответствующего законодательства.

В этой связи М.Н. Гернет отмечал, что деятельность Общества попечительного о тюрьмах дала новое направление в тюремной политике¹. Предусматривались мужские и женские комитеты Общества в столицах и губернских городах.

Реализация деятельности этих организаций в полной мере начинается осуществляться в 60-е гг. XIX столетия, когда президентом Общества Попечительного о тюрьмах становится министр юстиции, появляется законодательная база функционирования приютов при тюрьмах. Закон об исправительных приютах для несовершеннолетних был принят в 1866 году, но практическая деятельность заведений вышла за пределы данного закона. Их назначение стало более широким: оно состояло в том, чтобы улучшить участь сирот, оградить детей арестантов от дурного влияния взрослых преступников в тюрьме. Конечная цель, которую видели перед собой практики, заключалась в воспитании гражданина, религиозно-нравственного человека, грамотного, знающего ремесло. К числу первых приютов, получивших известность после судебной реформы 1864 года, принадлежат Московский городской Руковишниковский приют и С.-Петербургская земледельческая колония, которые считались в числе лучших не только в России, но и в Европе.

Функционирование приюта для арестантских детей при Иркутской губернской тюрьме тесным образом связано с деятель-

¹ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 1. С. 102.

ностью женского отделения Попечительного комитета о тюрьмах Иркутска. Идея открытия при Иркутском тюремном комитете дамского отделения возникла в 1856 г. в связи с тем, что в Иркутскую тюрьму поступали женщины с малолетними детьми, требующие попечительного надзора. Осуществилась идея в 1864 году. Многие дамы, жены высокопоставленных чиновников, выразили готовность принять на себя труд попечительства над заключенными женщинами и их детьми¹.

Первоначальный состав дамского отделения Попечительного комитета о тюрьмах был следующим: Е.В. Кукель, П.А.Савинская, П.А. Котышевцева, А.Д. Рычкова, А.К. Богословская, З.А. Веретенникова, Е.Е. Таскина, И.Ю. Сумкина, Ю.А. Ушакова, Е. Сапожникова. Председательницей отделения была избрана жена Иркутского гражданского губернатора Варвара Петровна Шелашникова. В этой должности она находилась до своей кончины в 1868 году. Круг обязанностей в дамском отделении был распределен следующим образом: попечение о подсудимых и срочных заключенных женщинах, попечение о больных, детях арестантов². Дамы проявили большую сметку и распорядительность. В 1865 г. женское отделение Попечительного комитета, ходатайствует перед Иркутским губернатором об устройстве во дворе тюремного замка особого здания на 50 человек³. Был составлен проект и смета размером 1860 рублей. Однако генерал-губернатором этот вопрос был отложен, т. к. из Иркутского тюремного замка в этот период вывозили большое количество арестантов. В 1866 г. для подсудимых и срочных арестантов было арендовано особое помещение вблизи тюрьмы, с назначением для наблюдения за арестантами особой надзирательницы. Первоначально плата за наем этого помещения, жалование надзирательницы относились на счет женского отделения Попечительского комитета о тюрьмах. Затем, по настоянию В.П. Шелашниковой, в виду недостатка материальных средств, весь расход принял на себя Губернский тюремный комитет. В этом помещении находились дети всех арестантов. Именно они стали сферой особого внимания дамского отделения. Для религиозного просвещения

¹ Протокол заседания Дамского отделения Попечительского комитета о тюрьмах // Губернские ведомости. 1864. № 18.

² ГАИО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 20. Л. 10. Л.11. Л. 12.

³ ГАИО. Ф. 228. Оп. 1. Л. 11. Л. 12.

был приглашен священник тюремной церкви, а для обучения грамоте детей арестантов, была нанята учительница Г. Щечилина. Расходы на оплату труда учительницы взяло на себя дамское отделение Попечительного комитета о тюрьмах.

Со смертью В.П. Шелашниковой дамское отделение прекратило свою деятельность. Директрисы по разным причинам выбыли из состава Совета. Денежные суммы и дела остались у заведующего казначейской частью и делопроизводством майора О.Н. Чебыкина. Он единолично производил денежные расходы, необходимые на содержание заключенных женщин и детей. Эта ситуация продолжалась до 1876 года. В этом году генерал-губернатор Восточной Сибири барон П.А. Фредерикс при осмотре Иркутской тюрьмы обратил внимание на плачевное положение заключенных женщин и детей. Генерал-губернатор обратился к женам высокопоставленных чиновников Иркутска с просьбой, возобновить деятельность дамского отделения Попечительного о тюрьмах отделения и оказать нравственную и материальную помощь заключенным.

Все дамы, получившие приглашение, выразили готовность участвовать в этой работе. В их числе была супруга интенданта Раиса Дмитриевна Смирнова, которая в 1876 году становится Председателем отделения. В восстановленный Совет входили Е. Блокова, М. Савицкая, Е. Языкова, Л. Заборовская. Благотворительную деятельность осуществляли М. Шац, Ю. Базанова, Ю. Голдобина, Е. Меер, Ю. Поплавская. Это был новый период в истории отделения. Была сформулирована программа будущей деятельности. Проектировались различные способы улучшения нравственного и материального быта заключенных. Одним из главных направлений работы дамского отделения было привлечение средств, для оказания помощи детям арестантов. Главной статьей частного дохода была прибыль от ежегодного маскарада-базара в пользу заключенных. Помимо этого, дамским отделением организовывались благотворительные спектакли, концерты, лотереи. Устройство увеселений в пользу арестантских детей начались с 1882 года, когда был введен Устав приюта для арестантских детей. Этот документ был утвержден статс-секретарем К. Гротом. Уставом был определен Совет приюта. Были распределены обязанности между членами Совета. Долгое время на посту Председательницы совета была Р.Д. Смирнова. Она зареко-

мендовала себя как активный, стремящийся постичь суть дела, человек. В 1877 году Г.Д. Смирнова обращалась в Иркутский тюремный комитет с запиской, где изложила свои предложения о необходимости радикального изменения порядка довольствия арестантов¹. По результатам инспекций чинами Попечительного Совета, выяснилось, что пища была часто неудовлетворительной. Причины этого виделись в том, что арестантки не принимали участия в покупке припасов, а также в отсутствии контроля над качеством покупаемой провизии.

Г.Д. Смирнова предлагала отделить довольствие арестанток от арестантов-мужчин. Ввести артельный способ хозяйствования: разделить арестантов на группы. 1-я группа занималась готовкой горячей пищи, 2-я группа – под наблюдением надзирательницы, закупала продукты. Одной из проблем покупки продуктов была разница цен, колебание которых было трудно предусмотреть. Смирнова предлагала особое внимание уделить разумному хозяйствованию, а именно, покупке припасов, способных к сохранению, покупать оптом, а в августе, сентябре покупать овощи².

Ходатайство Смирновой Г.Д. не осталось без внимания. Тюремный комитет постановил проверить отчетность Смотрителя тюрьмы. Впоследствии было принято решение об отпуске кормовых денег не через Смотрителя, а через женское отделение Попечительного Совета³.

В 1876 году Г.Д. Смирновой был поднят вопрос об устройстве при тюремном замке отдельного помещения для арестантских детей. В сентябре 1876 года генерал-губернатор утвердил это решение.

Открытие приюта для арестантских детей состоялось в 1877 году в присутствии генерал-губернатора Восточной Сибири П.А. Фридерикса. Первоначально в приюте находилось 25 человек (10 мальчиков, 15 девочек). Были организованы занятия для арестантских детей. Для преподавания Закона Божьего приглашался священник тюремной церкви отец Константин Любин. Обучением чтению и письму занималась надзирательница приюта вдова Надворного Советника Орлова, она же обучала дево-

¹ ГАИО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 24. Л. 5. Л. 6, Л. 7.

² ГАИО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 24. Л. 11.

³ ГАИО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 24. Л. 43. Л. 44.

чек рукоделию. Мальчиков обучали столярному, сапожному, кузнечному делу. Они отдавались мастерам, так как собственных мастеров при приюте еще не было.

Здание, выделенное для приюта, было ветхое. В 1877 году женское отделение Попечительского комитета поставило вопрос об окончательном отделении приюта от тюремного острога. Была открыта подписка по сбору пожертвований для этой цели, общая сумма сбора составила – 1488 рублей. Самые большие суммы были пожертвованы членами благотворительного Совета женского отделения: П. Катышевцевой – 1000 рублей, Ю. Базановой – 200 рублей.

В 1878 году приют для арестантских детей занимал здание на углу Жандармского переулка и Кузнецкой улицы. Помещение расширялось, и к 1882 году приют имел два обширных здания, застрахованных от огня в обществе «Саламандра». В одном здании находились девочки, в другом мальчики, а также столярные и сапожные мастерские.

В 1882 году был утвержден Устав приюта для арестантских детей. Приют состоял при женском отделении Комитета Попечительного о тюрьмах общества. Заведование приютом поручалось Совету женского отделения, который состоял из председательницы, директрис, губернского прокурора, казначея, избираемого из директоров комитета.

В приют дети поступали на постоянное и временное содержание. На постоянное содержание поступали дети с согласия родителей или дети-сироты. Приют содержался на средства казны, директорских членских взносов, сборов от устраиваемых увеселений. Лица, которые делали существенные пожертвования, считались почетными попечителями. В арестантском приюте устанавливались именные стипендии для тех, кто вносил единовременную сумму в 1000 рублей, в этом отношении активную благотворительную деятельность осуществляла Юлия Ивановна Базанова.

При поступлении в тюрьму пересыльных арестантов, их дети сразу поступали в приют, минуя тюрьму, согласия родителей на это не требовалось. Для постоянного содержания в приюте требовалось формальное согласие родителей. Продолжительность содержания зависела от пола детей: до 16-летнего возраста – мальчики, 18-летнего – девочки.

Все дети получали от приюта содержание, независимо от состояния и положения родителей. Особое внимание уделялось нравственно-религиозному воспитанию и умственному развитию детей. День в приюте начинался в 6.00 часов. Расписание дня было составлено с учетом достижений современной педагогики и психологии: обучение чередовалось с трудом, самостоятельная работа с отдыхом. Обучение грамоте в приюте начиналось с 6 летнего возраста по программе начальной школы. Ученики делились на 3 возрастные группы. В каждой группе были разные учителя, в самой младшей группе роль преподавателя исполняла надзирательница. Занятия велись по русскому языку, арифметике. Мальчики обучались сапожному и столярному делу, девочки занимались шитьем, рукоделием. Продукция, изготовленная воспитанниками приюта, реализовывалась на ежегодных балах, маскарадах. Самый большой доход приносил хор воспитанников приюта. Хор состоял из 20 человек. Выступления хора давали случайные и постоянные заработки. Случайными были приглашения выступить на свадьбах. Постоянный заработок был за пение в Благовещенской церкви. Настоятель церкви выплачивал 900 рублей ежегодно.

Все хозяйственные вопросы по управлению приютом решались коллегиально, ответственность за принятые решения лежала на всех членах Совета. Контроль над деятельностью Совета осуществляли генерал-губернатор Восточной Сибири и губернатор Иркутской губернии. У каждого члена Совета было право разбирать счета и отчеты приюта.

Штат администрации женского отделения и приюта составлял: одна надзирательница в женском отделении, одна надзирательница в приюте для детей пересыльных арестантов, одна надзирательница в приюте постоянного содержания, священник, учитель, помощник надзирателя, столярный мастер. Казенное содержание было только у надзирательницы женской тюрьмы – 336 рублей в год. Все остальные должности содержались за счет сумм, получаемых из средств женского тюремного отделения Попечительства о тюрьмах.

В мае 1887 пожар уничтожил здание приюта, со всей обстановкой, убытки были определены в сумму 13580 рублей. Поступило предложение о приобретении дома Бусыгиной, который

находился на Набережной. Дом был приобретен за 14 тысяч рублей, приют был переведен в новое помещение.

На верхний этаж были помещены девочки, на средний – класс, столовая и квартира надзирательницы, на нижний – мальчики и мастерские. Дом оказался не приспособленным для приюта. Земли для выращивания овощей было недостаточно. Нижний этаж был неудобен для помещения мальчиков. Было принято решение о нецелесообразном использовании помещения. Председательница Е. Голдобина согласилась оставить здание в личную собственность за 14 тысяч рублей. На постройку нового здания для приюта и ремонт уцелевшего было затрачено 11560 рублей. В 1892 году Губернский комитет вышел с предложением о покупке для приюта двух домов купца Вейса, один из которых был расположен в Рабочей слободе, позади тюремного замка. Таким образом, с 1893 года приют для арестантских детей помещался в новых домах. В 1894 году при приюте была открыта больница, прачечная, строительство которой шло хозяйственным способом.

Количество содержащихся в приюте арестантских детей было различным: с 25 человек (1877 г.) до 102 человек (1916 год) – в приюте постоянного пребывания арестантских детей; в пересыльном приюте – от 530 человек (1883 г.) до 230 человек (1916 г.)¹. Данные свидетельствуют о том, что наибольшее количество детей в приюте постоянного пребывания, приходится на 80-е годы XIX столетия,

Итак, приют для арестантских детей при Иркутской тюрьме являлся благотворительным учреждением, созданным в 1877 году и содержащимся в большей степени за счет частных пожертвований. Руководство приютом осуществлялось Советом женского Попечительного комитета о тюрьмах, члены которого проводили активную деятельность по привлечению средств. Сами члены Совета постоянно занимались благотворительностью. В этом отношении особая роль принадлежала Ю.И. Базановой, Г.Д. Смирновой, П.А. Катышевцевой, Е.И. Голдобиной. На средства женского отделения покупались здания для приюта, производился ремонт, осуществлялась постройка больницы при приюте. Штат администрации приюта состоял из 2-х надзирательниц, помощницы надзирательниц, учителя, священника.

¹ ГАИО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 20. Л. 43. 44.

Оклады содержания были низкими, финансировались из средств женского отделения Попечительного комитета. В исследуемый период в постоянном для арестантских детей приюте содержались от 25 человек до 92 человек, в пересыльном приюте – от 120 человек до 600 человек. Казной по тюремной смете на содержание приюта отпускалось в разные годы от 2000 до 5000 рублей, значительные суммы были из частных пожертвований, из средств женского отделения, Попечительного комитета. Наибольшая сумма составила 26390 рублей в 1887 году.

Царское правительство проявляло заботу о детях арестантов, оказавшихся волей судьбы в тяжелых материально-бытовых условиях и в сложной морально-нравственной обстановке. Особая роль в организации приюта для арестантских детей при Иркутской тюрьме и проявление заботы принадлежало отделению Попечительного комитета о тюрьмах. Несмотря на критику в адрес комитетов со стороны Главного тюремного управления, его деятельность в Иркутске была не номинальной, а весьма существенной. Особенно это касалось приюта для арестантских детей. Необходимо было не только накормить и одеть этих детей, но и правильно воспитать их, чтобы они в будущем не повторили «ошибки» родителей.

Волочева А.В.

Численность и состав преступников Нерчинской уголовной каторги во второй половине XIX века

Нерчинская уголовная каторга во второй половины XIX века оставалась основным местом отбывания наказания ссылкой в каторжные работы для уголовных преступников. Исследование динамики поступления уголовных преступников на каторгу в Забайкалье и их социального состава позволяет определить отношение государственной власти к данному виду наказания в XIX веке, а также выявить основные факторы, влияющие на такое положение. В статье используются архивные источники Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Забайкальского края, Российского государственного

исторического архива Дальнего Востока и Государственного архива Иркутской области.

Throughout the second half of the 19th century the Nerchinsk convict prison was the main place of penal servitude exile for criminal offenders. Study the number and the social composition changes of imprisoned criminals makes possible to reveal the position of governmental authorities to the hard labour in the 19th century. It also exposes the main factors influenced to this situation. The article includes archival materials of Russian Federation State Archives, of Zabaikalsky kray State Archives, of Far East History State Archives and of Irkutsk region State Archives.

Нерчинская уголовная каторга на протяжении второй половины XIX века оставалась основным местом отбывания наказания ссылкой в каторжные работы для уголовных преступников. Буржуазные преобразования этого времени потребовали от реформаторов кардинальных изменений в системе наказаний, в том числе и к ссылке в каторжные работы. Но отношение государственной власти к данному наказанию во второй половине XIX века было неоднозначным. С одной стороны, они не могли от нее отказаться, так как ссылка в каторжные работы законодательно оформилась совсем недавно (в 1845 году с созданием Уложения о наказаниях). Поэтому чиновники не видели причин для ее реорганизации. С другой стороны, этот вид наказания перестал соответствовать задачам пенитенциарной системы. Основная функция наказания в новом времени властью мыслилась как перевоспитание заключенных, в предыдущее время ссылка в каторжные работы этого не предполагала. На позиции чиновников влияли также условия, затруднявшие применение каторжного труда в Российской империи, такие как недостаток тяжелых работ и др. Кроме того, особое значение в это время имело определение властью, насколько возможно было перевоспитание сложившейся каторжной общины. Исследование динамики поступления уголовных преступников на каторгу в Забайкалье и их социального состава, позволяет определить позицию государственной власти к данному виду наказания в XIX веке, а также выявить основные факторы, влияющие на такое положение.

В данной статье исследуется количество и динамика поступления преступников на каторгу в Забайкалье во второй половине XIX века и факторы, влияющие на такое положение. Определяется состав каторжных по основным признакам, характерных как для любой группы людей: пол, возраст, социальное и семейное положение, так и специфических для уголовных арестантов – характер совершенных преступлений и их количество (первая судимость или рецидив).

Количество преступников на Нерчинской каторге 60-х годов XIX века определено нами по ведомостям о числе ссыльнокаторжных 1864 года и 1868 года, хранящихся в фондах Государственного архива Забайкальского края. По этим данным, 1 января 1864 г. на каторге состояло 1208 человек: на золотых промыслах Кабинета (Казаковском – 3 человека, Лунчжанкинском – 31, Шахтаминском – 18), на счету тюремного комитета Нижне-Карийском (435 человек), Лунчжанкинском (109), Средне-Карийском (269), Верхне-Карийском (341) и при рудниках Зерентуйском (1) и Алгачинском (1)¹. В этом числе отсутствует количество каторжных на Карийских промыслах, что примерно, по нашим подсчетам, составляло 2000-2500 человек. Поскольку в 1861-1863 гг. рудники по нерентабельности начали закрываться, все каторжные были сконцентрированы на Каре (т.е. на Карийских золотых промыслах). Это подтверждается ведомостями 1868 года, в которых указаны только преступники Карийских тюрем, в начале года каторжных здесь было 3575 человек (и 56 – политических) и в конце года 3760 (и 11 политических)².

Таким образом, в 60-е годы XIX века на каторге в Забайкалье находилось примерно 3200-3800 человек, что доказывалось последовавшей после издания в 1869 году Высочайше утвержденного положения Комитета об устройстве каторжных работ «По вопросу о будущей организации каторжных работ и временном распределении каторжных» тенденцией уменьшения здесь числа преступников каторжного разряда. По этому положению сюда стали направлять только преступников Пермской и Оренбургской губерний, женщин (со всех регионов), и мужчин, за

¹ ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7508, л.12об.

² ГАЗК, ф. 19, оп.1, д.384, л.277об.-277а.

которыми следовали их семейства¹. По неполным данным удалось установить, что число каторжных в 70 – н. 80-х гг., до 1882 года включительно, за некоторыми исключениями, в Забайкалье не превышало 3000 человек. Для подсчетов использовались следующие показатели (в количестве человек в год)²:

Таблица 1
сведения о численном составе преступников
Нерчинской каторги 1870-1882 гг.

1870	1871	1872	1873	1874	1875	1876	1877	1878	1879	1880	1881	1882
2593	2484	2293	3110	2885	2649	2838	2747	3024	2510	3036	2978	2828
		в марте 3179 ¹	2625*		и / или из кото- рых 53 в нояб., 127 в дек. на Алга- чин- ском руд.*	в янв. 2768*			2370*		2547 и на руд. около 600*	2547 и на руд. около 600*
			2568 в Кар- рий- ских тюрь- мах*			в мае 2981*			3369*		3014*	

По этой таблице видно, что количество преступников по разным архивным документам одного времени не совпадает, причем в некоторых документах разница составляет почти 500 человек. Это позволяет согласиться с С.С. Остроумовым и Б.Н. Мироновым, что до начала 70-х годов XIX века отсутствовала единая

¹ По вопросу о будущей организации каторжных работ и временном распределении каторжных // 2ПСЗ. – СПб., 1873. – Т.44 за 1869 год. Отд.1. – № 46984. – С.330-331

² ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7950, 1об.-2, л.28-28об.; ГАЗК, ф.1 о.о., оп.1, д.1491, л.128об.-129; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.8145, л.9, л.14, , л.16, л.18, л.37; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.1746; ГАЗК, ф. 1 т.о., оп.1, д.53, л.2, л.4, л.5, л.7, л.8об. (высчитано с вычетом государственных преступников по ГАЗК, ф. 1 п.о., оп.1, д.484, л.11об.); ГАЗК, ф. 93, оп.1, д.20, л.148об.-149; Записки Начальника Главного Тюремного Управления Галкина-Враского, по командировке его в Сибирь и на о. Сахалин в 1881-1882 гг. Б.м., б.и., 1888. – С.22. С.33; Материалы для тюремной статистики России. / сост. Юферов В.Н. – СПб.: б.и., 1873. – С.25-26; Обзор Забайкальской области за 1879 год (Приложение ко введённейшему отчету Забайкальского Губернатора). – С. 21

система статистических отчетов¹, а формы учета и представления данных неоднократно изменялись².

Среди документов архивов сохранилась лишь одна форма годового отчета 1883 года, в соответствии с которой продолжали составляться отчеты 80-х – начала 90-х годов XIX века. До этого времени какие-либо другие формы статистических сведений не обнаружены – либо они не были утверждены, либо не сохранились. По циркуляру Главного Управления Восточной Сибири 1883 года начальникам губерний и областей Восточной Сибири известно, что в отчетах губернаторов предыдущего времени полностью отсутствовали статистические сведения по преступникам, не было точных данных о порядке распределения каторжных, способах употребления их в работы, издержках по содержанию³. Поэтому ошибки в статистике о числе преступников объясняются тем, что заведующие работами в отдельных местах каторги предоставляли информацию за отдельные месяцы, не указывая на это (сведения с определением месяца были только в ведомостях), либо данные были просчитаны ими по среднему числу, что также неизвестно. Это касалось даже отчетов, составленных по указанным формам с 1883 года. Неточности в отчетных документах также были возможны в следующих случаях:

Во-первых, из-за отсутствия документов, в которых содержались сведения о преступниках (статейные списки). Это было проблемой на протяжении всего изучаемого периода времени. В архивных документах и опубликованных отчетах и записках начальников ГТУ обнаружено большое количество замечаний по этому поводу⁴.

Во-вторых, из-за частых ежемесячных изменений в положении каторжан, которые тюремная администрация не успе-

¹ Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. – М.: МГУ, 1980. – С.25

² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – н. XX вв.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х томах. СПб.: Изд-во «Дм. Буланин», 2000. – Т. 2. – С. 79.

³ ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.9030, л.1-2

⁴ Например, ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.8192, Власов. Краткий очерк неустройств, существующих на каторге. Конфиденциальный отчет. Б.м.: б.и., 1873. – С.41 и др.

вала фиксировать. В этом случае общее количество каторжан за отчетное время могло измениться незначительно (на 100-300 человек), но в течение года прибыль и убыль могла составлять более тысячи преступников. Например, по годовому отчету начальника Нерчинской каторги, в начале 1897 года состояло 1963 ссыльнокаторжных, к 1 января 1898 г. их составляло – 1759 человек (т.е. разница была чуть более 200 человек), при этом за год убыло 2022 и прибыло 1818¹. То есть состав преступников каторги поменялся практически на 100%.

С 1883 года, в связи с восстановлением деятельности рудников, количество каторжных начинает расти, хотя в среднем в 80-е годы XIX века число их составляло примерно 3200-3300 человек²:

Таблица 2
сведения о численном составе преступников
Нерчинской каторги 1883-1890 гг.

1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890
в январе 3181	в январе 3020	в январе 2955	в январе 2936	в январе 3034	в январе 3123	в январе 3415	в январе 3830
	в декабре 2843		в марте 2507	2975	3415	или в январе 3542	или в январе 3949
			2953			в феврале 3349	3876
						или в феврале 3476	
						3536	3536

¹ ГАЗК, ф. 1 т.о., оп.1, д.95, л.15об.

² ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.8988, л.20об., л.229об.; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.9024, л.20об.; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.9095, л.3об., л.7об.-8, л.10, л.16об.-17, л.18об.-19, л.22об.-23, л.25 (подсчитано с вычетом 71 государственных преступников по этому же делу, л.287-288); ГАЗК, ф. 1 т.о., оп.1, д.87, л.10; ГАЗК, ф. 28, оп.1, д.5, л.41, л.104; ГАЗК, ф. 28, оп.3, д.9, л.45об.-46, л.67об.-68, л.146об.; По последним данным. Каталог Международной тюремной выставки IV Международного тюремного конгресса. СПб. 1890. С.3; По отчету начальника ГТУ // Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885-1886 гг.). СПб. 1999.Т.2. С. 102 (При этом указано, что в этот состав включены дети и жены, последовавшие за преступниками, что, скорее всего, ошибочно); Обзор Забайкальской области за 1887 год. – С.17; Обзор Забайкальской области за 1888 год. – С.13; Обзор Забайкальской области за 1889 год. Чита, 1891. – С. 23; Обзор Забайкальской области за 1890 год. – С.16

Несмотря на расхождение показателей, по таблице явно прослеживается общая тенденция возрастания количественного состава преступников Нерчинской каторги в это время. К концу 80-х годов число каторжных здесь было примерно 3500-4000 человек.

В начале 90-х годов (с 1891 года) количество преступников на каторге вновь сократилось. Связано это было с прекращением деятельности Карийских промыслов и постепенным закрытием тюрем в этом районе.

Таблица 3¹
Сведения о численном составе преступников
Нерчинской каторги 1891-1899 гг.

1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899
3042	2220	2431	2753	2928	в январе 2659	в январе 1963	в июле 1668	в январе 1562
2368	2100	в январе 2425	в январе 2637	в январе 3041		1744	в январе 1759	
в январе 4104				2740			1390	

Из таблицы также видно, что количество преступников резко сокращалось с 1897 года и составляло менее 2000 человек. Это связано было с усиление кризиса рудничного производства и соответственно уменьшением работ для каторжных. Преступников привлекали в основном к постройке Забайкальской железной дороги и ремесленному производству внутри тюрьмы. Соответ-

¹ ГАЗК, ф. 1 т.о., оп.1, д.87, л.8об., л.10; ГАЗК, ф. 1 т.о., оп.1, д.95, л.15об.; ГАЗК, ф. 1 т.о., оп.1, д.98, л.19-19об.; ГАЗК, ф. 1 т.о., оп.1, д.210, л.3об.; ГАЗК, ф.28, оп.1, д.29, л. 1об.; ГАЗК, ф. 93, оп.1, д.22, л.17; ГАИО, ф. 25, оп.28, д.84 картон 1368, л.86-87; ГАРФ, ф. 122, оп.5, д.2593, л.15-15об.; Выписка из Всеподданнейшего отчета Приамурского генерал-губернатора, генерал-лейтенанта Духовского (1893, 1894 и 1895 годы) // Тюремный вестник. – 1896. – № 1. – С.22; Нерчинская каторга (из отчета бывшего начальника ГТУ А.П. Саломона) // Тюремный вестник. – 1900. – № 10. – С. 474; Обзор Забайкальской области за 1890 год. – С.16; Обзор Забайкальской области за 1893 год. Приложение к всеподданнейшему отчету Забайкальского губернатора. – Чита: типография Забайкальского областного правления, 1894. – С. 21; Обзор Забайкальской области за 1898 год. Приложение к всеподданнейшему отчету Забайкальского губернатора. – Чита: типография Забайкальского областного правления, 1899. – С. 23

ственно, в это время не стало смысла перевозить преступников каторжного разряда в Забайкалье, т.к. работы здесь не отличались от занятий преступников в местах заключения Центральной России. Поэтому ГТУ потребовал «постепенного сокращения состава Нерчинской каторги до пределов рабочей потребности» (Циркуляр 1896 года)¹. В 1899 году количество преступников еще сократилось из-за запрета ссылать сюда каторжных, неспособных к работам (распоряжение ГТУ «о принятии настоятельных мер к пресечению высылки в Забайкалье негодных к физическому труду каторжных»)².

Таким образом, численность преступников на каторге второй половины XIX века изменялась и зависела, в первую очередь, от наличия каторжных работ в Забайкалье. Максимальное количество преступников было на каторге до 1869 года. При этом все преступники с 1864 года были сосредоточены на карийских промыслах. А также с 1883 г. по 1890 г., когда вновь были восстановлены работы на рудниках, происходило увеличение числа каторжных. В эти два периода времени количество преступников достигало здесь в среднем до 3500 человек, а в некоторые месяцы до 4000 человек.

Сокращение числа сосланных в каторжные работы происходило после 1869 г. до 1882 г. Тогда официально ограничили число преступников, направляемых на каторгу из центральной России, труд арестантов использовался только на Каре. А также количество каторжан вновь уменьшалось с начала 90-х годов, когда карийские промыслы пришли в упадок, и работы здесь были прекращены. В это время число преступников здесь не превышало 2800 человек. Количество каторжных еще более сокращалось до 2000 человек, а в некоторые месяцы с 1897 года – до 1500 человек.

При изучении состава преступников были исследованы стейные списки каторжных, окончивших сроки работ и переведившихся на поселение (или выписки из них) – 50-70-х гг. XIX века, отчеты заведующих в отдельных местах каторги и заведующих ссыльнокаторжными или начальников каторги 80-90-х гг. XIX века.

¹ РГИА ДВ, ф. 702, оп.4, д.429, л.3-3об.

² ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.9493, л.32

Статейный список – это документ, содержащий сведения о преступнике – фамилию, имя, отчество, социальное положение, место жительства, совершенное преступление и установленное законом наказание. Для каторжных в статейном списке указывалось время и место поступления в работы, наказания за проступки после вступления приговора в силу и время окончания работ (с переходом на поселение). Также в статейном списке могла быть информация о вероисповедании, семейном положении и данные о семье (если жена и/или дети следовали за каторжным). Оригинал списка чаще всего находился в экспедиции о ссыльных соответствующего региона (например, Иркутская экспедиция о ссыльных) или Тобольском приказе о ссыльных (с 1886 года этот приказ был перенесен в Тюмень). После образования тюремных инспекций (в Забайкалье с 1890 года), все документы о ссыльнокаторжных находились в этих органах управления. Как правило, статейный список заводился на преступника после оглашения приговора и перед отправкой его по этапу до места отбывания наказания. Но часто по халатности канцелярских служащих тюремного ведомства или другим причинам, преступники могли находиться в работах при отсутствии каких-либо сведений о них. Местные органы тюремного управления вынуждены были, либо ждать неизвестный период времени вторичной копии (выписки) из экспедиции о ссыльных, либо завести новый статейный список (чаще на основе слов преступника).

Соответственно, возможны были ошибки при составлении вторичных сведений – в возрасте, семейном положении (они могли быть указаны уже на момент отбывания наказания), характеристике преступления и др. или вообще некоторые данные могли быть не записаны. Отсутствие важных для диссертационного исследования данных (возраста, преступления) особенно характерно для выписок из статейных списков. Это связано, либо с тем, что пропущенных в выписке сведений действительно не было в статейном списке, либо канцелярский служащий, не разобравшись в подчерке, пропустил их.

Кроме того, статейный список мог быть составлен заново в связи с побегом преступника и сокрытием им своего настоящего имени. Тогда сведения, содержащиеся в документе, невозможно ни проверить, ни опровергнуть. В архивных фондах нами обнаружены в основном копии статейных списков или выписки из них. Соот-

ветственно, многие данные (особенно возраст) можно использовать лишь относительно, поскольку именно этот показатель подвержен значительным изменениям. Возраст преступника мог быть указан на момент его осуждения к работам (т.е. сразу после объявления приговора – в некоторых сведениях возраст указан до 20 лет) или на время выхода каторжного на поселение (если был утерян и составлен позже – встречаются списки с указанием возраста – 90 лет и более). Несмотря на указанные недостатки этого вида документов, для настоящего исследования просмотрено более 1000 копий статейных списков, что позволяет сделать основательные выводы о составе уголовных преступников Нерчинской каторги второй половины XIX века. Также исследованы данные журнала регистрации ссыльнокаторжных, прибывших на работы в Нерчинские заводы 1864 года. Запись в журнале построена в форме таблицы с графами, соответствующими характеристикам преступника в статейном списке (ФИО, возраст, пол, преступление и др.). Других материалов по уголовной статистике 50-70-х годов XIX века в архивных документах не обнаружено. Отчетная документация о преступниках Нерчинской каторги, дошедшая до нашего времени, относиться только к 80-90-м годам XIX века. Поэтому по истории уголовной каторги этого времени исследованы отчеты заведующего каторжными в Алгачинском и Покровском рудниках (1882г.), заведующих Нерчинскими ссыльнокаторжными (1883, 1894 гг.), начальника каторги (1897 г.), военного губернатора Забайкальской области (1891 г.). Отчеты дают более точную характеристику преступников, поскольку составлены за определенный период и включают сведения обо всех содержащихся на каторге заключенных. Однако отчетная документация составлялась тюремной администрацией на основе статейных списков, поэтому в них возможны некоторые неточности, которые, в целом, не повлияют на результаты исследования. Статейные списки же в делах причисления 80-90-х годов отсутствуют. При создании Забайкальской областной тюремной инспекции документы обо всех ссыльных региона (в том числе и каторжных) были переданы в этот орган местного управления. При наличии отчетов, представляющих полную информацию о преступниках каторги этого времени, личные дела ссыльных для диссертации исследованы не были.

По собранным сведениям показатель «возраста» выглядит следующим образом:

Таблица 4
Данные о возрастном составе Нерчинской каторги

Возраст / годы	до 20 лет	20-30 лет	30-40 лет	40-50 лет	50-60 лет	более 60 лет	Неизвестно (количество человек)
50-е годы (322 человека)	1 (0,3%)	43 (13,7%)	72 (22,8%)	99 (31,2%)	72 (22,8%)	26 (8,2%)	6
60-е годы (872 человека)	3 (0,4%)	47 (5,5%)	228 (26,4%)	220 (25,5%)	173 (20,1%)	197 (22,8%)	9
70-е годы (125 человек)	6 (4,8%)	31 (25%)	33 (26,6%)	22 (17,7%)	12 (9,7%)	20 (16,2%)	1
80-е годы	22 (0,4%)	933 (18,4%)	1568 (30,9%)	1174 (23,1%)	767 (15,1%)	617 (12,1%)	-
90-е годы	1781 (25 %)		2695 (38%)	1586 (22%)	1050 (15%)		-

По данным таблицы можно определить, что в 50-60-е годы XIX века среди преступников, находящихся на Нерчинской каторге, содержались заключенные 30-60 лет. В 70-90-е годы XIX века наибольшее число преступников каторги было в возрасте 20-50 лет.

При этом среди каторжан 50-х годов превалирует категория «сорок-пятьдесят лет», в 60-х годах – «тридцать-сорок лет» и «сорок-пятьдесят лет», в 70-х годах – «тридцать-сорок лет» и близкая к ней в процентном отношении «двадцать – тридцать лет», в 80-90-е годы – «тридцать-сорок лет». То есть преступники, которых приговаривали к каторжным работам, постепенно по возрастному критерию становились моложе.

По половому признаку в процентном соотношении мужчины и женщины составляли:

В 50-е годы – 92,5 % мужчин и 7,5% женщин¹;

В 60-е годы – 89% мужчин и 11% женщин²;

В 70-е годы – 90% мужчин и 10% женщин³;

В 80-е годы – 87% мужчин и 13% женщин⁴;

В 90-е годы – 90% мужчин и 10% женщин⁵.

Таким образом, общее количество каторжных женщин не превышало, как правило, 10% от всего состава.

Все формулировки, определяющие статус заключенных, т.е. их социальное положение, определены по документам второй половины XIX века. Количество неизвестных указано в связи с отсутствием этого показателя в некоторых статейных списках каторжных. В 80-90-е годы категория «неизвестных» выделена в отчетах заведующих ссыльнокаторжными.

По исследованным статейным спискам 50-х годов XIX века (322 человека) определен следующий социальный состав каторжных⁶:

¹ ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7245; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7255; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7272; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7364; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7366

² ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7399; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7403; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7533; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7594; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7596; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д. 7598; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7599; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7604; ГАЗК, ф. 1 т.о., оп.4, д.60

³ ГАЗК, ф. 1 т.о., оп.4, д.5; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7835; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7922; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7971; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7977; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.8014; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.1475, л.1об.-2

⁴ ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.9030. л.171

⁵ Каталог Международной тюремной выставки IV Международного тюремного конгресса. СПб.: типография Лебедева, 1890. – С. 3

⁶ ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7245; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7255; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7272; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7364; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7366

Таблица 5
Социальный состав преступников
Нерчинской каторги 50-х годов XIX века

Мужчины		Женщины	
крестьяне	132 (44,7%)	крестьянки	14 (53,8%)
мещане	20 (6,8%)	дворянке	1 (3,9%)
мастеровые, работники, ремесленники	19 (6,5%)	казачки	2 (7,6%)
военные	39 (13,2%)	работные жены	2 (7,6%)
казаки	4 (1,4%)	мещанки	1 (3,9%)
дворяне	6 (2%)	солдатские жены	1 (3,9%)
дворовые (господские люди)	7 (2,4%)	беглые	1 (3,9%)
однودворцы	1(0,3%)	чувашки	1 (3,9%)
ссылнокаторжные	17 (5,7%)	польки	2 (7,6%)
ссылнопоселенцы	7 (2,4%)	неизвестные	1 (3,9%)
преступники из арестантских рот	2 (0,7%)		
бродяги	6 (2%)	ИТОГО	26
ямщики	3 (1%)		
цыгане	1 (0,3%)		
евреи	2 (0,7%)		
киргизы	1 (0,3%)		
бессарабские жители	2 (0,7%)		
паране	3 (1%)		
якуты	1 (0,3%)		
поляки (Царства Польского)	6 (2%)		
нагайцы	1 (0,3%)		
ясачные	1 (0,3%)		
военнопленные	1 (0,3%)		
неизвестные	14 (4,7%)		
ИТОГО	296		

Из таблицы можно определить, что основной социальной группой, совершивших преступление и наказанных каторжными работами, были крестьяне, которые составляли около 45% мужчин и более 50% женщин. Второй по численности была категория военных – 13%. К ним относились и офицерский, и рядовой состав, в связи с тем, что в статейных списках не было их разграничения и употреблялось чаще общее название – «военного звания». Далее из социальных групп выделяются мещане – около 7% и мастеровые (к ним же относятся ремесленники и работные люди) – около 7%. Небольшое количество преступников составляли дворяне – 2% и категория дворовых

(господских людей) – около 2,5%. Отдельно можно выделить преступников, отбывавших повторные наказания (ссыльнокаторжные, ссыльнопоселенцы, осужденные арестантских рот и др.). К ним же можно отнести бродяг, поскольку они, как правило, были выходцами из ссыльнокаторжных и ссыльнопоселенцев. Общее количество преступников этой группы составляло около 9%.

Многие преступники определены в статейных списках не по социальному признаку, а по национальному (цыгане, евреи, якуты, поляки и т.д.) – 6%. Это связано с тем, что отнести к какой-либо социальной категории их было достаточно сложно или невозможно, поэтому национальность определялась как существенная характеристика этих преступников и указывалась в статейном списке. В этой группе по социальному критерию выделены только царане – свободные крестьяне Бессарабии (как правило, в 50-е – нач. 60-х гг. без земли). Возможно, что при сложности определения национальности преступника, в статейном списке его называли – «ясачный» (т.е. представитель нерусского населения, платящих налог – «ясак»).

У женщин положение определялось по социальной группе, в которой она находилась – казачка, мещанка, дворовая. Также возможно было указание по роду занятий мужа – солдатская жена, работная жена или по национальному признаку – чувашка, полька и т.д. Как правило, эти категории составляли оставшееся количество преступниц, после крестьянок – от 4 до 8%.

За период 60-х годов XIX века исследовано около 630 статейных списков заключенных каторги и более 200 записей журнала регистрации ссыльнокаторжных, прибывших на работы в Нерчинские заводы 1864 года¹ (всего 872 человека):

¹ ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7399; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7403; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7533; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7594; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7596; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д. 7598; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7599; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7604; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.12608; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7677; ГАЗК, ф. 1 т.о., оп.4, д.60

Таблица 6
социальный состав преступников
Нерчинской каторги 60-х годов XIX века

Мужчины		женщины	
крестьяне	291 (37,6%)	крестьянки	65 (67,7%)
мещане	32 (4,2%)	мещанки	6 (6,3%)
военного звания	113 (14,6%)	казачки	2 (2,1%)
казаки	13 (1,8%)	работные жены	3 (3,1%)
дворовые	31 (4%)	солдатские жены	2 (2,1%)
однودворцы	12 (1,5%)	дворовые	3 (3,1%)
мастеровые, работники, ремесленники	18 (2,4%)	Царства Польского	2 (2,1%)
дворяне	5 (0,6%)	бродяги	3 (3,1%)
духовного звания	5 (0,6%)	ссыльнокаторжные	1 (1%)
ссыльнопоселенцы	43 (5,6%)	поселянки	2 (2,1%)
преступники из арест. рот	8 (1%)	неизвестные	7 (7,3%)
ссыльнокаторжные	95 (12,3%)	ИТОГО	96
подсудимые (арестант)	6 (0,7%)		
бродяги	32 (4,2%)		
поселянине (жители) Бессарабии	5 (0,6%)		
царане (Бессарабия)	1 (0,1%)		
ясачные	4 (0,5%)		
башкиры	2 (0,3%)		
татары	7 (0,9%)		
жители г. Дербента (территория Закавказья)	1 (0,1%)		
Царства Польского	4 (0,5%)		
персидские подданные	1 (0,1%)		
азиаты	2 (0,3%)		
грузины	3 (0,4%)		
евреи	2 (0,3%)		
киргизы	2 (0,3%)		
нагайцы	1 (0,1%)		
цыгане	2 (0,3%)		
кочевых племен	1 (0,1%)		
кантонисты	1 (0,1%)		
скопцы	1 (0,1%)		
незаконнорожденный	1 (0,1%)		
неизвестные	31 (4%)		
ИТОГО	776		

Наибольшее количество преступников этого времени относилось также к людям простого звания, в основном крестьянам (среди мужчин – около 40%, женщин – около 70%). Далее среди мужчин было большое количество преступников, уже совершавших преступления (ссыльнокаторжные, ссыльнопоселенцы, заключенные арестантских рот, бродяги) – около 25%; военных – 15%, небольшое количество мещан – 4%, дворовых – около 4%, мастеровых – 2%, казаков – около 2%, духовного звания и дворян – по 0,5%.

Также отдельно выделяем группу по национальному признаку – жители и царане Бессарабии, башкиры, татары, поляки, грузины, евреи и т.д. В общем, эта группа составляла около 6%. Как и в 50-е годы, при сложности определить национальность преступника в статейном списке его называли – «ясачный». Также могли употребляться и другие обобщенные понятия, такие как «азиат», «кочевых племен» или указывалось место, где он проживал – житель г. Дербента (город на территории Закавказья, вошедшей в состав Российской империи в 1802-1829 гг.) и т.д.

Среди женщин также были представители сословий – мещанки, казачки, дворовые; определенные по принадлежности к мужу – работные и солдатские жены или по национальности – полячки; отбывающие наказание вторично (беглые, поселанки, ссыльнокаторжные и бродяги). Эти категории и составляли оставшееся число преступниц на каторге (после крестьянок) – от 1% до 6%.

По статейным спискам 70-х годов проанализировано 125 данных о социальном положении каторжных (из всех дел о причислении этого времени, обнаруженных в архивных фондах)¹:

¹ ГАЗК, ф. 1 т.о., оп.4, д.5; ГАЗК, ф. 31, оп.2, д.531; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7835; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп. 1, д.7922; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7977; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7971; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.8014; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.8198

Таблица 7
Социальный состав преступников
Нерчинской каторги 70-х годов XIX века

Мужчины		женщины	
крестьяне	30 (26,1%)	крестьянки	8 (80%)
мещане	10 (8,7%)	солдатские жены	2 (20%)
военного звания	14 (12,2%)	ИТОГО	10
казаки	4 (3,5%)		
дворовые	1 (0,9%)		
мастеровые, работники, ремесленники	3 (2,6%)		
дворяне	2 (1,7%)		
служащие (гражданского ведомства)	1 (0,9%)		
ссыльнопоселенцы	9 (7,8%)		
ссыльнокаторжные	25 (21,7%)		
бродяги	6 (5,2%)		
Лодзейские подданные (территория Польши)	1 (0,9%)		
евреи	2 (1,7%)		
башкиры	1 (0,9%)		
неизвестные	6 (5,2%)		
ИТОГО	115		

В отличие от предыдущего периода среди мужчин бродяги, каторжные и поселенцы (т.е. осужденные вторично) составили в 70-е годы XIX века наибольшую часть среди преступников каторги – около 35%. У женщин преобладающей категорией остались крестьянки – 80%.

Второй по численности у мужчин находилась группа крестьян – 26%. Следующими группами по количеству у мужчин были военные и мещане, они составили соответственно 12% и 9%. Небольшое число составили казаки – около 4%, мастеровые, ремесленники и рабочие – около 3%, дворяне – около 2%, служащие гражданского ведомства – около 1% и дворовые – около 1%.

Отдельно также выделяется группа по национальному принципу – евреи, башкиры, по принадлежности к какой-либо территории – Лодзейский подданный (территория Польши). В общем, к этой категории относилось около 4% преступников.

У женщин этого периода крестьянки были преобладающими в составе каторжных (80%). Кроме них были еще солдатские жены (2 человека – 20%).

В 80-е годы социальный состав преступников наиболее точно представлен в отчете заведующего ссыльнокаторжными за 1883 год¹:

Таблица 8
Социальный состав преступников
Нерчинской каторги 80-х годов XIX века

Мужчины		женщины	
потомственные дворяне	10 (0,5%)	потомственные дворянки	3 (1%)
личные дворяне	3 (0,13%)	личные дворянки	1 (0,3%)
купцы и купеческие дети	1 (0,04%)	крестьянки	178 (58,3%)
мещане	187 (8,5%)	военного звания	29 (9,5%)
крестьяне	740 (33,6%)	мещанки	57 (18,6%)
военного звания	226 (10,3%)	инородцы	4 (1,3%)
инородцы	123 (5,6%)	духовного звания	1 (0,3%)
духовного звания	5 (0,22%)	персиянки	1 (0,3%)
персияне	3 (0,13%)	поселянки	20 (6,5%)
поселенцы	203 (9,2%)	бродяги	12 (3,9%)
бродяги	699 (31,7%)	ИТОГО	306
незаконнорожденные, не приписанные к обществу	2 (0,08%)		
ИТОГО	2202		

В это время осужденные вторично (т.е. бродяги и поселенцы) также составили наибольшую часть среди преступников каторги – около 40%. У женщин преобладающей категорией также оставались крестьянки – около 60%. На втором месте среди мужчин находились крестьяне (ок. 34%), далее военные (ок. 11%) и мещане (ок. 9%), инородцы (ок. 6%). Представители малочисленных народов Российской империи проходят в отчете в общей категории «инородцы». Количественный состав других категорий преступников представлен незначительно – менее 1%. У женщин на втором месте после крестьянок по совершению преступлений находились мещанки (ок. 19%), отбывающие вторичное наказание (ок. 11%), военного звания – видимо жены солдат и

¹ ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.9030. л.170об.-171

офицеров (ок. 10%). Другие оставшиеся категории были небольшими по численности и составили вместе чуть более 3%.

В 90-е годы по отчетам военного губернатора Забайкальской области 1891 года, заведующего ссыльнокааторжными 1894 г. и начальника каторги 1897 г.¹ количество крестьян среди преступников снова возросло и составляло среди мужчин около 50%, у женщин – более 70%:

Таблица 9
Социальный состав преступников
Нерчинской каторги 90-х годов XIX века

Мужчины		женщины	
дворяне	35 (0,8%)	крестьянки	377 (71,1%)
почетные граждане	11 (0,25%)	солдатские жены	9 (1,7%)
купцы и купеческие дети	9 (0,2%)	дворянки	7 (1,3%)
мещане	448 (10,6%)	почетные гражданки	6 (1,1%)
крестьяне	2013 (47,8%)	купеческие дети	1 (0,2%)
казаки	39 (0,9%)	казачки	8 (1,5%)
военного звания	275 (6,5%)	мещанки	86 (16,2%)
инородцы	264 (6,3%)	инородцы	21 (4%)
иностранные подданные	17 (0,5%)	иностранные подданные	2 (0,4%)
духовного звания	2 (0,05%)	духовного звания	1 (0,2%)
поселенцы	645 (15,3%)	поселенцы	8 (1,5%)
беглокааторжные	13 (0,3%)	бродяги и неизвестные	4 (0,8%)
бродяги и неизвестные	440 (10,5%)		
ИТОГО	4211	ИТОГО	530

Количественные показатели других категорий особенно не изменились, за исключением вторично осужденных – их число уменьшилось (26%). Как и в предыдущий период, удивляет разнообразный социальный состав преступниц, но, по-прежнему, крестьянки и мещанки являются преобладающими среди других категорий населения женского пола (первые – более 70%, вторые – более 16%). Интересен и тот факт, что в 80-е и в 90-е годы среди преступников отсутствует рабочее сословие.

¹ ГАЗК, ф. 1 т.о., оп.1, д.87, л.13; ГАЗК, ф. 1 т.о., оп.1, д.95, л.49об.-50

Таким образом, социальное положение преступников на каторге в Забайкалье представлено максимально достоверно. Наибольшее число преступников среди мужчин (20-50%) и женщин (50-70%) составляли крестьяне. Далее среди мужчин по численности были военные (6-15%), мещане (4-11%) и мастеровые (2-6%). В особую категорию можно выделить преступников, вторично отбывавших наказание и первоначальное социальное положение которых неизвестно (ссыльнокаторжные, ссыльнопоселенцы, заключенные арестантских рот, бродяги), они составили значительное число на каторге (10-40%). Причем, если в 50-60-е годы они находились на третьем месте по количеству после крестьян и военных, то в 70-80-е годы среди мужчин они даже превышали «крестьян» (т.е. были на первом месте). Другие категории преступников – инородцы и иностранные подданные среди уголовных каторжан составляли незначительное число, соответственно, первые до 6%, вторые до 1%.

В соответствии с уголовным законом на Нерчинскую каторгу ссылались наиболее опасные преступники за самые тяжкие преступления. Для определения категорий преступников, отбывавших наказание на каторге в Забайкалье, важным является исследование видов преступных деяний в личных делах (статейных списках) заключенных или отчетах. Важно определить насколько соответствовали характеристики преступлений в документах на каторжных Уложениям о наказаниях 1857 и 1885 гг., и их применение по Сводам учреждений и уставам о ссыльных 1857 и 1890 гг.

Поскольку каторжные 50-х годов XIX века осуждались по Уложению о наказаниях 1845 г. или еще раннего времени, документы, уволенных от работ преступников 50-х годов, для настоящего исследования основными не являются. По преступлениям ссыльнокаторжных Нерчинской каторги, за которые они несли наказание, исследовались дела о причислении, включающие статейные списки преступников и отчеты с середины 60-х годов, и другие документы (например, списки прибывших на каторгу) с конца 50-х годов. Поэтому анализ видов преступлений будет охватывать период 60-90-х годов XIX века.

По данным П.А. Кропоткина, который находился в Забайкалье на службе в 60-х годах XIX века из 2000-2500 мужчин и женщин, ссылаемых ежегодно на каторгу, около 30% были

осуждены за убийство. Остальное количество делилось «в приблизительно равной пропорции между «бродягами» и обвиненными в маловажных проступках (бунт в русском смысле, богохульство, святотатство, раскол, покушение на самоубийство)»¹. То есть, большое количество преступников ссылалось на каторгу в Забайкалье за преступления, не относящиеся к особо тяжким.

По данным историка тюремной системы России М.Н. Гернета, к каторжным работам было осуждено в 1860 году за сопротивление и неповиновение властям 0,8%, бродяжничество и укрывательство беглых 1,7%, смертоубийство 27%, нанесение тяжких увечий 1%, грабежи 10,6%, воровство-кражу 0,3%, воровство-мошенничество 0,5%. В 1868 году за бродяжничество и укрывательство беглых 4,2%, смертоубийство 31%, грабежи 11,1%². Другие преступления каторжных (до 100%) М.Н. Гернетом не определены.

Таким образом, убийство, как свидетельствовали эти авторы, было основным видом преступлений каторжных и составляло примерно 30% от всего количества. Но П.А. Кропоткин определил указанное количество ссылаемых за отдельные преступления примерно, а М.Н. Гернет исследовал документы «всех судебных мест империи» и не ставил задачу, выделить конкретные виды преступлений заключенных Нерчинской каторги.

В ходе нашего исследования по статейным спискам 60-х годов (с 1865 г.)³ и журналу прибывших на Нерчинские заводы в 1864 году⁴ стало известно следующее:

¹ Кропоткин П.А. Тюрьмы, ссылка и каторга в России. – СПб.: типография В. Мильшейна, 1906. – С. 24-25

² Гернет М.Н. История царской тюрьмы. – М.: Юридическая литература, 1961. – Т.2. – С. 544

³ ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7594; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7596; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д. 7598; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7599; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7604; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.12608; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7677.

⁴ ГАЗК, ф. 1 т.о., оп.4, д.60

Таблица 10¹
Преступления, за которые отбывали наказание
Нерчинские ссыльнокаторжные 60-х годов XIX века

Мужчины		Женщины	
Убийство (смертоубийство) и / или покушения или участие в убийстве	269 (41,9%)	Убийство ребенка	23 (26,2%)
Побеги	114 (17,8%)	Убийство мужа или покушение	22 (25%)
Ограбление, грабеж, разбой	69 (10,7%)	убийство или покушение	18 (20,5%)
Кража, воровство (или соучастие)	30 (4,6%)	Поджог	16 (18,2%)
Тяжкие побои	30 (4,6%)	Кража	3 (3,5%)
Бродяжничество	30 (4,6%)	Побеги	1 (1,1%)
Фальшивые деньги	29 (4,5%)	Бродяжничество	1 (1,1%)
Поджог	11 (1,6%)	Соккрытие имени	1 (1,1%)
Распятие, изнасилование	7 (1,1%)	Грабеж	1 (1,1%)
Вооруженное сопротивление	7 (1,1%)	Фальшивые деньги	1 (1,1%)
Соккрытие происхождения	6 (1%)	Неизвестно	1 (1,1%)
Истязания помещика	5 (0,9%)	ИТОГО	88
Святотатство	4 (0,8%)		
Дурное поведение против командира	3 (0,5%)		
Перемена имени	2 (0,3%)		
Военное	2 (0,3%)		
Разврат	1 (0,2%)		
Скотоложство	1 (0,2%)		
Разные преступления	1 (0,2%)		
Неизвестно	21 (3,2%)		
ИТОГО	642		

Значит в 60-е годы «преступления против жизни здоровья, свободы и чести частных лиц», к которым по Уложению о наказаниях 1857 года относились смертоубийство, нанесение увечий, ран и других повреждений, оскорбление чести (распятие, изнасилование), у мужчин-каторжных были на первом месте и в сумме составляли 49%.

Следующими по количеству были «преступления против порядка управления» (побеги и пособничество к нему лиц, находящихся под стражей или надзором, сопротивление властям) – в сумме 25%. К этой категории, на наш взгляд, относились также бродяжничество, перемена или соккрытие имени,

¹ Виды преступлений определены по статейным спискам

хотя их нет в числе преступлений подлежащих наказанию каторгой. На третьем месте находились «преступления против собственности частных лиц» (разбой, грабеж, ограбление, поджоги строений) – в сумме около 18%. Неизвестно относились ли к этой категории «кража» и «воровство». Этот вид преступлений, как видим в таблице, есть среди сведений преступников, но его нет в числе преступлений уголовного закона, подлежащих наказанию каторжными работами. «Преступления против порядка управления» и «преступления против собственности частных лиц» в отдельные периоды, исходя из сравнительных данных архивов и исследователей, по количеству арестантов, совершивших их, могли меняться местами, но их было всегда больше остальных категорий «злодеяний».

Небольшое количество преступлений совершалось против «общественного благоустройства и благочиния» (фальшивомонетчество, скотоложство) – около 5% и «против веры» (святоататство и др.) – около 1% и др.

В целом же, из данных таблицы можно сделать вывод, что определение вида преступления в статейном списке преступника часто не соответствовало формулировке его в уголовном законе. Это свидетельствует о том, что составлявшие списки чиновники тюремного ведомства плохо разбирались в законодательстве, а значит и при составлении статейных списков могли допускать значительные ошибки. Также классификация преступлений, наказываемых ссылкой в каторжные работы, была нестабильна, так как многие преступления, указанные в статейных списках арестантов, за которые они несли наказание на каторге, не указаны в Уложении о наказаниях.

Среди женщин основным видом преступлений этого периода времени также было убийство (включая покушение или соучастие в нем) – около 73%. Причем большая часть из них проходила под определением «убийство мужа» – 25% и «убийство ребенка» – 26%. Обращаем внимание на то, что у мужчин убийство жены или ребенка в статейных списках упоминается редко. Это связано, в первую очередь с патриархальным укладом жизни населения – женщина и дети полностью подчинялись главе семейства. Соответственно преступление мужа или отца против своей жены или детей являлось в общественном сознании «нормой», то есть было «обычным» преступлением,

как против любого другого человека. А преступление женщины, которая фактически не имела права голоса даже в семейных отношениях, совершенное против мужа, наоборот, считалось одним из самых тяжких. К этой же категории (самых тяжких) можно отнести убийство женщиной собственного ребенка (особенно новорожденного), что считалось вообще противоестественным, исходя из понятия «материнства». Но совершение женщиной этих преступлений, поскольку проступки эти были «не нормальными», позволяет говорить о том, что женщина убивала ближайших ей людей из-за сложившейся житейской ситуации. Как правило, убийство мужа было вызвано плохим отношением к ней, тяжкими побоями и др. Убийство ребенка чаще всего было связано с необходимостью скрыть позор для молодой девушки, для замужней женщины – скрыть измену (разврат) или невозможностью прокормить ребенка. Причем, если «убийство мужа» было характерно для преступниц всех категорий населения, то «убийство ребенка», особенно по причине невозможности прокормить совершали в основном беднейшие слои населения (в основном крестьянки, также есть ссыльные, казачки – видимо из беднейшей категории). Вторая группа преступлений женщин связана с покушением на частную собственность – поджоги жилых строений помещиков или родственников (18%). Другие преступления незначительны в количественном отношении – это кражи (около 4%), бродяжничество, сокрытие имени, участие в изготовлении фальшивых денег, участие в грабежах – по 1 %.

По делам о причислении 70-х годов XIX века¹ заключенные Нерчинской каторги этого времени отбывали наказания за следующие преступления:

¹ Уволенные от работ в это время – ГАЗК, ф. 1 т.о., оп.4, д.5; ГАЗК, ф. 31, оп.2, д.531; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7835; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7922; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7977; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7971; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.8014; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.8198

Таблица 11
Преступления, за которые отбывали наказание
Нерчинские ссыльнокаторжные 70-х годов XIX века

Мужчины		Женщины	
Убийство (смертоубийство) и/или покушения или участие в убийстве	38 (33%)	Убийство мужа (также покушение и соучастие)	4 (40%)
Ограбление, грабеж, разбой	24 (20,9%)	Убийство (также соучастие, покушение)	4 (40%)
Побеги	18 (15,7%)	Убийство ребенка	1 (10%)
Бродяжничество	8 (7%)	Поджоги	1 (10%)
Кража, воровство (или соучастие)	4 (3,5%)		
Тяжкие побои, смертельные побои, нанесение ран	4 (3,5%)	ИТОГО	10
Печатание фальшивой монеты, подделка денежных знаков	4 (3,5%)		
Участие в мятеже (в шайке)	3 (2,6%)		
Растреление и изнасилование	2 (1,6%)		
Соккрытие имени, звания, происхождения	1 (0,9%)		
Поджоги	1 (0,9%)		
Буйство в тюремном замке	1 (0,9%)		
Неизвестных	7 (6%)		
ИТОГО	115		

То есть в этот период по-прежнему, как и в 60-е годы XIX века, у мужчин на первом месте находились преступления против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц (в сумме примерно 40%). На втором месте – преступления «против порядка управления» (побеги, бродяжничество, сокрытие имени) и «против собственности частных лиц» (ограбление, разбой, грабеж, поджог, кража) – каждая группа в сумме примерно по 25%. Небольшое количество преступников составили фальшивомонетчики (около 4%), участники «шаек» (около 3%).

У женщин основным видом преступлений осталось убийство (90%), причем убийство мужа – составило 40%.

В 80-е годы XIX века по отчетам, ведомостям заведующих ссыльнокаторжными в отдельных местах каторги – на постройке тюрем в Нерчинском округе, горных работах в Алгачинском и Покровском рудниках, Петровском заводе за 1882, 1883, 1885

и 1886 гг.¹ и содержащихся в общем на каторге за 1883 год² классификация по видам преступлений заключенных выглядит следующим образом:

Таблица 12

**Преступления, за которые отбывали наказание
Нерчинские ссыльнокаторжные 80-х годов XIX века**

Преступление	мужчины	женщины
Убийство (смертоубийство) и /или покушения или участие в убийстве	1363 (39%)	191 (62,4%)
Побеги и бродяжничество	1035 (29,61%)	15 (4,9%)
Ограбление, грабеж, разбой	392 (11,2%)	2 (0,7%)
Кража, воровство (или соучастие)	131 (3,8%)	1 (0,3%)
Нанесение тяжких и смертельных ран	121 (3,5%)	6 (2%)
Смена имени	55 (1,6%)	2 (0,7%)
Неповиновение и оскорбление властей	54 (1,5%)	-
Подделка денежных знаков	44 (1,3%)	-
Поджоги	32 (0,9%)	73 (23,8%)
Растрепание и изнасилование (или пособничество)	28 (0,8%)	5 (1,6%)
Вооруженное сопротивление	27 (0,7%)	-
Святотатство	12 (0,3%)	-
Мятеж (бунт)	7 (0,2%)	-
Истязания	3 (0,09%)	4 (1,3%)
Кровосмешение	3 (0,09%)	-
Неисполнение приказа (нарушение воин. обязанности)	3 (0,09%)	-
Мужеложство	2 (0,06%)	-
Оскопление	2 (0,06%)	-
Разные	150 (4,3%)	4 (1,3%)
Неизвестных	31 (0,9%)	3 (1%)
ИТОГО	3495	306

Количественный порядок преступлений этого периода остается прежним: преступления против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц (в сумме около 51%), против порядка управления (в сумме около 25%) и против собственности частных лиц (всего 21%). Незначительное количество преступлений совершено против общественного благоустройства и благочиния (около 2%) и против веры (около 1%).

¹ ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.8858, л.4-10об.; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.9030, л.33, л.66-67, л.82; ГАЗК, ф.13, оп.2, д.87, л.4

² ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.9030. л.171об.-172

Классификация видов преступлений арестантов Нерчинского округа 90-х годов XIX века выполнена по отчетам заведующего каторгой 1894 г.¹ или начальника каторги 1897 г.²:

Таблица 13
Преступления, за которые отбывали наказание
Нерчинские ссыльнокаторжные 90-х годов XIX века

Преступление	мужчины	женщины
Убийство и (или) покушения или участие в убийстве	3528 (53%)	4 0 9 (77,2%)
Ограбление, грабеж, разбой	800 (11,9%)	21 (4%)
Побеги и бродяжничество	664 (9,9%)	6 (1,1%)
Кража, воровство (или соучастие)	214 (3,1%)	7 (1,3%)
Нанесение тяжких и смертельных ран	191 (2,8%)	9 (1,7%)
Революционные замыслы – гос. преступления	121 (1,9%)	16 (3%)
Растрле и изнасилование	111 (1,7%)	-
Нарушение монетного устава или подделка денежных знаков	113 (1,7%)	9 (1,7%)
Смена имени	106 (1,6%)	-
Поджоги	106 (1,6%)	19 (3,6%)
Неповиновение и оскорбление властей	94 (1,4%)	3 (0,6%)
Кровосмешение	11 (0,16%)	-
Скотоложство	67 (1%)	-
Святотатство и против веры	64 (0,9%)	1 (0,2%)
Скопчество	51 (0,8%)	-
Истязания	31 (0,5%)	3 (0,6%)
Нарушение воинского устава	26 (0,4%)	-
Вооруженное сопротивление	24 (0,4%)	1 (0,2%)
Сокрытие происхождения	18 (0,3%)	-
Укрывательство преступника	19 (0,3%)	5 (0,8%)
Подлоги	19 (0,3%)	-
Против чести женщины	9 (0,1%)	-
Мужеложство	9 (0,1%)	-
Хищение золота	4 (0,06% %)	-
Мошеничество	2 (0,03%)	-
Разные	189 (2,7%)	21 (4%)
Неизвестных	61 (0,9%)	-
ИТОГО	6652	530

¹ ГАРФ, ф.122, оп.5, д.2593, л.15-15об.; ГАЗК, ф. 1 т.о., оп.1, д.87, л.13об.-14

² ГАЗК, ф. 1 т.о., оп.1, д.95, л.48об.-50

Анализировать данные этой таблицы мы будем в соответствии с Уложением о наказаниях 1885 года. Данный закон по классификации видов преступлений существенно не изменился, по сравнению с Уложением 1857 года. Скорректированы были лишь сроки наказания, поэтому и процентное соотношение основных «злодеяний», по сравнению с предыдущим периодом осталось прежним: преступления против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц – всего 58%; против порядка управления – в сумме 16% и против собственности частных лиц – всего 12%. Также как и в предыдущие годы, небольшое количество преступлений было против общественного благоустройства и благочиния (нарушение монетного устава, мужеложство, скотоложство) – 5%, против имущества и доходов казны (хищение золота) и против веры – по 1%.

Таким образом, на каторге в Забайкалье во второй половине XIX века находились действительно самые опасные преступники, которые совершили самые тяжкие преступления – убийства (включая соучастие и покушение), разбойные нападения, грабежи, особенно в «шайках» и др. (в целом более 80%). К тяжким преступлениям можно отнести и преступления против веры, т.к. в Российском государстве было официально установлено православное вероисповедание. Хотя были и осужденные за незначительные преступления – воровство, кражи и др., но число преступников, совершивших эти преступления, было незначительно – менее 10%.

Исследование семейного положения преступников XIX века является достаточно важным для понимания их психологических состояний. В тюремной практике известно, что семья является сдерживающим фактором при совершении преступления. На тяжкие деяния против общества в основном способны люди, которые, как правило, не связаны узами брака¹. Значит, большинство каторжных не должны были состоять в браке. Небольшая погрешность в этом показателе возможна при составлении статейных списков на преступников, вторично осужденных, беглых или по утере сведений. К сожалению, сведений 50-70-х годов XIX о семейном положении обнаружено крайне ограниченное количество. Среди исследованных статейных списков «Дела

¹ Например, Минцлов Р. Особенности класса преступников // Юридический вестник. – 1881.- №10. – С.370-375

о причислении в Забайкальскую область»¹, включены следующие данные о преступниках, уволенных от работ в 50-70-е годы XIX века (91 человек):

Таблица 14

**Сведения о семейном положении преступников
Перчинской каторги 50-70-х гг. XIX века**

мужчины			женщины		
холостые	женатые	неизвестно	незамужние	замужние	неизвестно
42 (52,5%)	17 (21,3%)	21	1 (9,1%)	8 (72,7%)	2

Как видно из таблицы, мужчины в большинстве своем были холостыми, что подтверждает мысль о семье, как сдерживающем факторе при совершении преступления. Прежде чем переступить норму закона, человек думает о семье, о том, что с ней будет после совершения им преступного действия и вынесения наказания. У женщин, исходя из таблицы, ситуация наоборот. Большинство их совершило преступления, находясь в браке. Это значит, что неудачный брак для женщины становился основной причиной преступления. Возможно, именно этот факт объясняет большое количество преступлений, связанных с убийством мужа или покушением на него, а также убийством ребенка, но, скорее всего, в основном для сокрытия измены. Другие преступления, которые совершали женщины этого времени (в основном незначительные или как соучастие), видимо были осуществлены под влиянием мужа. Либо сведения о браке, указанные в статейных списках, проставлены при вторичном их вступлении в семейные отношения уже на каторге (если список был составлен в связи с утерей). Вступление в брак на каторге, вполне возможно, так как быть замужем для женщины было безопаснее. Одинокая женщина чаще подвергалась сексуальным домогательствам со стороны, как уголовников, так и со стороны тюремных надзирателей (хотя и замужние не были полностью защищены от этого)².

В 80-е годы по-прежнему холостые мужчины-преступники составляли большинство каторжан – более 80% (на основе ис-

¹ ГАЗК, ф. 1 т.о., оп.4, д.5

² Радзиловская Ф., Орестова Л. Мальцевская женская каторга 1907-1911 гг. // Каторга и ссылка. – 1929. – № 10 (59). – С.134-135; Якубович П.Ф. В мире отверженных. Записки бывшего каторжанина. – М.-Л.: Художественная литература, 1964. – С.35-38

следования отчетов Управления ссыльнокаторжными в Нерчинском округе за 1883 г. и списков преступников в Алгачинском и Покровском рудниках за 1882 г.)¹:

Таблица 15

**Сведения о семейном положении преступников
Нерчинской каторги 80-х гг. XIX века**

мужчины				женщины		
холостые	женатые	вдовы	неизвестно	незамужние	замужние	вдовы
1967 (82,4%)	360 (15%)	37 (1,6%)	23 (1%)	261 (85,3%)	45 (14,7%)	-

Из таблицы видно, что среди женщин, по сравнению с предыдущим периодом, количество незамужних существенно возросло и составляло более 85%. Возможно этот показатель в статейном списке сведений на момент прибытия преступницы на каторгу. За замужними женщинами мужья следовали на каторгу крайне редко, а значит, женщина считалась автоматически разведенной (т.е. незамужней). Последнее подтверждается данными 90-х годов, по которым количество следовавших за женщиной родственников (мужа и детей) не превышало 2%. Кроме того, после убийства мужа, что было одним из основных преступлений женщины, она также становилась свободной от брака. Также возможно в это время женщины начинают совершать преступления, не связанные с брачными отношениями. В отчетах этого времени формулировки видов преступлений, анализируемых выше, у женщин и мужчин не отличались.

В 90-е годы в отчетах заведующих каторжными (начальников каторги) наблюдается больше системности и попытка разносторонне оценить семейное положение преступников. В это время в документах встречается несколько схем указания семейного статуса.

Согласно годовому отчету по Управлению и содержанию Нерчинской каторги за 1894 год семейное положение указывалось при совершении преступления (т.е. до решения суда) и при отбывании наказания на каторге².

По отчету видно, что наибольшее число мужчин и женщин при совершении преступления в браке не состояли:

¹ ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.8858, л.4-10об.; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.9030, л.170об.

² ГАЗК, ф. 1 т.о., оп.1, д.87, л.14об.

Таблица 16
сведения о семейном положении преступников
Нерчинской каторги в 1894 г.
(На момент совершения преступления)

Мужчины			Женщины		
Холостые и вдовы	Женатые	Неизвестно	Незамужние и вдовы	Замужние	Неизвестно
2243 (80,9%)	399 (14,4%)	131 (4,7%)	202 (72,4%)	63 (22,6%)	14 (5%)

Как и в предыдущее время у женщин основным видом преступления было убийство, без указания, кого она убила. Значит в отличие от 50-70-х годов XIX века, женщина уже совершала тяжкое преступление не по причине неудачного брака, а чаще – по другим причинам, возможно близким по характеру к «злодеяниям» мужчин.

Также по отчету 1894 года указан семейный статус каторжан при отбывании наказания. Данный показатель представлен в следующей таблице:

17

Таблица

Сведения о семейном положении преступников Нерчинской каторги в 1894 г. (На момент отбывания наказания)

	мужчины	женщины
Женатые и замужние с детьми и женами	342 (12,2%)	6 (1,8%)
Холостые, вдовы или оставившие родных на родине	2431 (86,6%)	273 (82,7%)
Вдовых и незамужних, имеющих при себе детей	34 (1,2%)	51 (15,5%)

Из таблицы можно определить, что преступники каторги в большинстве своем не состояли в браке. Причем женщины «незамужние, имеющие при себе детей» (более 15%), скорее всего «прижили» детей уже на каторге, вступая с их же согласия или без него в сожительство с преступниками или тюремными надзирателями.

В 1897 году схема определения семейного положения при совершении преступления, возможно из-за сложности подсчета, в годовом отчете по Управлению и содержанию Нерчинской каторги отсутствует, и этот показатель преступника указан только «при отбывании наказания»¹:

¹ ГАЗК, ф. 1 т.о., оп.1, д.95, л.47об.-48

Таблица 18

**Сведения о семейном положении преступников
Нерчинской каторги в 1897 г.
(На момент отбывания наказания)**

	мужчины	женщины
Женатые и замужние, имеющие при себе семейства	163 (10,8%)	34 (14,7%)
Женатые и замужние без семейств	474 (31,4%)	34 (14,7%)
Холостые и незамужние	871 (57,8)	163 (70,6%)

То есть, в 90-е годы по-прежнему холостые мужчины и незамужние женщины составляли большинство каторжан – около 60% и более 70% соответственно. В показателях таблицы указано, что среди каторжных-мужчин этого времени более 40% состояли в браке, значит, наличие семьи не смогло удержать их от преступления (в предыдущее время этот показатель составлял в среднем 20%). Опровержение этого положения возможно только в том случае, если в категории «женатые и замужние, имеющие при себе семейства» указаны преступники, вступившие в брак на каторге.

Исследование форм вероисповедания преступников каторги, позволяет определить, насколько преступления представителей разных религиозных взглядов второй половины XIX века по характеру отличались от «злодеяний» православного населения империи (превалирующего в количественном отношении). Источники исследования вероисповеданий каторжных те же – статейные списки в делах о причислении 50-70-х гг. XIX века¹ и отчеты заведующих каторжными (начальника каторги) и военного губернатора Забайкальской области 80-90-х годов XIX века². Итоги исследования конфессиональной принадлежности преступников каторги представлены в следующих таблицах:

¹ ГАЗК, ф. 1 т.о., оп.4, д.5

² ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.9030. л.171об.; ГАРФ, ф.122, оп.5, д.2593, л.14об.-15; ГАЗК, ф. 1 т.о., оп.1, д.87, л.12об.; ГАЗК, ф. 1 т.о., оп.1, д.95, л.49об.-50

Таблица 19

Вероисповедание сыльнокаторжных 50-70-х гг. XIX века
(конфессиональная принадлежность указана по документам)

мужчины				женщины			
православных	католиков	мусульман	Неизвестно	православных	католиков	мусульман	Неизвестно
53 (66,3%)	7 (8,8%)	2 (2,5%)	18 (22,5%)	8 (96,4%)	-	-	3 (3,6%)

Таблица 20

Вероисповедание сыльнокаторжных 80-х гг. XIX века

вероисповедание	мужчины	женщины
Православные	1560 (75,8%)	280 (84,5%)
Римско-католической церкви	76 (3,6%)	23 (7%)
Лютеране	44 (2%)	9 (2,7%)
Армянской Григорианской	7 (0,3%)	1 (0,4%)
Греко-унианской	1 (0,04)	-
Магометанской	272 (13,2%)	9 (2,8%)
Ламаистов	9 (0,4%)	-
Иудеев (евреев)	48 (2,2)	6 (1,8%)
Единоверцев	1 (0,04%)	-
Беспоповцев	1 (0,04%)	-
Принимающих священство	1 (0,04%)	-
Сектантов (духоборцев, скопцев и др.)	21 (0,94)	2 (0,8%)
Старообрядцев	31 (1,4%)	-
Всего	2058	330

Таблица 21

Вероисповедание сыльнокаторжных 90-х гг. XIX века

вероисповедание	мужчины	женщины
Православные	4478 (71,5%)	690 (80,2%)
Римско-католической церкви	312 (5%)	61 (7,1%)
Лютеране	102 (1,6%)	12 (1,4%)
Армянской Григорианской	36 (0,6%)	1 (0,1%)
Магометанской	923 (14,7%)	54 (6,3%)
Раскольники	47 (0,8%)	-
Ламаисты и буддисты	13 (0,18%)	-
Иудеи (евреи)	295 (4,7%)	42 (4,9%)
Евангелисты	1 (0,02%)	-
Сектанты	45 (0,7%)	-
Неизвестные	14 (0,2%)	-
Всего	6266	860

Таким образом, православные, которые составляли основное население страны, были также и основной категорией среди уголовных преступников Нерчинской каторги. Среди других вероисповеданий были представители римско-католической церкви (мужчин – 3-11%, женщин – 7%), магометанской веры (ислам) – 3-15% мужчин и 3-6% женщин; иудейской веры (евреи) – 2-5% мужчин и женщин, и протестантской церкви (лютеранство) – около 2% мужчин и женщин. Причем в 80-90-е годы среди преступников на каторге появилось большое количество сектантов и представителей разных локальных вероисповеданий, которые исповедовали малые народы России. Это означает, что появление новых групп населения в российском обществе в переходный период, вносило изменения и в состав преступников на каторге, делая его многообразным, и усложняя межличностные отношения преступников.

Виды преступлений представителей других исповеданий (по сравнению с православными) узнать в полном объеме не удалось. В отчетах, как правило, нет соотнесения вида преступления с вероисповеданием преступника, возрастом и др. Только в статейных списках, причем не за весь исследуемый период времени, есть указание религиозной принадлежности. Из просмотренных материалов каторжные, исповедовавшие католицизм и ислам, совершали такие же преступления, как и православные – убийство, изнасилование, поджог, при нахождении на каторге – побег. Возможно только сектанты, из-за каких-либо незаконных обрядовых действий, были привлечены к наказанию каторжными работами за преступления «против веры» по формулировкам из отчетов «святотатство», «разрытие могил», «скопчество» или др.

Категория «Судимость» в 50-80-е годы в статейных списках и отчетах, как правило, не выделялась. Иногда в статейных списках была запись «сначала осужден за ..., потом осужден за...». Но определение, первый или N-й раз каторжный осужден за какое-либо преступление, важно для дальнейшего исследования межличностных отношений преступников и определения степени их возможного исправления, так как каторжные, отбывавшие наказание за рецидив, отличались по своему положению и поведению на каторге. В большинстве случаев, судимость заключенных можно определить только у тех преступников, на которых

составлялись вторичные статейные списки. Тогда в графе, где у других преступников указывалось социальное положение, у вторично осужденных была запись «ссылнокаторжный», «ссылнопоселенец», «арестант», «подсудимый» или «из арестантских рот». В 50-е годы к этой категории относилось у мужчин 10% преступников¹; в 60-е годы – 20%², а в 70-е годы – 30%³. Этот показатель будет еще выше, если к данному числу прибавить категорию «бродяг». Поскольку многие заключенные при побеге с каторги скрывали свое имя и при поимке возвращались назад именно как бродяги. За 80-е годы данных в архивных документах о судимости преступников нет, также по социальному составу преступников вторично осужденные по отчету заведующего каторжными составили около 40%⁴. Увеличение количества преступников этой категории позволяет сделать вывод о том, что каторга действительно не была исправительным тюремным учреждением в системе пенитенциарной политики государства и здесь находились люди, не способные к исправлению, поэтому этот вид наказания власть не желала упразднить.

За 90-е годы XIX века источники определения судимости (т.е. рецидива преступлений) обнаружены в большом количестве. Были исследованы опубликованные документы – Каталог Международной тюремной выставки (IV Международного тюремного конгресса), а также архивные документы, включающие Приказы по управлению Нерчинской каторгой 1890 года и отчеты заведующих ссылнокаторжными 1894 г., начальника каторги 1897 г. и военного губернатора Забайкальской области 1891 г.

¹ ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7245; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7255; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7272; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7364; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7366

² ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7399; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7403; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7533; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7594; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7596; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7598; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7599; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7604; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.12608; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7677; ГАЗК, ф. 1 т.о., оп.4, д.60

³ ГАЗК, ф. 1 т.о., оп.4, д.5; ГАЗК, ф. 31, оп.2, д.531; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7835; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7922; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7977; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.7971; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.8014; ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.8198

⁴ ГАЗК, ф. 1 о.о., оп.1, д.9030. л.170об.-171

Показатель рецидива совершенных преступлений представлен в следующей таблице¹:

Таблица 22
Сведения о рецидивном осуждении
Нерчинских ссыльнокаторжных

	Судимые в первый раз	Повторно (рецидив)	Бродяги, скрывающие свое звание
1890 год (по Каталогу)	2482 (70,5%)	632 (17,2%)	422 (11,6%)
1890 год (по Приказам)	2599 (68%)	793 (21%)	438 (11%) – из них 116 (26%) осуждены повторно
1891 год (по отчету военного губернатора)	1752 (76%)	464 (20%)	102 (4%)
1894 год (по отчету заведующего каторжными)	2004 (65,7%)	835 (27,3%)	213 (7%)
1897 год (по отчету начальника каторги)	1105 (62,8%)	654 (37,2)	Не указано
ИТОГО	9942 (68,6%)	3378 (23,3%)	1175 (8,1%)

По данным показателям, можно определить, что число преступников осужденных вторично составляло около 23% (если включить бродяг, то более 30%). Причем, количество осужденных за рецидивное преступление с 1890 по 1897 г. постоянно возрастает, что свидетельствует об отрицательном воздействии наказания каторжными работами на нравственность каторжан и отсутствии какого-либо исправительного элемента в этом виде уголовного наказания.

Таким образом, число преступников каторги в Забайкалье во второй половине XIX века зависело, прежде всего, от наличия здесь работ, относящихся к понятию каторжных. Новые социально-экономические условия определяли принудительный труд преступников, как нерентабельный. Но сохранение карательного назначения каторги во второй половине XIX века являлось основной идеей правительства. Поэтому на протяжении этого времени наблюдались попытки сохранения установленного числа преступников (до 3000 человек и более), несмотря на вынужденное их уменьшение в кризисные периоды.

¹ Каталог Международной тюремной выставки... Указ. Соч. – С. 4; ГАЗК, ф. 28, оп.1, д.5, л.40об.; ГАЗК, ф. 1 т.о., оп.1, д.87, л.13об.; ГАЗК, ф. 1 т.о., оп.1, д.95, л.48об.-49; ГАРФ, ф.122, оп.5, д.2593, л.15

В это время происходило увеличение разнообразия состава преступников по социальному, национальному и религиозному признакам. Главным образом это вызвано было изменениями в социальной структуре российского общества – усложнением социальных групп населения (по социальному, национальному, религиозному признаку) и возрастанием числа преступлений, совершенных не только низшими слоями населения, но обеспеченными и знатными людьми – потомственными дворянами, почетными гражданами, духовенством и др. Находящиеся здесь каторжные осуждены были за самые тяжкие преступления, в основном убийства и грабежи. Но главное, что наблюдалось в составе каторжных, – это возрастание числа осужденных, за совершение рецидивных преступлений, т.е. заключенных не способных к исправлению. Поэтому государственная власть старается сохранить ссылку в каторжные работы в Сибирь как вид наказания, именно для того, чтобы избавляться от неисправимого уголовного элемента Центральной России.

Конкретные аспекты истории политической ссылки в Сибирь в дореволюционный период

Бобков А.К.

Публицистика ссыльных декабристов и её влияние на сибиряков

Ссыльные декабристы и в Сибири занимались литературной и публицистической деятельностью. Многие из них писали записки, статьи, литературные произведения. Но правительственные чиновники не желали допускать к журналистике государственных преступников, а потому в ответ на просьбу Д.И. Завалишина о разрешении публиковать статьи, из канцелярии А.Х. Бенкендорфа в Иркутск сообщили: «...а желание его, Завалишина, печатать свои произведения не может быть удовлетворено»¹.

Завалишину и другим государственным преступникам отказано в праве заниматься литературным творчеством.

Такого позволения не спрашивал М.С. Лунин. Он и в ссылке продолжал борьбу с правительством, распространял нелегально политические статьи, известные под заглавием «Письма из Сибири»². В одном из писем читаем: «Заклученный в казематах, десять лет не переставал я размышлять о выгодах родины. Думы мои всегда клонились к пользам тех, которые не познали моих намерений. В ссылке, как скоро переменялись обстоятельства, я опять начал действия наступательные»³.

В 1838 году М.С. Лунин написал работу «Взгляд на русское тайное общество с 1816 до 1826 года». Она позволяет лучше по-

¹ ГАИО, ф. 24, оп. 3, д. 491, к. 18, с. 5.

² Лунин М. С. Письма из Сибири. М. : Наука, 1988.

³ Указ соч. С. 5.

нять Лунина, его общественно-политические воззрения, идейную позицию: «Теперешняя власть, у которой на все доставало смелости, дошла до того, что ей надо всего бояться. Ее общий ход не что иное, как постепенное отступление, под защитой корпуса жандармов, перед страхом тайного общества, который охватывает ее со всех сторон. От людей можно отделаться, но он их идей нельзя. Сердца молодого поколения обращаются к сибирским пустыням, где великие ссылки встанут посреди мрака, в котором хотят их скрыть. Жизнь в изгнании есть непрерывное свидетельство истины их начал»¹.

Лунин размышляет, анализирует, сравнивает и делает выводы о правильности революционных начал в декабристском движении.

Незадолго до своего ареста М.С. Лунин написал статью «Взгляд на дела Польши 1840», где писал о политике царизма в отношении Польши.

«Никогда русские не думали о покорении своих братьев, никогда они не предполагали предписывать им законы и не претендовали на какое-либо социальное или политические превосходство над ними. Они предлагают им не благодельную опеку, а согласованность воли и соединение усилий к одной цели, которую они провозглашают». Здесь же М.С. Лунин заявляет, что «репрессивные меры» в отношении народа, борющегося за свою независимость, «никогда не находят поддержку и сочувствие в русском народе»².

До нас дошло несколько публицистических работ М.С. Лунина (большинство бумаг было уничтожено в 1841 г.), но те, что мы имеем сегодня, говорят о том, что до конца своих дней он оставался глубоко преданным идеям 14 декабря 1825 года. Во имя распространения идей декабризма Лунин погиб, погиб несломленный, погиб, распространяя всеми возможными ему средствами идеи 14 декабря.

Основная мысль публицистических статей, памфлетов М.С. Лунина – неизбежность революционного взрыва при самодержавном строе. Он намечает пути для распространения революционных идей. Среди них такие, как пропаганда революционных

¹ Там же. С. 272.

² Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М.: Госполитиздат, 1951, Т. 3. С. 140.

идей в армии, снижение авторитета жандармского правительства, выявлением ничтожности его политики и призрачности великодержавного значения царской России в системе европейских государств. Средства для действительного укрепления международного положения России – в подъеме культуры, путем освобождения трудового народа, просвещения его, введения представительного образа правления и полной гласности во всех областях государственной и общественной жизни.

Лунин – публицист и политический борец, великолепный стилист, все эти грани таланта соединены в творчестве, вобравшем в себя лучшие человеческие качества этого незаурядного человека. О том, какое значение он придавал публицистике, можно понять из его предисловия к «Письмам из Сибири».

«Письма из Сибири» по своему политическому содержанию обратили на себя внимание правительства: «Генерал-губернатор передал мне повеление не писать в течение года. Запрещение излагать свои мысли свидетельствует о важности их... Такое запрещение в политике обыкновенно невыгодно действует для власти, от которой происходит...»¹.

«Письма» М.С. Лунина нашли своего читателя в передовых кругах русского и, конечно же, сибирского общества.

В Иркутске возникло дело по обвинению нескольких человек в распространении его «сочинений». По этому делу привлекался декабрист В.А. Бечаснов, живший в Смоленщине, а также чиновники Иркутского генерал-губернатора. Как показывают хранящиеся в архиве документы, «...письма читались и в купеческих, и в чиновничьих кругах Иркутска, Читы и нашли определенное сочувствие и поддержку»².

По выходу в 1839 году на поселение Д.И. Завалишин избрал местом своего жительства Читу, где он тотчас принимает деятельное участие в просвещении, изучении края.

Дмитрий Иринархович Завалишин до тонкости изучил Забайкальский регион. «...Долгое время до назначения и прибытия весьма медленно назначаемых служащих, безвозмездно исполнял должность офицера Генерального штаба по съемкам и со-

¹ Лунин М.С. Письма из Сибири // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М.: Политиздат, 1951. С. 200.

² ГАРФ, ф. 1818, д. 5, ед. хр. 5, л. 102.

ставлению карт, путей сообщения, по составлению плана города, землемера, по распланировке города и отводу земель, архитектора по постройке казенных зданий, медика по надзору за тифозными госпиталями, оказывал пособие жителям собственными лекарствами, советника, мирового посредника, учителя и пр.»¹. Чиновники пользовались его указаниями.

Кроме того, он занимался в Чите садоводством, выписывал много книг, вел обширную переписку с товарищами. Был в курсе всех дел администрации. И видел злоупотребление местных чиновников и самого Н.Н. Муравьева.

«Я очень дорожу вашей памятью»², – писал И. Горбачевский Д. Завалишину 10 июня 1848 года. Слова эти, принадлежащие одному из самых уважаемых деятелей декабристского движения, еще более укрепляют во мнении, что декабрист Завалишин – одна из значительных фигур в движении первых дворянских революционеров.

«Я всегда отдавал и отдам справедливость моим товарищам и всегда скажу, что у людей, действовавших в 1825 году, есть одно, чего никак нельзя у них отнять и цену чему никак нельзя уменьшить – это готовность жертвовать всем тем, чем люди более всего дорожат и чего более всего добиваются в жизни»³.

Это слова из записок Д.И. Завалишина. Они, пожалуй, наиболее полно отражают суть отношения одного из участников декабристского движения к декабристам.

По инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева началось освоение Амура. Жители Забайкалья, а более всего казаки, переселялись на постоянное жительство на эти земли. При этом встречались факты насильственного переселения, а также воровство средств, отпускаемых переселенцам со стороны государственных чиновников и купцов, неудачный выбор мест для постоянного жительства. Все эти факты вызывали резкую критику демократически настроенных кругов и в Сибири, и в России.

«Допустить, чтобы это так продолжалось, было нельзя, не рискуя безвозвратной гибелью края; вот почему, когда все уве-

¹ Заборинский А. Граф Н.Н. Муравьев в 1848-1856 гг. // Русская старина. 1883. № 6. С. 128.

² Горбачевский И.И. Записки, письма. М.: Наука, 1975. С. 143.

³ Завалишин Д.Н. Записки декабриста. СПб., 1906. С. 140.

щевания оказались тщетными, Д.И. Завалишин решился раскрыть в печати настоящее положение дела и на Амуре, и в Забайкалье»¹.

Д.И. Завалишин пишет ряд статей. В них он выдвигает новый для феодально-помещичьей России – капиталистический путь освоения богатств Амурского края. В 1857-1861 годах он опубликовал статьи в «Морском сборнике», а позднее, в 1882-1888 гг., в газете «Восточное обозрение», где критикует то, как осваивается новая территория.

«Грузы не доходили до Амура, растаскивались чиновниками, а частью до Амура замерзали во льду. В поселениях по Амuru свирепствовали болезни, и цинготная в особенности», – это строчки из статьи Д.И. Завалишина в «Морском сборнике»². Подробно разбирая навигацию на Амуре, а также неудачные попытки торговли, хозяйственной деятельности, заселения Амурского края, он пишет: «Суету мертвящую выдаем за плодотворную деятельность, эффекты за сущность дела, из-за количества произведенного как-нибудь искажаем качественность действия; механическую перестановку выдаем за органическое развитие; истощаем самый капитал, чтобы высказать огромность временно приносимых процентов»³.

Его статьи по Амuru показывают, что, хорошо зная Забайкалье и Приамурье, он выдвигает свои пути освоения. По идее Завалишина, переселение должно проводиться по принципу добровольности, без принуждения, а не под ружьем, как это зачастую происходило. «Процесс переселения должен идти по плану, но никак не стихийно», – читаем в статье Д.И. Завалишина в «Морском сборнике». Итак, плановость и предварительный выбор удобных мест для жительства – это, по Завалишину, второе условие для успешного освоения Амура. И третье условие – это строгий контроль и наказание, как военных, так и гражданских

¹ Амурское дело и влияние его на Восточную Сибирь и Государство, 1850-1863 гг. Очерки по документам и свидетельствам очевидцев // Русская старина. 1881. № 9. С. 176.

² Завалишин Д.И. Освоение Амура // Морской сборник. 1859. Кн. 5. С. 122.

³ Завалишин Д.И. По поводу статей об Амуре // Дум высокое стремленье. Иркутск, 1975. С. 100.

чинов, обворовавших переселенцев. Он также предлагает широкое привлечение российского капитала на Амур.

Посредством публицистики Д.И. Завалишин подробно разбирает деятельность администрации. В своих статьях, касающихся Амура, он встает на сторону угнетенных, бесправных, дает уничтожающую по своей сути характеристику чиновникам и купцам, наживающим барыши на бедах широких народных масс.

Академик М.В. Нечкина во вступительной статье ко второму тому трехтомника «В сердцах Отечества сынов» замечает, что «именно публицистика определяет главное содержание и характер общественно-политической практики декабристов в Сибири»¹.

А что же происходило в те годы на берегах Амура? Обратимся к документам, хранящимся в Иркутском государственном архиве. Возьмем «Всеподданнейший отчет начальника Амурской области за 1858 год». На странице 11 читаем: «...в некоторых местах от порчи семян или позднего их посева у переселенцев или вовсе не было урожая, или только возвратились одни семена».

Еще один документ той поры: «Командир Амурского казачьего батальона доверенному Амурской торговой компании, 18 января 1860 года:

...При личном свидании с г. Белоголовым, 10-го месяца я объяснил ему положение батальона, не обеспеченного продовольствием... Белоголовый не понимает, что такое голод в поселении 1000 душ, и не умеет разграничить право купца с обязанностями человека. В обоих случаях я не считаю себя вправе допустить людей пухнуть с голода...»

Отношение от 19 октября 1862 года к генерал-губернатору Восточной Сибири, подписанное Управляющим Морским Министерством и штаб-доктором флота: «...В воинских командах на Амуре болезненность вообще, и цинготная болезнь в особенности, крайне увеличивается и смертность от последней болезни между нижними чинами сухопутного войска чрезвычайно велика. Причины этого зла... приписываются существующему дурному, тесному помещению, изнурению людей при работах на рубке и возке леса, при усиленных постройках и при разных воловых работах, без обращения ближайшим начальством надлежащего

¹ Нечкина М.В. Несколько слов о сибирском трехтомнике // В сердцах Отечества сынов. Иркутск, 1975. С. 8.

внимания на состояние погоды, и без снабжения людей соответственно обстоятельствам и трудам одеждою и пищею».

Безотрадная картина нарисована в этих бумагах правительственными чиновниками. Переселенцы и солдаты переносили огромные лишения: голодали, мерзли. А ведающие освоением Амура, мошенничеством наживали себе состояние.

В публикациях Д.И. Завалишина нашли отражение многие факты, изобличающие администрацию Муравьева-Амурского. В газете «Восточное обозрение» уже много лет после отъезда из Сибири за 17 июня 1882 года была опубликована статья «Природа и человек в деле колонизации». Статью Д.И. Завалишин написал, проживая в Москве. В ней он как бы подводит черту в полемике, которую когда-то вел с Муравьевым-Амурским, с официальной Россией. «Главная операция в освоении Амура состояла в снабжении и отправлении караванов или сплавов с продовольствием. Казалось бы, что тут-то и будет приложено все старание, знание и искусство, порядок и благовременность; но на деле выходило, однако, вот что: так как за сплав давали награды, то и посылались фавориты, и притом такие, которым... ни за что другое дать награды было нельзя. За интригами, кому получить место, начальник, назначенный для сплава, приезжал почти всегда поздно, нередко, когда все уже замерзло. ...Иногда частью, а иногда и весь караван погибал. Погибал с миллионным грузом, собранным таким насилием, и после такого труда и хлопот населения. И все это повторялось каждый год».

Статьи Д.И. Завалишина нашли столь широкое признание среди передовой общественности России, что царские сановники из Сибирского комитета прислали исполняющему обязанность генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакову отношение от 25 октября 1862 года, где читаем: «...в министерства поступили разные сведения и доносы о беспорядках и злоупотреблениях, существующих в Амурском и Приамурском крае, и что подобного рода сведения и доносы поступили даже в редакции некоторых издаваемых правительством журналов»¹.

Муравьев-Амурский и Корсаков, не на шутку встревоженные разоблачительными статьями Завалишина, добились его высылки... из Сибири.

¹ Завалишин Д.И. Природа и человек в деле колонизации // Восточное обозрение. 1888. 17 июня. С. 3.

Высланный из Сибири, он отправляется в Казань, не успев даже ликвидировать имущественные дела, однако в Казани генерал-губернатор отказал ему в жительство, и Д.И. Завалишин проследовал в г. Москву.

В.И. Штейнгель был одним из тех декабристов, кто еще до востания на Сенатской площади хорошо изучил Сибирь, где он долгие годы провел, работая в разных должностях.

Будучи привлеченным к следствию, Штейнгель из крепости обращается со страстными, публицистическими письмами, где анализирует причины появления тайных обществ, рисует отрицательную картину внутренней жизни России в царствование Александра I.

В Сибири В.И. Штейнгель создал главные по значению из дошедших до нас публицистических статей – это «Сибирские сатрапы», «Дневник путешествия из Читы в Петровский завод» и записанные, литературно-обработанные и отредактированные им воспоминания А.В. Колесникова «Записки несчастного».

Небольшая по объему статья «Сибирские сатрапы» стала «наиболее ярким выражением протеста декабристов против самовластия сибирской администрации...»¹. Здесь В.И. Штейнгель дает характеристику администрации Сибири за 60 лет. Перед взором читателя проходит целая галерея сибирских правителей разного ранга, которые обладали почти безграничной властью и смотрели на вверенный им край, как на собственную вотчину. «Все это чиновачалие просто деспотствовало, – писал Штейнгель. – Взятки, интриги, своекорыстие, приспособленчество, угодливость разлагали весь аппарат управления. Среди местной администрации Сибири царили пьянство, разврат, бессмысленная жестокость»².

В.И. Штейнгель в статье «Сибирские сатрапы» не делает выводов и заключений, но в подтексте легко читается решительный протест против самодержавно-крепостнической царской России.

В предисловии к «Запискам несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату», он вскрывает произвол судебной

¹ Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970. С. 205.

² Штейнгель В.И. Сибирские сатрапы // Дум стремленье. Иркутск, 1975. С. 24.

системы в России, когда достаточно тайного доноса – и без суда и следствия человека подвергают наказаниям.

«Одна и та же идея лежит в основе обоих сочинений: произвол не случайная прихоть отдельных чинов, а закономерное порождение всей системы русского самодержавия»¹.

Высылка из Ишима в Тару последовала после того, как В.И. Штейнгель написал по поручению Тобольского губернатора Ладыженского успокоительные воззвания к крестьянам.

«Штейнгель продолжал нелегальную публицистическую деятельность, реагируя на злободневные вопросы сибирской жизни. Его заметки и памфлеты ходили в списках по всей Сибири. На введение новой питейной системы в 1846 г. он откликнулся статьей «Некоторые замечания сибиряка Простакова на положение в питейных сборах с 1847 по 1851 г.», которая нарасхват разошлась в списках во время торгов в Москве. Сочинения его распространялись под различными псевдонимами, нередко анонимно, поэтому многие из них не выявлены до сих пор»².

Пиसेц из канцелярии волынского губернатора, 17 лет от роду Дунцов (настоящая его фамилия) бежал из дома, раздобыл где-то чужие документы на имя дворянина Выгодовского, окончил школу и поступил канцелярским служащим в Ровенский нижний земский суд. Член общества Соединенных славян. Осужден по VII разряду: приговорен в каторжную работу на один год. Затем отправлен на поселение в г. Нарым Томской губернии.

«За ослушание и дерзость против местного начальства при производстве следствия об употреблении им в официальной жалобе оскорбительных на счет некоторых должностных лиц выражений, предан по распоряжению начальника губернии суду и заключен в Томский тюремный замок»³.

При аресте отобраны и представлены в III отделение рукописи на 3588 листах, «наполненные самыми дерзкими и сумасбродными идеями о правительстве и общественных учреждениях, с превратными толкованиями некоторых мест Св. писания и даже основных истин христианской религии»⁴. Был приговорен к на-

¹ Мирзоев В.Г. Указ. соч. С. 204.

² Шахеров В.П. Сибирь в жизни и творчестве В.И. Штейнгеля // Сибирь и декабристы. Вып. 2. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд., 1981. С. 74.

³ ГАРФ. 1 эксп., 1854 г., д. 64, ч. 102, л. 104.

⁴ ГАРФ. 1 эксп., 1854, д. 64, ч. 102, л. 110.

казанию плетью и ссылке в Иркутскую губернию, но по произволу властей направлен в Вилуйск. Лишь в 1871 г. переведен в с. Урик, но жил в Иркутске.

Причиной второй ссылки декабриста, выходца из крестьян, явилось его публицистическое творчество. Десятки статей, заметок, набросков о российской действительности и сибирском произволе.

Все бумаги декабриста были уничтожены, в III отделении сохранилась лишь «Выписка из бумаг государственного преступника Выгодовского»¹. Она очень интересна. Хотя из этого обозрения трудно понять, сколько было сочинений, какие из них являлись вполне законченными. Но общее направление и стиль определяются достаточно ясно. Перед нами убежденный и непримиримый враг самодержавия и феодально-крепостнического строя, враг официального христианства, защитник интересов рабочего народа и крестьян.

В статьях «О свободе свободных», «О политических изгнанниках» Выгодовский писал: «Что на земле существует и красуется политическим бытием и жизнью, то в ссылке заживо умерло вечной смертью, лишено политического бытия и живота, а существует в уничтожении, отгорожено от мира и деяний политических, находится в преследовании и страдании»².

В бумагах этого дела есть выписки из статьи о Николае I, который «удавил сперва пять человек на виселице, а потом уже отправился в Москву под венец короноваться». Чиновник, составлявший выписку из этой статьи, осмелился включить в неё и строки, в которых Николай I именовался «прохвостом», более похожим на «кавалергардского флангового», чем на «вождя-царя»³.

Следует отметить, что все сочинения Выгодовского имеют ярко выраженный публицистический характер. В них затронуты явления из самых разнообразных жизненных сфер, трактуются вопросы экономические, исторические и т.д., но все это лишь повод и материал для рассуждений общественно-политического характера. Его сочинения, судя по сохранившимся фрагментам, представляют собой страстные публицистические статьи.

¹ РГИА. 1 эксп., д. 61, ч. 102, л. 20.

² РГИА. архив III отделения, 1 эксп., д. 61, ч. 102, л. 34.

³ РГИА. архив III отделения, 1 эксп., д. 61, ч. 102, л. 44-50.

П.Ф. Выгодский писал статьи высокого гражданского пафоса; в них постоянно звучала мысль о лучшем будущем России, России без царя и самодержавия, без рабства и угнетения.

Уцелевшие отрывки из статей выдают в декабристе П.Ф. Дунцове-Выгодском интересного публициста, стоявшего на позициях близких к революционно демократическим. Он один из немногих первых русских революционеров, оставшихся верным идеалам юности. Ни ссылки, ни лишения, не сломили его.

На поселении В.Ф. Раевский занимался земледелием, подъярами, продолжал вести большую литературно-публицистическую деятельность. Непримирым противник самодержавия и крепостничества, он выступал за демократические реформы. В борьбе, которую вели петрашевцы Ф.Н. Львов, М.С. Буташевич-Петрашевский, разночинец М.П. Шестунов, декабрист Д.И. Завалишин и другие, Раевский выступал против крепостнических нравов. В серии публицистических очерков под названием «Сельские сцены», опубликованной в 1858 году, в неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» был помещен лишь первый вводный очерк, остальные до нас не дошли.

«...Раевский был неустрашим до конца дней своих и искал сближения с новым поколением революционеров-демократов, интересовался ими, был знаком и вел теоретические беседы со С.Г. Стахевичем, сосланным за революционную пропаганду в начале 60-х годов»¹.

Вводный очерк к «Сельским сценам» написан в хорошей литературной манере, с примерами, которые говорят о большой гражданской смелости автора.

«М.М. бил своеручно семилетнюю девочку до того, что она долго была больна и лишилась ума, за то, что она не знала и не смела дать показаний против матери в вымышленном разврате по желанию его благородия... Как другой В.В. раздел крестьянина, туго привязал к столбу и бесчеловечно бичевал его почти целый день за то, что лошади понесли, когда сам его благородие понуждал гнать нещадно лошадей, бывши навеселе...»².

¹ Коваль С.Ф. Публицистика Раевского // Дум высокое стремление. Иркутск, 1975. С. 110.

² Раевский В.Ф. Предисловие к сельским сценам // Дум высокое стремление. Иркутск, 1975. С. 111.

От примеров Раевский в своем предисловии следует к выводам: «Как поправить так сильно вкоренившееся зло? Очень трудно, но возможно. Прежде всего, пусть те, которые вымогают себе право крестьян, будут сами примером веры, справедливости, честности, бескорыстия, человеколюбия, трезвости уважения к закону и точного выполнения их! А если это требование слишком велико, так пусть они откажутся от присвоенного ими права и не выказывают своих пороков на теле тружеников, которые в поте лица добывают хлеб и для себя и для тех, которые отстаивают право сечь их и держать в невежестве»¹.

Как видим, В.Ф. Раевский со всей силой и беспощадностью бичует крепостников. А между строк можно прочесть и скрытый подтекст критики самодержавно-крепостнической России.

В письме Раевского к декабристу Батенькову от 29 сентября 1860 года читаем: «Относительно настоящего и будущего России я с сожалением смотрю на все. Сначала я с жадностью читал журнальные статьи, но, наконец, уразумел, что все эти вопросы: гласность, советы, стремление, новые принципы, прогресс, даже комитеты – игра в мелладу. Государство, где существуют привилегированные и исключительные касты и личности выше законов, где частицы власти суть сила и произвол без контроля и ответственности, где законы практикуются только над сословием или стадом людей, доведенных до скотоподобия, там не гомеопатические средства необходимы. В наше время освобождение крестьян было ближе к делу»².

М.А. Бестужев известен и как литератор-публицист. Сохранилось несколько его статей. Одна из них опубликована в газете «Кяхтинский листок» и называется «Поездка в Кяхту». Она написана в форме письма к сестре Елене. Такая форма публикации статей, очерков в газетах тех дней обусловлена цензурным гнетом. Ведь письмо можно было приписать мнению частного лица.

В статье М.А. Бестужев описывает окрестности, красоты природы и, как бы, между прочим, отмечает бедность и нищету русского и бурятского населения, рассказывает о произволе чиновников. Чувствуется, что статья написана человеком, знающим и любящим простых людей и далекий край за Байкалом.

¹ Раевский В.Ф. Указ. соч. С. 112.

² Ульяновский сборник. Ульяновск, 1956. С. 30.

В пору обострения революционной ситуации в России в 50-60-е годы М.А. Бестужев вместе с Д.И. Завалишиным выступал против бесчеловечных методов освоения и заселения Амура. Отдельные исследователи, и в частности Н.Я. Эйдельман отмечают, что М.А. Бестужев был автором корреспонденций и статей, опубликованных на страницах герценовского «Колокола».

Интересными являются его письма, отправленные весной 1856 года с Амура декабристу В.И. Штейнгелю. Обличающие амурскую политику правительства, письма ходили в Петербурге из рук в руки. В одном из писем Завалишину читаем: «...как ты не обвиняй графа (Н.Н. Муравьева), коренное зло есть половинные меры и недостаток энергии в высшем правительстве»¹. Здесь же Бестужев сообщает, что «письма попали в руки царя».

Публицистика М.А. Бестужева разоблачала самодержавно-клерикальный строй России, бичевала ее государственную машину, и звала к исправлению и ниспровержению существующей политической системы в России.

М.А. Бестужеву, как и другим публицистам-декабристам, приходилось действовать в сложных условиях, требовавших от него и смелости, и изобретательности. Находя разнообразные формы для своих выступлений, используя легальные возможности и создавая произведения, предназначенные для нелегального распространения, М.А. Бестужев вписал яркую страницу в декабристской публицистике.

Идеи свободы, правды в весьма завуалированной форме звучат в статьях и письмах М.А. Бестужева. Здесь же мы найдем ряд оценок политической жизни. Автор довольно прозрачно намекает на закономерность и прогрессивность политических преобразований. «Род человеческий самыми переменами, самыми мнимыми разрушениями зреет и совершенствуется»², – писал М.А. Бестужев.

Лучшие годы отдал М.А. Бестужев Сибири. О Сибири, ее людях он написал много теплых слов. Он многое сделал для нравственного развития сибиряков. Можно и нужно говорить о влиянии Бестужева на общественно-политическую жизнь Сибири.

¹ ГИМ. ф. 250, ед. хр. 1, л. 99. об. Письмо М.А. Бестужева к Д.И. Завалишину.

² ГИМ. ф. 250, ед. хр. 1, л. 100. Письмо М.А. Бестужева к Д.И. Завалишину.

Так, сохранились свидетельства, что его статьи читались в салоне Ротчевой, библиотеке Шестунова и встречались сибиряками с большим одобрением»¹.

Ряд историков, и среди них академик М.В. Нечкина, С.Ф. Коваль, Г.П. Шатрова, С.В. Житомирская и др. в своих трудах ставят вопрос о влиянии публицистики декабристов на общественно-политическую жизнь в Сибири. Этот тезис выдвигали в своих статьях Ф.А. Кудрявцев и С.Ф. Коваль. Публицистика посредством взглядов, мыслей, убеждений, выражаемых ею, формирует мышление и позиции людей, влияя на их практическую деятельность, особенно в тех условиях, в которых они находились. «Статьи декабристов показывают, что и последние годы своей жизни в Сибири они выступали как проводники передовых общественно-политических взглядов...»².

Это мнение историка, а вот что пишут очевидцы, хорошо знающие события и общественно-политическую жизнь тех лет: «...узнавши, что особенно оживленные разговоры о дуэли ведутся в частной библиотеке Шестунова, он (генерал-губернатор Н.Н. Муравьев) распорядился немедленно закрыть ее, а самого Шестунова выслал административным порядком за Байкал»³. А разговоры в библиотеке велись вокруг передовой статьи Ф.Н. Львова о дуэли, помещенной в неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей».

И декабристы, и петрашевцы прекрасно это понимали и широко использовали журналистику для пропаганды своих воззрений на страницах газет «Иркутские губернские ведомости», «Амур», «Кяхтинский листок».

В ряде изданий, ставших библиографической редкостью, есть свидетельства современников декабристов и петрашевцев об их общественно-политической деятельности в Сибири. Историк и этнограф С.В. Максимов пишет: «Независимо от врачебного и всякого другого рода пособия, от посещения больных и страждущих, декабристы являются защитниками народа против

¹ ГАРФ. ф. 1560, ед. хр. 4, л. 17.

² Кудрявцев Ф.А. Декабристы – сотрудники сибирских газет // Памяти декабристов. Иркутск, 1975. С. 154.

³ Арефьев В. М.В. Буташевич-Петрашевский в Сибири // Петрашевцы в воспоминаниях современников / Сост. П.Е. Щеголев. М.;Л., 1926, С. 215.

злоупотреблений администрации двояким действием: или представительством в высшей администрации, которая могла смело положиться на добросовестное их указание, или обуздывая низшую администрацию нравственным своим влиянием, так как были примеры, что люди, самые закоренелые в злоупотреблениях, совестились перед ними, когда боялись, что действия их будут открыты»¹. Как видим, декабристы оказывали положительное воздействие даже на закоренелых в злоупотреблениях людей.

Декабристское движение сильно тем, что слово каждого декабриста, устное и письменное, было словом общественного деятеля, более того – общественно-политического деятеля. Авторитет этого слова в России был необычайно высок. Декабристы поддерживали свои идеи, а вернее не изменяли им, и не забывали их, будучи в Читинской и Петровской тюрьмах. На поселении часть из них стали активными участниками общественно-политической жизни в Сибири².

Следует заметить, что уже с конца 1840 – начала 50-х годов в разных городах Сибири, а именно Нерчинске, Кяхте, Иркутске сложились своеобразные центры передовой общественно-политической мысли. Ее носителями были сибирские купцы Бутины, Лушниковы, Кандинские, Баснины. Они привозили из столицы десятки, сотни книг, выписывали газеты. Средоточием передовой мысли, демократических идей в 50-е годы стали библиотеки В.И. Вагина и М.П. Шестунова, а также салон Е.П. Ротчевой в г. Иркутске³.

Жизнь декабристов в Сибири, в ссылке – важная страница в общественно-политической жизни России. Декабризм как идейно-политическое течение и после 1825 года оказывал большое влияние на жизнь России и Сибири, сибиряков в особенности. И это влияние выражалось в яркой публицистике: газетной, журнальной, нелегальной и эпистолярной.

¹ Максимов С. В. Сибирь и каторга. СПб., 1900. С. 441.

² В их числе М.С. Лунин, Н.А. и М.А. Бестужевы, Д.И. Завалишин, И. Горбачевский, Д.И. Пущин.

³ Петряев Е.Д. Впереди огни. Иркутск, 1965; Коваль С.Ф. Декабристы и общественное движение 50 – начала 60-х годов XIX века // В сердцах Отечества сынов. Иркутск, 1975. С. 263.

Ссылные меньшевики и мировая война

Статья посвящена актуальному вопросу в истории социал-демократического движения в Сибири. Автор рассматривает идейно-политическую борьбу среди социал-демократов, раскрывает позиции различных направлений и групп в сибирских организациях по вопросу о войне.

Kudryashov V.V.

Menshevik exiles and The First World War

The article is connected urgent question in a history of social democratic movement of Siberia. Author examines ideological and political fight among social democrat exiles, and shows positions of various direction and groups in the Siberian organizations about war.

Первая мировая война, начавшаяся летом 1914 года, стала серьезным испытанием для международного социалистического движения. Лозунг пролетарского интернационализма, объединявший социалистические и рабочие партии, многими лидерами был забыт. Патриотические чувства неожиданно оказались присущи пролетариату. Произошел раскол в политических партиях пролетариата. В меньшевизме обозначились три направления. Патриотическое, или оборонческое, направление возглавил Г.В. Плеханов. Он считал виновниками войны Германию и Австро-Венгрию, а союзников России по Антанте – Англию и Францию – защитниками «интересов международного пролетариата и социального прогресса». Россию Плеханов видел исключительно обороняющейся страной и полагал, что поражение её в войне отрицательно скажется на «дальнейшем ходе русского экономического, социально-политического (по пути к конечной цели нашей партии – демократической республике) развития»¹. Осенью 1915 года Плеханов написал воззвание «К сознательному трудящемуся населению России», которое получило одобрение со стороны царских властей. «Первый русский марксист» откры-

¹ Меньшевики. Документы и материалы. 1903-февраль 1917 г. – М., 1996. – С.353.

венно призывал к гражданскому перемирию в стране, рекомендовал рабочим «отвергнуть как неразумную...всякую вспышку и всякую стачку, способную ослабить силу сопротивления России неприятелискому нашествию»¹.

Фактический призыв Плеханова к поддержке интересов буржуазии и правительства в войне не получил поддержки среди оборонцев и заставил некоторую их часть перейти к идее «самозащиты», то есть передачи дела обороны из рук царизма в руки русской демократии, включая пролетариат и буржуазию.

Меньшевики-центристы осудили войну, расценив её как борьбу великих держав за передел мира. Декларируя свою приверженность принципу пролетарского интернационализма, выступая за скорейшее заключение справедливого мира, они были противниками каких-либо активных массовых действий.

Лидером интернационалистического направления в меньшевизме был Ю.О. Мартов. Войну он определил как «порождение империалистического непримиримого антагонизма», вызванного экономической и политической конкуренцией мировых держав, стремлением каждой из них установить собственную гегемонию. Война, по мысли Ю. Мартова, обострила внутренние противоречия в развитых капиталистических государствах и создала предпосылки новой революции. Демократическая революция в России, считал он, возможна в рамках мировой антиимпериалистической революции².

Меньшевики-интернационалисты поддержали решения, принятые на Циммервальдской международной социалистической конференции, состоявшейся в сентябре 1915 года. Решения конференции получили широкое распространение в России, в том числе и в социал-демократических организациях Восточной Сибири.

Вопрос об отношении различных оппозиционных самодержавию политических сил не раз становился предметом специальных исследований в советский период, начиная с деятельности Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. История вопроса и оценки напрямую связаны с господствовавшими на разных этапах идеологическими установками. Подробный анализ исторической литературы об отношении социал-демо-

¹ История политических партий России. – М.,1994. – С.246.

² Меньшевики. Документы и материалы ... – С.359-368.

кратии к войне дан В.В. Буханцовым¹. В обстоятельной статье автор отметил позитивные моменты в изучении темы, противоречивость оценок отдельных представителей ссыльной социал-демократии в Сибири. Автор считал необходимым дальнейшее изучение вопроса для понимания идеологических предпосылок объединения в сибирских организациях РСДРП. В новых условиях необходимо было пересмотреть без предвзятости позиции и оценки меньшевиков по отношению к мировой войне.

Среди ссыльных меньшевиков Сибири были представители всех течений. Численный состав оборонцев, центристов и интернационалистов определить не представляется возможным. О своей позиции они заявляли в легальной и нелегальной печати, это проявлялось в отношении к революционной деятельности в составе объединенных организаций РСДРП. Оборонцы составляли меньшинство. Их позиция нашла отражение на страницах газеты «Минусинский листок», которую фактически редактировал ссыльный меньшевик М.И. Хачатуров. Материалы газеты внушали читателям мысль, что правительство необходимо поддержать, чтобы выиграть войну. Оборонцы оправдывали увеличение налогового бремени, считали возможным привлечение в состав правительства и к делу организации обороны представителей социалистических партий. Они были противниками стачечного движения в период войны, полагая, что подобные методы не отвечают интересам обороны².

Меньшевики-оборонцы поддержали идею создания военно-промышленных комитетов. А.В. Байкалов и Либман вошли в состав Красноярского ВПК. Но реального влияния на пролетариев губернского центра рабочая группа не смогла оказать. Ряд ссыльных Минусинска, Иркутска, Киренска, Манзурки приняли участие в сборе средств для русских волонтеров во Франции. Административно-ссыльные меньшевики Н.И. Дзедзиев и А.Н.

¹ Буханцов В.В. Историческая литература об отношении ссыльных социал-демократов к мировой империалистической войне// Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). – Иркутск, 1989. – Вып.11.- С.65-79.

² Хазиахметов Э.Ш. Из истории идейной борьбы политических ссыльных в годы первой мировой войны// Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). – Иркутск, 1980. – Вып.5.- С.127-128.

Шебинин были приняты на военную службу и зачислены в Сибирский стрелковый запасный полк¹.

Позиции ссыльных центристов были неоднородны, порой непоследовательны. Они в своих взглядах на войну сближались с интернационалистами. К.М. Ермолаев в письме, направленном из Минусинска в Петербург в сентябре 1914 года, отмечал, что с началом войны «создалось такое сложное положение, переплелось и перепуталось столько разнообразных политических тенденций, что не мудрено даже самое крайнее разномыслие среди вчерашних полных единомышленников»². Выступая за спасение Франции и Бельгии, К.М. Ермолаев высказывал опасение для судеб демократии в случае «военного торжества России». Он считал, что «война должна вызвать переворот во всех странах. Империализм будет поражен не победой, а общими последствиями войны»³. В другом письме он уточнял: «...результат долгой истощительной войны без разрушения и разгрома той или иной страны может быть окажется самым благоприятным для интересов всей европейской демократии»⁴.

Самым ярким примером приверженности ссыльных меньшевиков принципу пролетарского интернационализма стали «Сибирский журнал» и «Сибирское обозрение», вышедшие в свет по инициативе Иркутского комитета РСДРП 10 декабря 1914 г. и 1 января 1915 г. Решение об издании социал-демократического органа было принято на собрании комитета 12 октября 1914 года. В состав редакции вошли В.С. Войтинский, И.Г. Церетели и Н.А. Рожков. Политическую линию журналов определял И.Г. Церетели, который глубже других подходил к вопросу. Литературную группу составили меньшевики В.С. Войтинский, Н.А. Рожков, С.Л. Вайнштейн, Ю.С. Вайнберг, Ф.И. Дан, большевик Н.Г. Чужак⁵.

¹ ГАКК. Ф.827, оп.1, д.1424, л.59, 64.

² ГАКК. Ф.827, оп.1, д.363, л.51.

³ Там же.

⁴ Там же, л.53.

⁵ Сосновская Л.П. причисляла Войтинского к большевикам. Но он сам указывал, что его «удаление от большевизма» началось с ноября 1913 г. К осени 1914 г. он разделял идеи меньшевиков.

Редакционные статьи «Наши задачи» и «На рубеже» были подготовлены В.С. Войтинским¹. В них были изложены причины появления журналов и определялись их задачи. Войтинский указывал, что ещё до войны в российском обществе сложились «вопросы, настойчиво требующие скорейшего разрешения». Он считал, что война создала новые условия для их разрешения. Задача журнала определялась в научном исследовании этих вопросов и объединении народов против войны.

В.С. Войтинский охарактеризовал войну как «чудовищную мировую катастрофу», назвал её экономические причины в статье «Все против всех»². Подробному анализу были подвергнуты англо-германские, франко-германские и русско-германские противоречия. Борьба за рынки, конкуренция между державами в экономической сфере привели к возникновению противостоящих международных политических объединений. Но даже в этих союзах сохранялись внутренние противоречия. «Интересы каждого капиталистического государства противоположны интересам всего остального земного шара»³. Войтинский сделал вывод, что война есть «законное детище капиталистического хозяйственного строя, положившего в основание всех взаимоотношений между людьми и между государствами эксплуатацию и соперничество».

В статье «Воюющая Россия»⁴ В.С. Войтинский дал анализ настроений в различных кругах в связи с войной. Он показал реакционную сущность политики правящих кругов России, которые стремились скрыть истинные причины войны и оправдать свою агрессивную политику. Автор подчеркивал, что лозунги и призывы монархистов и кадетов к единению и патриотизму, борьбе с немецким засильем выгодны только буржуазии, которая стремится извлечь максимальную прибыль в условиях войны. Войтинский считал, что объединение сторонников феодально-крепостнических порядков («Святой Руси») и носителей новых капиталистических ценностей («Великой России») будет носить кратковременный характер. Такое объединение экономическо-

¹ Сибирский журнал, 1914. – №1. – С.1-2; Сибирское обозрение, 1915. – №1. – С.1-4.

² Сибирский журнал, 1914. – №1. – С.14-20.

³ Там же, с.19.

⁴ Сибирское обозрение, 1915. – №1. – С.23-36.

го прогресса с подавлением демократии автор назвал «помесью паука и жабы». Войтинский поддержал позицию и декларацию социал-демократической фракции в Государственной думе, которая заявила, что не может быть единения народа с властью в условиях отсутствия свободы и демократии. Он полагал, что иллюзии начального периода войны неизбежно будут развеяны тяготами, которые буржуазия и правящие круги переложат на плечи трудящихся масс. В.С. Войтинский понимал, что война изменит мир, но не дал ответ на вопрос, какие изменения и каким путём должны произойти.

С первых дней войны Россия испытывала серьезные трудности в экономике. Анализу состояния хозяйства страны посвящены статьи Н.А. Рожкова¹. Он правильно отметил влияние военных действий на все отрасли российской экономики, денежное обращение, финансы и положение масс. Опираясь на цифры, Рожков доказал, что в России нарастает экономический кризис: сокращается производство зерна, металла, падает спрос на нефть, лес, пушнину, растет безработица, обесценивается рубль. Война заставила правительство пойти на увеличение прямых и косвенных налогов для покрытия огромных внутренних и внешних займов, необходимых для военных нужд. Все это сказывалось на положении пролетариата и крестьянства.

Анализируя причины втягивания России в войну, Н.А. Рожков справедливо определил, что к такому шагу правительство толкнула буржуазия, стремившаяся заполучить большую прибыль. Рожков видел главную причину войны в экономическом противоборстве Германии и Англии, а противостояние между другими государствами считал дополнением основного конфликта².

В статьях Н.А. Рожков развил свою теорию «культурного капитализма». По его мнению, война не только породила кризис и разорение мелких и средних предприятий, но и «ускорила, вме-

¹ Война и хозяйство России // Сибирский журнал, 1914. – №1. – С.22-30; Россия накануне войны // Сибирское обозрение, 1915. – №1. – С.19-24.

² Сосновская Л.П. считала, что Н. Рожков и Ф. Дан не смогли правильно определить причины войны, что не совсем верно. См.: Сосновская Л.П. Участие политических ссыльных в издании «Сибирского журнала» и «Сибирского обозрения» // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). – Новосибирск, 1978. – С.105.

сте с тем, совершавшийся процесс развития культурного капитализма в России и ущерб капитализму грубо-хищническому»¹. Будучи противником насилия и вооруженного восстания, Рожков предлагал свой вариант выхода из войны и экономического кризиса. Вместо революции он предлагал глубокие хозяйственные и социальные реформы на пути к демократизации русской государственности.

О причинах и характере начавшейся войны высказался на страницах «Сибирского обозрения» Ф.И. Дан. В статье «Две войны»² он сравнил русско-японскую и начавшуюся мировую войны, их влияние на социально-экономическое и политическое развитие России. Он правильно назвал главную причину мировой войны – англо-германское соперничество. Россия оказалась втянута в «сферу самых острых столкновений наиболее развитых капиталистических стран». Русская буржуазия стремилась к реваншу после поражения в русско-японской войне. По мысли Ф.И. Дана, за 10-летие после той войны интересы буржуазии и дворянства значительно сблизились, что нашло своё отражение как во внутренней, так и во внешней политике. В этих условиях рабочая демократия России в борьбе за свои права могла рассчитывать только на поддержку и помощь международного рабочего движения.

Авторы сборников давали рабочему классу рекомендации, как вести борьбу за свои права в условиях войны. С.Л. Вайнштейн и Ю.С. Вайнберг в своих статьях «Война и рабочая самопомощь», «Борьба с дороговизной»³ отмечали, что рабочие могут помочь себе только организацией. Важная роль в борьбе с ростом цен отводилась профсоюзам, которые должны были следить за ценами, и кооперативам, которые могли составить конкуренцию спекулянтам и купцам.

Эти формы рабочего взаимодействия появились после первой русской революции. Итоги 10-летнего периода со времени начала революции подвёл в статье «За десять лет» С.Л. Вайнштейн⁴. Значение январских событий 1905 года автор видел в том, что народ осознал свои нужды и заявил о себе во весь голос.

¹ Сибирское обозрение, 1915. – №1. – С.22.

² Сибирское обозрение, 1915. – №1. – С.12-18.

³ Сибирский журнал, 1914. – №1. – С.44-46.

⁴ Сибирское обозрение, 1915. -№1.- С.11-20.

Ведущей силой революции стал пролетариат, который сумел «условия своего освобождения сделать лозунгом общенародного движения, знаменем всероссийской свободы». К достижениям пролетариата Вайнштейн относил создание профсоюзов, просветительских обществ, больших касс, кооперативов, через которые рабочий класс отстаивал свои права. Особое место отводилось социал-демократической фракции в Государственной думе, которой принадлежала ведущая роль в разоблачении политики правительства. В агитационно-пропагандистской работе среди рабочих России большое значение имела легальная печать.

С.Л.Вайнштейн пришёл к выводу, что война на время отвлекла рабочих от революционной борьбы, но не прекратила её, так как задачи русской революции остались нерешёнными. В статье автор не дал прямого указания, каким путём можно их решать, но отметил, что «виден путь решения». Это «видение» заключалось в единстве рабочего класса и других демократических сил, в повседневной борьбе за улучшение положения трудящихся масс. Такой вывод соответствовал тактике действий меньшевистского крыла РСДРП.

На страницах иркутских сборников нашёл отражение национальный вопрос, который обрёл особую значимость для многонациональной Российской империи с началом войны. Развёртывание боевых действий на польских землях создавало для царских властей угрозу активизации национально-освободительного движения. В связи с этим правительство обратилось к полякам с манифестом, в котором содержалось обещание реформ. Суть и перспективы «пересмотра» прежней политики царского правительства в польском вопросе были рассмотрены Ю.С. Вайнбергом в статье «Национальный вопрос и Польша»¹. Автор разъяснял, что «союз наций», трактуемый правящими кругами как объединение народов России и Польши, в действительности представляет собой союз господствующих классов. В национальные комитеты, созданные в Польше в рамках союза, вошли только представители буржуазных националистических партий. В них не нашлось места рабочим, крестьянам и представителям многочисленного еврейского населения, проживавшего в польских землях. Автор пришёл к выводу, что права малых народов попираются в угоду классовым экономическим интересам буржуазии.

¹ Сибирское обозрение, 1915. – №1. – С.46-48.

Вопрос о положении еврейского населения в России и, в частности, в Польше в условиях войны был рассмотрен в статье «Евреи и война», вышедшей за подписью «А. Яковлев»¹. Можно предположить, что её автором был ссылный меньшевик А.Я. Горнштейн. Еврей по национальности, он после отбытия каторги в Александровском центре, где близко сошелся с В.С. Войтинским, остался на поселении в Иркутске и включился в социал-демократическую работу. Знание еврейского вопроса, тесное общение с еврейской общиной Иркутска позволило А.Я. Горнштейну вместе с В.С. Войтинским подготовить и издать ставшую заметным событием в общественной жизни города книгу «Евреи в Иркутске».

Война спровоцировала волну еврейских погромов в западных областях России. Антисемитизм, который захлестнул Польшу, эксплуататорские классы стремились использовать для разжигания национальной вражды, чтобы отвлечь пролетариат от классовой борьбы. Автор статьи проанализировал в общих чертах развитие польско-еврейских отношений, разоблачил националистическую политику польской буржуазии по отношению к еврейскому населению. Решение вопроса автор видел в победе демократических сил во главе с пролетариатом в России, а лучшим выходом для Польши – предоставление ей автономии. Такой вывод соответствовал требованию избирательной платформы ОК РСДРП, принятой в 1912 году².

И.Г. Церетели в статьях «Война и Интернационал» и «Демократия среди воюющей России»³ рассмотрел позиции различных групп международной и российской демократии в первые месяцы войны. Он отталкивался от решений Лондонского и Копенгагенского конгрессов II Интернационала по вопросам войны и милитаризма. Начавшаяся война подтвердила выводы Лондонского конгресса о причинах современной войны – экономическое соперничество, и её характере – захватническая (наступательная). Церетели считал, что левые социал-демократы в преддверии войны допускали серьезную ошибку, не поддерживая демократические силы в борьбе с гонкой вооружения, за

¹ Сибирское обозрение, 1915. – №1. – С.49-54.

² Меньшевики..., с.345.

³ Сибирский журнал, 1914. – №1. – С.11-22; Сибирское обозрение, 1915. – №1. – С.35-44.

разоружение. Он подверг критике позицию правых социал-демократов, которые видели в борьбе мировых держав за колонии прогрессивное развитие капитализма. Церетели считал верной позицией большинства II Интернационала, которое поддерживало борьбу за полную демократизацию государственного строя и самоопределение наций.

И.Г. Церетели считал, что в условиях шовинистического уга-ра, характерного для начального периода войны, революционные действия нецелесообразны. Он верил, что отступление партий II Интернационала от принципа пролетарского единства носит вынужденный и временный характер и перелом в сознании рабочего класса обязательно произойдет.

В связи с этим И.Г. Церетели отмечал последовательную приверженность принципу пролетарского интернационализма в позиции социал-демократической фракции IV Государственной думы, он рекомендовал всем брать пример с фракции, которая выступила с собственной декларацией в связи с началом войны и отказалась голосовать за военные кредиты. Церетели подверг критике взгляды Г.В. Плеханова, «к голосу которого демократия привыкла прислушиваться с особым вниманием»¹. Соглашаясь с Плехановым в оценке развития демократических прав и свобод в Англии и Франции, И.Г. Церетели считал, что война остановила эти страны на пути прогрессивного, демократического развития. Поэтому главным условием дальнейшего совершенствования демократии он видел решительную борьбу с войной, скорейшее установление мира.

Г.В. Плеханов считал виновницей войны Германию и желал ей поражения. Он полагал, что в случае победы Германии положение России резко ухудшится, она превратится в зависимую от германского капитала страну. Церетели считал, что в развязанной войне много виновных. Каждая из великих держав стремилась к войне ради захвата и эксплуатации новых территорий.

И.Г. Церетели не разделял мнение А.Н. Потресова о СДПГ как предательнице принципов II Интернационала. Он указывал на то, что часть немецких социал-демократов голосовала в рейхстаге против военных кредитов и поэтому у партии есть будущее. В заключение своей статьи И.Г. Церетели сделал вывод, что совместное выступление большевиков и меньшевиков в Думе

¹ Сибирское обозрение, 1915. – №1. – С.38.

глубоко символично и подчеркивает необходимость единения партии в новых исторических условиях.

Иркутские сборники привлекли внимание общественности. Они получили распространение по Сибири, были известны в Центральной России и за границей. Ю.О. Мартов назвал иркутские журналы «светлой точкой среди серой русской периодической прессы наших дней. Да и одной ли русской? В социалистической печати других, кроме России, воюющих стран мы также не много найдем изданий, с такой ясностью и решительностью выразивших социалистическую точку зрения на войну, как это сделал орган сибирских товарищей»¹.

Я.М. Свердлов из Туруханской ссылки сообщал о получении «Сибирского обозрения» и дал ему высокую оценку: «Вот этот орган замечательно хорош по теперешним временам по духу своему, тону. Возможно, и «Восточное обозрение» закроют. Общий характер крайне выгодно отличает [его] от всей периодической печати»².

Иркутские сборники одними из первых подняли знамя борьбы с войной, поставив вопрос по-социалистически, с интернационалистической позиции. В них получили теоретическое обоснование, большую четкость антивоенные настроения. Полиции удалось конфисковать небольшую часть тиражей. Ответственные редакторы И.Ф. Тараданова и Е.С. Ромас были приговорены к году крепости, а издание сборников было запрещено. Но репрессии не сломили волю редакционного коллектива. В.С. Войтинский, И.Г. Церетели, Ф.И. Дан планировали выпуск третьего сборника, готовили статьи. К участию привлекли Л.М. Карахана. Но из-за сложностей с типографией третий номер не был издан. Част подготовленных материалов Церетели и Войтинский отправили в Самару и Петроград.

В 1915 году Н.А. Рожков был приглашен в Читу для редактирования изданий социал-демократического характера. Антивоенную направленность имела газета «Забайкальское обозрение». К сотрудничеству в ней Рожков привлек политических ссыльных из Иркутска, которых хорошо знал по совместной работе.

¹ Левин Ш.М. Социалистическая печать во время войны // Красный архив, 1922. – Т.2. – С.211.

² ГАКК. Ф.827, оп.1, д.393, л.98-99. Здесь скорее Свердлов допустил опisku: вместо «Сибирское» написав «Восточное».

В состав редакции входили как большевики, так и меньшевики. По отдельным вопросам между ними вспыхивали споры. Острая дискуссия возникла вокруг воззвания Г.В. Плеханова. Плеханов писал: «Я убежден, что русский пролетариат заинтересован лишь в одном: чтобы русская земля не сделалась предметом эксплуатации в руках германских империалистов»¹. Он призывал рабочих к организации обороны страны, а социал-демократическую фракцию – поддержать правительство и военные кредиты. По настоянию читинских меньшевиков А.А. Войлошникова, Б.О. Хеладзе и некоторых других воззвание Плеханова было напечатано 26 октября 1915 года. Затем редакция поместила ряд материалов с критикой позиции первого русского марксиста. Среди ссыльных меньшевиков, осудивших взгляды Г.В. Плеханова на страницах «Забайкальского обозрения», были Ю.С. Вайнберг, Н.А. Рожков, В.С. Войтинский.

Ю.С. Вайнберг в статье «Между двух берегов»² показал, что Плеханов забыл разработанное им самим учение об исторической роли пролетариата. Вайнберг считал, что Плеханов в вопросе о войне полностью солидаризировался с либералами, то есть с буржуазией.

Н.А. Рожков в статье «Воззвание оборонцев»³ подверг критике лозунг «обороны», с которым выступили социал-шовинисты. В другой статье «Две меры – два веса»⁴ он продолжил критический анализ взглядов оборонцев, придерживаясь принципов интернационализма, выступая за мир без аннексий.

Серию материалов под общим названием «Письма о войне» опубликовал в газете В.С. Войтинский⁵. В них автор раскрыл всю пагубность войны, её разрушительный характер для всех участников. Он подчеркивал, что война ведется на истощение сил, европейским государствам грозит банкротство как в экономическом, так и в политическом смысле. Анализируя влияние войны на социально-экономическое положение её участников, Войтинский выделил новые черты хозяйственного развития,

¹ Плеханов Г.В. О войне. – Пг., б\г. – С.56.

² Забайкальское обозрение, 1915. – 23 ноября.

³ Забайкальское обозрение, 1915. – 7 декабря.

⁴ Забайкальское обозрение, 1916. – 14 марта.

⁵ Забайкальское обозрение, 1915. – 30 ноября, 7, 14, 21, 28 декабря; 1916. – 11, 25 января, 1, 8, 15, 29 февраля, 14 марта.

возрастание роли государства. Эту новую систему хозяйствования он назвал «военный социализм». После войны эта система сохранится, считал автор, но кому будет принадлежать власть, он задавался вопросом. Прочный мир возможен только при активном участии пролетариата во властных структурах. Преобразование общества на основе широкой демократии сможет уничтожить сами предпосылки новой мировой войны, но для этого требуется объединение всех отрядов международного рабочего движения на принципах интернационализма.

По инициативе редакции на страницах «Забайкальского обозрения» были опубликованы материалы о работе Циммервальдской конференции, состоявшейся в сентябре 1915 года. Конференция сыграла важную роль в консолидации антивоенных сил в рядах международной социал-демократии. Публикации материалов об отношении партий рабочего класса Европы к принятым решениям служили делу антивоенной агитации, интернациональному воспитанию пролетариата.

Выводы В.С. Войтинского в статье «Задачи демократии во время войны»¹ фактически представляли собой план действий по изменению существующего порядка. Власти предприняли меры, и издание газеты было запрещено в «интересах общественного порядка и спокойствия».

«Забайкальское обозрение» имело широкое распространение в Сибири. Политические ссыльные определили содержание и тон газетных материалов. Их публикации способствовали распространению антивоенных настроений по Восточной Сибири.

Значительный интерес для политссыльных представляли оценки ситуации эмигрантских центров. В июле 1915 года ссыльный меньшевик А.К. Пайкес получил письмо из-за границы от Ю.О. Мартова, в котором лидер меньшевизма изложил свои принципиальные взгляды на современное положение социал-демократии и её отношение к войне. Интерес к оценкам Ю.О. Мартова побудил ссыльных Красноярска провести собрание с участием местных социал-демократов, эсеров и демократической интеллигенции. Письмо было переписано, один из экземпляров отправлен в Канск, другой передан В.И. Николаеву, редактору «Красноярского вестника»².

¹ Забайкальское обозрение, 1916. – 14 марта.

² ГАКК. Ф.П-42, оп.7, д.4, л.3.

Ссылные меньшевики выступали против шовинистических позиций своих товарищей в Москве и Петрограде, которые о своём отношении к войне писали в журналах «Наша заря», «Наше дело», «Дело». Ф.И. Дан протестовал против выхода в свет социал-патриотических статей Левицкого, Потресова, Череванина. Ю.О. Мартов опубликовал протест Дана в парижской газете «Наше слово»¹.

Осенью 1915 года, находясь в Минусинске, Ф.И. Дан выступил с инициативой воззвания к русским рабочим. Этот шаг был вызван обращением Г.В. Плеханова «К сознательному трудящемуся населению России». Дан подверг критике его оборонческую позицию, противопоставляя ей интернационалистическую. В декларации осуждались требования Плеханова к думской фракции голосовать за военные кредиты. Свои подписи под документом, направленным в Париж, поставили меньшевики Е.Л. Бройдо, К.М. Ермолаев, М.И. Хачатуров, большевик А.П. Голубков и другие. Декларация минусинской группы стала предметом обсуждения на собрании социал-демократов Красноярска в ноябре 1915 года. Активное участие в обсуждении приняли ссылные меньшевики Я.Х. Боград, В.И. Николаев, большевик А. Шлихтер и другие. Документ получил одобрение и поддержку².

Я.Х. Боград подготовил лекции «Похороны социализма» и «Кто такой Плеханов и почему его так хвалят буржуазные партии», с которыми выступал перед рабочими и ссылными. Лекции пользовались неизменным успехом.

Против социал-шовинистических взглядов Плеханова выступил А.А. Иоффе, находившийся в ссылке в с.Абан Канского уезда Енисейской губернии. В январе 1916 года он направил письмо и статью в редакцию самарской газеты «Наш голос». Вынужденный придерживаться цензурных правил, Иоффе с марксистских позиций показал несостоятельность подхода Плеханова к рабочему движению в годы войны и подчеркнул, что при всех условиях для пролетариата «есть путь непримиримой, ни на секунду не прекращаемой, ни на момент не затемняемой классо-

¹ Хазиахметов Э.Ш. Из истории идейной борьбы среди политических ссылных..., с.140.

² ГАКК. Ф.П-42, оп.7, д.4, л.12.

вой борьбы». Только на этом пути пролетариат сможет достичь своей цели¹.

Политические ссыльные использовали любую возможность для антивоенной агитации. Они читали и объясняли письма с фронта крестьянам. Так, В.С. Войтинский к выставке военной литературы, проходившей в Иркутске зимой 1915-1916 гг., подготовил диаграммы, которые продемонстрировали разорительность войны. Он сам объяснял посетителям, среди которых были солдаты гарнизона, данные своих диаграмм. Во время поездок по губернии Войтинский выступал с докладами перед политическими ссыльными, разъяснял позицию интернационалистов, критиковал оборонцев². С антивоенными по содержанию докладами и рефератами перед слушателями выступали меньшевики Б.И. Горев, Л.И. Гольдман, Н.А. Рожков, Л.О. Повицкий и другие.

Политические ссыльные при отсутствии прочных связей с партийными центрами вынуждены были самостоятельно определять своё отношение к войне. Ограничения в общении с заграницей с началом военных действий затрудняли идейное самоопределение. На формирование позиций ссыльных революционеров оказала их прежняя партийно-фракционная принадлежность. Важную роль в определении отношения к мировой войне ссыльных и местных социал-демократов сыграли известные организаторы и теоретики РСДРП меньшевики Ф.И. Дан, Н.А. Рожков, С.Л. Вайнштейн, Ю.С. Вайнберг, В.С. Войтинский, Л.М. Карахан, Б.И. Горев и другие. Обладая значительным литературным опытом, они приняли самое активное участие в создании, издании, редактировании и распространении газет и журналов антивоенного направления. Ссыльные меньшевики сумели правильно раскрыть экономические и политические причины первой мировой войны, её характер. Публикации большинства ссыльных меньшевиков носили антиимпериалистическую, интернационалистическую направленность. Их практическая деятельность была направлена на разоблачение шовинистических настроений в обществе, пропаганду мира без аннексий и контри-

¹ Из истории социал-демократической интернационалистской мысли во время войны // Красная летопись, 1924. – №1. – С.182-186.

² Войтинский В.С. Годы побед и поражений. Кн. 2. На ущербе революции. – Берлин, 1924. – С.405-406.

буции. Идеиные позиции большинства ссыльных меньшевиков были близки к взглядам большевиков, что создавало благоприятные условия для дальнейших совместных выступлений под общим знаменем РСДРП.

Никулина И.Н.

Из истории политической ссылки на Алтай в XIX в. (20-е – 90-е гг.)

Данная статья посвящена проблеме политической ссылки 20-х – 90-х гг. XIX в. на Алтае. На основе архивных материалов и литературы предпринята попытка определения численности ссыльных, их сословного состава, размещения, рода занятий и деятельности в регионе, а также показано их влияние на развитие Алтая.

I.N. Nikulina

From the history of political exile in the Altai
in XIX century (20 – 90)

The article views the political exile in the 20-s – 90-s of the XIX century in the Altai region. The attempts is made to determine the number of exiles, class composition, location, occupation and activity in the region on the basis of archive materials and literature. Also shows the influence of the political exiles on the development of the Altai.

История политической ссылки¹ на Алтае в XIX в. является неотъемлемой частью не только истории политической ссылки в Сибири, но и в целом истории революционного движения в России. Сибирская ссылка по-прежнему остается интересной и достаточно многоаспектной темой, не потерявшей своей актуальности в настоящее время, поскольку круг рассматриваемых

¹ Под политической ссылкой подразумевается принудительное удаление лиц, обвиняющихся в политическом преступлении по суду или в административном порядке в отдаленную местность на определенный срок или бессрочно.

вопросов и конкретных направлений исследований претерпевал существенные изменения.

Вопросы политической ссылки имеют важное значение для изучения истории заселения региона, его научного исследования, культуры. Материалы по Алтаю дают возможность существенно расширить, углубить представления об истории русского и польского освободительного движения, о механизмах практического осуществления карательной системы Российской империи. В связи с этим актуальность данного исследования очевидна.

К числу вопросов, требующих первоочередного решения, относятся: определение численности, социального, профессионального состава, конфессиональной принадлежности ссылных, составление их кратких биографий, изучение разносторонней деятельности на Алтае, выявление характера их взаимоотношений с местным населением и между собой, определение влияния политической ссылки на общественную жизнь региона.

Территориально исследование охватывает бывший Алтайский горный округ, в который входили Барнаульский, Бийский, Змеиногорский, Кузнецкий уезды и южная часть Томского уезда Томской губернии. На этой территории в настоящее время расположены Алтайский край, Республика Алтай, части Новосибирской, Кемеровской, Омской, Томской областей, восточная часть Республики Казахстан.

В XIX в. политическая ссылка на Алтай была представлена последовательно декабристами, членами Общества военных друзей, польскими участниками восстания 1830 – 1831 гг. и членами конспиративных польских организаций конца 30-х – нач. 40-х гг., революционными демократами 60-х гг., участниками восстания 1863 г. в Царстве Польском, народниками, членами первых рабочих организаций, польской партии «Пролетариат», марксистских кружков.

Источниковая база для изучения рассматриваемых вопросов достаточно широка и многообразна. Значительное количество документальных материалов сосредоточено в центральных и местных архивах (ГАРФ, РГВИА, РГИА, ГАОО, ГАТО, ЦХАФАК и др.), что подробно рассматривалось автором¹.

¹ Никулина И.Н. Источники по истории политической ссылки на Алтай в XIX в. // Проблемы источниковедения истории Сибири. Барнаул, 1992. С. 44-50.

Алтайский горный округ был собственностью царя, которая распространялась на земли, леса, недра Алтая. Этим объяснялось своеобразие положения, занимаемого округом, являвшимся, своего рода, государством в государстве со своей администрацией, хозяйственным и правовым укладом. Управление этой собственностью было вверено Кабинету, находившемуся в Петербурге и осуществляющему общее руководство. То особое положение, в котором находился Алтай, как входящий в состав земель Кабинета, и послужило причиной его закрытия для ссылки. На территории Алтайского горного округа ссылка была запрещена законами 1762, 1776 гг. и т.д.¹, т.е. запрет ссылки на Алтай получил свое законодательное оформление.

Однако все препоны, возводимые администрацией Кабинета, не могли полностью оградить округ от ссылки. В исключительных случаях ввиду различных обстоятельств, с учетом особого положения Алтая, сюда допускались политссылные. Ярким подтверждением этого явилась ссылка на Алтай декабристов и членов Общества военных друзей.

В настоящее время известно 5 декабристов: М.И. Муравьев-Апостол, С.М. Семенов, А.А. Фок, Н.Р. Цебриков, П. Иевлев и 3 члена Общества военных друзей в Белостоке И. Высоцкий, К. и Ф. Ордынские², которые были сосланы на Алтай в Бийск, Усть-Каменогорск и Бухтарминскую крепость.

Ссылкой декабристов преследовалась цель лишить их возможности влияния на русское общество, пресечь все проявления свободомыслия. В то же время ссылка порождала возможность влияния на местное население, просвещение народа, повышение его общей культуры. В этом отношении наиболее показательно пребывание в Бухтарминской крепости декабриста М.И. Муравьева-Апостола, занимавшегося медицинской, педагогической, научной деятельностью.

Алтайская ссылка декабристов и членов Общества военных друзей имела свои особенности, которые нельзя не отметить. Это прежде всего их разобщенность. Строгий полицейский надзор, отсутствие возможности свободного передвижения делали невоз-

¹ ПСЗРИ. Т. 15, № 11414; Т. 20. № 14462 и др.

² Подробнее см.: Никулина И.Н. Ссылные члены «Общества военных друзей» на Алтае // Алтайский сборник. Вып.18. Барнаул, 1997. С. 52-57.

можным общение ссылных друг с другом. Фактически отсутствуют сведения о каких-либо связях ссылных декабристов Алтая с другими декабристами, практически ничего неизвестно об их переписке, очевидно, не сохранившейся, а возможно и отсутствующей вследствие строгих политических ограничений. Отсутствие общения ссылных между собой объясняется еще одной особенностью алтайской ссылки – одновременностью и кратковременностью их пребывания на Алтае. Все они находились в разное и непродолжительное (не считая М.И. Муравьева-Апостола, отбывающего ссылку в Бухтарминской крепости с 1829-1836 гг.) время на Алтае, что, несомненно, затрудняло установление контактов друг с другом. Срок ссылки декабристов и членов Общества военных друзей различен – от 1,5 месяцев до 7 лет – период, в целом, непродолжительный в сравнении с 30-летним временем ссылки декабристов в Западной и Восточной Сибири и оставивших там яркий след. Однако сам факт их ссылки на Алтай, условия жизни, отношение к ним местных властей и жителей, их деятельность здесь представляют, бесспорно, немалый интерес для истории.

Из числа участников восстания 1830 – 1831 гг. в Царстве Польском на Алтае находились Адам Валичек, Селиверст Флерчик, Антон Ясковяк¹.

В конце 30 – начале 40-х гг. XIX в. была продолжена ссылка в Западную Сибирь участников конспиративных освободительных польских организаций и групп, среди которых были и неблагополучные в политическом отношении римско-католические священники, находившиеся на Алтае.

Согласно предписанию генерал-губернатора Западной Сибири от 23 декабря 1839 г., римско-католические ксендзы Анкудович, Шишко и Михайлович, Торчановский за хранение у себя возмутительного содержания бумаг, nepозволительную переписку и преступные речи были отправлены «под строжайший полицейский надзор»: Михаил Торчановский – в Барнаул, Антоний

¹ Герасимов Б. Ссылные поляки в Семипалатинской области (Краткий исторический очерк) // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества. Семипалатинск, 1918, Вып. 12. С. 22 – 24.

Анкудович – в Кузнецк, Павел Шишко – в Бийск, Андрей Михайлович – в Колывань¹.

Во второй половине XIX в. политическая ссылка на Алтай получила свое дальнейшее развитие. Этому способствовало дозволение от 15 марта 1862 г. найма в виде опыта на 3 года ссыльнопоселенцев для работ на удаленных золотых промыслах в Алтайский горный округ², которое затем было продлено положением Комитета министров от 4 февраля 1866 г.³ Хотя эти положения не касались непосредственно политических преступников, но тем не менее создавали определенную возможность проникновения ссыльных на территорию округа.

Как известно, с 1861 г. наблюдается бурный подъем освободительного движения, отражением которого явилась политическая ссылка как составная часть карательной политики самодержавия. В связи с этим в 60-х гг. XIX в. на Алтае появились ссыльные революционеры-демократы В.В. Берви-Флеровский, Л.П. Блюммер (Кузнецк), положившие начало массовой народнической ссылки 70-90 гг. XIX в., и поляки-участники восстания 1863 г. в Царстве Польском. По нашим подсчетам, в 60-х гг. XIX на Алтае находилось около 347 ссыльных. Безусловно, это не окончательные данные, определение численности ссыльных нуждается в дальнейшем уточнении и выявлении новых имен.

О подробностях пребывания В.В. Берви-Флеровского в Кузнецке известно благодаря дошедшим до нас воспоминаниям самого ссыльного и его жены⁴, в которых отмечалось сближение с польскими ссыльными в Кузнецке, давалась характеристика некоторых поляков. Важно отметить интерес поляков ко всему русскому. Именно этим объясняется чтение Берви в Кузнецке полякам лекций о русских социальных идеях. Здесь проявились научные интересы Берви. Известно, что он работал над статьей

¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18084. Л. 1-а, 1 об., л. 10, 10 об.; Подробнее см.: Никулина И.Н. О ссыльных польских ксендзах в Западной Сибири в 30 – 50-х гг. XIX в. / И.Н. Никулина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. 2005. Т. 4. Вып. 2. С. 94 – 98 и др. работы.

² 2-е ПСЗРИ. Т. 37. Отд. 1. № 38062.

³ Там же. Т. 41. Отд. 1. № 42977.

⁴ Берви В.В. Воспоминания // Голос минувшего. 1915. № 6-8; Берви Е.И. Из воспоминаний // Голос минувшего. 1915. № 7-8.

«Macht und Kraft» («Действие и сила»), занимался сбором материала для работы «Положение рабочего класса в России». Л.П. Блюммер, работая на золотых приисках в тайге, хорошо изучил быт и нравы местных промышленников, чиновников, искателей. По возвращению из ссылки в 1871 г., им было опубликовано в журнале «Заря» первое в России произведение о жизни золотоискателей – роман «Около золота»¹.

В 60-х гг. XIX в. значительную массу политических ссыльных в Сибири составляли участники польского национально-освободительного движения. На Алтае в этот период находились 345 ссыльных поляков. Из них в Барнауле было 54 чел., в Бийске – 156 чел., в Кузнецке – 62 чел., в Колывани – 51 чел., в Усть-Каменогорске – 22 чел., хотя в дальнейшем ссыльные поляки из Сибирского линейного батальона г. Барнаула были переведены в Усть-Каменогорск и Семипалатинск². Малочисленность польской политической ссылки на Алтае при сравнении с общим числом сосланных в Сибирь поляков³ очевидна, что обуславливалось, на наш взгляд, закрытием долгое время Алтайского горного округа для ссылки. Администрация Кабинета стремилась любыми путями отклонить водворение здесь ссыльных, о чем свидетельствует ряд документов⁴. Характерно, что среди ссыльных были представители разных сословий: дворяне, ксендзы, мещане, чиновники, крестьяне. Несомненно, все они находились под полицейским надзором. В целом, подробности их жизни на Алтае малоизвестны. Необходимо отметить, что после пожаров 1864 г. в Барнауле кабинетское начальство добилось перевода большинства польских ссыльных из Алтайского горного округа, либо перевода их из Бар-

¹ История Кузбасса. Ч.1. Кемерово, 1967. С.142.

² Подсчитано нами по: ГАРФ. Ф.109. 4 эксп. 1864 г. Д. 171. Л. 80-82; ГАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7784. Л. 14-24. Следует отметить, что ввиду частого перевода ссыльных с одного места жительства на другое точный подсчет достаточно затруднен.

³ Общее число сосланных в Сибирь поляков определяется различно. Так С.Ф. Коваль называл 22 тыс. чел., Л. Заштовт – 38 тыс. чел. (Коваль С.Ф. За правду и волю. Иркутск, 1966. С. 46.; Заштовт Л. Депортации и переселения польского населения из западных губерний вглубь Российской империи после Январского восстания 1863-1864 гг. // Польская ссылка в России XIX-XX вв.: региональные центры. Казань, 1998. С. 166).

⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 25. Д. 1391. Л. 9-10 и др.

наула, Бийска, Кузнецка в Усть-Каменогорск и Семипалатинск, «т.к. в этих городах число сосланных по политическим делам будет весьма незначительно, – поэтому, при хорошем устройстве тамошней полиции представляется возможность строгого надзора за ними»¹. Таким образом, местная администрация, используя любую возникающую возможность, стремилась избавиться от присутствия политссыльных в округе².

Среди поляков, отбывающих ссылку на Алтае, необходимо особо отметить врача Ц.И. Тэраевича, медицинская деятельность которого явилась выражением активной жизненной позиции³.

В революционных событиях Польши принимали участие русские военнослужащие царской армии, в т.ч. В.А. Монастырский, в 1862 г. переведенный на службу в 10 Сибирский линейный батальон Барнаула.

В целом, политссыльные 60-х гг. XIX в. не могли не оказывать определенного влияния на население Алтая, уже одним своим присутствием здесь привлекали к себе внимание. Для политической ссылки 60-х гг. характерен относительно высокий уровень культуры и образования. По воспоминаниям участника революционного движения 60-х гг. Л.Ф. Пантелеева, польская ссылка «... в огромном большинстве ... представляла высококультурный элемент»⁴. Значение польской политической ссылки определялось В.В. Берви-Флеровским одной фразой «они вносили с собой цивилизацию»⁵. Политическая ссылка 60-х гг. XIX в. на Алтае явилась характерным проявлением карательной политики правительства.

В 70-х гг. в стране резко увеличилось число репрессированных по обвинению в политической неблагонадежности и за пропаганду. Наиболее распространенной была ссылка внесудебная

¹ Там же. Л. 20.

² Подробнее см.: Никулина И.Н. Поляки-участники восстания 1863 г. на Алтае // Алтайский сборник. Вып. 16. Барнаул, 1995. С. 95-103; она же. Из истории пребывания поляков на Алтае (60-е гг. XIX в.) // Диаспоры. 2005. № 4. С. 83 – 98 и др. работы.

³ См.: Никулина И.Н. Ссылный врач Ц.И. Тэраевич (1833 – 1901) в Западной Сибири // *Lekarze polscy na Syberii od XVIII do XX wieku*. Łódź, 2008. S. 255 – 257.

⁴ Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. Л., 1958. С. 561.

⁵ Берви В.В. Воспоминания ... С. 113.

или административная без привлечения к суду. Следует отметить, что на Алтае также преобладала ссылка административным порядком (более 50% составляли административные ссылки). По нашим подсчетам, в 70-90 гг. XIX в. на Алтае в общей сложности находилось 106 человек. Из них в Барнауле проживало 37 ссыльных, в Бийске – 12, в Усть-Каменогорске – 48, в Кузнецке – 2, в Змеиногорске – 1, в Барнаульском округе – 1, в Кузнецком округе – 2, на ст. Алтайской Усть-Каменогорского уезда – 2, в пос. Ульбинском – 1¹. Поскольку на Алтай большинство ссыльных попадало в результате прошения переводом из других мест, размещение в городах обуславливалось рядом причин: лучшими условиями жизни, большими возможностями изыскать средства к существованию, заниматься активной общественной деятельностью: просветительской, научно-исследовательской, публицистической, медицинской.

В 70-х – 90-х гг. XIX в. ссылка на Алтай была представлена преимущественно народниками. Однако, наряду с ними, здесь находились и сосланные члены первых рабочих организаций (Г.В. Буряк, И.Г. Гаврилов и др.), марксистских кружков (П.П. Шатько, Д. Странден и др.), польской партии «Пролетариат» (С.С. Гросс, Л.Л. Ковальский и др.)².

Сословный состав политссыльных Алтая 70-х – 90-х гг. XIX в. был достаточно разнообразен. Значительную долю составляли дворяне (около 49%), мещане (около 22%), представители духовенства (около 13%), крестьяне (около 12%), купцы (около 4%)³. Не случайно, известный американский журналист и путешественник Дж. Кеннан, посетивший ссыльных Усть-Каменогорска, указывал на большое разнообразие «положений, которые они раньше занимали в обществе. Обе крайние ступени социальной лестницы имели здесь своих представителей: тут был один деревенский сапожник и одна кавказская княгиня, а

¹ При постоянных переводах ссыльных в основу определения места ссылки положена длительность пребывания на одном месте, а также значимость деятельности ссыльного в этом месте жительства.

² Подробнее см.: Никулина И.Н. Польские ссыльные 80-90 гг. XIX в. на Алтае // Алтайский сборник. Вып. 20. Барнаул, 2000. С. 44-47.

³ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 102. ДП-З. 1886 г. Д. 799. Л. 4-5; Деятели революционного движения в России. Т. 3. Вып. 2. М., 1934. Стб. 1547-1549 и др.

между этими двумя представителями всевозможных классов и интересов: врачи, юристы, помещики, писатели, аптекари, журналисты, студенты, офицеры и т.д. Большая часть из них были дворяне или принадлежали к привилегированным сословиям, некоторые обладали, действительно, из ряда вон выходящим образованием»¹.

Профессиональный состав политссыльных был достаточно пестрым. Из числа лиц, у которых удалось определить род занятий, были студенты, врачи, учителя, инженеры, рабочие, офицеры, чиновники, представители духовенства.

Политическая ссылка 70-х – 90-х гг. XIX в. на Алтае была многонациональной по составу. Здесь отбывали срок наказания русские, украинцы, грузины, немцы, поляки, евреи и т.д. Это еще раз подтверждает мысль о том, что борьба с общим врагом – самодержавием сближала представителей различных национальностей.

Среди политссыльных Алтая были представители различных вероисповеданий: православные, католики, лютеране. Вместе с тем значительное число ссыльных являлось атеистами: их переписка и воспоминания, как правило, не отражают подлинного отношения к религии и церкви.

В условиях ссылки, строгого полицейского надзора политссыльные искали и находили новые пути к активной общественной деятельности. Это нашло выражение в развертывании культурно-просветительской, научно-исследовательской, публицистической, медицинской деятельности, что, естественно, было сопряжено с отходом от активной практической революционной деятельности. В данных условиях встала острая необходимость пробуждения общественной активности населения, его просвещения, повышения общей культуры, на что и была направлена разносторонняя общественная деятельность политссыльных 70-х – 90-х гг. XIX в.

Следует отметить постепенное сближение ссыльных с либеральными чиновниками. На Алтае особенно наглядно это проявилось на примере службы ссыльных и местного чиновничества в управлении Алтайского горного округа, в их совместной деятельности в «Обществе попечения о начальном образовании», «Обществе любителей исследования Алтая».

¹ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. СПб., 1906. С. 124.

В соответствии с «Положением о полицейском надзоре» 1882 г. поднадзорным воспрещалась всякая педагогическая деятельность, чтение публичных лекций. Их могли допускать к письменным занятиям в правительственных и общественных учреждениях по найму, к врачебной, акушерской практике только с разрешения министра внутренних дел.

Однако эти правила соблюдались не всегда. Малочисленность местной интеллигенции, ужасающее состояние просвещения, нехватка грамотных людей, высокий образовательный уровень ссылных вызывали их широкое привлечение на Алтае в качестве педагогов, врачей, писцов и т.д.

Многие из ссылных, находившихся под надзором полиции, испытывая материальные затруднения, занимались частной медицинской и педагогической практикой, ремеслами, служили в купеческих конторах (А.Я. Сулин, П.В. Ровенский).

Часть ссылных работала по специальности, полученной на свободе. На Барнаульском сереброплавильном заводе трудились инженеры-технологи Ф.В. Олесинов и П.П. Шатко.

Многие ссылные занимались ремеслами. Среди них столяр А.А. Александров, кузнец О.Ф. Костюрин, сапожник Л.Л. Ковальский и т.д. Таким образом, ссылным было необходимо работать, т.к. не хватало средств к существованию, в то же время они видели в этом возможность сближения, установления контактов с местным населением.

В разносторонней деятельности политссылных проявилась, несомненно, их активная жизненная позиция в ссылке.

Одним из направлений деятельности политссылных на Алтае была культурно-просветительская работа, являющаяся, без сомнения, выражением мнения о решающей роли в переустройстве общества просвещения, распространения знаний среди населения. Именно в период ссылки в мировоззрении народников возросла доля просветительства, имеющего демократическую направленность, поскольку оно было связано с защитой интересов народных масс, борьбой с бескультурьем, безграмотностью. В просвещении народа, в повышении его общей культуры проявилась гражданская позиция ссылных.

Политссылные развернули активную культурно-просветительскую работу среди населения. Это нашло выражение прежде всего в их участии в деятельности «Общества попечения о на-

чальном образовании», основанном 7 октября 1884 г. в Барнауле по инициативе ссыльного В.К. Штильке. Общество ставило своей целью «ликвидацию неграмотности усилиями самих граждан при наименьшем вмешательстве административной власти»¹. Таким образом, уже в самой постановке вопроса имела место демократическая направленность.

Активными членами общества являлись ссыльные П.П. Шатько, Ф.В. Олесинов, А.А. Силин и др. Они делали регулярные вещевые и денежные пожертвования в пользу Общества, отдавали свои книги и журналы в фонд создаваемых библиотек. По инициативе Общества 15 сентября 1885 г. была открыта Нагорная школа, в 1896 г. – Зайчанская школа, в которых работали некоторые из политссыльных (М.Н. Крепыш и др.). Ссыльный М.О. Курский заведовал городской библиотекой и Народным домом Общества.

Несмотря на стремление правительства к изоляции политссыльных посредством запретов и ограничений, они занимались учительской деятельностью. Обучая грамоте, политссыльные несли новые знания, расширяя кругозор, поднимали культурный уровень населения. Преподаванием занимался В.К. Штильке, частные уроки давали П.В. Ровенский, Е.Г. Воронин, А.Н. Федоров, И.Е. Овсянкин, М.О. Курский и др.

Большое значение имело научное изучение Алтая политссыльными. В центре внимания исследователей находились вопросы переселенческого движения, крестьянской земельной общины, экономики округа, жизни и быта алтайцев и т.д. Чрезвычайно важно, что ссыльные одними из первых поставили эти вопросы и попытались их разрешить.

Значительным событием в общественной и культурной жизни Алтая явилось появление в 1890 г. историко-статистического сборника «Алтай», в который вошли работы ссыльных народников П.А. Голубева, И.Е. Овсянкина, Н.М. Зобнина, охватывающие все стороны жизни округа XIX в.² Инициатором его издания был П.А. Голубев.

¹ ЦХАФАК. Ф. 486. Оп. 1. Д. 19-а. Л. 59.

² Алтай. Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа, Томск, 1890. 436 с.

Научное изучение округа приобрело более систематический характер с созданием 27 октября 1891 г. при непосредственном участии ссыльных «Общества любителей исследования Алтая». Общество существовало исключительно на частные средства (членские взносы, пожертвования). Его целью являлось содействие возможно широкому изучению Алтая, собиранию материалов, его обработке и распространению. Результаты исследований помещались в неперiodическом издании Общества – «Алтайском сборнике», выходявшем с 1894 г. Следует отметить, что в настоящее время в Барнауле восстановлена традиция издания «Алтайского сборника».

Основная роль в этом начинании принадлежала политссылному С.П. Швецову, долгое время являвшемуся секретарем Общества, занимавшемуся тщательным исследованием крестьянской общины на Алтае. Активными членами Общества стали многие политссылные Барнаула Ф.В. Олесинов, П.П. Шатько, Н.Б. Шер, И.Е. Овсянкин и др. При Обществе были созданы библиотека и музей.

Будучи сотрудником статбюро Главного управления Алтайского горного округа, Швецов являлся инициатором статистических исследований с целью наиболее углубленного изучения Алтая, в которых участвовали многие члены Общества. В 1891-1893 гг. им было произведено статистическое обследование арендного хозяйства округа, в 1894 г. производилось сплошное подворно-статистическое обследование крестьянского и инородческого хозяйства округа, в 1895 г. проведена однодневная перепись Барнаула и т.д.¹

Подтверждением научно-исследовательской работы ссыльных Алтая явилось их участие в деятельности Семипалатинского статистического комитета, созданного в 1878 г., занимавшегося изучением географии, истории, экономики края, обработкой сведений, полученных в результате исследований. Первым секретарем комитета был ссыльный Е.П. Михаэлис. В работе комитета

¹ Подробнее см.: Никулина И.Н. С.П. Швецов – исследователь Алтая // Наука. Техника. Образование.: Межвузовский сборник научных трудов. Барнаул, 1998. С. 316-321.

активно участвовали политссыльные С.С. Гросс, А.А. Леонтьев, Н.И. Долгополов, А.В. Бяловеский и др.¹

В целом, значение научного наследия политссыльных 70-х – 90-х гг. XIX в. для Алтая очевидно. В их работах собран и обобщен богатый фактологический материал по вопросам крестьянской общины, переселенческого движения, положения рабочих, коренного населения Алтая, не утративший своей ценности и сейчас. Уже сама постановка названных проблем, несомненно, определяла пути дальнейших углубленных исследований. Деятельность ссыльных способствовала накоплению информации по тем или иным вопросам, формированию научных интересов, привлечению передовых слоев населения к исследованию Алтая, пробуждению потребности к знаниям и тем самым оживлению общественной жизни региона.

Политссыльные активно участвовали в периодической печати. Самой доступной формой участия явилось написание корреспонденций в газеты. Отметим, что корреспонденции ссыльных были часто анонимными или писались под псевдонимом, тем не менее, они представляли огромный интерес для населения, не привыкшего к подобного рода печатным выступлениям. Ссыльные сотрудничали в различных изданиях Сибири: в «Сибирской газете» помещали свои корреспонденции Е.П. Михаэлис, А.Л. Блек, А.А. Александров, А.В. Бяловеский, П.А. Голубев и др., в «Восточном обозрении», «Сибирском листке» – В.К. Штильке, С.П. Швецов и т.д. Обращение к нуждам края, постановка злободневных проблем, обобщение научной информации по конкретным вопросам в печати было тем новым, что привлекало внимание населения, пробуждало его гражданскую активность, вносило оживление в общественную жизнь Алтая. Несомненно, участие политссыльных края в сибирской печати свидетельствовало о том, что Алтай не был изолирован от контактов и связей с др. городами – Омском, Томском, Тобольском, Иркутском и, очевидно, с находившимися в них ссыльными.

¹ Подробнее см.: Никулина И.Н. Алтай в исследованиях польских ссыльных второй половины XIX в. Россия – Польша: филологический и историко-культурный дискурс: сборник статей участников междунар. науч. конф. (Магнитогорск, 18 – 19 ноября 2005 г.). Магнитогорск, 2005. С. 96 – 98.

Стремясь принести пользу людям, многие ссылкине занимались медицинской практикой. В этом также проявилась их активная общественная позиция. Однако, опасаясь их влияния на местное население, правительство всячески старалось препятствовать этому, о чем уже упоминалось выше («Положение о полицейском надзоре» 1882 г.). Тем не менее, недостаточная обеспеченность медицинскими кадрами, высокая заболеваемость населения, вынуждали местные власти делать исключения из правил. В Барнауле оказывали медицинскую помощь С.В. Мартынов, И.И. Березин, А.В. Быстрицкий, в Усть-Каменогорске работал в аптеке ссылный В.Л. Иньков¹. В целом, медицинская помощь населению рассматривалась ссылными как исполнение своего долга, стремление оказать помощь всем нуждающимся посильными средствами.

Под влиянием политической ссылки в Сибири возникали кружки пропагандистского направления. Однако фактические данные, свидетельствующие о наличии антиправительственных кружков ссылных на Алтае, практически отсутствуют. Есть сведения о существовании в Барнауле нелегального общества «Красного Креста», созданного для оказания нравственной и материальной помощи ссылным в Сибири, куда входили В.К. Штильке, Ф.В. Олесинов, П.П. Шатько, И. А. Юферов и др., кружков В.К. Штильке, И.А. Юферова². Однако, на основании сохранившихся архивных данных, трудно судить о какой-либо революционной пропаганде, проводимой этими кружками.

Подводя итог вышеизложенного, следует подчеркнуть, что политическая ссылка на Алтай явилась прямым отражением российского освободительного движения XIX в., частью общероссийской политической ссылки, являвшейся одним из средств расправы правительства со своими политическими противниками. Пребывание политических ссылных на Алтае в XIX в. имело огромное положительное значение в области развития просвещения, культуры, медицинского обслуживания, научного изучения региона.

¹ Подробнее см.: Никулина И.Н. Медицинская деятельность политических ссылных XIX в. на Алтае. // Проблемы общественно-политической и культурной жизни Сибири (XIX в.). Барнаул, 1992. С. 75-83.

² Очерки истории Алтайского края. Барнаул, 1987. С. 164.

В целом, история политической ссылки на Алтай включает широкий диапазон разнообразных проблем, все более расширяющихся в связи с введением в научный оборот новых источниковых материалов центральных и сибирских, а также зарубежных архивов. В связи с этим очевидна необходимость широкого сотрудничества ученых, благодаря которому возможно освещение неизученных и малоизученных сторон данной темы.

*Андреев В.М.,
Чувашова Е.И.*

**Террористические акты и экспроприации ссыльных
анархистов Восточной Сибири
как одна из форм борьбы против политики,
проводимой сибирской администрацией
по отношению к ссыльным
(1907 – февраль 1917 гг.)**

В условиях революции 1905–1907 гг. организация и осуществление террористических актов и экспроприаций были важной составной частью борьбы российских анархистов с самодержавием. В отличие от эсеров, учитывавших при проведении тактики террора общую политическую ситуацию, анархисты продолжали применять террористические методы борьбы на протяжении всех периодов своей деятельности. Тяга к террору и экспроприациям спланировала анархистов всех разновидностей и направлений: от «чернознаменцев» и «безначальцев», проповедовавших использование террора в качестве агитации и для устрашающего эффекта, до анархо-синдикалистов, видевших в терроре метод борьбы лишь с крупными, видными врагами народа.

Не стала исключением и анархистская ссылка, в составе которой 34 анархиста из 191 были высланы, в том числе и за участие в подготовке террористических актов, а 37 – за участие в экспроприациях и вымогательстве денег¹.

¹ Подсчитано автором по материалам ГАИО, ГАКК, ГАРФ, КЦХИДНИ, справочника «Политическая каторга и ссылка...».

Объектами экспроприаций, осуществляемых ссыльными анархистами, становились банковские конторы, монастыри, крупные предприятия, частные лица. Террористические акты планировались, как правило, в отношении тюремщиков и жандармов, «наиболее выдающихся своей деятельностью розыскных членов полиции»¹. В число приговоренных к смерти попадали и высшие должностные лица: начальник Нерчинской каторги Метус², генерал Селиванов, занимавший в 1909 году пост Иркутского генерал-губернатора³, военный губернатор Забайкальской области генерал Кияшко⁴ и другие.

В отличие от экспроприаций, осуществлявшихся в большинстве своем бескровно и стихийно, террористические акты всегда имели под собой политическую основу и являлись актами мщения тому или иному лицу за жестокое обращение с арестованными или ссыльными, тщательно планируемыми и осуществляемыми.

Отдельные группы, пошедшие по пути террора, не останавливались после совершения убийства, а продолжали свою деятельность до тех пор, пока не были ликвидированы. Но и после арестов те, кому по счастливой случайности удавалось остаться на свободе, продолжали начатое дело.

Так, возникшая в Чите в 1906 г. смешанная анархистско-эсеровская группа, в состав которой входили как местные жители, так и ссыльные, известная под названием «Забайкальской федерации групп вооруженного народного восстания» до своей ликвидации в декабре 1906 года сумела организовать убийство полицмейстера г. Читы Гарпинченко. В апреле 1907 года избежавшие ареста члены группы провели еще два террористических акта: против пристава Сомова и городского Васева. В сентябре того же года в Чите ими было осуществлено покушение на ротмистра Корпуса жандармов Н. Покровского⁵.

Однако подобный «размах» террористической деятельности был не характерен для большинства групп ссыльных анархистов. Чаще всего о планируемых убийствах становилось известно

¹ ГАРФ. Ф.102. Оп. 243. Д. 12. Ч. 27. Л. 12.

² ГАРФ. Ф.102. Оп. 237. Д. 12. Ч.76. Л. 6.

³ Там же. Оп. 239. Д. 12. Ч. 27. Лит. А. Л. 4.

⁴ Там же. Оп. 243. Д.12. Ч. 27. Лит. В. Л. 2.

⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 12. Ч. 76.

полицейскому задолго до их осуществления, либо бомбы взрывались раньше положенного времени¹.

Тем не менее, значительное число анархистов, активно действовавших на протяжении 1907 – февраля 1917 гг. на территории Восточной Сибири, продолжало видеть в терроре действенное средство борьбы за свои права. Издававшийся в 1908 году в городе Харбине дальневосточной группой анархистов-коммунистов журнал «Анархист», распространявшийся также и среди части Восточно-Сибирских анархистов, открыто говорил о том, что «необходимость терактов открыта не нами. С незапамятных времен люди прибегали к этому средству как раз тогда, когда им было нужно отвечать на насилие капитала и власть имущих. Это всегда служило как средство самозащиты угнетенных против угнетателей»². Ему вторили и многие красноярские анархисты, утверждавшие в 1912 г. необходимость насилия, «ибо террор создает настроение и подражание»³.

Аналогичной точки зрения придерживались в 1913 г. Черемховские, Зиминские, Киренские, а в 1914 г. часть Иркутских анархистов-коммунистов, видевших центр тяжести анархистской работы в терроре и рекомендовавших направлять главные силы на осуществление террористических актов⁴.

Вместе с тем, ни один из анархистов как теоретиков общероссийского масштаба, так и простых членов местных групп, не рассматривал и не подготавливал политических убийств лишь из желания отомстить частному лицу, оскорбившему или унижившему его.

Несмотря на то, что многие приходили к анархистам, подавись желанием отомстить вполне конкретным людям, им удавалось потушить свои разрушительные инстинкты, либо направить их на общее благо. Вопреки многочисленным декларациям анархистских организаций о том, что террор признается как равноправная с агитацией и пропагандой форма анархистской работы, ни один из тех, кто сколько-нибудь верил в анархистскую идею, не запачкал себя кровью, подавшись ненависти к своему личному врагу, пренебрегая при этом интересами всего анархи-

¹ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 286 (а). Л. 22.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 241. Д. 12. Ч. 27. Л. 3.

³ Там же. Оп. 242. Д. 12. Ч. 25. Лит. Б. Л. 43.

⁴ Там же. Оп. 243. Д. 12. Ч. 27. Л. 17; оп. 244. Д. 12. Ч. 27. Л. 20 и др.

стского окружения. Не случайно «безначальцы», «безмотивники», «махаевцы» и им подобные не получили распространения в ссылке. А их безудержная проповедь насилия ради насилия была отвергнута ссылкой, отдавшей предпочтение анархистам-коммунистам, видевшим в терроре акт суровой и жестокой необходимости, но не возможность «создать настроение и вызвать подражание»¹. В противном случае Сибирь была бы залита кровью, так как и здесь было немало тех, кто вызывал неприятие и ненависть окружающих своим отношением к людям, а смелости и отчаянности анархистам было не занимать. Наряду с осторожными существовали и такие, кто свято верил в то, что «разрушая и кидая бомбы,.. становясь жертвой или победителем, мы неудержимо стремимся вперед»².

Все же, несмотря на «кроважидные устремления» части анархистов, террор не был нормой анархистской жизни, а скорее всего, событием чрезвычайным, особенно в среде политссылных.

Что касается причин увлечения террором рядовых членов некоторых ссыльных анархистских организаций, то их следует искать, прежде всего, в условиях жизни как на воле, так и в местах поселений. Осознание безысходности положения, невозможность выйти из замкнутого круга бедности, унижений, голода и лишений честно работая, стремление изменить условия жизни любой ценой, рождали в человеке недовольство существующим порядком. Утрата надежд на улучшение жизни, бесплодность всех попыток поправить создавшееся положение, вели к замене всех человеческих чувств, желаний, стремлений, ненависти ко всему, что окружало личность, что было недоступно в силу того, что от рождения ей было суждено быть «рабом», а не «господином». Ненависть порождала готовность убивать, брать силой все, что хотелось бы иметь.

Анархизм, сплотивший в своих рядах самых «униженных и оскорбленных», признавал за ними право отвечать силой на жестокое с ними обхождение. Ибо в силу происхождения и личностных особенностей ни М.А. Бакунин, ни П.А. Кропоткин, ни более «мелкие» идеологи анархизма, даже осознавая всю пагубность террористических актов, не могли отказать обездоленным

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 242. Д. 12. Ч. 25. Лит. Б. Л. 44.

² ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 1012. Л. 8.

людям в возможности совершать акты возмездия. Отвергнуть их значило бы предать простых тружеников, перейти на сторону имевших деньги и власть. Для теории анархизма оставалась лишь одна возможность: не отвергая полностью, попытаться смягчить негативные последствия террористических актов, избежать напрасных жертв.

Рассмотрение отношения анархистской ссылки к террору было бы неполным без учета мнения тех немногих анархистов, кто выступал против использования террористических актов в практике анархизма.

В числе упоминавшихся красноярских анархистов (1912 г.) были и такие, кто воспринимал террор как устаревшую, несвоевременную форму политической борьбы, игравшую на руку властям, но не анархическому движению, вырывая из его среды самых стойких и проверенных бойцов¹.

Существовали и другие мотивы отказа от его использования. Иркутская организация «Свободных анархистов» (1911 г.) вслед за своим лидером П. Ерыгиным также считала, что террор не достигает цели, так как уничтожает людей, но не экономическую базу эксплуатации. Поэтому политические убийства равносильны самоубийствам, так как не способны никого освободить, или просто улучшить условия труда, жизни².

Были и такие, кто, не отвергая полностью возможность применения террора в анархистской работе, все же считали, что «анархизм не заключается исключительно в акте гипнотизации представителей капитала инструментами террора. Это лишь небольшая тактическая сторона жизненного отношения к государству и капиталу индивида с анархическим мировоззрением»³.

Несмотря на различное отношение к возможностям использования террористических актов, для сибирской анархической ссылки было все же не типичным массовое их применение. Террор, как правило, оставался лишь на уровне «теоретических» обсуждений и почти не внедрялся в практику, что было связано, по всей видимости, с развитием революционной ситуации, как в самой Сибири, так и во всей Российской империи.

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 242. Д. 12. Ч. 25. Лит. Б. Л. 43.

² Там же. Оп. 241. Д. 12. Ч. 27. Л. 3.

³ Там же. Оп. 242. Д. 12. Ч. 27. Лит. Б. Л. 2.

В тесной связи с проведением актов террора находится и «тюремный» вопрос.

Пройдя через жестокое обращение на каторге и в тюрьмах, многие ссыльные анархисты воспринимали беды товарищей, оставшихся в заключении, как свои собственные. Они не могли пройти мимо того, что «в тюрьмах и сейчас жизнь наших товарищей сведена к нулю, значение их личности просто растаптывается»¹.

Не случайно, наряду с прямой подготовкой политических убийств, в анархистской среде получили распространение записки с угрозами, направлявшиеся в адрес того или иного лица, славившегося особой жестокостью.

Типичным примером подобного «послания» может служить письмо, отправленное в 1910 году от имени Красноярской группы анархистов-коммунистов смотрителю Красноярской губернской тюрьмы: «...Предупреждаем тебя, что до нас дошли жалобы товарищей-арестантов; твой деспотизм напоминает Смирновский. Помни, что на свободе есть люди, способные встать на защиту угнетенных. Еще одна жалоба, и ты отправишься по пути деспота Смирнова»². Как правило, подобные угрозы были малодейственны, как и прямые убийства. На место одного «тюремщика» приходил другой. А положение арестованных если и менялось, то отнюдь не в лучшую сторону. Все это приводило к тому, что часть анархистов начинала сомневаться в правильности избранной тактики. Применительно к «тюрьмам» это выразилось в том, что, не отрицая возможности использования насилия для облегчения участи арестованных, отдельные анархисты в качестве альтернативы выдвигали ведение пропаганды среди народа с тем, чтобы он, узнав, что делается в тюрьмах, «восстал бы единодушно против величайшего позора русской жизни и так или иначе, добром или силою, освободил бы своих детей»³.

Начавшееся понимание того, что террористические акты способны приносить определенную пользу анархистскому движению лишь в периоды наивысшего подъема революции сыграло, вероятно, немалую роль в том, что разрабатывавшиеся планы покушений, особенно после 1910 года, так и оставались нереализованными.

¹ ГАРФ. Ф.102. Оп. 241. Д. 12. Ч. 27. Л. 3

² Там же. Оп. 240. Д. 12. Ч. 25. Лит. А. Л. 2.

³ Там же. Оп. 244. Д. 12. Ч. 27. Л. 5.

зованными не только по причине ликвидации групп, но и из-за «нежелания» самих разработчиков.

В отличие от террористических актов, носивших явно выраженную политическую направленность, экспроприации, как правило, осуществлялись с целью поправить свое материальное положение, добыть денег для ведения партийной работы.

Относительно общего числа экспроприаций, совершенных ссыльными анархистами за период с 1907 по февраль 1917 гг. можно отметить, что вести подсчет достаточно сложно, так как из-за недостатка сведений порой трудно определить был ли осуществлен тот или иной «экс». Тем не менее, автору удалось выделить 25 попыток экспроприаций, часть из которых была доведена до конца, другая – пресечена полицией в самом начале¹.

Среди ссыльных анархистов-экспроприаторов Восточной Сибири выделяются два направления. Первое составляют «идейные анархисты». Для них экспроприации не были основным видом деятельности. Организации, создаваемые ими, имели своей целью пропаганду идей анархизма в массах и отстаивание интересов ссыльных анархистов среди других «политических». «Эксы» служили для них источником средств, необходимых для начала партийной работы.

Второе направление представлено анархистами-грабителями и включает в себя наиболее шаткую часть анархистов: бывших «эксистов», грабителей-шантажистов, иногда уголовников. Организации, создаваемые ими, были непрочны и малочисленны. Как правило, совершив экспроприацию, анархисты стремились затаиться в местах поселений и жить спокойно до тех пор, пока не кончатся украденные средства. Большинство экспроприаций осуществлялось при отсутствии каких-либо политических лозунгов, либо прикрывалось необходимостью добыть денег для побега. В это число входят и анархисты-одиночки, действовавшие на свой страх и риск, но прикрывавшиеся при этом именем какой-либо анархистской организации.

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 409, 424, 713, 818, 838, 1232; ф. 245. Оп. 1. Д. 1562; ф. 601. Оп. 1. Д. 119; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 239. Д. 12. Ч. 17. Лит. А; оп. 240. Д. 12. Ч. 27. Лит. Б; оп. 242. Д. 12. Ч. 25. Лит. Б; оп. 243. Дд. 12. Ч. 25. Лит. Б, 12. Ч. 27; ГАКК. Ф. 42. Оп. 3. Д. 165; ф. 827. Оп. 1. Д. 91, 119, 612.

Граница, разделяющая эти два направления, весьма условна, так как ряд «идейных» анархистов (в 1908, 1910 гг. в Красноярске, в 1909 г. в Чите, в 1912 г. в Тулуне, в 1913 г. в Черемхово и других местах) начинали свою деятельность с объявления целей и задач группы, за которыми немедленно шла экспроприация.

Примером подобной деятельности может служить ограбление Знаменского мужского скита в 1907 году.

В апреле 1907 г. в Красноярск прибыло двое молодых людей, назвавшихся «Николаем» и «Василием», которые стали вести агитацию среди рабочих с целью создания группы анархистов-коммунистов. По данным одного из информаторов местной охраны, группа состояла из 30 человек, по другим сведениям – из 15-ти¹. На наш взгляд, вторая цифра более соответствует истине, так как всего по делу об ограблении было привлечено 10 человек², которые и составляли собственно всю организацию.

В отличие от большинства других групп экспроприаторов, не интересовавшихся никакой политической деятельностью, красноярские анархисты для обсуждения вопросов об организации группы провели несколько собраний в роце за Николаевской слободой. Целью этих собраний была попытка решить проблемы обзаведения конспиративной квартирой, складом для оружия и нелегальной литературы, оборудования своей типографии. На этом, собственно, и кончилась их политическая работа. Вместо того, чтобы пойти по пути развертывания агитационно-пропагандистской работы среди местного населения, организационного оформления группы, решения теоретических проблем движения и практических нужд членов организации, они обратили свой взор к экспроприациям как к единственно возможному и необходимому в данных условиях способу деятельности.

Стремясь сделать свое мероприятие максимально успешным, анархисты попытались позаимствовать оружие у партии социалистов-революционеров. Представители группы вступили в переговоры с членами существовавшей в тот период в Красноярске организации эсеров, которые первоначально согласились уступить свою запасную типографию за 260 рублей и снабдить анархистов оружием. Последние, в свою очередь должны были уделить им определенный процент с общей суммы награбленно-

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 12. Ч. 16. Л. 3.

² Там же. Л. 4.

го имущества. На это анархисты не согласились. И между ними и социалистами-революционерами произошел разрыв настолько серьезный, что последние отказались признавать анархистов за политическую партию.

После этого группа стала собирать сведения о возможности что-либо выгодно экспроприировать и скоро остановилась на нападении на Знаменский мужской скит, расположенный в 35 верстах от Красноярска.

По полученным ими данным настоятель монастыря был человеком богатым, хранившим в укромном месте в монастыре все свои деньги. В начале мая 1907 г. группа, вооруженная револьверами, совершила нападение на скит, в результате чего были ранены сторож и хлебник скита, иеромонах Успенского монастыря Иннокентий и урядник Я. Попов.

К огромному сожалению нападавших, основной цели им достичь не удалось. Несмотря на тщательный обыск и расспросы отдельных монахов и служителей монастыря, денег найти не удалось.

Более того, сразу после ограбления, узнав, что урядник не убит, а только ранен, и что он и монахи прибыли в город для опознания и задержания грабителей, члены группы решили разъехаться на время из города. Однако полиция, зная к тому времени практически всех участников дела, произвела обыски и арестовала Митрофана Бирюкова (он же Ланцев Павел), Мирона Самарцева, Георгия Самарцева, Ивана Батракова, Ивана Красильникова (он же Василий Блохин), Семена Кувалдина (он же Сергей Пеец). Четверем участникам удалось скрыться: Игнатию Бубнову, Ивану Тимофееву, Игнатию Бурову и Овчарову.

Одной из особенностей красноярской группы было то, что в отличие от других организаций, сформированных в основном беглыми ссыльнопоселенцами, не имевшими никаких средств к существованию и не способными в силу различных причин найти работу, ее члены работали на железной дороге, либо являлись жителями Енисейской губернии¹, то есть имели достаточно стабильный источник существования и пользовались всеми преимуществами свободных граждан, даже несмотря на то, что часть была беглыми ссыльнопоселенцами.

¹ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 119. Л. 67; там же. Д. 612. Лл. 15, 17-19; 21-25; 59; 60; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 12. Ч. 16. Лл. 24, 39.

Сложно понять, что толкнуло большинство из них на участие в грабеже. Скорее всего, просто желание улучшить свое материальное положение. При обысках, проведенных на квартирах подозреваемых, не было найдено практически ничего, что бы указывало на их принадлежность к анархистской организации. Вместо обычного набора «идейных» групп: документов, организационно оформлявших создание группы, информировавших о ее целях, задачах, принципах, нелегальной анархистской литературы, анархистской переписки и т. п., – добычей полиции стали лишь объявление о желании вступить в анархисты и записка с подписью «К» (Красноярская) «Г» (группа) «А» (анархистов)¹. Можно, конечно, предположить, что, в ожидании возмездия за грабеж, наиболее важные документы были уничтожены, но тогда невольно возникает вопрос: почему, успев полностью уничтожить улики, анархисты не сумели обезопасить самих себя?

После совершения «экса» группа планировала организовать еще ряд крупных экспроприаций, пополнив для этого свои ряды смелыми и опытными экспроприаторами из числа эсеров. Характерно, что и после ограбления анархисты, хотя и ставили своей задачей начать пропаганду идей анархизма среди местных жителей, по-прежнему делали ставку на самих себя или на представителей родственных партий. Отсутствие желания и потребности перейти от грабежей к политической деятельности объяснялось, по-видимому, тем, что организаторы имели чрезвычайно слабую теоретическую подготовку, подтверждением чему может служить письмо, отобранное при обыске у одного из них: «Вы хотели ехать в Россию, так я Вам заранее скажу, что там нужны люди с известными установками, ясно установившимся мировоззрением и положительными, а не сумасбродами, нахватавшими верхов. Поэтому самое лучшее, что я Вам советую сделать – это забраться в глушь, так как Вы нелегальный, найти какую-нибудь работу и в то же время как следует поучиться и почитать. Можете взять...мою книгу «Кульчицкий. Современный анархизм» в полное владение»².

Таким образом, несмотря на попытки прикрыть грабеж политическими идеями и лозунгами, лица, совершившие экспро-

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 12. Ч. 16. Л. 4.

² Там же. Л. 21.

приаию скита, оказались по сути своей обыкновенными грабителями.

После ареста большинства из них те, кто сумел остаться на свободе, разъехались по разным местам, единицы вступили в боевую дружину партии эсеров.

Совместная деятельность и взаимопомощь членов партии эсеров и анархистов не были чем-либо чрезвычайным. Общность форм и методов борьбы обуславливала тесную связь между ними. Нередко у анархистов, особенно идейных, при обысках обнаруживались документы, принадлежавшие эсерам. Так, у вышеупомянутой группы красноярских экспроприаторов в качестве напоминания о возможном сотрудничестве остались гектографированная программа социалистов-революционеров, прокламация «1-го Мая» и на ней возражения социалистов-революционеров по поводу взглядов анархистов, ряд изданий эсеровской партии¹.

Члены обеих групп в разные периоды принимали участие в акциях, организуемых одной из сторон. В случае разгрома организации уцелевшая часть вливалась в ряды «братьев по оружию»².

Аналогичными способами действовали и другие анархисты, решавшиеся на экспроприации. Процесс формирования анархистских групп строился, казалось, по строго заданной схеме: общее собрание анархистов, на котором осуществлялся выбор объекта экспроприации, обговаривались время и место действия; установление связей с кем-либо, работавшим там, где предполагался «экс»; проведение «экса» и ликвидация группы. Характерно, что ни одной политической группе ссыльных анархистов не удалось воспользоваться деньгами, полученными в результате ограбления. И дело было даже не в наличии провокаторов в анархистских организациях. Осуществление «эксов» проходило столь шумно и открыто, что полиции трудно было не заметить сам факт анархистской деятельности. Кроме того, экспроприаторы оставляли после себя массу улик, начиная от трупов и кончая свидетелями, знавшими «эксиситов» не только в лицо, но порой и по имени³.

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 12. Ч. 16. Л. 4.

² Там же. Лл. 4, 15, 39; оп. 240. Д. 12. Ч. 27. Лит. Б. Л. 6; оп. 241. Д. 12.

³ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 427; ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 91 и др.

Иногда доходило и до курьезов. После ограбления Зиминской почтовой конторы (1913 г.) его участники, преследуемые полицией, побежали в тайгу, где сумели зарыть большую часть денег. Благополучно избежав преследования, члены группы попытались найти зарытые деньги, но так как впопыхах плохо запытали место, то «клад» отыскать не удалось¹.

В поиске причин широкого распространения экспроприаций в деятельности российских анархистов в течение всего периода их истории исследователи анархистского движения нередко большую часть «вины» перекладывают на теории М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина, видя в них основной источник анархистского зла и насилия.

На наш взгляд, причины «эксов» кроются гораздо глубже. Особенно в отношении ссыльного сибирского анархизма. На развитие «экспроприаторства» в анархистской среде большое влияние оказали социальное происхождение ссыльных анархистов, их прежний «боевой опыт» и, конечно, те условия жизни и быта, в которых они очутились, то отношение к ним со стороны местных представителей власти, которое не позволило им адаптироваться среди крестьянского населения.

Что касается М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина, то их «вина» заключается в том, что они не сумели ясно выразить в своих работах суть того, что они подразумевали под экспроприациями. Наряду с отрицанием актов грабежа и насилия, последующей задачи награбленного, П.А. Кропоткин говорил о том, что задача экспроприаций, то есть возврата обществу того, что принадлежит ему по праву, не может быть решена законодательным путем. Экспроприировать нужно все то, что «дает возможность кому бы то ни было присваивать себе чужой труд»².

Без основательной теоретической подготовки, вне соотнесения с общим контекстом всего наследия князя Кропоткина эти и подобные им фразы становились сигналом к действию, призывом к развязыванию насилия и погромов. Раз невозможно законным образом вернуть награбленное, то оставался лишь один возможный путь – отобрать силой. Кроме того, своеобразным оправданием служило и то, что экспроприированные средства планировалось использовать на ведение партийной работы,

¹ Там же. Д. 708. Л. 17.

² Кропоткин П.А. Хлеб и воля. – М., 1917. – С. 18-19, 50.

помощь нуждающимся анархистам и т.п., то есть заранее как бы происходило то перераспределение богатства, которое было обещано в будущем, а экспроприаторы были полностью лишены какой бы то ни было корысти и действовали во благо обездоленных и неимущих. Для рядового же анархиста, которому по сути были чужды и неинтересны размышления анархизма о туманном будущем, экссы были, конечно, не способом приближения желанного «царства свободы», но возможностью поправить свое тяжелое материальное положение, решить хотя бы одну из нелегких проблем сегодняшней жизни. Не случайно в анархистской среде было немало людей, причастных в той или иной степени к актам грабежа, вымогательства, подделки денег и т.п. Ведь анархистская теория давала всем им «отпущение грехов», выступая за уничтожение личных привилегий, индивидуальной собственности, наследственного права, что должно было привести в конечном итоге к торжеству экономического, политического и социального равенства.

Для человека, неискушенного в политической фразеологии, подобные идеи, сопровождаемые лозунгами свободы и справедливости, превращались в призывы «грабь награбленное», которые он и воплощал в жизнь с большей или меньшей долей успеха.

Лишь немногие могли оценить и понять, что вред, наносимый такой «работой» всему анархическому движению несоизмерим с теми немногими положительными результатами, которые достигались порой ценой жизни не только «грабителей-капиталистов», но и самих анархистов, а то и просто случайных людей. К числу таких анархистов относились члены Благоевщенской группы анархистов-коммунистов, имевшие связи с анархистами Забайкалья. В 1909 г., в период жестоких расправ с инакомыслящими и попыток последних осмыслить причины своих неудач, их журнал «Затишье» рекомендовал отойти от использования тактики экспроприаций, так как «экспроприации не есть революционное средство борьбы с существующим капиталистическим и конституционным строем... Экспроприация принесла громадный вред для анархического дела в России»¹.

Единственную возможность заронить зерно анархизма на сибирскую почву противники экспроприаций видели в организа-

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1224. Лл. 39-40.

ции серьезной пропаганды и агитации, способной привлечь в ряды ссыльных анархистов новые силы. К сожалению, таких было во много раз меньше, чем призывавших к экспроприациям или просто оправдывавшим их применение ради последующей работы.

Помимо групп, прикрывавших экспроприации политическими лозунгами, «эксы» совершались и «чистыми» грабителями, которых можно выделить в основном по материалам дел, сохранившихся в фондах местных охранных отделений. От других анархистов-экспроприаторов их отличает полное отсутствие связи с анархизмом. Совершая свои действия, члены подобных образований даже не пытались подкрепить их анархистскими лозунгами, и подчас были настолько далеки от анархизма, что установить их принадлежность к этому течению можно лишь исследуя политический состав группы. Как правило, в нее входили лица, чей «политический багаж» ограничивался чисто уголовными статьями. Наряду с ними, разбавляя «уголовную» среду, соседствовало 1-3 человека, высланных за участие в экспроприациях в составе анархистских организаций. Очевидно, наличие подобных «анархистов» и было тем основанием, которое позволяло полиции отнести всю группу к разряду анархистских. Наибольший интерес в связи с деятельностью анархистов-уголовников представляют дела, связанные с группой грузин, действовавших на территории Иркутской губернии и Забайкалья, в которых нередко упоминается имя будущего героя гражданской войны Нестора Каландаришвили.

Так, в декабре 1909 года Читинская группа анархистов, связанная с харбинскими анархистами, но страдавшая известной болезнью всех политических организаций – отсутствием денег – пыталась установить связь с другими анархистами или близкими им по духу людьми, в том числе и с Н. Каландаришвили, с целью совместной добычи денег с помощью шантажа. Затем, выехав в Читу, группа планировала провести здесь и впоследствии в Харбине еще несколько «эксов»¹.

По свидетельству одного из корреспондентов выходившей в Иркутске газеты «Сибирские вести», в ноябре 1912 г. Н. Каландаришвили был передан суду по обвинению в получении с группой лиц в 1908 г. по подложным документам крупной де-

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 409. Л. 15.

нежной суммы из Управления Забайкальской железной дороги и Государственного банка. Несмотря на то, что ряд участников судебного процесса указали на него как на члена группы, виновным он себя не признал и был оправдан за недоказанностью обвинения¹.

Новый виток деятельности Н. Каландаришвили приходится на 1913 – 1914 гг. В течение ноября-декабря 1913 г. группа грабителей в составе В. Дугладзе, М. Мардалишвили, А. Тарамашвили, Г. Чхеидзе, Г. Урушадзе и других лиц планировала крупные экспроприации денег, предназначенных для отправки из Иркутска в уезд; накапливаемых в конторе фабрики Перевалова для выдачи рабочим; а также имеющихся у иркутских купцов. Этой же группой было осуществлено убийство купца Метелёва. Во всех делах, по свидетельству местных правоохранительных органов, принимал участие Н. Каландаришвили².

Арестованный в конце 1913 г. за принадлежность к анархистской организации он вновь был обвинен в участии в ее составе в многочисленных грабежах³.

Существует две версии относительно того, чем же занимался Н. Каландаришвили в Сибири. По одной из них он был обычным грабителем, не брезговавшим и заказными убийствами. Подтверждением данного предположения может служить обилие материалов, хранящихся в фондах Иркутского губернского жандармского управления, относительно уголовной деятельности «ссыльного анархиста Нестора» и тот факт, что на протяжении всего периода Н. Каландаришвили оставался неизвестным анархистской ссылке. В то время как в Иркутске действовало несколько групп ссыльных анархистов.

Согласно другой версии, Н. Каландаришвили во время своего пребывания в Сибири сотрудничал с большевиками и поэтому оказался вне политических объединений анархистов, хотя и был сослан по обвинению в принадлежности к анархистской организации. Основанием для подобного утверждения служат Послужной список, составленный в июне 1923 г., и автобиография, из которых следует, что повышенное внимание к Н. Каландаришвили со стороны жандармов вызвано неудачной организацией

¹ Сибирские вести. 1912. 29-30 нояб.

² ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 713.

³ Там же. Дд. 1232, 1233, 1234.

заговора в 1911 г. с целью убрать Иркутского генерал-губернатора Селиванова. Тогда за недоказанностью обвинения он был освобожден. И с тех пор охота за ним стала «делом чести» иркутской охраны¹.

Таким образом, вся дальнейшая деятельность героя гражданской войны, освещенная местной охранкой, является хорошо спланированной провокацией. На это указывает и один из биографов Н. Каландаришвили М. Церетели, считающий, что «хотя формально Н. Каландаришвили и примыкал к анархистам, он фактически всей своей деятельностью помогал большевистским организациям Восточной Сибири»².

И все же, отсутствие в послужном списке и автобиографии каких-либо сведений относительно большевистских организаций, в которых работал Н. Каландаришвили будучи в ссылке, характеристики работы, которую он выполнял, в сочетании с архивными материалами и неизвестностью его в анархистской среде, делают более вероятной точку зрения о том, что, примкнув к грабителям, Н. Каландаришвили занимался решением собственных материальных проблем. Но никак не партийной работой.

Остается еще одна группа анархистов, тесно примыкавшая по целям, преследуемым экспроприациями, к анархистам-грабителям. Это анархисты-одиночки. В отличие от «анархистов-групповиков», выбиравших в качестве объектов экспроприаций крупные заведения, анархисты-одиночки занимались вымогательством денег у частных лиц.

Для этого выбранной жертве посылалось письмо следующего содержания: «от имени анархистов требую сумму 1000 рублей: в друг, не выдачи сумму эту то будет терорезированы в друг выдачи этого человека то поплотитесь жизнью, или своим имуществом или будет засада с вашей стороны, то не пострадает тот человек который предет вам без всякой оружий, а пострадаете вы своим капиталом»³.

Далее, по замыслам экспроприатора, жертва должна была в условленном месте отдать требуемую сумму денег. На деле же

¹ ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 322. Лл. 1-7.

² Церетели М.В. Народный герой Нестор Каландаришвили. – Тбилиси, 1965. – С. 11.

³ Орфография письма сохранена полностью. – ГАИО. Ф. 601. Оп. 1. Д. 119. Л. 124.

это оборачивалось тем, что получатель письма шел с ним в полицию. А та встречала незадачливого «эксиста», намеревавшегося было получить причитающуюся ему сумму¹.

Несмотря на то, что схваченные полицией анархисты-вымогатели утверждали, что они действуют от имени организации, угрожая при этом террористическими актами в отношении тюремных надзирателей, помощников начальника тюрьмы и других должностных лиц в случае, если дело не будет прекращено, факты указывают на то, что это были вымогатели-одиночки. В противном случае, арест анархиста имел бы последствия для лица, заявившего о нем полиции. Кроме того, невозможно представить, что анархисты были настолько напуганы арестом своего товарища, чтобы не только бросали его на произвол судьбы, но и самораспускались, ибо, ни до, ни после ареста вымогателей полицейские агенты не наблюдали никакого оживления анархистской деятельности.

Что касается личностей анархистов-одиночек, то они, как правило, были беглыми ссыльными, малограмотными, осужденными не только за принадлежность к анархистскому сообществу, но и за участие в ограблениях и вымогательстве денег.

Причины, толкнувшие их на вымогательство, были те же, что и у большинства анархистов-грабителей: невозможность честным путем заработать себе на жизнь и нежелание прозябать в суровых сибирских условиях.

Несмотря на относительно большое число анархистских полууголовных групп, вымогателей-одиночек, им все же не удалось оказать сколько-нибудь заметного влияния на анархистское движение в целом. Будучи, тем не менее, порождением анархистской теории, заставившей идейных анархистов принять их в свои ряды, они бросали тень на всю анархистскую ссылку, заставляя иные политические группы и течения смотреть на анархистов как на людей, потерянных для революции. Благодаря грабёжам, часть революционно настроенных людей среди местного населения и ссыльных, разочаровавшихся в идеологии тех партий, представителями которых они являлись, пошли не к анархистам, ассоциировавшимся у них с бандитами и мародерами, а к социалистам-революционерам или социал-демократам. Весьма сложно говорить о справедливости, братстве, когда

¹ ГАИО. Ф. 601. Оп. 1. Д. 119; там же. Ф. 245. Оп. 1. Д.1592 и др.

рядом твои соратники по борьбе занимаются разбоем и вымогательством. А случаи, подобные тому, что произошел на Ленских приисках (1910 г.), когда в результате ряда грабежей и убийств, совершенных ссыльными анархистами, у всех ссыльных были отобраны документы на право проживания¹, превращали анархистов в «персону нон-грата» для всей политической ссылки.

На «расцвет» экспроприаторских тенденций в анархической среде определенное влияние оказал и тот факт, что анархистская ссылка не была единой, способной дать отпор подобным явлениям, противостоять им длительное время; не только отмежеваться от подобных актов, если они уже имели место, но и воспитать членов своих организаций так, чтобы они воспринимали «эксы» как нечто экстраординарное, требующее наличия чрезвычайных обстоятельств, а не как обыденное, легко осуществимое действие. Анархисты-экспроприаторы и анархисты идейные существовали отдельно друг от друга. Но если первые оказывали негативное влияние на вторых, подрывая их авторитет среди местных жителей, то анархисты-«политики» не смогли в полной мере отмежеваться от направления анархистов-грабителей и распространить «веру в лучшее будущее» на сибирские массы.

Не следует упускать из виду и то, что идейные анархисты не отвергали полностью экспроприаций, считая их «единственным источником средств для организационных нужд»². Хотя одновременно с этим они и указывали на то, что «в мелких нападениях на лавки, магазины нет ни анархического сознания, ни анархического акта, здесь скрывается жестокость, теряется ценность как своей, так и чужой жизни»³.

Фактически же было невозможно отделить мелкие экспроприации от крупных. Даже крупные акции нередко оказывались грабежами, призванными поправить материальное положение их участников.

Часть вины за использование террора и процветание «эксов» в анархистской среде лежит и на идеологах анархизма М.А. Бакунине и П.А. Кропоткине, которые, рассуждая о пользе и вреде террористических актов и экспроприаций, не высказывались однозначно против их применения.

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 240. Д. 98. Ч .27. Лл. 20, 23, 25-26.

² Анархист. 1907. Б/м.

³ Там же.

Что касается террористических актов, то основными причинами, способствовавшими их применению в качестве одной из форм анархической работы, были невозможность вернуться к нормальной жизни, разорвать замкнутый круг бедности и унижений. В отличие от террора, применявшегося в годы первой русской революции представителями анархистского движения в целях повышения революционного духа, для создания «настроения», ссыльные анархисты использовали его только как акт политической мести. Тем не менее, убийства должностных лиц, равно как экспроприации и вымогательства, не способствовали повышению популярности анархистов, а свидетельствовали, скорее, о неумении организовать на борьбу не только народные массы, но и самих себя.

И все же не стремление срывать замки с лавок и магазинов и бросать бомбы, было господствующим в ссыльной анархистской среде. Будучи глубоко уверенными в возможности торжества анархистских идеалов, лучшие из анархистов, вопреки, быть может, внутреннему желанию, стремились как можно реже прибегать к использованию подобных «методов борьбы с самодержавием». Оставляя на бумаге принятые решения о террористических актах и экспроприациях, нейтрализуя, насколько это было в их силах, негативные результаты воздействия на сибирские массы деяний анархистов-грабителей, они проводили работу по созданию анархистских нелегальных организаций с целью облегчения участи ссыльных анархистов и ведения анархистской пропаганды среди сибиряков.

Сибирская ссылка как инструмент политических репрессий и депортационной практики советской эпохи

Зуляр Ю.А.

Жизнь и наука сквозь репрессии (к 130-летию со дня рождения В.Ч. Дорогостайского)

В.Ч. Дорогостайский хорошо известен среди ученых Сибири и далеко за ее пределами. В этом году в Иркутске в связи с 130-летием со дня его рождения прошла научная конференция, проведено мемориальное заседание ВСОРГО, вышли и находится в печати ряд статей о его жизни и деятельности, о его вкладе в сибирскую и мировую науку. Вместе с тем, значительно меньше известен, а для современного читателя, вообще неизвестен трагический фон, на котором прошла и оборвалась его жизнь. Судьба профессора Дорогостайского – типичный пример взаимодействия российского ученого-интеллигента с обществом и властью, когда невинный человек уничтожается вопреки здравому смыслу, политической и практической целесообразности. В данной работе показаны мрачные страницы его жизни и история борьбы ученого за свои идеалы и право на человеческое достоинство.

Виталий Чеславович родился 16 сентября 1879 г. в семье бывшего политического ссыльного, но на всю жизнь полюбил суровую сибирскую природу. Его отец Чеслав Станиславович, поляк по национальности, родился в 1842 г. в г. Каменец-Подольском. В 1863 г. он примкнул к польскому восстанию, сражался в повстанческих войсках близ Киева, попал в плен, и 31 августа 1863 г. был осужден военно-полевым судом на шесть лет сибирской каторги. Так, получилось, что Сибирь стала его второй Родиной. Наказание Дорогостайский отбывал на казенном Николаевском железоделательном заводе близ с. Братск Иркутской губернии.

Освобожденный по амнистии 1866 г. он был определен на поселение и стал работать конторским служащим на том же заводе, а с середины 1870-х гг., после покупки завода братьями Бутиными, коммивояжером. В 1875 г. ему было возвращено дворянство и разрешено передвижение по делам фирмы по Иркутской губернии. В Тулуне Ч.С. Дорогостайский женился на дочери местного чиновника И. Черных – Марии, которая родила ему единственного ребенка – сына Виталия. Семейное счастье было недолгим, в 1890 г. Чеслав Станиславович скончался, и жена с сыном переехали на постоянное жительство в г. Иркутск¹.

Дорогостайский получил бессистемное домашнее образование, не позволявшее ему попасть в классическую гимназию. Поэтому год ушел у Виталия на подготовку к поступлению, затем он, успешно сдав экзамен, стал в 1891 г. учеником Первой Иркутской мужской гимназии. В подобных учебных учреждениях естественные науки не преподавали, но у Дорогостайского, благодаря преподавателю географии и физики – Я.П. Прейну (правитель дел ВСОРГО), загорелся огонек будущего натуралиста-исследователя. Он вспоминал, что много раз ему пришлось просидеть «без обеда» за преступные по тогдашнему понятию занятия – коллекционирование жуков и бабочек, собирание растений, птиц и зверушек, загородные экскурсии и охоту. Интересно, что Виталий учился вместе (на год старше) с будущим первым ректором ИГУ М.М. Рубинштейном. В 8 классе гимназии Дорогостайский был обвинен в «вольномудстве и безбожничестве», получил тройку по закону Божию и чуть не лишился права на поступление в университет².

По окончании в 1898 г. Иркутской губернской гимназии, Дорогостайский поступил в Московский императорский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Больше всего он интересовался зоологией и ботаникой, работая в лаборатории известного орнитолога М.А. Мензбира и ботаников И.Н. Горожанкина и К.А. Тимирязева. На каникулы ездил в Иркутск, на Байкал. В университете Дорогостайский обучился методике сбора микроскопических водорослей и соби-

¹ ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 86. Л. 8-10, 12, 14.

² Там же. Д. 54. Л. 4; Д. 88. Л. 5.

рался в 1902 г. поехать на Байкал, и приступить к их самостоятельным капитальным сборам¹.

Московское студенчество периодически бунтовало с 1884 г., когда была отменена автономия университетов. И в 1898 г. первокурсник В.Ч. Дорогостайский был исключен из университета за участие в студенческих беспорядках, но через год восстановлен. В 1902 г. под влиянием общего революционного подъема бурные «студенческие волнения» и более сдержанные протесты профессоров и преподавателей приобрели уже не столько академический, сколько политический характер. В результате сотни студентов были исключены из университета, и в их числе Дорогостайский. По воспоминаниям родных, в тот день он лишь шел в толпе студентов, выкрикивая какие-то лозунги. Этого было достаточно для ареста. За участие в «студенческих беспорядках» в 1902 г. Дорогостайский был исключен из университета, арестован и посажен в Бутырки, затем переселен в Архангельск в Соломбальскую крепость, где просидел пять месяцев. По отбытию наказания, он на один год выслан в Сибирь вместе с Церетелли, Будиловичем, Бокием и др. Для исправления направлен «по месту жительства» в Иркутскую губернию «с воспреещением всякой педагогической деятельности и поступления» в другие высшие учебные заведения².

Оказавшись в знакомой местности, обладая достаточным временем и вооруженный освоенными в университете научными методиками, Дорогостайский занялся исследовательской работой. В 1902 г. он приступил к самостоятельной работе по альгологии Байкала, проведя обследование впадающих в озеро рек Большие и Малые Коты, Черной и Крестовки. Летом 1903 г. ссыльный студент совершил продолжительную экспедицию по Байкалу и собрал большой материал по водорослям озера.

Осенью 1903 г. Дорогостайский, по ходатайству проф. М.А. Мензбира и после своей просьбы, получил разрешение вернуться в Университет. Он привез в Москву свои коллекции, обработкой которых занимался два последующих года. По итогам работы им была подготовлена первая статья, опубликованная в 1904 г. на французском языке в журнале Московского общества испытате-

¹ Там же. Д. 52. Л. 67.

² Там же. Д. 54. Л. 4; Д. 88. Л. 7; Д. 108. Л. 28.

лей природы, затем в 1906 г. – на русском¹. Виталий Чеславович выделил 14 «сомнительных» видов, но лишь два из них описал как новые для науки. Причиной подобной скромности была понятная осторожность молодого исследователя. Работа вызвала интерес в научном мире, и стала основой его дипломного сочинения.

В 1906 г. после окончания обучения, Дорогостайский получил предложение остаться в Московском университете для подготовки к профессорскому званию. Однако, не имея средств к существованию, и обремененный женой и сыном, отказался. Из Иркутска ему пришла информация, что в гимназиях введен новый предмет – «естествознание», и требуются дипломированные учителя. Для содержания семьи Дорогостайский покинул Москву и занял место преподавателя естественных наук Иркутской женской (им. И.С. Хаминова), а затем и мужской гимназий. В Иркутске он продолжил заниматься научно-исследовательской деятельностью, работая, главным образом, в Иркутской магнитной метеорологической обсерватории и ВСОРГО, в который был принят в январе 1907 года².

Еще до поездки в Иркутск, весной 1906 г. В.Ч. Дорогостайский, окончивая университет, подал заявление (обоснование) в Совет Русского географического общества с просьбой, оказать ему материальную и инструментальную поддержку в проведении экспедиции в Монголию. В прошении он подробно изложил предполагаемый маршрут, продолжительность его этапов и виды исследовательских работ. Продолжительность экспедиции определялась им до четырех месяцев. Его прошение 18 декабря 1906 г. было рассмотрено Советом РГО, под председательством П.П. Семенова-Тян-Шанского, и удовлетворено в размере 1000 рублей³.

Получив уведомление о выделении субсидии, Дорогостайский занялся подготовкой первой самостоятельной экспедиции. Имея небольшой экспедиционный опыт, Дорогостайский применил схему, использованную А.В. Вознесенским, под руководством

¹ Дорогостайский В. Материалы по альгологии озера Байкал и его бассейна // Изв. Вост.-Сиб. отд. Росс. геогр. о-ва. 1906. Т. 35, вып. 3. С. 1-44.

² ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 38. Л. 15; Д. 40. Л. 2; Д. 86. Л. 27.

³ Там же. Д. 90. Л. 33-34.

которого он совершил экспедицию в Монголию в 1905 году. В качестве переводчиков и рабочих В.Ч. решил пригласить казаков пограничных районов, знавших бурятский и монгольские языки. Для решения этой задачи, он обратился к командующему войсками Восточно-Сибирского военного округа. Тот согласился, но при этом командировал в экспедицию Дорогостайского офицера Генерального штаба капитана В.С. Михеева, и, выделив дополнительные средства, откорректировал маршрут. Таким образом, экспедиция оказалась политико-зоологической¹.

Вторая экспедиция Дорогостайского в Монголию и Урянхайскую землю продолжалась три месяца. Ее участниками было снято на карту 2900 верст пути, определены высоты в 63 пунктах, весь период производились метеорологические наблюдения. Была собрана коллекция по фауне позвоночных Северо-Западной Монголии и Урянхайской земли, включившая 15 видов млекопитающих, 147 видов птиц, 6 видов пресмыкающихся и земноводных и 10 видов рыб. Собрана коллекция бабочек и других насекомых (около 1 тыс. экз.), составлена карта распределения древесной растительности в Монголии и гербарий (600 экз.). Кроме этого В.С. Михеевым собраны сведения о состоянии русской торговли в Северо-Западной Монголии и Урянхайской земле и данные о положении русских на этих территориях. Были изданы отчеты о путешествии в 1908 г. Дорогостайским и в 1910 г. – Михеевым².

Г.Е. Грум-Гржимайло в своей книге «Западная Монголия и Урянхайский край», комментируя их вклад в развитие географических представлений о регионе, писал, что их исследования и съемка местности заполнили несколько «белых пятен» и немало «белых пятнышек»³.

¹ Там же. Л. 34-35; Д. 93. Л. 7; Дорогостайский В.Ч. Доклад о путешествиях по Монголии и Урянхайской земле за период 1905-1910 гг. // Изв. Росс. геогр. о-ва. 1910. Т. 46. С. 63-64.

² ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 90. Л. 76; Дорогостайский В.Ч. Поездка в Северо-Западную Монголию // Изв. Росс. геогр. о-ва. Т. 44, вып. 5. С. 246; Романов Н. С. Летопись г. Иркутска за 1902-1924 гг. – Иркутск, 1994. С. 103.

³ Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. СПб. – Л., 1914-1930. Т. I-III. С. 17.

Несмотря на эти выдающиеся результаты, приходится констатировать, что пройденный маршрут не соответствовал первоначальным намерениям Дорогостайского и его планам, озвученным в прошении в Совет РГО. Намечалось пройти длинным путем через степную и пустынную Монголию до города Кобдо, т. е. почти до Алтая, посетив ряд крупных монгольских озер, а уже потом на обратном пути пересечь хребет Тану-Ола, Урянхайскую землю и возвратиться в Россию. Намечалось путешествие почти целиком по Монголии, а оказалось преимущественно урянхайским. Военные власти в Иркутске интересовала оперативная и профессионально подобранная информация по данной территории. Экспедиция Дорогостайского была хорошим прикрытием для этой разведывательной миссии. Молодой исследователь впервые столкнулся с ситуацией, когда научные интересы приходится подчинять требованиям силовых структур¹.

Всего В.Ч. Дорогостайский совершил в Монголию пять экспедиций.

Вместе с тем, работать преподавателем Иркутской гимназии Дорогостайскому становилось все тяжелее из-за травли за «вольномыслие и левые убеждения», которая закончилась приказом генерал-губернатора Г. Селиванова об его аресте и высылке из Иркутска. Счастливая случайность позволила ему в 1909 г. избежать того и другого. Но чувствуя, что в гимназии ему долго не проработать, В.Ч. попросил М.А. Мензбира пристроить его на работу в вузе. Тот пообещал, и уволенный осенью Дорогостайский с женой в декабре 1910 г. прибыл в Москву, где его устроили на должность внештатного препаратора².

Политическая обстановка в Московском университете за время отсутствия Дорогостайского не изменилась. И в январе 1911 г. в нем пробежала зыбь привычных студенческих волнений, обещавших быстро утихнуть. По утверждению В.И. Вернадского, «забастовка встретила сопротивление не только в профессуре, но и в студентах»³. Тем более неожиданным стало появление в стенах университета наряда полиции, которая, согласно циркуляру министра народного просвещения Л.А. Кассо, взяла на себя

¹ ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 90. Л. 74.

² Там же. Д. 52. Л. 69; Д. 54. Л. 4; Д. 86. Л. 43.

³ Вернадский В.И. 1911 год в истории русской умственной культуры // Публицистические статьи. – М., 1995. С. 193.

функцию наведения порядка и отстранила от этого руководство университета, якобы неспособного справиться с ситуацией.

Это было воспринято в МИУ как грубое нарушение университетской автономии. Тут же собирался Совет университета, и профессор А.А. Мануйлов (ректор) подал в отставку, поскольку, как писал П.Н. Лебедев, «не имел возможности нести принадлежащую ему по закону ответственность за нормальное течение академической жизни в университете»¹. Примеру Мануйлова последовали помощник ректора М.А. Мензбир и проректор П.А. Минаков. Совет вуза признал их мотивы убедительными.

К удивлению, Министерство народного просвещения не только приняло отставку ректора, его помощника и проректора, но, не приводя никаких доводов, вообще уволило их из университета, лишив тем самым права работать в нем. Не видя иного способа поддержать коллег и согласуясь со своими личными представлениями о чести и человеческом достоинстве, один за другим стали покидать университет его лучшие преподавательские силы. Всего подало в отставку более 130 профессоров и преподавателей – треть общего состава. Естественно, В.Ч. Дорогостайский, поддержав М.А. Мензбира, так же ушел со службы. Прошения удовлетворялись немедленно. «Над высшей школой, – отметил Вернадский, – проявлен эксперимент «твердой власти»»².

Дорогостайский, тем не менее, продолжил работу по специальности в Москве, получив в 1911 г. у проф. Мензбира штатное место лаборанта, а в 1912 г. стал ассистентом Института сравнительной анатомии Московского университета. Одновременно Дорогостайский заведовал Osteологическим музеем. В том же году Виталия Чеславовича избрали на должность ассистента в Московский коммерческий институт, где он вел занятия по курсу зоологии и сравнительной анатомии³.

В последующие годы Дорогостайский совершил экспедиции на Кавказ, Африку, Финляндию, Прибайкалье и Забайкалье. В 1916 г. В.Ч. Дорогостайский привлек от иркутского миллионера-мещената Н.А. Второва значительную сумму для создания Бай-

¹ Лебедев П.Н. Научная переписка // Научное наследство. Т. 16. – М., 1998. С. 359.

² Вернадский В.И. Разгром // Публицистические статьи. М., 1995. С. 190.

³ ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Л. 4; Д. 86. Л. 19.

кальской биологической станции, и приступил к ее основанию, а главное спроектировал и обеспечил строительство первого на Байкале научно-исследовательского судна «Чайка».

Активная исследовательская деятельность принесла Дорогостайскому широкую известность в сибирских научных кругах. Поэтому в январе 1918 г. В.Ч. был избран в только что открытый Омский сельхозинститут адъюнкт-профессором по кафедре анатомии животных, возглавляемой проф. Б.А. Сварчевским. А в феврале 1918 г. был приглашен Министерством земледелия Временного Сибирского правительства, на должность управляющего Отделом рыболовства и охоты без отрыва от преподавательской деятельности. Через год Совет вуза, образовав кафедру ихтиологии и гидробиологии, избрал Дорогостайского в ее состав, поручив ему организацию Отдела рыбоведения и охотничьего хозяйства на агрономическом факультете.

Вскоре после переворота, Дорогостайский получил известие о том, что имущество Академии наук – Биостанция на Байкале и катер «Чайка» захвачен красными и частично разграблено. Восприняв это как личное несчастье, он принял решение как можно скорее добраться в Иркутск. Выбраться из Омска ему не удалось, т. к. пассажирское движение по железнодорожной дороге прекратилось на неопределенное время.

Тогда он поехал в Томск, рассчитывая на поддержку Института исследований Сибири, заинтересованном в Биостанции. Но ходатайство института о его проезде с каким-нибудь эшелонном было отклонено. Тогда по совету его директора проф. Сапожникова, он обратился за помощью к генералу Сумарокову. В соответствии с его условием Дорогостайский (25 июня 1918 г.) записался добровольцем в отряд конных разведчиков и двинулся с военным эшелонном в Иркутск. Перед городом его вызвали в штаб и пообещали вернуть «Чайку» и все имущество станции, обязавшись не использовать его для военных действий. Вместе с тем, чешский генерал Гайда попросил его некоторое время быть при штабе, чтобы помочь ему разобраться в сложной гражданской и политической обстановке в регионе¹.

Приняв участие в успешном разрешении конфликта военных властей с рабочими мастерских байкальской переправы, чреватом кровопролитием, ему удалось узнать о судьбе «Чайки». Ее

¹ Там же. Д. 88. Л. 24-26.

конфисковали чехи и, установив на катере пулеметы, превратили в сторожевое судно. По возвращению в Иркутск, он поднял вопрос о возвращении катера. Генерал Гайда, подтвердив свое обещание, приказал ему отправиться на фронт в с. Култук. И тут он понял, в какую авантюру попал. По приезде в Култук его срочно отправили в Тунку для сбора продовольствия для армии и Иркутска, где назревал продовольственный кризис. В Тункинском крае его хорошо знали, и Дорогостайский справился с заданием. Дело с возвращением катера затягивалось, военная обстановка обострялась, и он не знал, как выпутаться. После возвращения из Тунки, он получил приказ отправиться в Верхнеудинск, куда переехал штаб Гайды. Оттуда его отправили в Троицкосавск с корпусом генерала Зеневича налаживать гражданскую жизнь. Полученные им большие полномочия, угнетали его и усиливали страх, успокаивало лишь заверение генерала, что это поручение будет последним, и катер будет возвращен.

Вернувшись из Троицкосавска, он действительно получил приказ о возвращении ему катера «Чайка», а также разрешение отправиться к месту своей службы в Омск в сельхозинститут. Гайды в Иркутске уже не было, он уехал во Владивосток, и Дорогостайский продолжал числиться на военной службе при чешском штабе. По счастливой случайности, Гайда 25 сентября 1918 г. проезжал Омск, и В.Ч. успел получить у него на вокзале увольнение из армии¹.

Практически вся последующая жизнь В.Ч. Дорогостайского связана с Иркутском. В сентябре 1919 г. его пригласили на должность экстраординарного профессора Иркутского университета по кафедре зоологии. С января 1921 г. до ноября 1922 г. Дорогостайский декан ветеринарного факультета и проф. кафедры анатомии домашних животных. С созданием в 1923 г. Биолого-географического НИИ при ИГУ, он стал его сотрудником. После открытия в 1931 г. Восточно-Сибирского государственного университета В.Ч. возглавил в нем отделение зоологии. С 1933 г. кроме заведования кафедрой зоологии позвоночных в университете, В.Ч. состоял научным сотрудником Института охотоведения и пушного хозяйства. Решением ВАК Народного комиссариата просвещения 1 октября 1935 г. Дорогостайский В.Ч. утвержден в ученой степени доктора биологических наук по

¹ Там же; Д. 52. Л. 53; Д. 59. Л. 21.

разряду зоологии позвоночных без защиты диссертации. Фактически в 1919-1937 гг. Дорогостайский руководил кафедрой зоологии позвоночных университета, создавал ее материально-техническую базу, в т. ч. музей с экспозицией и научным фондом.

Оказавшись в Иркутске, Дорогостайский при первой же возможности отправился в Большие Коты на биостанцию. Главная ценность станции – катер «Чайка» – оказался в плачевном состоянии: при отступлении Красной Армии мотор был приведен в полную негодность, многие вещи, хранившиеся на складе байкальской переправы, были разграблены. С невероятными усилиями ему удалось исправить катер, собрать остатки имущества и кое-что приобрести из научного снаряжения. В.Ч. приобрел лодку и кое-какое оборудование для жилых помещений, организовал постоянную охрану и нашел бесплатного заведующего.

После этого он сделал попытку наладить исследовательскую работу на Байкале. В это время в Сибири уже установилась Советская власть. В 1920 г. ему удалось получить снаряжение и необходимые средства для экспедиции в северную часть Байкала и на оз. Фролиху, но не было главного: катер «Чайка» был реквизирован Байкальской военной флотилией (военморами) и переделан в разведочный катер. В июне Дорогостайскому удалось добиться его возвращения. Но получил он его в ужасном виде: имущество и снаряжение вторично было разграблено, мотор испорчен и т. п. С громадным трудом приведя все в порядок, В.Ч. собирался отплыть с четырьмя помощниками на север Байкала, как вдруг накануне отъезда (17 июля 1920 г.) его по заявлению одного из жителей с. Листвиничное, арестовали и посадили в тюрьму, а катер был снова взят «военморами». Университету удалось вернуть катер, но имущество (чалки, инструменты, матрацы, занавески и др. предметы, бывшие на катере, уже почти готовом к отплытию) в третий раз исчезло¹.

В.Ч. Дорогостайского арестовали по подозрению в контрреволюционной деятельности: «за добровольную службу в рядах чехословацких войск по свержению Советской власти». Так, ему аукнулась его авантюра, а работа в университете становилась проблематичной. Но, 24 августа 1920 г. военный следователь особого отдела ВЧК 5-й армии В. Гармансон, предъявив ему обвинение: «добровольная служба в штабе чешского генерала Гай-

¹ Там же. Д. 88. Л. 27; Д. 63. Л. 28.

ды» принял решение освободить его из под стражи, а в качестве меры пресечения избрать в отношении его, подписку о невыезде из г. Иркутска с правом поступления на службу. А 6 ноября 1920 г. Иркутский губернский комитет по применению амнистии в ознаменовании 3-летней годовщины Октябрьской революции, рассмотрев дело гр. Дорогостайского В.Ч., осужденного ВЧК 5-й армии и обвиняемого в участии в свержении Советской власти, его амнистировал.

По воспоминаниям жены Дорогостайского – Марии Ивановны, ей удалось освободить мужа с помощью одного из членов семьи писателя Л.Н. Толстого, с которой она была с детства знакома (соседи по имениям)¹.

Но жизнь его не баловала: покушения на «Чайку» продолжались и в последующие годы. Ее регулярно после произведенного ремонта захватывали в начале лета то «Губрыба», то «Гублес», то «Военмор», то «Руквод» затем «Сибпароходство», до тех пор, пока в 1925 г. она не была передана Лимнологической экспедиции Академии наук.

Неприятности обрушились и с другой стороны. В 1929 г. в столице Сибирского края – Новосибирске вышла книга «Классовая борьба в Сибирских вузах», где в главе «Иркутские заметки» четыре страницы отведены проф. Дорогостайскому, «безнадежно искалеченному предрассудками буржуазного общества». Однако, там было признано, что он «выступает честно», «открыто заявляет». В целом эта книга направлена на то, чтобы убедить «пролетарское» студенчество «разоблачать» реакционные взгляды их «буржуазной» профессуры. Но, судя по иркутским газетам, разоблачали мало, меньше, чем этого хотелось руководителям. Дорогостайского не «разоблачил» ни один студент, они его любили и ценили².

Но эта история получила дальнейшее развитие. В феврале 1929 г. городская комиссия по выборам в горсовет лишила проф. Дорогостайского избирательных прав. А это, кроме всего прочего, оставило В.Ч. Дорогостайского и его семью без продовольственных пайков, что в то время было чревато полуголодным существованием.

¹ Там же. Д. 59. Л. 1,20; Д. 88. Л. 27.

² Загорский Н. Классовая борьба в Сибирских вузах. – Новосибирск, 1929; ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 88. Л. 61.

Возмущенный Дорогостайский попытался обжаловать это решение в Окружной избирательной комиссии, но безрезультатно. Рассмотрение его апелляции затянулось до сентября. А потом комиссия не пожелала выслушать его объяснения, не сообщила причин лишения, и подтвердила решение городской. В просьбе объяснить причины ему отказали, указав лишь статью, по которой он был их лишен. Протокол заседания комиссии ему так же не был показан. Частным образом от председателя комиссии Федяева он узнал, что «формальной причиной» лишения избирательных прав была его причастность к Белой армии в 1918 году. Председатель заявил, что за последние десять лет никаких претензий к нему нет. Какие же были неформальные причины В.Ч. выяснить не смог. Тогда он 2 декабря 1929 г. подал апелляцию в краевую комиссию, где описал историю своих мытарств и указал, какие статьи закона о выборах в его случае были нарушены. Но только 1 июня 1930 г. Иркутская городская избирательная комиссия восстановила Дорогостайского в избирательных правах¹.

Но травля не прекращалась и создавала невыносимые условия для жизни и научной деятельности. И 17 ноября 1931 г. В.Ч. Дорогостайский положил на стол директору ВСГУ Г.К. Русакову заявление об уходе. В нем он писал: «Сильно ухудшившееся состояние здоровья (миокардит, общее расстройство сердечной деятельности) требующее полного покоя и умеренного труда, побуждает меня завить о своем желании оставить педагогическую деятельность в университете, так как сложившаяся последнее время обстановка исключает для меня возможность спокойной работы»². Руководство вуза, его коллеги по работе и студенты уговорили профессора взять заявление обратно.

Конечно, как личность творческая, талантливая и неординарная В.Ч. Дорогостайский плохо вписывался в рутинную жизнь, он был склонен к неожиданным поступкам, язвительен и требовал к себе повышенного внимания. Но коллеги любили его и не только за шутки и готовность помочь, но, и за то, что он выше всего ставил и ценил человеческое достоинство, как свое, так и чужое. Чрезвычайная его вспыльчивость, о которой часто вспоминали его современники, вытекала от этого чувства соб-

¹ ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 74. Л. 1; Д. 88. Л. 48,50,61.

² Там же. Д. 52. Л. 66.

ственного достоинства. Разговаривал он обычно весело, но если собеседник задевал это чувство, он, молча или выкрикнув что-нибудь, уходил, иногда хлопал дверью. И вслед за этим нередко совершал какой-то необдуманный поступок. Например, в 1925 г. Дорогостайский пришел платить профсоюзный взнос. Принимавшая взносы, чем-то сильно его оскорбила. Он бросил на стол профбилет и тотчас подал заявление о выходе из профсоюза работников просвещения¹.

Как и все работники университета, В.Ч. Дорогостайский участвовал в соцсоревновании и к 1 мая 1933 г. был объявлен ударником. Сам он не хотел им быть, и только по настоянию товарищей, принял это звание. Став ударником, он согласился повторно вступить в профсоюз. На расширенном заседании университета у него нашлось много сторонников, особенно среди беспартийной части профсоюзного актива. И только коммунист Костюков в своем выступлении заявил, что ответы проф. Дорогостайского свидетельствуют, что он не советский работник, что в профсоюз его принимать не надо. Тогда Дорогостайский резко и в полемическом запале нелюбезно высказался о парторганизации вуза. Бюро ВКП(б) ВГУ (2.07.33) обсудив этот вопрос, вынесло ряд решений об усилении классовой бдительности, об улучшении работы профорганизации, дирекции и парторганизации. В отношении Дорогостайского бюро постановило «просить руководящие организации о снятии его с работы в госуниверситете»².

По горячим следам газета «Восточно-Сибирская правда» опубликовала статью Староверова, Куклина, Маневича «Руководители университета прикрывают носителей буржуазной идеологии». По статье оперативно последовало решение Свердловского РК ВКП(б), по Дорогостайскому. Соответственно, как врага, Дорогостайского заклеямили фракция Крайпроса и крайбюро секции научных работников³.

Дело приобретало опасный оборот. Ситуацию спасло обращение Дорогостайского в сентябре 1933 г. в крайком партии. Бюро Восточно-Сибирского КК ВКП(б) 17 сентября 1933 г. в своем решении признало публикацию газеты ошибкой и отмени-

¹ Там же. Л. 67.

² Там же. Д. 88. Л. 61.

³ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 455. Л. 4; Вост.-Сиб. правда. – 1933. – 4 авг.

ло постановления партбюро университета и Свердловского РК. Оно потребовало отменить постановление фракции Крайпроса и крайбюро секции научных работников о проф. Дорогостайском. И предложило вторично рассмотреть вопрос о приеме его в члены профсоюза. Председателю секции научных работников крайбюро Трофимовой было поставлено на вид за ее формалистский подход и не включение Дорогостайского в сентябрьский список по снабжению группы основных научных работников. Бюро обязало культпроп крайкома совместно с крайбюро секции научных работников, организовать собрание членов секции и студенческие собрания по вузам для разъяснения политики партии в отношении «старых» специалистов и, в частности, для разъяснения настоящего постановления. Редакции газеты «ВСП» было предложено опубликовать в ближайшее время разъяснение по этим вопросам.

Однако коммунисты университета проявили упрямство и не выполнили постановление бюро крайкома, что заставило последнего поставить вопрос о снятии с работы секретаря партбюро. Проректору по учебной части госуниверситета А.В. Третьякову за грубое нарушение директив правительства об единоначалии и нетактичное отношение к специалистам проф. В.Ч. Дорогостайскому и проф. И.О. Крюгеру был объявлен выговор с публикацией о нем в печати. Директору Г.К. Русакову было указано на то, что он не принял всех мер, вытекающих из решения крайкома о Дорогостайском, и не мобилизовал коллектив на борьбу с неправильным отношением к «старым» специалистам¹.

Провокации в адрес Дорогостайского продолжались и в последующий период, в частности, 13 ноября 1934 г. президиуму Восточно-Сибирского краевого исполнительного комитета пришлось принять специальное постановление «О включении проф. Дорогостайского в список лишенцев». В нем президиуму Иркутского горсовета было указано на недопущение включения проф. Дорогостайского в список лишенцев. За это действие секретарю горсовета Рослякову был объявлен выговор «за небрежность»².

29 октября 1934 г. университет торжественно отпраздновал 55-летие со дня рождения и 30-летний юбилей научной и педагогической деятельности В.Ч. Дорогостайского. Непосредственно

¹ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 455. Л. 4-6.

² ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 1085. Л. 315.

В.Ч. описано 32 новых гаммариды (рачка) из Байкала, шесть новых видов мошки (гнуса), одна новая рыба из оз. Косогол, новая лисица из Забайкалья, новый вид грызуна. Им открыты горный баран на Яблоновом хребте, несколько новых растений и водорослей, издано 54 научные работы. В отношении, отправленном дирекцией ВСГУ в Наркомпрос, сказано: «В чествовании юбиляра приняли участие не только краевые и общегородские учреждения и организации, но и путем посылки телеграмм научно-исследовательские учреждения Москвы и Ленинграда <...> Юбилей проф. Дорогостайского принял характер большого местного праздника науки. Исходя из заслуг В.Ч. Дорогостайского и его научных потребностей, партийное и советское руководство края обратились в Наркомпрос с просьбой о выделении для него личного легкового автомобиля, а университет перечислил необходимую сумму на его приобретение и доставку.

С гордостью довел Дорогостайский в 1937 г. свой первый и последний выпуск биологов-исследователей (19 человек) через государственный экзамен. Им было подготовлено более десяти аспирантов (главным образом, охотоведов)¹.

Наступал очередной полевой сезон, но обещанной машины все не было, хотя шел уже третий год со времени премирования. И вот летом 1937 г. ее, наконец, доставили в Иркутск. Узнав об этом, Дорогостайский прошел к директору, а им уже был Н.С. Шевцов, который заявил профессору, что машину он берет себе, так как ему она нужнее, ведь он директор, а Дорогостайский – только лишь профессор. Можно предположить, насколько Дорогостайский был удивлен и разочарован, но, прежде всего он был оскорблен и отреагировал так, как всегда реагировал на оскорбления².

В июле 1937 г. после конфликта с директором ИГУ В.Ч. Дорогостайский, приглашенный заведовать кафедрой зоологии республиканского университета, с семьей переехал в Алма-Ату и заселился в новую квартиру. Но 27 августа был арестован сотрудниками НКВД и отправлен на расследование в Иркутскую область. Здесь он был обвинен и после соответствующей обработки признался в работе на японскую и германскую разведки. Признал, что в 1932 г., согласно директиве РОВС, антисоветская

¹ ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 88. Л. 61. Вост.-Сиб. правда. –1934. – 15 окт.

² ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 88. Л. 63.

организация, в штаб которой он входил, приступила к формированию польских белогвардейских полков. И к концу 1936 г. этот штаб якобы сумел сформировать шесть подпольных полков и один резервный офицерский батальон. После этого 27 (или 29) ноября 1938 г. он был расстрелян¹.

Понимающим иркутянам его судьба стала известна из фразы, которую один, из увозимых на север осужденных, крикнул провожавшим: «Передайте родным профессора Дорогостайского, что он умер стоя!» Надеждам на лучшее и ожидавшей его в Иркутске жене, сообщили пресловутую формулировку «осужден без права переписки». И лишь 8 октября 1957 г., когда ей была вручена справка о прекращении дела В.Ч. Дорогостайского «за отсутствием состава преступления», она узнала его судьбу. Дочери (Елене Витальевне) в 1989 г. в архиве Иркутского областного КГБ показали связку протоколов (56 листов). Протоколы были разных размеров, заканчивались на разных уровнях листов и были исписаны чернилами различного цвета (допросы продолжались более года), однако на всех листах у самого нижнего края была не подпись, а его фамилия, чётко написанная зелеными чернилами и почерком В.Ч. Дорогостайского².

Кузнецов С.И.

Репрессированные востоковеды Иркутского университета: Н.П. Мацокин и Е.С. Нельгин

Восточное отделение историко-филологического факультета Иркутского университета (позже – Восточное отделение внешних сношений) возникло вскоре после открытия в Иркутске первого вуза Восточной Сибири³. Объем изучения восточных предметов в нем определялся «сообразно научному долгу и культуре, задачам университета, в настоящем составе призванного исследовать Восточ-

¹ Там же. Д. 59. Л. 25,29,44.

² Там же. Д. 88. Л. 63-64.

³ Подробнее см.: Кузнецов С.И. Востоковедение в Иркутском университете в 20-е годы // Проблемы Дальнего Востока. – 1988. – № 1. – С. 168-172.

ную Сибирь, Дальний Восток и сопредельные с ним страны с точки зрения обществоведения и филологии», – говорилось в программе отделения¹. Сложность учебной программы требовала привлечения высококвалифицированных преподавателей, знающих восточные языки. Среди других востоковедов-преподавателей ИГУ были заметны два япониста – лектор японского языка Николай Петрович Мацокин (принят в ИГУ на должность лектора 30 мая 1919 г.)² и лектор японского языка Евгений Степанович Нельгин (принят на должность лектора 1 мая 1921 г.)³ Н.П. Мацокин и Е.С. Нельгин были довольно заметными фигурами отечественного японоведения 1920-30-х годов. Их судьба, жизнь и деятельность, которые оборвались в годы сталинских репрессий 1937-1938 гг. были достаточно типичными для того времени. Обстановка искусственно нагнетаемой шпиономании на фоне тогдашних сложных отношений между СССР и Японией привели к тому, что почти любой человек, знавший японский язык, и тем более бывавший в Японии, автоматически рассматривался как потенциальный «японский шпион». Не избежали этой участи и Н.П. Мацокин (он к этому времени уже был профессором ряда московских вузов) и Е.С. Нельгин, который в конце 30-х годов преподавал японский язык в Дальневосточном университете. Биографии этих людей представляет большой интерес как точки зрения истории становления отечественного японоведения, так и сохранения памяти о преподавателях, стоявших у истоков Иркутского университета.

Н.П. Мацокин родился 23 декабря 1886 г. в Киеве. В 1912 г. он окончил Восточный институт во Владивостоке по японскому разряду. Уже в студенческие годы Мацокин занялся изучением по китайским и японским научным изданиям этнографии малых народов Китая. Результаты первых научных изысканий были опубликованы еще в студенческие годы⁴. С 17 августа 1912 г. он служил

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 71. Оп. 1. Д. 15. Л. 25.

² ГАИО. Ф. 71. Оп. 3. Д. 89. Л. 9.

³ Там же. Ф. 71. Оп. 3. Д. 2493. Л. 3.

⁴ Материнская филиация в Восточной и Центральной Азии. Вып. 1: Материнская филиация у китайцев, корейцев и японцев. – Владивосток, 1910 // Изв. Вост. ин-та. Т. 32, вып. 1; Вып. 2: Материнская филиация у тибетцев, монголов, мяоцзы, лоло и таи. – Владивосток, 1911. // Изв. Вост. ин-та. Т. 36, вып. 2.

драгоманом на КВЖД, а в 1910-1911 гг. побывал в командировке в Японии с целью совершенствования знаний японского языка. В 1916 г. был переводчиком русско-японской железнодорожной конференции в Токио и Сеуле, за что был награжден японским орденом. С 1 января 1917 г. Мацокин – помощник редактора китайской газеты «Дальний Восток», активно сотрудничает в харбинском журнале Общества русских ориенталистов «Вестник Азии», где еще в 1913 г. (№ 13) вышла его статья «Граф Окума и японское самомнение». В сфере его научных интересов не только история, но и лингвистика, экономика, этнография Японии и Китая. Этим проблемам посвящены его статьи «Черты японского характера, как они проявились во время похорон Мэйдзи тэнно» (Вестник Азии. 1913. № 13), Кордые Ж. «Народные поверья в Юнь Нань'и». Пер. с фр. (Вестник Азии. 1914. № 31-32. С. 26-27), «К этнографии острова Формоза: Предания туземцев о пигмеях. Охота за черепами у племени Цалисен. Отвлечение к близнецам. Аборигены и обезьяны (Вестник Азии. 1914. № 31/32. С. 50-56 (пер. с япон. яз.); Символы власти у племени Цалисен на о. Формоза (Вестник Азии. 1916. № 33/39. С. 77-81).

В Иркутске он оказывается, вероятно, в 1919 г., а в мае этого же года занимает должность лектора японского языка в Иркутском университете. Читая здесь курс лекций по японскому языку, он ведет занятия и на учрежденных летом 1920 г. курсах восточных языков (им в сентябре 1920 г. были присвоены все права факультета). На японском отделении курсов училось 117 человек, на китайском – 37¹. В 1920 г. японский язык на курсах изучал известный чешский писатель Ярослав Гашек. В декабре 1920 г. Н.П. Мацокин «уволен в отпуск на Рождественские вакации до 20 января 1920 г. в Харбин, Токио, Владивосток»², но в Иркутск уже не вернулся. Вероятно, он остался во Владивостоке, по крайней мере, уже в 1921 г. здесь выходит в свет одна из наиболее значительных его работ по японской мифологии, долгое время по справедливости считавшаяся одной из лучших отечественных работ, посвященных японскому солнечному мифу, центральному в государственной мифологии Японии: о сокрытии небесной богини Аматаэрасу в

¹ ГАИО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 112. Л. 21.

² Там же. Ф. 71. Оп. 3. Д. 89. Л. 9.

небесной пещере и выманивании ее оттуда другими небесными богами¹.

Известно, что во второй половине 1920-х гг. Н.П. Мацокин – доцент кафедры этнографии и географии Восточной Азии, а позже – профессор ДВГУ. Он продолжает заниматься грамматикой японского и китайского языков, издает учебные пособия². В начале 30-х годов он, по свидетельству В.М. Алпатова, переехал в Москву и работал в Московском институте востоковедения³. Как следует из материалов биобиблиографического словаря репрессированных востоковедов, Н.П. Мацокин в первый раз был арестован в 1931 (неясно – в Москве или еще во Владивостоке). 19 января 1932 осужден по ст. 58-6 УК РСФСР на 10 лет ИТЛ. Освобожден условно-досрочно 19 марта 1934 г. (откуда не указано)⁴. Судя по всему, к этим годам жизни в Москве относится упоминание о нем в мемуарах Н.Е. Семпер-Соколовой, бравшей у Мацокина уроки японского: «Моим учителем был «дальневосточный профессор Николай Петрович Мацокин, автор нескольких книг и статей по этнографии Азии. Тоже высокий, но плотный мужчина лет сорока пяти. Бритый, небрежно одетый в какую-то фуфайку; общительный, энергичный. Он жил в захолустном, сплошь деревянном Самарском переулке, за парком ЦДКА: с одной стороны длиннейший забор парка на пригорке, с другой коричневые домики с садиками; их старые деревья смыкались над переулком, как над тихой речкой. На первом этаже одного домика, в просторной, почти не обставленной, но полной книг комнате жили вдвоем Мацокин и его жена – француженка Эрнестина Коффруа, красивая брюнетка, получившая образование в Сорбонне. Занимался он со мной вдохновенно, то тем, то другим, охотно отвечал на филологические вопросы и рассказывал о Японии, где ему удалось по-

¹ Мацокин Н.П. Японский миф об удалении богини Солнца Аматэрасу в небесный грот и солнечная магия. Владивосток, 1921. – 40 с.

² Мацокин Н.П. Очерк морфологии настоящего времени японского глагола. – Владивосток, 1929.

³ Алпатов В.М. Репрессированные японисты // Япония 1989. Ежегодник. – М.: Наука, 1991. – С. 312.

⁴ Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917-1991). Изд. подготовили Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 496 с.

бывать до революции. Тогда и возникло во мне первое увлечение языком, занятия были интересные, эффективные... но длились недолго, с февраля до мая 1933 г.; их прервал сокрушительный роман: Мацокин влюбился в другую французенку, молодую и веселую Леонтину, блондинку, родом из нормандской деревни. Она была не то прислугой, не то официанткой в кафе. Тут уж было не до уроков. Он сразу бросил жену, и оскорбленная Эрнестина уехала в Париж. Через двадцать лет я узнала, что Мацокин был арестован, сослан в Магадан и скоро там погиб. Леонтину отправили в Вятлаг на 10 лет за то, что встречалась с ним полгода. Я пишу об этих людях, потому что «никто не должен быть забыт» – жалко всех, кто бесследно исчезает в безднах истории»¹. Мемуаристка ошибалась – Мацокин погиб не в Магадане, а в Москве.

Очевидно, что арест, допросы в НКВД сильно повлияли на душевное состояние ученого, он был сломлен и напуган. Как иначе можно объяснить появившиеся вскоре после освобождения его верноподданнические публикации. В сентябре 1933 г. в газете «За социалистическую науку» появляется статья Мацокина озаглавленная «Я не мыслю своей работы без участия коммунистов». Чего в этом больше – стремления обезопасить себя и своих близких или неприкрытого конформизма? Мацокин идет дальше. В ноябрьском номере журнала «Литература национальностей СССР» за 1935 г. была опубликована его рецензия на вышедший в 1934 г. «Учебник японского языка» П. Гуццо и Г. Горбштейна. Учебник квалифицировался в рецензии как собрание терминологического хлама, а авторы обвинялись в протаскивании японского национализма, пособничестве британскому империализму и даже в насаждении феодализма в советской науке! Эта рецензия, опровергнутая вскоре тридцатью семью ведущими советскими японоведами², тем не менее, сыграла свою роль – П.А. Гуццо, зав. кафедрой Московского института востоковедения был репрессирован и после отбытия пятилетнего срока получил разрешение пойти на фронт в штрафном батальоне, где и погиб. Г.С. Горбштейн умер в заключении³.

¹ Семпер-Соколова Н.Е. Лицом к лицу с мечтой // Toronto Slavic Quarterly. – 2009. – N 29. – P. 88.

² Библиография Востока. Вып. 8/9. – М.; Л., 1936. – С. 139.

³ Алпатов В.М. Репрессированные японисты // Япония 1989. Ежегодник. – М.: Наука, 1991. – С. 316.

Вполне вероятно, что Мацокин против своей воли использовался НКВД для развертывания масштабных репрессий против советской японоведческой школы, и, особенно, против ее дальневосточной части. В.К. Донской пишет «...Владивостокская школа востоковедения располагала высокой научной и педагогической репутацией, была известна и за рубежом. Ее авторитет сохранился и при советской власти. Так что не только НКВД был заинтересован в изъятии специалистов владивостокской школы, но и те, кто не хотел признать приоритет провинциальной научно-педагогической школы. Этот вывод позволили сделать свидетельства 50-х годов (в пору реабилитации) бывших студентов, учившихся в ДВГУ в 1937 г. В те годы конкурентная борьба в науке была не менее острой, нежели в политике, предпринимались самые крайние меры, вплоть до расправы с помощью НКВД. В нашем же случае просматривается противостояние востоковедов Москвы и Владивостока. Доказательством может служить протокол допроса Н.П. Овидиева¹ от 1 февраля 1938 г.»² Овидиев показал, что Мацокин был завербован японской разведкой будучи профессором Института мирового хозяйства в Москве. Обратимся к протоколу, который был опубликован А.А. Хисамутдиновым в журнале Славянского исследовательского центра университета Хоккайдо “Acta Slavica Iaponica”. Н.П. Мацокину в нем уделено достаточно внимания:

¹ Овидиев Николай Петрович – родился 25 апреля 1891 г. в г. Алатырь Симбирской губернии в семье священнослужителя. Потомственный почетный гражданин. Окончил Алатырскую духовную семинарию, японо-китайское отделение Восточного института. 4 года провел в Японии. С 1916 г. работал зав. переводческой частью журнала «Нитиро Дзицугё Симпо» («Известия русско-японского предпринимательства», Токио, Япония), был переводчиком информотдела Дальревкома, разведотдела 5-й армии. По неподтвержденным данным около года (1923-1924 гг.?) работал в Иркутском университете. С октября 1924 г. – преподаватель японского языка в ДГУ и одновременно – переводчик особого отдела 5-й армии. С 1932 г. – зав. кафедрой японского языка Дальневосточного госуниверситета. Жил во Владивостоке вместе с матерью, сестрой и сыном. Арестован в сентябре 1937 г. и вскоре расстрелян.

² Донской В.К. Разгром Восточного факультета ДВГУ // Вестник ДВО РАН. История. Археология. – 1996. – № 1. – С. 107.

Вопрос: Вам известно, кто руководил подрывной деятельностью на японо-лингвистическом фронте в Москве?

Ответ: Из разговоров с японкой – преподавателем японского языка ДВГУ Хопкинс, которые я вел с нею в 1936 году в университете, мне известно, что подрывной деятельностью на японо-лингвистическом фронте Москвы и Ленинграда руководит один из сотрудников японского консульства в Москве, фамилию которого она мне не назвала. Хопкинс и Юркевич* подтверждали, что контрреволюционная организация ДВГУ являлась филиалом японской разведки на японолингвистическом фронте СССР и была использована для организации так называемой «Владивостокской школы японоведения». Школа, солидаризуясь с основоположником японологии старой России, японофилом, профессором Спальвиным**, прикрывая разведкой авторитетом Мацокина, сторонника Спальвина, развернула активную борьбу в СССР с советскими японистами.

Вопрос : Расскажите, какова роль Мацокина в этой борьбе?

Ответ : Перед Мацокиным и его единомышленниками японская разведка поставила задачи:

1. Добиться занятия во всех востоковедческих вузах господствующего положения представителями старой японоведческой школы.
2. Организовать по примеру восточного факультета ДВГУ подрывную работу по подготовке в востоковедческих вузах японофильских кадров.
3. Мацокину было предложено:
 - а) Составить ряд критических статей с уничтожающим анализом появившихся за последнее время работ молодых советских японистов.
 - б) Сплотить вокруг себя возможно большее число единомышленников, как старых, так и молодых японистов, работающих в разных городах Советского Союза.
 - в) Придать остроту своим политическим выступлением, чтобы обратить на борьбу внимание органов Наркомпроса и добиться получения официальной санкции Наркомата на созыв японистов Ленинграда, Москвы и Владивостока.
 - г) Приложить все усилия, дабы обеспечить на этом съезде успех старой школы.

Вопрос : В чем выразилось Ваше личное участие в подготовке созыва съезда японистов?

Ответ : Японская кафедра восточного факультета ДВГУ, которой руководил я, предложила выехавшему в Москву доценту Юркевич представлять на съезде японистов и солидаризироваться (поддержать) с профессором Мацокиным, который намечался на съезде в качестве одного из ответственных докладчиков, обязанных доказать правоту борьбы японоведческой школы. В случае успеха на съезде единомышленников Мацокина, мыслилось, что последнему удастся возглавить кафедру японского языка в Московском институте востоковедения им. Нариманова. Подчинить в этом случае японское отделение института влиянию Владивостокской японоведческой школы, превратив, по примеру последней, отделение института в школу для подготовки японских разведчиков. В данном случае руководство подрывной работой на японо-лингвистическом фронте должно было перейти в центре в руки Мацокина»***.

Доцент Т.С. Юркевич был арестован в Москве, японка Хопкинс, имевшая британское гражданство была выслана из СССР, профессор Е.Г. Спальвин умер 10 ноября 1933 г. в Харбине. Что касается Н.П. Мацокина, то сфабрикованные материалы сделали свое дело и 26 июля 1937 г. он был вновь арестован НКВД. Его фамилия обнаруживается в списке лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР от 3 октября 1937 г. Категория – 1. Район – Москва-центр¹.

8 октября 1937 г. Н.П. Мацокин Военной коллегией Верховного суда был обвинен в шпионаже и приговорен к высшей мере наказания. Расстрел состоялся в тот же день. Прах был похоронен на Донском кладбище. Только 18 мая 1992 г. Прокуратурой России, на основании Закона РСФСР от 18 октября 1991 г., Н.П. Мацокин был реабилитирован.

В 1937 г. был репрессирован и другой японист – Е.С. Нельгин, работавший в 1920 г. на Восточном отделении Иркутского университета. Его судьба сложилась не менее драматично. В госархиве Иркутской области сохранилось его собственноручное Curriculum Vitae². Он родился 27 февраля 1882 г. в Петербурге в семье офицера. В 1895 г. поступил в Винницкое реальное училище, но не окончил его. В 1904 г. с отцом оказался в крепости Порт-Артур. После того как его отец попал в плен, последовал

¹ АП РФ. Оп. 24. Д. 411. Л. 211.

² ГАИО. Ф. 71. Оп. 3. Д. 2493. Л. 3.

за ним в Японию. В 1905-1906 гг. он находился в Японии, где на практике изучал японский язык. В 1907 г. приехал в Маньчжурию, где продолжил изучения японского. В 1908 г., по предложению штаба Иркутского военного округа, Нельгин поступает на должность переводчика японского языка в разведотдел, в которой состоял до 1 июня 1914 г. Одновременно в 1909-1913 гг. он преподавал японский язык в Иркутском военном училище. В 1914 г. поступил слушателем Петербургской Восточной Практической Академии при обществе востоковедения по консульскому и коммерческому отделениям и разряду японского языка, где учился у известного япониста Д.М. Позднеева. С 1916 по 1920 гг. Нельгин привлекался в военные учреждения Иркутска в качестве переводчика японского языка, одновременно давал уроки японского языка. С государственной службы уволился по семейным обстоятельствам в чине губернского секретаря. После революции был переводчиком японского языка в особом отделе 5-й армии. 1 мая 1921 г. он был принят на Восточное отделение Иркутского государственного университета на должность лектора японского языка. В ИГУ работа шла весьма успешно. За короткое время он опубликовал несколько учебных пособий¹, сделал несколько переводов с японского и опубликовал дневник японского офицера в русском плену, японский роман «Унтер-офицер» и др. Его высоко оценивал известный японист, в то время профессор ИГУ Б.К. Пашков: «Е.С. Нельгин – весьма опытный педагог, усвоивший современные методы в деле преподавания японского языка. Его трудами переведен с японского «Камбун» – пособие по новому методу самообучения японскому языку в трех частях (1. Объяснительная, 2. Грамматическая, 3. Тексты)². Хотя положение преподавателя нельзя было назвать прочным: как «бывший белый», он состоял на учете в ГПУ г. Иркутска и вынужден был дать подписку о невыезде, – причиной была его служба в армии до 1917 г. Весной 1924 г. Восточное отделение Иркутского университета (оно к тому времени называлось «Восточным отделением внешних сношений» решени-

¹ Нельгин Е.С. Основы грамматики книжного японского языка. – Иркутск: Кружок ориенталистов при ИГУ, 1922. – 53 с.; Он же. Пособие к изучению японского простого разговорного языка. – Иркутск, 1920.

² ГАИО. Ф. 71. Оп. 3. Д. 2493. Л. 4.

ем Наркомпроса было закрыто. Его ликвидация была завершена к 1 января 1925 г. Многие востоковеды остались без работы и вынуждены были искать ее в других местах. В тяжелом положении оказался и Е.С. Нельгин. В заявлении от 2 ноября 1924 г. на имя ректора ИГУ профессора Н.Д. Бушмакина он писал: «С закрытием Восточного отделения внешних сношений преподавательский состав рассеялся, не дожидаясь 1 января 1925 г. В нежелательных условиях оказался я, а именно: подписка о невыезде, большая семья при отсутствии материальных средств и создавшийся застой к интересу японологии. Все указанные тяжелые условия побуждают меня искать для себя другую работу и, прежде всего, обратиться к Вам с просьбой не нашли бы возможным, дать мне какое-либо другое дело при университете по вашему усмотрению»¹. Только через год в декабре 1925 г. Нельгин «получил назначение для работы по своей специальности, как японист, в г. Владивостоке»².

С 1926 г. Е.С. Нельгин работает в кабинете востоковедения и научной библиотеке ДВГУ, проживает во Владивостоке по адресу ул. Лазо, 23, кв. 2.

5 ноября 1937 г. Е.С. Нельгин был арестован НКВД по ложному обвинению в «контрреволюционной и шпионско-диверсионной деятельности». Поводом к аресту оказались показания, выбитые следователями НКВД у Н.П. Овидиева, а также информация из Иркутского ОГПУ об учете Нельгина как «бывшего белого». В протоколе допроса Н.П. Овидиева сказано: «Нельгин Евгений Степанович, бывший технический секретарь кабинета востоковедения ДВГУ, знаком мне с 1923 года по работе в Иркутске, в контрреволюционную организацию вовлечен лично мною в 1933 году, информированный о целях и задачах организации, вошел в ее состав и изъявил желание вести подрывную работу. Со слов Нельгина, мне известно, что в годы интервенции, в момент перехода Иркутска из рук в руки, от красных к белым, он оставался в городе и информировал японских разведчиков, с которыми был связан, о состоянии и численности частей Красной Армии, занявших город. При занятии РККА Иркутска был арестован, но избежал заслуженного наказания. В 1925 году, уходя с должности переводчика из Особого отдела штаба 5-й Армии, я

¹ Там же. Л. 14.

² Там же. Л. 20.

рекомендовал вместо себя Нельгина, который и был принят на работу»¹. В.К. Донской на основании изучения послужного списка Е.С. Нельгина пишет: «В Центральном Военно-историческом архиве в Москве обнаружен послужной список Е.С. Нельгина 1914 г. (в те времена к составлению таких списков отношение было очень серьезным). Евгений Степанович был обыкновенным русским человеком, рядовым обывателем, неспособным на какую-либо антигосударственную деятельность. Такие люди были всегда. Ко всему прочему, жизнь Е. Нельгина была осложнена каким-то физическим изъяном (он не сумел закончить реальное училище, не подлежал военной службе, поступил на работу в возрасте 26 лет, был холостяком). В переводчики японского языка разведки и контрразведки штаба Иркутского военного округа он попал благодаря заслугам отца – героя обороны Порт-Артура. Русская разведка и подчинявшаяся ей контрразведка в те годы широко использовала вольнонаемных канцелярских служащих и чиновников, в том числе и переводчиков. Какой-либо серьезной роли они в этих службах не играли, делали переводы прессы и документов. Спрос на людей, знавших восточные языки, был велик. О жизни Е.С. Нельгина в 1914–1921 гг. почти ничего не известно. Справка о предполагаемой службе в контрразведке Колчака, скорее всего, эхо его службы до 1914 г. Есть кое-какие свидетельства о том, что до революции и позже он зарабатывал на жизнь частными уроками русского языка японским торговцам и переводами, был и безработным. В 1937 г. он, уже пенсионер, работал – надо было кормить мать и существовать самому. В университете держался незаметно, образ жизни вел замкнутый»². 25 апреля 1938 г. выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда СССР приговорила Е.С. Нельгина к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день. Евгения Степановича Нельгина реабилитировали 2 апреля 1956 г. По делу № 14040 о «единой контрреволюционной шпионско-вредительской организации, существовавшей в ДВ Государственном Университете, входившей в состав право-троцкистского заговора на Дальнем Востоке» вместе с Е.С. Нельгиным был уничтожен весь цвет Восточного факультета ДВГУ: А.П. Ещенко, М.Н. Востриков,

¹ Acta Slavica Iaponica. – 1998. Vol. 16. – P. 207.

² Донской В.К. Указ. соч. – С. 106.

К.А. Харнский, К.П. Феклин, Н.П. Овидиев, И.Т. Быков, Э.Н. Матвеев, В.А. Войлошников, И.С. Менка.

Е.С. Нельгин был реабилитирован посмертно 1 апреля 1956 г., но справку о реабилитации переслать было уже некому.

Примечания

* Юркевич Трофим Степанович (1891-1938 гг.) – японовед-филолог, специалист по экономической географии. Род. в с. Рыповское на о. Сахалин. В 1906 г. был направлен в Токио в русскую православную миссию для изучения японского языка. В 1916 г. окончил Восточный институт во Владивостоке. В годы гражданской войны – во Владивостоке и на Сахалине, служил в военном контроле и казачьих частях, после демобилизации – в воен. почтовой цензуре и переводчиком в японском штабе. В 1921-1930 гг. преподавал японский язык и экономическую географию стран Дальнего Востока в ДВГУ. С 1930 г. преподаватель Московского института востоковедения, с 1931 г. доцент японского языка КУТВ. Специалист по экономической географии стран Дальнего Востока, продолжал заниматься и проблемами преподавания японского языка. Арестован в Москве летом 1938 г. 10 июля расстрелян на полигоне НКВД «Бутово».

** Спальвин Евгений Генрихович (1872 – 1933 г.), профессор японской словесности, знаток языка, истории, культуры Японии, основоположник научной школы японоведов на Дальнем Востоке. Окончил классическую гимназию в Риге. В 1894–1898 гг. учился в Петербургском университете на китайско-монгольско-манчжурском отделении восточного факультета. В январе 1899 г. командирован в Японию. В 1900 г. назначен профессором Восточного института, позже стал его директором. Знал не только восточные языки, но и переводил с французского, немецкого, итальянского и голландского языков. Автор многочисленных пособий по изучению японского языка, статей по истории Японии. Впервые составил и издал на русском языке иероглифический словарь японского языка. Он был редактором периодических изданий “Известия Восточного института” и “Известия Восточного факультета”, составителем и редактором “Бюллетеня ДГУ”. В 1917 г. стал ректором только что образованного Государственного Дальневосточного университета. С 1925 г. – Драгоман полпредства СССР и уполномоченный ВОКС в Японии. В 1931 г. переехал в Харбин, где в ноябре 1933 г. умер после операции.

*** Acta Slavica Iaponica. – 1998. Vol. 16. – P. 207.

Спецпереселенцы в Восточно-Сибирском крае (1930-1936 гг.)

В 1930-е гг. в связи с массовой коллективизацией важным направлением деятельности органов государственной безопасности Восточной Сибири стал прием, размещение, трудоустройство и чекистское обслуживание десятков тысяч спецпереселенцев, сосланных сюда из других районов страны.

Летом 1931 г. в связи с прибытием в край большого количества спецпереселенцев для работы с ними в составе Секретно-оперативного управления Полномочного представительства ОГПУ был создан отдел по спецпереселенцам, на который и легло выполнение названной выше задачи. Его работу курировал заместитель Полномочного представителя К.А. Павлов. Для размещения спецпереселенцев и работы с ними на территории Восточно-Сибирского края было сформировано 24 подчиненных отделу комендатуры спецпереселенцев: Балахтинская, Баунтовская, Богучанская, Бодайбинская, Больше-Муртинская, Зиминская, Игаркская, Ирбейская, Иркутская, Киренская, Колларская, Красноярская, Манская, Нижнеудинская, Олинская, Северобайкальская, Североенисейская, Тайшетская, Усть-Карийская, Черемховская, Чернышевская, Южноенисейская, Ярцевская. На их территории разместилось 165 поселений (поселков) спецпереселенцев, в которых в начале 1932 г. размещалось 25238 семей – 91664 человека¹. Наиболее крупными комендатурами являлись: Черемховская – 10 поселков и 12978 спецпереселенцев, Тайшетская – 17 поселков и 7370 спецпереселенцев, Енисейская – 9 поселков и 6681 спецпереселенец. А самыми маленькими: Северобайкальская – 2 поселка и 270 спецпереселенцев, Колларская – 1 поселок и 702 спецпереселенца и Киренская – 6 поселков и 892 спецпереселенца². В последующем количество спецпереселенцев изменялось незначительно.

Спецпереселенцев в принудительном порядке распределяли на предприятия края, а также организовывали в сельскохозяйственные артели, на которые возлагалась задача обеспечения

¹ Архив Иркутского РУ ФСБ. Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 21. – Л. 75-80.

² Там же.

их продовольствием. Наибольшее количество спецпереселенцев было привлечено к работе на лесозаготовках, на обустройстве Северного морского пути и к добыче благородных металлов. Так, в тресте «Востсиблес» на территории 10 комендатур работало 6368 семей, в тресте «Цветметзолото» на территории 14 комендатур работало 5194 семьи, в системе Комитета «Севморпуть» в 7 комендатурах работало 3369 семей и в «Слюдатресте» на территории 5 комендатур работала 1121 семья¹, что в целом составляло более 75% семей спецпереселенцев Восточно-Сибирского края.

Чрезвычайные методы проведения коллективизации и раскулачивания привели к тому, что в Сибири спецпереселенцы столкнулись с огромными трудностями. Это и отсутствие жилья, и бытовая неустроенность, и нехватка продуктов питания, и враждебное отношение со стороны местных властей и ряда сотрудников ОГПУ. Так, например, только в Канском районе, входившем в состав Тайшетской комендатуры, зимой 1931-1932 гг. 813 спецпереселенцев размещались в непригодных для зимовки бараках, а 862 спецпереселенца (в т.ч. женщины и дети) вообще жили в шалашах без печного отопления, что приводило к массовым заболеваниям и потере трудоспособности². Нередкими были случаи и произвола в отношении спецпереселенцев. В частности, весной 1931 г. в Абанском районе той же Тайшетской комендатуры по распоряжению райкома ВКП(б) была проведена незаконная экспроприация имущества и продовольствия у спецпереселенцев³.

Тяжелые условия и произвол властей вели к росту побегов среди спецпереселенцев. Например, в августе 1932 г. бежало 330 человек, а в сентябре уже 415⁴. К концу года только в Нижнеудинской комендатуре в бегах числилось 1224 человека, причем, только в октябре и ноябре бежало 283 человека, из которых удалось поймать лишь 11⁵. Массовым побегам способствовала и халатность, проявленная рядом сотрудников ОГПУ. Так, Зимин-

¹ Там же.

² Там же. – Приказ № 376 от 19 декабря 1931 г. Полномочного представителя ОГПУ СССР по Восточно-Сибирскому краю.

³ Там же. – Приказ № 162 от 15 мая 1931 г. Полномочного представителя ОГПУ СССР по Восточно-Сибирскому краю.

⁴ Там же. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 870.

⁵ Там же. – Д. 34. – Л. 2.

ский комендант Красавцев длительное время не знал о 77 бежавших и выяснил это лишь при передаче дел вновь назначенному коменданту¹.

Руководству Полномочного представительства ОГПУ пришлось приложить много усилий для наведения порядка в рядах собственных сотрудников и нормализации положения спецпереселенцев. Немало сотрудников ОГПУ за халатность, равнодушие и бездеятельность понесли различные наказания². В частности, за неприятие мер против перегибов партийных органов в отношении спецпереселенцев был отстранен от должности районный уполномоченный ОГПУ по Абанскому району Шафранский³. За пьянство, дискредитацию органов ОГПУ в глазах населения и не пресечение побегов спецпереселенцев из ОГПУ были уволены инспектор Иркутской комендатуры М.Е. Топорков⁴, помощник поселкового коменданта той же комендатуры Н.Д. Гарусов⁵ и ряд других сотрудников.

Одновременно руководители Полномочного представительства ОГПУ принимали решительные меры в отношении труда и быта спецпереселенцев. Так, несмотря на неподготовленность после решения правительства СССР весной 1933 г. о переходе от централизованного снабжения спецпереселенцев продуктами питания к их самообеспечению в том же году комендатурам отдела спецпереселенцев Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю удалось выполнить посевной план на 90%⁶ (это при том, что к началу сева были не очищены семена, не отремонтирован сельхозинвентарь, не подготовлена тягловая сила и т.п.⁷). В результате приложенных организационных усилий постепенно ситуация стала изменяться к лучшему. В частности, уже в том же 1933 г. в одном из приказов И.П. Зирниса отмечалось, что в Черемховской комендатуре «созданы

¹ Там же. – Д. 26. – Л. 870.

² Там же. – Л. 870, Д. 34. – Л. 261-262, Оп. 2. – Д. 41. – Л. 564; и др.

³ Там же. – Приказ № 162 от 15 мая 1931 г. Полномочного представителя ОГПУ СССР по Восточно-Сибирскому краю.

⁴ Там же. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 262.

⁵ Там же. – Оп. 2. – Д. 41. – Л. 216.

⁶ Там же. – Л. 564.

⁷ Там же. – Оп. 1. – Д. 34. – Л. 261.

укрупненные спецпоселки, с обеспечением нормальной жилищной площадью», к производству привлечены все трудоспособные спецпереселенцы и достигнут рост производительности труда¹. В 1933 же году ЦК ВКП(б) принял постановление «Об организации трудовых поселений ОГПУ», которым спецпоселения преобразовали в трудовые и изменили название самих поселенцев.

Другой важнейшей задачей органов ОГПУ в Восточной Сибири являлись борьба с побегами спецпереселенцев и их чекистское обслуживание. Для борьбы с побегами с 1933 г. Коллегия ОГПУ СССР приравнивала их к побегам из мест заключения со всеми вытекающими последствиями. Еще раньше, в 1932 г. руководство Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю потребовало от своих сотрудников сокращения сроков следствия по делам о побегах до 2 месяцев и проведения его не по месту побега, а по месту поимки². По отбытии срока наказания, спецпереселенцев (трудопоселенцев) в обязательном порядке направляли в трудовые поселки. Туда же направляли и семьи бежавших (если в побеге участвовала и семья)³.

Главное же средство борьбы с побегами, а также и с антисоветски и контрреволюционно настроенными лицами руководство ОГПУ видело в усилении агентурно-оперативной работы среди спецпереселенцев и повышении ее эффективности. На этом участке деятельности ОГПУ в Восточно-Сибирском крае первое время также имелось много упущений. В частности, К.А. Павлов в январе 1933 г. отмечал, что «агентурно-оперативное обслуживание спецпереселенцев повсюду до сих пор поставлено совершенно неудовлетворительно»⁴. К его наиболее вопиющим недостаткам относились: отсутствие резидентов и резидентур во многих местах, отсутствие осведомительной сети среди женщин и молодежи, бесплановость расстановки и работы осведомительной сети (неравномерное территориальное размещение осведомителей, несоблюдение пропорций национального признака среди осведомителей и т. п.), почти полное отсутствие разработки «антисоветского элемента» (не было ни одного группового дела), слабость работы осведомительной сети (в среднем в течение

¹ Там же. – Оп. 2. – Д. 41. – Л. 213.

² Там же. – Д. 21. – Л. 258.

³ Там же. – Оп. 1. – Д. 35. – Л. 260.

⁴ Там же. – Д. 34. – Л. 1.

1932 г. по райотделениям ОГПУ имелось около 50 донесений осведомителей, а в Тайшетском райотделении все осведомители в течение года не дали ни одного донесения)¹. Для исправления ситуации и улучшения работы органов ОГПУ в Восточной Сибири руководство Полномочного представительства приняло следующее решение:

1. В райотделениях всю агентурно-оперативную работу сконцентрировать в руках определенных сотрудников;

2. Отстранить от связи с осведомительной сетью по спецпереселенцам работников комендатур;

3. Провести чистку осведомительной сети по спецпереселенцам;

4. Организовать специальные резидентуры по женщинам и молодежи;

5. Подыскать и завербовать недостающих резидентов;

6. Создать сеть квалифицированных осведомителей, которые могли бы выявить антисоветские и контрреволюционные настроения;

7. Расширить круг вопросов, подлежащих освещению агентурно-оперативной работой (положение спецпереселенцев на производстве, злоупотребления хозяйственников со спецпереселенческими фондами питания и зарплаты, бытовое положение – жилищные условия, питание, зарплата, санитарное состояние, советизация – стремление к восстановлению в правах голоса, оседание, культурное обслуживание – школы, кружки, библиотеки и т.п., религиозность, сектантское движение)².

И в последующем вопросы спецпереселенцев (трудопоселенцев) находились в центре внимания руководителей органов государственной безопасности Восточной Сибири. В частности, когда в мае 1934 г. ЦК ВКП(б) через постановление ЦИК СССР разрешил краевым исполкомам Советов восстанавливать трудопоселенцев в гражданских правах³, перед органами государственной безопасности встал вопрос о паспортизации восстановленных в правах. Поскольку постановление ЦИК и СНК СССР от 25 января 1935 г. не давало права восстановленным в правах покидать места поселения, руководство Управления НКВД по Восточно-

¹ Там же. – Л. 1-2.

² Там же. – Л. 2-3.

³ См.: История Сибири. – Т. 4. – С. 384.

Сибирскому краю приняло решение: выдавать этим лицам паспорта исключительно в трудовоселках. При этом в паспортах делать соответствующую отметку, которая служила основанием запрещения для прописки где-либо кроме мест поселения, лиц же с подобной отметкой в паспортах, обнаруженных в других местностях, задерживать как бежавших¹.

Мильбах В. С.

Политические репрессии командно-начальствующего состава Сибирского военного округа, 1937–1938 гг.

Сформированный приказом РВС СССР № 757/138 от 12 июня 1924 г. Сибирский военный округ (СибВО), объединял все войска, учреждения и заведения военного ведомства, которые располагались на территории Сибири и Дальнего Востока. С образованием по приказу РВС СССР № 227/41 от 6 августа 1929 г. Особой Дальневосточной армии, в её состав перешли несколько соединений и частей Сибирского военного округа².

С этого времени Сибирский военный округ, в который входили территории Западно-Сибирского края, Ойротской и Хакасской автономных областей, Красноярский край (с мая 1935 г.), стал по существу внутренним военным округом, имея на южном участке лишь узкую полосу границы с Монголией и Китаем. Из СибВО в Забайкалье был направлен 18-й стрелковый корпус, в Приамурье – 19-й стрелковый корпус, в Читу была передислоцирована 21-я стрелковая дивизия.

В конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. на территории СибВО были сформированы новые стрелковые, авиационные, механизированные и другие соединения и части, которые существенно увеличили боевую мощь военного округа. По состоянию на январь 1938 г. в состав СибВО входили соединения: 71, 73, 78, 94-я стрелковые дивизии, 44, 102, 134-я авиационные бригады, а также отдельные части и подразделения: 42-й отдельный

¹ Архив Иркутского РУ ФСБ РФ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 62. – Л. 31.

² Фабрика Ю.А. Сибирский щит (становление сибирского воинства и военные деятели Сибири). – Новосибирск. Государственное предприятие «Новосибирский полиграфический комбинат». 2001.- С. 101-103.

авиаотряд, 5-й отдельный батальон связи, 27-й инженерный батальон, 205-й отдельный танковый батальон, 6-й отдельный батальон местных стрелковых войск, 2-я отдельная химическая рота¹.

С 1936 г. на территории военного округа дислоцировалась 5-я отдельная бригада из состава Особого корпуса железнодорожных войск. Из военных учебных заведений СибВО самым крупным являлось Омское военное училище. Кроме выполнения задач в интересах боевой готовности, воины-сибиряки оказывали помощь народному хозяйству в период его восстановления и реконструкции. Необходимо отметить экономический аспект кампании массовых чисток. Состояние экономики оставалось наиболее уязвимым местом в сталинской системе. В течение нескольких лет партия и ОГПУ-НКВД методично истребляли «вредителей», но результаты не оправдывали ожиданий. На заводах и шахтах по-прежнему происходили массовые аварии и остановки производства, гибли рабочие. Например, на угольных шахтах Кузбасса в результате бесчисленных аварий в 1935 г. погибло 167 рабочих, на следующий год – еще 162. Из-за высокой аварийности и вызванных этим остановок производства здесь ежегодно терялось свыше полумиллиона тонн угля. Особенно болезненно отражались на экономике провалы в работе транспорта. В 1935 г. и начале 1936 г. Томская железная дорога представляла собой очаг непрерывных катастроф и заторов. Только из-за неисправности пути здесь ежедневно происходило до 10 аварий и крушений. Депо были забиты расстроенными паровозами, коммерческая скорость поездов упала до 9 км/ч, а на новосибирском участке доходила до 2 км/ч, 250 составов были брошены на путях².

Несмотря на введение института уполномоченных и политотделов с чрезвычайными правами, провалы в экономике и производственные катастрофы неизбежно повторялись. Радикальное средство, которым политическое руководство страны давно владело и могло пустить в ход при необходимости – это насилие и угроза его применения. Основания для развертывания масштабной кампании политических репрессий были подготовлены

¹ РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 1668. Л. 6.

² Цит. по: Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928-1941. – Новосибирск: Изд. сибирского отделения РАН, 1997.

органами НКВД. В качестве примера можно привести ряд сообщений Н.И. Ежова И.В. Сталину: спецсообщение от 15 февраля 1937 г. о вредительской деятельности иностранных разведок в Западно-Сибирском крае¹, спецсообщение от 11 марта 1937 г. о троцкистском центре в Западно-Сибирском крае², спецсообщение от 19 апреля 1937 г. о террористической группе научных работников в Западно-Сибирском крае³.

Естественно, что все сферы жизнедеятельности управлений, штабов, войск и учреждений Сибирского военного округа также находились под контролем органов НКВД. Пристальное внимание уделялось особыми отделами НКВД различного рода контрреволюционным проявлениям со стороны военнослужащих. Обзор документов служебной переписки окружного командования с органами НКВД свидетельствует, что в 1936 г. о вскрытых фактах подобного рода начальник особого отдела или его заместитель периодически информировали командование СибВО. Так, в «Спецсообщении о нездоровых и антисоветских реакциях в частях СибВО, в связи с проектом новой конституции СССР», сообщалось, что отдельные военнослужащие пытались проводить контрреволюционную агитацию. Например, «Стык Ян Зофиевич, сверхсрочник, помкомвзвода 213 сп, ранее исключен из ВКП(б) заявил: «Сталина возвышают везде, много лишнего пишут о Сталине...». Стык арестован. Заместитель начальника ОО майор госбезопасности Залпетер. 3. 7. 36 г.»⁴.

В сообщениях особого отдела, датированных январем-июлем 1936 г. в основном фигурировали тылополченцы, жены военнослужащих, вольнонаемные, но с июля всё активнее стала поступать информация и о командном составе. Например, в одном из спецсообщений «отмечаются случаи активизации исключенных из партии, в частности, командир танковой роты ОРБ 78 сд Селиверстов в беседе с командирами говорил: «Когда я подписывался на прежние займы, мне говорили, что облигации оплатят через 10 лет, а теперь выходит, что за них не получишь при своей жизни ничего...». В 213 полку 71 сд лейтенант Каблуков, член ВКП(б) открыто выступил против постановления пра-

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 250. Л. 98-102.

² Там же. Оп. 24. Д. 295. Л. 167-180.

³ Там же. Д. 301. Л. 178-180.

⁴ РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 1665. Л. 98.

вительства о новом займе: «Заем мне совершенно не нужен... обмен облигаций прежних займов, есть обман рабочих». Майор госбезопасности Залпетер. 3. 7. 36 г.»¹.

Сообщения об отдельных представителях командно-начальствующего состава свидетельствуют о том, что они находились под наблюдением особого отдела в течение продолжительного времени. Примером может служить один из документов переписки, датированный апрелем 1936 г.:

«Спецсообщение на помощника комбатареи 71 ап 71 сд лейтенанта Радского Анатолия Дмитриевича. Помощник командира батареи 71 сд лейтенант Радский Анатолий Дмитриевич, рожд. 1906 г. урож. г. Киева, русский, член ВКП(б) с 1928 г., морально разложился, связался с с/ч (социально чуждым – прим. автора) элементом; замечен в контрреволюционных проявлениях, высказывает террористические взгляды. В подтверждение приведённого, располагаем следующими проверенными фактами: в апреле 1935 г. в разговоре с командирами об исторической роли вождей, высказал троцкистско-террористические настроения: «Троцкий надолго вошёл в историю». На возражение одного из командиров, Радский ответил: «Он гремит, как знаменитость». Сообщая о вышеизложенном на распоряжение, ОО СибВО со своей стороны считает необходимым поставить вопрос об изъятии Радского из рядов РККА. Начальник УНКВД и ОО СибВО комиссар госбезопасности 3 ранга Каруцкий. Помощник начальника ОО СибВО капитан госбезопасности Малышев»².

В ходе боевой подготовки войск особые отделы НКВД собирали информацию о настроениях личного состава, прежде всего – командиров. Так, по результатам двухсторонних учений войск СибВО, которые проводились в период с 9 по 13 августа 1936 г. и явились серьезной проверкой их боевой способности, особым отделом было подготовлено сообщение о «нездоровых настроениях» некоторых командиров. По сведениям органов НКВД, недовольство условиями службы, вплоть до выражения готовности к дезертирству из РККА, выразили представители командно-начальствующего состава 213-го стрелкового полка 71-й стрелковой дивизии: командир 1-го батальона капитан Баканов, начальник штаба 3-го батальона старший лейтенант Суханов,

¹ Там же. Л. 107.

² Там же. Л. 59-61.

помощник начальника штаба батальона лейтенант Дорожкин, командир взвода лейтенант Мукомолов¹.

Особенно оперативно реагировали особые отделы на высказывания политического характера, которые можно было квалифицировать как проявление контрреволюционной агитации среди военнослужащих. Как правило, сразу же следовало сообщение особого отдела командованию СибВО, например: «26августа 1936 г. красноармеец Селиверстов Г.Н. выступил с заявлением и оправданием контрреволюционной террористической деятельности расстрелянного Зиновьева и других. Арестован и привлечен к уголовной ответственности по ст. 58 УК»².

На ранней стадии массовых политических репрессий (конец 1936 – начало 1937 гг.) вопрос об аресте представителей командно-начальствующего состава органами НКВД, как правило, согласовывался с командованием. Так, в спецсообщении от 29 августа 1936 г. «О контрреволюционной зиновьевской деятельности врача Новосибирского окружного военного госпиталя Е.А. Горюнова, 1910 года рождения, члена ВЛКСМ, окончил ВМА в 1934 г.» до командующего войсками СибВО доводилось: «... приступили к расследованию. На основании изложенного просим поставить вопрос об удалении Горюнова Е.А. из РККА и о немедленном его аресте... Начальник УНКВД по ЗСК ст. майор ГВ Курский»³.

Также примером может служить «Спецсообщение о технике-интенданте 1-го ранга Омской объединенной военной школы имени Фрунзе – Г.А. Вещеве, 1909 года рождения, заведующем библиотекой», в котором было указано: «Вещев подлежит аресту как троцкист, просим поставить вопрос перед НКО об изъятии Вещева из РККА. Зам. начальника ООУГБ УНКВД ЗСК ст. лейтенант ГВ Боровских»⁴.

Необходимо отметить, что представители НКВД проявляли настойчивость, добиваясь ареста командиров. Повторное сообщение особого отдела от 13 ноября 1936 г. относительно Г.А. Веще-

¹ Там же. Л. 112-114.

² Там же. Л. 135-136.

³ Там же. Л. 155.

⁴ Там же. Л. 170-171.

ва было более категоричным: «Просим сообщить, какое принято Вами решение в части удаления из РККА троцкиста Вещева»¹.

В ряде случаев представители органов НКВД настаивали на увольнении из РККА группы представителей командно-начальствующего состава. Например, 13 ноября 1936 г. заместитель начальника ООУГБ Скрипко обращался к командующему войсками СибВО комкору Я.П. Гайлиту: «Просим сообщить, какое принято Вами решение в части удаления из РККА троцкиста Пожидаева Алексея Васильевича, комбата 212 сп и Кожевникова Петра Илларионовича, командира роты 212 сп, исключенных из партии за подрывную деятельность в полку, что было вскрыто ОО 71 сд в лагерный период». А.В. Пожидаев был уволен из РККА. 6 февраля 1937 г. он был арестован и через 5 дней военным трибуналом СибВО приговорен к 7 годам ИТЛ по ст. 193-17 УК РСФСР, при этом обвинение по политической статье было выделено в отдельное производство. 28 октября 1937 г. А.В. Пожидаев был приговорен к расстрелу.

Следующий пример – 15 ноября 1936 г. заместитель начальника особого отдела УГБ НКВД по Западно-Сибирскому краю старший лейтенант госбезопасности Скрипко сообщал комкору Я.П. Гайлиту: «В сентябре месяце была доложена заместителю начальника ПУОКР СибВО дивизионному комиссару т. Подарину справка о компрометирующих материалах на военнослужащих политорганов СибВО:

1. Сутьян Яков Менделевич, политрук, начальник Томского ДКА.

2. Наханович Владимир Леонтьевич, батальонный комиссар, начальник Новосибирского ДКА.

3. Селиванов Владимир Семенович, инструктор ПУОКР на предмет увольнения перечисленных из РККА. Просим сообщить, какое принято Вами решение, в части дальнейшего пребывания их в армии»².

На документе особого отдела имеется резолюция комкора Я.П. Гайлита: «Помкомвойск и Прокофьеву. Для рассмотрения и разъяснения ОО УГБ УНКВД в соответствии с директивой т. Ворошилова 7488. (Подпись – Гайлит). 15. 11. 36.». Но последующие сообщения особого отдела содержали требования

¹ Там же. Л. 212.

² Там же. Л. 207.

об увольнении все новых и новых представителей командно-начальствующего состава, например: капитана Р.И. Миллера, старших лейтенантов И.И. Часницкого и Х.П. Белетюка, лейтенанта Н.В. Хвана, военных врачей Е.А. Горюнова, З.Г. Гуммерова, Я.И. Роскина и других¹.

Вполне вероятно, что органам НКВД удалось выявить общее настроение командно-начальствующего состава и локализовать распространение недовольства путем «изъятия из РККА» лиц, которые были замечены в антисоветской агитации. Но вряд ли они смогли обнаружить всех выражающих недовольство политическими процессами, происходящими в стране. Например, сотрудник красноармейской газеты «Ворошиловец» 71-й стрелковой дивизии лейтенант А.И. Иванов в письме своим знакомым 20 января 1937 г. выражал свое отношение к происходящим в стране политическим процессам: «Только что прочёл в Известиях о суде над К. Радеком, Пятаковым, Сокольниковым и др. Их зачислили в шпионы, диверсанты, бандиты. Попробуй наш брат разобраться, что к чему... Жалка роль человека, которому ничего не остается делать, как надувать легкие для крика «ура» и складывать ладоши, извлекая хлопки, чтобы приветствовать приговор, по которому умерщвляются «злодеи». Массы решают всё – это только спирт для одурманивания многих голов»².

Отдельные исследователи выдвигают предположение о том, что «в Сибири «дело военных» начало приобретать форму огромного заговора с того момента, как в феврале 1937 г. НКВД обнаружило «шайку шпионов и троцкистов» в Доме Красной Армии СибВО – ведомстве Политуправления округа. «Шпионами» оказались музыканты из концертной бригады ДКА, которых приглашали для выступлений в японское консульство в Новосибирске»³.

Однако приведенные выше факты свидетельствуют о том, что оперативная работа по вскрытию групп политических заговорщиков в СибВО проводилась особым отделом задолго до этого и

¹ Там же. Л. 209-213.

² Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937-1938. – М.: ТЕРРА, 1998. – С. 56-57.

³ Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928-1941. – Новосибирск: Изд. сибирского отделения РАН, 1997. – С. 194.

арест военнослужащих из окружного ДКА являлся лишь частью масштабной акции проводимой органами НКВД.

Результаты следствия были использованы для обвинения нескольких руководителей политуправления СибВО, по чьей вине «кадры троцкистов» попали на важные идеологические посты. «Компрометирующие материалы» указывали на ответственность начальника отдела агитации, пропаганды и печати политуправления СибВО батальонного комиссара М.Я. Яковлева. По требованию секретаря Западно-Сибирского краевого комитета ВКП(б) Р.И. Эйхе он был арестован 6 марта 1937 г. М.Я. Яковлев был приговорен к высшей мере наказания 27 октября 1937 г., реабилитирован посмертно 28 ноября 1956 г.

Архивные документы служебной переписки свидетельствуют о том, что весной 1937 г. в СибВО резко увеличилось количество арестов командно-начальствующего состава. По обвинению в том, что он скрывал поступавший в редакции материал, «изобличавший врагов народа», 15 мая 1937 г. был арестован заместитель редактора газеты «Красноармейская звезда» старший политрук Е.М. Плост. В окружном аппарате были «разоблачены» и арестованы как враги народа некоторые руководящие работники, преимущественно из числа начальников отделов. В ПУОКРе – 10 человек, в штабе и окружных управлениях – 16 человек. Из руководящего состава соединений и частей изъяты и репрессированы: командир 94-й стрелковой дивизии комдив Чистяков, командир 134-й штурмовой авиабригады Эпштейн, врид начполитотдела 134-й штурмовой авиабригады М.И. Свиридов, начполитотдела 44-й штурмовой авиабригады Денисов, начальник политотдела 78-й стрелковой дивизии А.С. Коробченко, начальник политотдела ТАУ С.М. Агейкин, заместитель начальника политотдела 71-й стрелковой дивизии И.Р. Щербина, начальник штаба 71-й стрелковой дивизии А.А. Семьянов, начальник штаба 71-й стрелковой дивизии Г.В. Кондратьев, командир 233-го стрелкового полка И.С. Газукин, командир 233-го стрелкового полка А.П. Упельнек, командир 73-го артиллерийского полка М.М. Струсельба и другие.

По сведениям органов НКВД, организованной контрреволюционной деятельностью были охвачены в той или иной степени почти все части округа. На отдельных участках органами НКВД были вскрыты более компактные очаги этой деятельности, которая носила вредительский характер. Так, например, в окружном

складе было обнаружено вредительское патронирование снарядов; в 212-м стрелковом полку – вредительская пристрелка оружия; ... ветеринары губили конский состав, ... катастрофы в 4-й эскадрилье 102-й авиабригады были организованы врагом народа комэском А.П. Артемьевым и его женой-шпионкой и т. п.

Анализ содержания переписки командования СибВО и органов НКВД, датированной октябрем-декабрем 1936 г. свидетельствует о том, что именно на рубеже 1936-1937 гг. процесс политических репрессий в Сибирском военном округе начал активизироваться. В этот период деятельность особых отделов приняла наступательный характер и вступила в конфликт с командованием военного округа, которое действовало в рамках существующих законодательных норм, оставляя за собой право увольнения, следовательно – и ареста, представителей командно-начальствующего состава.

С 4 декабря 1933 г. по 15 мая 1937 г. войсками Сибирского военного округа командовал Гайлит (Гайлитис) Ян Петрович. Участник первой мировой войны, подпоручик, он примкнул к революционному движению в 1917 г., член партии большевиков с февраля 1918 г. В годы гражданской войны командовал в Сибири бригадой, дивизией, корпусом. В 1923-1924 гг. – командующий войсками СибВО, в конце 1920-х – помощник командующего войсками СибВО. Впоследствии Я.П. Гайлит являлся командующим войсками Кавказского военного округа, заместителем начальника Главного управления РККА, слушателем академии имени Фрунзе, помощником командующего Минским укрепленным районом, командующим войсками Уральского военного округа¹.

После 3,5 лет командования войсками СибВО, в мае 1937 г. он вновь был назначен командующим войсками УрВО, но уже 15 августа 1937 г. по обвинению в причастности к «лагышской националистической организации» был арестован. Перемещение в другой округ и последующий арест Я.П. Гайлита являлись звеньями одной цепи. Органами НКВД было организовано дело о националистическом заговоре в Сибирском военном округе. В декабре 1937 г. были арестованы комиссар 102-го авиационного парка старший политрук К.Я. Фридриксон, начальник боепита-

¹ Фабрика Ю.А. Сибирский щит (становление сибирского воинства и военные деятели Сибири). – Новосибирск: Государственное предприятие «Новосибирский полиграфический комбинат», 2001. – С. 183-185.

ния 218-го стрелкового полка интендант 3-го ранга А.Я. Штольцер, начальник отделения техчасти 102-го артиллерийского полка воентехник 1-го ранга В.Я. Бикш, военрук школы Ф.Ф. Силко, преподаватель физкультуры Ж.П. Сегленек, студент Л.С. Москвин. В январе 1938 г. к этой группе арестованных был добавлен командир 217-го стрелкового полка полковник Ж.К. Цауне. Арестованные по этому делу обвинялись в принадлежности к контрреволюционной латышской националистической организации, которая якобы существовала в войсках Сибирского военного округа и возглавлялась командующим войсками округа комкором Я.П. Гайлитом. Комкор Я.П. Гайлит был расстрелян 1 августа 1938 г., реабилитирован посмертно 26 ноября 1956 г.

С 25 июня 1937 г. по 2 июня 1938 г. Сибирским военным округом командовал комкор Антонюк Михаил Антонович. Участник первой мировой войны, поручик, после февральской революции он примкнул к большевикам, в годы гражданской войны командовал батальоном, полком, бригадой, группой войск. М.А. Антонюк закончил Академию Генерального штаба РККА и Военную академию им. Фрунзе, затем командовал соединением. В должности командующего войсками СибВО находился около года.

В выступлении на заседании Военного совета при НКО СССР 22 ноября 1937 г. М.А. Антонюк доложил К.Е. Ворошилову и всем собравшимся: «В Сибирском военном округе, как и в других округах, враги народа, шпионы, вредители крепко приложили свою руку, чтобы подорвать боеспособность войск. Нет ни одной отрасли работы, товарищ народный комиссар, где бы не было вредительства. Чем глубже копнешь, тем больше находишь и тем скорее изживаешь в практической работе это вредительство». Виновными в имеющихся недостатках он назвал прежнее командование СибВО – уже арестованных Гайлита, Подарина, Прокофьева: «В области боевой подготовки враги народа Гайлит, Подарин и другие брали упор на невыполнение приказов 00105 и 0160¹ и на срыв взаимодействия на поле боя»².

Отметив ряд недостатков в боевой подготовке войск округа, полное отсутствие марксистско-ленинской подготовки, слабую

¹ Имеются в виду приказы НКО СССР от 3 ноября 1936 г.: 0106 «Указания по специальной и тактической подготовке Сухопутных войск»; 00105 «Об итогах боевой подготовки за 1936 год и задачах на 1937 год».

² РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 54. Л. 161.

сколоченность штабов, М.А. Антонюк вынужден был признать низкий уровень мобилизационной готовности СибВО: «Копнув по-настоящему мобилизационную готовность, я должен сказать, что в этом деле мы увидели полную необеспеченность, особенно в материальном отношении, вещевом и обзном». Особенно плохо, по словам командующего, дело обстояло с боеприпасами, запасы которых – несколько сот тысяч, в том числе для Забайкалья и Дальнего Востока, – хранились в СибВО: «Когда мы копнули состояние огнеприпасов, то я должен сказать, что здесь мы увидели полную необеспеченность... Враги создали положение, когда мы не можем из пушки бить по цели. Те, которых арестовали по этому делу, показывают, что такое же положение и в других округах. Я прошу проверить это положение в других округах»¹.

В выступлении М.А. Антонюка явно просматривалось стремление переложить вину за имеющиеся недостатки в состоянии боевой подготовки и мобилизационной готовности войск на предыдущее командование, а также показать в выгодном свете себя, как непримиримого борца по искоренению этих недостатков.

Представляет интерес анализ содержания окружных приказов по командно-начальствующему составу СибВО, подписанных командующим М.А. Антонюком в период активных политических репрессий во второй половине 1937 г. Всего с 20 мая по 27 декабря 1937 г. было издано 93 приказа (№ 012-0104) о перемещении командно-начальствующего состава округа, из них 35 приказов о выдвигании на вакантные должности и 54 приказа об отстранении от должности и об увольнении командно-начальствующего состава.

В то же время продолжались аресты командного состава гарнизонов и работников штаба округа. Были арестованы начальники окружных управлений: автобронетанковых войск – И.И. Кузнецов, военно-воздушных сил – К.В. Маслов, артотдела М.О. Петров, инженерных войск А.И. Осипов, войск связи Э.М. Грашинь, химических войск А.М. Ронэ, командир 71-й стрелковой дивизии комбриг С.А. Уласевич и его заместитель бригадный комиссар М.М. Поляков, командиры полков П.К. Суммер и С.Д. Карпов, редактор окружной газеты А.А. Соковиков и многие другие. В результате репрессивной политики, к исходу 1937 г. в штабе, в управлениях и отделах СибВО сложилась напряженная ситуация

¹ Там же. Л. 165-166.

с кадрами. По сведениям Ю.А. Горькова, «войсками всего Сибирского военного округа длительное время командовал капитан»¹.

Это не вполне соответствует действительности, но определенное время (1-2 месяца) отдельные должности в управлении и штабе СибВО, в том числе командующего и начальника штаба округа, временно исполняли другие военнослужащие. Так, судя по служебной переписке, приказы на увольнение командно-начальствующего состава в начале июля 1937 г. подписывали: командующий СибВО М.А. Антонюк, начальник штаба комдив И.З. Зиновьев, за члена военного совета – дивизионный комиссар Г.Ф. Невраев, который затем был переведен в ЗабВО и там арестован. С середины июля и до конца 1937 г. приказы за члена военного совета подписывал дивизионный комиссар Н.А. Юнг. Но начальник штаба СибВО комдив И.З. Зиновьев 20 декабря 1937 г. был арестован и через полгода казнен. Член военного совета СибВО Н.А. Юнг был арестован 30 января 1938 г. Документы последних месяцев 1937 г., были подписаны командующим СибВО М.А. Антонюком, за члена военного совета – полковым комиссаром А.В. Шадриним, за начальника штаба подписывался «вр. НШ капитан Смахотворов»².

После ареста М.А. Антонюка, с 17 июля 1938 г. по июнь 1941 г. Сибирским военным округом командовал комкор Калинин Степан Андрианович. Участник первой мировой войны, прапорщик, член партии большевиков с 1917 г., в годы гражданской войны командовал бригадой. В 1922 г. окончил Академические курсы, в 1928 г. – курсы усовершенствования высшего начальствующего состава, затем командовал рядом дивизий, в том числе – 73-й стрелковой (СибВО), был заместителем командующего Киевским военным округом. Необходимо отметить, что политические репрессии также коснулись С.А. Калинина. С марта 1944 г. генерал-лейтенант С.А. Калинин командовал Харьковским военным округом, по обвинению в антисоветской агитации он был арестован 24 июня 1944 г. за попытку объективного анализа массовых арестов в армии в 1937-1938 гг.³ и осужден к тюремному заключению⁴.

¹ Горьков Ю. А.. Кремль. Ставка. Генштаб. – Тверь. 1995. – С. 16.

² РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 881. Л. 4-12.

³ Цит. по: Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937-1938. – М.: ТЕРРА, 1998. – С. 401.

⁴ Кузнецов И.И. Маршалы, генералы и адмиралы 1940 года. – Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания, 2000. – С. 168.

С развитием процесса политических репрессий командование СибВО лишилось возможности влиять на аресты, которые осуществляли органы НКВД. Порою особые отделы бесцеремонно вмешивались в жизнедеятельность военного округа, преследуя свои ведомственные интересы. По данным кадровых органов и военной прокуратуры, в 1937-1938 гг. в войсках округа было уволено по политическим мотивам не менее 1050 представителей командно-начальствующего состава, из которых арестовано 480 человек. 250 командиров и начальников были расстреляны и умерли в местах лишения свободы. Значительно пострадал командно-начальствующий состав штаба СибВО, командиры соединений и частей.

Таким образом, в период политических репрессий 1937-1938 гг. командующие войсками СибВО не могли оказать влияния на процесс расширения политической чистки в войсках, поскольку сами были отстранены от командования и арестованы (комкоры Я.П. Гайлит, М.А. Антонюк) или вынуждены были смириться с проводимыми репрессиями в армии, осознавая всю её пагубность (комкор С.А. Калинин). Фактически, командование СибВО оказалось неспособно противодействовать произволу, творимому органами НКВД в войсках. В результате органы военного управления, соединения и части СибВО понесли потери не только в командно-начальствующем составе. Стала давать сбои организация управления войсками, наблюдалось падение дисциплины и организованности, снизился уровень боевой выучки и политико-морального состояния войск. Все это крайне отрицательно повлияло как на организацию повседневной деятельности войск, так и на состояние боевой готовности Сибирского военного округа.

Дацышен В.Г.

Политические репрессии и китайцы в СССР

На протяжении почти всего двадцатого века в нашей стране в значительном числе присутствовали китайские мигранты. Но китайская община практически никогда не воспринималась русскими в качестве органичной части российского общества. Не случайно, проживавшие на территории России китайцы, как и представители других национальных групп, подвергались различного рода репрессиям со стороны государства, в том числе и репрессиям политическим. Под политическими репрессиями

понимаются картельные меры государственных органов, проведенные без достаточных юридических оснований в русле общегосударственной репрессивной политики. При этом само понятие «достаточные юридические основания» является во многом условным, в реальной практике российско-советской и мировой правоохранительно-карательной системы границы между «законными репрессиями», политическими репрессиями, произволом власти и преступной халатностью являются «прозрачными». Понятие политические репрессии обычно относится к советскому периоду истории страны, формальным основанием считается осуждение лиц по «антисоветским» статьям и их дальнейшая реабилитация¹.

Китайцы в значительном числе появились на территории Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. В годы Первой мировой войны китайское присутствие достигло значительных масштабов, мигранты из Китая, общей численностью в несколько сот тысяч человек оказались практически во всех регионах империи. Экономический и политический кризис в России, вызванный революцией 1917 г., втянул значительную часть китайцев в политические события, предопределил их участие в гражданской войне. Но, несмотря на вынужденный характер этого участия, репрессии каждой из воюющих сторон против китайцев из стана противника были крайне жесткими. Антисоветские силы относились вообще ко всем китайским мигрантам как к потенциальным сторонникам Советов. Один из руководителей антисоветских сил в Сибири – генерал М.В. Ханжин – в апреле 1919 г. издал секретный приказ, неоднократно доводившийся до руководства сибирских частей: «Приказываю беспощадно истреблять добровольческие части противника, а так же мадьяро-латышские, китайские и интернациональные...»². Известны факты жестокой расправы над китайцами в Мариуполе. В Нерчинске «белогвардейская контрразведка в октябре 1919 года уничтожила в нерчинской тюрьме большевиков... При

¹ Общие масштабы политических репрессий в СССР формально выражены в следующих цифрах: по ст. 58 УК РСФСР и соответствующим статьям кодексов других республик всего было осуждено 3777380 человек, в том числе 643 тыс. человек были расстреляны.

² Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.1675. Оп.1. Д.19. Л.11.

вскрытии 18 мая 1921 года могилы расстрелянных было найдено 132 трупа (из них 17 китайцев и 4 женщины)»¹.

Китайцы, служившие у атамана Г.М. Семёнова в Забайкалье, в 1920 г. попали в первые советские лагеря. В «Первом Красноярском концлагере» отбывали наказание китайцы, осужденные следственной комиссией Пятой Армии «за службу в армии Колчака»². В опубликованной в апреле 1918 г. семипалатинской газете «Трудовое знамя» сообщалось, что на одной из станций были отобраны тайно перевозимые двумя японцами и двумя китайцами из Харбина в Иркутск письма от атамана Г.М. Семенова, лазутчики были арестованы и отправлены в Иркутскую тюрьму³. Не поддерживали большевиков и китайские купеческие общества. И в годы гражданской войны одной из форм репрессий в отношении, в том числе и китайцев, стали мероприятия, проводившиеся в рамках «борьбы со спекуляцией» и реквизиции, проводившиеся не только большевиками. В «Докладной записке Бийской Городской Управы» министру внутренних дел сообщалось: «16-го сентября 1917 г. Комиссар Коалиционного Комитета Анищенко явился в сопровождении солдат к китайскому подданному Ху-чен-ху и отобрал у него шелк, фанзу, креп, всего 2712 кусков...»⁴. С установлением Советской власти реквизиции были узаконены, например, только с 9 января по 20 марта 1918 г. в Бийске было составлено 55 актов о реквизициях, из них 27 актов – на китайских подданных.

С победой Советской власти, репрессии в отношении китайцев, которых традиционно считали союзниками большевиков, не прекратились. Так как китайские мигранты в своем подавляющем большинстве не высказывали энтузиазма по поводу радикальных реформ, проводившихся в Советской России, то и среди первых репрессированных новой властью их процент был очень высоким. Например, в «Первом красноярском концлагере» за время его существования в 1920-1922 гг. побывало около ста китайцев, что составило более 1/3 официально учтенных в Енисейской губернии китайских мигрантов. Первый китайский

¹ Петряев Е. Нерчинск. – Чита, 1959. С.103.

² ГАКК Ф.Р-1743. Оп.1. Д.870.

³ Трудовое знамя. – Семипалатинск. – 1918 г., 29 (16) апреля.

⁴ Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф.174. Оп.1. Д.136. Л.288.

заключенный, некий *Юй-фа*, был переведен в Красноярск 11 июня 1920 г. из Ачинской тюрьмы. Но большинство китайцев были помещены в концлагерь по обвинению в «трудовом дезертирстве» на срок от 10 дней до нескольких месяцев. Например, в ноябре 1920 г. 13 китайцев, рабочих овчинного завода, за нарушение трудовой дисциплины были приговорены к десяти дням заключения. В качестве типичного можно привести «Дело гражданина Ван-жу-кун, обвиняемого в многократном самовольном оставлении работ в Центральной Прачечной без уважительных на то причин». В феврале 1921 г. Комиссия по борьбе с трудовым дезертирством при Енисейском Губернском Комитете Всеобщей Трудовой Повинности приняла решение «Считать обвинение доказанным в чем подтверждает и сам обвиняемый, Комиссия постановила заключить гражданина Ван-жу-кун в концентрационный лагерь, на принудительные работы в административном порядке на две недели. По отбытии срока наказания направить Ван-жу-кун к месту службы»¹. В апреле 1921 г. Комиссией по борьбе с трудовым дезертирстве при Енисейском Губкоме Всеобщей трудовой повинности на месяц заключения в концлагере были осуждены 19 китайцев. В этом «Деле о трудовых дезертирах» было записано: «Считать факт дезертирства на трудовом фронте доказанным, так как никто из обвиняемых не представил никаких удостоверений о службе или работе. Заключить всех 19 человек в концентрационный лагерь на принудительные работы ассенизационного характера сроком на один месяц каждого; после отбытия наказания передать их в Учрабсилы»².

Осужденные за «трудовое дезертирство» китайцы во время заключения, согласно инструкции «О порядке использования труда заключенных в лагерях», обычно работали по профессии на своих же предприятиях или отправлялись на ассенизационные работы. Были и более суровые наказания. Например, повар общества «Самодетельность» Владимир Александрович Добровольский, он же *Лю-шу-хуа*, летом 1921 г. был осужден на год лишения свободы без права применения на работах вне лагеря³. Лишенные свободы китайцы зачастую не знали, за что они наказаны, не понимали новых законов, обязывающих их рабо-

¹ ГАКК. Ф.Р-1743. Оп.1. Д.883. Л.1.

² ГАКК. Ф.Р-1743. Оп.1. Д.898. Л.4.

³ ГАКК. Ф.Р-1743. Оп.1. Д.714.

тать против своей воли. Другие китайцы подавали апелляции и бежали. Например, из «Первого красноярского концлагеря» за время его существования сбежали три китайца.

На протяжении 1920-х гг., несмотря на политику интернационализма и в целом благоприятную ситуацию вокруг китайской общины в СССР, китайские мигранты все же подвергались политическим репрессиям и бюрократическому произволу. Например, в 1927 г. в Хабаровске судили руководителей местного Китайского коммерческого общества по обвинению в террористической деятельности¹. В октябре 1927 г. китайский консул из Благовещенска писал: «Советская власть в соответствии со своей экономической политикой сурово обращается с китайскими коммерсантами. Здесь их арестовывают и, по решению Политбюро в Москве, ссылают в глухие места, в Нарым и Архангельск»². В числе реабилитированных позднее жертв политических репрессий в Алтайском крае за 1919-1930 гг. отмечено как минимум три китайца, в том числе артист из с. С.-Алейское Змеиногорского района *Жен-Дин-Чун*, осужденный за антисоветскую агитацию и пропаганду к высылке из СССР, и житель с. Каменка Новосибирского округа *Цуй Цзян Жой*, осужденный к высшей мере наказания³. В 1929 г. в Барнауле был арестован и осужден на три года исправительно-трудовых работ, якобы за контрабанду валюты, спекуляцию и незаконное хранение оружия, ремесленник-зеркальщик *Ван-Тин-Лин*⁴. В апреле 1930 г. в Томске был арестован торговец из Пекина, освобожден через несколько месяцев «в связи с прекращением дела». Власти решительно вели борьбу против «китайских буржуев», например, актив Китайской секции Иркутского окружкома ВКП(б) в конце 1920-х г. принял решение: «Вести работу по борьбе с эксплуатацией рабочих со стороны нэпманов-китайцев, с незаконной торговлей и дать решительный отпор нэпмановской агитации

¹ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф.П-2. Оп.1. Д.65.

² Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. – М., 2003. С.131.

³ Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т.1. 1919-1930. – Барнаул, 1998.

⁴ В 1938 г. он вновь арестован, а затем и расстрелян.

против всенародных мероприятий, проводимых Советским правительством»¹.

В 1920-х гг., с началом активного участия китайцев во внутриполитической борьбе в СССР, вызревают предпосылки для массовых политических репрессии и в отношении китайских коммунистов, в значительной части разделявших взгляды Л.Д. Троцкого. Как отмечают исследователи: «Китайские троцкисты, оставшиеся в Советском Союзе, осенью 1928 г. сформировали свою собственную конспиративную организацию. Первое время в ней насчитывалось около 40 человек. Вся их работа была направлена на обеспечение условий для дальнейшей оппозиционной деятельности на родине»². Обучавшиеся в СССР китайцы в основной массе критически относились к установкам советских преподавателей, а тех студентов, кто не разделял господствующие левацкие взгляды, называли хвостистами или даже «русскими собаками». В 1927 г. развернулась борьба среди китайских коммунистов на Дальнем Востоке. Внутри китайской ячейки сложилось две группировки: «одна группа из части приезжих товарищей. Большинство из них южане-интеллигенты. Другая группа – местные товарищи («сибиряки») либо политически малограмотные, либо совсем неграмотные, в большинстве своем – северяне»³. Возможно, с этими проблемами был связан процесс в Хабаровске, когда в 1927 г. судили одного из китайских коммунистических лидеров по обвинению в террористической деятельности⁴.

Говоря о китайских студентах в Москве, исследователи отмечают: «В 1929 г. китайские оппозиционеры активизировали свою работу. Готовясь к будущей борьбе в Китае, они вместе с тем начали открыто выступать против сталинистов в своих учебных заведениях... В целом под тем или иным влиянием троцкистских идей находилось более 20% общего числа китайцев, проходивших в то время обучение в Москве... Развязка наступила в на-

¹ Государственный архив Новейшей истории Иркутской области (ГА-НИИО). Ф.16. Оп.1. Д.1258. Л.89.

² Панцов А.В. Сталин и китайская революция. // Революция и реформы в Китае новейшего времени: поиск парадигмы развития. – М., 2004. С.87.

³ ГАХК. Ф.П-2. Оп.1. Д.367. Л.265.

⁴ ГАХК. Ф.П-2. Оп.1. Д.65. Л.157-178.

чале февраля 1930 г., когда в КУТК были произведены аресты. За решеткой оказались 25 человек. В последующие три месяца в подвалы Лубянки были препровождены еще одиннадцать активных участников китайской левой оппозиции... В сентябре 1930 г. двадцать четыре китайских троцкиста были приговорены к различным срокам заключения в лагерях и к ссылке. Большинство из них погибло, выжить смогли не более десяти человек»¹. Известный исследователь А.Г. Ларин пишет: «В приговоре коллегии ОГПУ 36 троцкистам значились лишение свободы, в основном на срок 3-5 лет, высылка в Иваново и Нижний Новгород. Тех, кто не был арестован, отправили рабочими на московские заводы – проходить “пролетарскую школу”. Несколько человек были “без явок” высланы в Китай..»². Вообще, репрессии против «китайцев-троцкистов» на Дальнем Востоке активно проводились в последующие годы, «борьба» была активизирована после убийства в 1934 г. С.М. Кирова³.

Отдельной страницей истории репрессий в отношении китайцев в СССР можно считать период советско-китайского конфликта на КВЖД во второй половине 1929 г. В разных регионах страны, в первую очередь на границе, в 1929 г. были отмечены факты репрессий против китайцев, их выселение из приграничных районов или даже арест. Руководство СССР также обозначило курс на усиление карательных мер против китайцев. На заседании Политбюро от 5 сентября давалось указание ОГПУ «усилить репрессии по отношению к китайским гражданам из торговцев, спекулянтов и т.п., заключив в тюрьму в ближайшие дни от 1-2 тыс. человек, главным образом, в районе Дальнего Востока и сделав самый режим заключения более суровым, чем в настоящее время»⁴. Подобная политика, несомненно, способст-

¹ Панцов А.В. Сталин и китайская революция. // Революция и реформы в Китае новейшего времени: поиск парадигмы развития. – М., 2004. С. С.88-90.

² Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. – М., 2003. С.142.

³ Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России 91917-1938 гг.). – Владивосток, 2009. С.279.

⁴ Гузин А.С. О некоторых аспектах политико-дипломатической истории советско-китайского конфликта 1929 г. на КВЖД // Вестник Международного Центра Азиатских Исследований. – Иркутск, 1999, №1.

вовала активизации деятельности правоохранительных или карательных органов в отношении китайских мигрантов. Арестованный в 1929 г. в Хабаровске и осужденный на три года за антисоветскую деятельность Сергей Александрович Юань-Сун-Юн был сослан в Нарым, где и остался жить до конца 1930-х гг.¹ В Змеиногорском районе на Алтае в сентябре 1929 г. арестовали двух китайцев, одного осудили вскоре к высылке из СССР, второго – к высшей мере наказания. Арестованных осенью 1929 г. фотографа из села Тальменка *Чжан-Ян* и торговцев из Барнаула *Хан-Чжи-Чжун* и *Шао-Цин* осудили по 58-й статье к трем годам лишения свободы. Дело арестованного по обвинению по той же 58-й ст., в том же сентябре 1929 г. фотографа из г. Рубцовска *Чжан Шуй-Шин* было вскоре прекращено «за недоказанностью обвинения». Ремесленник-зеркальщик в Барнауле *Ван-Тин-Лин* в 1929 г. был арестован и осужден на 3 года исправительно-трудовых работ якобы за контрабанду валюты, спекуляцию и незаконное хранение оружия². В документах отмечается и прямая связь арестов с конфликтом: «По полученным в Консульстве Китайской Республики в г. Чите сведениям, 7 сентября 1929 г. 12 китайских подданных, проживавших в Барнауле, были арестованы в связи с конфликтом на Китайской Восточной железной дороге агентами ОГПУ, осуждены к лишению свободы на три года по обвинению в 58\6 и 59\12 ст.ст. уголовного кодекса РСФСР и отправлены на кирпичный завод Сибирского Управления Лагерей Особого Назначения ОГПУ гор. Кузнецка Сибирского Края»³.

Несмотря на то, что власти СССР хотели сделать жизнь в новой стране привлекательной для всех народов на земле, китайские рабочие, не говоря уже о других социальных группах, в своем большинстве не видели преимущества нового строя. Не случайно, с начала 1930-х гг. китайские мигранты в разных

¹ 1937-1938 гг. Операции НКВД: Из хроники «большого террора» на томской земле. – Томск-М., 2006. С.219.

² Бойко В.С. Китайская община Барнаула в раннесоветский период: штрихи к социально-психологическому портрету // Четвертые востокведные чтения памяти С.Г. Лившица / Материалы IV региональной конференции. – Барнаул, 2002. С.177

³ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф.Р-47. Оп.5. Д.100. Л.78.

регионах страны стали восприниматься как не очень лояльные к советской власти жители. В частности, китайцы всячески противостояли политике коллективизации. О ситуации вокруг китайских колхозов в период массовой коллективизации хорошо видно из письма Президиума Новосибирского Горсовета: «До весенне-посевной кампании 1934 года китайские колхозы существовали больше по названию, чем по существу, так как обобществление имущества почти не было, лошади, транспорт и орудие производства находились у их владельцев... В декабре месяце при обследовании нами все это было вскрыто и произведено обобщение всего имущества, большая часть имевших трех-четырех наемных рабочих сбежали, оставив имущество, а председатель колхоза в январе месяце был снят с работы и отдан под суд, который осужден на 10 лет... Консул сам лично выехал в колхоз «Красный Восток»... через 3-4 дня был организован массовый выход из колхоза в количестве 28 семей, с предъявлением требования немедленной выплаты за их имущество... и только благодаря нашему вмешательству с участием НКВД были изъяты ставленники Консула и остальная масса приступила к работе... Когда нами было разобрано по существу заявление, посланное Горкому и Горсовету за 15 подписями, то оказалось, что заявление о разукрупнении было подписано людьми, не состоявшими в колхозе, а Чан-Бон-Зин являлся репрессированным кулаком. Наряду с этой разлагательной работой также было организовано массовое воровство... В 1935 году начиная с весны началась массовая посылка в колхоз людей, не имеющих никаких документов с препроводительными Консула, который рекомендовал принять на работу в колхоз, после того, когда консул узнал, что его препроводительные нами задерживаются, он стал направлять людей через своих людей в колхозах, таким образом в ноябре месяце в обоих колхозах нами выявлено 62 человека, у которых нет никаких видов, удостоверяющих личность... Посланный в колхоз председателем устроен кладовщиком, явно контрреволюционный тип под фамилией Хун-Ха-Ды, который сделал контрреволюционное выступление в момент прохождения торжественного собрания колхоза, посвященного 18-летию Октябрьской революции, докладчик, останавливаясь на продолжающемся кризисе и чудовищной бедности трудящихся масс, – Хун-Ха-Ды вскочил с места и начал кричать, что “докладчик брешет как собака, что

в Китае живут бедно, там трудящиеся живут богаче и лучше, чем в Советском Союзе” начал нещадно ругать председателя, что он продался и созывает такие собрания, что его нужно убить и группа китайцев во главе с Хун-Ха-Ды и Суй-Лин-с целую ночь караулили председателя и вызывали его, чтобы убить... По всем выступлениям, которые были в Китайских колхозах, мы реагировали быстро, что зависело непосредственно от нас устранялось немедленно, но совсем другое отношение было, когда мы обращались за помощью к милиции, прокуратуре, то эта помощь приходила в значительном опоздании»¹.

В 1930-х гг. стала практиковаться ссылка китайцев из Европейской части СССР в Сибирь. Но и собственно на территории Сибири и Дальнего Востока с начала 1930-х гг. фиксируются факты политических репрессий в отношении китайцев. Согласно «Книги памяти жертв политических репрессий города Благовещенска», около ста проживавших в этом городе китайцев подверглись политическим репрессиям. Отмечены расстрельные приговоры в отношении их в 1930, 1932, 1933 гг. В 1932 г. китайцы приговаривались к различным срокам заключения в «концлагерях», от двух до 10 лет, к ссылке на 3 года в Западную Сибирь. Владелец хлебопекарни Сяо-Чун-Тин в 1932 г. был осужден на 5 лет лагерей, а владелец колбасной фабрики Мын-Лин Василий в том же году был расстрелян по ст. 58-10².

Отчасти репрессивный характер носила политика советского руководства в отношении некоторых интернированных китайцев, вынужденных перейти на территорию России с оккупированной японцами Маньчжурии. Если перешедшая через границу в декабре 1932 г. армия Су Бинвэня уже весной 1933 г. была вывезена в Китай, многие немногочисленные китайские подразделения, интернированные в первой половине 1930-х гг., надолго были задержаны на советской территории. Летом – осенью 1932 г. 200 китайских солдат были размещены на лесозаготовках в Нарымском округе севера Западной Сибири. Возможно, что на принудительных работах в Сибири оказались те китайские военные, которые перешли границу не с основными силами. Например, задержанные летом 1932 г. пограничниками в районе стан-

¹ ГАНО. Ф. 47. Оп.5. Д.215. Л.76-78.

² Книга памяти жертв политических репрессий города Благовещенска. Т.1. – Благовещенск, 2000.

ции Маньчжурия пять китайцев по решению «тройки» ОГПУ были высланы в Нарымский округ. Очевидно, этими китайцами и были *Юй-Вэн-Дзи*, *Тын*, *Цан-Кя-Чин*, *Юй-Фу-Куон* и *Кун-Куон-Ли*, объявленные после ареста 1938 г. переброшенными в СССР служащими китайской полиции г. Маньчжурия японцами¹. Весной 1934 г. новая партия интернированных китайцев прибыла на Черногорские угольные копи в Хакасии. Тогда же в Сибирь прибыл отряд *Дя-син-хи*, размещенный, очевидно, в Кузбассе. При этом статус и положение этих китайцев оказались довольно противоречивыми.

Интернированные китайские солдаты в Сибири находились фактически на принудительных работах. Не будучи ни военнопленными, ни осужденными, они были лишены свободы на правах советских спецпереселенцев. Работники ОГПУ–НКВД считали интернированных китайцев военнослужащими, таковой являлась и позиция командования Сибирского военного округа. Позиция местных партийных органов была иной, солдаты рассматривались как китайские рабочие, находящиеся в СССР и могущие стать его постоянными жителями.

В докладной записке секретаря Хакасского обкома ВКП(б) «О культурно-бытовых условиях, настроениях и работе интернированных китайцев и корейцев на Черногорке» от 27 апреля 1934 г. говорилось об ужасных условиях, в которых находились интернированные китайцы². В течение длительного периода отсутствовал элементарный учет и контроль сделанной работы, интернированные не имели расчетных книжек, нарядов и замеров выполненных работ. С другой стороны, с нормами выработки китайцы обычно не справлялись, что влекло за собой снижение норм выдачи пайков. Местные власти, говоря об интернированных китайцах, отмечали «отрицательное отношение их к пребыванию в СССР»³, а 12 августа 1934 г. китайские рабочие устроили «волынку», причиной которой стало «изъятие реакционно-настроенных офицеров из отряда». В течение шести часов около ста человек пикетировали отделение милиции, требуя от-

¹ 1937-1938 гг. Операции НКВД: Из хроники «большого террора» на томской земле. – Томск-М., 2006. С.219.

² Отдел документов новейшей истории Государственного архива Республика Хакасия (ОДНИ ГАРХ). Ф.2. Оп.1. Д.269. Л.52.

³ ОДНИ ГАРХ. Ф.2. Оп.1. Д.249. Л.32об.

пустить на волю своих командиров. В июле 1935 г. администрация рудника отмечала, что «среди китайских рабочих чувствуется полная разнузданность, упадок дисциплины, и 109 человек на протяжении четырех месяцев нигде не работают, занимаются карточной игрой и спекуляцией»¹.

Практически всех китайцев объединяло стремление вернуться домой. Уже весной 1934 г. 19 китайцам удалось бежать с Черногорки. Несмотря на запреты, ходатаи из числа интернированных китайцев регулярно выезжали в Новосибирск в китайское консульство. В направленной из Западно-Сибирского крайисполкома телеграмме в НКВД от 4 марта 1935 г. говорилось: «... Кроме того за последнее время кит. генконсульство в Новосибирске выдало нацпаспорта китайцам... состоящим в Советском гражданстве, а также интернированным китайцам... указанные лица являются в иностранное отделение с требованием о признании за ними прав китайского гражданина добиваясь получения вида на жительство и в случае отказа о том ходатайствуют о выдаче им разрешения на выезд в Китай. Паспорта указанных лиц находятся у нас без ответа по ним заинтересованным лицам и консульству»². Попытки самостоятельно добраться до Китая обычно не приводили к успеху, например, в 1934 г. 11 китайцев, находившихся на рудниках Прокопьевска, ушли из места сосредоточения с намерением вернуться на родину через Туву, но заблудились, были задержаны и возвращены назад. Очевидно, сотням интернированных китайцев так и не удалось вернуться на родину, они стали жертвами политических репрессий в период их активизации в конце 1930-х гг.

Новая волна массовых политических репрессий захлестнула китайскую общину Сибири в 1937 г. Многие китайцы подвергались репрессиям повторно, но наказание было гораздо суровее. Фактически в Сибири почти все китайцы оказались в числе репрессированных. 23 октября 1937 г. вышел Приказ НКВД СССР №00693 «Об операции по репрессированию перебежчиков – нарушителей госграницы СССР». Документ предписывал арестовать всех перебежчиков, «независимо от мотивов и обстоя-

¹ Силонов С.М. Интернированные китайцы в Сибири (на материалах Красноярского края) // Вестник НГУ. Серия: История. Филология. 2007. Т.6. Вып.4: Востоковедение. С.29.

² ГАНО. Ф. 47. Оп.5. Д.215. Л.8-8об.

тельств перехода на нашу территорию», осуждение их (в том числе и «оставшихся не разоблаченными как агенты иностранных разведок») к заключению в тюрьмы или лагеря. 22 декабря 1937 г. вышла Директива НКВД о репрессиях среди китайцев на Дальнем Востоке, предписывавшая немедленно арестовать всех китайцев, «проявляющих провокационные действия или террористические намерения». 31 января 1938 г. вышло Постановление Политбюро о продлении до 15.04.1938 операции «по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финн, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын» с оставлением «существующего внесудебного порядка рассмотрения дел».

Репрессии прокатились по всей стране, коснувшись как советской «китайской элиты», так и неграмотных рабочих. Например, Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 3 декабря 1937 г. был приговорен по ст. ст. 58-6-8-11 УК РСФСР к высшей мере наказания и вскоре расстрелян в Ленинграде уроженец Гуанчжоу и член ВКП(б) с 1926 г. *Чжан-Вен-Зун*, работавший председателем колхоза «Красный Восток» в Ленинградской области. В 1937 г. был арестован и на следующий год расстрелян редактор китайской газеты «Рабочий путь» Чжоу Давэнь (Чугунов)¹. В 1938 г. был расстрелян арестованный в Москве известный ученый и политический деятель Ши Хуфан (Сюн-Фу-Фан, Конус Николай Васильевич)². В 1938 г. был осужден по ст. 58-10 УК РСФСР к расстрелу директор клуба китайских рабочих в Благовещенске *Ван-Чин-Сян*³. По данным донецкого историка В.Н. Никольского, в 1930-х гг. по Донецкой области было репрессировано около 100 китайцев.

В 1937-1938 гг. пострадали от политических репрессий почти все китайцы, работавшие в востоковедных научных центрах Москвы и Ленинграда. Были расстреляны доцент Ленинградского восточного института Фу Мин, арестован Го Шаотан (Крымов

¹ Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. – М., 2003. С.142.

² Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917-1991). – СПб., 2003. С.215.

³ Книга памяти жертв политических репрессий города Благовещенска. Т.1. – Благовещенск, 2000. С.29.

А.Г.) и другие¹. Исследователи истории Международной ленинской школы отмечают: «Среди репрессированных оказались Дун Исян, Ма Юаньшэн, Чжоу Давэнь, Чэнь Юй, Юй Сюсун, Ю Синчао, Ху Сяо. Только Ма Юаньшэну и Чэнь Юю удалось избежать высшей меры наказания»². В списке арестованных НКВД бывших студентов Научно-исследовательского института национально-колониальных проблем (НИИНКП) был, например, объявленный делегацией КПК при ИККИ японским шпионом бывший секретарь партиячейки из Северной Маньчжурии Ма Ин (Ма Юцин). Затем, в 1937-1938 гг. было арестовано и расстреляно еще несколько студентов, а также аспирант НИИНКП Чэнь Вэйи³.

Арестованный в Барнауле в 1938 г. китаец М.Т. Старцев умер в тюрьме в 1944 г., а позднее, как и многие его соотечественники, был посмертно реабилитирован⁴. Всего в этот период на Алтае «за антисоветскую агитацию и пропаганду» было арестовано, а затем расстреляно или посажено на длительные сроки заключения около двух сот китайцев. Например, в марте 1938 г. несколько десятков китайцев, почти все из прибывших на Алтай в 1936 г. перебежчиков из Маньчжоу-го, были осуждены к расстрелу или длительным срокам заключения по обвинению в участии в «шпионско-повстанческих организациях». Немало фактов политических репрессий было зафиксировано в Благовещенске. В 1937 г. был расстрелян работавший кучером в консульстве Маньчжоу-го *Лю Конжун*; в 1938 г. был расстрелян заведующий золотоскупкой в Благовещенске Николай Васильевич Чен-И-тан; рабочий *Ха Тунже* в 1939 г. осужден к лише-

¹ Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917-1991). – СПб., 2003.

² Спичак Д.А. Китайские студенты Москвы и сталинские репрессии 1930-х гг. // История Китая: материалы китаевед. конф., ИСАА при МГУ (май 2004 г.) – М., 2005. С.23.

³ Спичак Д.А. Китайские студенты Москвы и сталинские репрессии 1930-х гг. // История Китая: материалы китаевед. конф., ИСАА при МГУ (май 2004 г.) – М., 2005. С.25.

⁴ Бойко В.С. Китайская община Барнаула в раннесоветский период: штрихи к социально-психологическому портрету // Четвертые востоковедные чтения памяти С.Г. Лившица / Материалы IV региональной конференции. – Барнаул, 2002. С.178.

нию права проживать в режимных местах на три года¹. В трех томах «Книги памяти томичей, репрессированных в 30-40- и начало 50-х годов» отмечено около 60 китайских имен. Это были представители разных профессий: автотехник, парикмахер, слесарь, лотошник, бухгалтер, повара, огородники, печники, сапожники. Среди репрессированных китайцев было несколько учащихся подготовительных курсов при Учительском институте и колхозников, бухгалтер райсобеса *Фу-Чжи-И* (Фукин Владимир), заведующий магазином в Колпашево *Ван-Сье-Чжан* (Громов В.С), председатель огородной артели «Красный Китай» *Фу-Цзын-Чэн*².

Подобная же ситуация наблюдалась на севере Западной Сибири. В «Справке Нарымского окружного отдела НКВД на арест группы жителей г. Колпашево, подозреваемых в принадлежности к китайской шпионской, диверсионной организации» от 9 февраля 1938 г. говорилось о «вскрытой и ликвидированной Нарымским окротделом НКВД контрреволюционной шпионско-диверсионной повстанческо-террористической организации, созданной в Нарымском круге по заданиям японских разведорганов...», и было указано 12 человек с китайскими именами, а также два мужчины и женщина с русскими именами³. Картину форм и масштабов репрессий против китайцев дает «Протокол допроса С.А. Юан-Сун-Юна, обвиняемого в принадлежности к китайской шпионской диверсионной организации» от 26 февраля 1938 г.⁴ *Юан-Сун-Юн*, признавшийся английским и японским шпионом, показал на допросе, что китайцами «в 1937 г. в момент уборочной компании сожжен мост через реку Чаю. В 1936 году совершены поджоги радиоузла и здание аэродрома в пос. Колпашево, уничтожены пожарами большие площади лесных массивов строевого экспортного леса...», кроме того, «в момент войны Японии против СССР должны проводить круше-

¹ Книга памяти жертв политических репрессий города Благовещенска. Т.1. – Благовещенск, 2000. С.29, 99, 144, 127.

² Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30-40- и начало 50-х годов. Т.1-3. – Томск, 1991-1992.

³ 1937-1938 гг. Операции НКВД: Из хроники «большого террора» на томской земле. – Томск-М., 2006. С.203.

⁴ 1937-1938 гг. Операции НКВД: Из хроники «большого террора» на томской земле. – Томск-М., 2006. С.217.

ния поездов и уничтожение важных сооружений транспорта и других объектов оборонного значения», для чего было сформировано пять китайских групп для работы на станциях Тайга, Юрга, Топки, Мариинск и Новосибирск¹. Всего же в 1937-1938 гг. по делу о «контрреволюционной шпионско-диверсионной китайской организации в Нарымском округе было репрессировано 57 человек, в том числе 51 китаец². Четыре китайца оказались репрессированными по делу о японской группе. Всего китайцы в общем числе репрессированных в 1937-1938 гг. в Нарымском округе составили около 0,5%. Позднее, при пересмотре в 1957 г. этого дела, выяснилось, что якобы сожженного моста, как и прочих уничтоженных объектов, вообще никогда не было, никаких материалов, подтверждавших причастность китайцев к диверсионно-шпионской деятельности, в 1930-х гг., также не имелось³.

В Хакасии в конце 1930-х гг. китайцы составили около 1% от общего числа репрессированных. В документальном романе «Казнь прокурора» приводится следующий факт: «Уже в феврале-марте 1938 года Керин при содействии Хмарина арестовал все мужское население из числа интернированных в 1931-1933 годах китайцев и корейцев, работавших в основном на шахтах Черногорских копей. Всего около 700 человек. Многие из них не знали русского языка, не понимали, в чем их обвиняют. По указанию переводчика – платного сотрудника УНКВД *Зи-лен-ка* (по-русски его фамилия писалась как Зеленко) – обвиняемые ставили на готовых протоколах допросов кресты и отпечатки пальцев в подтверждение того, что они – японские шпионы и вредители, готовившиеся к свержению советской власти в случае нападения Японии на Советский Союз. Большинство из них были расстреляны, хотя это были наиболее трудолюбивые, дисциплинированные работники»⁴. Данная картина подтверждается материалами по реабилитации жертв политических репрессий в

¹ 1937-1938 гг. Операции НКВД: Из хроники «большого террора» на томской земле. – Томск-М., 2006. С.219-220.

² 1937-1938 гг. Операции НКВД: Из хроники «большого террора» на томской земле. – Томск-М., 2006. С.423.

³ 1937-1938 гг. Операции НКВД: Из хроники «большого террора» на томской земле. – Томск-М., 2006. С.389-392.

⁴ Гавриленко В.К. «Казнь прокурора». Документальное повествование. – Абакан, 2000.

Хакасии. Десятки китайцев, в основном шахтеров с Черногорских копей, были приговорены к расстрелу за антисоветскую агитацию, шпионскую деятельность или как участники диверсионных групп¹.

Подобные репрессии коснулись китайцев, проживавших в Тувинской Народной Республике. В 1937-1941 гг. были осуждены к различным срокам заключения или к расстрелу за «контрреволюционную деятельность» совхозники *Фан-Фын-Шин (Шокар-Бады)*, *Хо-Фы-Лин*, Намзырай (он же *Сю-Фу*), торговцы *Ян-Ло-Юй* Федор и *Сю-Фын-Шан*, скотовод *Сун-Ен-Дин* (Дунин-Чыргал), повар *Ко-У-Ил* Оскан-Шокар, *Ли Зи Вей* Григорий (Мельгунов) и другие².

О масштабах репрессий против китайцев говорят сухие строки материалов, собранных в 1990-х гг. членами общества «Мемориал» в Красноярском крае: «...ЧЖАН ВЭН ЦАЙ, 1923 г.р., китаец, Ссылный в Бирилюсском р-не КК. 19.08.1947 умер; ЧЖАН-ЛЯН-У, 1896 г.р., китаец, уроженец Китая. Фотограф в с. Таштып, Хакасия. 14.02.1938 арестован. 02.09.1938 Комиссией НКВД и прокурора СССР приговорен к расстрелу за участие в к/р организации и а/с агитацию. 01.06.1960 реабилитирован облсудом Хакасии; ЧЖАН-ХУН-ХИ, 1898 г.р. китаец, уроженец провинции Мукден, Китай. В 1922 перебежчик из Китая. Заготовщик фабрики «Спартак» в Красноярске. С 26.05.1938 в Красноярской тюрьме по делу Лю-Син-Пина № 18479. От своих, ранее данных показаний, 04.06.1939 отказался. Дело прекращено 24.06.1939, из-под стражи освобожден. В других документах указано, что осужден в 1938; ЧЖАН-ШЕНЬ, 1895 г.р., китаец, уроженец провинции Хобей, Китай. Кустарь-сапожник на базаре в Красноярске. С 26.05.1938 в Красноярской тюрьме по делу Лю-Син-Пина № 18479. От своих, ранее данных показаний, в 1939 отказался. Дело прекращено 24.06.1939, из-под стражи освобожден. В других документах указано, что осужден в 1938; ЧЖАО ЮН СЯН (он же Чжао У Дэ), 1890 г.р., китаец. Рабочий артели «Красный восточник» в Красноярске. 02.09.1938 Комиссией НКВД и прокурора СССР приговорен к расстрелу. 26.09.1938 расстрелян в Красноярске; ЧЖАО-ДИН-ЮН, 1896

¹ Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Хакасия. – Абакан, 1999.

² Музей истории политических репрессий Республики Тува.

г.р., китаец, уроженец провинции Шень-Дунь, Китай. Без определенных занятий в Красноярске. 19.05.1938 Комиссией НКВД и прокурора СССР приговорен к расстрелу. 22.11.1938 расстрелян в Красноярске; ЧЖОУ-ЧЖЕ-ПИН, 1912 г.р., китаец, уроженец д. Юн-Пин-Фу уезда Чжин-Ли-Сян провинции Хобей, Китай. Чернорабочий 5-го лесозавода в Енисейске. 04.01.1938 Комиссией НКВД и прокурора СССР приговорен к расстрелу. 04.01.1938 расстрелян в Красноярске; ЧЖЭН-ДЭ-ГУЭ, 1908 г.р., китаец, уроженец провинции Шань-Дунь. Гражданин Китая. В 1915 приехал в Сибирь на заработки. Жена русская. Рабочий артели «Красный огородник» в Канске. 26.02.1938 арестован. 19.05.1938 Комиссией НКВД и прокурора СССР приговорен к расстрелу по ст. 58-6, 11 УК. 02.10.1938 расстрелян в Канске. 06.03.1958 реабилитирован ВТ Московского ВО; ЧИ-ЗО-ДИ (Ли-Зо-Ди), 1915 г.р., китаец, уроженец Китая. Работал в шахте в Черногорске. 18.02.1938 арестован. 02.09.1938 Комиссией НКВД и прокурора СССР приговорен к расстрелу за к/р деятельность. Реабилитирован 27.05.1958 ВТ СибВО; ЧИ-ИН-ДИН, 1901 г.р., китаец, уроженец Манчжурии. Отбойщик шахты № 3 в Черногорске. 18.07.1936 арестован. 02.02.1937 ОСО НКВД СССР осужден на 3 года ИТЛ за шпионаж. Реабилитирован 09.09.1989 прокуратурой КК; ЧИ-У-ФУ, золотостаратель на прииске. 02.10.1938 расстрелян в Канске; ЧИ-ЧАН-САН, 1910 г.р., китаец, уроженец Китая. Работал в шахте в Черногорске. 17.02.1938 арестован. 02.09.1938 Комиссией НКВД и прокурора СССР приговорен к расстрелу за а/с агитацию. Реабилитирован 27.05.1958 ВТ СибВО; ЧОН-ФУН-ЛИН, 1892 г.р., китаец, уроженец Китая. Работал в шахте в Черногорске. 13.02.1938 арестован. 25.05.1938 Комиссией НКВД и прокурора СССР приговорен к расстрелу за участие в диверсионной группе. Реабилитирован 24.07.1959 ВТ СибВО; ЧОН-ЦЕ, 1901 г.р., китаец, уроженец Китая. Работал в шахте в Черногорске. 17.02.1938 арестован. 02.09.1938 Комиссией НКВД и прокурора СССР приговорен к расстрелу за к/р деятельность. Реабилитирован 27.05.1958 ВТ СибВО; ЧОУ-ДО-ЧАН, 1896 г.р., китаец, уроженец Китая. Работал в шахте в Черногорске. 17.02.1938 арестован. 02.09.1938 Комиссией НКВД и прокурора СССР приговорен к расстрелу за участие в диверсионной группе, за а/с агитацию, вредительскую деятельность. Реабилитирован 07.08.1989 ПКК...». Репрессии в

отношении китайцев имели место и в 1940-х гг. Например, в числе осужденных за «контрреволюционные преступления» в Хакасии отмечены осужденный на 10 лет заключения китаец в 1942 г. и осужденный на 5 лет китаец в 1943 г. В 1940-х гг. китайцы были среди заключенных Тайшетлага, например, *Малун-ту* и *Ячжоу-Яоу*.

По числу репрессированных китайцев в СССР выделяются районы Восточной Сибири и Дальнего Востока. Исследователи отмечают: «Только в Чите арестовали 1500 китайцев... только в июне 1938 г. в Нерчинске, Бале и Шилке по национальному признаку было арестовано свыше 300 китайцев... По Балейскому району из 426 арестованных киаитцев сумели доказать вину только 78 чел. Во время допросов и следствия только в Бале умер каждый четвертый китаец (117 из 426), в Чите – каждый третий (568 из 1500). Амурской области было арестовано 1350 китайцев»¹.

Особой страницей истории китайских мигрантов в СССР стали депортации китайцев из приграничных районов. Эти репрессии были санкционированы и организованы руководством СССР, проведение депортации обосновывалось необходимостью обеспечения безопасности государственных границ. Следует отметить, что далеко не всегда опасения относительно возможных переходов китайцев через границу со специальными заданиями от японцев были надуманными. Например, 8 июня 1938 г. на Амуре была задержана шаланда с 29 китайцами и корейцами с японским оружием и другим снаряжением, которые признались, что заброшены с целью совершения диверсий².

Оперативные мероприятия по выселению китайских мигрантов с территории Приморского края получили название «Китайские операции». Проведением их руководили начальник управления НКВД по Приморской области капитан госбезопасности М. Диментман и начальник китайского отделения управления, старший лейтенант погранвойск И. Лиходзеевский. Правоохранительные органы провели три операции по аресту притоносодержателей и китайцев-нелегалов: в ночь на 30 декабря 1937

¹ Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917-1938 гг.). – Владивосток, 2009. С.287.

² Русско-китайские отношения в XX веке. Т.IV. Кн.1. Советско-китайские отношения в 1937-1944. – М., 2000. С.263.

г., 22 февраля и в ночь на 30 марта 1938 г. Арестовано было соответственно 853, 2005 и 3082 человек – всего 5993 китайцев. Предварительное следствие по этим делам закончилось в мае 1938 г. Вопрос о депортации и освобождении из под ареста не избобличенных в шпионаже китайских мигрантов решался на переговорах между советским и китайским правительством. 10 июня 1938 г. вышло Постановление Политбюро о том, что переселение китайцев с Дальнего Востока в Синьцзян может быть только добровольным. Одновременно с этим предписывалось «арестованных китайцев, исключая осужденных и обвиняемых в шпионаже, активной диверсии и терроре, из-под стражи освободить и выселить в Синьцзян, вместе с их семьями и имуществом. В дальнейшем, массовые аресты китайцев прекратить». В июне-июле 1938 г. 2853 китайца были освобождены, умерло около 100 китайцев, расстреляно не менее 750 китайцев. Затем часть оставшихся арестованных были выпущены. В июне-июле 1938 г. со станции Эгершельд во Владивостоке пятью эшелонами было выселено 7130 китайцев и некоторое число русских членов их семей. Четырьмя эшелонами китайцев провезли через всю Сибирь и отправили через станцию Аягуз в Синьцзян. В первом эшелоне вывезли принудительно 1379 человек из числа не подвергавшихся аресту. Во втором отправили 1637 человек, добровольно изъявивших желание вернуться в Китай. Два других эшелона (1613 и 1560 человек) состояли из бывших арестованных. Не пожелавшие вернуться в Китай, и принявшие советское гражданство китайцы пятым эшелонам выселены в Кур-Урмийский район Хабаровского края. В сентябре-декабре 1939 г. в Казахстан отправлены еще 227 китайцев, освобожденных из тюрьмы¹. Почти все оставшиеся в СССР дальневосточные китайцы были собраны в отдаленном от границы районе Хабаровского края. Летом 1938 г. в Кур-Урмийский район приняли 2,5 тыс. китайцев-переселенцев на работы в Куканский леспромхоз и Мугдусинский мехлеспункт². Депортация китайцев с Дальнего Востока получила резонанс не только в Китае, но и в других

¹ Чернолуцкая Е.Н. Депортация китайцев из Приморья (1938 г.) // Международная научная конференция «Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII-XX вв. / Тез. докл. и сообщ. Т.П. – Владивосток, 1993. С.81.

² ГАХК. Ф.1752. Оп.1. Д.14. Л.133.

странах. Перебежчик Рыжов, бывший сотрудник НКВД, писал по этому поводу в японском журнале «Кеган Россия», что из СССР было выдворено 8 тыс. китайцев¹.

Репрессии против китайских мигрантов в СССР были одним из важнейших вопросов в советско-китайских отношениях. Об этом, в частности, говорят дипломатические документы. В мае 1937 г. полпред в КР Д.В. Богомолов сообщал: «Ко мне зашел с визитом У Наньчжоу, бывший советник китайского посольства в Москве... жаловался на плохое отношение советских органов к китайским гражданам, проживающим в СССР»²; «Дал обед азиатскому отделу Министерства. После обеда Гао... жаловался на последнюю депортацию китайских граждан из СССР и сказал, что неприостанавливающаяся депортация производит крайне плохое впечатление на все общественные круги в Китае»³. В записи беседы заведующего 1-м Дальневосточным отделом НКВД Г.Ф. Резанова с поверенным в делах КР в СССР Чжан Датянем отмечалось: «В свое время Чжан неоднократно поднимал вопрос об оставлении в СССР китайского гражданина Фу Баочуня. На этот раз я ему дал ответ, что Фу Баочунь высылается из СССР как нежелательный элемент, так как последний не занимается общественно-полезным трудом, а поэтому Отдел Виз и Регистраций не дает ему визу на право жительства в Советском Союзе. Чжан тогда обратился ко мне с просьбой, чтобы, во-первых, соответствующие власти разрешили вскрыть опечатанную прачечную Фу Баочуня, и, во-вторых, дали бы возможность Фу Баочуню в течение одного месяца ликвидировать находящееся в прачечной имущество»⁴. В августе 1940 г. в записи беседы помощника заведующего 1-м дальневосточным отделом НКВД Н.М. Лифанова с советником посольства Лю Цзэжуном отмечалось: «Далее Лю, повторив содержание ноты китайского посольства от 30 июля с.г., где говорится о выдаче выездных виз освобожденным из

¹ 1937 год. Российские корейцы: Приморье – Центральная Азия – Сталинград (Депортация). – М., 2004. С.83.

² Русско-китайские отношения в XX веке. Т.IV. Кн.1. Советско-китайские отношения в 1937-1944. – М., 2000. С.49.

³ Русско-китайские отношения в XX веке. Т.IV. Кн.1. Советско-китайские отношения в 1937-1944. – М., 2000. С.53.

⁴ Русско-китайские отношения в XX веке. Т.IV. Кн.1. Советско-китайские отношения в 1937-1944. – М., 2000. С.589.

исправительно-трудового лагеря китайским гражданам Юй Цуу, Цао Цзыян и Сю Чайхо, просил дать ответ на указанную ноту... З. Лю заявил, что одно из трех лиц, упоминаемых в ноте китайского посольства от 30 июля с.г., а именно Цао Цзыян является бывшим китайским партизаном в Маньчжурии. С ним вместе в свое время через границу в СССР перешли 6-7 его товарищей, которые были также на границе задержаны, но местопребывание которых в настоящее время неизвестно. Китайское посольство, сказал Лю, просит выяснить судьбу этих лиц»¹.

Таким образом, к концу 1930-х гг. массовые репрессии в отношении китайских мигрантов привели к почти полному исчезновению этой группы в составе советского населения. Можно предположить, что это и было собственно целью репрессий. Показательный пример – первый секретарь Алтайского крайкома ВКП(б) Л.Н. Гусев однажды упрекнул барнаульских чекистов: «почему у вас до сих пор китайцы по улицам бродят»².

Во время Второй мировой войны СССР и Китайская Республика были союзниками по антигитлеровской коалиции. В это время остатки китайской общины в России вместе с советским народом переживали все тяготы войны. Китайцы, бежавшие от японской власти из Маньчжурии, пополняли учреждения ГУ-ЛАГа, разбросанные по всей Сибири. Типичный случай описан в китайской газете «Семья и жизнь»: несколько пленных китайских солдат бежали из японского лагеря для военнопленных через Аргунь летом 1943 г. На советской стороне трое беглецов были арестованы пограничниками и оказались в советском лагере³. Исследователи приводят данные и по репрессиям в регионах в этот период времени: «...в Забайкалье в период с 1940 по 1949 гг. включительно было арестовано 60 чел. китайцев. В Амур-

¹ Русско-китайские отношения в XX веке. Т.IV. Кн.1. Советско-китайские отношения в 1937-1944. – М., 2000. Документы о советско-японских отношениях С.612.

² Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно (К истории сталинских репрессий на Алтае). – Барнаул, 1995. С.87.

³ И вэй Хун цзюнь чжаньши хэ тадэ сулянь цыцзы. (Солдат Красной армии и его советская жена) // Цзятин ю шэнхо бао (Семья и жизнь). – 1997. – №3.

ской области в те же годы было арестовано 42 китайца, а всего в ДВК – 780»¹.

Окончание Второй мировой войны благоприятно отразилось на общей ситуации вокруг китайских мигрантов в СССР. На некоторое время было прекращено принудительное выселение китайцев на родину, исчез постоянно пополнявший места заключения поток китайских мигрантов – незаконно пересекавших границу беженцев из Маньчжурии. Начался постепенный процесс освобождения китайцев из советских тюрем и лагерей. Например, в продолжение упоминавшегося выше примера с историей арестованных в 1943 г. китайских перебежчиков, в китайской газете отмечается, что уже в 1947 г. китайцы были освобождены из мест заключения, после чего поселились в пригороде Красноярска и занялись выращиванием овощей². Типичной была судьба китайки Лю Сю, родившейся в 1914 г. в провинции Хэйлунцзян. Она была арестована в 1939 г. на границе, осуждена в Благовещенске на 3 года, к которым добавили еще 7 лет заключения в колонии на территории Коми АССР. В 1948 г. по освобождению из лагеря она прибыла на поселение в пос. Долгий Мост севернее Канска. В этом поселке проживало довольно много китайцев, занятых поначалу на сборе смолы-живицы. В 1953 г. в расположенный недалеко поселок Иланский приехал после освобождения из мест заключения родной брат Лю Сю – Лю Пэнтан, а вскоре сама Лю Сю вышла в Красноярске замуж за отсидевшего 10 лет в лагере китайца. Таким образом, в первые же послевоенные годы отношение к китайским мигрантам в Сибири, со стороны, как государства, так и общества, изменилось. Китайцы фактически оказались в числе первых «реабилитированных народов» в СССР.

Несмотря на начавшийся процесс реабилитации репрессированных китайцев, в послевоенные годы также отмечались случаи политических репрессий в отношении китайских мигрантов. Например, в 1949 и 1950 гг. в Хакасии среди осужденных за

¹ Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917-1938 гг.). – Владивосток, 2009. С.290.

² И вэй Хун цзюнь чжаньши хэ тадэ сулянь цыцзы. (Солдат Красной армии и его советская жена). // Цзятин ю шэнхо бао (Семья и жизнь). – 1997. – №3.

«контрреволюционные преступления» отмечены два китайца¹. В 1951 г. на пять лет был осужден китаец *Со-е-зы Кодур*, проживавший в Туве².

В 1950-х гг., в условиях постепенной реабилитации жертв политических репрессий, шел процесс освобождения китайских мигрантов из мест заключения. Большая часть освобожденных китайцев отправлялась на спецпоселение. В «Книге учета спецпереселенцев, расселенных на территории спецкомендатуры №145 Илимбийского района Эвенкийского округа», отмечен рабочий беспартийный китаец *Яжоу Яоу*, работавший на Ногинском руднике. На поселение этот китаец был переведен в начале 1950-х гг. из Тайшетского лагеря. В Эвенкию также на спецпоселение в 1952 г. из Озерного лагеря МВД г. Тайшета был переведен китаец *Ма-лун-ту*. В некоторых районах возникли даже отдельные «китайские спецкомендатуры», как, например, в поселке Беяки Мотыгинского района Красноярского края. В конечном итоге, подвергнутые политическим репрессиям китайцы были в основной своей массе реабилитированы, но до конца советского периода истории нашей страны многие из них оставались под контролем спецслужб.

Таким образом, китайские мигранты в России, как и все народы, проживавшие на территории СССР, оказались в числе пострадавших от политических репрессий в 1920-1950-х гг. Более того, процент репрессированных китайцев, по отношению к общей численности данной общины, во многих регионах был выше, чем у других национальностей. Высокий процент китайских мигрантов, пострадавших от политических репрессий в СССР, был обусловлен рядом факторов: китайские мигранты в подавляющем большинстве были «чужаками» в российском обществе, они менее всего были подвержены влиянию советской пропагандистской машины, не хотели переносить лишения и тяготы переходного периода строительства нового общества и укрепления страны, были более незащитными перед производом советской бюрократии и репрессивной машины. Но, вместе с тем, китайские мигранты были в числе первых освобожденных из мест заключения. В конечном итоге, китайцы в СССР

¹ Степанов М.Г. Сталинские репрессии в Хакасии в конце 1930 – начале 1950-х гг. – Абакан, 2006.

² Музей истории политических репрессий Республики Тува.

разделили судьбу всех народов России, совместно с русскими перенеся все тяготы противоречивого и во многом трагического периода истории страны.

*Занданова Л.В.,
Метлин С.А.*

Спецпереселение немцев Поволжья и Ленинграда в Приангарье: депортационная политика, переселенческие и адаптационные процессы (1941–1945 гг.)

Изучение истории сибирской ссылки советского периода сегодня – актуальная исследовательская задача, обусловленная, прежде всего, тем, что на рубеже XX–XXI вв. в общенациональном масштабе было сделано многое для того, чтобы стали понятны причины, основные тенденции, масштабы, последствия проводимых государством репрессивных мер по отношению к различным категориям населения нашей страны. В региональных исследованиях также достигнуты значительные успехи, однако, вслед за определением масштабов и географии спецпереселений, необходимо обратиться к локальному измерению, увидеть за статистическими данными лица и судьбы конкретных людей, почувствовать весь трагизм положения, в котором оказались люди, ставшие жертвами репрессивной машины.

В советские годы существования Сибирь вновь подтвердила свое право называться краем каторги и ссылки, как это было ранее. Вслед за огромными территориями Казахстана, Урала, Западной Сибири в восточносибирский регион, начиная с 1930-х гг., стали направляться различные «контингенты» «потенциально опасных элементов» из разных уголков страны. Не обошла стороной эта участь и Приангарье – уникальную по своему историческому развитию и географическому положению территорию, часть Красноярского края и Иркутской области, прилегающей к реке Ангаре. Её уникальность заключается в том, что заселение и освоение ангарских земель происходило в течение четырех веков в результате добровольной и насильственной миграции народов, что способствовало формированию особой социокультурной

среды этого микрорегиона, выразившейся в сохранении своеобразия жизненных практик. На территории Приангарья проживает большое количество представителей народов и народностей нашей страны, однако, несмотря на смешение разных культур, самобытность микрорегиона сохранилась.

Одним из самых многочисленных, насильственно переселенных народов, являются немцы, которые были депортированы из АССР немцев Поволжья в 1941 г., города Ленинграда и его окрестностей – в 1942 г. и расселены в районах Красноярского края, на Нижней Ангаре. И сегодня значительная часть спецпереселенцев и их потомки живут на этой территории, которая в ближайшем будущем попадет в зону затопления Богучанской ГЭС, что неизбежно приведет к утрате большинства памятников материальной и духовной культуры ангарцев, в том числе и немецкой национальности.

Целью нашего исследования является изучение депортационной политики государства в отношении немцев СССР, а также их дальнейшая жизнь в Сибири. Для воссоздания конкретно-исторической картины произошедшего нами использованы архивные документы, газетные публикации и воспоминания непосредственных участников событий – немцев Поволжья и Ленинграда. Большую часть материалов удалось собрать и обработать в ходе четырех экспедиций по Средней и Нижней Ангаре, осуществленных группой сотрудников Научно-исследовательской лаборатории гуманитарных исследований при Братском государственном университете (НИЛ Ги ГОУ ВПО «БрГУ»).

Объектом исследования является депортационная политика Советского государства, судьбы депортированных немецких семей, стратегии и практики выживания в новых условиях. Выявление степени изученности данной проблемы привело нас к пониманию того, что проблемы советской национальной политики, депортации, спецпоселения и дальнейшей жизни немцев впервые были подняты зарубежными авторами, среди них следует выделить работу В. Пинкуса и Ф. Фляйшхауэра «Die Deutschen in Sowyetunion: Geschichte einer nationalen Minderheit im 20. Jahrhundert», опубликованную в 1987 г.¹ В. Пинкус обосно-

¹ Pinkus, B. Die Deutschen in Sowyetunion: Geschichte einer nationalen Minderheit im 20. Jahrhundert / В. Pinkus, I. Fleischhauer. – Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1987. – 599 s.

вал причины депортации, выделил хронологию процесса, описал жизнь депортированных в трудармии и спецпоселении. Кроме того, он попытался проанализировать практически все сферы жизни российских немцев до 1980-х гг.

Начало открытому разговору о причинах и процессах депортации в нашей стране в 1980-е годы положили журналисты и публицисты, общественные и политические деятели, первыми совершившие попытку проанализировать материалы о депортации, споря, в том числе, и о судьбах немцев в СССР. Публицистика подталкивала ученых к серьезному исследовательскому поиску. Отвечая на главный вопрос, как оценить политику советской власти по отношению к депортированному народу, большинство склонялось к мнению, что происходящие события были ни чем иным, как геноцидом¹.

Научное изучение истории репрессированных народов в нашей стране стало возможным только в связи с рассекретиванием архивных фондов. В отечественной науке появился ряд работ, основанных на документах, впервые введенных в научный оборот, среди них особо следует отметить исследования В.Н. Земскова и Н.Ф. Бугая.² Классификация и периодизация принудительных миграций, проблемы реабилитации стали предметом исследовательского поля П.М. Поляна. В монографии, названной «Не по своей воле: История и география принудительных миграций в СССР», автор, используя архивные и опубликованные материалы, провел глубокий анализ репрессивной политики Советского государства начиная с 1920-х гг., при этом особое место уделено депортациям в годы Второй мировой войны и после ее окончания, вплоть до 1953 г.³

¹ Вормсбехер Г. Немцы в СССР / Г. Вормсбехер // Знамя. – 1988. – № 11; Кичихин, А.Н. Советские немцы: откуда, куда и почему / А.Н. Кичихин // Военно-исторический журнал. – 1990, № 8. – С. 12.

² Земсков, В.Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (статистико-географический аспект) / В.Н. Земсков // История СССР. – 1991, № 5. – С. 151-165; Он же. К вопросу о масштабах репрессий в СССР / В.Н. Земсков // Социс. – 1995, № 5. – С. 3-13; Бугай, Н.Ф. К вопросу о депортации народов в 30-40 годы / Н.Ф. Бугай // История СССР. – 1991, № 2. – С. 23-28.

³ Полян, П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР / П.М. Полян. – М.: О.Г.И. – Мемориал, 2001. – 312 с.

Региональная наука также не стоит на месте. В последнее десятилетие к изучению немецкого этноса обратились и ученые Сибири, в первую очередь ее Западной части, поскольку именно здесь находилось самое большое число депортированных немцев в РСФСР. Среди авторов, исследующих эту проблему, необходимо отметить Л.И. Обердерфера, Т.А. Чебыкину, В.И. Бруля, А.А. Шадта, в трудах которых отражены социально-политические, экономические и культурные аспекты жизни немцев в условиях спецпоселений и трудармии. Их исследования составили основу сборника «Наказанный народ», опубликованного по материалам конференции «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики» (М.: «Звенья», 1999 г.).

В Восточной Сибири первой приступила к изучению истории немцев Е.Л. Зберовская, которая сосредоточила свой интерес на социально-экономическом положении енисейских немцев, проживавших в основном на севере Красноярского края¹. Ее исследование базируется, прежде всего, на архивных документах. Такой же подход к рассмотрению судеб немцев-спецпереселенцев и трудармейцев в Бурятии реализует Л.П. Саганова². Вопросом принудительных переселений в контексте основного исследования – переселенческого процесса в Восточную Сибирь занимается Л.В. Занданова³.

Таким образом, анализ исторической литературы показал, что исследование спецпереселения, при большом интересе к этой теме, находится на начальной стадии, в связи с чем, предпринимаемая нами попытка, изучить историю депортации немцев и процесс их адаптации в приангарских деревнях позволит в какой-то мере восполнить недостающее знание.

¹ Зберовская, Е.Л. Спецпереселенцы и социально-экономическое освоение северных районов Красноярского края в годы Великой Отечественной войны / Е.Л. Зберовская // Духовно-исторические чтения: Материалы межвузовской научно-практической конференции (26 апреля 2002) – Красноярск: КрасГАСА, 2002. – С. 257-262.

² Саганова, Л.П. Спецпереселенцы-немцы в Бурятии (1941-1956 гг.): Автореферат дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2001. – 24 с.

³ Занданова, Л.В. Сибирская ссылка сталинской эпохи: спецпереселение 1930-1950-х гг. / Л.В. Занданова // Сибирская ссылка: сборник научных статей. – Вып. 3 (15). – Иркутск, 2006. – С. 130-142.

Изучение вопроса строится на комплексе исторических источников, который можно разделить на опубликованные и неопубликованные архивные материалы, устные источники, а также материалы периодической печати. К числу опубликованных источников в первую очередь следует отнести сборник «История российских немцев в документах», составленный В.А. Ауманом и В.Г. Чеботаревой¹. В то же время монография П.М. Поляна «Не по своей воле: История и география принудительных миграций в СССР» содержит основной перечень официальных актов государственных и партийных органов СССР, касающихся принудительных миграций или их последствий.

Особое место в источниковой базе исследования принадлежит неопубликованным архивным данным. Для работы были использованы фонды Архивного агентства администрации Красноярского края. Содержащаяся в них информация дает представление об общей численности переселенцев в крае, районах расселения, проблемах размещения и условиях жизни и труда.

Важными для нас оказались материалы фондов архива НИЛ ГИ ГОУ ВПО «БрГУ», которые впервые вводятся в научный оборот и содержат значительную часть информации, представленной в данной статье. К ним относятся источники личного происхождения: многочисленные интервью с жителями приангарских деревень, личные документы и этнографический материал. При этом информация, полученная в ходе интервью, не только подтверждает общеизвестные факты, но и способствует введению в научный оборот ранее неизвестных сведений о происходивших событиях, и, что очень важно для понимания ситуации прошлого, дает представление о мнениях, настроениях и впечатлениях самих людей – участников событий. К сожалению, мы располагаем в основном информацией о спецпереселенцах из Поволжской республики и гораздо меньше – о репрессиях в отношении немцев Ленинграда.

Как известно, в начальный период Великой Отечественной войны, 28 августа 1941 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР № 20-160 «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», жертвами которого стали простые советские граждане немецкой национальности. Одна-

¹ История российских немцев в документах (1763-1992 гг.) // Сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. – М.: НИГУП, 1993. – 244 с.

ко еще двумя днями ранее, 26 августа 1941 г., о чем свидетельствует имеющийся в нашем распоряжении архивный документ, было принято Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), согласно которому «в Красноярский край должно было прибыть 75000 немцев-переселенцев»¹. Таким образом, Указ от 28 августа 1941 г. легитимизировал и закрепил решения, ранее принятые в Москве.

Механизм осуществления переселения был разработан репрессивной системой еще в 1920-1930-е гг., когда шел процесс раскулачивания крестьянства. В проведении акции по осуществлению депортации немцев были задействованы Переселенческое управление при СНК СССР, Наркомзем, Наркомсовхоз, финансовые и силовые органы власти. Для составления списков депортируемых участковые оперативные группы выезжали в колхозы, поселки и города, где заполняли учетные карточки на каждую семью, с перечислением всех ее членов. Затем, на основании данных, полученных от участковых троек, областные тройки составляли графики подачи вагонов с таким расчетом, чтобы исключить простой подвижного состава.

Помимо оперативных троек, повсеместно создавались Комиссии по приемке имущества переселяемых колхозов и оценке личного имущества немцев. Оценка личного имущества переселяемых производилась Оценочной комиссией в составе уполномоченного Наркомзема СССР, председателя колхоза и представителя банка с участием переселяемого колхозника. Сдавшие имущество получали акт с указанием суммы, которая должна была возмещаться на месте нового поселения путем построек или снабжением материалами на постройку. Как вспоминает Эмма Филипповна Шнайдер, уроженка д. Гук АССР немцев Поволжья: «Когда уезжали с Поволжья / у нас там все хозяйство осталось / а нам сказали, что здесь, (в Паново), все дадут // В 1942 году по корове и выделили // У кого оставалось хозяйство, тем, наверно, и давали»². «Дома мы успели весь хлеб сдать, мяса на 700 кг, все хозяйство оставили, сюда приехали / а нам только

¹ Архивное агентство администрации Красноярского края (ААКК). Ф. 26. Оп. 4. Д. 22. Л. 5.

² Архив НИЛ ГИ ГОУ ВПО «БрГУ». Ф. 1. Оп. 9. Д. 2. Интервью с Э.Ф. Усольцевой.

корову одну дали, да еще потом пришлось шкуру сдавать...»¹. Из воспоминаний Ф.Г. Крикау становится известно, что они «как приехали в Паново – отдали документы, что сдали – скот, землю, дом на Волге, ничего не вернули, до сих пор...»².

Проанализировав данные официального источника – «Списка заявлений, поступивших от переселенцев-немцев Поволжья о выдаче хлеба и скота на 20 декабря 1941 г.», можно прийти к выводу, что выдача скота и хлеба происходила в малых количествах, да и то не во всех районах. При этом от жителей Богучанского и Кежемского района таких заявлений не поступило вообще. Так или иначе, 18 ноября 1943 г. Наркомом заготовок СССР была издана директива, согласно которой распоряжение от 11 ноября 1941 г. о приеме и возврате зерна немцам Поволжья утратило силу; директива предписывала отказывать немцам в выдаче зерна за давностью сроков их выселения³.

Таблица 1

Список заявлений, поступивших от переселенцев-немцев Поволжья о выдаче хлеба и скота на 20 декабря 1941г.⁴

№ № п/п	Наименование районов	Хлеб	Скот
1	Богучанский	-	-
2	Каратузский	20	2
3	Кежемский	-	-
4	Назаровский	35	19
5	Тасеевский	-	-

При осуществлении депортации государственные органы действовали жестко: за уклонение или сопротивление предусматривались арест и переселение в принудительном порядке. Была разработана подробная инструкция по проведению депортации, согласно которой «немцы имели принципиальное право везти с собой провиант, одежду и другие полезные вещи весом до одной

¹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Интервью с К.К. Швабенланд.

² Там же. Д. 1. Интервью с Ф.Г. Крикау.

³ Немцы России: энциклопедия в трех томах / гл. ред. В. Карев. – Т. 2 – М.: ЭРН, 2004. – С. 497.

⁴ ААКК. Ф. 26. Оп. 4. Д. 22. Л. 178.

тонны на семью»¹. Однако в реальности все было иначе. Так, например, рассказывает об этом трагическом дне А.А. Ситнер: «Моя мама / с деревни Гук / рассказывала / что забирали немцев ночью // сначала с одной стороны улицы, на вторую ночь – нас. Успели вещи собрать, мяса наварить – все в сундук сложили. А больше и нельзя было брать – народу битком!»².

Несмотря на отдельные сбои, операция по выселению осуществлялась в целом по плану, в намеченные сроки – между 3 и 20 сентября. Для выселения были выбраны районы Омской, Новосибирской, Иркутской областей, Алтайского и Красноярского краев, куда планировалось вывезти осенью 1941 г. около 400 тысяч человек, в большинстве детей, женщин и стариков.

Только воспоминания людей позволяют понять, каковы были реалии осуществления принятых властями решений. «Нас вывезли из деревни – лежали на берегу Волги трое суток / потом на плашкотах плыли до Энгельса. Как скот нас везли в грузовых вагонах / было все забито. На станциях меняли вещи на еду. Хлеб давали, но очень мало. Ехали до Уфы, потом в Барнаул, и 26 октября привезли нас на станцию Решеты / Оттуда до Богучан на катерах / А уже с Богучан – по всем деревням на Ангаре на илимках. Кто умирал – выбрасывали прямо в реку», – вспоминает К.К. Швабенланд³. «Для детей сделали нары под потолком. Если нужда: одеяло берут / ведро там / в углу / потом ворота открывают и все на дорогу. Ехали долго, уже холода наступали, очень много детей и стариков умерло. Кроме моей годовалой племянницы, из детей младше шести лет, никто и не выжил», – свидетельствует А. Мясникова-Шультасис⁴.

География пути поражает своей масштабностью – Саратов, Уфа, Алма-Ата, Семипалатинск, Барнаул, Хакасия, Красноярск и уже потом по разнарядке – в колхозы и леспромхозы на реке Ангаре и ее притоках – реках Чадобец и Кова.

¹ Pinkus, B. Die Deutschen in Sowyetunion / B. Pinkus, I. Fleischhauer. – S 309.

² Архив НИЛ ГИ ГОУ ВПО «БрГУ». Ф. 6. Оп. 11. Д. 1. Интервью с А.А. Ситнер.

³ Там же. Оп. 1. Д. 1. Интервью с К.К. Швабенланд.

⁴ Мясникова-Шультасис, А. Бросили в бездну: о переселении немцев в Сибирь / А. Мясникова-Шультасис // Красноярский рабочий. – 1992, 18 июля.

Перед руководящими органами регионов встала нелегкая задача – в короткий срок разместить в населенных пунктах огромное количество прибывающих людей. Как уже отмечалось выше, Красноярский край должен был принять 75000 немцев-переселенцев из районов Поволжья¹. Фактически же прибыло на 1-е ноября 1941 года 17307 семей, в количестве 77359 человек, они были расселены в 42-х районах края², в т. ч. в Кежемском и Богучанском. К сожалению, мы не обладаем точными статистическими данными относительно численности немцев, сосланных в изучаемые районы, однако известно, что число фактически прибывших в Красноярский край превышало плановые показатели. Проанализировав рассказы очевидцев, мы пришли к выводу, что немцев для дальнейшей работы в колхозах, совхозах и леспромхозах расселили в селах: Климино, Заледеево, Усольцево, Селенгино, Дворец, Алешкино, Заимка, Паново, Мозговая, Кежда, Проспихино, Чадобец, Ирба, Бидея, Усть-Кова.

Важным моментом в жизни каждого спецпереселенца было то, как происходила их встреча с местным населением в местах нового поселения, как в дальнейшем складывались их отношения, хотя для большинства прибывших на поселение семей встреча с местными жителями уже не была испытанием: на протяжении длительного времени пути они встречали неприязнь по отношению к себе. Как вспоминают немцы, в большинстве случаев первоначальное отношение к ним со стороны ангарцев было негативным («враги», «предатели», «фашисты»). Так, Е.И. Беккер рассказывает: «Когда нас привезли в Усольцево / дети собрались на берегу, стали камни кидать – мы все в синяках были // Дедушка какой-то подошел, разогнал всех и сказал, что они такие же, как мы!»³. «Когда их привезли в Заимку, – немцы, немцы / Отношение очень плохое было / Отправляли на самые тяжелые работы: колодцы копать, лес валить, силосные ямы подготавливать...»⁴ – рассказывает жительница Приангарья, очевидец событий В.П. Кем. Спецпереселенец К.К. Швабенланд вспоминает: «Отношение в Каменке со стороны местных жите-

¹ ААКК. Ф. 26. Оп. 4. Д. 22. Л. 5.

² Там же.

³ Архив НИЛ ГИ ГОУ ВПО «БрГУ» Ф. 1. Оп.11. Д. 1. Интервью с Е.И. Беккер.

⁴ Там же. Оп.13. Д. 2. Интервью с В.П. Кем.

лей было нормальное / только страх наводили до нашего приезда – в газете «Известия» немцев так изобразили / 3 чертенка нарисованы – качан капусты, рога, уши ослиные, вместо рук – копыта, длинный хвост, как у тушканчика / Что за народ такой – немцы? // Кто-то и говорит: такие, как и мы...»¹. Некоторые из опрошенных ангарцев и сейчас считают несправедливым то, что их родные погибли на войне, «а тут же, по соседству, живут немцы»².

Прибывшие немцы были размещены в порядке уплотнения в домах колхозников и в «специально подготовленных домах и квартирах», в клубах и избах-читальнях, их стали привлекать к работе, о чем свидетельствует официальный документ³. Данные архивов, которые были нам доступны, в большинстве своем очень кратко и сухо отображают то, что было на самом деле. Эти поверхностные свидетельства требуют детальных уточнений того, как в реальности происходило размещение людей и что означает выражение «специальные дома и квартиры». Так, известно, что в основном переселенцев размещали в небольших домах, как правило, по две-три семьи. Как вспоминает Э.Ф. Шнайдер, «в одном доме нас жило три семьи: мы, Роот, и еще одна семья, фамилии не помню. Нас – шестеро / Роот – пятеро / и тех – пятеро. Была одна комната и кухня с большой печкой / было холодно всегда // Так мы прожили три или четыре года»⁴. Свидетельствует Е.И. Беккер: «Нас подселили в двухквартирный дом к Андрею Усольцеву / Огород нам не дали, и вообще хозяйства у нас первое время не было // Люди помогли выжить...»⁵.

Нетипичным явлением для Нижней Ангары было размещение переселенцев в землянках, сараях, на скотных дворах. Единственный факт, который был озвучен потомками немцев и жителями деревни Бидея, свидетельствует о том, что по решению сельсовета немцам было предложено построить жилье за деревней. Беспомощные женщины, старики и дети могли только изготовить для себя шалаши, что привело бы к их неминуемой

¹ Там же. Оп. 9. Д. 2. Интервью с К.К. Швабенланд.

² Там же. Оп.13. Д. 1. Интервью с Н.А. Сизых.

³ ААКК. Ф. 26. Оп. 4. Д. 22. Л. 5.

⁴ Архив НИЛ ГИ ГОУ ВПО «БрГУ» Ф. 1. Оп. 9. Д. 2. Интервью с Э.Ф. Усольцевой.

⁵ Там же. Оп.11. Д. 1. Интервью с Е.И. Беккер.

гибели. Жители деревни, увидев, в каком бедственном положении оказались люди, по собственной инициативе стали забирать немцев на подселение в свои дома. Иждивенчество не являлось правилом жизни для представителей этой этнической группы, поэтому в качестве благодарности они стремились помогать своим спасителям по хозяйству. Таким образом, вынужденные переселенцы, несмотря на суровый климат, не умирали на Ангаре от голода и холода, в то время как такое нередко происходило во многих других местах поселений немцев в Сибири. Это явление можно определить как особенность жизни немцев в Нижнем Приангарье.

Вместе с тем, острой проблемой было обеспечение спецпереселенцев работой. Несмотря на нехватку в колхозах рабочих рук, по воспоминаниям многих респондентов, долгое время (до начала посевной) их не брали на работу. Поскольку семьи большей частью прибыли без мужчин и с пожилыми родственниками, то положение их было очень тяжелым. Чтобы как-то выжить, многие дети ходили по деревне «с котомкой» и собирали милостыню, иногда приходилось ходить в соседние села.

В большинстве своем ангарцы были отзывчивыми людьми, поэтому старались помогать приезжим, чем могли: «Старушка жила одна на краю деревни – она меня позвала, чтобы еды дать // А мама сказала не ходить / Я все равно побежала / накормила меня / много дала с собой / хлеба, молока, рыбы, и сказала: «Кушайте на здоровье!»¹. Взрослые женщины и девушки занимались за еду на уборку домов, стирку белья, шили и вязали вещи. Спасало то, что большинство немцев и до депортации жили в сельской местности, ну и, конечно, такие черты менталитета, как терпение, дисциплинированность и трудолюбие.

Несмотря на относительно толерантное отношение со стороны местного ангарского населения, переселенцам пришлось столкнуться на новом месте с огромными трудностями. В первую очередь это было голодное или полуголодное состояние, отсутствие постоянного заработка, непривычные природные условия, неопределенность правового положения. Последняя проблема стояла наиболее остро как для переселенцев, так и для местных властей. Ко всему этому прибавлялось негативное отношение со стороны части односельчан, незнание русского языка (в семьях общались

¹ Там же.

только на немецком, особенно старшее поколение, кстати, многие из сосланных так и не научились говорить по-русски).

Фактически катастрофой для многих семей стало то, что всего через 3-4 месяца после прибытия на Ангару им пришлось пережить новую волну принудительных миграций в соответствии с Постановлением ГКО от 10 января 1942 г., согласно которому было принято решение «В целях рационального использования немцев мужчин, годных к физическому труду... мобилизовать в количестве 120 тысяч в рабочие колонны на все время войны. К мобилизации приступить немедленно и закончить 30-го января 1942 г.»¹. Это означало повторное переселение, только перемещали немцев уже внутри того региона, куда они были депортированы. Причиной повторных депортаций стала острая необходимость в рабочей силе. Как свидетельствуют респонденты, несмотря на то, что многие семьи и так были без глав семей, практически всех мужчин забирали в трудовую армию: «Папу забрали в сорок втором году, он был недалеко от станции Сон / в Хакасии / Письма нам писал / Он вернулся / но его долго не отпускали после освобождения»²; «Отец наш, Филипп Филиппович был в трудовой армии на Алтае, после освобождения там и остался / Мы встречались один раз, но не разговаривали о его жизни в лагере»³.

Через некоторое время вышло еще два Указа, по которым 14 февраля 1942 г. объявлялась дополнительная мобилизация мужчин 15-55 лет, а 7 октября 1942 г. – женщин от 16 до 45 лет.⁴ И это была очередная трагедия немецкого народа. «26 января 1942 года папу забрали и старшего брата – они пробивали дорогу Решеты-Богучаны. Это был как концлагерь. А 15 июня забрали сестру на север – в Дудинский район. Отец вернулся в 43-м году, а брата в 1944-м перекинули на Урал. Меня самого хотели забрать, но председатель не отпустил – кому работать?

¹ История российских немцев в документах (1763-1992 гг.). – С. 168-169.

² Архив НИЛ ГИ ГОУ ВПО «БрГУ» Ф. 1. Оп.11. Д. 1. Интервью с Е.И. Беккер.

³ Там же. Оп. 9. Д. 2. Интервью с Э.Ф. Усольцевой.

⁴ История российских немцев в документах (1763-1992 гг.). – С. 170-173.

Но потом все-таки забрали / Так я попал в Каменку, в колхоз», – вспоминает К.К. Швабенланд¹.

В ходе экспедиции 2007 г. в поселках Недокура и Болтурино нами был выяснен тот факт, что в Среднее и Нижнее Приангарье были депортированы не только немцы Поволжья, но и Ленинграда. К сожалению, в нашем распоряжении нет официальных документов, касающихся выселения немцев из блокадного города, лишь в монографии немецкого историка Б. Пинкус «Немцы в Советском Союзе» авторами было обнаружено только одно упоминание этого события: «Ab 17. März wurden rund 26000 Deutsche aus dem Raum Leningrad in plombierten Güterzügen nach Sibirien abtransportiert» – «17 марта около 26 тысяч немцев было вывезено из Ленинграда в Сибирь в закрытых грузовых поездах»². Однако, немногочисленные воспоминания подробно показывают, как происходил этот процесс: «Нам выдавали эвакуационные листки для заполнения – я всех назвал, всю семью и вывезли // На сборы дали сутки / А какие сборы – война идет вокруг // Нам говорили 32 кг на человека, остальное конфискуем, но ничего не забрали / Эвакуировали нас через Ладожское озеро / холод был страшный до 30 градусов // И потом до Красноярска ехали в открытых вагонах. Дорогой кормили, много еды было, у людей ноги пухли / страшно умирали. Наш дед умер по дороге в Тюмени / Мы его в Красноярске похоронили» – так запечатлелись те трагические дни в памяти А.Ф. Эргардта.³

Можно предположить, что для многих немцев, особенно тех, кто не был отправлен на Крайний Север и Якутию, это была все-таки «спасительная» эвакуация, несмотря на то, что позже они были поражены в правах и приравнены по статусу к спецпереселенцам из АССР немцев Поволжья. Из интервью с Е.И. Сапегой: «Маму вообще должны были отправить на Север, а не на Ангару // Ребенок тяжело заболел – дизентерией; еще бабушка умерла

¹ Архив НИЛ ГИ ГОУ ВПО «БрГУ» Ф. 1. Оп. 9. Д. 2. Интервью с К.К. Швабенланд.

² Pinkus, B. Die Deutschen in Sowjetunion / B. Pinkus, I. Fleischhauer. – S 311.

³ Архив НИЛ ГИ ГОУ ВПО «БрГУ» Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Интервью с А.Ф. Эргардт.

/Их оставили в Красноярске // А баржу, на которой должны были ехать, – затопили // Так мы попали в Усть-Кову»¹.

Время в пути до Красноярска занимало немногим более месяца. Оттуда большинство спецпереселенцев по разнарядке отправляли в Енисейск или на Стрелку и далее – в села: Климино, Дворец и Усть-Кову. «Сначала мы приехали в Енисейск, Красноярский край // Там мы два года прожили в бараке // Нас у мамы было 5 человек / А отца – он был зам. директора совхоза / у нас забрали еще в Ленинграде по 58 статье, так и пропал без вести // А сюда нас забрали сестры мужа – Лиза и Фаина, когда были в Енисейске // В Кову нас забрали – и здесь мы хлебнули...», – рассказывает М.И. Сизых².

С первых месяцев войны на реке Кове стал работать леспромхоз, имевший лесозаготовительные участки Сизая и Чемба, расположенные примерно в ста км от Ангары. Респонденты указывают на то, что жили и работали они на них в тяжелейших условиях: «Жили в бараке – спали на нарах, стелили сено / буржуйка была, но к утру всегда было холодно. В 1943-45 годах работу женщинам не давали / мама стирала белье на Ангаре за буханку хлеба / Очень, очень плохо относились // «Немка! Ты ко мне в постель!» / по брони много всяких оставалось... На угоре стояла общая баня / немкам нужно было носить воду для всех – не на лошадях, а руками! // мама стала работать после окончания войны – лес рубила, сплавила / только паек давали»³. В подтверждение устного рассказа приведем свидетельство архивного документа: «Несмотря на решения и ряд указаний Крайкома ВКП(б) и Исполкома Крайсовета руководители трестов Краслес, Крайконтор, Химлессырье не приняли мер к созданию нормальных жилищно-бытовых условий для спецпереселенцев (в помещениях холодно, сыро, нет двух рам, отсутствует мебель). Совершенно неудовлетворительно организовано трудовое использование спецпереселенцев, особенно на подсобных работах. Вследствие размещения спецпереселенцев в общих бараках (по 2-3 семьи в одной комнате) и антисанитарийного состояния

¹ Там же. Ф. 1. Оп. 13. Д. 1. Интервью с Е.И. Сапега.

² Там же. Д. 2. Интервью с М.И. Сизых.

³ Там же. Д. 1. Интервью с Е.И. Сапега.

поселков и жилых помещений среди спецпереселенцев, особенно детей, распространены эпидемические заболевания»¹.

Таким образом, насильственные переселения, осуществленные в начальный период Великой Отечественной войны, в корне изменили положение немцев Поволжья и Ленинграда. Народ лишился всех гражданских прав, имущества. По мнению авторов, для немцев из г. Ленинграда процесс эвакуации был спасительным моментом, они избежали голодной смерти и страданий в блокадном городе, а на Ангаре старожилы деревень помогали им адаптироваться в новых условиях. Депортация повлекла за собой формирование мест компактного проживания этнических меньшинств там, где они исторически не проживали – на Нижней Ангаре.

На прежнем месте жительства у советских немцев существовали иные методы ведения хозяйства, свои экономические традиции. В результате насильственной миграции прежняя структура социальной, экономической, культурной организации повседневной жизни немцев была разрушена, сформировались иные практики и стратегии выживания, происходил процесс вынужденной адаптации к новым социокультурным условиям. Но самое главное, что немцы, несмотря на все тяготы, сумели выжить и сохранить свой нравственный статус.

Елеуханова С.В.

Военизированная охрана Карлага как составная часть ГУЛАГА

В статье рассматривается правовой и социальный статус сотрудников военизированной охраны Карлага, выделяется специфика их финансового и материального обеспечения.

In the article are discussed the legal and social status of employees of military security of Karlag, the specifics of their financial security are allotted.

Формирование тоталитарного режима в конце 1920-х годов оказало непосредственное воздействие на развитие советской

¹ ААКК.Ф. 26. Оп. 4. Д. 22. Л. 100.

тюремно-лагерной системы. 26 марта 1928 года ВЦИК и Совет Народных Комиссаров (СНК) РСФСР приняли постановление «О карательной политике и состоянии мест заключения». Названный нормативный акт ограничивал применение льгот «для классово чуждых и социально опасных элементов», значительно ухудшал условия содержания «врагов народа», а главное, что имело далеко идущие отрицательные последствия, неограниченно расширял полномочия тюремной администрации по поддержанию соответствующего режима в местах лишения свободы¹.

В 1929 г. введён новый вид наказания – направление в исправительно- трудовые лагеря (ИТЛ), находившиеся в ведении ОГПУ. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 6 ноября 1929 года было установлено, что лишение свободы на срок до 3-х лет отбывается в общих местах заключения, а лишение свободы от 3-х лет до 10 лет в концентрационных лагерях, в отдалённых местностях страны². Так, за пять лет с 1929 по 1933 гг., тройкой ПП ОГПУ в КазАССР, по неполным данным, было рассмотрено 9.805 дел и принято решений в отношении 22.933 лиц, из них к высшей мере наказания – расстрелу – было приговорено 3386 человек, заключено в концлагеря от 3 до 10 лет – 13.151 человек³. 57.989 человек были осуждены за контрреволюционные преступления Особым совещанием и размещены в Казахстане, из них в Карагандинской области – 56.423 человека⁴.

Нормативные документы о местах заключения ОГПУ, как правило, официально не публиковались, хотя утверждались постановлениями СНК СССР. Функционирование этой системы базировалось на внутриведомственных актах, которые не подчинялись общегосударственному законодательству и исключались из поля зрения общественности. Республиканские и областные партийные советские органы влияния на деятельность лагерей практически не имели. Форсированный рост лагерей и их обита-

¹ Иванова Г.М. ГУЛАГ языком документов // Новая и новейшая история. – 2001. - 4. – с. 155.

² Иванова Г.М. Апогей и крах сталинизма. ГУЛАГ: государство в государстве. – М., 1997. – С. 511.

³ История Казахстана с древнейших времен до наших дней (очерк). – Алматы, 1993. – С. 308.

⁴ Шаймуханов Д.А., Шаймуханова С.Д. Карлаг – Караганда, 1997. – 175 с. – с.14.

телей с конца 1929 года свидетельствовал о том, что сталинский режим изменил акцент в карательной политике, сделав ставку на создание глобальной системы принудительного труда, сердцевиной которого стало Главное управление лагерей (ГУЛАГ), а движущей силой – ОГПУ.

В мае 1930 года принято постановление СНК СССР «Об организации Казахского исправительно-трудового лагеря (Каз. ИТЛ). 19 декабря 1931 года первое отделение КазИТЛЛага было реорганизовано в Карагандинский отдельный исправительно-трудовой лагерь ОГПУ, именуемый сокращённо «Карлаг ОГПУ»¹.

Для охраны и обеспечения режима содержания заключённых Карагандинского лагеря была сформирована военизированная охрана (ВОХР). Деятельность ВОХР ИТЛ регулировалась «Положением об исправительно-трудовых лагерях», утверждённым Постановлением СНК СССР от 7 апреля 1930 года. В «Положении» указывалось, что задачей лагерей «является охрана общества от особо социально-опасных правонарушителей и приспособлением их к условиям трудового общежития»².

Характерно, что правовой статус военизированной охраны Карлага определялся изначально не законами, а подзаконными актами, секретными инструкциями, разъяснениями, дополнениями и комментариями, которые чаще всего исходили от органов, не обладавших законодательными правами. Основные законодательные нормы, касающиеся правового статуса ВОХР, формулировались в Положении об исправительно-трудовых лагерях. Решая задачи по охране лагеря и конвоированию заключённых, личный состав военизированной охраны практически осуществлял изложенные в Положении требования об обязательной изоляции осуждённых и постоянном надзоре за ними.

23 июля 1932 года ГУЛАГом было утверждено «Положение о военизированной охране исправительно-трудовых лагерей ОГПУ»³. По своему социально-правовому положению работники охраны мест заключения в соответствии с «Положением об ис-

¹ Шаймуханов Д.А., Шаймуханова С.Д. Карлаг – Караганда, 1997. – 175 с. – с.15.

² Архив Управления Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры по Карагандинской области (Архив ПС и СУ). Ф. 16. Оп. 2. Д. 44. Л. 5.

³ Архив ПС и СУ. Ф. 16. Оп. 2. Д. 45. Л. 6.

правительно-трудовых лагерях ОГПУ от 7 апреля 1930 года» и «Положением о военизированной охране ИТЛ ОГПУ» от 23 июля 1932 года были приравнены к лицам, несущим действительную военную службу. На военизированную охрану Карлага, как войсковую часть ОГПУ (НКВД), распространялись: Устав Службы войск ОГПУ (НКВД), общевоинские уставы Красной Армии – дисциплинарный, строевой, внутренней службы, а также гарнизонной и караульной службы¹. Уставы раскрывали смысл и содержание воинского долга, определяли права, общие и должностные обязанности служащих охраны, нормы взаимоотношений между ними, чётко регламентировали несение гарнизонной, караульной и внутренней службы. Их требования были обязательны. Военизированная охрана Карлага пользовалась установленными правами и свободами с ограничениями, определёнными условиями службы. Сотрудники ВОХР давали подписку о согласии служить в лагере в течение 2 – 3-х лет, а также о неразглашении государственной и военной тайны, в том числе и после завершения службы. После увольнения из ИТЛ вохровцы были обязаны сдать все имеющиеся у них печатные материалы, личные записки, рисунки, эскизы, другую изобразительную продукцию служебного характера². Поддержание секретности считалось едва ли не главной должностной обязанностью. Государственная тайна надёжно охраняла всё, что было связано с ГУЛАГом. Секретность органов ОГПУ (НКВД) оправдывалась не профессиональными специфическими функциями, а откровенно преступными методами работы.

Целенаправленная политика льгот и привилегий делала службу в органах ОГПУ-НКВД привлекательной для всех, кто стремился любыми путями подняться на вершину социальной пирамиды. Добровольцам, поступающим в структуру ГУЛАГа устанавливалась надбавка к заработной плате до 50% за отдалённость. Завербованные сотрудники охраны Карлага получали подъёмные и двойные трёхмесячные оклады. Командный состав получал оклад за звание и 200 рублей пайковых, помимо основной заработной платы. Для работников военизированной охраны

¹ Архив ПС и СУ. Ф. 16. Оп. 8. Д. 33. Л. 24.

² Архив Управления Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры по Карагандинской области (Архив ПС и СУ). Ф. 16. Оп. 2. Д. 44. Л. 6.

ИТЛ устанавливались процентные надбавки к должностному окладу за выслугу лет: за 3 года непрерывной службы – 10%; за 6 лет – 20%; за 9 лет – 30%; за 12 и больше лет службы – 50%¹.

С 1 марта 1933 года была также установлена выплата подъемного пособия командному и начальствующему составу при переводах и назначениях в пределах 200 – 500 руб., в зависимости от категории. Что касается обеспечения продовольствием, то, несмотря на послевоенную разруху и голод, были разработаны нормы довольствия и компенсация за него, с учетом разнообразных условий жизни и деятельности войск.

По истечении трёхлетней службы работникам воензированной охраны Карлага выдавалось денежное вознаграждение за выслугу лет в размере трёхмесячного оклада, предоставлялся трёхмесячный дополнительный отпуск. В мирное время командному составу ВОХР предоставлялись также очередной отпуск, краткосрочный; отпуск по болезни; каникулярный и в связи с окончанием специальных и военных училищ. В целях улучшения медицинского обеспечения и профилактики заболеваний среди личного состава Карагандинского лагеря, ЦИК и СНК СССР в ноябре 1933 года было принято решение об использовании курортов, в частности в Крыму, в качестве бесплатных санаториев и здравниц для сотрудников охраны и членов их семей. С 1934 г. стали создаваться дома отдыха, где служащие охраны с семьями могли проводить отпуска. Путёвки в санаторий командному составу предоставлялись бесплатно, в дома отдыха – в размере 20% от стоимости, членам семей в обоих случаях устанавливалась плата не ниже 30% стоимости².

Характерной особенностью законодательства в период 1930-х годов являлось стремление к кодификации законов о льготах и преимуществах для работников исправительно-трудовых учреждений и их семей. Для них устанавливались следующие льготы: в области трудового землепользования; сельского хозяйства; труда и социального страхования; народного образования; здравоохранения, а также при переездах по железным дорогам и водным путям; почтовые; денежные пособия; судебные; по обязательно-

¹ Архив ПС и СУ Ф.16 Оп.6. Д.221. Л. 12.

² Гладких И.П. Военная реформа: прошлое и настоящее // Военно-исторический журнал.- 2007.- 2.-С. 45 – 49.

му окладному страхованию; по налогам и сборам; жилищные¹. Для служащих охраны и членов их семей предоставлялось право на бесплатное лечение, получение ежегодного безвозвратного денежного пособия. Они имели преимущество перед другими при поступлении на рабфак, высшие и другие учебные заведения. Для сотрудников исправительно-трудовых лагерей устанавливались льготы при приобретении и строительстве жилья, при покупке сельскохозяйственного инвентаря и скота, при оплате коммунальных платежей.

Следует признать, что условия службы воензированной охраны в ГУЛАГе были значительно хуже, чем в Красной Армии. Из-за нехватки кадров продолжительность рабочего дня стрелков Карлага была 12 – 15 часов в сутки. Задолженность по выходным дням в 1932 г. составляла 1250 человеко-дней, в 1933 г. – 1290, в 1934 г. – 2100². Вместе с тем, Народный комиссариат внутренних дел, образованный в 1934 г., предписывал строго наблюдать за тем, чтобы ВОХР Карлага ни в коем случае и ни при каких условиях не обслуживалась бы хуже, чем части Красной Армии. Этому способствовала проводимая политика по распределению имевшихся в стране материальных ресурсов, которая ставила армию в особое положение. Несмотря на общие продовольственные трудности, связанные с проведением насильственной коллективизации, военнослужащие были одной из немногих групп населения, нормы снабжения которых в 1930-х гг. оставались относительно стабильными и высокими, для того времени, включая период карточного распределения. Так, по своей калорийности красноармейский паёк превосходил паёк рабочего, более того, его энергетическая ценность постоянно возрастала; если в 1922 г. она составляла 3205 калорий, в 1923 г. – 3221, то в 1930 г. – 3609, 1931 г. – 3691, в 1934 г. – 3718³.

В целях улучшения материального положения стрелков охраны в 1934 году было принято постановление ГУЛАГа о довольствии их по нормам, установленным для строе-

¹ Архив ПС и СУ. Ф. 16. Оп. 16. Д. 44. Л. 45.

² Архив ПС и СУ. Ф. 16. Оп.16. Д. 94. Л. 49.

³ Кулешова Ю. Красная Армия в конце 1930-х годов: проблема боеспособности с точки зрения истории повседневности // Отечественная история. – 2003. - № 4. – С. 60-83. С. 66.

вых частей Красной Армии. В 1936 г. был расширен ассортимент основного красноармейского пайка. С 1936 г. до июня 1941 года каждому военнослужащему в сутки полагалось: 600 г ржаного и 400 г пшеничного хлеба (ранее – 1 кг только ржаного хлеба), 150 г крупы, 10 г макарон, 175 г мяса, 75 г рыбы, 20 г животного жира, 30 г растительного масла, 35 г сахара, 30 г соли, 735 г картофеля и овощей, 1,6 г чая¹. На самом деле, существовала большая разница между положенными нормами и реальным ассортиментом продуктов, получаемым сотрудниками охраны Карлага. Так, питание стрелков в ряде подразделений лагеря было неудовлетворительным. Кроме пшеничного супа, других блюд не готовили. Отсутствие в блюдах самых необходимых продуктов часто компенсировалось «присутствием в них инородных тел». Например, имелись случаи, когда в сахаре обнаруживали до 15% примеси муки. Стрелки выражали массовое недовольство таким питанием. Помимо некачественной пищи, в столовых часто отсутствовала требуемая посуда: ложки, кружки, чайники, бачки². Начальствующий состав многих военных продовольственных складов не брезговал кормиться за счёт казённой провизии, списывая ее по актам, как негодную, и продавал затем самим себе же по заниженным ценам. Кроме того, стрелки охраны не редко попадали в зависимость от заключенных при распределении питания, так как поварами и заведующими складами назначались заключённые.

Вещевым довольствием или одеждой, обувью и т.д. охрана Карлага обеспечивалась также не в полном объёме. По положению ГУЛАГа, для стрелков воензированной охраны лагерей и надзирателей мест заключения, была введена форменная одежда рядового оперативно-административного состава. Она была без знаков различия, с красным продольным жгутом посередине петлиц. Однако, в рапортах политработников того времени можно встретить такие выражения: «Охрана одета, как Красная гвардия в 1918 году, у солдат обмундирования нет, ходят голые и босые»³. Многим шинели выдавались несоответст-

¹ Кулешова Ю. Красная Армия в конце 1930-х годов: проблема боеспособности с точки зрения истории повседневности // Отечественная история. – 2003. - № 4. – С. 60-83. С. 67

² Архив ПС и СУ. Ф. 16. Оп.16. Д. 94. Л. 52.

³ Архив ПС и СУ. Ф. 16. Оп. 16. Д. 44. Л. 16.

вующего размера, поношенные, рваные и даже сшитые из разноцветных кусков материала, да и ходили бойцы нередко в рваных ботинках и сапогах. В 1936 г. ВОХР Карагандинского лагеря не доставало: шинелей – 1166 штук, гимнастёрок суконных – 1965 штук, шаровар – 1567 штук, ботинок – 162 пары¹. Подавляющее количество наличного, вещевого имущества неоднократно ремонтировалось, реставрировалось. В замечаниях комиссии Карлага по вопросу о личном составе охраны лагеря отмечалось, что внешний вид стрелков не отработан. В связи с неполным вещевым довольствием и низкой культурой личного состава ВОХР Карлага, допускалось ношение разнообразной, смешанной и даже не форменной одежды².

Бесконтрольность работы штабов, службы снабжения и складов, неэффективность системы распределения материальных ценностей, нарушение установленных порядков и правил командно-начальствующим составом привело к тому, что многие служащие охраны Карлага были плохо одеты, обуты, не накормлены. Военный механизм, связанный с вопросами обеспечения личного состава, обнаружил свою низкую эффективность. Несмотря на принятое постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о наведении образцового порядка в войсковом хозяйстве, все выявленные в ходе проверки 1935 г. крупные недостатки не были ликвидированы и до конца 1936 г.³

Состояние санчастей, общежитий, казарм было также далеко не удовлетворительным. Так, казармы, где проживали бойцы ВОХР, не соответствовали требованиям Устава внутренней службы. Из-за нехватки помещений вхоровцы были вынуждены размещаться в землянках, палатках, бараках вместе с заключёнными. Особо острой была проблема жилья в Саранском, Джартаасском, Котурском, Исень-Гельдинском и Коксунском отделениях Карлага [11, л. 61]. Чтобы сгладить жилищный кризис, для частей ВОХР начали строить барачные городки временного типа. И всё же положение с жильём, продолжало ухудшаться. Так, в 1936 г. безквартирные командиры охраны Карлага составляли 47 %⁴ [14, л. 161].

¹ Архив ПС и СУ. Ф. 16. Оп. 16. Д. 44. Л. 17.

² Архив ПС и СУ. Ф. 16. Оп. 6. Д. 221. Л. 21.

³ Архив ПС и СУ. Ф. 16. Оп. 22. Д. 33. Л. 60.

⁴ Архив ПС и СУ. Ф. 16. Оп. 22. Д. 33. Л. 161.

Несмотря на столь напряжённое положение с жильём, отдельные категории сотрудников охраны имели право на дополнительную жилплощадь. К ним относились лица, награждённые орденами, некоторые категории военнослужащих командного состава. Определённые льготы предоставлялись и по квартирной плате. Жилая площадь, занимавшаяся командным составом и завербованными сотрудниками охраны, оплачивалась ими по пониженным ставкам, установленными специальным постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 апреля 1936 года. Военнослужащие кадрового командного состава оплачивали занимавшую ими и их семьями жилую площадь по ставкам, дифференцированным в зависимости от оклада содержания. Максимальная ставка составляла 80 копеек за один квадратный метр в месяц. Ставки квартирной платы, установленные данным документом, не могли повышаться или понижаться местными органами власти ни в зависимости от территориального расположения, степени благоустройства и качества жилищ, ни в зависимости от состава семьи работника военизированной охраны ИТЛ¹.

При отсутствии элементарных бытовых условий и заботы об их повседневных нуждах, бойцы часто проявляли недовольство и нежелание служить в охране лагеря. В 1936 г. руководство Карлага вынуждено было в очередной раз указать командирам на то, что «политико-моральное состояние частей определяется не только количеством проведённых бесед и докладов, но и хорошими бытовыми условиями военизированной охраны, вниманием к их нуждам»². Особое беспокойство у руководства лагеря, как свидетельствуют документы, вызывало падение дисциплины среди личного состава ВОХР. Так, докладывая о дисциплине и политико-моральном состоянии кадров охраны в 1938 г., начальник политотдела Карлага М.Е. Горбачёв отмечал: «Среди стрелков процветают антиморальные проявления, пьянство, самоубийство. Стрелками и даже некоторыми лицами комполитсостава не принято приветствовать старших по званию согласно Дисциплинарного устава Красной Армии. Отмечены случаи нетактичного поведения отдельных стрелков с начальниками участков. Между отдельными командирами и стрелками установлены панибратские отношения,

¹ Архив ПС и СУ. Ф. 16. Оп.16. Д. 94. Л. 17.

² Архив ПС и СУ. Ф. 16. Оп. 2. Д. 45. Л. 6. Л. 18.

устраиваются групповые пьянки, организуемые подчас самим командным составом»¹.

В 1940 г. был принят ряд уголовных законов, направленных на соблюдение законности, укрепление трудовой дисциплины, усиление ответственности военнослужащих за нарушение установленного порядка прохождения службы. Указы Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1940 года и от 26 июня 1940 года давали возможность отдавать под суд за прогулы и опоздания, признавая уголовно наказуемой самовольную отлучку военнослужащих, длившуюся более двух часов. Самовольная отлучка свыше суток считалась дезертирством². 12 октября 1940 года Президиум Верховного Совета СССР утвердил Положение «О порядке назначения к слушанию дел о самовольных отлучках лиц рядового и младшего начальствующего состава», которое расширяло полномочия военных трибуналов. Им предоставлялось право назначать к слушанию указанные дела независимо от времени, прошедшего с момента вручения подсудимым копий обвинительного заключения³.

В июне 1941 года было создано Положение о военных трибуналах в военизированных учреждениях. Вопросы квалификации преступлений военный трибунал регулировал нормативными актами центральных органов власти и ведомственными приказами и инструкциями. Надзорной инстанцией по отношению к трибуналам являлась военная коллегия Верховного Суда СССР и Пленум Верховного Суда СССР. Руководство системой трибуналов осуществлял Наркомюст СССР. Как правило, заседания военных трибуналов носили закрытый характер. Их приговоры кассационному обжалованию не подлежали и могли быть отменены в порядке надзора. Дела, дискредитирующие органы НКВД, засекречивались⁴.

¹ Архив ПС и СУ. Ф.16. Оп. 22. Д. 33. Л. 18.

² Обухов В.В. Механизм судебной репрессии в системе военных трибуналов войск НКВД СССР 1939-1941 гг. // Государство и право. – 2004. – № 2. – С. 76

³ Обухов В.В. Механизм судебной репрессии в системе военных трибуналов войск НКВД СССР 1939-1941 гг. // Государство и право. – 2004. – № 2. – С. 79

⁴ Обухов В.В. Механизм судебной репрессии в системе военных трибуналов войск НКВД СССР 1939-1941 гг. // Государство и право. – 2004. – № 2. – С. 79

Работники ВОХР Карлага несли полную ответственность за побег заключённого из лагеря. Так, приказ Л.П. Берии от 25 июня 1941 года гласил: «Лица лагерной администрации и личный состав военизированной охраны, по чьей вине был допущен побег заключённых, привлекаются к судебной ответственности»¹. Вместе с тем, в годы Великой Отечественной войны, Наркомат социального обеспечения РСФСР распространил на семьи ВОХР Карагандинского лагеря, призванных в Красную Армию, действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих и младшего состава в военное время»². Принимались также решения, направленные на улучшение обеспечения военнослужащих и членов их семей, увеличение денежного довольствия, введены дополнительные жилищные льготы, установлено льготное исчисление выслуги лет, увеличены размеры пенсий и пособий, введены новые виды обеспечения. Например, постановление СНК СССР от 5 августа 1941 года обязывало временных жильцов, поселившихся на «военной» жилплощади, немедленно освободить её по возвращении военнослужащего. В этом постановлении определялся и порядок оплаты жилой площади служащим охраны в военное время. В тех случаях, когда жилая площадь служащего охраны оставалась незаселённой, квартирная плата за неё не взималась. При составлении планов текущего и капитального ремонтов жилого фонда, в первую очередь, включались нуждавшиеся в ремонте жилые помещения, в которых проживали семьи охранников³.

Особое внимание в годы войны уделялось военным инвалидам. Материально-бытовое обслуживание военных инвалидов возлагалось на органы социального обеспечения, а также на местные органы власти управления по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих: в их руках сосредоточивалась организация всей помощи семьям фронтовиков. Проблема прав, льгот и социальных гарантий инвалидов войны из числа охраны Карагандинского лагеря нашла отраже-

¹ Архив ПС и СУ. Ф. 16. Оп. 6. Д. 153. Л. 114

² Гладких И.П. Военная реформа: прошлое и настоящее // Военно-исторический журнал.- 2007.- 2. – С. 47.

³ Гладких И.П. Военная реформа: прошлое и настоящее // Военно-исторический журнал.- 2007.- 2. – С. 48.

ние в постановлении СНК СССР 1942 года «О пенсиях военно-служащим рядового и младшего начальствующего состава срочной службы и их семьям»¹. Помимо права на пенсию, инвалиды войны имели право на дополнительное материально-бытовое обслуживание в самых разнообразных формах. Сюда относились: трудоустройство и обучение; протезирование; помещение в дома инвалидов и трудовые интернаты; материальная помощь из различных фондов; обслуживание через кассы взаимопомощи. Указанные льготы распространялись также на членов семей умерших сотрудников охраны Карлага, которые получали пенсию по случаю потери кормильца².

В годы Великой Отечественной войны на личный состав воензированной охраны Карлага распространялось действие Дисциплинарного устава Красной Армии, принятого Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 11 марта 1942 года. При нарушении дисциплины Уставом предусматривались следующие взыскания: замечание, выговор, назначение вне очереди в наряд по службе, арест с содержанием на гауптвахте до 15 суток. За невыполнение плана работы заключёнными, сотрудники охраны подвергались аресту, с содержанием на гауптвахте, с удержанием 50% суточной зарплаты за каждый день ареста. Срок ареста в общий срок службы и выслугу лет не засчитывался, осуждённый не мог представляться к очередному воинскому званию, назначаться на вышестоящую должность, переводиться к новому месту жительства и увольняться со службы, за исключением случаев непригодности к ней³. 20 января 1943 года Постановлением ГУЛАГа был принят руководящий документ, регламентирующий повседневную службу ВОХР – Устав службы воензированной охраны исправительно-трудовых лагерей НКВД СССР. Устав предоставлял служащим охраны Карлага большие права и гарантии, защищал стрелков ВОХР от посягательств на их личность и права. Все дела об убийствах или покушениях на убийство представителей лагерной администрации и личного состава воензированной охраны передавались на рассмотрение военным трибуналам, которые в

¹ Гладких И.П. Военная реформа: прошлое и настоящее // Военно-исторический журнал. - 2007. - 2. - С. 49.

² Архив ПС и СУ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 31. Л. 136.

³ Архив ПС и СУ. Ф. 16. Оп. 2. Д.153. Л. 114.

свою очередь, привлекали заключённых к ответственности по статье 58 пункт 8 (террор) – «за совершение террористического акта с применением высшей меры наказания – расстрела»¹. Общение работников охраны Карлага с заключёнными так же регламентировалось Уставом ВОХР ИТЛ НКВД СССР от 20 января 1943 года. Внеуставные отношения рассматривались как грубейшее нарушение воинской дисциплины и квалифицировались как «связь с заключенными»². Под этой короткой зловещей фразой подразумевалась сигарета или коробка спичек, переданные осуждённому, и раннее снятие оцепления в жестокий мороз, свежая газета или карандаш, несколько слов участия, а то и просто ни к чему не обязывающая ободряющая улыбка.

Особое отношение к работникам военизированной охраны ИТЛ со стороны партии и советского государства не изменилось даже в 1950-е годы. Например, в 1952 г., когда расходы МВД сократились более чем на 800 млн рублей в год, что было обусловлено решением правительства, отменить все доплаты за звания, выслугу лет, ординаторские, пайковые и прочие надбавки работникам системы МВД, распоряжение не коснулось военизированной охраны исправительно-трудовых лагерей. В этой связи, министр внутренних дел Круглов С.Н. разъяснял своим сотрудникам: «Мы знаем, что ЦК ВКП(б) и Советское правительство никогда кадры работников Министерства внутренних дел не оставляло без внимания. Мы жили хорошо, а будем жить ещё лучше»³.

В послевоенные годы не были пущены на самотек также вопросы социальной защищённости ВОХР лагерей. Рядовому и сержантскому составу военизированной охраны Карлага предоставлялись льготы, установленные Постановлением СНК СССР от 14 сентября 1945 года и Совета Министров СССР, от 29 октября 1945 года, от 30 декабря 1945 года и Совета Министров СССР от 29 апреля 1946 года, от 29 апреля 1949 года, от 30 апреля 1951 года, от 3 января 1952 года⁴. Так, законодатель-

¹ Архив ПС и СУ. Ф. 16. Оп.16. Д. 94. Л. 27.

² Архив ПС и СУ. Ф. 16. Оп.16. Д. 94. Л. 11.

³ Бельская О. Горький пирог с поминального обеда (О документальном фильме «Стол», посвященном узникам Алжира) // Горизонт. – 1991. – 23 марта. – С. 243.

⁴ Архив ПС и СУ. Ф. 16. Оп. 3. Д. 33. Л. 18.

ством предусматривалось освобождение служащих охраны от подоходного налога, льготное исчисление выслуги лет в период службы в ИТЛ. Впервые было зафиксировано право получения жилплощади из общего фонда местных органов власти, решались вопросы сохранения жилплощади и найма жилых помещений, расширялись льготы семьям охранников. Вместе с тем закреплённые льготы из-за недостаточного финансирования со стороны правительства действовали не в полном объёме. И все же, даже рядовые охранники лагерей имели объём материальных благ, значительно превышающий средний по стране уровень потребления. Система Главспецторга обслуживала семью личного состава ВОХР не только продуктами, но и промышленными товарами. К их услугам были курортное лечение, дома отдыха, санатории, спецполиклиники, о чём простые советские граждане не смели и мечтать. Единственным нерешённым вопросом оставался квартирный вопрос, из-за постоянного притока новых кадров.

Какоурова Н.А.

Кадровый состав органов суда и прокуратуры Иркутской области в 1930-е годы

В 1930-е годы кадровый состав суда и прокуратуры Восточной Сибири представлял одну из серьезнейших проблем. Реформы, проводимые во всех регионах советского государства с начала 1920-х годов, не решили проблем организации правоохранительных органов, в том числе и подбора и подготовки кадров.

В ходе дискуссий о суде и прокуратуре высказывались различные мнения, как правило, они все сходились к одному: судьями и прокурорами могут быть только представители рабочих и крестьян. К началу 1930-х годов правительство внесло некоторые дополнения в политику кадрового состава. Основными кадрами должны были стать выдвиженцы-батраки, бедняки, демобилизованные красноармейцы, рабочие предприятий, делегатки женщины из батрачек и бедняцко-средняцкого актива дерев-

ни и комсомольская молодежь¹. Для выдвижения указывалась необходимость конкретного задания по вопросу подбора кадров и организации подготовки. Контрольной комиссии рабоче-крестьянской инспекции рекомендовалось бороться с «формально-казенным» отношением к вопросу проверки и чистки низового аппарата, добиться ответственности со стороны руководителей окружных, районных, сельских организаций.

Во исполнение указаний партии об «орабочивании» кадров, на заседании бюро коллектива окружкома ВКП(б) было принято постановление по приему в вузы рабоче-крестьянской прослойки не менее 76% по всем факультетам. Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1929 г. указывал сосредоточить все силы на решении важнейшего вопроса того времени для строительства социализма: подготовка пролетарских кадров. Четвертая окружная партийная конференция утвердила, что «орабочивание» советского аппарата должно стать постоянной работой ячеек фракций и руководителей учреждений. Выполнив постановления ЦК ВКП(б), Иркутская партийная организация предложила продолжить работу по проведению систематической чистки советского аппарата, обеспечить выдвижение рабочих и лучших крестьян из актива бедняков и середняков. С 1 апреля 1929 г. до 1 февраля 1930 г. в Иркутском округе проводились проверки качественного состава семи учреждений, среди которых значились суд и прокуратура.

Из 1082 прошедших проверку было «вычищено» 94 чел., наложено взыскание на 58 чел.: бюрократизм и волокита – 28 чел., искривление классовой линии – 29 чел., пьянство и разложение – 11 чел., растрата – 2 чел., непригодные к руководящей работе – 7 чел., прочие – 17 чел.²

К 1 ноября 1930 г. в статистических отчетах значилось «вычищенных» 980 чел., в порядке чистки уволили 554 чел. и 426 чел. в административном порядке: бывшие белые офицеры – 101 чел. (21,9%), добровольцы белой армии – 68 чел. (14,7%) крупные чиновники – 24 чел. (5,3%), судебные работники – 15 чел. (3,2%), служители религиозного культа – 17 чел. (3,6%), жандармы и полицейские – 19 чел. (4,2%), эсеры, меньшевики – 7 чел. (1,5%), работники торговли и промышленности – 105 чел.

¹ ГАИО. Ф.Р-1744. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л.2.

² ГАНИО. Ф.16. Оп.1. Ед. хр.1051. Л.23.

(22,8 %), прочие – 104 чел. (22,7%)¹. Всего 453 чел., цифра не соответствует представленным в архивных документах сведениям.

Таким образом, наиболее жестко преследовалось искривление классовой линии партии, на втором месте стояли бюрократизм и волокита, моральное разложение и растраты не так пугали власть. Власть относилась нетерпимо к бывшим белым офицерам, добровольцам Белой армии, стараясь как можно тщательнее выявить таких лиц и устранить их. Провозглашение окончательной победы социализма и искоренение колебаний не повлияли на ход «чистки», поиск врагов продолжался.

Восполнение кадров осуществлялось за счет выдвиженцев, основная масса которых приходилась на рабочих. Так, с 1 апреля 1929 г. до 1 января 1930 г. были выдвинуты 231 чел., рабочих – 211 и служащих – 20. Значительную часть выдвиженцев составляли члены большевистской партии – 80%, женщин значилось 13,5%². Для повышения образовательного уровня выдвиженцев открывались специальные курсы, к недостаткам которых следует отнести отсутствие вопросов практического характера.

К началу 1930-х г. отмечалось, что в результате чистки, окомунизирования и орабочивания аппаратов окрсуда и окрпрокуратуры произошли следующие изменения:

1. в суде аппарат уменьшился на 24%, в прокуратуре увеличился на 15,7%;

2. коммунистическая прослойка прокуратуры увеличилась с 35% до 45%, по ответственной группе с 60% до 81%, в суде увеличилась с 33% до 48%, по ответственной группе работников с 74% до 85%;

3. рабочая прослойка возросла в прокуратуре с 10% до 20%, по группе ответственных работников – с 7% до 12%, в суде – с 19% до 46%, по ответственной группе – с 34% до 54%;

4. признавалось, что аппарат суда и прокуратуры еще требует дополнительной чистки;

5. в результате чистки по ответственной группе произошло снижение квалификации.

В целях дальнейшего качественного улучшения аппарата суда и прокуратуры бюро ОК постановило: дополнительно прове-

¹ ГАНИИО. Ф.16. Оп.1. Ед.хр.1300. Л.6.

² ГАНИИО. Ф.16. Оп.1. Ед.хр. 1457. Л.32.

рить личный состав аппарата по выявлению элементов чуждых советской власти; вместо уволенных, проводить замену выдвиженцами рабочими и батраками. В первую очередь выдвинуть в прокуратуру трех чел. и четыре чел. в суд; признать необходимым посылку выдвиженцев на краевые юридические курсы, предварительно запросив от краевых органов соответствующее количество мест.

Сравнивая изменения, произошедшие среди работников суда и прокуратуры по социальному составу, обратимся к таблице 1.

Таблица 1
Состав служащих Иркутского окружного суда и прокуратуры
в 1927 г. и 1929 г.

чл. РКП(б)	чл.ВЛКСМ	беспартийные	батраки	всего
1927 г.				
техн. раб.	3	5	51	60
отв. раб.	41	1	18	60
всего	44	6	69	120
1929 г.				
техн. раб.	4	10	44	58
отв. раб.	51	1	9	61
чл. РКП(б)	чл.ВЛКСМ	беспартийные	батраки	всего
всего.	55	11	53	119
1927 г.				
рабочие	служ.	крестьяне.	батр.	всего
техн. раб	5	40	1	46
отв. раб.	19	31	10	60
всего	24	71	11	106
1929г.				
техн. раб.	10	34	1	45
отв. раб.	32	22	7	61
всего	42	56	8	106

Таблица составлена по материалам ГАНИИО: Ф. 16. Оп. 1.Лл. 21-29.

Как видим, происходило укомплектование суда и прокуратуры коммунистами, за два года количество беспартийных ответственных работников уменьшилось в два раза, по социальному составу число выходцев из рабочих увеличилось почти в два раза. Проведение «чистки» в суде и прокуратуре в полной мере соответствовало поставленным задачам партийно-государ-

ственного руководства. Признаки «чистки» имели всеобщий характер, правоохранительные органы не были исключением, рабочие-коммунисты признавались ведущим отрядом, который должен был стать опорой в установлении законности и в борьбе с преступностью. Среди ответственных работников коммунисты стали составлять в 1929 г. 86%.

В порядке оздоровления, вместо увольнения было произведено передвижение внутри аппарата. Переводились, в основном, курьеры в делопроизводители или судисполнители, исключением были секретарь Столяр, переведенный в народные следователи и постоянный заседатель трудового суда Бубало в народные судьи. Всего было продвинуто 11 технических работников, из них члены ВКП(б) – 2, члены ВЛКСМ – 7, беспартийных – 2. Технические работники принимались в аппарат суда и прокуратуры с биржи труда, после проверки личности принималось решение принять или отклонить кандидатуру. Биржа труда иногда предлагала к приему лиц с несоответствующими характеристиками. Например, по запросу суда биржа направила машинистку Силену, которая в 1920 г. была приговорена условно к шести месяцам принудительных работ¹.

Орабочивание и окоммунизация отразились на динамике кадрового состава. Статистика, проведенная в структуре суда и прокуратуры Республики, показывала, что беспартийных работников в аппарате прокуратуры осталось всего 5%. К началу 30-х гг. коммунистическая прослойка среди председателей судов, их заместителей, членов краевых, областных, губернских судов равнялась 91,6%. Среди народных судей и следователей членов ВКП(б) было меньше, хотя по сравнению с 1928 г., показатели повысились: у народных судей на 1,7% (ранее было 84,2%, стало 85,9%), у следователей – 4,3%, (было 50%, стало 55%).

Рабоче-крестьянская прослойка прокурорских работников оценивалась как недостаточная: рабочих было 41%, а крестьян 12%. В органах суда рабочих и крестьян было мало: среди председателей, их заместителей, членов краевых, областных и губернских судов – 46%, народных судей – 33,9%, нарследователей – 16,3%. В отношении крестьян говорилось, что их не только недостаточно, но количество их уменьшается. НКЮ РСФСР, находя рабоче-крестьянскую прослойку судебно-прокурорских

¹ ГАНИИО. Ф.16. Оп.1. Ед.хр.1457. Л.93.

работников низкой, решил в ближайшие два-три года повысить число рабочих и крестьян за счет выдвинутых с производства и от сохи до 80%, с тем расчетом, чтобы рабочих значилось не менее половины всего состава судебных работников.

Количество женщин в суде и прокуратуре Республики оставалось низким, председателей, заместителей, членов суда – 4,6%, народных судей – 10,3%, народных следователей – 2,6%, прокурорских работников 4,6%. НКЮ РСФСР ставил задачу увеличения женщин судей и прокуроров в ближайшие годы довести до 20%.

Служебный стаж судебных работников, как и в 20-е годы, оставался низким, его повышение было незначительным. Так, стаж председателей, заместителей, членов суда: до одного года был у 5,2%, выше пяти лет – 54,9%, народных судей до одного года – 18,15%, следователей – 16,6%, служебный стаж до пяти лет у судей – 19%, следователей 22,3%. У работников прокуратуры стаж до одного года – 12,3%, от одного года до трех лет – 37,9%, выше пяти лет – 29,2%. Работники прокурорского надзора, работающие непосредственно в прокуратуре, не считая других органов юстиции, составляли 41,2%.

НКЮ РСФСР был обеспокоен текучестью кадров, недостаточной их квалификацией, выдвижением работников, абсолютно не знающих законодательства, своих обязанностей, не имеющих никакого практического опыта. Текучесть кадров продолжалась и имела тенденцию к увеличению, народные судьи – с 15,5% на 19,5%, следователи – от 18% до 22,3%, прокурорские работники 24%. Из прокуратуры уволили 339 человек по разным причинам: дискредитация – 84 чел. (24,7%), пьянство – 29 чел. (8,5%), несоответствие должности – 52 чел. (15,3%), переход на другую работу 95 чел. (28%), по личному желанию и по болезни – 64 чел. (18,8%), по другим причинам – 15 чел. (4,7%)¹. Анализируя приведенные показатели, отметим отток кадров прокуратуры, в первую очередь в связи с переходом на другую работу, почти такое же количество работников было уволено за дискредитацию органов. На третьем месте стояло увольнение по собственному желанию и болезням. Значительное число работников прокуратуры уходило по собственной инициативе, их репутация требовала строгого соответствия нормам партийной морали.

¹ ГАИО. Ф.Р-1744. Оп. 1. Ед.хр.31. Л.6266.,123,78.

Рекомендовалось проводить перемещения работников, переводы и переброски, в исключительных случаях, признать «нормальную» текучесть в среднем около 5%. Также обращалось внимание на национальный состав работников правоохранительных органов. Национальные кадры должны были стать предметом особого внимания, процент «коренизации» суда в автономных областях и республиках намечалось повысить (в автономных областях – 52%, в республиках – 58,8%). Документы Государственного архива Иркутской области и Государственного архива новейшей истории Иркутской области не отражают привлечения в правоохранительные органы национальных меньшинств.

Для повышения квалификации работников, «орабочивания» суда и прокуратуры планировалось в каждой области, губернии и округе создать постоянный резерв из актива зарекомендовавших себя народных заседателей, общественных обвинителей, членов административно-правовых секций и женщин делегатов, работающих в юридических кружках. Резерв работников необходимо было знакомить с законодательством и практической работой судей. Выдвиженцы с производства должны были оканчивать юридические курсы только после определенного стажа практической работы.

В 1932 г. начинается новая волна чистки. В г. Иркутске была создана комиссия из 69 человек, начала работу 7 апреля 1932 г. Среди первых кандидатов на увольнение значился заместитель председателя краевого суда Питтель по причине неясности партийного стажа, в его автобиографии был указан 1906 г. вступления в ряды ВКП(б)¹.

Народные судьи подвергались проверке соответствия занимаемой должности. По Восточно-Сибирскому краю соответствовали занимаемым должностям 24 народных судьи. В отношении трех народных судей было принято решение оставить в должности, но перевести в другие районы. В отношении одного народного судьи было принято решение о необходимости юридической переподготовки. Оставался открытым вопрос о проверке поступивших сведений на двух судей. Они увольнялись как допустившие злоупотребления по службе. Председателей окружных судов А.М. Киселева (Эвенкийский округ), И.Д. Савина (Таймырский округ) комиссия решила оставить на занимаемых должностях.

¹ ГАИО. Ф.Р-1744. Оп.1. Ед.хр.50. Л.3.

Председателя Витимо-Олекминского округа Горловского отзывали как не справившегося с работой в национальном округе¹. По настоянию окружного прокурора Фридберга требовалась замена и перемещение семи окружных прокуроров и помощников прокурора по причине неопытности, беспартийности, совершения проступков².

21 ноября 1934 г. состоялось заседание бюро Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б), рассмотревшее итоги работы комиссии о соответствии судебно-прокурорских работников занимаемым должностям. По итогам проверки региональное руководство приняло решение в отношении 49 судей, 8 из которых были женщины, признать отвечающими требованиям, предъявляемым к работникам правоохранительных органов. Оставались на занимаемых должностях 4 судьи, но с условием перевода в другие районы. Трем судьям требовалась обязательная юридическая переподготовка. Восемь судей смещались как не справившиеся с обеспечением революционной законности. Восемь судей было уволено по причине злоупотребления служебным положением. В отношении трех судей окончательного решения не было принято, 14 членов краевого суда были оставлены на работе как имеющие положительные отзывы. Один член крайсуда был уволен как не справившийся с работой. По краевой прокуратуре бюро оставило на прежних должностях 38 человек, из них трех женщин. Девять человек оставались на работе с условием переброски в другие районы. Четыре помощника прокурора получили понижение и были переведены в районные прокуратуры как не справившиеся с работой. Четыре человека оставлены на работе в органах прокуратуры с условием юридической переподготовки. В отношении двух человек бюро оставило вопрос открытым до окончания расследования поступивших материалов. Четыре прокурорских работника увольнялись за необеспечение революционной законности. В отношении двух помощников краевой прокуратуры расследуемые дела передавались в суд. Бюро признало соответствующими занимаемым должностям 37 следователей краевой прокуратуры. Четырем следователям рекомендовалась обязательная юридическая переподготовка. 12 следователей увольнялись как

¹ ГАНИИО. Ф.123. Оп.14. Ед.хр.34. Л.114.

² ГАНИИО. Ф.123. Оп.14. Ед.хр.34. Л.115.

несправившиеся с работой. В аппарате краевой прокуратуры было оставлено 18 следователей, один переводился следователем в район¹. Проверка соответствия занимаемым должностям, проводимая партийными органами, носила массовый характер. Революционная законность по-прежнему занимала самое важное место, за несоблюдение революционной законности было уволено в два раза больше, чем требующих обязательной юридической переподготовки, следователей было уволено в три раза больше, чем отправлено на переподготовку. Несоблюдение революционной законности расценивалось более серьезным препятствием для продолжения службы, чем недостаточные знания или отсутствие практики. По-прежнему число женщин было небольшим, в суде их работало в шесть раз меньше чем мужчин, в прокуратуре – в 13 раз.

К середине 1930-х гг. партийная принадлежность оставалась актуальной, на примере приведенных данных рассмотрим таблицу.

Таблица 2
Партийный состав работников Восточно-Сибирского края
в 1934 г.

Должность	Всего	члены ВКП (б)	члены ВЛКСМ	беспарт.
нар. судьи районов	77	64	6	7
судьи краевого и окружных судов	18	16	2	
рай. прокуроры и пом. прокурора	62	59	2	1
нар. следователи	53	10	8	35
край. рокуратуры	21	16	3	2
Всего	231	165	21	45
% %		71,4%	9%	19,6% 34

Таблица составлена по данным ГАНИИО: Ф. 123. Оп. 15. Ед. хр. 43. Лл. 83-85; ГАИО: Ф. Р-1744. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 24.

По сравнению с концом 1920-х гг. произошли следующие изменения: число членов ВКП(б) среди работников суда и прокуратуры уменьшилось на 14,6%, но в то же время произошло увеличение членов ВЛКСМ, теперь их стало 9%, было около 1%. Если учитывать членов ВКП(б) и членов ВЛКСМ, то тенденция

¹ ГАИО.Ф.Р-1744. Оп.1. Ед.хр.50. Л.24.

«окоммунизации» суда и прокуратуры оставалась неизменной, по сравнению с 1929 г. уменьшение было незначительным (0,6%).

В 1935 г. по приказу прокурора края была организована аттестационная комиссия. Аттестация проводилась для помощников прокурора края, старших следователей, районных прокуроров и их помощников, народных следователей, секретарей краевой и районной прокуратуры. Аттестация должна была выявить политическую, юридическую подготовку, деловые качества работников, установить возможность дальнейшего использования и продвижения в органах прокуратуры. Комиссия обязывалась проводить работу путем личного ознакомления с работником, путем проверки всех документов. Результаты проверки нашли отражение в специальных актах, составляемых на каждого работника. По окончании проверки, прокурор Республики В.А. Антонов-Овсенко назвал 30% следователей не пригодными для работы по уровню подготовки, 20% «вообще не подходят для прокуратуры», около 30% прокуроров пригодны «под большим сомнением»¹.

В ноябре 1934 г. краевой комитет ВКП(б) занялся «оздоровлением» органов юстиции, укрепив кадровый состав суда и прокуратуры. В суд и прокуратуру было переведено 18 человек, все члены ВКП(б), но большинство из них не имели, ни юридической подготовки, ни практического стажа. Только четыре человека ранее работали в органах юстиции, двое имели высшее юридическое образование, но никогда не работали по специальности². К концу 1934 г. для усиления судебно-следственного аппарата по краю было командировано ЦК ВКП(б) 13 человек и краевым комитетом 11 человек, всего 24 чел. Один из командированных вернулся по болезни, двое значились как сбежавшие. По прокуратуре края штатным расписанием предусматривалось 69 районных прокуроров и помощников прокурора, в действительности работали 62 чел., четыре работника были уволены по мотиву «не обеспечившие революционной законности», вакантными оставалось 11 должностей. Народных следователей должно быть 61 чел., работало – 53, 12 следователей были уволены, как не справившиеся со следственной работой, 20 рабочих мест стали вакантными. Более подробно штат работников краевой прокуратуры представлен в таблице.

¹ ГАИО, Ф.Р-1744. Оп.1. Ед.хр.50. Л.4.

² ГАИО. Ф.Р-1744. Оп.1. Ед.хр.50. Л.1622.

Таблица 3
Штат работников Управления Восточно-Сибирской
краевой прокуратуры в 1934 г.

	Ст.помощники	пом.прокуроров	ст.следователи	Всего
по штату	7	14	4	25
в действит.	6	11	4	21
снять		2	1	3
Вакансии	1	5	1	7

Таблица составлена по материалам ГАИО: Ф. 1744. Оп. 1 Ед. хр. 57. Л. 111-114.

Как видим, по аппарату прокуратуры 38 мест числились вакантными, но, несмотря на кадровый дефицит, было принято решение о снятии 19 работников. Ужесточение карательной политики не обошло стороной и правоохранительные органы, «чистка» производилась во всех структурах прокуратуры, как в низовом аппарате, так и в верхнем.

Народных судей по штату предусматривалось 94 чел., но в действительности работали 77 чел., было снято за нарушение революционной законности восемь чел., не хватало до полного состава 25 чел. В крае в органах суда и прокуратуры не хватало 67 человек.

Во исполнение циркуляра НКЮ от 15 июля 1934 г. № С72/3419 была создана специальная комиссия Читинского обкома ВКП(б) по проверке личного состава народных судей. Итоги работы комиссии заслушивались на бюро обкома 5 ноября 1934 г., сообщалось: оставлено на работе – 16 чел., подлежит снятию – 6 чел., заменить в ближайшее время – 4 чел., оставить с условием прохождения учебы – 1 чел., вопрос оставлен открытым в отношении 3 чел. По окончанию проверки в аппарате Читинского суда не хватало 80 сотрудников, бюро обкома оказалось в затруднительном положении. Восполнить кадры не представлялось возможным из-за отсутствия подготовленных специалистов. Ситуацию удалось поправить, найдя выход в мобилизации бывших работников органов юстиции. Бюро обкома поручило той же комиссии в ближайшие дни отобрать необходимое количество ранее работавших в органах юстиции и внести кандидатуры на утверждение обкома ВКП(б)¹.

¹ ГАИО. Ф.Р-1744. Оп.1. Ед.хр.57. Л.15.

Личный состав защитников Восточно-Сибирского края в 1936 г. состоял из Иркутского коллектива, Черемховского, Тулунского и Читинского. В Иркутский коллектив входило восемнадцать человек, высшее образование имели только восемь чел., среднее – восемь, низшее – два. По социальному составу: восемь – из служащих, трое – из рабочих, двое – из крестьян. Членов ВКП(б) – двое. Черемховский коллектив состоял из трех человек. Высшее образование имели два чел., по социальному происхождению: служащих – двое, рабочих – один, все беспартийные. Тулунский коллектив состоял из шести человек: служащих – пять человек, рабочих – один, крестьян – два, высшее образование было у пяти, все беспартийные. Читинский коллектив включал семь защитников¹. Но архивные документы сведений о них не сохранились.

Председателем президиума защитников в 1934 г. был избран член ВКП(б) Пантелеев. 24 члена коллегии защитников обслуживали города, 11 членов – районы. Не все районы обслуживались членами коллегии, обычно судьи привлекали общественных защитников из числа актива села или учителей. Партийно-комсомольская прослойка защитников была ничтожной, менее 10%. Коллегия защитников называлась «засоренной» классово-чуждыми элементами. Старший контролер Партсовконтроля Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) Тарлаков, проводя ревизию коллектива коллегии защитников, обвинил проводившиеся прежние проверки 1924 и 1935 гг. в политической близорукости. Им указывались факты заимствования денег у членов коллегии некоторыми судьями Президиума краевого суда, осуществляющими проверки, назывались 18 судей. В заключение ревизионного акта подчеркивалась важность изменения идейно-политического руководства и «вливания пролетарской струи»².

В исследуемые годы партии и правительству удалось реализовать намеченный курс формирования кадров суда и прокуратуры из рабочих и крестьян. С начала 1920-х г. в губсуде работало крестьян почти в два раза больше, чем рабочих. В результате кампании продвижения в органы юстиции рабочих и крестьян, в губсуде рабочих стало 25%, крестьян – 72%. В органах юстиции Иркутской губернии в 1925

¹ ГАИО. Ф.Р-1744. Оп.1. Ед.хр.57. Л.41.

² ГАИО. Ф.Р-1744. Оп.1. Ед.хр. 57. Л.42.

г. было рабочих 35%, крестьян – 60%. Из приведенных данных усматривается приоритет крестьянства, но уже в ближайшие годы статистика показывает успешную реализацию «орабочивания» суда и прокуратуры. Через два года с начала реформы процент рабочих вырос на 10%. К началу 30-х гг. аппарат Иркутского окружного суда состоял из 78% рабочих и крестьян. Несколько по-другому выглядел социальный состав коллегии защитников. Во второй половине 30-х гг. Иркутский коллектив защитников состоял из 45 % служащих, 17 % рабочих и 11% крестьян.

Не менее важной проблемой для правительства было увеличение числа партийных работников. В 1926 г. штат прокурорских работников состоял на 76 % из членов ВКП(б), 6% членов ВЛКСМ, беспартийные составляли всего 18%. В 1929 г. в органах суда и прокуратуры среди ответственных работников коммунистическая прослойка увеличилась: в прокуратуре на 21%, в суде – на 11%. В середине 30-х гг. личный состав судебно-прокурорских работников Восточно-Сибирского края состоял на 71,2% из членов ВКП(б), 9% членов ВЛКСМ. В общем составе удельный вес коммунистов приблизился к 90%. На протяжении всех лет беспокорство властей вызывал в целом невысокий образовательный и профессиональный уровень работников суда и прокуратуры. Подводя итог, вернемся к ранее указанным данным. В середине 20-х гг. в губернской прокуратуре работали 26% со стажем более пяти лет, со стажем менее года – 19%, без стажа – 12%. В начале 30-х гг. по республике стаж до одного года был у 5,2%, свыше 5 лет 54,9 %. Первостепенное значение общественно-политических характеристик и социального происхождения, борьба с чуждыми элементами определяли подбор кадров, даже в составе краевых органов суда и прокуратуры не было 100 % укомплектованности квалифицированными специалистами с высшим юридическим образованием.

Главным критерием кадрового состава была политическая надежность и соблюдение революционной законности. Постоянные «чистки» приводили к пополнению органов неквалифицированными кадрами. «Переброски» и перемещение также снижали профессиональный уровень, работники не успевали усваивать специфику работы и не приобретали должных навыков. Стремление восполнить недостаток образованных юристов выразилось в

организации юридических курсов, которые проходили будущие следователи, прокуроры и судьи. Архивные данные свидетельствуют, что после окончания таких курсов выпускники обычно назначались секретарями, делопроизводителями. За редким исключением окончившие юридические курсы могли рассчитывать на должность народного следователя. Прежде чем стать судьей или прокурором, требовалось получить какие-то практические навыки. Такие курсы были непродолжительными, источники свидетельствуют, что они были рассчитаны на шесть месяцев, но в то же время есть упоминание и о двухнедельных курсах. В такой период можно было только восполнить незначительные пробелы в грамотности и преподать очень скромные представления о юриспруденции.

Юридический факультет Иркутского государственного университета выпускал недостаточное число юристов. В среднем в год выпускалось около шести десятков специалистов для суда и прокуратуры. Исследованием установлено, что большая часть выпускников уезжала в другие регионы СССР, в основном по прежнему месту жительства. С другой стороны, способные студенты, успешно окончившие университет, привлекались в органы исполнительной власти или в органы ВКП(б).

Начальный этап становления юридического образования сопровождался привлечением профессуры дореволюционной школы, из-за отсутствия собственных педагогических кадров. В Иркутском университете среди них были профессора и приват-доценты, которые внесли значительный вклад в профессиональную подготовку юристов, а также научную, административную и общественную жизнь города.

Развитию правовых знаний способствовало открытие при университете Юридического общества, членами которое могли быть не только преподаватели и студенты, но и городская интеллигенция.

Своеобразной формой восполнения профессиональных знаний юристов был юридический кружок, действовавший при Иркутском губернском суде. Посещение таких заседаний давало дополнительную возможность общения практическим работникам, здесь заслушивались доклады судей, прокуроров, которые уже прошли подготовку и могли поделиться знаниями и опытом.

Несмотря на различные формы подготовки работников суда и прокуратуры, что являлось определенным шагом вперед на пути решения кадровой проблемы, в конечном итоге для существенного улучшения ситуации этого было недостаточно. Образовательный уровень судей и прокуроров был низким, в конце 1930-х годов подавляющее большинство судей и прокуроров не имели специального юридического образования.

Казарин В.Н.

Деятельность Иркутского областного суда по рассмотрению и разрешению дел о «контрреволюционных преступлениях» и уголовных дел в 1950-е гг.

Данная статья является продолжением публикации автора, посвященной деятельности Иркутского областного суда по указанным категориям дел в предшествующее десятилетие¹. Статья ставит задачей отразить особенности работы областного суда крупного региона России по данному направлению деятельности, особенно по реабилитации осужденных, начатой в середине 50-х гг. прошлого века. Автором проведен анализ, прежде всего архивных документов, в течение долгого времени по идейно-политическим основаниям бывших закрытыми для исследователей.

В начале 1950-х гг. в деятельности Иркутского областного суда по-прежнему значительное место занимало рассмотрение дел о контрреволюционных преступлениях. Только в третьем квартале 1951 г. было рассмотрено 27 дел, по которым было осуждено 38 чел., из них 25 спецпоселенцев. Так, проживавшие в п. Тайтурка Усольского района спецпоселенцы-литовцы устраивали вечера, на которых восхваляли движение литовских националистов и призывали оказывать им посильную помощь.

¹ См.: Казарин В.Н. Деятельность Иркутского областного суда по рассмотрению и разрешению уголовных дел и дел «о контрреволюционных преступлениях» в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы // Сибирская ссылка: Сборник научных статей. Иркутск, 2007. Вып. 4 (16). С. 454 – 482.

Четверо из них были приговорены по ст. 58-10, ч. 1 и 58-11 УК РСФСР к 10 годам исправительно-трудовых лагерей с последующим поражением в избирательных правах на 5 лет каждого. Приговор обжалован не был. Часто антисоветская деятельность проводилась под видом антирелигиозной пропаганды.

Важно отметить существовавший вопрос. Несмотря на выносимые обвинительные приговоры, в директивном письме Министерства юстиции РСФСР от 14 февраля 1951 г. Иркутский областной суд был отнесен к числу областных судов, которые выносили мягкие приговоры по делам о контрреволюционных преступлениях. Кроме того, были выявлены следующие нарушения. К лицам, осужденным по ст. 58-10 не всегда применялось поражение в правах. При рассмотрении дел о государственных преступлениях по некоторым делам не соблюдалась ст. 284 Уголовно-процессуального кодекса 1923 г., то есть не выяснялось отношение свидетелей к подсудимому. При рассмотрении дел о государственных преступлениях к некоторым осужденным применялась конфискация имущества, хотя это не предусматривалось статьями Уголовного кодекса¹.

За 9 месяцев 1951 г. в народные суды Иркутской области по сравнению с тем же периодом 1950 г. поступило на 15,1 % меньше уголовных и на 4,6 % – гражданских дел. В то же самое время произошел рост преступлений по отдельным категориям. В частности, возросло поступление дел о хулиганстве, о нарушениях трудового законодательства. В установленные сроки рассматривалось только 66 % уголовных и 40 % гражданских дел. Судебных решений в установленные сроки исполнялось только 73 %².

В 1951 г. Иркутский областной суд оставил в силе 75,2 % приговоров, вынесенных народными судами области. В 1952 г. было оставлено в силе уже 81,3 % приговоров, вынесенных судами области. Таким образом, отмена приговоров снизилась на 6,1 %, что свидетельствовало об улучшении качества работы народных судов области. Однако процент отмены оставался высоким. Основными причинами этого были, прежде всего, нарушения

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-2846. Оп. 1. Д. 35. Л. 33, 36.

² Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 127. Оп. 30. Д. 79. Л. 84.

процессуальных норм уголовного права (ст.ст. 55, 80, 235, 236, 251, 309 УПК РСФСР).

В 1952 г. было отменено приговоров народных судов в отношении 596 чел., из них с передачей дел в народные суды на новое рассмотрение в отношении 453 чел., что составляло 78 % к числу всех вынесенных приговоров. Кроме того, областной суд отменил 64 приговора по причине применения к осужденным необоснованно мягких мер наказания. Приговоры отменялись также по причине отсутствия или недостаточности состава преступления в действиях осужденных. Часть приговоров была отменена по причине неправильных квалификаций состава преступления и нарушения норм материального закона¹.

В 1950-е гг. было усилено внимание правоохранительных органов и общественности к предупреждению и борьбе с преступлениями, совершенными несовершеннолетними. Только за первую половину 1955 г. из народных судов поступило 76 уголовных дел. Во многих случаях преступления были совершены не самостоятельно несовершеннолетними, а в группе других совершеннолетних лиц. Из 76 дел в 31 случае 40 % преступлений были совершены группой лиц с участием несовершеннолетних. Было предано суду и осуждено 144 чел. Оправданных по суду, а также прекращенных дел не было. За хищения государственного и общественного имущества было осуждено 33 чел., за кражу личной собственности граждан – 49 чел., за разбой – 10 чел., за изнасилование – 5 чел., за хулиганство – 17 чел. и за другие преступления – 30 чел. При этом, как правило, преступления по ст. 74 УК РСФСР 1926 г. (хулиганство), по ст. 142 УК (умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее за собой потерю зрения, слуха или какого-либо иного органа), по ст. 143 УК (умышленное легкое телесное повреждение, не опасное для жизни, но причинившее расстройство здоровью)² были совершены несовершеннолетними в нетрезвом виде. Необходимо отметить, что 80 % из указанных преступлений было совершено несовершеннолетними в возрасте от 16 до 18 лет³.

Несмотря на принимаемые меры, добиться снижения преступности среди несовершеннолетних и молодежи не удавалось.

¹ ГАИО. Ф. Р-2846. Оп. 1. Д. 48. Л. 8-9.

² Собрание кодексов РСФСР. Четвертое издание. М., 1927. С. 675, 689.

³ ГАИО. Ф. Р-2846. Оп. 1. Д. 63. Л. 38-39, 42.

Так, в 1956 г. и первом квартале 1957 г. только в четырех городах области (Иркутске, Ангарске, Усолье-Сибирском и Черемхово) было осуждено 1402 чел. в возрасте до 25 лет, из которых 471 чел. (33,6 %) являлись несовершеннолетними. При этом подавляющую часть осужденных (83 %) составляли лица, совершившие преступления в Иркутске и Черемхово. Весьма тревожным фактом являлось резкое увеличение количества таких составов преступлений, совершенных несовершеннолетними и молодежью, как умышленные убийства и изнасилования, хищения общественного и личного имущества, хулиганство. Всего лишь чуть более половины из числа осужденных работали в учреждениях и предприятиях (51,2 %); не работало вообще 38,7 %; учащиеся начальных и средних школ составляли 9,1 % и студенты высших учебных заведений – 1 %. Подавляющее большинство преступлений было совершено несовершеннолетними и молодежью в нетрезвом состоянии и в вечернее время¹.

В середине 1950-х гг. Иркутский областной суд в основном правильно обеспечивал рассмотрение дел по первой инстанции и кассационное рассмотрение уголовных и гражданских дел. Однако, определения судебных коллегий составлялись иногда некачественно. В запущенном состоянии находилась работа с жалобами граждан, не был налажен учет за поступлением истребованных дел. Судебная практика областного суда изучалась слабо.

По-прежнему одним из основных направлений в работе Иркутского областного суда было рассмотрение дел по расхищению социалистической собственности. Выступая на совещании работников торговли, промышленности и судебно-следственных органов в октябре 1955 г. председатель Иркутского областного суда Г.И. Баев отметил условия, которые способствовали хозяйственным преступлениям. В их числе: низкая квалификация материально-ответственных лиц, многие из которых не умели правильно оформлять денежные и товарные документы и составлять финансовые отчеты, слабая ревизионная работа, плохая охрана материальных ценностей. Расследования по хищениям социалистической собственности проводились на низком уровне. Дела этой категории расследовались крайне медленно. В Балаганском районе, например, органы следствия описанное

¹ ГАИО. Ф. Р-2846. Оп. 1. Д. 84. Л. 7.

имущество оставили на хранение родственникам обвиняемых и даже самим обвиняемым вместо того, чтобы немедленно изъять это имущество, так как родственники и тем более обвиняемые стали реализовывать это имущество или скрывать в других местах. Нередко суды без всяких веских оснований исключали из описи имущество растратчиков и тем самым освобождали их от материальной ответственности.

В Ангарске, например, действовала группа расхитителей, в прошлом судимых, работников промтоварного магазина, которые перепродавали товары повышенного спроса и реализовывали их на рынке. Все они были приговорены к заключению в исправительно-трудовые лагеря сроком от 5 до 15 лет. Другая группа лиц, действовавшая в тресте «Стройтермоизоляция» (г. Ангарск), занималась хищением изоляционного материала. Они были осуждены на заключение в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет¹.

В общем объеме рассмотренных уголовных дел значительное место занимали дела по растратам и хищениям. Если за первое полугодие 1954 г. народными судами области было рассмотрено 222 дела о хищениях, растратах и недостачах на сумму причиненного ущерба 1171881 руб., то в первом полугодии 1955 г. суды рассмотрели 193 дела на сумму 1042888 руб. По указанному количеству дел в первом полугодии было осуждено 2888 чел., а в первом полугодии 1955 г. – 245 чел.

По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» за первое полугодие 1954 г. было рассмотрено 172 дела в отношении 223 чел на общую сумму 835991 руб. В первом полугодии 1955 г. по этому указу было рассмотрено 103 дела в отношении 145 чел. на сумму 591873 руб. Из осужденных в первом полугодии 1955 г. 145 чел. за растраты и хищения по указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» было осуждено в пределах санкций закона 53 %, с применением ст. 51 УК РСФСР 1926 г. (ниже низшего предела) – 34 %, к условной мере наказания (ст. 53 УК РСФСР) – 13 %. Ст. 51 Уголовного кодекса, входящая в раздел пятый «О порядке применения мер социальной защиты судебно-

¹ ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 55. Д. 37. Л. 3, 5, 15.

исправительного характера», предусматривала, что «в случае, когда по исключительным обстоятельствам дела суд приходит к убеждению о необходимости определить меру социальной защиты ниже низшего предела, указанного в соответствующей данному преступлению статье настоящего Кодекса, или перейти к другой, менее тяжелой мере социальной защиты, в этой статье не обозначенной, он может допустить такое отступление, но не иначе, однако, как точно изложив в приговоре мотивы, вызвавшие это отступление». Ст. 53 УК РСФСР предусматривала, что «если суд признает, что степень опасности осужденного не требует обязательной его изоляции или обязательного исполнения им принудительных работ, он праве постановить об условном его осуждении»¹.

Имели место случаи, когда судьи неправильно квалифицировали действия растратчиков. Например, Жигаловский народный суд действия заведующей местной сельской кооперацией Ф., которая систематически уносила домой без оплаты товарно-материальные ценности из магазина, присвоив, таким образом, 4815 руб. квалифицировал по ст. 51 УК РСФСР и осудил ее к одному году исправительно-трудовых работ, в то время как ее действия подпадали под ст. 4 Указа ПВС Союза ССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества»². Данная статья предусматривала, что «хищение колхозного, кооперативного или иного общественного имущества, совершаемое повторно, а равно совершенное организованной группой (шайкой) или в крупных размерах, — карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от восьми до двадцати лет с конфискацией имущества»³.

Только по основным торговым организациям области по состоянию на 1 июля 1955 г. числились не взысканными растраты на сумму 29608 тыс. руб. В системе потребительской кооперации за первое полугодие 1955 г. было выявлено больше случаев растрат по сравнению с аналогичным периодом 1954 г. Большие растраты были в Иркутском управлении рабочего снабжения

¹ Собрание кодексов РСФСР. Четвертое издание. М., 1927. С. 663, 664.

² ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 55. Д. 123. Л. 42, 43.

³ Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. Т. V. Советское государство / Отв. ред. Р.С. Мулукаев, А.Я. Малыгин. М., 2003. С. 530.

Министерства лесного хозяйства РСФСР. На Иркутском ликеро-водочном заводе долгое время действовала группа расхитителей спирта в количестве 24 чел. Эти лица похитили спирта на сумму более 1433 тыс. руб. На Усольском хромзаводе за короткий срок было похищено кокстоваров на сумму более 28 тыс. руб. На Ангарском хлебозаводе было похищено хлебобулочных изделий на сумму более 50 тыс. руб.¹

При этом необходимо учитывать, что причины растрат и хищений государственного и общественного имущества коренились в экономической системе общества. Кроме того, органы предварительного следствия не всегда принимали меры по наложению ареста на имущество в обеспечении иска по возмещению ущерба от растрат у лиц, по отношению которых было возбуждено уголовное преследование. Народные суды принимали дела к производству без актов описи имущества и принятия соответствующих мер со своей стороны по проверке наличия имущества, на которое необходимо было обратить взыскание.

В 1950-е гг. суды Иркутской области продолжили практику рассмотрения исков колхозов по самовольному захвату их земель другими организациями. В постановлении ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» и постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» устанавливалось, что общественные земли колхозов являлись неприкосновенными и их размеры ни при каких условиях не подлежали сокращению без особого разрешения правительства². Однако, самовольный захват колхозных земель продолжался. Так, например, народный суд Шиткинского района по иску колхоза «Заря коммунизма» к Шиткинскому леспромхозу о взыскании 262 центнеров сена вынес решение о взыскании в пользу колхоза 7860 руб. Народный суд Заярского района, рассматривая дело по иску колхоза «Новая жизнь» к одному из леспромхозов Усть-Кутского района, постановил взыскать убытков на сумму

¹ ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 55. Д. 123. Л. 49.

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 томах. Т. 2. 1929 – 1940 годы. М., 1967. С. 710; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. 1925 – 1953. М., 1953. С.1042.

42525 руб., но не поставил вопрос перед советскими органами о возврате земли колхозу. Однако в судебной практике по рассмотрению этих категорий дел было много процессуальных нарушений. Например, в материалах дела по искам о возмещении ущерба в связи с гибелью животных отсутствовали справки о заготовительных ценах на лошадей и продуктивный скот. При проверках выявилось значительное нарушение ст. 176 Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1923 г., выразившееся в отсутствии ссылок в постановлении решений на материальный закон¹. При разрешении исков колхозов народные суды почти не ссылались на постановления пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г. «О судебной практике по гражданским колхозным делам», что свидетельствовало, что суды не руководствовались этим постановлением и допускали грубые ошибки².

В середине 1950-х гг., то есть до, а не только после XX съезда КПСС, как это часто указывается в литературе, начался процесс реабилитации репрессированных в 1930-е гг. Вынесение протестов Президиума областного суда по делам, ранее рассмотренным тройками Управления Народного комиссариата внутренних дел по Иркутской области, – характерная особенность деятельности Иркутского областного суда во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг.

Например, президиум областного суда вынес протест в порядке надзора по делу П.Н. Кузьмина, который 28 июля 1938 г. был осужден по ст.ст. 58-10 и 58-11 УК РСФСР 1926 г. к 10 годам лишения свободы. Пантелеймон Никифорович Кузьмин, 1906 года рождения, русский, из крестьян середняков, беспартийный, до ареста работал бухгалтером Жигаловской конторы «Золотопродснаб» Иркутской области. Он был обвинен в том, что, являясь участником правотроцкистской, повстанческой, контрреволюционной организации в Жигаловском районе проводил антисоветскую агитацию, запутал учет в конторе «Золотопродснаб» чтобы таким образом добыть средства для повстанческой деятельности.

Постановление «тройки» НКВД по Иркутской области подлежало отмене по следующим основаниям. Обвинение Кузьмину было основано на показаниях другого обвиняемого Сизых о том, что последний лично вовлек Кузьмина в повстанческую органи-

¹ Собрание кодексов РСФСР. Четвертое издание. М., 1927. С. 900.

² ГАИО. Ф. Р-2846. Оп. 1. Д. 39. Л. 4, 6, 14, 15.

зацию и дал ему задание вести учет так, чтобы всегда имелись наготове свободные средства для контрреволюционных целей. Когда, где и при каких обстоятельствах Сизых завербовал Кузьмина, он не сказал. Кузьмин на очной ставке с Сизых показав последнего не подтвердил и свое участие в повстанческой организации и подготовке для нее денежных средств отрицал. Другие обвиняемые по делу Кузьмина в числе участников организации его не назвали. Показания Сизых по подготовке денежных средств для повстанческой организации в процессе проверки дела в 1940 г. подтверждения не нашли.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 16 Закона «О судеустройстве СССР, союзных и автономных республик» был вынесен протест от имени Генерального прокурора Союза ССР по постановлению «тройки» УНКВД по Иркутской области в отношении П.Н. Кузьмина. Постановление Президиума Иркутского областного суда от 24 сентября 1955 г. в составе председателя суда Г.И. Баева, членов суда Н.Н. Авдеевой, Н.М. Подрядчикова, А.А. Сечейко с участием прокурора Савушкина рассмотрел указанное дело и постановление «тройки» отменил. П.Н. Кузьмин к тому времени срок заключения уже отбыл и проживал на прииске Ударник Приморского края¹.

Другой пример. Ходос Исай Григорьевич, 1906 года рождения, еврей, беспартийный решением «тройки» УНКВД по Иркутской области 8 октября 1938 г. был осужден по ст.ст. 58-10 и 58-11 к 10 годам лишения свободы. Ходосу вменялось в вину, что он, работая начальником сводно-планового сектора Иркутского областного планового отдела, вступил в антисоветскую правотроцкистскую организацию, был завербован в нее Полозовым и по заданию последнего лично завербовал в нее Чекалова и Желиховского. Ходос проводил вредительскую работу в области планирования. Будучи арестованным, в ходе следствия Ходос отрицал свои показания, утверждая, что такие показания он подписал в результате незаконного ведения следствия; участником антисоветской организации он никогда не был и никакой вредительской работы не проводил. Полозов Ходоса в числе участников антисоветской организации не назвал, Чекалов по делу не допрашивался, а в отношении Желиховского дело было прекращено за не доказанностью обвинения. Причем, Ходос был

¹ ГАИО. Ф. Р-2846. Оп. 1. Д. 65. Л. 9-11.

арестован 8 июля 1938 г., а первые показания, имеющиеся в деле, датированы 30 сентября 1938 г. В ходе дополнительной проверки в 1940 г. показания Ходоса от 30 сентября 1938 г. о его вредительской деятельности подтверждения не нашли и опровергались документальными данными. Показания других обвиняемых были крайне противоречивы и не могли быть положены в основу его обвинения. Следствие по делу было проведено с нарушением нескольких статей Уголовно-процессуального кодекса 1923 г. В сентябре 1955 г. Президиум Иркутского областного суда в составе председателя Г.И. Баева, членов суда Н.М. Подрядчикова, Н.Н. Авдеевой и А.А. Сечейко с участием прокурора Савушкина по докладу прокурора Недоросткова рассмотрел по протесту Генерального прокурора СССР дело И.Г. Ходос и постановление «тройки» УНКВД по Иркутской области отменил¹.

В этот период Иркутский областной суд рассмотрел множество дел по реабилитации ранее осужденных «тройками» НКВД. Нет возможности приводить здесь хотя бы часть показательных примеров. Отметим лишь еще несколько. Решением «тройки» УНКВД по Иркутской области от 8 сентября 1938 г. Федор Афанасьевич Игумнов, 1892 года рождения, русский, беспартийный, Федор Ксенофонтович Кульпин, 1908 года рождения, русский, беспартийный, Василий Буженаевич Буженаев, 1892 года рождения, бурят, беспартийный были осуждены каждый по ст.ст. 58-2, 58-7, 58-10, 58-11 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы. Их признали виновными в том, что они являлись участниками кулацко-повстанческой контрреволюционной организации и систематически занимались вредительством и антисоветской агитацией на территории Иркутского деревообделочного завода.

Следствие проводилось с явными нарушениями ст.ст. 11 и 112 УПК РСФСР, без выполнения ст. 206 УПК РСФСР. В частности, при производстве предварительного следствия следователь был обязан выяснить и исследовать обстоятельства, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а равно все обстоятельства, как усиливающие, так и смягчающие степень и характер его ответственности (ст.111). Следователь был не вправе отказывать обвиняемому или потерпевшему в допросе свидетелей и экспертов и в собрании других доказательств, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствовали, могли иметь значение для дела (ст. 112).

¹ ГАИО. Ф. Р-2846. Оп. 1. Д. 65. Л. 18-20.

Ст. 206 устанавливала, что следователь направляет дело для предания обвиняемого суду после того, как будут установлены: событие преступления, имя, отчество и фамилия виновного, его возраст, обстоятельства, дающие основание для предания обвиняемого суду, судимость, классовая принадлежность и социальное положение, место и время и мотивы совершения преступления, если установить их было возможно¹. Многие указанные в деле лица не были допрошены. Все осужденные положительно характеризовались по месту работы. Решение «тройки» в отношении Ф.А. Игумнова, Ф.К. Кульпина, В.Б. Буженаева в 1955 г. было отменено.

Был отменен также приговор «тройки» в отношении Михаила Петровича Фурмана, 1891 года рождения, русского, члена партии с 1918 по 1938 гг., исключенного из ВКП(б) в связи с арестом. М.П. Фурман до ареста работал заведующим партийным кабинетом Заларинского РК ВКП(б), был осужден по ст.ст. 58-7, 58-10, 58-11 УК РСФСР на 8 лет лишения свободы с заключением в исправительно-трудовые лагеря. Фурмана обвинили в том, что он, являясь участником право-троцкистской контрреволюционной организации, занимался вредительством в сельском хозяйстве и проводил антисоветскую агитацию.

Следствие было проведено с нарушением ст.ст. 11, 112 и 206 УПК РСФСР. Обвинение основано на голословных личных показаниях Фурмана и на голословных личных показаниях осужденных по другому делу Минтусова и Беляцкого. Не были подтверждены показания Фурмана, что он по заданию Власихина, бывшего секретаря Заларинского РК ВКП(б), будучи уполномоченным по контролю за хлебозаготовками в 1935 г. умышленно принимал хлеб с 20 % влажностью, в результате чего хлеб портился. Показания свидетелей, что Фурман, читая по радио Обращение ЦК ВКП(б) по выборам в Верховный Совет СССР, пропустил некоторые абзацы и на предвыборном собрании избирателей при произнесении лозунга «Да здравствует блок коммунистов и беспартийных!» пропустил слово «беспартийных», не могли служить основанием его к осуждению по ст. 58-10 УК РСФСР. Постановлением президиума Иркутского областного суда дело в отношении М.И. Фурмана было прекращено².

¹ Собрание кодексов РСФСР. Четвертое издание. М., 1927. С. 950, 962.

² ГАИО. Ф. Р-2846. Оп. 1. Д. 65. Л. 77, 79, 115, 116.

Вместе с процессом реабилитации ранее осужденных «тройками», Иркутский областной суд продолжал выносить приговоры по 58-й статье УК РСФСР 1926 г. Так, 5 марта 1957 г. судебная коллегия по уголовным делам областного суда, рассмотрев в закрытом судебном заседании в Иркутске дело по обвинению Иванова Геннадия Семеновича на основании ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР, приговорила его к 5 годам лишения свободы без поражения в правах. Было установлено, что Иванов, 1937 года рождения, русский, беспартийный, образование 5 классов, ранее дважды судим по ст. 74, ч. 2 и ст. 58-10, ч. 1, отбывая наказание в исправительно-трудовой колонии, занимался анти-советской агитацией, допускал враждебные выпады в адрес руководителей КПСС и Советского государства, восхвалял жизнь в капиталистических странах, высказывал желание о том, чтобы американцы сбросили на СССР атомную бомбу и уничтожили советскую власть, допускал злобные выпады в адрес лагерной администрации.

12 июля 1957 г. судебная коллегия по уголовным делам областного суда, рассмотрев в открытом судебном заседании в Иркутске дело по обвинению Козлова Николая Васильевича, 1930 года рождения, русского, образование 4 класса, ранее судимого по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к 12 годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Козлов, отбывая наказание, в присутствии заключенных восхвалял немецко-фашистских агпрессоров, высказывал пораженческие настроения в возможной, на его взгляд, войне, дискредитировал руководство КПСС и советского государства.

На основании ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР суд подверг Козлова наказанию в виде лишения свободы на 4 года с последующим поражением в избирательных правах сроком на 2 года. К тому же была учтена ст. 49 УК РСФСР. Согласно данной статье, когда в совершенном обвиняемым действии содержались признаки нескольких преступлений, а равно в случае совершения обвиняемым нескольких преступлений, по которым не было вынесено приговора, суд, определив соответствующую меру наказания за каждое преступление отдельно, окончательно определял последнюю по статье, предусматривающей наиболее тяжкое из со-

вершенных преступлений и наиболее тяжкую меру наказания¹. Исходя из этого, суд приговорил Козлова к лишению свободы на 11 лет и 10 месяцев².

Иркутский областной суд рассмотрел также несколько дел по обвинению членов запрещенной секты иеговистов. Так, 17 июля 1957 г. судебная коллегия по уголовным делам областного суда рассмотрела в закрытом судебном заседании дело Шульган Владимира Степановича. Шульган, 1927 года рождения, украинец, беспартийный, ранее был судим в 1944 г. и в 1950 г. Наказание отбыл. До ареста проживал на спецпоселении в Зиминском районе, работал плотником. Шульган вступив в секцию иеговистов, с 1942 г. был ее активным членом. Был дважды осужден в 1944 и 1950 г. Со второй половины 1956 г., проживая в Зиминском районе, вновь возобновил иеговистскую деятельность. Организовал «килку» – группу иеговистов в составе 5 чел. и так называемые «теологические курсы», которые посещало около 20 иеговистов. Не реже трех раз в месяц Шульган лично проводил занятия, на которых излагал литературу антисоветского содержания. Был изобличен вещественными доказательствами: изъятыми блокнотами, антисоветской литературой, письмами антигосударственного содержания. Шульган был приговорен по ст. 58-10, ч. 2 и 58-11 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы с поражением в правах по п. «а» ст. 31 УК РСФСР (лишение активного и пассивного избирательного права) на 5 лет с отбытием в исправительно-трудовых лагерях.

В августе 1957 г. в областном суде слушалось уголовное дело в отношении Резник Дионезии Яковлевны, она же Пяшуновская Михайлина Николаевна, 1929 года рождения, образование 4 класса. В 1951 г. она была выслана на спецпоселение из Тернопольской области Западной Украины в Иркутскую область как член семьи пособника Организации украинских националистов (ОУН), проживала в с. Тыреть. Здесь она вступила в отношения с участником ОУН Н.А. Лыс, скрывавшийся по подложным именем Головацкого Василия Казимировича. В июне 1952 г. Резник и Лыс совершили побег и скрывались до 1957 г. Резник же скрывалась под подложной фамилией Пяшуновской. Они приобрели ротатор, пишущую машинку, бумагу, типографскую крас-

¹ Собрание кодексов РСФСР. Четвертое издание. М., 1927. С. 663.

² ГАИО. Ф. Р-2846. Оп. 1. Д. 93. Л. 1, 2, 28.

ку и организовали тайное печатание антисоветской литературы, которую распространяли разъезжая по городам и селам Сибири. В апреле 1957 г. Резник-Пяшуновская в одном из населенных пунктов Иркутской области была арестована. На основании ст. 58-10, ч. 2 и 58-11 УК РСФСР она была приговорена к 10 годам лишения свободы с поражением в избирательных правах по п. «а» ст. 31 УК РСФСР на 5 лет¹.

Таким образом, в деятельности Иркутского областного суда в 1950-е гг. нашли отражение крупные социально-политические изменения, произошедшие в обществе и государстве в этот период. Резко возросли квалификационные требования к кадровому составу членов областного суда и народных судей области. Областной суд возглавляли Г.И. Баев и Д.П. Милованов, имевшие значительный опыт и глубокие профессиональные знания, сумевшие грамотно организовать работу аппарата суда и народных судов области. Значительно повысилось количество членов областного суда, имевших высшее юридическое образование. Многие члены областного суда и народные судьи учились на старших курсах Всесоюзного юридического заочного института или на заочном отделении юридического факультета Иркутского государственного университета, возобновившего подготовку юристов в этот период.

По-прежнему областной суд занимался рассмотрением особо тяжких уголовных дел, а также рассмотрением дел, поступивших в кассационном порядке. Особую значимость в этот период приобрела уголовно-правовая защита общественной собственности, а также личного имущества граждан. Увеличилось количество дел, связанных с преступлениями среди несовершеннолетних.

С середины 1950-х гг. Иркутский областной суд начал рассмотрение дел по реабилитации ранее репрессированных, восстановив доброе имя многим людям. Особенностью работы областного суда явилось рассмотрение уголовных дел лиц, находящихся в Иркутской области на спецпоселении, применяя к ним действовавшие в тот период нормы уголовного законодательства. В целом деятельность Иркутского областного суда была направлена на обеспечение правопорядка и законности в крупном восточном регионе Российской Федерации.

¹ ГАИО. Ф. Р-2846. Оп. 1. Д. 93. Л. 29, 30, 36, 38.

Из истории пенитенциарной системы в Сибири в постсоветский период

Гусарова Т.О.

Некоторые вопросы организации производственной деятельности в местах лишения свободы Бурятии в конце 90-х гг. XX века

В связи с распадом социалистической системы хозяйства нарушились сложившиеся за многие годы производственные связи в пенитенциарной системе. В 70–80-е гг. XX в. производственный потенциал уголовно-исполнительной системы составлял ощутимую часть народного хозяйства и занимал по количеству производимого валового продукта 5–7 место среди производящих министерств страны. В 90-е гг. возникла проблема экономического выживания системы, в связи с чем необходимо было создавать заново производственные мощности и взаимовыгодные связи, необходимые в новых условиях.

Проблема использования труда осужденных и их трудовая занятость стала острейшей. Этот вопрос необходимо было решать в краткие сроки. Так, обсуждались предложения отказаться от обязательности труда осужденных и предоставлять им работу в качестве поощрения, что освободило бы уголовно-исполнительную систему от заботы создавать промышленное производство и ограничило бы ее деятельность производственными мастерскими, предназначенным в основном для обучения рабочим профессиям¹. Эти предложения не получили поддержки. Руководством

¹ Зубков А.И. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века. 2005. С. 624.

УИС был взят курс на развитие производственных отношений в новых рыночных условиях.

Законодательно было определено, что осужденные с учетом их трудоспособности по возможности, специально привлекаются к труду: 1) на собственном производстве учреждений, исполняющих наказания; 2) на объектах предприятий любых форм собственности, расположенных на территории учреждений, исполняющих наказания и вне их; 3) по хозяйственному обслуживанию учреждений; 4) в форме предпринимательской деятельности.

Коротко рассмотрим эти формы деятельности.

1. Собственное производство учреждений, исполняющих наказания – это производство, осуществляемое в учреждениях УИС на свой риск и ответственность. Учреждения обязаны обеспечивать необходимые условия труда в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации. Они обязаны выполнять требования по заключенным договорам. На них возлагается ведение бухгалтерской и статистической отчетности. Для ведения собственной производственной деятельности учреждениям, исполняющим наказания, законом предоставлены широкие полномочия. Они вправе осуществлять без дополнительной регистрации собственную производственную деятельность, привлекать на договорных началах и использовать финансовые средства, имущество и имущественные права физических и юридических лиц, самостоятельно выбирать поставщиков материально-технических ресурсов и потребителей выпускаемой продукции.

2. Предприятия смешанной формы собственности. Решение об участии учреждений, исполняющих наказания, и территориальных органов управления УИС в деятельности предприятий смешанной формы собственности принимают центральные органы управления УИС на основании экспертизы технико-экономического обоснования такого участия и учредительных документов предприятия. Центральные органы УИС пользуются правами учредителей при осуществлении контроля за деятельностью предприятий, созданных при долевом участии учреждений, исполняющих наказания, и территориальных органов УИС.

3. Предприятия любых организационных правовых форм. Данные предприятия, не входящие в состав уголовно-исполнительной системы, расположенные на территории учреждений,

исполняющих наказания, и вне их. Такое привлечение осужденных к труду осуществляется на основании договоров (контрактов), заключенных руководством учреждений, исполняющих наказания и предприятием. Имущественные отношения четко определялись в договорах, а также количество работающих осужденных, их заработная плата и выплата им необходимых пособий, специальная изоляция рабочих мест, на которых работали осужденные, соблюдение правил и норм техники безопасности.

4. Работа по хозяйственному обслуживанию учреждений, исполняющих наказания и следственных изоляторов. Прежде всего, необходимо отметить, что данные работы являются оплачиваемыми и выполняются на постоянной основе, а не в порядке очередности. Штаты работников, выполняющих работы по хозяйственному обслуживанию учреждений, исполняющих наказания, утверждаются начальником этого учреждения в пределах, выделяемых из республиканского бюджета Республики Бурятия средств и на основании нормативов, утвержденных центральными органами УИС.

Правилами внутреннего распорядка ИТУ МВД 1992 г. определяется перечень работ и должностей, на которых запрещается использовать осужденных: в службах, управлениях, отделах исполнения наказаний, в помещениях, где размещается личный состав, находится оружие, служебные документы; на работах с множительной и радиотелеграфной техникой, на работах связанных с хранением и выдачей медикаментов, взрывчатых и отравляющих веществ; с подчинением осужденным вольнонаемных работников; бухгалтеров-операционистов, кассиров, продавцов, зав. складами.

В воспитательных колониях на работы по хозяйственному обслуживанию могут привлекаться только лица, достигшие 18-летнего возраста.

В соответствии с веяниями нового времени осужденным законодательно разрешено заниматься предпринимательской деятельностью. Осужденные с разрешения начальника учреждения, исполняющего наказания, могут заниматься предпринимательской деятельностью в форме индивидуальной трудовой деятельности и путем создания товарищества с ограниченной ответственностью. При этом обязательны: желание осужденных; соответствие этой деятельности требованиям режима содержания;

возможности учреждения организовать такой вид деятельности; покрытие осужденными затрат, связанных с осуществлением этой деятельности; возможность получения прибыли от такой деятельности не ниже установленного законом минимального размера оплаты труда. Организация предпринимательской деятельности осуществляется без открытия расчетных счетов.

При этом осужденным запрещается производить работы или оказывать услуги следующего характера: производство любых видов оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, пиротехнических изделий, а также ремонт боевого оружия; изготовление и реализация наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ; переработка руд драгоценных металлов, радиоактивных и редкоземельных элементов; лечение больных; производство ликероводочных и табачных изделий; изготовление орденов и медалей; изготовление колюще-режущих предметов; ремонт и производство копировальной и множительной, радиотехнической, телефонной и телефаксной техники.

Данная форма трудовой деятельности задумывалась как дополнительный источник расширения рабочих мест в ИТУ. Однако, на практике эта форма трудового использования показала свою нежизнеспособность.

Таким образом, перед администрацией УИС в 90-е гг. XX в. стояла исключительно сложная задача не только сохранения рабочих мест, но и существенного их расширения. Приходилось проявлять изобретательность.

Трудозанятость осужденных, отбывавших наказания в пенитенциарных учреждениях Бурятии в 90-е гг. XX в. рассмотрим подробнее.

По данным архива УФСИН России по Республике Бурятия:

В 1997–1998 гг. всего использовались на оплачиваемых работах 2363 осужденных, из них работающих на собственном производстве, строительных объектах МВД и подсобных работах – 2187 человек, использующиеся на контрагентских работах других министерств и ведомств – 176 человек, хозяйственная обслуга – 472. При среднесписочной численности осужденных, отбывавших наказания в этот период – 6987 человек вывод на оплачиваемые работы составлял 33,8 %, при плане 40 %. По некоторым колониям эта цифра была несколько выше и достигала 58 %¹.

¹ Архив УФСИН РФ по РБ. Ф. 4. Оп.1. Д. 27. Л. 13-14.

Так по ИТК-1 среднесписочная численность спецконтингента составляла 1370 человек. Вывод на оплачиваемые работы составил 546 осужденных.

Таким образом, охваченных трудом было 39,8 %. Руководство колонии объясняло это тем, что отсутствовало сырье в нужном объеме. Но всё-таки основную часть не работающих составляли осужденные, которым работа не предоставлялась. В ИТК-2 процент привлеченных к труду был выше, а именно, 57,4 %, хотя и ниже, чем в 1995–1996 гг. на 9 %¹. Подобная картина была практически во всех колониях Бурятии. Падал объем производства, снижалась финансовая обеспеченность, не поставлялись сырье и материалы, контрагенты не выполняли обязательств по договорам².

Таблица 1³

**Вывод на оплачиваемые работы в 1997 году УИН РБ
с разбивкой по учреждениям, исполняющим наказания
в виде лишения свободы**

Вывод на оплачиваемые работы в процентах	ИТУ-1	ИТУ-2	ИТУ-4	ИТУ-5	ИТУ-8	УИН
план	44,0	58	33,0	10	38	40
факт	43,7	56,4	22,7	7,3	12,8	33,8
Данные по 1996 г.	39,0	56,9	33,1	12,8	16,2	37,0
Отклонение от плана	-0,3	- 1,6	- 10,3	- 2,7	- 25,2	- 6,2
Отклонение от факта	+4,7	- 0,5	- 10,4	- 5,5	- 3,4	- 3,2

(Таблица составлена по материалам архива УФСИН России по Республике Бурятия Ф. 1. Оп. 6. Д. 34. Л. 24).

Практически все учреждения допустили снижение вывода спецконтингента на оплачиваемые работы.

Разумеется, руководством колоний предпринимались все попытки привлечь осужденных к труду. В этот период значительно выросла численность осужденных, обучающихся в ПТУ. Их число выросло с 109 до 145 человек за 1 год⁴.

Для стабилизации производственной деятельности были налажены новые производственные связи. Для ГАИ МВД Республики Бурятия изготавливались номерные знаки, осваивались

¹ Там же. Л. 69.

² Архив УФСИН РФ по РБ Ф. 1. Оп. 6. Д. 34. Л. 69.

³ Там же. Л. 24.

⁴ Там же. Л. 14.

новые виды мебели из массива древесины. Все эти программы позволили дополнительно трудоустроить 115 человек. В планах УИН было заключение договоров с АО «Ангара» по производству обуви и установление линии по производству паркета совместно с фирмой «Юсан».

Однако, вследствие нестабильной обстановки в государстве в целом, от многих планов пришлось отказаться по объективным причинам. Уголовно-исполнительная система Бурятии стояла на грани выживания и сама пыталась справляться с трудностями. В этот период был принят ряд республиканских программ содействия уголовно-исполнительной системе. Тем не менее, положение системы исполнения наказаний оставалось крайне сложным.

Суш С.П.

Современное состояние системы исполнения наказаний Республики Бурятия

Система учреждений и органов, исполняющих наказания в XX в., неоднократно подвергалась существенным изменениям и кардинальным реформам, затронувшим все без исключения стороны жизнедеятельности системы исполнения наказаний.

В начале 90-х гг., в связи с отменой условного освобождения (осуждения) с обязательным привлечением к труду, ссылки и высылки были ликвидированы спецкомендатуры органов внутренних дел, а исполнение наказаний осуществляли исправительно-трудовые учреждения и инспекции исправительных работ органов внутренних дел.

Рассмотрим подробнее перечень учреждений, отнесенных к уголовно-исполнительной системе. Это исправительно-трудовые и воспитательные колонии, тюрьмы, следственные изоляторы, предприятия, специально созданные для обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы, научно-исследовательские, проектные, лечебные и иные учреждения, а также территориальные и центральные органы управления уголовно-исполнительной системой.

В России в конце 90-х гг. XX в. функционировало свыше 750 исправительно-трудовых колоний различных видов режима, 61 воспитательная колония и 13 тюрем. На территории Республи-

ки Бурятия было дислоцировано по две исправительных колонии общего и строгого режима, одно лечебное исправительное учреждение для отбывания наказания осужденных к лишению свободы больных туберкулезом, одна воспитательная колония для осужденных несовершеннолетних, две колонии-поселения и следственный изолятор.

Численность осужденных в России к концу 90-х гг. XX в. составляла свыше 740 тысяч человек, в том числе: в тюрьмах – свыше 4 тысяч, в воспитательно-трудовых колониях – свыше 21 тысячи¹. В учреждениях Республики Бурятия отбывало наказание свыше 7 тысяч осужденных при лимите мест 6147². Наполняемость исправительных учреждений можно проиллюстрировать на примере данных общей численности осужденных, содержащихся в исправительных колониях по состоянию на 1 января 1999 г. В ИК-1 общего режима при лимите наполнения 1022 содержалось 1419 человек; в ИК-2 строгого режима с лимитов 1622 отбывали наказание 1676 человек; в ИК-4 общего режима при лимите 1502 отбывали наказание 1580 осужденных; в ИК-5 лечебном учреждении с лимитом 1300 находилось 1458 осужденных больных туберкулезом; в ИК-8 строгого режима с лимитом наполнения 1201 человек содержалось 1495 осужденных и только в колонии-поселении № 3 лимит наполнения превышал фактическую численность осужденных (лимит- 1000 человек, наполняемость – 178).

Таким образом, лимит наполняемости в системе исполнения наказаний в Республике Бурятия составлял 7147, а фактическая численность – 7806 осужденных³.

Существенное превышение лимита наполнения колоний и следственных изоляторов осложняет организацию нормальной работы этих учреждений и противоречит международным стандартам обращения с осужденными. В связи с этим с 2005 г. в системе УФСИН России по Бурятии ведется активное строительство и ввод в эксплуатацию новых корпусов следственного изолятора и общежитий для осужденных в колониях республики.

¹ Зубков А.И. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века. М., 2005. С. 599.

² Архив УФСИН России по РБ Ф. 1. Оп. 6. Д. 47. Л. 5.

³ Там же. Л. 55.

В последние годы качественно изменился состав осужденных. Прежде всего, необходимо отметить значительное омоложение контингента. В конце 90-х гг. XX в. в Бурятии доля осужденных в возрасте до 25 лет составляла 50,3 процента, что было незначительно выше показателя в целом по России (49,5 процента). Практически во всех субъектах страны, в рассматриваемый период, возраст осужденных изменялся в сторону омоложения.

Следует отметить, что изменилось и социальное положение осужденных. Современное состояние общества неблагоприятно отразилось и на таком показателе, как численность лиц, которые на момент совершения преступления не имели определенных занятий, то есть трудоспособных лиц, не работавших и не учившихся. Так, если в 1970 г. их насчитывалось 9,3 процента, 1989 году – 24,8 процента, то в конце 90-х гг. уже 34,8 процента. Что касается Бурятии, то здесь процентное соотношение данной категории осужденных в конце 90-х гг. XX в. было еще выше – 65 процентов¹.

По данным ГУИН МВД России в 1996-1998 гг. в местах лишения свободы отбывали наказание лица осужденные:

За убийство – 10,6 процентов;

Разбой – 7,5 процента;

Грабеж – 7,4 процента;

Кражу – 38,9 процента;

Хулиганство – 6,9 процента.

В УИС Бурятии в рассматриваемый период ситуация характеризовалась следующими статистическими данными:

За убийство – 13 процентов;

Разбой – 6,1 процент;

Грабеж – 7,1 процент;

Кражу – 36,5 процентов;

Хулиганство – 6,2 процента².

Таким образом, статистика осужденных, отбывающих реальное наказание в Бурятии отличалась от общероссийской незначительно. Практически каждый второй осужденный отбывал наказание за насильственные преступления. Как показывает анализ этих данных, на протяжении длительного времени проявлялась устойчивая тенденция к росту в местах лишения свободы лиц, находившихся в местах лишения свободы за тяжкие преступления.

¹ Там же. Л. 6.

² Там же. Л. 7.

На протяжении многих лет практически стабильным оставалось число лиц, отбывающих лишение свободы впервые. Доля таких лиц в общей массе осужденных по стране в 1979 г. составляла 42,2 процента, в 1989 г. – 43,2 процента, в 1998 г. – 49 процентов¹.

В Бурятии в 1996-1998 гг. процент впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы составлял от 49,4 до 50,3 процентов от общего числа осужденных².

В 1998 году в введение пенитенциарной системы из состава МВД были переведены уголовно-исполнительные инспекции, задачей которых было исполнение уголовных наказаний не связанных с лишением свободы, к которым относились обязательные и исправительные работы, отложенные виды наказания (наказание исполняемое условно и отсрочка исполнения приговора для женщин, имеющих детей до 14 лет), запрет занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Что касалось лиц, осужденных к наказанием, не связанным с лишением свободы то, их численность в 1998-1999 гг. составляла около 18 тысяч человек (в 1998 г. – 18156, из них несовершеннолетних – 1883; в 1999 г. – 17633 осужденных, из них несовершеннолетних 1532). По видам наказания картина была следующая:

Виды наказания	1998	1999
Исправительные работы	1698	1312
Осужденные условно, испытательным сроком	9486	9094
Осужденных к запрету занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью	40	24
Женщин с отсрочкой приговора	48	67

Из лиц, осужденных без лишения свободы удельный вес ранее судимых был значительно ниже, чем среди отбывающих реальное наказание. Этот процент составлял 29,2³.

В настоящее время численность осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, значительно снизилась. Так, в 2007 г. численность спецконтингента, отбывающего наказание в виде лишения свободы составляла 5796 человек, в 2008 г. – 5609 человек, а в настоящее время – 5837 осужденных. Основная масса осужденных в Бурятии содержится в колони-

¹ А.И. Зубков Указ. соч. С. 602.

² Архив УФСИН России по РБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 47. Л. 5.

³ Текущий архив ОРУИИ УФСИН РФ по РБ.

ях строгого режима – свыше трех тысяч человек. В среднем 10 процентов осужденных содержится в лечебном исправительном учреждении, где проходят лечение от туберкулеза.

Динамика изменений криминогенного состава осужденных в 2008-2009 гг. выглядит следующим образом:

За убийство – 13 процентов;

Разбой – 8,1 процент;

Грабеж – 5,5 процентов;

Кражу – 25,8 процентов;

Причинение тяжкого вреда здоровью – 15 процентов;

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, – 9,5 процентов;

Хулиганство – 1,5 процента¹.

Очевидно, что число осужденных за насильственные преступления против личности уже долгое время остается на одном уровне. Тревожным сигналом можно считать увеличение численности осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств.

По данным 2008-2009 гг. уменьшилось, хотя и незначительно, число осужденных в возрасте до 25 лет. Их численность составила 45,1 процент. 53,7 процент составляют осужденные в возрасте от 25 до 55 лет.

В последние годы установилась тенденция к росту числа лиц, впервые отбывающих наказание. В 2008-2009 гг. их число составило 63,4 процента от общего числа осужденных. Как мы видим, их численность значительно увеличилась по сравнению с 1997-1998 гг.

Значительно изменилась численность осужденных без лишения свободы, однако их состав и численность ранее судимых осталась практически на том же уровне.

Так численность осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях Бурятии в 2008 году составляла 12883 человек, из них несовершеннолетних – 973 человека. Условно осужденных – 12186, что составило 94 процента, из них несовершеннолетних – 888. Сократилась численность осужденных к исправительным и обязательным работам (соответственно 298 и 222 человека). В процентном отношении это составило 2,3 и 1,7 процента.

¹ Текущий архив УФСИН РФ по РБ.

Что касается общероссийских показателей, то на 1 января 2008 года на учете в УИИ состояло 1141277 осужденных к наказаниям не связанным с лишением свободы. Из них осуждено условно – 85,3 процента; к исправительным работам – 7,2 процента; к обязательным работам – 4,8 процента; к запрету занимать определенные должности – 2 процента; женщин с отсрочкой отбывания наказания – 0,7 процента¹.

Процент ранее судимых, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях практически не изменился и составляет на сегодняшний день 28,8 процента.

Изменения коснулись криминогенного состава осужденных без лишения свободы. Так, если в конце 90-х гг. XX века численность осужденных за тяжкие преступления против личности, связанные с насилием насчитывала единицы, то в 2008 году по статьям 105 УК РФ (убийство) и 111 УК РФ (причинение тяжкого вреда здоровью) отбывают наказание без лишения свободы соответственно 48 и 862 человека, что составляет 0,3 и 6,7 процентов. Но основной массив осужденных составляют осужденные за кражу – 35,4 процента, ограбление – 7,2 процента, незаконные оборот наркотических средств – 14,9 процента.

Таким образом, криминогенный состав осужденных меняется в сторону увеличения численности лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления.

Характеристика уголовно-исполнительной системы и состава осужденных свидетельствуют об увеличении криминогенности и опасности состава осужденных, что в значительной степени обуславливает особенности работы персонала уголовно-исполнительной системы Бурятии. Это работа сложная, интенсивная и опасная.

До 1992 г. не существовало нормативного акта, которым регулировалось бы правовое положение персонала учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, и обеспечивалась его социальная защита. Впервые Законом РФ от 12 июня 1992 г. в ИТК России была введена глава «Персонал учреждений и органов, исполняющих наказание», включающая четыре статьи: требования, предъявляемые к персоналу (ст. 116); ответственность сотрудников исправительно-трудовых учреждений (ст. 117), правовое положение персонала (ст. 118); социальная защита персонала (ст. 119).

¹ Преступление и наказание. 2008. № 4. С. 17-19.

В настоящее время регламентация деятельности персонала, а также проблемы его социальной защиты установлены Законом Российской Федерации от 21 июля 1993 г. «Об учреждениях и органах, исполняющих наказание в виде лишения свободы».

В уголовно-исполнительной системе работают как сотрудники, так и рабочие и служащие. На сотрудников УИС распространяется действие Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденное постановлением Верховного Совета РФ от 23 декабря 1992 г., согласно которому сотрудниками являются граждане Российской Федерации, состоящие в должностях рядового и начальствующего состава, которым в установленном порядке присвоены специальные звания рядового и начальствующего состава.

Что касается самого персонала, то Закон стоит на страже личности, чести и достоинства не только самого сотрудника, но и членов его семьи. Данное обстоятельство имеет важное значение в настоящее время, когда в отношении сотрудников имеются факты угроз, шантажа, а то и прямое насилие по отношению к родственникам персонала уголовно-исполнительной системы в связи с их служебной деятельностью. Любые попытки должностных лиц или отдельных граждан воспрепятствовать выполнению служебных обязанностей, преследуются законом.

В интересах обеспечения личной безопасности сотрудников УИС и членов их семей не допускается обнародование в средствах массовой информации сведений о месте жительства сотрудников. Сведения о прохождении службы сотрудниками УИС могут представляться только с разрешения начальника учреждения, исполняющего наказание и следственного изолятора.

Штатная численность сотрудников уголовно-исполнительной системы России на 1 августа 1996 года составляла 213964 штатные единицы¹. Персонал уголовно-исполнительной системы Бурятии по состоянию на 1997 г. составлял 2377 человек. Из них в аппарате Управления работало 85 сотрудников, в исправительно-трудовых учреждениях – 1143 человек, в службе охраны – 598 человек, в следственных изоляторах – 425 сотрудников, в воспитательной колонии для несовершеннолетних – 163 сотрудника. Персонал уголовно-исполнительных инспекций составляет 42 человека².

¹ Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. М., 1999. С. 348.

² Архив УФСИН РФ по РБ. Ф.1. Оп.6. Д. 29. Л. 10.

В 2008 г. в уголовно-исполнительной системе Республики Бурятия проходили службу 2192 сотрудника. Должности младшего начальствующего состава занимают 1035, а среднего и старшего состава – 1157 человек. За последние 10 лет значительно увеличилась численность сотрудников моложе 30 лет – 767 человек, что составляет 35 процентов от всего личного состава УИС Бурятии, а в возрасте от 30 до 40 лет – 943 сотрудника – 45 процентов¹. 44,6 процента сотрудников пенитенциарной системы Республики Бурятия имеют высшее образование, 185 сотрудников обучаются в высших учебных заведениях страны, в том числе и Министерства юстиции.

В рассматриваемые годы произошла существенная гуманизация условий исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы. Изменилась и сама система исполнения наказаний. В 90-е гг. XX в. был упразднен такой вид режима как усиленный и ликвидированы все исправительно-трудовые колонии усиленного режима, введены колонии особого режима для содержания лиц, которым смертная казнь в порядке помилования была заменена лишением свободы пожизненно.

Завершая анализ развития и состояния уголовно-исполнительной системы Бурятии в 1998-2008 гг. следует отметить коренные изменения, произошедшие в ней. Сегодня уголовно-исполнительная системы Бурятии – это высокоорганизованная структура, в состав которой входят две исправительных колонии – строгого и две – общего режима; две колонии-поселения, одна воспитательная колония, два следственных изолятора, а также лечебно-исправительное учреждение для больных туберкулезом, 25 уголовно-исполнительных инспекций. В учреждениях действуют три промышленных предприятия, управление строительством, пять общеобразовательных школ, шесть профессиональных училищ, больницы. В системе УФСИН России по Бурятии работают восемь психологических лабораторий, оказывающих помощь осужденным.

Таким образом, современное состояние системы исполнения наказаний в Республике Бурятия вписывается в Федеральную систему исполнения наказаний и является ее неотъемлемой частью.

¹ Текущий архив УФСИН РФ по РБ.

К 110-летию со дня рождения Ф.А. Кудрявцева

Материалы заседания «круглого стола»

«Профессор Ф.А. Кудрявцев—
патриарх сибирской исторической школы»

(Заседание состоялось 2 октября 2009 г. в рамках Всероссийской научной конференции «Сибирское общество в контексте мировой и российской истории (XIX–XXI вв.)», ИГУ, исторический факультет

*Материалы подготовлены к печати
С.И. Кузнецовым и Ю.А. Петрушиным*

Д. и. н., профессор Ю.А. Петрушин (ИГУ, Иркутск):

22 октября исполняется 110 лет со дня рождения замечательного историка, доктора исторических наук, профессора Иркутского университета Федора Александровича Кудрявцева. В этот день его коллеги, ученики, историки Иркутского университета решили поделиться своими воспоминаниями о Федоре Александровиче, мыслями о его творческом пути и роли в развитии сибирской историографии. Одной из центральных тем в творчестве Ф.А. Кудрявцева была история каторги и политической ссылки в Сибири. Многие статьи ученого посвящены истории декабристов и ссыльных поляков. К юбилею приурочен выпуск полного библиографического указателя его научных трудов.

В заседании «круглого стола» приняли участие школьники из Олонской средней школы Дзялик Галина, Попова Кристина и Тусменова Алёна. Под руководством учителя Л.М. Соколовой они подготовили презентацию о детских годах Ф.А. Кудрявцева в с. Олонки, представили неизвестные прежде фотографии и

письма Ф.А. Кудрявцева землякам, рассказали о селе Олонки, где жили предки Ф.А. Кудрявцева и где родился он сам.

Жизненный и творческий путь Федора Александровича Кудрявцева органично вписался в новейшую историю нашей страны. Вместе со своим народом он прошел все этапы дореволюционной России и советской действительности, был их современником, а затем историографом. Добиться научных высот ему во многом помогли природный оптимизм и сибирский характер, ограниченный постоянным общением с простыми людьми, учеными-педагогами, аспирантами, студентами. Ученый-энциклопедист оставил о себе неизгладимую и добрую память. Его научный и педагогический авторитет до сих пор остается своеобразным эталоном высокой научной квалификации, человеческой добропорядочности, простоты и доступности в общении с людьми.

Федор Александрович Кудрявцев родился 5 ноября 1899 года в старинном сибирском селе Олонки Иркутской губернии. Отец и мать Федора Александровича рано ушли из жизни, он остался без родителей, жил и воспитывался в семье брата-инженера. Среднее образование Ф.А. Кудрявцев получил в Иркутской губернской гимназии. Провинциальный дух, простые образы сельчан и горожан с детства и юности вошли в сердце Ф. Кудрявцева, волновали его всю последующую жизнь, стали ориентирами в научном творчестве.

Юность и молодость Ф.А. Кудрявцева совпали с событиями Октябрьской революции и гражданской войны. Он был не только свидетелем, но и участником этих переломных лет. В 1919–1920 гг. служил в частях Красной Армии Восточного фронта. В 1920 году его откомандировали на учебу в Иркутский государственный университет на историческое отделение. Изрядный запас ярких и трагичных жизненных впечатлений, накопленный молодым, вдумчивым человеком, не мог не переплавиться на студенческой скамье в глубокие и прочные научные исторические знания. Уже в студенческие годы Ф. Кудрявцев приобщился к исследовательской работе. В ту пору едва ли не главной исследовательской тематикой было освободительное движение. Не случайно, дипломная работа выпускника Ф.А. Кудрявцева была выполнена на тему «Восстание поляков на Кругобайкальском тракте в 1866 г.». Работа была написана на архивных материалах. Введение в научный оборот новых не-

опубликованных источников вызвало живой интерес у научной общественности. Позднее эта работа была опубликована в сокращенном переводе в Польше.

В ходе учебы в университете Ф.А. Кудрявцев познакомился с лекциями интересных ученых и признанных педагогов В.И. Огородниковым, Б.Э. Петри, Б.Г. Кубаловым. Книги и статьи этих и других известных историков с дарственными подписями он трепетно сохранял в своей личной библиотеке. Университетские педагоги привили молодому историку вкус к научно-исследовательской работе, заложили принципы историографической культуры дореволюционной школы историков, основанные на общечеловеческих ценностях и цивилизационном подходе, которые сыграли свою роль в дальнейшем научном творчестве Ф.А. Кудрявцева (широта мышления, преодоление мелкотемья, глубокая самостоятельная разработка социально-политических и экономических вопросов истории Сибири). Главной исследовательской задачей принималась парадигма – достичь за счет критического изучения источников приращения исторической науки новыми знаниями. Этот принцип исповедуют сегодня и ученики Ф.А. Кудрявцева.

После окончания Иркутского госуниверситета, Ф.А. Кудрявцев связал свою судьбу и творчество с Бурятией. Здесь он начал трудиться учителем истории и обществоведения Верхнеудинской школы 2-й ступени № 2 им. В.М. Серова, а затем переходит на должность научного сотрудника Архивного управления БМССР. В это время выходит в свет одна из первых его публикаций о декабристе В.Ф. Раевском (Иркутск, 1924, 1925 гг.) и первая рецензия на книгу В.Е. Глузковского о Дальневосточной области (1925 г.). Эта проблематика на долгие годы определит интерес Ф.А. Кудрявцева к декабристоведению, а жанру «рецензия» у него посвящены более десятка публикаций. Одновременно Ф.А. Кудрявцев развернул в республике большую научно-краеведческую работу в научном обществе им. Д. Банзарова, Государственном институте культуры, сотрудничает в журналах «Жизнь Бурятии», «Бурятоведение». Он пишет ряд работ по истории Бурятии, которая стала одной из основных тем в творчестве ученого. Кроме местных фондов Ф.А. Кудрявцев использовал для изучения этой темы центральные архивы.

В 1931 году Ф.А. Кудрявцев возвращается в Иркутск и продолжает работу старшим научным сотрудником Краевого архивного управления. В это же время началась его педагогическая деятельность в высших учебных заведениях г. Иркутска: Иркутском педагогическом институте, Коммунистическом университете. После восстановления в Иркутском государственном университете историко-филологического факультета в 1940 году, Ф.А. Кудрявцев был приглашен на создаваемую кафедру истории СССР. В течение многих лет он читал на историческом отделении историю Сибири, историю средних веков, историю южных и западных славян. У него учились И.И. Кузнецов, В.Т. Агалаков, Н.Н. Щербаков, В.П. Олтаржевский, ставшие сами докторами наук, профессорами. Ф.А. Кудрявцев, как и некоторые его коллеги, не избежал репрессий 1930-х гг. В 1937 году он был арестован, обвинен по ст. 58 и помещен в Иркутскую тюрьму. К счастью, в том же году он был освобожден, а в 1938 году его «дело» было прекращено. Можно только догадываться, что творилось в это время в душе историка, но Ф.А. Кудрявцев нашел в себе силы продолжить научную работу. В 1940 году в издательстве АН СССР выходит капитальное исследование Ф.А. Кудрявцева «История бурят-монгольского народа: очерки», которые автор успешно защитил в качестве кандидатской диссертации в Иркутском госуниверситете в 1942 году. По подсчетам историка С.В. Бильдуевой, не менее половины многочисленных работ Ф.А. Кудрявцева посвящены различным аспектам хозяйственной, социально-политической и культурной жизни бурят в XVII – XIX вв.

В годы Великой Отечественной войны Ф.А. Кудрявцев, как и многие историки той поры, обратился к военно-патриотической тематике. По мнению профессора В.Т. Агалакова, изданные Ф.А. Кудрявцевым пожелтевшие теперь уже брошюры о боевых традициях сибиряков, о знаменитой Иркутской гвардейской дивизии, о вкладе Сибири в Победу производят сейчас особое впечатление. И тогда они вызывали патриотический отклик у трудящихся области.

В послевоенное десятилетие научно-педагогическая деятельность Ф.А. Кудрявцева развернулась с еще большим размахом. Наиболее значимой работой ученого в сибирской историографии стала обобщающая монография «История бурят-монгольского

народа с XVII века до 60-х гг. XIX века». В ней всесторонне освещен процесс исторического развития бурятского народа за два с половиной столетия. Ф.А. Кудрявцев стал одним из ведущих авторов и редакторов двухтомного труда «История Бурятской АССР», выдержавшего три издания (1951, 1954, 1959 гг.). Им подготовлены главы и разделы, посвященные присоединению Бурят-Монголии к России, социально-экономическому и культурному развитию Бурят-Монголии в XVII–XIX вв., истории ссылки и каторги, а также показаны периоды завершения реконструкции народного хозяйства (1933–1937 гг.), культурной революции в Бурятии (1917–1937 гг.). Завидная плодовитость ученого! Можно сказать, что в это время Ф.А. Кудрявцев как ученый и педагог вступил в пору своей зрелости. Вокруг него группировались способные и талантливые ученики, складывалась своя научная школа. Он плодотворно работал в ту пору с известными учеными и педагогами М.А. Гудошниковым, С.В. Шостаковичем, В.И. Дуловым. Его труды получили высокую оценку специалистов. После смерти М.А. Гудошникова, Ф.А. Кудрявцев возглавил кафедру истории СССР в Иркутском государственном классическом университете, в 1961 году ему было присвоено звание профессора. Коллектив кафедры во главе с профессором Ф.А. Кудрявцевым постепенно выдвигается в центр исторических исследований региона. В это время томские, новосибирские, иркутские историки являлись «законодателями моды» в сибирской историографии. Ф.А. Кудрявцев был постоянным участником всех крупных научных региональных и все-союзных конференций, где решался вопрос о создании обобщающих фундаментальных трудов по истории Сибири. Он принял самое деятельное участие в подготовке и написании многотомной «Истории Сибири». Капитальное пятитомное издание вышло в ленинградском отделении издательства «Наука» в 1968–1969 гг. Ф.А. Кудрявцев являлся членом главной редакции этого издания, редактором третьего тома, автором ряда разделов второго и третьего томов «Истории Сибири», не потерявшего своего значения и сегодня. Это фундаментальное издание было награждено Государственной премией СССР.

С неослабевающей настойчивостью, достойной подражания, Ф.А. Кудрявцев продолжал работу над повышением своего научного уровня. В 1970 году в качестве докторской диссертации

Ф.А. Кудрявцев представил доклад, обобщающий содержание его научных трудов на тему: «Вопросы экономического развития и социальных отношений в Сибири в XVIII – XIX вв.» (Новосибирск, 1970 г.). Блестяще защищенный докторский доклад (4 п. л.) осветил главные направления и результаты научной деятельности профессора Ф.А. Кудрявцева.

Ученый успешно разрабатывал проблемы истории бурятского народа и русского населения Сибири, истории региональной промышленности, образования и культуры, вопросы общественного и революционного движения в крае. Эта широкая тематика нашла свое отражение и развитие в кандидатских диссертациях его учеников, которые стали известными учеными Сибири. В их числе профессора В.В. Алексеев, И.И. Комогорцев, А.В. Дулов, Л.М. Дамешек, Б.С. Шостакович и др.

Научная и педагогическая деятельность профессора Ф.А. Кудрявцева всегда была неотделима от его общественной работы. Он был одним из организаторов Иркутского отделения общества «Знание», многие годы возглавлял Общество советско-монгольской дружбы, состоял членом президиума Общества изучения Восточно-Сибирского края, был членом-учредителем Общества охраны памятников истории и культуры, широко известна серия его работ по истории города Иркутска.

В 1957 году Ф.А. Кудрявцев был награжден орденом Трудового Красного Знамени, в 1970 г. – медалью «За доблестный труд». Правительство Монгольской республики наградило его медалью «Дружба». Ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки и техники Бурятской АССР. Но, пожалуй, главная награда Ф.А. Кудрявцева хранится в памяти его многочисленных учеников и исследователей. Его помнят и чтят на родном историческом факультете Иркутского государственного университета. Здесь работает кабинет его имени, сохраняется его личная библиотека. В Государственном архиве Иркутской области есть специальный фонд Ф.А. Кудрявцева. Проводятся научные конференции, посвященные памяти авторитетного ученого, поддерживается связь с его родным селом Олонки, изучается его жизнь и научное творчество. Вглядываясь в жизнь и творчество Ф.А. Кудрявцева, прожившего на свете далеко не безоблачные чуть более чем три чет-

верти века, мы невольно задумываемся о смысле его научного и педагогического авторитета: над ним не властно время.

Д. и. н., профессор В.П. Олтаржевский (ИГУ, Иркутск):

Уважаемые коллеги. Я учился у Федора Александровича в те годы, когда он был ведущим преподавателем нашего факультета. При этом он работал одновременно на двух кафедрах. По штату он значился преподавателем кафедры истории СССР, но одновременно работал и на кафедре всеобщей истории, которой тогда руководил профессор С.В. Шостакович. Безусловно, Ф.А. Кудрявцев был масштабной фигурой и для нашего факультета и для исторической науки Сибири. Я попытаюсь сделать некоторые обобщения относительно его научной и педагогической деятельности, но прежде хотел бы напомнить вам некоторые обстоятельства. Федор Александрович в нашей памяти, его учеников, остался как специалист экстра-класса в области истории Сибири. В этом была и его научная слава, и основная сфера педагогической деятельности. Но, наверное, уже мало кто помнит и другую сторону его биографии – многие годы он преподавал две дисциплины по кафедре всеобщей истории – курсы истории средних веков и истории южных и западных славян. Я очень горжусь тем обстоятельством, что преподавание курса истории средних веков я принял из рук Федора Александровича. До этого я слушал его лекции и в моем архиве хранятся две толстые тетради моих записей его лекций. Это – совершенно бесценный материал, который, быть может, не имеет никакого научного значения, но для меня это – часть памяти о Федоре Александровиче и о моих студенческих годах.

Федор Александрович был не только педагогом и не только исследователем. Он был душой нашего исторического сообщества на факультете. Те, кто давно работает на факультете, знают, что он был причастен к организации когда-то очень динамично развивавшегося традиционного студенческого вечера «Геродот». Он был самым первым «магистром» праздника, который «посвящал» студентов в историки увесистым томом «Всемирной истории». Делал он это всегда очень изящно, с шуткой.

Федор Александрович прекрасно пел, он знал массу песен. В добрые старые времена мы собирались или у него дома или у С.В. Шостаковича и там обязательно звучал его голос, непременно

ная старая студенческая песня «Из страны далекой»... Его очень любили студенты. Со студентами он вел себя очень просто и на занятиях и в неофициальной обстановке. Никогда он не давал почувствовать ни студентам, ни нам, молодым преподавателям, свое превосходство в знаниях, да и разницу в возрасте. Он мог свободно прервать лекцию, прочитать стихи, он мог запеть на лекции. Он был добрейшей души человек, готовый оказать любую помощь – начиная от научных советов и кончая материальной. Он никому никогда не отказывал. В моей памяти Федор Александрович это, прежде всего, ученый, который вел нас, студентов, молодых преподавателей в очень сложную, большую систему организации исследований. Особенно мы были горды, когда Федор Александрович рассказывал нам о том, как создавалась 5-томная «История Сибири», о тех спорах и дискуссиях, которые при этом возникали. При этом делал он это достаточно осторожно, не допуская каких-то резких высказываний в чей-либо адрес.

Федор Александрович был замечательным педагогом, тому, как он доносил знания до студента, стоило поучиться. Конечно, нам повезло, мы учились у замечательных учителей. Это и С.В. Шостакович и С.Ф. Коваль и, конечно же, Федор Александрович. Я горжусь, что был его учеником.

Д. и. н., профессор Б.С. Шостакович (ИГУ, Иркутск):

Уважаемые коллеги. Уже говорилось о том, что Федор Александрович читал по нашей кафедре, а в ту пору она называлась кафедрой всеобщей истории, курс истории южных и западных славян. Так получилось, что именно меня он подготавливал к тому, чтобы передать этот курс. С его благословения я взялся за этот курс и читаю его до сих пор. Я также был одним из последних его аспирантов. Федор Александрович не был славистом, но тема русско-польских связей в Сибири ему была известна и, в определенной мере, близка. Первоначально предполагалось, что я должен был в кандидатской диссертации описать всю историю поляков в Сибири. В ходе работы выяснилось, что это слишком масштабная задача и охватить всю тему в диссертации вряд ли возможно. В этой связи Федор Александрович постоянно помогал мне корректировать направление моих исследований.

Главными для него были, конечно, классические сюжеты сибирской истории, но он был и зачинателем историографии поляков в Сибири. Надо вспомнить, что его магистерская диссертация была посвящена восстанию ссыльных поляков на Кругобайкальской дороге в 1866 году, которую он написал на архивных материалах, в ту пору совершенно неизвестных. Он выступил здесь и как архивист и как исследователь. В сокращенном виде часть этой работы в переводе на польский язык была опубликована в журнале польской секции истпарта. Правда, в новосибирском архиве мне встретилась корректура рукописи, видимо той самой работы Федора Александровича. Она готовилась к изданию в новосибирском издательстве, но по какой-то причине опубликована так и не была. В свое время я делал какие-то выписки из этой работы, но может быть подумать о том, чтобы разыскать эту рукопись и опубликовать ее с комментариями, которые сейчас, конечно же, необходимы. Никто эту интереснейшую работу до конца не оценил. Кроме того, Федор Александрович готовил материалы по теме «Поляки в Сибири» для не вышедшего 5-го тома Сибирской энциклопедии. Эти материалы также не увидели свет в окончательном варианте.

Я всегда вспоминаю Федора Александровича с чувством благодарности и большого уважения, и как своего учителя, и как зачинателя нового научного направления сибирско-польской истории. К этому направлению присоединялся и С.Ф. Коваль, хотя отношения с ним, видимо в силу особенностей его характера, складывались не самым лучшим образом. В моей памяти Федор Александрович остается очень добрым человеком, даже трогательным и в чем-то беззащитным. Нельзя сказать, что ему легко жилось, так как семья у него не сложилась, долгие годы жил он один. Со всеми вытекающими из этого обстоятельства бытовыми и прочими сложностями. При этом он никогда не говорил об этих своих проблемах. Он очень любил быть с людьми, и при этом чувствовалось его одиночество.

Как пожелание, хотелось бы предложить подготовить сборник воспоминаний о Федоре Александровиче. К сожалению, многих, кто его знал, уже нет на свете. Может быть, есть смысл переиздать те его работы, которые пользуются наибольшей популярностью и которые стали теперь библиографической редкостью. Будучи этой весной в архиве Академии наук в Петербурге, я

обнаружил фонд Инессы Игнатович. Она была специалистом по истории крестьянских движений в России. Какое-то время она работала в Сибири, в Иркутском университете. В ее записях обнаружилось материалы семинаров, которые она вела для студентов-историков. Там фигурирует и фамилия Кудрявцева. В том числе, упоминаются доклады, которые он делал, есть замечания по этим докладам и другие интересные заметки. Эти материалы о Федоре Александровиче никому не известны и, вероятно, их также можно было бы опубликовать.

Д. и. н., профессор С.И. Кузнецов (ИГУ, Иркутск):

Уважаемые коллеги. Ф.А. Кудрявцев являл собой истинного ученого-энциклопедиста. Получив образование в классической гимназии, а затем в Иркутском университете, он прекрасно знал французский и греческий языки, латынь. Знакомясь с только что опубликованным библиографическим списком трудов Федора Александровича Кудрявцева, можно обнаружить в числе опубликованного им в 1957 году и такое издание: «Иркутск // Славное море: сб. ст. – Иркутск, 1957. – С. 497-502. Статью А. Монежниковой перевел с болгарского Ф.А. Кудрявцев». То есть Федор Александрович, как выясняется, знал еще и болгарский язык, который хотя и близок к русскому, но все же является иностранным. В.П. Олтаржевский вспоминал, что Федор Александрович пел на лекциях. А мне помнится то, как он совершенно свободно в ходе лекции переходил на французский язык, которого мы, не кончавшие гимназий, естественно, знать не могли.

Как известно, одной из центральных тем, занимавших Ф.А. Кудрявцева была история Бурятии. В 1940 г. в Ленинграде в издательстве Академии наук он опубликовал книгу очерков по истории бурят-монгольского народа от XVII до 60-х годов XIX вв. Труд этот в определенной мере не устарел и в наше время. В 1940-е же годы он был единственным обобщающим сводом исторических сведений по истории бурят. Не удивительно, поэтому, что он сразу же привлек внимание и за рубежом. Мало кто знает, что в 1943 г. он был подготовлен к изданию японским Институтом Монголии и выпущен токийским издательством «Кигэнся» в переводе на японский язык. Расширяя экспансию на континенте, Япония придавала большое значение изучению

истории, культуры, традиций и языков народов, населяющих северо-восточную Азию. В этом направлении работали научно-исследовательские институты, тесно связанные с военным ведомством. В самой Японии в те годы еще не было серьезных исследований по Бурят-Монголии, да и создание их было затруднено из-за отсутствия источников, невозможности в условиях войны их получения из СССР, недоступности для японских исследователей материалов советских архивов и библиотек. Вряд ли Ф.А. Кудрявцев знал о намерении японских издателей предпринять такое издание. Об авторских правах в то время еще говорить было не принято. По крайней мере, в списке опубликованных трудов за 1943 год он эту книгу никогда не указывал. Тем не менее, книга эта в его библиотеке каким-то образом оказалась. Но как это произошло, уже никто не расскажет. Ф.А. Кудрявцев никогда не рассказывал об этом весьма лестном для историка факте своей биографии – кто еще в Сибири и даже СССР в те годы мог похвастаться изданием книги за рубежом? Может быть, для собственного спокойствия и безопасности, а может быть, просто не знал об этой публикации. Еще свежи были воспоминания об аресте в 1937 г. А чем грозила ему такая известность в 40-е, да и в последующие годы, не требует объяснения. После его смерти книга вместе с его библиотекой оказалась на кафедре истории СССР Иркутского университета и долгое время там хранилась. Издание выглядит очень солидно, в традиционном для японских книг того времени темно-синем переплете. Любопытно, что издатели перенесли в книгу и все иллюстрации из ленинградского издания, но изъяли из текста все цитаты из трудов Маркса, Ленина и Сталина. Вероятно полагая, что для японского читателя они интереса не представляют, а к тексту книги мало что добавляют.

Занимаясь в 2007-2008 гг. в японских библиотеках я обнаружил книгу Ф.А. Кудрявцева в фондах «Северной коллекции» библиотеки университета Хоккайдо в Саппоро. Более того, оказалось, что она достаточно известна в научных кругах и считается классическим сочинением по истории монголоязычных народов. Факт этот – еще одно подтверждение авторитета иркутского историка и его международного признания. Кстати, эта книга оказалась не единственным трудом Ф.А. Кудрявцева, изданным в Японии. В конце 1960-х – начале 70-х годов после выхода в

свет 5-томной «Истории Сибири», японские издатели выпустили у себя сокращенный перевод этого фундаментального издания. В него вошли главным образом материалы досоветской истории, многие из которых принадлежали перу Федора Александровича.

Д. и. н., профессор Л.М. Дамешек (ИГУ, Иркутск):

Идея круглого стола принадлежит Ю.А. Петрушину. Мы обязаны помнить наших учителей. И я часто вспоминаю тех людей, у которых учился. Я окончил Иркутский пединститут и с Федором Александровичем я познакомился только в сентябре 1970 г., когда поступил в аспирантуру на кафедре истории СССР ИГУ. По сути дела, я был последним аспирантом, который защитился под руководством Федора Александровича. Федор Александрович был очень доволен, что я унаследовал от него «иностранческую» тематику, которой потом и занимался.

Если говорить о наследии Федора Александровича, то я его достаточно хорошо представляю, поскольку внимательно его изучал. Наиболее удачной его работой, не умаляя, разумеется, других, следует считать «Историю бурят-монгольского народа». Она вышла в 1940 г. Книга эта очень цельная, написана она на материалах иркутского и бурятского государственных архивов. Федор Александрович долгие годы проработал в архивах и материалы знал прекрасно.

Мы хорошо знаем все связанное с написанием «Истории Сибири» и присуждением ей Государственной премии. Я хорошо помню обиду Федора Александровича, когда было объявлено о тех, кто вошел в число лауреатов. А ведь именно ему принадлежали важнейшие разделы этого фундаментального труда.

Мы начали выпускать исторический журнал, вышел в свет первый его номер. В него не случайно включена рубрика «мемуары и воспоминания». Мы надеемся, что в одном из следующих номеров, в этой рубрике обязательно появятся материалы и о Федоре Александровиче.

Сегодня вспоминали о том, что в жизни Федора Александровича был 1937 год. Он был арестован. Уже в 1950-е годы наши партийные руководители в лице секретаря парткома Солодякина напомнили ему об этом. Это было связано с тем, что Федор Александрович опубликовал статью об одной из иркутских

церквей и удостоился благодарности священнослужителей. Он был вызван в партком, где и получил строгое внушение. Еще долгие годы Федор Александрович переживал эти события.

Д. и. н., профессор Иванов А.А. (ИГУ, Иркутск):

Творческое наследие Федора Александровича Кудрявцева отличается редкой многогранностью. В библиографическом списке его работ есть труды по истории революционного движения, народного образования, развития высшей школы, просвещения, краеведения, архивного дела в сибирском регионе и Бурятии. Вместе с тем, его имя можно по праву связать и со становлением в Иркутске целого научного направления – началом систематического изучения истории царской каторги и ссылки в Сибирь. Именно Ф.А. Кудрявцев, вслед за своим учителем Б.Г. Кубаловым, стал разрабатывать здесь декабристскую тематику. Им созданы работы о В.Ф. Раевском, К.П. Торсоне, Н.А. Бестужеве, братьях Кюхельбекерах, а также о А.П. Щапове, о многогранном влиянии политической ссылки на культурную жизнь края. На мой взгляд, однако, самой весомой его работой этой проблематики можно считать «Александровский централ», изданный в Иркутске небывалым для сегодняшнего времени тиражом – 15 тысяч экземпляров.

Надо отметить, что содержание этой книги – гораздо шире, казалось бы, частной, «точечной» темы. По существу, это – одно из первых исследований сибирской ссылки в целом: автор подробно характеризует виды наказания каторжными работами, основные места сибирской каторги, оценивает систему тюремного содержания уголовных и политических, наконец, впервые (в советской историографии) пытается привести обобщающие количественные показатели ссылных революционеров в Сибири в начале XX века.

Чтобы оценить значение этой книги, надо обратить внимание на год ее издания – 1936-й. Дело в том, что после октября 1917 г. тема царской каторги активно изучалась, в этот период были написаны сотни разноплановых и разножанровых исследований. Всесоюзное общество бывших политических каторжан и ссылнопоселенцев, имея научные секции по всей стране, музеи и архивные комиссии, в том числе и в Иркутске, собирало воспоминания и мемуары еще живших старых большевиков и даже

эсеров и анархистов. К тому же, эта тема имела и ярко выраженное идеологическое звучание – новое поколение страны Советов должно было знать революционных героев.

Однако со второй половины 1930-х годов темпы исследования политической ссылки в Сибири заметно замедлились: слишком много вчерашних героев, оказались «врагами народа». В 1935 г. было распущено Всесоюзное Общество, а разработка истории каторги была практически закрыта. В таких условиях выбор темы изучения истории Александровского централа требовал от исследователя немалого мужества, твердости характера, принципиальности и последовательности, наконец, преданности и любви к истории, к своей профессии.

Всеми этими качествами, думается, и обладал «патриарх» сибирской исторической науки Федор Александрович Кудрявцев.

Д. и. н., профессор М.В. Шиловский (Новосибирск, Институт истории СО РАН):

К сожалению, я не знал Федора Александровича лично. Но я хорошо знаком с его работами, знаю о нем по рассказам коллег, в том числе своего научного руководителя Л.М. Горюшкина, как участника этого легендарного проекта многотомной «Истории Сибири». Этот проект впервые интегрировал всех историков Сибири, объединил усилия историков Иркутска, Красноярска, Новосибирска, Томска. Думается, что этот проект надо реанимировать и попытаться вновь создать что-то подобное. 110-летний юбилей Ф.А. Кудрявцева, как одного из зачинателей современной сибирской историографии, стоит в одном ряду с мероприятиями, посвященными 100-летию известного кемеровского историка З.П. Карпенко, 100-летию И.М. Разгона и 100-летию З.Я. Бояршиновой в Томске и др. Как известно, в свое время коммунисты прекратили преподавание истории в школе, были закрыты исторические факультеты в университетах. И все это возобновилось только в 1934 г. В пединститутах истфаки вновь открылись только в 1938, а в университетах – в 1940 г. При этом свою работу они не успели как следует развернуть, поскольку началась война и все пришлось начинать сначала уже после ее окончания. Эти историки, которых я назвал, стояли у истоков современных исторических школ. В Иркутске это были Ф.А. Кудрявцев и В.И. Дулов, которые начали здесь подготовку исто-

рических кадров и стали закладывать основу исторической школы. Можно сказать, что современная корпорация историков-сибиреведов сложилась во многом благодаря этим людям. Конечно, они были людьми своего времени и с историографической точки зрения можно им предъявить определенные претензии. Но надо принимать во внимание и их возможности и ту источниковую базу, на которую они опирались. Большое количество среди них было так называемых «штрафников», которые подобно И.М. Разгону были подвергнуты аресту и высланы затем в Сибирь. Думается, что мероприятия, подобные нашему «круглому столу», посвященному Ф.А. Кудрявцеву, это не просто дань памяти замечательному историку, но и напоминание о той интеграции историков Сибири, инициатором которой они были и которую мы обязаны продолжать.

К. и. н., доцент В.П. Шахеров (ИГУ, Иркутск):

Сегодня прозвучало довольно много воспоминаний и все мы еще раз убедились, что Федор Александрович, это та фигура, которая объединяет историков не только Иркутска, но и Сибири. Все мы воспитывались и росли как историки на его работах. Это неспроста, ведь Федор Александрович в своем творчестве затрагивал самые различные вопросы истории Сибири, в его трудах исследовались очень многие сюжеты. В этой связи возникает мысль о том, чтобы провести на историческом факультете чтения, посвященные памяти Ф.А. Кудрявцева и более того, сделать это научное мероприятие периодическим. Таким образом, мы не только сохраним память о Федоре Александровиче для новых поколений историков, но и будем содействовать той историографической интеграции, а которой коллеги говорили. Сейчас очень хорошее время, для того чтобы выступить с этой инициативой. Ведь через два года – юбилей города Иркутска, а именно Федор Александрович является его первым историографом. Его книга очерков по истории Иркутска до сих пор не утратила своего значения. Поэтому предлагаю в 2011 году созвать такую конференцию и дать ей название «Кудрявцевские чтения».

Проф. Ю.А. Петрушин:

Уважаемые коллеги. Благодарю всех за участие в работе нашего «круглого стола». Мы постараемся обработать его материа-

лы, с тем, чтобы опубликовать их. Участники заседания не только поделились своими воспоминаниями, которые будут зафиксированы, но и высказали весьма полезные мысли и предложения. Мы начнем работу по подготовке книги о Федоре Александровиче, в которую могут войти и воспоминания о нем, и историографические статьи, может быть, и что-то из его неопубликованного наследия. Налажен контакт со средней школой с. Олонки, так что память о Ф.А. Кудрявцеве хранится не только в университете, но и у него на родине. Принимается и предложение В.П. Шахерова о проведении «Кудрявцевских чтений», которые могут стать событием для сибирских историков.

Гольдфарб С.И.

Область бескорыстия

В тот ноябрьский день 1977 года на историческом факультете открывали мемориальную доску и кабинет истории имени Ф. А. Кудрявцева. Он завещал родному факультету свою библиотеку. Уникальное собрание, насчитывающее тысячи томов научной литературы, редчайшие издания, подобные «Атласу Ремизова», теперь становились доступны всем. С утра в гуманитарный корпус университета тянулись вереницы людей. Они толпились в вестибюлях, коридорах. Стояли группами выпускники разных лет.

Несмотря на все различия, было у них одно общее, что единило и привело на факультет. Все они учились у профессора Федора Александровича Кудрявцева, жизнь которого отозвалась в их судьбах.

За три года до описываемого события в Иркутск приехал академик А. П. Окладников. Предстояла встреча с учеными Восточно-Сибирского филиала Сибирского отделения АН СССР. Его ждали. Десять ведущих авторов опубликованной «Истории Сибири» были выдвинуты на соискание Государственной премии СССР 1974 года. В числе их и Кудрявцев. Тогда-то и были сказаны А. П. Окладниковым эти слова: «Федор Александрович Кудрявцев – патриарх сибирской советской исторической науки». Патриарх, между тем, не написал

ни одной диссертации, а степень доктора получил на восьмом десятилетии жизни.

Что же тогда имел в виду академик, столь высоко оценивая иркутского ученого, – его вклад в создание многотомной «Истории Сибири» или почти пятидесятилетний стаж научной деятельности, время, за которое Кудрявцевым было подготовлено свыше ста кандидатов и докторов наук, написано более ста пятидесяти книг, брошюр, статей? А может, что-то другое? Но что? Соответствующую биографию или подходящий званию возраст? А может быть, огромную духовную силу, что способна объединять людей в одно большое дело и доводить его до логического завершения?

Казалось, получить ответ на эти вопросы большого труда не составит. Наш современник, известный ученый... И вдруг оказалось, что личное дело профессора до обидного немногословное. То, что мы понимаем под личным архивом, по какой-то причине не сохранилось. Воспоминания, которые просили оставить для «будущих потомков», увы, так и не были написаны, а тысячи страниц рукописей не изданы. Не оказалось записных книжек, дневников и прочих источников, с помощью которых была вероятность проникнуть в духовный мир человека.

Впрочем, чему удивляться. В его жизни вообще было много неожиданных поступков. Совершались они в большинстве своем сознательно, исходя из принципов и взглядов личности. Но окружающие Кудрявцева люди нередко смотрели на это как на «чужачества» профессора, отсутствие элементарной житейской логики и смекалки. А он был человеком из «области наибольшего бескорыстия» и, видимо, иначе поступать не мог, в чем нетрудно убедиться, познакомившись с его жизнью...

Профессор шел медленно, как и подобает человеку, который разменял восьмой десяток лет. Руки чуть сзади, а голова, наоборот, чуть впереди. При этом казалось, будто идет он вразвалочку. Здоровался легким поклоном головы. Останавливался обычно у факультетского стенда с информацией и, близоруко прищуриваясь, долго изучал его.

А вокруг все в движении. Узкие, полутемные коридоры старого здания, с трудом приспособленного под учебный корпус, не стесняют ни студентов, ни их учителей.

Остановиться бы, окружить профессора и спрашивать, спрашивать, спрашивать... Есть ведь о чем. Первый выпускник истфака, человек, от руки переписавший большинство материалов третьего тома «Истории Сибири», редактором которого являлся, написал историю бурятского народа, создал несколько научных школ...

Но вокруг все в движении. Успеть, успеть, успеть... Профессор обернулся, взглянул как-то по-особенному, с улыбкой на лице то ли ироничной, то ли грустной, скрестил пальцы рук и, кажется, произнес громко и наставительно: «*Festine lente*» – **ТОРОПИТЕСЬ МЕДЛЕННО!**

Он и, правда, мог сказать такое, ибо была в Иркутске классическая гимназия, в которой ученики учили латынь, и греческий, и несколько европейских языков. А он, Федор Кудрявцев, сын из многодетной купеческой семьи, науки постигал с азартом.

Купцами родители были скорее по названию. Серьезный капитал с мелочной торговли в Олонках не составишь. Кудрявцевых сельчане уважали. Никто и никогда не слышал, чтобы они заламывали цены, «драли три шкуры». Купеческая деятельность была для семьи скорее средством существования. Не случайно старшие братья Федора не продолжили родительского занятия, а выучились на инженеров.

Глава семьи Кудрявцевых скончался в 1900 году, а через восемь лет похоронили мать. Десятилетний Федор остался на попечении братьев. Когда пришла пора определять будущее самого младшего, на семейном совете решили – классическая гимназия. В царской России только она давала право продолжать образование в университете. Но, вероятно, не последнюю роль сыграло и желание самого Федора. Особой тяги к точным наукам он не проявлял, зато к гуманитарным имел большую склонность.

Он закончил учебу в гимназии как раз накануне контрреволюционного переворота Колчака в Сибири. Именно в это время, а точнее осенью 1918 года, в жизни Федора Кудрявцева наступил крутой поворот, обычный, впрочем, для той бурной эпохи. Девятнадцатилетнего юношу мобилизовали в белую Армию. Хватали даже студентов, что до той поры в России никогда не практиковалось. Дело доходило до того, что ректор

Иркутского университета вынужден был обратиться с письмом к командующему войсками Иркутского военного округа, в котором просил «...не отказать в распоряжении освободить 27 и 28 октября призванных в ряды войск студентов и вольнослушателей для участия в торжестве открытия Иркутского государственного университета».

Теперь он оторван от дома, родных и близких. Сам себе судья и ответчик. В своей автобиографии профессор напишет впоследствии: «Осенью 1918 г. был мобилизован в белую армию, служил рядовым, ротным писарем. В 1919 г., будучи отправлен в прифронтовую полосу в Тобольскую губернию, добровольно перешел в Красную Армию, служил в Свердловске красноармейцем, писарем и учителем в школах Красной Армии».

Непросто складывалась его судьба, в чем-то похожая на судьбы тысяч российских гимназистов той эпохи. Время поставило его перед выбором. И выбор был сделан...

Наступили дни, когда стало ясно, что гражданская война близится к концу. Часть молодежи откомандировали в институты и университеты. Это тоже был фронт, тоже революция, но только культурная. Начиналась великая битва с безграмотностью, разрухой, нищетой. Для этого требовались педагоги, врачи, инженеры, экономисты...

В 1920 году Федор Кудрявцев поступил на историческое отделение гуманитарного факультета Иркутского государственного университета, сокращенно Иргосун.

В те годы на историческом отделении читались физика, химия, биология и более близкие к истории курсы: «История хозяйственного быта», «История народного религиозного движения», «Капитализм и пролетарская революция», «Политический строй и социальные задачи РСФСР».

17 мая 1924 года он заканчивает учебу. В «Свидетельстве», выданном на его имя, читаем: «...На основании вышеизложенного, Кудрявцев Федор Александрович считается окончившим курс Иркутского государственного университета по историческому циклу Педагогического факультета, причем он, как окончивший полный курс наук данного цикла, пользуется всеми правами, предоставленными Высшим учебным заведением, в удовлетворении чего и выдано ему настоящее

свидетельство за надлежащими подписями и с приложением Университетской печати...».

Его дипломная работа «Восстание поляков на Кругобайкальской дороге в 1866 году» была опубликована на польском языке в органе Польской секции Истпарта при ЦК ВКП(б). Перед Кудрявцевым открывалось блестящее будущее, перспектива аспирантуры, но он сделал неожиданный шаг – уехал учительствовать в район, где еще не особенно спокойно, гуляют недобитые банды и постреливают местные «атаманчики». Новый 1925 год учитель Кудрявцев встречает в Бурят-Монгольской АССР (так раньше называлась Республика Бурятия).

Через несколько лет после окончания Иргосуна им изданы десятки статей, выполнены поручения солидных научных обществ. Успешно складывается и общественная деятельность. Но Кудрявцев вновь оставляет перспективную работу и поступает в Архивное управление Бурят-Монгольской АССР, объяснив это желанием «ближе соприкоснуться с первоисточниками и лучше изучать их». Впоследствии в одной из научных характеристик появятся слова – «редкий специалист-архивист».

Знарок отечественной истории, он начинал преподавательскую деятельность в университете на кафедре всеобщей истории, читая основные курсы: «Историю средних веков» и «Историю западных и южных славян».

Жизнь и работа в Бурят-Монголии определила и направление его собственной научной деятельности. Тема получила неожиданный по тем временам поворот – обобщающее исследование по истории бурятского народа. Мало кто и сегодня отважится на такой шаг. Ибо ученый, взявший на себя подобную задачу, должен быть не только высочайшей квалификации, но и специалистом в нескольких областях: экономике и этнографии, археологии и лингвистике, фольклоре, юриспруденции и, конечно, собственно истории. Но и это может быть не самым главным. Необходимо глубокое понимание самого народа, его национальных особенностей, нужд и чаяний. Всем этим Кудрявцев обладал в полной мере. Его имя к моменту написания «Истории бурят-монгольского народа» было хорошо известно в республике, где он учительствовал и являлся членом горсовета столицы – Улан-Удэ. В 1940 году книга была

издана в Ленинграде. Она получила высокую оценку советских историков, в том числе Е. Ярославского, который считался ведущим историком в большевистской среде. Книга послужила отправной точкой и основой для последующей работы над капитальным сочинением «История Бурятской АССР».

В 1942 году Кудрявцев защитил кандидатскую диссертацию, но диссертацию как таковую не писал. На защиту он представил книгу. Это может показаться нормальным. На самом деле это было рискованным шагом, хотя бы потому, что книгу оценивает не только группа специалистов, но и широкое общественное мнение. У книги нет семи нянек в лице научного руководителя, кафедры, ведущей организации и т. д.

Все это как соискатель Кудрявцев, конечно, понимал. Но как ученый поступить иначе не мог. Шла война, наука работала на нужды фронта. Была напряженная педагогическая деятельность – университет делал ускоренные выпуски, частые поездки с лекциями по области, разгрузка товарных вагонов на железнодорожном вокзале. За годы войны он написал несколько книг о боевых традициях сибиряков, множество статей для печати.

Кудрявцева, похоже, мало занимали «дипломатические ходы». Его волновала суть. Этим объясняется и отказ от написания специального текста диссертации. А в тех случаях, когда он видел, что его коллеги отклонялись от единственно верного направления, невзирая на внешние сложности и авторитеты, поправлял. Вот только один характерный пример. Известный ученый, академик С. Козин в ряде выступлений отождествил образ фольклорного Гэсэра с исторической личностью Чингис-Хана. Это время было сложным не только для исторической науки. Дискуссии во многом определяли направление работы. Мнение С. Козина сформировало солидную группу единомышленников, и в 1951 году в Улан-Удэ на объединенной сессии Института востоковедения АН СССР и Бурятского научно-исследовательского института культуры разгорелась жаркая полемика. Вот что вспоминал известный ученый, доктор исторических наук, профессор М.П. Хамаганов: «Отдельные бурятские товарищи приняли эту концепцию выдающегося советского монголоведа на веру, безгранично доверяя его высокому научному авторитету. В ре-

зультате героические подвиги Гэсэра они стали сблизать с грабительскими походами монгольских завоевателей. И вот теперь этой концепции, к сожалению, в какой-то мере отразилась на ходе некоторых моих рассуждений по вопросу о социальном характере эпоса «Гэсэр». Просчеты, допущенные в моем выступлении, были сразу замечены Федором Александровичем». Профессор публично выступил против учения академика, призвал очистить Гэсэриаду от «реакционного наслоения». Время подтвердило его правоту.

Долгие годы профессор возглавлял кафедру истории СССР. При нем здесь всегда царил какой-то особенный климат, настраивающий на дела. Глубина научных работ кафедры была столь высока, что ни одно серьезное исследование, конференция или симпозиум не проходили без участия иркутских историков. И то, что эта научная школа добилась признания, несомненная заслуга профессора. Поэтому нет ничего удивительного, что Институт истории АН СССР пригласил Кудрявцева для обсуждения проспекта такого фундаментального сочинения, как «Очерки истории исторической науки в СССР». Впоследствии он написал главу для второго тома.

Издание двух уникальных серий «Полярная звезда» и «Сибирь и декабристы» не имеет аналогов в отечественном декабристоведении. Но прежде, чем это стало возможным, Кудрявцев и его ученики десятилетия вели кропотливую работу, пока, наконец, эта тема перестала быть региональной.

Профессор действительно был ученым-энциклопедистом. Он работал в различных областях истории, экономики, культуры. Писал о государственном устройстве, классовой борьбе, городах Сибири, периодической печати, каторге и ссылке, социально-экономической жизни, коренных народах края. Но если собрать все его книги, то сразу и не скажешь, кто их автор: историк, литератор, юрист или знаток народонаселения?

Он учил мыслить реально. Постоянно повторял, что история – наука не о прошлом, а о будущем, потому что несет, кроме знания и опыта, огромный воспитательный материал... Он, то ли в силу традиции, а может быть в силу политкорректности, любил повторять слова другого великого русского историка Е.В. Тарле, что работа любого ученого, а тем более историка, должна быть марксистской, но постоянно на-

поминал, что историческое исследование, выполненное шаблонно, не творчески, грозит перекосом в ту или иную сторону, ошибками и даже бедой. Он шел по магистрали, а этот путь в науке дается нелегко.

Я думаю, основой его мировоззрения был, скорее всего, гуманизм. Сказать об этом с абсолютной точностью невозможно. Он мало говорил о своих взглядах на жизнь. Однако все, кто знал его, подтверждают эту догадку, основанную на пристальном изучении огромного научного наследия профессора. Для него не существовало человека «вообще». Это было несовместимо с его человеколюбием. Кудрявцев знал только конкретного человека. Со всеми его недостатками и достоинствами. Умел прощать, но делал это редко и не всегда охотно. Мог и ненавидеть, хотя об этом никто не догадывался. Ненависть свою переживал очень остро, мучился, копался в себе, и только убедившись, что недостаток человека не минутная слабость, а принцип, наказывал. Не подпускал к себе, редко бывал рядом, а здоровался, лишь кивая в ответ головой.

В этом была философия, в основе которой лежала крылатая фраза Геродота: «*Historia magistra vitae est*» – «История – учительница жизни». А чему, кроме доброты, верности, подвига, духовности, можно учить?!

Много времени Кудрявцев уделял детям. Это тоже входило в его понимание «*Historia magistra vitae est*»...Доподлинно известно – школьники зачитывались популярными статьями профессора; нередко, проходя мимо его дома, заходили: помогали пилить и колоть дрова, и слушали потом его долгие рассказы об Иркутске, чудесных приключениях землепроходцев, походе Ермака и о многом другом. А он всегда находил время побывать в школе на первом звонке, в торжественные дни окончания десятилетки. В газетах публиковались целые отчеты после таких встреч: «Ленинский урок закончился шквалом аплодисментов Федору Александровичу...»; «Ребята приняли профессора в почетные пионеры своего отряда...»; «Надо было видеть, с каким интересом слушали пятиклассники своего гостя...».

Он был уверен – каждая такая встреча приведет в стены университета одного-двух абитуриентов. И кто знает, может быть, именно они составят в будущем славу исторического фа-

культета. Это единственное, в чем был небескорыстен Кудрявцев.

Удивлялись, как это известный профессор дружит с начинающим преподавателем. Запросто заходит к нему в гости, с удовольствием пьет чай, и что самое непостижимое, просит объяснить тот или иной исторический вопрос!

Удивлялись его скромности. Личного транспорта не имел, да и зачем он ему? Любил ходить пешком. Медленно, дом за домом, улица за улицей, квартал за кварталом проходить историю города и свою жизнь, которая от этого города неотделима.

Кудрявцева в Иркутске знали хорошо и десятки людей приветствовали его. А если тут же на улице останавливали и заводили разговор, он не спешил прервать беседу: «*Historia magistra vitae est*» говорит, что человек должен быть доступным для других людей, если они в нем нуждаются.

На истфаке Иркутского университета сессия проходила шумно. Оценки каждый добывал, как умел: знаниями, хитростью, ловкостью, наглостью и просто слезами. При этом студенты чувствовали себя гораздо спокойнее большинства экзаменаторов. И в этой сессионной суматохе студенческой причудой для непосвященного казалось поведение первокурсников, которые как лунатики блуждали по длинным коридорам и декламировали Пушкина, Лермонтова, Омулевского. Объяснялось все просто – «Историю Сибири» экзаменовал профессор Кудрявцев.

Обычно он сидел, подперев голову рукой, часто смотрел в окно, был серьезен и совсем не улыбался. А потом вдруг вставал, сам читал изумленным и растерянным первокурсникам стихи. Закончит, и серьезно спросит: «Ну, как, коллеги? Понравилась вам сибирская поэзия?». Коллеги! Не часто теперь услышишь это доверительное слово. А жаль, много в нем было теплоты, причастности к общему делу.

Студенты были для него коллегами еще и потому, что он никогда не забывал эту «бесшабашную» жизнь, в которой все от «сессии до сессии», а вместо «счастливого пути» – «ни пуха – ни пера». Ведь учился профессор в те времена, когда чтобы предотвратить закрытие университета, студенты «решили вносить для преподавательских пайков по пять фунтов хлеба», а

юбилеи альма-матер отмечались не пышными торжествами и застольями, а «успешной перевозкой и колкой дров, а также выпуском учебных трудов и краткого отчета о деятельности университета».

Он не стеснялся спросить студента о его кошельке и если убеждался, что тот безнадежно пуст, предлагал помощь. Он был щедр. И не только профессорской зарплатой. Интерес к материальному положению молодых людей, их душевному состоянию был не просто вспышкой доброты, человеческого участия, а переживания, тревоги за здоровье коллег, наконец, отцовской заботы за будущее сибирской исторической школы, одним из основателей которой был сам.

А как прекрасно выглядел он в день торжественного посвящения в «историки»! В черной профессорской мантии до пола, в магистерской шапке. Он всегда волновался, когда многоголосое племя повторяло слова клятвы, написанной им и читаемой по сей день, от души прикладывая ко лбам вновь посвященных толстенную «Историю Геродота», а после подмигивал, спрашивая: «Ну, как?» и поздравлял.

Он всегда заботился о нравственной чистоте будущих историков и нередко на лекциях цитировал статью М. Горького «История деревни», особо выделяя эти строки: «Знание развивается сравнением. А нашей молодежи не с чем сравнивать то, что ей дано, чем она обладает. Именно поэтому и по силе здоровой жизни среди молодежи нередко встречаются парнишки и девчонки, которые не умеют ценить все то, что для них завоевано, встречаются задорные орлы, которые преждевременно мечтают об уютном курятнике. Знание прошлого вылечило бы их от слишком торопливого стремления пользоваться достижениями настоящего, не думая о будущем. Не стараясь углубить и расширить не нами завоеванное и заработанное хорошее наших прекрасных, но еще нелегких дней».

Нельзя не сказать о таком качестве профессора, как отсутствие административного честолюбия. Он не признавал «карьеры» на поприще науки. Не случайно поэтому и его просьба, изложенная ректору университета П.Ф. Бочкареву, всех удивила: «Вследствие необходимости посвятить все свободное от учебных занятий время завершению работы по подготовке к печати и изданию комплексного труда «История Сиби-

ри», прошу освободить меня от заведования кафедрой истории СССР».

Кроме этого было у профессора еще одно незавершенное дело. Пожалуй, последнее значительное в жизни. Он много думал и решил, что будет защищать докторскую диссертацию. И десять, и пятнадцать лет назад авторитет Кудрявцева был столь велик, что любой научный совет почел бы за честь присвоить докторскую степень старейшине иркутских историков. И десять и пятнадцать лет назад сложились, по крайней мере, две его школы историков: в Восточной Сибири с центром в Иркутске и в Бурятии, опубликованы десятки книг и статей. А потому стоит лишь гадать, отчего итог научных исследований был подведен Кудрявцевым так поздно, на восьмом десятке жизни. Вероятно, свою роль сыграло убеждение, что наука – это прежде всего творчество, и не хватало времени на оформление своих мыслей от сих и до сих. А может, мешала увлекающаяся натура.

Он и в шестьдесят и позже выезжал в историко-этнографические экспедиции, возрожденные на факультете по его настоянию, не пропускал ни одной театральной премьеры. И только в 1970 году, после издания третьего тома «Истории Сибири», редактором и автором которого он являлся, Кудрявцев решает, что настало время защиты выполненных работ.

Как и 28 лет назад, он представил не диссертацию, а доклад. Это был важный день в его жизни. В откликах защита называлась замечательным событием науки в Сибири.

В последние годы своей жизни он часто болел. А когда боль утихала, шел в родной университет, на кафедру. Его ждали, с ним советовались и спорили. И он чувствовал свою причастность к делу, а если улавливал нотки снисхождения к возрасту, обижался. Он по-прежнему консультировал преподавателей и студентов. Писал отзывы на диссертации, заседал в Ученом совете.

Кудрявцева не раз приглашали в Москву и в только что организованный академический центр на Дальнем Востоке. Но профессор не мог представить себя вдали от Иркутска.

...Никто не думал о его смерти, разве что он сам. Трагическая случайность стала ее причиной.

Проститься с ним пришло очень много людей. Иные речи сразу после траура забываются в заботах да житейской суете. Здесь не то. Ежегодно в день рождения профессора собирается его кафедра и помянуть, и вспомнить. И как тут не вспомнить слова Джордано Бруно: «Там обо мне будут верно судить, где научное исследование не есть безумие, где не в жадном захвате – честь, не в обжорстве – роскошь, не в злобе – благоразумие, не в предательстве – любезность, не в обмане – осторожность, не в притворстве – умение жить, не в тирании – справедливость, не в насилии – суд».

О нем судили верно. О нем еще будут писать, в том числе и серьезные научные труды. Совсем недавно прошла защита кандидатской диссертации на тему о его исторических взглядах. Это только начало. Его собственные неопубликованные работы наверняка увидят свет. Как говорится, всему свой срок.

Будет ли в дальнейшем развиваться его научная школа? В этом есть полная уверенность, хотя бы потому, что живет и действует его родной исторический факультет, выпуская каждый год новых специалистов-историков.

Наука не стоит на месте, даже если это история, которая в какой-то части своей изучает прошлое. Не устарели ли идеи профессора? Через несколько лет после его ухода часть его неопубликованных материалов увидела свет и поразила своей свежестью и актуальностью.

В кабинете, который назван его именем, теперь проходят научные сессии, конференции. В библиотеке всегда многолюдно... Студенты готовятся к семинарам и экзаменам по его книгам.

Знаете, о чем мечтал первооткрыватель новых земель Колумб – найти обетованную землю. Открыв Америку, он все-таки с горечью произнес на закате своей жизни: «Я не нашел нигде в книгах указания о местонахождении земного рая». И пусть не взыщет строго читатель за параллели, между которыми века, профессор, кажется, его нашел. Только не рай, не обетованную Землю, а область наибольшего бескорыстия. И был счастлив своей жизнью и всем, что в этой жизни любил.

«Александровский централ» Ф.А. Кудрявцева

Имя Федора Александровича Кудрявцева прочно связано со становлением и развитием в Иркутске регионального центра (наряду с Новосибирском, Томском, Омском, Улан-Удэ и Читой) изучения истории царской политической каторги и ссылки в Сибирь.

Судьбе было угодно распорядиться так, что, родившись и живя в Олонках, Ф. Кудрявцев заинтересовался историей пребывания в этом селе ссыльного декабриста В.Ф. Раевского, а затем, будучи студентом Иркутского университета, выполнил под руководством Б.Г. Кубалова дипломное сочинение под названием «Восстание поляков на Кругобайкальском тракте в 1866 г.».

С тех пор Ф.А. Кудрявцев к теме политической тюрьмы, каторги и ссылки» обращался постоянно, опубликовав в общей сложности более десяти статей по данной проблематике. Однако особое место в этой серии исследователя принадлежит монографии «Александровский централ».

Изучение творческого наследия Ф.А. Кудрявцева, как и самой Александровской каторжной тюрьмы, имеет свою историю¹. Отрадно отметить, что в историографии темы имеется и два диссертационных исследования Н.Н. Быковой и С. В. Бильдуевой²².

¹ См., например: Гаращенко А. Александровский завод – Александровское селение (середина XVIII века – конец 1950-х годов) // Мозаика Иркутской губернии. Старинные селения Приангарья: очерки истории и быта XVIII – нач. XX вв.: Сб. статей. – Иркутск, 2007. – С. 91–191; Ульяновский В. Александровская центральная каторжная тюрьма // Сибирская советская энциклопедия. В четырех томах. Т. 1. – Новосибирск, 1929. – С. 57–58; и др.

² Бильдуева С.В. Профессор Федор Александрович Кудрявцев – исследователь истории Сибири : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. – Улан-Удэ, 2005. 265 с.; Быкова Н.Н. История Александровского централа (1900–февраль 1917 гг.) : Автореф. дисс. ...к. ист. наук. – Иркутск, 1998. – 30 с.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на год издания книги – 1936-й. До середины 1930-х годов тема политической каторги и ссылки в Сибирь активно изучалась, после февраля 1917 г. были написаны сотни разноплановых и разножанровых исследований – от небольших заметок, воспоминаний, до серьезных научных статей и книг. Активно работало Всесоюзное общество бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев. Только одно Центральное бюро историко-исследовательских секций Общества располагало к 1934 г. свыше 60000 карточек-аннотаций на революционеров, прошедших царскую тюрьму, каторгу и ссылку, в том числе 1500 карточек были составлены по Александровскому централу¹.

В эти годы тема политической тюрьмы, каторги и ссылки имела особое звучание: недалекое прошлое было «осязаемым», еще живы были участники тех легендарных событий, а пример тех героических лет широко использовался в пропагандистских и воспитательных целях. В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин, Я.М. Свердлов, Ф.Э. Дзержинский, большинство «видных» политических и государственных деятелей прошли проверку на прочность сибирской ссылкой, а значит, исследование истории политической «тюрьмы без решеток» было важной государственной и идеологической задачей.

Однако со второй половины 1930-х годов темпы исследования политической ссылки в Сибирь заметно замедлились: слишком много вчерашних героев, «ссылных пролетарских революционеров» оказались «врагами народа». В 1935 г. прекратило свою деятельность Всесоюзное Общество политкаторжан, а изучение истории каторги было практически закрыто. В этих условиях выбор темы исследования истории политической каторги и ссылки требовал немалого мужества, твердости характера, принципиальности и последовательности, наконец, преданности и любви к своей профессии. Всеми этими качествами, думается, и обладал Ф.А. Кудрявцев.

¹ Васильева Н.Ф. Научно-исследовательская деятельность Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Сибирская ссылка: Сборник научных статей. – Иркутск, 2003. – Вып. 2 (14). – С. 45.

Чем же интересна сегодня для нас книга Федора Александровича? Попробуем, хотя бы коротко отметить ее достоинства.

Прежде всего «Александровский централ» – гораздо шире заявленной, как принято говорить, «точечной» темы. Не случайно, один из разделов книги Ф.А. Кудрявцев назвал «Из истории сибирской каторги». Автор дает понятие «каторги», определяет виды принудительных работ. Книга содержит и подробный экскурс в историю сибирской ссылки. Автор пишет о первых царских указах, регламентировавших каторгу, подробно описывает знаменитый путь в Сибирь, который осужденные преодолевали в ручных и ножных кандалах. Есть в книге и подробный рассказ о восстании ссыльных поляков на Кругобайкальском тракте.

Необходимо отметить и достаточно внушительную и источниковую базу книги. Прежде всего, это архивные материалы, многие из которых введены, по всей видимости, в научный оборот впервые, фонды Главного управления Восточной Сибири, Иркутского губернского правления, фонд губернского жандармского управления; широко использованы в работе воспоминания, опубликованные в журнале «Каторга и ссылка» газете «Власть труда»; специальные исследования, взятые из «Тюремного вестника»; статьи и книги Н.Н. Козьмина, С.В. Максимова, М.В. Нечкиной, Ем. Ярославского, М.Н. Покровского. Приведенный перечень свидетельствует об эрудиции автора, а также о научной обоснованности его труда.

Постоянно стараясь расширить рамки своей, казалось бы «частной» темы, Ф.А. Кудрявцев исследует динамику численности политических заключенных и приходит к примечательному выводу, что «каторга и ссылка в Восточной Сибири становилась своеобразным барометром революционного движения, происходившего в центре: чем выше поднималась революционная волна, тем больше политических каторжан и ссыльных, при ее отливе, появлялось в крае... Такое же явление наблюдалось и в Александровской каторге»¹.

Настоящее положение имеет важнейшее значение для изучения истории политической борьбы в России начала XX века. Это – и своеобразный ключ к исследованию проблем политиче-

¹ Александровский централ. – Иркутск, 1936. – С. 12.

ской ссылки и каторги в Сибирь. Положение позволяет верно оценить причины и сроки появления в ссылке тех или иных партийных группировок, понять смысл их разногласий, определить различия оппозиционных движений. Наконец, данное положение является определяющим и в области периодизации сибирской ссылки.

Положение само по себе является верным и сегодня. Однако его примечательность заключается не в этом, а в том, что советская историография всегда приписывала его В.И. Ленину. Действительно, в работе «По поводу двух писем», говоря о необходимости идейного и организационного размежевания с «попутчиками революции», Ленин задолго до Кудрявцева проиллюстрировал свою мысль «составом тюремного населения.., т.е. составом публики, находящейся в тюрьме, ссылке, каторге и эмиграции по политическим делам. Ведь этот состав правильно отражает действительность вчерашнего дня»¹.

Интересно, знал ли Федор Александрович эту небольшую ленинскую работу, или вывод о «барометре» его собственный? Сегодня об этом трудно сказать категорично и наверняка, однако примечательно: в книге лишь в последней части появляются цитаты из ленинских произведений, что для 1936 г. уже само по себе является необычным.

А вот еще одно интересное положение. Одним из первых советских историков Ф.А. Кудрявцев указывает на двоякую цель сибирской ссылки: с одной стороны, уголовная ссылка выступала как карательная мера, направленная на наказание и изоляцию преступника, с другой – была средством для колонизации обширного края. Похоже, у Ф.А. Кудрявцева не было сомнений в определении роли каторжан в экономическом освоении края. Он указывает на то, что ссылные работали на всех крупных добывающих и железоделательных заводах региона – Усольском, Усть-Кутском, Селенгинском солеваренных, на предприятиях Нерчинского горного округа, Тельминской суконной фабрике, строили дороги, участвовали в сооружении Транссиба. Более тысячи каторжных в первой половине XIX века использовались и на Александровском винокуренном заводе. Таким образом, уголовная ссылка для Кудрявцева – важный фактор освоения региона. Отметим, что

¹ Ленин В.И. По поводу двух писем // ПСС. Т. 17. – С. 293.

для отечественной историографии этот вопрос, поднятый еще Н.М. Ядринцевым, остается дискуссионным и сегодня¹.

Книга Ф.А. Кудрявцева посвящена не только «ссылной» теме или истории тюрьмы. Автор подробно пишет о зарождении социал-демократических кружков в Иркутске, о создании «Сибирского союза РСДРП», о стачечном движении в Красноярске, Чите, Верхнеудинске. Им названы десятки имен руководителей и рядовых участников революционного движения и политических ссыльных. Для того времени это было настоящим научным открытием.

Ф.А. Кудрявцев первым исследует режим содержания заключенных, он подробно рассказывает о подготовке побегов, многочисленных протестах, борьбе политических за свои права. Его рассказы написаны живым ярким и доступным языком, избилуют многочисленными подробностями и интересными деталями. Можно представить, какое воспитательное значение имела книга Ф.А. Кудрявцева и для школьников, тем более, что ее заявленный тираж составлял довольно внушительную цифру – 15000 экземпляров.

Есть в работе и отдельные слабые места, объяснимые начальным периодом изучения этой темы, отсутствием разработанных и обобщенных архивных данных, а также партийным диктатом и идеологизированностью всей исторической науки. Например, сегодня вызывают сомнения некоторые количественные показатели сибирской политической ссылки, приводимые в книге. Так Ф.А. Кудрявцев, говоря о событиях 1905 г., утверждает, что накануне революции за Уралом было 35000 политссыльных, а к 1907 г. эта цифра увеличилась до 74275 человек, т.е. более чем в два раза. Эти многократно завышенные данные встречаем и в третьем томе «Истории Сибири (Раздел «Политическая ссылка и революционное движение в Сибири. 1907–1910 гг». написан В.Г. Тюкавкиным)². А.Б. Вентин, известный дореволюционный специалист этой

¹ См., например: Кузнецов А.С. Царизм и политика «штрафной колонизации» Сибири в конце XVIII – первой половине XIX века (историографический и методологический аспекты) // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века: Сб. науч. тр. – Иркутск, 1984. – С. 86–99.

² История Сибири. Т. III. – Л., 1968. – С. 327.

проблематики, ссылаясь на сведения МВД, приводит другие показатели: в 1908 – 9343, в 1909 г. – 8129 человек¹. Другой исследователь, И. Ларский, дает несколько иные цифры ссыльных: конец 1908 г. – 22568 политических, середина 1909 г. – 16070 человек².

Чьи данные заслуживают большего доверия Вентина или Ларского? По всей видимости, первого, хотя и они представляются завышенными. Это подтверждают исследователи советского периода, и в первую очередь, Н.Н.Щербаков, строивший свои выводы на основе привлечения широкого круга документальных, и прежде всего, архивных источников. По подсчетам ученого, к 1912-му, самому «урожайному» году в Сибири находилось около 5000 политических ссыльнопоселенцев, чуть более 3000 – административно-ссыльных и 925 каторжан – всего около 8950 человек³.

Время, господствовавшая в стране идеология, естественно, наложили свой отпечаток на некоторые выводы и положения книги Ф.А. Кудрявцева. Страницы исследования изобилуют картинками тяжелой безотрадной жизни каторжан, бесчеловечных условий их содержания, непосильного, губительного для здоровья «рабского» труда, физического насилия над заключенными. Безусловно, изоляция за стенами тюрьмы, отсутствие «свежего» воздуха, переполненность камер, вынужденное общение – все это было суровым испытанием для молодого, ещё неокрепшего организма ссыльного. Однако, не надо забывать и о том, что «политики» всегда жили своей коммунаой, имели выборный совет самоуправления, их называли исключительно на «вы», они носили свое платье, не снимали головного убора при появлении начальства, телесные наказания к ним не применялись. Да и каторжного труда, как, впрочем, и труда любого как такового, там не было. Даже порядок в тюремной камере «политиков» наводили уголовные арестанты.

¹ Вентин А. Б. К статистике репрессий в России (из итогов 1908–1909 гг.) // Современный мир. – 1910. – № 4. – С. 54–75.

² Ларский И. Современный мир. – 1910. – № 4. – С. 75–92.

³ Щербаков Н.Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири (1907–1917 гг.) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февр. 1917 г.). – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1973. – Вып. 1. – С. 209–218.

В качестве разоблачения «лицемерия царского правительства», заявлявшего об отсутствии в тюрьме телесных наказаний, Ф.А. Кудрявцев широко цитирует отрывки из опубликованной работы смотрителя тюрьмы Ф. Савицкого, «грозившего» арестантам расправой. Между тем, есть у Савицкого и другие строки. К сожалению, их Федор Александрович по понятным сегодня причинам оставляет без внимания. Смотритель пишет как раз о специфике работы тюремного служителя с политическими каторжанами и осужденными за государственные преступления. Занимая свою должность продолжительное время, автор в совершенстве освоил порядок службы и правила тюремного дела. Вот почему Савицкий с полным основанием может сравнивать организацию тюремного режима до революции 1905 г. и после. И сравнение это не в пользу последнего периода.

После 1905 г., как пишет автор, на тюрьму «стала властно реагировать смута общественной жизни. Как исполнять законы? Прямым путем, т.е. неукоснительно, – на всю империю бы подняли газетный гвалт». В этот период тюремная служба стала сложной, потребовала от служителей наивысшего напряжения все их сил¹.

В качестве примера сложности работы бывший смотритель повествует о партии арестантов, попавших в тюрьму из Иркутска, после ареста около 200 социал-демократов и эсеров в 1905 г. на «Детской площадке». «Весь этот «смак», – говорит Савицкий, – был препровожден в пустовавшую до того времени каторжную тюрьму, где ему были приготовлены 8 больших камер. Арестованные игнорировали начальство тюрьмы, не вставали при поверке, не оказывали чинам администрации элементарных правил вежливости. В камерах читались лекции по социализму, распевались революционные песни, ставились даже импровизированные спектакли и «социалистические мистерии».

Автор нисколько не утрирует обстановку в тюрьмах тех лет. Политические каторжане, ссыльные или арестанты всегда боролись с тюремной администрацией, требуя к себе особого отношения. Всячески дистанцируясь от уголовных пре-

¹ Савицкий Ф. Побег арестантов из Александровской каторжной тюрьмы // Тюремный вестник. – 1909. – № 5. – С. 608–631.

ступников, «политики» довольно часто добивались для себя непредусмотренных общим тюремным режимом льгот и привилегий.

Ситуация, по мысли Ф. Савицкого, стала изменяться к лучшему лишь к 1907 г. Арестантское своеволие встречало твердый отпор. Относясь справедливо и честно к своим обязанностям, тюремные служащие постепенно приучили арестантскую вольницу видеть в них авторитетную силу.

Очерк Савицкого примечателен для современного исследователя каторги и политической ссылки в Сибирь еще и тем, что он дает представление о слугителе тюрьмы не только как о чиновнике, но и как о «простом», обремененном бытовыми проблемами, жилищными неурядицами, имеющим низкий заработок человеке. Ему чужды революционность и радикализм политических ссыльных, совершенно непонятны их партийные и программные разногласия, как непонятна восторженность, с которой к ним относится немалая часть общества. Для него ссыльные – государственные преступники, которых надлежит содержать в тюрьме или на поселении, строго соблюдая при этом требования закона.

С очерком Савицкого перекликается и служебная записка И. Лятоскевича, поданная А.П. Соломону летом 1898 г., а затем опубликованная в «Тюремном вестнике». Это – подробный отчет о состоянии тюрьмы. Автор приводит множество интересных данных: о количестве арестантов, занятости трудом, социальном составе, медицинском обслуживании, питании. Указано, что в одной из камер устроена библиотека-читальня, являющаяся одновременно и школой для неумеющих читать и писать. Только в 1897 г. здесь научились грамоте 64 человека. По праздникам коллективные чтения собирают до 150 человек¹.

Книга Ф.А. Кудрявцева интересна и примечательна с нескольких позиций. Если ее внимательно перечитывать, то непременно заметишь сходство с некоторыми диссертационными исследованиями советского периода 1950–70-х гг., посвященными истории отдельных тюрем царской России. Наверное, на их структуру, подбор материала оказала влияние работа

¹ Лятоскевич И. Александровская каторжная тюрьма // Тюремный вестник. – 1901. – № 8. – С. 390–406.

Ф.А. Кудрявцева. В этих диссертациях также есть описание содержания, быта заключенных, даны случаи борьбы с тюремной администрацией, рассказано об отдельных побегах.

Как сегодня оценить этот факт? Хорошо это или плохо? История как наука не может развиваться «с чистого листа». Исследователь всегда использует опыт своих предшественников. Новое поколение ученых опирается на знания своих учителей. В этом – преемственность научных знаний. И это правильно. Другое дело, что историческая наука в советский период была крайне политизирована (старшее поколение исследователей хорошо помнит, что темы диссертаций по гуманитарным наукам, а по истории – в первую очередь, утверждались на заседаниях партийных комитетов). Вот и появлялись как под копирку структурированные исследования. В любом случае необходимо признать, что книга Ф.А. Кудрявцева «Александровский централ» стала заметным явлением в разработке настоящей проблематики, внесла весомый вклад в изучение особенностей репрессивной политики Российского государства в Сибири, оказала существенное, благотворное влияние на поколения новых историков. И сегодня эта работа представляет немалый интерес для специалистов.

Рецензии

*Иванов А.А.,
Петрушин Ю.А.*

История ссылки участников Январского польского восстания 1863–1864 гг. как предмет современного исследования

В богатой событиями и именами истории политической ссылки в Сибирь польская ссылка занимает особое место. Это место определено как ее масштабами, так и влиянием на сибирское общество. На протяжении нескольких веков Сибирь служила для поляков местом изгнания, страной-чужбиной. В XVI–XVII веках они попадали за Уральский камень в качестве военнопленных, затем – как защитники своей государственной независимости, повстанцы против русского господства в Польше.

Изучение польской ссылки в Сибирь имеет свою, не менее богатую историю: этой проблематике посвящены сотни разноплановых научных и публицистических статей и монографий. Однако эта тема далека от своего завершения. В ней, как указано в предисловии рецензируемого нами сборника, «сохраняются весьма значительные лакуны и «белые пятна», а дальнейшее изучение польской ссылки требует сегодня от исследователей «разработки концептуального комплексного подхода на современном научном уровне».

Использование комплексного подхода как главного инструмента в изучении этой темы, хорошо прослеживается из анализа материалов международной научной конференции, прошедшей в Иркутске в сентябре 2007 г. под названием «Актуальные вопросы истории сибирской ссылки участников Январского польского восстания 1863–1864 гг.». На ней были заявлены

и представлены доклады и сообщения ученых-исследователей из России и Польши, а также участников общественных полонийных организаций Сибири и Урала. На основе материалов этой конференции был сформирован и издан сборник разноплановых научных статей. Не претендуя на всесторонний анализ материалов сборника (это невозможно сделать в короткой рецензии), остановим ваше внимание на наиболее интересных теоретико-методологических и историографических аспектах изучаемой темы.

Это, прежде всего источниковедческая составляющая проблемы как основа ее дальнейшего исследования. В сборнике анализируются самые разноплановые материалы, как письменные источники (научные записки, мемуары, эпистолярное наследие), так и фотографии из собрания исторического музея Варшавы, история живописных полотен А. Сохачевского, материалы семейных архивов. Немалая часть этих и многих других источников неизвестна отечественным исследователям, тем большую ценность приобретает настоящее издание.

Значительный интерес в сборнике вызывают и публикации по конкретной исторической проблематике. Авторы анализируют ход и последствия восстания на Кругобайкальском тракте (1866), исследуют пребывание поляков не только в Сибири, но и в Оренбургском крае и на Урале. Вызывает интерес, например, статья М.Р. Новоселовой, посвященная изучению вклада польских ссыльных в экономическое и культурное развитие Иркутска. Мы солидарны с автором в том, что польские изгнанники принесли «на сибирскую почву семена культуры», способствовали развитию ремесел, явились родоначальниками некоторых отраслей местной промышленности, кондитерского или гостиничного предпринимательства.

Отрадно, что авторы сборника говорят не только о влиянии поляков на сибирских жителей или о перипетиях их пребывания среди местных крестьян. Другая сторона проблемы – взаимовлияние и взаимопроникновение двух культур – также находится в поле внимания исследователей. Тем самым авторы сборника продолжают традиции изучения этой темы, заложенные еще Михаилом Яником в изданной им в далеком 1928 г. книге «История поляков в Сибири». Именно он отметил, то, что возвратившиеся после амнистии 1883 г. «польские сибир-

ряки» привнесли в польское общество «своевольный дух», готовность бороться за политические свободы как Польши, так и России в целом. Именно М. Яник вводит в научный оборот и понятие «польско-сибирская история», подчеркивая тем самым, что пребывание поляков в далеком и суровом крае, на окраине Российской империи – важнейшая составная часть истории самой Польши.

Январское польское восстание 1863–1864 гг. привлекло к себе внимание многих авторов. Вокруг этого события давно сложилась значительная историография. Однако, согласимся с известным исследователем темы профессором Б.С. Шостаковичем, что комплексного историографического анализа вопроса и даже полной библиографии по данной теме еще не подготовлено. С этой точки зрения, в статье профессора Б.С. Шостаковича предпринята попытка рассмотреть проявившиеся в указанном тематическом русле основные историографические тенденции и этапы как ориентиры будущего специального историографического очерка по настоящей проблематике.

К начальной стадии развития литературы по истории пребывания поляков в Сибири автор относит статьи и публикации конца XIX века, когда реальные события еще были свежи в памяти современников. К ним принадлежат как российские публикации, так и работы польских авторов. Для этого этапа характерно издание материалов преимущественно мемуарного и мартирологического характера. К ним примыкает летописание краеведов-библиофилов (Н.С. Романов). Шел процесс накопления конкретно-исторических данных и первичного их осмысления.

С начала 1920-х гг., когда в Сибири стали формироваться центры высшего образования, укрепились архивы и другие научные учреждения, появились кадры профессиональных историков, началось более глубокое научное изучение этой тематики. Одной из первых работ в этом направлении стало исследование историка-архивиста Ф.А. Кудрявцева, впоследствии именитого иркутского профессора.

Следующий, наиболее интенсивный этап исследования темы разворачивается с конца 1950-х гг. Он совпадал с периодом «оттепели» и благоприятно сказался на отечественной историографии. В этот период нарастает поток публикаций польских

исследователей по теме. Одновременно происходит некая «конвергенция» марксистской методологии в советско-польское историческое сообщество, повлиявшая на содержание и познание революционных событий вообще, и Сибири, в частности. Зарождается и входит в отечественную и польскую историографию концепция о тесных «русско-польских революционных связях», в контексте которой осуществлялся процесс изучения истории Кругобайкальского восстания поляков.

Конечно, в этот период продолжался процесс накопления новых источников, обогащавший историческую науку знаниями революционных событий, но вместе с тем, разворачивался этап появления мифологем, не подтвержденный эмпирическими данными, вокруг которых «разворачивались дискуссии». Суть их сводилась к безоговорочному и слабо аргументированному в документальном отношении тезису о постоянно крепнувшем в сибирской ссылке русско-польском революционном партнерстве во главе с известными российскими деятелями. Отсюда преувеличивалось значение конспиративной и координирующей деятельности революционных сил, собранных в один поток без разделения политических оттенков, без учета их разнонаправленности, игнорировалась роль духовенства в формировании мировоззрения участников освободительного движения. Эти «наслоения» несколько исказили реальную картину деятельности ссыльных в Сибири.

Часть авторов рецензируемого сборника приводят и обобщающие количественные показатели ссылки участников Январского восстания 1863–1864 гг. в Сибирь – почти 20 тысяч человек. Как видим, речь идет о массовой ссылке. Между тем отечественная историография политической ссылки в Сибирь до сих пор не пересматривает сложившуюся еще в советский период периодизацию этого явления. Данная периодизация исходит из статьи Я.М. Свердлова «Массовая ссылка» (1916), написанной им в Туруханском крае. В ней Свердлов делит ссылку на народническую и пролетарскую. При этом, первый период, по его мысли, дал лишь «единицы ссыльных революционеров», тогда как второй – «саму массу». О польской ссылке Свердлов даже не упоминает, как, впрочем, и о декабристской.

Тезис Я.М. Свердлова о начале массовой политической ссылки после революции 1905–1907 гг. был взят на вооружение и

развит советской историографией. Между тем, хорошо известно, что даже в годы первой мировой войной, когда политическая ссылка стала, действительно «бытовым» явлением – в Сибири было не больше 13 (Н.Н. Щербаков) – 16 (Э.Ш. Хазиахметов) тысяч ссылных, т.е. меньше, чем в 1860-х гг. Следовательно, началом действительно массовой политической ссылки следует считать ссылку участников Январского восстания, и вся периодизация репрессивной политики российского государства будет выглядеть иначе.

В настоящее время происходит освобождение от надуманных схем и мифологем в истории политической ссылки в Сибирь. Для успешного продвижения в познании этого сложного и многопланового явления необходимо решать следующие задачи.

1. Интенсифицировать процесс познания истории политической ссылки в Сибирь.

2. Наравивать усилия по разработке теоретико-методологических и историографических работ по теме.

3. Помимо конкретно-исторических и историографических исследований следует, на наш взгляд, развернуть работу по изданию научно-справочных материалов по теме, документов, проливающих новые знания на эту тематику.

Думается, настоящее издание не останется незамеченным специалистами, изучающими историю каторги и ссылки в Сибирь, найдет отклики и среди членов общественных организаций, исследующих и развивающих российско-польские отношения.

Сведения об авторах

Андреев Виктор Михайлович, к. ист. н., доцент кафедры политологии и отечественной истории исторического факультета ИГУ.

Ануфриев Александр Валерьевич, заместитель директора ОГУ «Государственный архив Иркутской области», старший преподаватель кафедры истории России исторического факультета ИГУ.

Бобков Анатолий Кириллович, доцент кафедры теории и практики журналистики, соискатель кафедры политологии и отечественной истории исторического факультета ИГУ.

Бодяк Марина Германовна, к. ист. н., доцент кафедры философии, социологии и истории Иркутской государственной сельскохозяйственной академии.

Васильева Наталья Федоровна, к. ист. н., доцент кафедры политологии и отечественной истории исторического факультета Иркутского государственного университета.

Волочаева Анна Владимировна, ассистент кафедры истории Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского.

Гаращенко Алексей Николаевич, редактор журнала «Земля Иркутская».

Гольдфарб Станислав Иосифович, д. ист. наук, профессор, заведующий кафедрой связи с общественностью и

рекламных технологий Иркутского государственного университета.

Гусарова Татьяна Олеговна, кандидат исторических наук, подполковник внутренней службы, заместитель начальника учреждения Управления Федеральной службы исполнения наказаний России по Республике Бурятия.

Дамешек Лев Михайлович, заслуженный деятель науки России, заведующий кафедрой истории России ИГУ, д. ист. н., профессор.

Дацышен Владимир Григорьевич, д. ист. н., профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Дмитриев Дмитрий Иванович, канд. ист. наук, доцент Иркутского государственного лингвистического университета.

Елеуханова Светлана Викторовна, к. ист. н., доцент кафедры истории Казахстана Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букегова.

Занданова Лариса Викторовна, д. ист. н., профессор, заведующая кафедрой истории России ГОУ ВПО «Вост.-Сиб. гос. академия образования».

Зуляр Юрий Анатольевич, д. ист. н., профессор, заведующий кафедрой политологии и отечественной истории исторического факультета ИГУ.

Иванов Александр Александрович, д. ист. н., профессор кафедры политологии и отечественной истории исторического факультета ИГУ.

Исачкин Сергей Павлович, д. ист. н., профессор кафедры истории, философии и культурологии Омского государственного университета путей сообщения.

Казарин Виктор Николаевич, д. ист. н., профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Юридического института Иркутского государственного университета.

Казарян Павел Леонович, д. ист. н., академик РАЕН, профессор, ведущий научный сотрудник Якутского государственного университета.

Какоурова Наталья Аркадьевна, к. ист. н., доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института ИГУ.

Калашникова Светлана Ивановна, к. ист. н., майор милиции, заместитель начальника Учебного центра УФСИН России по Республике Бурятия.

Кудряшов Василий Васильевич, к. ист. н., доцент, заведующий кафедрой истории ГОУ ВПО «Братский государственный университет».

Кузнецов Сергей Ильич, д. ист. н., профессор, заведующий кафедрой мировой истории и международных отношений исторического факультета ИГУ.

Курас Леонид Владимирович, д. ист. н., профессор, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.

Курас Софья Леонидовна, к. ист. н., ст. преподаватель кафедры правоведения Иркутского государственного университета путей сообщения.

Курас Татьяна Леонидовна, к. ист. н., доцент кафедры правосудия и прокурорского надзора Юридического института ИГУ.

Максимова Валентина Николаевна, к. ист. н., доцент кафедры истории ГОУ ВПО «Братский государственный университет».

Метлин Северьян Анатольевич, аспирант кафедры истории России ГОУ ВПО «Вост.-Сиб. гос. академия образования».

Мильбах Владимир Спартакович, д. ист. наук, профессор Михайловской артиллерийской академии, г. Санкт-Петербург.

Мицкевич Эдуард Васильевич, советник генерального директора страховой компании РОСНО–МС.

Мошкина Зоя Вениаминовна, д. ист. н., профессор ЧитГУ, г. Чита.

Наумов Игорь Владимирович, д. ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории ИрГТУ.

Никулина Ирина Николаевна, д. ист. н., профессор кафедры «Реклама и культурология» Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (г. Барнаул).

Олгаржевский Владимир Павлович, д. ист. н., профессор кафедры мировой истории и международных отношений исторического факультета ИГУ.

Петрушин Юрий Александрович, д. ист. н., профессор, заведующий кафедрой современной отечественной истории исторического факультета Иркутского государственного университета.

Плюта Кирилл Викторович, соискатель кафедры политологии и отечественной истории исторического факультета ИГУ.

Сальникова Елена Сергеевна, к. ист. н., доцент кафедры истории ИрГТУ.

Суш Сергей Петрович, кандидат исторических наук, полковник внутренней службы, начальник Управления Федеральной службы исполнения наказаний России по Республике Бурятия.

Степанова (Шенмайер) Наталья Григорьевна, к. ист. н., доцент кафедры философии, социологии и истории Иркутской государственной сельскохозяйственной академии.

Сысоев Алексей Александрович, доцент КТС и ОП ФГОУ «Восточно-Сибирский институт МВД РФ», к. ист. н., подполковник милиции.

Тушемилов Максим Владимирович, аспирант Института монголоведения буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, г. Улан-Удэ.

Филатов Александр Вадимович, аспирант кафедры истории России исторического факультета ИГУ.

Чернова Ирина Владимировна, к. ист. н., доцент кафедры этики, эстетики и культурологии Института искусств и культуры Томского государственного университета.

Чувашова Екатерина Иннокентьевна, к. ист. н., психолог фирмы «Энергосбыт» ОАО Иркутскэнерго.

Шайдурова Галина Александровна, преподаватель истории МОУ «Лицей № 1», г. Братск.

Шахеров Вадим Петрович, к. ист. н., доцент кафедры истории России исторического факультета ИГУ.

Шахерова Светлана Леонидовна, к. ист. н., доцент кафедры истории России ГОУ ВПО «Вост.-Сиб. гос. академия образования».

Шиловский Михаил Викторович, д. ист. н., профессор Института истории Сибирского отделения РАН.

Шостакович Болеслав Сергеевич, д. ист. н., профессор кафедры мировой истории и международных отношений исторического факультета ИГУ.

Оглавление

Предисловие	3
-------------------	---

Проблемы источниковедения и историографии истории сибирской ссылки

Шостакович Б.С.

Документальные источники по истории политической ссылки поляков в Сибирь до 1917 г. в архивах региона: современная оценка состояния и задач их научного освоения.....	7
---	---

Ануфриев А.В.

Австро-венгерские военнопленные в Иркутске (обзор фондов Государственного архива Иркутской области)	19
---	----

Курас С.Л.

Проблемы реформирования уголовно-исполнительной системы на страницах дореволюционных и современных ведомственных изданий.....	29
---	----

Исачкин С.П.

Идейное и организационное содержание объединений ссылных социал-демократов Якутска (Советская историография).....	37
---	----

Сальникова Е.С.

Периодическая печать об уголовной ссылке в Восточную Сибирь 80-90-х гг. XIX века.....	51
---	----

Васильева Н.Ф.

Роль рецензий в становлении журнала «Каторга и ссылка»	59
--	----

Курас Л.В.

Запретная пограничная зона и правила въезда и проживания на территории Дальне-Восточного края, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР (1938–1954 гг.).....	72
--	----

Развитие пенитенциарной системы Российской империи и Сибирь

Шахеров В.П.

Декабрист В.И. Штейнгейль и вопросы совершенствования уголовного и гражданского законодательства в России	90
---	----

Сысоев А.А.

Сибирское общество в контексте пенитенциарной политики Российского самодержавия	108
---	-----

<i>Тушемилов М.В.</i>	
Становление полицейской системы в Сибири (XIX – начало XX вв.)	123
<i>Чернова И.В.</i>	
Реорганизация пенитенциарной системы и разделение функций тюремного ведомства и полиции (на примере Томской губернии)	135
<i>Казарян П.Л.</i>	
Административная расправа по политическим мотивам в России (конец XIX – начало XX вв.)	144
Калашникова С.И.	
Реформирование правоохранительных органов России в конце XIX – начале XX веков.....	158
Курас Т.Л.	
Вопросы деятельности судебных палат в Российской империи	167
Мицкевич Э.В.	
Институт почетных мировых судей округа Иркутской судебной палаты (конец XIX – начало XX вв.)	183
Шахерова С.Л.	
Присяжная адвокатура Восточной Сибири: состав и территориальное распределение (1885–1917 гг.)	192
Плюта К.В.	
Антитеррористическая политика российского правительства во второй половине XIX – начале XX вв.	206

**Вопросы истории политической и уголовной каторги
в Сибири в дореволюционный период**

Дамешек Л.М., Филатов А.В.	
Содержание, правовое и материальное положение заключенных каторжных тюрем Восточной Сибири.....	223
Степанова (Шенмайер) Н.Г.	
Правовое регулирование сибирской каторгив первой половине XIX века	240
Гарашенко А.Н.	
Из истории положения каторжных на Александровском винокуренном заводе	251

Бодяк М.Г. Проблема кадрового обеспечения тюрем Нерчинской каторги на примере Зерентуйской каторжной тюрьмы.....	271
Дмитриев Д.И. История политической каторги Восточной Сибири в 1895–1905 гг.	295
Мошкина З.В. Из истории формирования женской политической каторги в России.....	304
Максимова В.Н. Политическая каторга в Сибири в 1906 – 1917 гг.: гендерный аспект.....	312
Шайдурова Г.А. Приют для арестантских детей при Иркутской губернской тюрьме в 60-80-гг. XIX столетия	328
Волочаева А.В. Численность и состав преступников Нерчинской уголовной каторги во второй половине XIX века	336

Конкретные аспекты истории политической ссылки в Сибирь в дореволюционный период

Бобков А.К. Публицистика ссыльных декабристов и её влияние на сибиряков.....	373
Кудряшов В.В. Ссыльные меньшевики и мировая война.....	388
Никулина И.Н. Из истории политической ссылки на Алтайв XIX в. (20-е – 90-е гг.)	403
Андреев В.М., Чувашова Е.И. Террористические акты и экспроприации ссыльных анархистов Восточной Сибири как одна из форм борьбы против политики, проводимой сибирской администрацией по отношению к ссыльным (1907 – февраль 1917 гг.).....	417

Сибирская ссылка как инструмент политических репрессий и депортационной практики советской эпохи

Зуляр Ю.А. Жизнь и наука сквозь репрессии (к 130-летию со дня рождения В.Ч. Дорогостайского)	436
--	-----

Кузнецов С.И. Репрессированные востоковеды Иркутского университета: Н.П. Мацокин и Е.С. Нельгин.....	451
Наумов И.В. Спецпереселенцы в Восточно-Сибирском крае(1930-1936 гг.)	463
Мильбах В. С. Политические репрессии командно-начальствующего состава Сибирского военного округа, 1937–1938 гг.....	468
Дацышен В.Г. Политические репрессии и китайцы в СССР	480
Занданова Л.В., Метлин С.А. Спецпереселение немцев Поволжья и Ленинграда в Приангарье: депортационная политика, переселенческие и адаптационные процессы (1941–1945 гг.).....	504
Елеуханова С.В. Военизированная охрана Карлага как составная часть ГУЛАГА.....	518
Какоурова Н.А. Кадровый состав органов суда и прокуратуры Иркутской области в 1930-е годы.....	531
Казарин В.Н. Деятельность Иркутского областного суда по рассмотрению и разрешению дел о «контрреволюционных преступлениях» и уголовных дел в 1950-е гг.	545
Из истории пенитенциарной системы в Сибири в постсоветский период	
Гусарова Т.О. Некоторые вопросы организации производственной деятельности в местах лишения свободы Бурятии в конце 90-х гг. XX века	559
Суш С.П. Современное состояние системы исполнения наказаний Республики Бурятия	564
К 110-летию со дня рождения Ф.А. Кудрявцева	
Материалы заседания «круглого стола»	572
Гольдфарб С.И. Область бескорыстия.....	587

Иванов А.А. «Александровский централ» Ф.А. Кудрявцева	599
--	-----

Рецензии

Иванов А.А., Петрушин Ю.А. История ссылки участников Январского польского восстания 1863–1864 гг. как предмет современного исследования.....	608
Сведения об авторах	613

СИБИРСКАЯ ССЫЛКА

Сборник научных статей
Выпуск 5 (17)

Издается в авторской редакции

Издательство «Оттиск». Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.

Подписано в печать 23.11.2009 г. Формат 60x84 ¹/₃₂

Гарнитура SchoolBook. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 39,93. Уч.-изд. л. 36,6.

Тираж 200 экз. Заказ № 485.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
664025, г. Иркутск, ул.5-й Армии, 26.
Тел./ факс: (3952) 34-32-34